



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Р. С. Лав. 2, 36, 4 (1872  
— 5)

ПРОБЕЖЕНО  
1871

Полн. кат.

ПРОБЕЖЕНО  
1955 г.



**HARVARD  
COLLEGE  
LIBRARY**







М А Й.

1872.

# ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

## СОДЕРЖАНІЕ.

6  
1872  
5

- I. ИЗЪ КУЛЬБА ВЪ РОГОЖКУ. Романъ.  
(Гл. XXIV—XXXI) . . . . . Н. С. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.
- II. ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Поэма-легенда . . . . . ОМУЛЕВСКАГО.
- III. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПРАВА и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕУРЯДИЦА. (Ст. вторая) . . . . . А. МИХАЙЛОВА.
- IV. ЛОНДОНЪ. Стихотвореніе. (Изъ Корнуэля). . . . . ОЛЬГИ ОХТЕНСКОЙ.
- V. ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ—БУРЯ. (Очерки англійской провинціальной жизни). Романъ.  
(Гл. XIX—XXII) . . . . . ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.
- VI. ПОДРАЖАНІЕ АНГЛІЙСКОМУ. Стихотвореніе . . . . . Д.
- VII. «ЗОВЕТЪ»... (Записки Семена Долгаго). Тетрадь первая . . . . . Н. Ф. БАЖИНА.
- VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ИТАЛІИ . . . . . ЭМИЛЯ ДЕНЕГРИ.
- IX. СТАРЫЙ ДОМЪ. (Окончаніе) . . . . . П. В. ЗАСОДИМСКАГО.
- X. FORTE FORTUNA ADJUVAT. Стихотвореніе . . . . . Д.
- XI. БРИЛЛІАНТОВОЕ ОЗЕРЕЛЬЕ. Романъ.  
(Гл. XII—XVIII) . . . . . АНТОНИ ТРОЛЛОПА.
- XII. РОДИНА. Стихотвореніе . . . . . А. Ш.

См. на оборотѣ.

## СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

**XIII. ОБЩЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. . . . . Б. П. ОНГИРСКОГО.**

**XIV. ХРОНИКА ЖЕНСКАГО ДѢЛА. . . . . С. С. ШАШКОВА.**

**XV. НОВЫЯ КНИГИ .**

Объ отношеніи государства къ народному образованію. Соч. А. Окольскаго, экстра-орд. проф. варшавскаго университета. Спб. 1872. — Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Составилъ Гиппо. Перев. Елены Бларамбергъ. Изд. Кочетова. Спб. 1872. — Жизнь мормоновъ въ Ута или таинства и преступленія мормонизма. Изложене тѣхъ тайныхъ обрядовъ и церемоній святыхъ послѣднихъ дней. Соч. Дж. Бидля. Спб. 1872. — Механическая теорія теплоты, основанная на вращательномъ движеніи молекулъ. Л. К. Попова. Спб. 1872. — Листки изъ записокъ на чужбинѣ. Заѣзжаго Тулуза. Выпускъ 1-й. Спб. 1872.

**XVI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА . . . . .**

Новыя затрудненія по алабамскому дѣлу. — Невозможность войны между Англійей и Соединенными Штатами. — Негодованіе Англійи по поводу счета убыткамъ, представленнаго Соединенными Штатами. — Обвиненія противъ Гладстона. — Нравственное значеніе вашингтонскаго трактата. — Предстоящіе президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ. — Агитація нѣмецкой партіи. — Неудачное обвиненіе президента Гранта Карломъ Шюрцемъ. — Конвентъ въ Цинцинати. — Союзъ Грива съ демократами. — Замѣчательная дѣятельность Грива, какъ журналиста. — Соперникъ Грива, издатель «Herald'a, Бенетъ. — Его безцеремонное отношеніе къ общественному мнѣнію. — Актъ высокой политической нравственности. — Карлистское возстаніе въ Испаніи. — Выборъ короля Амедея. — Убійство Прима. — Сліяніе партій изабеллистовъ и монпансьеристовъ. — Неудачная манифестація карлистовъ. — Рѣчь Кастеляра. — Министерство Зорильи. — Торжественное путешествіе короля по Испаніи. — Выборы президента палаты. — Министерство Сагасты. — Его непопулярность. — Вражда съ палатой. — Распущеніе палаты. — Бурныя сцены въ палатѣ. — Общее негодованіе. — Насилія и подкупы на выборахъ.

**XVII. ПИСЬМА ИЗЪ ИТАЛІИ. . . . . ДЖУЗ. ЛАДЗАРО.**

**XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. . . . .**

Апатія общества. — Равнодушіе его къ своимъ интересамъ и къ довѣреннымъ его лицамъ. — Биржевики и писаки, создающіе новую Калифорнію. — Скучающій Манфредъ города Скопина. — Киргизско-аристократическій наѣздъ въ Москвѣ на жилище кн. Гагарина. — Бывшій защитникъ женской эманципации является въ роли защитника проституціи. — Денежная горячка и обильная лѣтопись банкротствъ. — «Женскій человѣкъ».

**ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ  
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА**

„Д Ф Л Р“

въ **1872** году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1872 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія нѣтъ лѣтъ.

**Подписная цѣна журналу на годъ:**

безъ пересылки и доставки . . . 14 р.  
съ пересылкой . . . . . 15 р. 50 к.  
съ доставкой въ Петербургъ . . 15 р.

**На полгода:**

безъ пересылки и доставки . . . 7 р. 50 к.  
съ перес. иногородн. . . . . 8 р. 50 к.  
съ доставкой въ городъ . . . . . 8 р.

Подписку просить адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Кантору Редакціи журнала „ДЪЛО“ — (адресъ ея извѣстенъ почтамту).

## СОДЕРЖАНИЕ ПЯТОЙ КНИГИ:

Изъ вулька въ рогожку. Романъ. (Гл. XXIV—XXXI) . . . . .	<i>Н. С. Преображенскаго.</i>
Обътованная земля. Поэма-легенда . . . . .	<i>Омулевскаго.</i>
Политическія права и экономическая неурядица. (Ст. вторая) . . . . .	<i>А. Михайлова.</i>
Лондонъ. Стихотвореніе. (Изъ Корнуэля) . . . . .	<i>Ольги Ожтенской.</i>
Въ тихомъ омутѣ—буря. (Очерки англійской провинціальной жизни). Романъ. (Гл. XIX—XXII) . . . . .	<i>Джорджа Эллиота.</i>
Подражаніе англійскому. Стихотвореніе. „Зоветь“... (Записки Семена Долгаго). Тетрадь первая. . . . .	<i>Д.</i>
Политическая литература въ Итали. . . . .	<i>Н. Ф. Бажина.</i>
Старый домъ. Повѣсть. (Окончаніе). . . . .	<i>Эмilia Денери.</i>
Forte fortuna adjuvat. Стихотвореніе . . . . .	<i>П. Засодимскаго.</i>
Бриллиантовое ожерелье. Романъ. (Гл. XII—XVIII). . . . .	<i>Д.</i>
Родина. Стихотвореніе . . . . .	<i>Антони Троллопа.</i>
	<i>А. Ш.</i>

## СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общественно-психологическіе этюды. . . . .	<i>Б. П. Омурскаго.</i>
Хроника женскаго дѣла. . . . .	<i>С. С. Шашкова.</i>
Новыя книги . . . . .	
Политическая и общественная хроника. . . . .	
Письма изъ Итали . . . . .	<i>Джуз. Ладзаро.</i>
Внутреннее обозрѣніе. . . . .	
Одно изъ крестьянскихъ золь. . . . .	<i>П. В. Засодимскаго.</i>
Безпорядки въ Харьковѣ . . . . .	
Бѣдственное положеніе погорѣльцевъ на р. Иргизѣ. . . . .	



# ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 5.

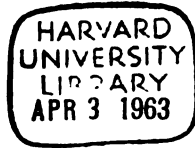


С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРНГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ.

Л  
Р. 36. 4 (  $\frac{1872}{5}$  )  
Л

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 мая, 1872 года.



# ИЗЪ КУЛЬКА ВЪ РОГОЖКУ.

## XXIV.

ОКУЕВСКИЙ КЛУБЪ. ЧЕРЕНАСОВЪ СЛУШАЕТЪ МУЗЫКУ.

Окуевскій клубъ, какъ и всякое учрежденіе, былъ самага мирнаго свойства, никогда не раздѣлялся на партіи и хотя всякій держался своихъ убѣжденій, тѣмъ не менѣе ни споровъ, ни шума особеннаго не было. Вотъ вечеръ. Собираются. Каждый ищетъ своихъ партнеровъ. Садятся козырять. Иные прохаживаются, курятъ трубки. Кто такъ сидитъ въ углу, думаетъ. Видно, что всѣ чѣмъ-то связаны, трудно только опредѣлить чѣмъ. Развѣ тѣмъ, что есть гдѣ приткнуться вечеромъ, не все-жъ дома сидѣть. Есть такіе члены, что положительно не могутъ сидѣть дома вечеромъ, и въ ожиданіи извѣстнаго часа, когда нужно будетъ идти въ клубъ, иные сидятъ въ сумерки, размазывая по столу чернильную лужу, иные мечутся, какъ угорѣлые:

— Гдѣ сюртукъ? Я тебѣ говорилъ, каналья... Сапоги опять не чищены? Вѣдь я-жъ тебѣ говорилъ, каналья... Чаю живѣй! Гдѣ Акимъ? Скажи лошадей закладывать! Огня! Ивацъ! Это чортъ знаетъ что! Вѣчно содомъ, никого не дозовешься. Опять опоздаю. Хоть бѣги изъ дому. Вотъ опять пуговицы нѣтъ! Я тебѣ, шельма, на носъ ее насажу!

— Какіе штаны прикажете?

— Полосатые—развѣ не знаешь? Былъ портной?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Разбойники! Да дадите-ли вы мнѣ, наконецъ, чаю?

Это членъ собирается въ клубъ. Надѣваетъ штаны, мимоходомъ пьетъ чай, смотрится въ зеркало.

— Вѣчно опаздываю, говорить онъ.—А изъ за чего? По-правь сзади.

Члена оправляютъ сзади.

— Вчера опоздалъ, третьяго-дня опоздалъ, въ пятницу опоздалъ—изъ за чего—спрашивается?. Дай булавку.

Иванъ подаетъ булавку.

— Хорошо сзади?

— Какъ быть-съ.

— Когда это заведемъ-мы порядокъ, ей Богу не знаю? Такъ не былъ портной?

Иногда при этихъ сборахъ присутствуетъ портной.

— А пригналъ ты петли? спрашиваетъ членъ.

— Пригналъ.

— Хорошо-ли ты пригналъ?

— Хорошо.

— Будетъ держаться?

— Будетъ держаться.

— Смотри-жь! И пуговицы всѣ?

— Всѣ-съ.

— До одной?

— До одной.

— Смотри-жь? Крѣпко пришилъ?

— Крѣпко-съ

— Не оторвется?

— Не оторвется.

— Смотри-жь! Отвѣтишь Богу, коли что... Вѣдь ты въ Бога вѣруешь?

— Какъ-же-съ! Не безъ того.

— Ну то-то-же. Всѣ тамъ будемъ. Малое дѣло—и то добродѣтель. Взыщется и за пуговицу. Богъ все видитъ. Все записано. О душѣ паче всего надо... А карманъ?

— Готовъ-съ.

— Нѣтъ дыры?

— Нѣтъ.

— Ну, съ Богомъ. Можешь идти.

- Просимъ прощенья!
- Ну, Христось съ тобой. Будешь честенъ — все будетъ.  
На плутовствѣ недалеко уйдешь. Понимаешь?
- Понимаю-сь.
- И Богъ тебя полюбитъ, и я всей душой... Слышишь?
- Слушаю-сь.
- То-то-же. Въ маломъ дѣлѣ будешь вѣренъ (членъ надѣваетъ подтяжки)—что бишь? да! надъ большимъ, связано, поставлю тебя... Это что значить?
- Мы понимаемъ-сь.
- Ну вотъ.
- И даже чувствуемъ теперича.
- Такъ.
- Коли ежели что...
- Такъ, такъ. Эко чортъ какъ туго!
- Съ нашимъ завсегда.
- Ну вотъ.
- И не тоема что...
- Такъ. Непремѣнно.
- Потому душа есть.
- Ну вотъ.
- Конечно, простые люди.
- Канальи, что говорить!
- Одначе тоже человѣки.
- Ну вотъ.
- Прощенья просимъ.
- Съ Богомъ! Прощай! Готова лошадь?
- Никакъ нѣтъ-сь, отвѣчаетъ Иванъ.
- Какъ нѣтъ? что значить нѣтъ? а? нѣтъ? Ну-ко повтори: нѣтъ? Ты ужь лучше возми да и руби мнѣ голову-а? Ну рѣжь, наконецъ-а? Слышишь, что я говорю? Удуши, наконецъ... Господи, Господи! за что мнѣ такое наказаніе? Лучше-бы ты убилъ меня, шельма... Ну вотъ одѣлся, готовъ-видишь? что я, дя тебя одѣлся-а? сидѣть съ тобой одѣлся-а? Ну, глади на меня... Ну? Рыло ты пасеконное!
- Лошадь готова, докладываютъ члену.
- Наконецъ-то!
- Членъ пыхтитъ, надѣваетъ шубу, свита лакеевъ со свѣча-



ми провожаетъ его въ переднюю, на крыльцо, до саней, усаживаютъ. Тутъ еще возня.

— Отстегни! Прочь! Опять пуговицы нѣтъ! Оправь! Да оправь-ты! Застегни... О Господи!.. Что это въ ногахъ? Ефимъ, вынь! Поправь! Это что? Да стой, когда тебѣ говорятъ! Иванъ! Закутай снизу. Все?

— Съ Богомъ! трогай!

— Стой! Черти! Ефимъ? Вишь въ оглоблю запуталась... сѣбла...

— Чортъ Евсигней! да помощи ссади-то!

— Что?

— Вишь оторвалось.

— О дьяволы!

— Да когда-жь это кончится? вздыхаетъ баринъ.

— Ссейчасъ, сударь... Фомка напуталъ.

— Какъ васъ еще земля носить!

— Ну съ Богомъ, трогай!

И члена, наконецъ, везуть.

Иной членъ собирается очень тихо, но возни не меньше. Ходить, вздыхаетъ и все будто ищетъ чего по угламъ.

— Ахъ, Богъ мой, вздыхаетъ онъ,—какъ это все странно... Вчера обѣщаль Семену Иванычу... Да куда она могла дѣться? Это все Иванъ Иванычъ... Вотъ шляпы нѣтъ. Вѣчно такъ... Ахъ, Богъ мой! хоть-бы дать знать что-ль Ивану Иванычу... Нынче непременно опоздаю. Тамъ старшины затѣваютъ что-то... Вѣрно опять исторія. Скандалъ какой-нибудь... А нельзя. Исключить нельзя. Кто-же останется членомъ? Все это Иванъ Иванычъ. Замялъ-бы, и дѣло съ концомъ... Да гдѣ-жь сигары? И вѣрно Агаповъ натворилъ... Ахъ, Богъ мой! Опять сигарь нѣту. Ни шляпы, ни сигарь...

Другой въ это время продираетъ глаза: спалъ послѣ обѣда.

— Эй, Ванькѣ! пора въ влудь ѣхать—какъ думаешь?

— Пора, сударь.

— А если обождать?

— Можно и обождать-съ.

— А ну-ко лучше ѣхать?

— И по моему лучше ѣхать-съ.

— Э-эхъ, потягивается членъ: — подыматься-то не взялъ-бы... Вотъ жизнь-то! Ванька, какъ думшаеъ?

— Трудненько немного, что говорить!

— То-то вотъ, свиньи! А вы все не вѣрите!

Самая горячая пора клубныхъ удовольствій была на Рождествѣ, да лѣтомъ во время ярмарокъ и, особенно, во время губернаторской ревизіи. Тутъ начинались дамскіе вечера или балы. Тутъ его превосходительство, начальникъ губерніи, окруженный домовитыми старцами изъ сосѣднихъ деревень, оживлялъ однимъ присутствіемъ все общество; освѣщеніе тогда значительно усиливалось, музыка была въ полномъ составѣ и долго по ночамъ не давала спать попу Матвею, шибко разнѣсясь по зарѣ. Цезарь попалъ въ клубъ именно къ тому времени, когда тамъ все было готово къ пріѣзду губернатора. Первое лицо, которое они съ Черенасовымъ встрѣтили въ клубѣ, былъ докторъ. Въ нижнемъ этажѣ, въ комнатѣ, гдѣ былъ буфетъ и столъ для ужиновъ, докторъ одинъ-одинехонекъ стоялъ у буфета и, нагнувшись, присматривался къ графинчикамъ.

— А это что? спрашивалъ онъ.

— Это-съ коричневая, отвѣчалъ буфетчикъ.

— Новая?

— Новая-съ.

— А ну-ко!

Докторъ выпилъ.

— Добро. А вотъ это что?

— Дошпель-еюммель-съ.

— А! Небось дрянъ?

— Первый сортъ-съ.

— А ну-ко!

Докторъ выпилъ.

— Это у васъ коньякъ;—помню, дрянъ былъ, сказалъ онъ.

— Теперь самый лучший, отъ Елисеѣва-съ.

— А!

— Да. Вотъ пожалуйста-съ.

— Ну, ну!

Докторъ прикинулъ на свѣтъ рюмку.

— Цвѣтъ-то не того — а?

— Прикушайте-съ.

Докторъ выпилъ.

— Ну, а наливки запасли? спросилъ онъ наскоро.

— Всякія-съ.

— Это хорошо. Давай-ко на пробу какой-нибудь! Ага! вотъ и общество! Сергѣй Михайлычъ! Ты-ли это?

— Я, какъ видишь.

Тутъ Черенасовъ передалъ Цезаря доктору, а самъ, чтобы не заводить и не слушать болтовни, удалился въ читальную.

Сверху, изъ такъ-называемой бальной залы, доносились звуки музыки. Оказалось, что Цезарь попалъ прямо на балъ. Онъ почувствовалъ себя тотчасъ-же, какъ рыба въ водѣ. Въ головѣ его замелькали шелковыя платья, сердце шибко забилося.. Въ первый-же вечеръ Цезаря выбаллотировали членомъ. Въ первый-же вечеръ Цезарь нашель, что все это очень мило и въ глуши можетъ имѣть огромное вліяніе. Нашель также, что водка недурна, - готовятъ чисто, общество мыслящее и не безъ образованія. Приговоръ Цезаря вообще былъ весьма снисходителенъ, такъ-что онъ началъ уже строить планы, какъ-бы что-нибудь затѣять и еще болѣе сблизить и безъ того уже сблизившееся общество, влить въ него, если можно, духъ жизни, при помощи публичныхъ чтеній, концертовъ, спектаклей и проч. и проч.

Черенасовъ удалился въ читальную. Двѣ убогихъ газетки валялись на столѣ. Матовый свѣтъ лампы едва освѣщала комнату: только на столѣ было свѣтло. Прочитавши два-три объявленія, Черенасовъ повернулъ винтикъ и свѣтъ сдѣлался еще слабѣе. Потомъ онъ сѣлъ у открытаго окна и сталъ смотрѣть на темнѣвшую улицу. На верху въ залѣ заиграли вальсъ. Черенасовъ давно уже не слышалъ музыки. Сначала звуки навели на него что-то похожее на сладкое спокойствіе, какое выпадаетъ иногда въ сумерки человѣку и рядъ свѣтлыхъ воспоминаній самъ собою возникаетъ тогда въ головѣ. Онъ былъ радъ новому чувству. Оно давно уже не посѣщало его. Невольно вспомнилъ онъ первую любовь свою, чистую и свѣтлую. Вотъ Петербургъ. Лѣтній вечеръ съ догорающей зарею, вдали звуки шарманки, милая дѣтская головка, голубые глаза, губы, просація поцѣлуя, пожатіе руки... Чудная маленькая ножка такъ легко ступаетъ по тротуару; первый лепетъ любви и въ будущемъ счастье, счастье безъ конца... Милая рука то-и-дѣло прижимается къ губамъ—и вдругъ все разлетѣлось, пошло прахомъ, разлука на вѣки, навсегда...

И изъ-за чего? И злоба вспыхиваетъ въ Черенасовѣ: изъ-за чего? ростетъ вопросъ, и мрачные образы, какъ рядъ полицейскихъ, толпятся и даютъ свою ложью. Тутъ слова: религія, бракъ, священныя обязанности — все звучитъ похоронною пѣснію любви прекрасной, погибающей въ самомъ началѣ. Черенасовъ сжимаетъ уже кулакъ, въ сердцѣ его возникаетъ что-то ядовитое, гадкое, съ ясными пуговицами, онъ слышитъ рядъ сентенцій и рѣчей, раздувшихся до чудовищной адской жи... И это нѣжное созданіе—Черенасовъ улыбнулся —

Такія рѣчи дѣтскія  
Она шептала мнѣ:  
О мужествѣ, о качествѣ,  
О дальней сторонѣ!

Бѣдняжка! Она думала любовь соединить съ службой сыщика и факторствомъ жида!.. И я... я... чуть было... съ трудомъ подавляетъ Черенасовъ возникшее въ немъ чувство и мало по малу успокоивается. Опять музыка. Кадриль идетъ. Рисуется Черенасову тихая комнатка въ четвертомъ этажѣ: лѣтній закатъ горитъ на трубахъ, громаднымъ косякомъ лежитъ на стѣнѣ... Самоваръ кипитъ, вечернее небо ясно: влуды пара летятъ въ окно и золотятся, попадая на солнце... Черенасовъ подошелъ къ окну, долетаютъ до него звуки шарманки, онъ смотритъ на ярко-блистающій куполь Исакія... Но вотъ пріятель толстеный, коротенькій, съ брюшкомъ, потираетъ руки и, моргая насоро глазами, говоритъ:

— Да, да. Въ чинѣ надо, братецъ, утвердиться. Послужи! Отчего? Всѣ служить... И приданое возьмешь... Прежде всего: Кто таковъ? Какой чинъ?

Слышитъ это Черенасовъ и опять тоска сжимаетъ его сердце, и видитъ онъ свой собственный образъ, украшенный ясными пуговицами...

Опять Черенасовъ подавляетъ въ себѣ воспоминанія и начинаетъ вслушиваться. Идетъ веселая шестая фигура и слышится звяканье офицерскихъ шпоръ.

Опять образъ женщины. Зыбитое, запуганное лицо, глаза устремлены въ сторону: видно въ нихъ что-то недодуманное, словно кто сразу оборвалъ, остановилъ горячую, стремительную мысль, и глаза невольно ищутъ ее, устремляются за ней, а она уходитъ все дальше и дальше... Мысль эту замѣняютъ

теперь формы, слова: бравъ, обстоятельства, обязанности — и лицо тупѣть, взглядъ становится тускло-стеклянный... Гдѣ она—эта мысль? Гдѣ это, что-то живое, что шевельнулось въ душѣ? Кто оборвалъ? Кто замаялъ? Кто сдѣлалъ вселенскую смазь этому, за минуту милому, прекрасному, ярко блиставшему лицу? Кто потемнилъ лучистые глаза? Бѣдняжка! Ты попалась. Ты служишь по полиціи. Гдѣ твои рѣчи — „о мужествѣ, о качествѣ, о дальней сторонѣ“. И у Черенасова поднимается въ душѣ какое-то ехидство: какъ кошка подкрадывается онъ къ запуганному, слабому существу, сердце его сжимается вмѣстѣ и участіемъ и злобой, сожалѣніемъ и гнѣвомъ: ворочу, ворочу, думаетъ онъ: — это прекрасное выраженіе, ворочу тебѣ чудную мысль твою, малютка! Сниму эту смазь и всю громаду жи брошу въ лицо тому, кто обрываетъ твои лучшіе лепестки, моя роза, моя крошка, моя птичка, моя ласточка! Рядъ самыхъ нѣжныхъ, самыхъ ласковыхъ названій льется у него и теперь съ языка, и проникаетъ онъ чувствомъ такого теплага, чуднаго участія... Дивный образъ! Слезы блестятъ на рѣсницахъ и Черенасовъ хочетъ отереть ихъ поцѣлуями—и вдругъ лапа въ обшлагъ хватаетъ будто прекрасное созданіе, Черноморъ уноситъ Людмилу и Черенасовъ остается во тьмѣ съ своею любовью... Мелькають передъ нимъ только ясныя пуговицы, да лапа въ обшлагъ, какъ облако, застилаетъ отъ него и Людмилу, и свѣтъ божій...

Черенасовъ топнулъ даже ногой. Такъ гадокъ показался ему возникшій въ головѣ его образъ. Опять долетаютъ до него звуки музыки. Играютъ польку. Въ открытое окно пахнулъ свѣжій вѣтерокъ; зажглись огни кой-гдѣ въ городѣ. Донесся тихій серебристый звукъ деревенскаго колокола: церковь караулятъ, гдѣ-то вдали. Мирная картина! Никогда-бы отъ тебя не удалиться! Тутъ слышно какъ прозябаетъ трава; вонъ вдали блистаетъ полоска рѣки, за рѣкой, должно быть въ шалашѣ, вспыхнулъ огонекъ; о. Матвей ложится уже теперь спать, дѣдъ видитъ небось сонъ... Чистыя души! Онѣ слышать глаголы Господа! А я? Растетъ вопросъ, — а я? и вызываетъ рядъ видѣній, въ которомъ встаютъ однѣ рожи, въ родѣ тѣхъ, что видитъ городничій Гоголя, рядъ мундировъ, ясныхъ пуговицъ, какой-то громадный департаментъ, вездѣ столы, чернилицы, бумаги, повсюду гладкіе, выбритые



подбородки, умѣренно выдавшееся брюшко, которое то выдается откидывая назадъ голову, то прячется, выставляя голову впередъ, когда нужно смотрѣть въ глаза начальству... Въ ухахъ шумъ отъ быстро скребущихъ перьевъ, за столами повсюду, какъ идола въ старомъ капищѣ, сидятъ однообразныя деревянныя фигуры, какъ тѣ придорожные боги, о которыхъ Горацій говоритъ:

*Olim truncus eram ficulnus...*

— О Господи! берется Черенасовъ за голову:—вотъ картина!

И опять смялъ онъ возникшее въ душѣ его чувство.

И опять видится ему голубое платье и крѣпко прижимаетъ онъ голову къ милой нѣжной груди, полной такого участія, вылетающаго въ тихихъ сдержанныхъ звукахъ любви и тѣхъ горячихъ молчаливыхъ ласкахъ, которыя потомъ, когда ихъ уже нѣтъ, пронзаютъ душу такую нестерпимую скорбью... Крѣпко обнимаетъ Черенасовъ ту, которую называетъ „дитя мое, мое созданіе, моя жизнь, моя милочка“, и прикладываетъ ухо къ ея сердцу и хочетъ подслушать каждое біеніе его и угадать, чтобы и его сердце билось въ тактъ съ ея сердцемъ... О дни и часы, полные вѣры и счастья! Какой ужасный духъ смутилъ васъ, смутилъ всю ясность дѣвственной души, поднялъ со дна ея рядъ хитро-сплетенныхъ противорѣчій, отравилъ каждую мысль и всталъ, какъ грозный призракъ, съ дьявольской усмѣшкой надъ каждымъ мгновениемъ жизни? Неужели не сломать преграды, созданной руками человѣка, не разорвать сѣти условій и приличій и отступить передъ низкими явленіями лишь потому, что они безчисленны? А кто не сумѣлъ этого сдѣлать? Кто отступилъ? Кто испугался созданія рукъ человѣческихъ?

— Въ монастырь, въ монастырь! шепталъ Черенасовъ, повторяя слова Гамлета. Онъ уже не сидѣлъ, а стоялъ у окна: лицо его горѣло, руки сжимались въ кулаки.

— Читай, читай, говорилъ онъ. — Бумажный человѣкъ! Ищи тайну жизни! Чорта съ два! Долби склоненія! Адъ и дьяволь! Выдумывай, что еще прочесть! Читальщикъ! Шекспира наизусть знаешь! знаешь Горація! *Truncus* ты *ficulnus*... Ну-ко что-нибудь наизусть? Не продекламируешь-ли X-ой оды изъ книги третьей? а? *Jam satis terrae* ну-ко? Тьфу! Какъ силенъ,

чортъ! Экая пытка! Куда ты пойдешь съ своими книгами, что сдѣлаешь изъ знаній! Ты никогда не имѣлъ дѣла съ жизнью! Тебѣ дано было нѣжное, чудное созданіе, а ты откопалъ философію, по которой, въ силу такого-то и такого-то положенія § 36, заключилъ, что нужно бросить это созданіе. Диво, что ты не написалъ статьи объ этомъ! Тебѣ улыбалась свобода, а ты пожелалъ утвердиться въ чинѣ! Тебя полюбили, а ты ждалъ звонка на лекцію! Тебя запрягли въ шутовство, а ты говорилъ: слава Богу, по крайности утвердился въ чинѣ! Ты бѣжалъ, бѣжалъ отъ всего, что просило отъ тебя живого, теплаго чувства! Въ монастырь, въ монастырь! Долби опять склоненія! Читай латинскихъ авторовъ! Пиши статьи о преподаваніи русской этимологіи! Господи, какая мерзость! И зачѣмъ и что это вѣчно встаетъ въ душѣ, вѣчно волнуетъ и бѣситъ, и жжетъ огнемъ желаній, которыя, какъ изъ подъ пепла, вспыхиваютъ изъ этой кучи гибельныхъ формъ, хотя-бы тѣхъ-же склоненій и спряженій и разныхъ педагогическихъ статей, этого хлама мочальныхъ головъ, продыравленныхъ съ дѣтства и усаженныхъ гвоздями, на которыхъ вѣшаютъ намъ разныя сентенціи и всякіе „*Jam satis terrae?*!“ Зачѣмъ еще остается эта сила, поднимающая хламъ, и, какъ живой мертвецъ, старающаяся сбросить съ себя гробовую крышку? О, зачѣмъ я, какъ другіе, не занялся латынью или хорватскимъ нарѣчіемъ и, можетъ быть, теперъ уже изучалъ-бы санскритскій языкъ или науку въ родѣ круподовщины... О, если-бы какой Круподовъ проценировалъ теперъ пальцемъ мою душу и похерилъ-бы все, все въ ней, что томить и давить такъ тяжело, такъ страшно... Въ монастырь, въ монастырь! Неужели даже воспоминанія мои всѣ отравлены?

— Что-жь, не пойдешь въ клубъ? спросилъ дня черезъ два Цезарь, заѣхавъ вечеромъ къ Черенасову.

— Нѣтъ.

— Музыку послушать?

— Нѣтъ, чортъ съ ней!

Что-бы объяснить, почему Черенасовъ не хотѣлъ слушать музыки, достаточно прочесть нѣсколько строкъ изъ его петербургскаго дневника, гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее:

„186... сентября 6. Вчера былъ у Н. Ольга вышла блѣдная и скучная. Она сказала мнѣ, что папа никогда не согласится, чтобъ я женился на ней, потому что не имѣю никакого чина и не служу. Я предложилъ ей уйти со мной: тутъ начались слезы: какъ можно? папа, мама, она боится и проч. и проч. Дитя! Гдѣ-жь твои рѣчи о мужествѣ, о качествѣ? А жаль! она такъ молода и выйдетъ за столоначальника. Еще личность; потерянная для жизни и свободы. Надо разорвать тутъ все... Прощай! Fare the well!“

Затѣмъ изъ дневника-же видно, что, хотя Черенасовъ и поступилъ на службу, тѣмъ не менѣе съ Ольгой больше не сходилъ и любовь его кончилась на первыхъ-же порахъ, оставивъ одни ядовитыя воспоминанія.

„Такъ вездѣ, пишетъ Черенасовъ, служба мнѣ была камнемъ преткновенія!“

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

„Зарядивши голову всякими правилами, правильцами, исключеніями, я рано составилъ себѣ такое понятіе, что жизнь есть ровный и тихій путь, огражденный этими правильцами; поэтому я не любилъ бороться да и не приготовленъ былъ къ борьбѣ. Привычка къ размышленіямъ, къ занятіямъ тихимъ, уединеннымъ ослабила мои силы и волю. Надѣясь на свой мирный характеръ, я думалъ, что съ службой успѣю совмѣстить и извѣстную самостоятельность и свободу мыслей и дѣятельности: вышло совсѣмъ не то. На службѣ, минуя то, другое, третье, я потерялъ всякое человѣческое достоинство и теперь напрасно обращаюсь я къ прошедшему, напрасно всматриваюсь въ будущее: я чувствую, что невозвратно потерялъ что-то; правила и правильца всякія рухнули, связь разорвана со всѣмъ. Напрасно копаюсь я въ головѣ, въ сердцѣ: вижу, что правила и правильца сдѣлали свое дѣло, уничтожили все живое, прекрасное, и весь организмъ мой дѣйствуетъ теперь именно „минуя то, другое, третье“. Я бы самъ-то и не хотѣлъ теперь миновать, да ничего не сдѣлаешь: поздно! Монахъ отъ головы до ногъ!“

И побывавши разъ въ клубѣ, Черенасовъ опять зажилъ, какъ монахъ, только чтеніемъ мало занимался, а ходилъ просто изъ угла въ уголъ или лежалъ. Особенно боялся онъ опомлѣть и, къ сожалѣнію, замѣчалъ уже въ себѣ нѣкото-

рые задатки провинціальной распущенности, слѣды бездѣлья и хандры. Такъ онъ по долгу теперъ просиживаль по вечерамъ съ о. Максимомъ за чаемъ: тутъ они нерѣдко перетирали прошлое, семинарію вспоминали, словомъ уши Черенасова незамѣтно склонялись къ той безцѣльной болтовнѣ, въ которой онъ напрасно искалъ смысла, когда зимой, бывало, дремалъ подъ нескончаемую бесѣду отца Максима съ отцемъ Матвеемъ.

„Бѣда, бѣда! писалъ Черенасовъ въ дневникѣ: происходитъ со мной что-то гадкое, а исходу нѣтъ. Зачѣмъ чортъ меня понесъ изъ Петербурга!“

## ГЛАВА XXV.

### ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА. НАБЛЮДЕНІЯ ОБЩАГО УРОВНЯ.

Цезарь между тѣмъ плылъ на всѣхъ парусахъ. Онъ почти уже не заглядываль къ Черенасову: вѣчно въ гостяхъ, въ клубѣ.

— Просто нѣкогда опомниться, говорилъ онъ Катону:— ужасно какъ быстро живется!

Онъ вообще любилъ всякаго рода изліянія: теперь-же матеріяловъ для нихъ было пропасть. Куря папиросу за папиросой, онъ иногда по цѣлымъ часамъ развиваль Катону свои внутреннія душевныя состоянія и, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣчалъ всегда въ Катонѣ сочувствіе, а главное терпѣливаго слушателя. При этомъ, обыкновенно, то сидѣли они около стола, то прохаживались.

— Пройдемся, говорилъ Цезарь, — и Катонъ тотчасъ-же вставаль прохаживаться.

— Такъ я началъ съ того, продолжалъ Цезарь, прохаживаясь,—какъ это все въ человѣкѣ устроено...

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

— Сядемъ, говоритъ Цезарь.—Видишь-ли: эти внутреннія впечатлѣнія, о которыхъ я говорилъ...

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

— Выпьемъ, говорить опять Цезарь.

— И вотъ теперь я заключу такъ, продолжалъ онъ выпивши,—однако, засидѣлись, пройдемся. Ну, согласенъ ты со всѣмъ этимъ? а?

— Да, отвѣчалъ Катонъ.

— Вѣдь правду я говорилъ?

— Да.

— Все такъ?

— Да.

— Нельзя иначе?

— Да.

— То-то и есть, съ торжествомъ заключалъ уже Цезарь.—

Ну такъ сядемъ-же и выпьемъ.

Вообще Цезарь былъ доволенъ жизнью.

— Что-жь, выражался онъ,—живемъ, и не то, чтобы такъ ужъ, совсѣмъ безъ смысла... Вотъ если-бъ совсѣмъ безъ смысла... Нѣтъ! Есть внутренняя жизнь, разумная-а, Иванъ Петровичъ, какъ ты думаешь?

— Да, конечно, отвѣчалъ тотъ.

Разумѣется, бродить по саду, насаживать на палку яблоки и слѣдить за ихъ полетомъ или смотрѣть цѣлый часъ на соломенки на дворѣ, сидя на крыльцѣ утромъ съ похмѣльемъ, нельзя было назвать особенно разумнымъ препровожденіемъ времени, но Цезарь, привыкшій отдавать во всемъ отчетъ себѣ, говорилъ въ этомъ случаѣ, что-де

*far niente—мой покой.*

Отъ *far niente* онъ нерѣдко переходилъ къ самой напряженной лихорадочной дѣятельности. Къ ней онъ возбуждаемъ былъ мечтами. Вдругъ, напримѣръ, начнетъ представлять себѣ, что онъ богачъ, ѣздитъ въ каретахъ... Сейчас-же цѣлыя картины начнутся въ головѣ его: онъ видитъ себя уже не только изысканно одѣтымъ, но на груди будто у него брилліанты, на пальцахъ брилліанты; живо представляетъ онъ себѣ собственныя позы, которыя онъ принялъ-бы въ такомъ-то и такомъ-то случаѣ, заводитъ въ головѣ цѣлый разговоръ, мысленно блистаетъ въ обществѣ, остритъ и проч. и проч.

— Нѣтъ, надо работать, работать, воскликнетъ онъ подѣ



вліяніемъ радужныхъ образовъ богатства и возмется за что-нибудь въ родѣ руководства по исторіи или сатирѣ Горація.

Иногда онъ такъ увлечется мечтами, что только хорошая рюмка коньяку приводитъ его нѣсколько въ себя и онъ начинаетъ похладнокровнѣй смотрѣть на дѣло. Освѣжительно также дѣйствуетъ на него ровный и солидный характеръ Катона: соглашаясь во всемъ съ пріятелемъ, онъ иногда самымъ тономъ своимъ осаживаетъ бурные порывы Цезаря.

— Конечно, скажетъ,—это очень хорошо, и даже надо... Что-жь? Но вотъ штука: какъ? Какъ это все пригнать?

И Цезарь невольно задумается надъ тѣмъ, какъ въ самомъ дѣлѣ все это пригнать?

А пригнать, напр., нужно такую штуку, согласно планамъ Цезаря: отправиться, наприм., въ Петербургъ, нажитьсь тамъ, пріѣхать потомъ опять въ провинцію, завести экипажъ, лошадей, выѣзжать, давать вечера и т. д., и т. д.; словомъ, много пригонять пришлось-бы. Тутъ вотъ Катонъ и осаживаетъ маленько Цезаря. И Цезарь иной разъ, ударившись о возраженія Катона, спросить глубокомысленно:

— И отчего это, Иванъ Петровичъ, такое множество у человѣка идей и ни одна собственно не осуществляется, такъ сказать? а?

— Ужасно какъ томятъ мысли, скажетъ онъ иной разъ.— Разсѣваться надо больше.

— Да вѣдь ты то и дѣло ѣздишь, возразитъ Катонъ.

— Такъ-то такъ, да...

— Что еще?

— Еще-бы хотѣлось этакъ, больше... Мелкое очень общество. Бѣда, Иванъ Петровичъ, если человѣкъ съ идеями попадаетъ въ узкій кругъ.

Тѣмъ не менѣе Цезарь не оставлялъ узкаго круга. И одна изъ идей у него, надо сказать, хорошо прошла: это, болтать съ пріятелемъ за бутылкой вина. Это у него отлично вышло. До дна исчерпалъ Цезарь эту идею: нынче въ клубѣ болтаетъ съ пріятелемъ и до картъ и послѣ картъ, болтаетъ за ужиномъ, гдѣ-нибудь на именинахъ за обѣдомъ, во время короткаго визита за закуской, за завтракомъ, съ дамами во время танцевъ—и разговоръ его вполне легкій, салонный, какъ онъ выражался:

— Такъ себѣ болтаешь о томъ, о семь... Кто-нибудь придетъ. Тутъ сумерки, чай... Время незамѣтно.

Черенасовъ между тѣмъ употреблялъ всѣ средства, чтобы избавиться отъ хандры: рубилъ дрова, пилилъ, хотѣлъ даже опредѣлиться по найму въ полицейское управленіе переписывать бумаги, думая, что эта работа, какъ совершенно бессмысленная, отвлечетъ его отъ вѣчной повѣрки своихъ собственныхъ душевныхъ состояній и заглушитъ тоску.

— Не удивляюсь теперь, что столько пьяницъ на Руси, думалъ онъ между прочимъ.—Навѣрное всякій страдаетъ своей мукофѣвщиной. Ужасное положеніе!

— Гдѣ-жь дѣло, гдѣ-жь дѣло, достойное человѣка? повторялъ онъ подь скрипъ пилы.—Гдѣ не чиновничество, не буквѣдство, не мукофѣвщина?

А самъ все пилилъ и пилилъ.

Въ этомъ занятіи застали его разъ Цезарь и Катонъ.

— Общество пріѣхало, объявилъ первый.—Второе отдѣленіе. Пять мукофѣвъ, шестой Свѣтозаровъ.

— А! сказалъ Черенасовъ.

— Да. Начались предварительныя работы. Вчера Селезневъ въ клубѣ уже пьянъ былъ.

— Какъ? Уже они членами клуба?

— Вона! Ты вотъ все сидишь, а они тамъ у генерала дымъ коромысломъ подняли. Назначь имъ работу какую, а то мы распьянствуемся до нельзя.

— Я сегодня найду къ нимъ.

— Сегодня они въ лѣсъ ѣдутъ, съ самоваромъ, кулья два вина везутъ. И мы съ Иванъ Петровичемъ...

— Ну завтра утромъ побываю.

Надо замѣтить, что все это народъ былъ дѣльный и умный: и Подверховскій, и Селезневъ, и Виноградовъ, но какъ люди бѣдные, привыкшіе смотрѣть изъ чужихъ рукъ, жившіе милостями генерала и черезъ него получившіе мѣста, они пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ пожить на своей волѣ, самостоятельно; въ домѣ, при генералѣ, вѣчно зятые въ струнку, вѣчно разчитывавшіе каждое слово, особенно въ бесѣдахъ съ генеральшей, они тотчасъ-же распустились, какъ только выходила возможность: это всегда бываетъ съ людьми, пребывающими въ тонкомъ, приличномъ,

изысканно одѣтомъ подобострасти. Они прїѣхали для предварительныхъ работъ; до прїѣзда генерала было еще далеко и вотъ они рѣшились воспользоваться временемъ. Хотя они знали хорошо, что присмотрѣ за ними порученъ Черенасову, но не безызвѣстно и то имъ было, что ужъ если присматривать за ними, то всего лучше выбрать-бы какого отставного фельдфебеля-дантиста; съ характеромъ-же Черенасова и его взглядомъ на вещи они понимали, что стѣсняться нечего. Предварительныя работы ихъ начались съ того, что они подѣлались членами клуба; впрочемъ, по утрамъ открывали засѣданія. Для этого выбиралась одна изъ залъ въ домѣ генерала, именно та, что была подлѣ бильярдной; потомъ въ ожиданіи Цезаря съ Катонемъ, которымъ тоже назначено было присутствовать во второмъ отдѣленіи, мукосѣи играли партій пять, шесть на бильярдѣ; Фома—общій лакей—готовилъ въ это время закуску; являлись между тѣмъ Цезарь и Катонъ. Уставъ полагался на столъ. Свѣтозаровъ садился на предсѣдательское мѣсто и начиналъ:

— Господа! Предварительныя работы наши... Господа! не поздно-ли нынче—можетъ быть, еще на день отложимъ?

— Разумѣется, отложимъ. Успѣется. Да и какія, чортъ, предварительныя работы? Въ лѣсъ что-ль нынче или въ клубъ?

Такъ отвѣчали на предложеніе предсѣдателя и засѣданіе откладывалось.

Поэтому неудивительно, если Черенасовъ въ первое-же свое посѣщеніе засталъ слѣдующую сцену.

Наканунѣ мукосѣи были въ лѣсу. Надо замѣтить, что имъ у генерала отвели особое крыло дома, каждому дали по комнатѣ, и окна пришлось такъ, что гости могли переговариваться другъ съ другомъ. Послѣ поѣздки въ лѣсъ, предсѣдатель Свѣтозаровъ проснулся первый, вышелъ на дворъ, потянулся и крикнулъ зычно:

— Го-го-го-го!

Изъ всѣхъ оконъ сейчасъ-же отзвывы:

— Тутъ! живы! Ай всталъ? Послалъ за водкой?

Окна открываются одно за другимъ.

— Я ужъ охмѣлился!

— Когда откроемъ засѣданіе?

- Въ часъ.
- Господа! нынче Черенасовъ будетъ.
- У кого уставъ? спрашиваетъ предсѣдатель.
- Вчера Подверховскій бралъ.
- Врешь!—И Подверховскій выставился въ окно.
- У кого-жь?
- Да не въ роцѣ-ли забыли, господа? Ъздили-то вчера?
- Прахъ его возьми! Вотъ будетъ штука!
- Господа! Посмотрите хорошенько, нѣтъ-ли у кого? Хоть плачь! взываетъ предсѣдатель.
- Прокофьевъ! Ты вчера его подъ головы клалъ?
- Кто?
- Да ты.
- Не помню.
- Погляди-ка! ты еще сказалъ: вышпѣу знатную дамъ?
- Что-жь это такое, господа, плакалъ предсѣдатель:—на что похоже—спать на уставъ?
- Нѣту! кричалъ Прокофьевъ. — Пошли Фому въ рошу верхомъ. Должно тамъ.
- Да у кого онъ былъ вчера?
- Да говорятъ у Селезнева.
- А гдѣ Селезневъ?
- Пьянъ. Дрыхнетъ.
- Разбудить! Окатить его холодной водой, шельму!
- Заперся.
- Стучись! Пошли Фому. Это, господа, послѣднее дѣло. То собака изгрызла, теперь вотъ совсѣмъ пропала. Хоть-бы водки, что-ль выпить... У кого есть?
- У меня цѣлый полштофъ.
- Буди Виноградова. У него колбаса. Эй, Виноградовъ!
- Что?—Виноградовъ высунулся въ окно.
- Эко рыло-то, сказалъ Свѣтозаровъ: — ай не выспался? Уставъ гдѣ?
- А я почему знаю!
- Да должно быть подъ тюфякомъ у Селезнева-сь.
- Это ты владешь?
- Никакъ нѣтъ-сь. Вчера Дашку проводили-сь, такъ надо полагать-сь...
- Господа! это, наконецъ, чортъ знаетъ что! Прокофьевъ,

ты имѣешь вліяніе на Селезнева, скажи ему, что я генералу напишу. Какъ, чортъ возьми, мы возимся, разсматриваемъ... Господа! это всѣмъ обида. Дашка на уставѣ! Господа! Вѣдь мы въ руки беремъ уставъ-то, что-жь это такое?

— Надо Селезнева вздуть. Что это за шельма! Вѣчно пьянь...

— Просто, господа, надо поискать подъячаго или семинариста какого, чтобъ за порядкомъ слѣдилъ. Эдакъ мы головы потеряемъ.

— Да кому поискать-то? жалобно говорилъ предсѣдатель:— Видишь народъ-то—не соберешь!

— Селезнева вздуть—и баста! Это, господа, подлость! Стучись, Фома, къ Селезневу!

— Да не приказано-съ!

— Чортъ его возьми!

Въ это время на дворѣ показались Черенасовъ съ Цезаремъ. Мукосѣи собрались въ залу около бильярдной и засѣданіе дѣйствительно открылось. Отыскали уставъ.

— Господа! Предварительныя работы наши... началъ-было предсѣдатель.

— Позвольте! перебилъ Черенасовъ.—Я не думаю, господа, чтобъ тутъ необходимы были какія формальности.

Мукосѣи почесали въ затылкѣ: формальности-то эти, т. е. бильярдная, закуска—это-то имъ и нравилось.

— Я думаю просто, продолжалъ Черенасовъ, —раздѣлить уставъ по числу членовъ на шесть частей и пусть каждый въ теченіи недѣли приготовить замѣчанія свои на ту часть, какая ему достанется.

— Это ты, шельма, подвелъ, шепнулъ Селезневъ Цезарю.

— Я думаю, господа, что это проще и скорѣе.

— Вотъ-те и побѣдешь въ лѣсъ! шепнулъ Селезневъ.

— Конечно, началъ предсѣдатель. — Конечно, это самое лучшее и даже, можно сказать... Но общее, такъ-сказать, обсужденіе...

— А тогда мы сдѣлаемъ общее собраніе, какъ у каждого будетъ готово.

— Тогда ужъ поздно, сказалъ про себя Селезневъ.

Черенасовъ отеланялся.

— Господа! началъ Селезневъ.—По крайности хоть нынче нашьемся. Чортъ его возьми! Это все ты, бестія! обратился

онъ къ Цезарю. — Вотъ тебѣ и на шесть частей! Работали въ Питерѣ, теперъ сюда пріѣхали работать.

— Господа! началъ предсѣдатель. — Прежде всего, господа... разбирая это дѣло... на шесть частей... Прежде всего, господа, пошлемъ за водкой.

А Черенасовъ между тѣмъ шель домой и думаль:

— Вотъ такъ дѣйствительно можно заниматься этимъ дѣломъ, какъ вотъ эти мукосѣи занимаются: въ пьяномъ образѣ!

## ГЛАВА XXVI.

ОБЩЕСТВО БѢЛАГО ДОМИКА. ПРОФЕССОРЪ НА ДАЧѢ.

Регентъ съ наступленіемъ весны первымъ долгомъ счель познать профессора съ обществомъ бѣлаго домика. Профессоръ, зимовавшій какъ сурокъ въ своемъ флигелѣ, гдѣ онъ проходилъ по временамъ извѣстные намъ періоды, сначала неохотно поддавался на предложеніе Оболдуха пройтись, освѣжиться, но съ теченіемъ времени, можетъ быть, весенній воздухъ, общество Оболдуха подѣйствовали—только профессоръ сталъ замѣтно посвѣжѣе; онъ съ удовольствіемъ отпраплялся съ регентомъ въ бѣлый домикъ и пилъ тамъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ одиночку дома. Сталъ онъ также, насколько возможно было, прилично одѣваться, сталъ общительнѣе, особенно съ Оболдухомъ, и даже за вечернимъ чаемъ съ о. Максимомъ заговариваль. Онъ вообще почувствовалъ нѣкоторое довольство собой и своимъ поведеніемъ. Просидѣть всю зиму въ закупоренной комнатѣ—неудивительно, если голова отуманится. Теперъ у профессора открыты были постоянно окна, погода къ тому-же стояла хорошая можно было выходить на дворъ, въ садъ, въ субботу въ церковь къ всенощной. Съ весной профессоръ пересталъ декламровать Горация и Цицерона, лампадки зажигались подъ праздники. О. Максимъ радовался и приписываль такую перемѣну положительно Оболдуху. Самъ профессоръ чувствовалъ себя въ присутствіи регента словно лучше, покойнѣе, и пилъ съ не

ожесточеніемъ, какъ прежде, а можно сказать благодушеество-  
вать.

Бѣлый домикъ стоялъ у большой дороги, на бойкомъ мѣс-  
тѣ, потому общество его было весьма разнообразное: это бы-  
ло нѣчто въ родѣ клуба. Были гости, былъ и постоянный  
кружокъ, въ которомъ знакомый намъ Кривой Глазъ игралъ  
роль, какъ-бы старшины. Онъ мастеръ былъ завязать и под-  
держатъ бесѣду и старался привлекать всякое новое лицо, дѣ-  
лая его, при помощи искусной бесѣды своей и деликатнаго  
обращенія, какъ-бы постояннымъ членомъ кружка. У сапож-  
ника для этого много было искусныхъ приемовъ. Какъ толь-  
ко являлась новая личность, Кривой Глазъ сейчасъ-же ста-  
вилъ общіе вопросы, а затѣмъ незамѣтно вводилъ въ бесѣду  
незнакомца.

— Всякій теперича, я такъ полагаю, говорилъ, напримѣръ,  
сапожникъ,—долженъ имѣть свое: я, примѣрно, сапожное  
дѣло, онъ башмачное, вы, почтеннѣйшій...

Тутъ слѣдовало обращеніе къ новому лицу и знакомство  
устанавливалось.

Но это былъ простой и сворый способъ, примѣнявшійся не  
во всякому. Съ инымъ надо было начать издалека, пустить  
въ ходъ всю тонкость обращенія, чтобы окончательно приру-  
чить человѣка. Регентъ былъ человѣкъ серьезный, съ положе-  
ніемъ, разъ даже заходилъ къ нему о. Максимъ, поэтому  
сапожникъ употребилъ для установленія новаго знакомства  
приемъ болѣе тонкій и сложный.

— Много всякихъ людей бываетъ, началъ онъ, ни къ кому  
особенно не обращаясь—инюго, примѣрно, знаешь, инюго  
такъ себѣ, видишь только... Каждый человѣкъ самъ по себѣ  
это чувствуетъ. Можетъ-ли онъ теперича всю имперію знать?  
Конечно, есть всякіе люди. Иной, какъ говорится, свѣтъ про-  
шелъ, да вѣдь и въ омутъ головой не долго-сь. Съ насѣсти,  
конечно, спрыгнешь, да вотъ на насѣсть какъ попадешь?  
А свѣтъ великъ. Наше царство одно возьми: первое дѣло дво-  
рянинъ, онъ самъ по себѣ, пошъ самъ по себѣ, мужикъ то-  
же особъ статья: одначе, почтеннѣйшій, сапожникъ обратил-  
ся къ Оболдуху,—я сейчасъ теперича вижу, что вы, примѣр-  
но не изъ простыхъ, ваше здорье! (сапожникъ выпилъ), и  
книжное дѣло понимаете-сь. Кто книжное дѣло понимаетъ,  
у того на лицѣ написано. Брехать первое дѣло онъ не ста-

неть и всякую суть уважить. Оттого въ имперіи теперича, ежели царство большое и войны, примѣрно, бывають,—кто первый человѣкъ? Все-жь таки не я, и не онъ, и не Осипъ Козьмичъ Долгохрыскинъ—а все онъ-же: все-жь таки книжный человѣкъ. Потому малому царству и конецъ малый: тамъ мужика посади и тотъ повернеть... Ежели-же теченіе, скажемъ такъ, большое, что-же я теперича изъ кабака-то сдѣлаю? Тамъ я прохвоста посажу, туда Сидора, либо Ерему твну: вѣдь меня за это по шапкѣ. Ты, спросять, кто? Питейный человѣкъ ты, вотъ кто. Тебѣ ежели что и въ домекъ, такъ развѣ кабацкое дѣло одно. И что-же теперича, ежели обратить, ни на есть пріятнаго, какъ умный, примѣрно, человѣкъ, то есть безъ фальши и всякую суть видить, и, будемъ такъ говорить, не изъ кабака ее видить, а вотъ какъ ежели-бы вы, почтеннѣйшій... Смѣю спросить имя-отчество?

Регентъ сказалъ.

— Такъ-съ. А ежели по фамиліи, какой вашъ отвѣтъ будетъ?

— Оболдухъ.

— Хорошее прозвище-съ. Эдакое прозвище хотъ кому-съ. У насъ всякія есть: Бубенцовъ теперича, Четверенькинъ, Сопликовъ, Кузьма Петровичъ Иншинъ... Почтенный человѣкъ-съ... Зять у него въ рядахъ торгуеть и сапоговъ у него за всегда двѣ пары, и теперича хотъ сушь, хотъ ливень все въ калошахъ. Деликатный человѣкъ-съ. Переемкина не изволи-те знать?

— Нѣтъ.

— Понятно-съ. Потому вновѣ, нельзя всего знать. Такъ-съ. Знакомство, такимъ образомъ, началось.

— Велика премудрость Божія, началъ, помолчавъ, сапожникиъ.—Она, можно сказать, вездѣ-съ. Теперича-прослышалъ я, вы изъ философіи,—полагаю многое претерпѣли уже-съ... Потому бурса свое возметъ. Она лозой возметъ. Вотъ у васъ тоже въ полку, обратился Кривой Глазъ къ сѣдому приземистому старичку, желая ввести теперь Оболдуха въ общій кругъ знакомства...

— У насъ въ полку, началъ старичекъ,—первое дѣло: стой! руки по швамъ!

— Ну и лупять-съ?

Старичекъ видимо одушевился. Это былъ старый инвалидъ,



съ сѣдыми усами, съ круглою, гладко-выстриженною, почти бѣлою отъ сѣдинъ головою. Онъ извѣстенъ былъ въ околѣдѣхъ подъ именемъ кандидата. Такъ называются обыкновенно старше служаки, не захотѣвшіе получить офицерскаго чина, въ замѣнъ котораго дается имъ незначительная пожизненная пенсія. Сапожникъ и кандидатъ были главными ораторами кружка, съ тою только разницею, что взглядъ у стараго инвалида былъ поуже: онъ трактовалъ только о войнѣ, между тѣмъ какъ для сапожника не было вопроса, котораго-бы онъ не поднималъ и не старался рѣшить по возможности. Кандидатъ, въ противоположность мягкому и крайне-общительному сапожнику, былъ суровъ съ виду, тѣмъ болѣе, что за усами не видать было его улыбки: когда Кривой Глазь ослаблялся, пуская улыбку на букву е, у инвалида только шевелились усы и то слегка; ужъ гдѣ онъ приобрѣлъ эту серьезность и достоинство въ улыбкѣ, Богъ вѣдаетъ, только на сапожника имѣло это вліяніе и онъ не распускался при кандидатѣ такъ, какъ съ дьячкомъ, съ которымъ принималъ обыкновенно важную осанку и говорилъ во весь ротъ, особенно если приходилось ругаться, когда дьячку, какъ мы видѣли тому примѣръ, случалось провраться. Съ кандидатомъ Кривой Глазь начиналъ вставлять съ въ разговоръ, рта не открывалъ всего, а старался говорить съ тихимъ и деликатнымъ достоинствомъ человѣка, наслаждающагося пріятной бесѣдой. Кривой Глазь много видѣлъ, шилъ и на господѣ, и потому умѣлъ обойтись со всякимъ и особенно любилъ просвѣщенію компанію. Теперь хотѣлъ показать онъ регенту стараго инвалида въ лучшемъ по возможности свѣтѣ и потому, прекративъ рѣчь объ фухтеляхъ, началъ такъ:

— Вотъ вы, почтеннѣйшій, были, примѣромъ, въ сраженіяхъ, баталіи видѣли, что за пальба теперича должна быть, надо полагать?

— Ружье ничего, сказалъ инвалидъ. — Вотъ пушка выпалить—бѣда!

— Надо полагать такъ-съ. Двадцать пудовъ бомба и летитъ теперича на сотни верстъ въ одну секунду. И все нѣмецъ. Всякій снарядъ, все это говорятъ, нѣмецъ дѣлаетъ.

— Однова у Черной, началъ кандидатъ:—стояло насъ видимо-невидимо... Тутъ ужъ не оглядывайся...

— Что-же-съ?

— Убьютъ.

— Это такъ-съ. Я полагаю теперича оглянуться хуже всего.

— На поваль!..

Кандидатъ расправилъ усы.

— Летить однава бомба. Генераль теперича: сторонись, ребята! Разъ-два-баць.

— Убило-съ?

— На поваль!

Опять кандидатъ расправилъ усы.

— Зачали картечью...

— Вотъ надо полагать штука-съ!

Кандидатъ помолчалъ.

— Генераль теперича: маршъ! Въ атаку...

— Ай-ай, сказалъ сапожникъ.

— Разъ-два. Генераль теперича: стой!

— Вишь!

— Да. Стоимъ. Все это разомъ.

— Разомъ, повторилъ сапожникъ.

— Генераль теперича: маршъ!

— Ссс, значительно протянулъ сапожникъ, качая головою.

— Пошли. Все это разомъ. Трахъ, трахъ.

— Убило-съ?

— На поваль.

— Вотъ!

— Да. Палить почитай на сколько версть... Потому порохъ. Все одно, что огонь. Генераль теперича: разъ!

— Ну и кончено! Сразу значить бьетъ.

— Сразу бьетъ, повторилъ кандидатъ.

Сапожникъ чувствовалъ, что пора сдѣлать разговоръ общимъ и потому, воспользовавшись молчаніемъ инвалида, началъ, обращаясь къ Оболдуху:

— Вотъ оно, что значить всякое дѣло... Теперича хоть ваша статья... Потому всякое дѣло человѣка требуетъ. Ихъ дѣло— ихъ требуетъ, наше дѣло тоже хоть сапожное, однако безъ шила нельзя.

— Что это, братцы, нѣмецъ, вуды хитеръ, сказала сидѣвшая поодаль чуйка, съ напряженнымъ вниманіемъ слушавшая до сихъ поръ рассказы инвалида: при полетѣ бомбы, она вскидывала глазами, какъ-бы слѣдя за нею, а при выстрѣлахъ даже вздрагивала и боязливо моргала глазами.

Сапожникъ при внезапномъ поворотѣ рѣчи на нѣмцевъ, не вдругъ сообразилъ, что надо отвѣчать, однако нашелся и началъ:

— Нѣмецъ, началъ онъ, — вездѣ. Нѣмецъ теперича въ огнѣ-ли, въ водѣ—ничто его не беретъ. Онъ теперича изъ человѣка звѣря сотворить, и звѣря любого тебѣ убьетъ на коемъ хошь мѣстѣ. Звѣрь будетъ на тысячу верстъ отъ него и нѣмецъ его словомъ убьетъ въ одну минуту.

— Былъ у насъ солдатъ, началъ инвалидъ:—заговоренный. Пуля, ядро-ли, ни-ни... Хоть на сотни верстъ стрѣляй по немъ, никто его не могъ, примѣрно, убить и нисогда... Генераль теперича...

Чуйка думала, что опять война пойдетъ. Но сапожникъ сообразилъ, что довольно воевать и остановилъ инвалида.

— Это братцы, вступилась чуйка—сказываютъ, какъ Бонапартъ-то шель, такъ вишь звѣзда по всему небу, а по землѣ тьма, вотъ какъ ночь.

— Бонапартъ теперича, началъ кандидатъ, — какъ? При немъ всегда книга. И вся цифирью. Поглядить онъ въ книгу и скажетъ какое царство воевать.

— Какъ есть, сказалъ сплевывая сапожникъ.—Безъ книги надо полагать тутъ и невозможно... Подумаешь, какъ чело-вѣкъ балуется-то-съ... Позвольте, почтеннѣйшій, вы теперича изъ ученыхъ, обратился сапожникъ къ Оболдуху: — какъ у васъ насчетъ этого, то-есть Бонапарта — въ аду, примѣрно, ему быть или-же другое?

Регентъ объяснилъ, какъ умѣлъ.

— Такъ-съ, сказалъ сапожникъ.—Потому сорванецъ былъ. Какъ-же его теперича въ рай посадить? Ну, а нѣмецъ, примѣрно, попадетъ въ рай?

— Какъ сказать? отвѣчалъ регентъ. — Вопросъ спорный.

— Такъ-съ. Потому и изъ нихъ можетъ народъ есть хорошій. Положимъ церковное дѣло имъ не вдомекъ, однако что-же-съ... Есть-ли у нихъ попы, съ вашего позволенія?

Регентъ отвѣчалъ утвердительно.

— Такъ-съ. Потому какъ безъ попа? Попъ теперича все. Я, примѣромъ, иду въ кабакъ, а попъ все значить при церкви. Я теперича дурь какую ни на есть произвелъ, опять знаю, что попъ при церкви. Я теперича колесомъ по улицѣ

пойду, попъ на это не пойдетъ-съ. Нельзя ему. А дьячки, съ вашего позволенія?

— Кажется есть.

— Такъ-съ. Нельзя тоже и безъ дьячка. Позвонить, насчетъ кадила, все-съ.

— Одно братцы, вступилась чуйка: — въ Бога нѣмецъ не вѣруеть!

— Нѣмецъ вѣруеть, возразилъ сапожникъ: — только не по нашему.

— Поставь, братцы, не держить!

— Колбасники! замѣтилъ кто-то.

— Подлецы! прибавилъ другой.

— Одно слово нѣмцы, заключилъ сапожникъ.

Мало по-малу Оболдухъ вошелъ въ этотъ вругъ, принимая участіе въ разговорахъ, какъ книжный человѣкъ, разрѣшая нѣкоторыя недоумѣнія; съ своей стороны онъ ввелъ профессора. Общество въ сущности было мирное и тихое, какъ и весь околодокъ, къ которому оно принадлежало. Были изрѣдка распри между членами, но до крупной ссоры не доходило. Притѣялся, правда, иной разъ Мартынъ дьячекъ пьяный и затѣвалъ канитель, приставая съ латынью то къ тому, то къ другому, но Кривой глазъ умѣлъ его сдерживать.

— Да ты что хвастаешься? придирался Мартынъ къ сапожнику: — ты вотъ просклоняй мнѣ слова.

— Что-же, Михайло Мартынычъ, отвѣчалъ Кривой Глазъ — мы свое дѣло правимъ-съ. Какъ тамъ не говори, а безъ шила нельзя.

— Нѣтъ, ты вотъ просклоняй, настаивалъ Мартынъ, — вотъ тогда будетъ...

— Что-же будетъ-съ?

— Просклоняй, увидишь.

— Оставьте вы это дѣло, Михайло Мартынычъ; — много спокойнѣй будетъ и вамъ...

— Какъ ты смѣешь мнѣ такъ отвѣчать?

— А какъ-же теперича вы желаете-съ?

— Можешь-ли ты духовный чинъ теперича...

— Духовный чинъ вотъ, примѣрно, на колокольнѣ, а вотъ подметки на прошлой недѣлѣ я вамъ ставилъ, такъ денегъ-то еще недополучилъ. Вотъ это ужъ не склоняютъ теперича...

— На то человѣкъ.

— Да какой человекъ? Человекъ человеку розь, вотъ ты теперича дрянной человекъ.

— Casus—случай.

— И случаи тоже разные бываютъ. Кто объ Святой въ лужѣ спалъ?

— О пасхѣ-то?

— Да.

— Nasus—носъ.

— И носъ въ лужу уткнулъ—это такъ.

— Одначе ты, началъ Мартынь, видимо обидѣвшись.

— Что я? перебилъ Кривой Глазь. — Объ насъ, что говорить! А вотъ деньги за подметки подай. Вы тоже въ сапогахъ ходите. Анъ и не порядоць. Въ лаптяхъ много не наклоняешь. Да и „Господи помилуй“ босикомъ не пропоешь.

— Пропою, протянулъ Мартынь. Онъ видимо пьянѣлъ. Сълъ какъ-то бовомъ въ столу и все силился сплунуть, да борода что-ль мѣшала, только не могъ.

— Пора вамъ на насѣсть, насмѣшливо проговорилъ сапожникъ. Мартынь видимо совѣлъ.

— И что это за порядоць склонять въ кабацѣ? продолжалъ Кривой Глазь. — Вотъ звѣзду какую покажи, Мысеву дорогу... Кабы меня стегали хворостиной, такъ и я-бы чего добраго склонялъ. Вотъ Евгенийъ Михалычъ не тебѣ чета! Ты что? Дрянъ выходишь — вотъ какъ я буду говорить. Вотъ ты и осовѣлъ. А много-ли ты выпилъ? И выходишь дрянъ. Мы вотъ останемся сидѣть, а ты склоняй себѣ на печи, либо подъ лавкой... А мы еще пить будемъ, пальбу зачнемъ съ кандидатомъ...

— Трахъ-трахъ, проговорилъ какъ-то безсознательно и топая ногой Мартынь при имени кандидата.

— Да хоть-бы и трахъ-трахъ; а ты вотъ только пшикъ да пшикъ!

— Пшш, началъ было Мартынь, да захлебнулся и чуть не клюнулъ носомъ въ землю. Чуйва поддержала его за руку.

— Веди! махнулъ рукой сапожникъ.—На хвалитѣхъ!

Профессоръ былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ сценъ и ему, послѣ суровыхъ казенныхъ стѣнъ семинаріи и мрачнаго зимняго пребыванія во флигелѣ, нравилась эта мелочная крохотная обстановка, гдѣ и люди, и домики походили на картонныя фигурки, вотъ какъ бываетъ у дѣтей: барскій домъ,

службы, сараи, флигеля, деревья тамъ и сямъ, коровы, овцы, мохъ изображаетъ зелень, бумажныя собаки и конуры, кучерь, кухарка — все изъ бумаги, и самъ баринъ съ барыней на крыльцѣ, передъ ними мужикъ въ соломенной шляпѣ, о которомъ баринъ совѣтуется съ рыжимъ нѣмцемъ-гувернеромъ, держащимъ за руку бѣлаго косопузаго мальчугана въ широкихъ отложныхъ воротничкахъ и курткѣ: баринъ видимо хочетъ мужика драть, барыня заступается, нѣмецъ въ сомнѣніи: по принципу слѣдуетъ драть, да барыня замѣшалась... Такова была и калейдоскопическая обстановка того околка, гдѣ жилъ регентъ. Она успокоительно дѣйствовала на профессора. Ему даже опротивѣлъ теперь его флигель и онъ почти жилъ у Оболдуха, проводилъ цѣлые дни, ночевалъ, и даже оставался одинъ, когда Оболдухъ уходилъ куда по дѣламъ. Регентъ приладилъ для профессора диванъ. Часто въ сумерки лежали они оба, бесѣдуя о томъ о семъ. А самоваръ кипѣлъ на столѣ. Послѣ обѣда, тоже лежа одинъ на диванѣ, другой на кровати, слушали чижей, иногда засыпали подъ ихъ пѣніе. Тутъ профессору снились иной разъ мрачныя и сырыя семинарскія стѣны со сводами, потемнѣвшими отъ времени, съ звонкимъ эхомъ отъ шаговъ, отъ зычнаго голоса ректора, котораго черная фигура, длинная и сухая, торчитъ будто въ концѣ какого-то не то корридора, не то подвала, освѣщеннаго тусклымъ свѣтомъ изъ боковыхъ стеклянныхъ дверей, мѣстами-же совсѣмъ темнаго, — снилось все это Евгенію Михайловичу и онъ въ ужасѣ просыпался: но радостно было его чувство, когда онъ видѣлъ, что это не звонъ шаговъ, не голосъ ректора, а Оболдухъ гремитъ чашками и хлопочетъ около самовара, который и пыхтитъ и дуется словно, и разбрасываетъ влуды пара, разносимаго еще больше вѣтромъ по комнатѣ. Съ улицы врывается вмѣстѣ съ вѣтромъ чириканье воробьевъ, крикъ пѣтуха, звонкій возгласъ обывателя.

Оставаясь одинъ, въ случаѣ, если Оболдухъ куда отлучался по дѣламъ, профессоръ не скучалъ. Онъ положительно бросилъ Горація и Цицерона и даже чувствовалъ себя гораздо крѣпче, здоровѣе, какъ пересталъ водянить свою мысль всякими разглагольствіями о томъ, какъ Августъ пьетъ пурпурными устами нектаръ, какъ бьетъ наповаль разныхъ „feroces Parthos“, не позволяя имъ „equitare inultos“; теперь

профессоръ просто любилъ сидѣть у окна и наблюдать, какъ мѣнялись тѣни, кто проходилъ мимо; прежде онъ, бывало, какъ только весна, такъ каждое утро, подходя съ рюмкой къ окну, говорилъ обыкновенно:

*Diffugere nives; redeunt jam gramina campis* <sup>1)</sup>.

Или, при особенно хорошей погодѣ:

*Non semper imbres nubibus hispidos  
Manant in agros* <sup>2)</sup>.

Также, при началѣ весны:

*Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni* <sup>3)</sup>.

и непременно все это передъ тѣмъ, какъ пить, съ рюмкой въ руцѣ, передъ окномъ. Теперь онъ бросилъ эти привычки и даже боялся пить лишнее, такъ-какъ съ пятой или шестой рюмкой проклятыя цитаты сами собой такъ и лѣзли въ голову, и тогда у профессора не было уже своего критериума: все пригонялось къ цитатѣ и голова, противъ воли профессора, работала свое, по-латыни.

Напьется бывало профессоръ пьянъ и, ложась спать, непременно уже пробормочетъ:

*Jam factum est de Carthageniensibus!* <sup>4)</sup>.

Проснется, голова трещить:

*O multa fleturum caput!* <sup>5)</sup>.

воскликнетъ изъ Горація и возьмется за голову.

Встанетъ, подойдетъ къ окну и тотчасъ, глядя по погодѣ, лѣзетъ изъ головы тотъ или другой стихъ изъ Горація. Тучи, напимѣрь, дождь собирается; профессоръ сейчасъ:

*Horrida tempestas coelum contraxit et imbres  
Nivesque deducunt Jovem* <sup>6)</sup>.

Вечеромъ, когда пить водку, а ночь лунная, — опять къ окну и непременно съ рюмкой:

*Nox erat et coelo fulgebat luna sereno  
Inter minora sidera* <sup>7)</sup>.

<sup>1)</sup> Снѣгъ растаялъ, уже покрываются зеленью нивы (Гор. кн. IV, ода VII).

<sup>2)</sup> Не вѣчно дождикъ крупный льется

Изъ тучъ на грязный тукъ полей (Гор. кн. II, ода IX).

<sup>3)</sup> Ужъ строгая зима отъ вѣсныхъ устъ слегла (Гор. кн. I, ода IV).

<sup>4)</sup> Участь Карфагена рѣшена.

<sup>5)</sup> О голова, которой много предстоитъ слезъ (Гор. Ерод. V).

<sup>6)</sup> Мрачная зима облекла небо, предстоитъ дожди и снѣга (Гор. Ерод. XIII).

<sup>7)</sup> Ночь была и на ясномъ небѣ блистала луна среди звѣздъ (Гор. Ерод. XV).

Выпьеть наконецъ. Пусто въ головѣ. Ждетъ профессоръ, что будетъ дальше. Курить. Курить съ ожесточеніемъ, дымъ такъ и валитъ изъ трубки; время въ ожиданіи новой цитаты кажется долго.

Beatus ille qui procul negotiis <sup>9)</sup>.

воскликаетъ, наконецъ, Евгений Михайловичъ и наливаетъ еще рюмку. Ни одной рюмки, бывало, не пьетъ безъ приличной цитаты.

Третья рюмка дастъ, напримѣръ:

Nec parce cadis tibi destinatis! <sup>9)</sup>.

Затѣмъ четвертая (профессоръ видимо ободряется, наливаетъ и говоритъ):

— Все собственно глаголь азъ—га —

dicimus integri  
Sicci mane die, dicimus uvidi  
Quum sol oceano subest <sup>10)</sup>.

Идетъ пятая.

— Omnes eodem cogimur <sup>11)</sup>, махаетъ профессоръ рукой: — именно—всѣ тамъ будемъ!

И такъ далѣе, до послѣдняго, когда профессоръ, ложась уже, бормочетъ: „Jam factum est de Carthageniensibus“.

И засыпаетъ.

Теперь голова его отвыкла отъ цитатъ. Отчасти деликатность мѣшала профессору часто приводить Горація, такъ-какъ Оболдухъ понималъ очень мало; отчасти и самъ профессоръ чувствовалъ, что лучше относиться ко всему по своему, такъ-какъ оно само собою выйдетъ, что это и естественнѣй, и голова свѣтлѣе, когда работаетъ безъ цитатъ: что въ самомъ дѣлѣ за гвозди такіе у меня въ головѣ? думалъ онъ. И потому, оставаясь одинъ, сидѣлъ спойно у окна, наблюдая тихую, по своему копошащуюся жизнь око-лодка.

— И что это за порядокъ склонять въ кабакъ? припом-

<sup>9)</sup> Блаженъ тотъ, кто вдали отъ заботъ (Гор. Ерод. II).

<sup>9)</sup> И не щади назначенныхъ тебѣ бутылокъ (Гор. кн. II, ода VII).

<sup>10)</sup> И въ трезвомъ мы и въ пьяномъ

Сознаньи говоримъ, съ разсвѣтомъ и когда

Почиетъ Фебъ за океаномъ (Гор. од. V, кн. I).

<sup>11)</sup> Всѣ мы въ одно мѣсто пойдемъ (Гор. кн. II, ода III).



нилъ онъ невольно слова сапожника по поводу прежней своей манеры приводить цитаты.

И чувствовалъ себя профессоръ много легче, когда рассказывалъ теперь по маленькой комнатѣ Оболдуха, дремалъ на диванѣ или у окна сидѣлъ въ ожиданіи хозяина. Особенно хорошо бывало, когда внезапно хлынетъ лѣтній крупный дождь и станетъ прохладно, такъ и влажный воздухъ обвѣетъ комнату; профессоръ сидитъ у окна, а дождь шумитъ и нагоняетъ легкую дремоту... Вотъ побѣжали ручьи по дорогѣ, поскакали пузыри, прошелъ мимо, шибко шлепая по взмокшей землѣ, Кривой Глазь... Но туча пронеслась, свѣтлѣе стало, деревья отряхаются, брызжутъ на пѣшеходовъ, все ждетъ только солнца и воробьи первые привѣтствуютъ его появленіе, прыгая тамъ и сямъ по плетню, собираясь въ кучки на дорогѣ и опять прячась съ шумомъ въ густую листву при видѣ пѣтуха, который, переждавши подъ сараемъ дождь, выходитъ теперь на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ: остановился у дороги, подумалъ, хлопнулъ крыльями и пропѣлъ: *Gallus gallinaceus*, сказалъ по привычкѣ профессоръ, взглянувъ на пѣтуха, но сейчасъ-же прибавилъ:—эка проклятая латынь! На крикъ пѣтуха отозвалось еще нѣсколько голосовъ и вотъ отовсюду изъ подъ воротъ показываются куры; старый дьячекъ выходитъ на крыльцо, а въ концѣ улицы показывается самъ Оболдухъ съ нотами подъ мышкой. Профессоръ набиваетъ двѣ трубки, одну для себя, другую для регента: теперь у нихъ передъ обѣдомъ завяжется бесѣда, послѣ обѣда слѣдутъ они чай пить, вообще перспектива пріятная. Просидятъ они, пожалуй, до ночи, если не пойдутъ въ бѣлый домикъ; Оболдухъ возьметъ въ сумерки гитару, сыграетъ что-нибудь, споетъ и день пройдетъ самъ собою, незамѣтно, не какъ прежде, когда профессоръ подгонялъ время, выпивая рюмку за рюмкой. Евгений Михайлычъ положительно дѣлался философомъ, если можно назвать такъ человѣка, избѣгающаго по возможности всякихъ волненій и ищущаго одного покоя. Одна только стихи Горация повторялъ онъ теперь часто:

*Otium divos rogat in patenti  
Prensus Aegeo—*

и радъ былъ, что нашелъ, наконецъ, этотъ покой. Интересы его стали, повидимому, мелки и узки; такъ онъ съ любопытствомъ глядѣлъ, какъ регентъ точилъ всякія шпешечки, да-

валъ птицамъ кормъ, чинилъ штаны или пришивалъ пуговицу; самъ профессоръ часто принимался теперь за плотничество: отпиливалъ регенту доски, планки, стругалъ прутики и все это дѣлалъ съ охотою, даже назначалъ самъ себѣ награду за труды: серьезно уговаривался, напимѣрь, съ регентомъ, чтобы, пока онъ не повончитъ работы—водки ему не давать. И слово свое держитъ крѣпко. Оболдухъ радовался, что профессоръ начинаетъ пить, какъ люди и вообще просвѣтляется духомъ. Это просвѣтленіе выразилось у профессора на многомъ. Такъ, если онъ и скажетъ теперь цитату, то непременно при этомъ почешетъ въ затылкѣ и прибавитъ: эка проклятая латынь! Разговоръ его замѣтно измѣнился. Прежде, бывало, онъ всегда, какъ только ухватится за какую-нибудь мысль, такъ и пойдетъ развивать все одно да одно, вытаскивая то тотъ, то другой изъ гвѣздей, вбитыхъ когда-то воспитаніемъ и жизнью. Такъ, между прочимъ, любимую его темою было говорить о пользѣ изученія латыни и классиковъ и тутъ, если, боже сохрани, случалась водка, канитель была нескончаема. Одно спасеніе—прибратъ графинъ. Теперь профессоръ самъ удивлялся, какъ можно было по цѣлымъ часамъ доказывать, что будто-бы нѣтъ ничего полезнѣй, какъ самому переводить и угадывать запутанный смыслъ подлинника, что будто это одно только и развиваетъ, когда мозгъ сожмется въ кулакъ и копаются цѣлый часъ надъ одной фразой, что будто-бы изученіе формъ и вокабулъ есть прочный шагъ къ развитію. Самъ профессоръ, разбирая теперь въ трезвости и на досугъ свою дѣятельность, приходилъ къ совершенно другимъ выводамъ. Только спившійся съ кругу человѣкъ способенъ видѣть въ этихъ формахъ что-нибудь полезное, думалъ онъ.

— Знаете-ли что, обратился онъ разъ къ Оболдуху, стругая какую-то палочку—я сравниваю теперь свое состояніе, когда я пьянствовалъ, съ тѣмъ, какъ мальчишки изучаютъ латынь. Съ двухъ-трехъ рюмокъ я еще обыкновенно думалъ, какъ человѣкъ, о томъ о семъ, что близко къ жизни; съ четвертой и пятой у меня уже забиралась въ голову непременно какая-нибудь одна мысль и какъ впитъ входила все глубже и глубже; она развивалась до *nes plus ultra*, преслѣдовала во снѣ, и какъ только я просыпался, голова тотчасъ искала той-же мысли, и начиналась канитель... Но мысль обыкновенно оза-

зывалась бесплодна, уродлива, удалена отъ жизни, какъ и я самъ... Я велъ вѣдь монашескую жизнь. Я долженъ былъ или отупѣть, или пить. Теперь дальше: приучивши свою голову устремляться до крайности въ одну сторону, я усиливалъ это водкой—и, въ концу концовъ, дѣйствительно отупѣлъ, какъ теперь вижу: теперь это отупѣніе проходитъ потому уже, что я начинаю его сознать. А то вѣдь до чего дошло? Во снѣ, представьте себѣ, все будто склоняешь или приводишь цитаты... Тотъ-же самый процессъ отупѣнія происходитъ съ мальчишками: нынче онъ долбитъ mens'у, завтра mens'у, послѣ завтра mens'у — я говорю вообще mens'у, потому что вся грамматика есть ничто иное, какъ длинная, нескончаемая mens'a — да, такъ я говорю, — нынче у него, „лягушки квакаютъ“ завтра тоже „лягушки квакаютъ“ — это долбленіе формъ похоже на вѣчно опьяненную мысль, которая, исходя, напримѣръ, изъ одного пункта, постоянно возвращается въ тоже время къ нему—это я на себѣ испыталъ—и незамѣтно для себя очерчиваетъ узкій, узкій кружокъ, доволѣ, наконецъ, не убиваетъ самое себя, истерзавшись вѣчнымъ исканіемъ какого-то исхода, котораго не находятъ...

Такъ бесѣдовалъ иногда профессоръ съ Оболдухомъ и послѣдній слушалъ его и задумывался. Въ профессорѣ, по мѣрѣ его отрезвленія, открывалось все болѣе и болѣе общительности; регентъ-же любилъ простоту и откровенность и потому съ каждымъ днемъ все болѣе привязывался къ Евгению Михайлычу. Околодокъ, въ которомъ жили теперь пріятеля, носилъ печать нѣкоторой отчужденности отъ всего остального, отъ города: жизнь тутъ шла совершеннымъ образомъ. Одинъ Кривой Глазъ участвовалъ, по его словамъ, въ общемъ, большомъ теченіи и не упускалъ случая замѣтить, что онъ живетъ въ большомъ царствѣ и принадлежитъ, такъ-сказать, къ имперіи. Профессоръ, живя у регента, скоро на себѣ испыталъ это чувство отчужденности, даже болѣе: заброшенности, ненужности никому. Сторона-ли глухая, вѣчный-ли миръ и тишина, царствовавшіе въ околодкѣ, только Евгению Михайлычу часто казалось, что вотъ, слава Богу, кажется, онъ всѣми и теперь забытъ, никто его не спрашиваетъ, не ищетъ... И чѣмъ долѣе онъ жилъ у регента, тѣмъ все больше проникало его это чувство забвенія всего остального міра.

И пріятно иногда чувствовать эту отчужденность, сознаніе, что ни тебѣ никто не нуженъ, ни ты никому: жизнь тогда сама-собою сосредоточивается на мелочахъ, каждый стулъ въ комнатѣ становится чѣмъ-то знакомымъ, роднымъ, слѣдишь за крапивой, что у окна, на сколько она выросла за недѣлю, погоду привыкаешь угадывать; охота является даже записывать ведро, непогодъ; распознаешь тоже звѣзды, ищешь въ обычномъ мѣстѣ Большую Медвѣдицу, знаешь, гдѣ Сиріусъ, гдѣ Денница; замѣчаешь отгѣнки въ шумѣ ближней рѣки: то глуше онъ кажется на зарѣ—это къ непогодѣ, когда-же звонко раздается, то знай, что воздухъ чистъ и ведро будетъ. Если кузнечики свиристятъ тамъ и сямъ и свиристятъ немолчно, такъ-что одинъ кончаетъ, другой начинаетъ—тоже погода, и тогда замѣтнѣе капли росы на травѣ; когда-же зелень станетъ темнѣе и изрѣдка только и гдѣ-нибудь вдали прозвучитъ кузнечикъ—ночь будетъ сѣренькая, съ облаками, и день настанетъ тоже пасмурный, хотя и безъ дождя; крикъ воронъ и галокъ—тоже примѣта, и гуси кричатъ иначе, передъ дождемъ. И осени не бойся по близости отъ поля: незамѣтно поблекнетъ трава, пожелтѣютъ деревья, сухой прозрачный воздухъ въ погожіе дни будетъ такой здоровый, крѣпкій: тогда выйди въ поле или въ саду лежи на сухихъ листьяхъ подъ деревомъ, сонъ спокойнѣй, чѣмъ лѣтомъ, когда и душно бываетъ, и тѣло утомлено и слабо отъ дневного жара: осенью оно крѣпко, усталость пріятная и можешь спать долго, особенно на свѣжемъ воздухѣ, укрывшись овчиной отъ холода. И зима не наскучитъ тебѣ: смотри какъ чувствуется на лицѣ морозный воздухъ, какъ хорошо послѣ него въ комнатѣ, когда затопится печь и самоваръ подадутъ на столъ: душистый чай разливаетъ ароматъ, дрова шибко трещать въ печкѣ, самоваръ напѣваетъ тебѣ свою пѣсню... Тутъ вотъ, пожалуй, читай книгу. Не то хозяйствомъ займись: пересмотри бѣлье, пришей пуговицу, ежели гдѣ оторвалась, штаны почини... А когда теплынь въ комнатѣ наведетъ усталость и дремоту, ложись на диванъ и спи себѣ, если только сонъ приходитъ самъ собою. И какъ хорошо: ни души вокругъ, ни стуку, ни человѣческаго голоса, сидишь себѣ одинъ, думаешь о чемъ хочешь—вотъ истинная жизнь! Что тебѣ за дѣло, ежели время покажется иной разъ долго? Сгруснется—

пережди, вотъ въ сумерки посиди подольше у окна, трубку покури такъ безъ огня, чтобъ звѣзды яснѣе были видны изъ комнаты: чай разлей то-же безъ огня,—самоваръ въ сумерки на столъ, когда на улицѣ темъ и, бываетъ, дождикъ побрызгиваетъ въ стекла, хорошая очень вещь... Немножко свѣтло отъ него снизу, около-то, на столъ, на потолокъ кружекъ свѣтлый—и ты не совсѣмъ въ потьмахъ, а между тѣмъ свѣча не рѣжетъ тебѣ глазъ. Тутъ вотъ лампадеу хорошо засвѣтить иной разъ въ углу, передъ образомъ, чтобъ огонекъ былъ тусклый, и пропусти его съвозъ зеленое или другое стекло: тогда на потолокъ заходятъ тѣни отъ цѣпочекъ, озарятся верхнія части обоевъ на стѣнахъ, картина какая, ежели виситъ, покажется: Мурадъ-Бей что-ль, или Ермоловъ. И ты все сиди у окна, ежели нѣтъ работы, на часы не гляди часто—потому какая тебѣ надобность? Вотъ погляди развѣ, когда спать ложиться, передъ ужиномъ то-же... Итавъ, даже можно углубиться въ себя за самоваромъ, что самое время станетъ просто не надобно и словно вотъ совсѣмъ нѣтъ его... Узнаешь ты его развѣ по праздникамъ, когда наканунѣ ударятъ ко всенощной: вотъ тебѣ живой календарь и ты сейчасъ увидишь, что завтра воскресенье—другіе дни на что тебѣ? Числа то-же не замѣчай: пріятнѣй у другихъ спросить, чтобы и разговоръ завязать и тутъ-же кстати узнать, скоро-ли рождество либо святая. Но часы непремѣнно имѣй и чтобы съ бо-емъ: бываетъ совсѣмъ пустое время и тогда хорошо прислушиваться, какъ постукиваетъ маятникъ; какъ шипѣнье самовара, онъ наводитъ то-же пріятную дремоту и даетъ знать, что есть что-то живое въ комнатѣ. И скорѣе засыпаешь подъ его ровное постукиванье. Не забывай тоже отворять фѣртки передъ тѣмъ, какъ спать: пусть воздухъ будетъ чистъ и свѣжъ, чтобъ не приснился тебѣ ректоръ, либо что другое страшное. Сны хороши и здоровы легкія: вотъ будто ты рыбу ловишь, либо чай пьешь, птицъ то-же хорошо видѣть, и потому разбирай, что ѣсть на ночь: отъ каши можетъ присниться ректоръ, квартальнаго, чего добраго, увидишь, что хорошаго? Много тоже не думай на ночь, да и подгоняй такъ, чтобы въ ночи не было какихъ мыслей. Когда засыпаешь, думай развѣ о томъ, что вотъ и еще день прошелъ, и что завтра будетъ то-же день, а ежели вспомнишь, что нынче вторникъ, бываетъ слышалъ отъ кого днемъ, прослѣди на сонъ граду-

нцій всю недѣлю: завтра, скажи, среда, тамъ четвергъ, пятница, суббота—и ежели все еще не спишь, то дальше гони: воскресенье, и опять сначала: понедѣльникъ, вторникъ, среда... Забьютъ часы, сосчитай, да часы держи такіе, чтобъ не сразу били, такъ-что и духу не переведешь, какъ оточтешъ двѣнадцать: нѣтъ, держи вотъ какъ у о. Матвея, который, случается, съ просонья начнетъ считать и никакъ не дотянетъ до двѣнадцати, а засыпаетъ опять на седьмомъ, много на восьмомъ разѣ. А сосчитаешь часы, слушай, что выговариваетъ маятникъ: иной разъ такъ вотъ и выходитъ у него: такъ, такъ, ду-ракъ! Вотъ ты и повторяй за нимъ, пока не уснешь. Наконецъ, думай что-нибудь эдакое общее, на примѣръ, что царство наше большое, пространное, что и моря тутъ и горы, и пропасть такая народу—мысли широкія, ничего особаго не даютъ, а ко сну гонять, потому пространство большое такое представится, словно ты вотъ въ подвалѣ въ темномъ и ничего не видно, кромѣ темныхъ угловъ однихъ: глядишь, глядишь—хоть лобъ разбей, ничего не выступишь... Вотъ и заснешь само-сбой.

Такъ и приладился мало-по-малу профессоръ у Оболдуха, что время для него стало и незамѣтно и ненужно.

Люди-же, съ которыми пришлось ознакомиться профессору и которые толкались по временамъ къ Оболдуху, были фигуры такого маленькаго, сѣренькаго, безличнаго свойства, какъ вотъ бываетъ иной разъ у петербургскаго бѣдняка мебель, собранная по частямъ съ толкучки: тутъ и не разберешь, не то стулъ, не то столикъ, стоитъ что-то у стѣнъ, видно что не пуста комната, но яснаго впечатлѣнія не вынесешь въ цѣлые годы: остается въ головѣ что-то сѣрое, мутное... Бываютъ то-же дни такіе, что не разберешь: не то будто дождикъ, все словно хмурится, ходятъ облачка, а тучи нѣтъ, и на всемъ сѣрый цвѣтъ: трава, деревья, дома—все смотреть кисло, невзрачно... Вотъ такіе люди толкались и къ Оболдуху. Профессоръ могъ спокойно и не замѣчать ихъ. Но ежели онъ, отъ нечего дѣлать, разбиралъ иногда въ ящикѣ у Оболдуха всякія пуговицы, шпички, гвоздики, кубари, то, какъ свободному человѣку, ему невольно пришлось поприглядѣться и къ этому темному, сѣрому лицу, носившему общій отпечатокъ заброшенности, загнанности и сиротства. Все это притомъ были казанскіе прихожане, бывшіе въ

сношеніяхъ съ дѣдомъ, съ о. Матвеемъ, а профессору послѣ семинаріи, положительно можно сказать, полезно было окупнуться, какъ слѣдуетъ, въ эту новую для него жизнь, и онъ, какъ увидимъ, окупился въ нее и она была для него своего рода сілоамскою купелью, избавившею его отъ проказы бурсацизма.

## ГЛАВА XXVII.

### Т Р И У М В И Р А Т Ъ .

Дней черезъ пять по окончательномъ переселеніи профессора на дачу къ Оболдуху, явилась къ нему представительная фигура, высокаго роста, въ свѣтломъ гороховомъ пальто, съ открытой и благодушной фізіономіей. Она подала письмо. Профессоръ прочелъ: отставной коллежскій секретарь, Иванъ Серебренниковъ проситъ о вспомошествованіи. Евгений Михайлычъ далъ гривенникъ. Спустя часъ является другая фигура малаго роста, вся черная или лучше темная, начиная отъ небритой фізіономіи, покрытой какой-то ржавчиной и сжатой словно въ кулакъ: черные волосы дыбомъ, подъ глазами несказанные синяки; фигура напоминала вообще навознаго жука: та-же сосредоточенность, тотъ-же цвѣтъ... Профессоръ опять получилъ письмо: отставной провинціальный секретарь Семень Купковъ проситъ о вспомошествованіи. Письмо было той-же руки, какъ и первое. Однако профессоръ далъ пятакъ серебра. Черезъ часъ та-же исторія, является третье лицо, коллежскій регистраторъ Алексѣй Онисимовъ и тоже проситъ о вспомошествованіи. Рука та-же. Профессоръ еще вынулъ пятакъ серебра и ждалъ, не будетъ-ли четвертаго лица. Но четвертаго не было.

Дня черезъ два профессоръ проходилъ по околку.

Всѣ три фигуры сидѣли на заваленкѣ маленькаго домика, неподалеку отъ Оболдуха. Они раскланялись съ профессоромъ, какъ съ знакомымъ, и первый Иванъ Серебренниковъ, въ великолѣпномъ гороховомъ пальто, съ сіяющимъ лицомъ и радостною улыбкою привѣтствовалъ профессора. Необыкновенно открытая фізіономія, височки, торчавшіе колечками,

почтенный видъ, благородство въ осанкѣ и особенно въ жестяхъ, когда онъ снялъ свой теплый картузь и, скругливъ руки, раскланялся съ профессоромъ—все напоминало въ немъ скорѣе лорда, засѣдающаго въ парламентѣ, чѣмъ простаго коллежскаго секретаря. Всѣ трое сидѣли, какъ сказано, въ тѣни на заваленкѣ и составили-бы превосходную группу для фарфороваго чернильнаго прибора или прессъ-папье. Жукъ морщился, нюхая табакъ. Физиономія его и безъ того была сморщена; теперь-же она просто скручивалась, особенно когда носъ со свистомъ втягивалъ табакъ: какъ собирающаяся съ боку занавѣсъ, какъ внезапно перемѣняющіяся кулисы въ театрѣ, быстро свертываются и исчезаютъ, такъ свертывалась и исчезала физиономія Жука: оставалось что-то черное, темное, въ родѣ крѣпко сжатого кулака или кукиша, изъ котораго и слышался свистъ и шипѣнье, и брызги летѣли, словно вотъ во время фейерверка, когда разорвется съ трескомъ шутиха, разгоняя народъ, или лучше, когда старуха въ глухую осень накладетъ сырыхъ дровъ въ печку, а они только шипятъ и пускаютъ пузыри, и старуха напрасно подкладываетъ и бумагу и лучинки, слѣша замѣсить поскорѣе хлѣбъ. Такъ Жукъ нюхалъ табакъ, сидя на заваленкѣ. Лордъ, находясь по срединѣ, казался любовался природой, положивъ руки на колѣна и щурясь на свѣтлыя кудрявыя облачка, предвѣщавшія погоду. Алексѣй Онисимычъ сидѣлъ по обычаю не глядя никуда и видимо думалъ о чемъ-то. Натура сосредоточенная, онъ рѣдко обращалъ вниманіе на внѣшнее: лордъ имѣлъ сердце мягкое и понималъ прелесть природы. Жукъ составлялъ какъ-бы средину между лордомъ и Алексѣемъ Онисимычемъ, тоже сочувствовалъ природѣ, если лордъ обращалъ на нее вниманіе, и выражалъ иногда словесно свои чувства. Алексѣй Онисимычъ былъ крѣпокъ на-ухо и потому товарищи его обращались къ нему только въ случаѣ крайней надобности, или же просто Лордъ бралъ его за руку и вель, куда нужно было. Впрочемъ, Алексѣй Онисимычъ, если нужно было идти въ питейный, по выраженію лица понималъ уже, что слѣдуетъ дѣлать.

Жукъ проживалъ у старухи мѣщанки, надъ рвомъ, заросшимъ кустарникомъ, въ которомъ въ полую воду глухо шумѣлъ, прячась въ листьяхъ, ручей. Жукъ промышлялъ стѣнными календарями, которые самъ дѣлалъ, разлиневывая листы и



отмѣчая праздники красными и желтыми влѣтками. Работа была долгая, копотная, а между тѣмъ Жукъ продавалъ календари не дороже гривенника, разнося ихъ къ Новому году зажиточнымъ купцамъ и чиновникамъ. Славилъ онъ также Христа и получалъ за поздравленіе рюмку водки, а иной разъ и деньгами что-нибудь. Тоже дѣлалъ на святой. Зналъ также приходскіе праздники, словомъ, изыскивалъ всѣ приличныя средства къ поддержанію своего существованія. Клеилъ изъ бумаги домики, игрушки, рылъ дѣду червей, не любилъ только срочной работы и потому не удержался ни въ судѣ, ни въ полиціи, куда поступалъ было на службу. Кабинетный былъ человѣкъ и дома не сидѣлъ безъ дѣла. И вотъ потому-то скюртукъ на немъ былъ покрѣпче, чѣмъ у Лорда или Алексѣя Онисимыча Глухаря, у которыхъ и локти были разорваны и подъ мышками не совсѣмъ ладно, особенно у Лорда, такъ-какъ фигура его была и массивнѣй и представительнѣй, да и руками онъ любилъ разводить, когда что рассказывалъ, при чемъ жесты его, всегда медленные и важные, открывали широкія бѣлыя поля подъ мышками. Любилъ говорить онъ о благодости божіей, о томъ, какъ всякая травка что-нибудь да значить, потому и естественно, что жесты его были и важны и медленны.

У Лорда было широкое пальто, свѣтлаго, больше гороховаго цвѣта, отчего фигура его дѣлалась еще представительнѣе. Жукъ-же, хотя имѣлъ скюртукъ покрѣпче, но за то рѣшительно неизвѣстнаго цвѣта и, такъ сказать, перемѣнчиваго. Отъ солнца-ли, отъ другихъ причинъ, только странный былъ скюртукъ: то казался свѣтло-зеленымъ (въ хорошую погоду), то принималъ мутный сѣроватый оттѣнокъ, то пускалъ по себѣ полосы, словно проросталъ чѣмъ; нельзя-тоже было сказать, изъ чего онъ; сукно, не сукно, видно что-то толстое и прочное. Такіе-же были штаны. Въ общемъ Жукъ дѣйствительно казался чернымъ. Другое, гораздо пріятнѣйшее впечатлѣніе производилъ Лордъ, особенно какъ разъ явился въ свѣтло-полосатыхъ штанахъ, которые, впрочемъ, на другой-же день пропиль. Но отъ этого не уменьшилась его представительность. Онъ сидѣлъ теперь въ такихъ-же, какъ пальто, гороховыхъ штанахъ, были на немъ туфли, его открытое лицо сіяло и лоснилось: онъ велъ бесѣду о благодости божіей.

Какъ бываетъ два индюка сойдутся на дорогѣ и, понуря

головы, тыкають носомъ въ одно зерно, и подходятъ третій, оглядѣвшій тутъ-же цѣлую кучу зеренъ, и два первые бросаютъ тогда свое зерно и устремляются за новопришедшимъ— такъ широкій взглядъ Лорда и его бесѣда пробуждали всегда Жука и Алексѣя Онисимыча, которые безъ того сидѣли-бы, понуря головы и глядя въ землю.

— И ежели благость божія оставляетъ насъ, говорилъ Лордъ, сидя на заваленкѣ, — то что тогда? Не птицы-ли мы, такъ сказать, небесныя, которыя летаютъ? не крины-ли сельныя, которые растутъ? Богъ все.

Жукъ первый поднялъ голову.

— Это такъ, сказалъ онъ.

— Пути Его неисповѣдимы, продолжалъ Лордъ: — Онъ повсюду и вездѣ. Куда мы скроемся отъ Него? Куда?

— Ни-ни, подтвердилъ Жукъ.

— Потому видить.

— Все! добавилъ торжественно Жукъ и поглядѣлъ на Лорда.

— Я теперича такъ начну говорить, продолжалъ Лордъ:— вотъ тебѣ трава, солнце, небо, что на немъ примѣрно? звѣзды. И вотъ я по звѣздамъ читаю, ибо дано. Ай спишь?

Жукъ вскинулъ голову.

— Нѣтъ.

— Развѣ не дано, скажешь?

— Дано.

Лордъ помолчалъ.

— Такъ. И все это вѣрно. Чѣмъ живъ человѣкъ? Не хлѣбомъ сказано, но всякимъ глаголомъ — заснулъ?

Жукъ опять вскинулъ голову.

— Нѣтъ.

Лордъ помолчалъ.

— Вотъ говорю: для чего намъ сонъ? Иной скажетъ для того, чтобы спать. Хорошо. Но благость божія и тутъ указываетъ другое. Спи, говорить, но не просыпай. А ежели, говорить, проспишь, то, говорить, не увидишь въ царствіе божіе. Бди убо душа моя, ибо спать тебѣ не время. Время тебѣ просыпаться, душа моя: гряди убо, сказано—ай спишь?

— Нѣтъ.

— Гдѣ это сказано?

Такъ Лордъ велъ бесѣду и обращался болѣе къ Жуку, такъ-какъ Алексѣй Онисимычъ по глухотѣ рѣдко принималъ

участіе въ разговорахъ. Жукъ тоже мало въ состояніи былъ слѣдить за широкими полетами Лорда, былъ человекъ болѣе практичный и любилъ говорить о чемъ-нибудь самомъ близкомъ, въ родѣ того, на примѣръ:

— Палочка эта, надо тебѣ сказать, говорилъ онъ разъ Алексѣю Описимычу,—была сосновая. Помни-же, не еловая. Вырубилъ я ее въ лѣсу. Выстругалъ начисто. Срѣзалъ, знаешь, у самага корня. Искаль все загогулину — вышла. А Фаддей Андреичъ это любить — костьюлемъ, говорить, мнѣ безпремѣнно. Потому старъ, такъ опираться. Только на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я палку рѣзалъ, выросъ грибокъ. Кустъ, видишь, былъ. Ну грибокъ, какъ грибокъ. Хорошо. Иду я, примѣрно, весною. А была заморозъ. Кустъ... Ужли, думаю, опять грибокъ? Ну ежели, говорю—грибокъ. И знаешь загадалъ. Ежели, говорю, грибокъ, отдастъ мнѣ жидъ деньги...

Разсказывая такую или подобную исторію, Жукъ оживлялся, но въ высшія сферы за Лордомъ не могъ поспѣвать и потому дремалъ часто, оттого Лордъ и будилъ его, когда пускался въ общія разсужденія: тутъ, подталкивая его локтемъ, онъ то и дѣло спрашивалъ: ай спишь? заснулъ? Что во снѣ видишь? Вставай, пѣтухи пропѣли!

Но Лордъ не всегда говорилъ о благодати божіей и Жукъ не всегда спалъ: когда нужно было, онъ, какъ заяцъ, настораживалъ уши и Лордъ тогда не спрашивалъ у него: ай спишь? Бесѣда о благодати божіей шла обыкновенно послѣ обѣда, когда было уже далеко за полдень. Съ утра-же весь триумвиратъ заботился о пропитаніи. Лордъ отправлялся часовъ съ восьми на базаръ и по гостинницамъ. Въ карманѣ у него были чернильница и перо. Онъ писалъ бабамъ письма, мужикамъ просьбы. Съ нимъ было также нѣсколько просительныхъ писемъ, гдѣ изображалось, что отставной коллежскій секретарь Серебренниковъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ и малолѣтними дѣтьми, будучи по немощи и слабости потеряннаго зрѣнія, не въ состояніи прокормить больную жену и Богомъ дарованныхъ дѣтей, просить о вспоможеніи; второе письмо объясняло, что вчерашняго числа послѣ долговременной и тяжелой болѣзни скончалась жена коллежскаго секретаря Ивана Серебренникова, неимѣющаго средствъ похоронить оную, потому и т. д.; третья цидулка гласила, что коллежскій секретарь Серебренниковъ, оправившись отъ тяж-

вой и неизлечимой болѣзни, по данному обѣщанію отправляется въ Кіевъ къ тамошнимъ чудотворцамъ принести возблагодареніе Господу за оказанную помощь, потому и просить споспѣшествовать богоугодному дѣлу добрыхъ дателей, о здравіи коихъ денно и ношно будутъ возсылаться теплыя молитвы къ престолу Всевышняго. Было еще два, три письма съ подобными просьбами, но только на имя Жука, который мимоходомъ промышлялъ и этимъ способомъ. Способъ этотъ изобрѣлъ Лордъ во время частыхъ хожденій своихъ по городу, куда его призывали то въ судъ, то въ полицію. А призывали его и самъ онъ часто ходилъ въ эти учрежденія потому, что у него всегда были кое-какія дѣлишки сутяжнаго свойства; онъ умѣлъ завязать дѣло, написать жалобу, а окуевскіе обыватели искони отличались страстью къ сутяжничеству, поэтому у Лорда всегда была практика, хотя и мелкая. Чтобы не терять время, Лордъ придумалъ просительныя письма, которыя и разносилъ по пути въ полицію или въ судъ. Присутственныя-же мѣста находились на главной площади, гдѣ былъ базаръ, гостинницы для проѣзжающихъ и постоялыя дворы. Въ судебной практикѣ Лорда, Жукъ имѣлъ важное значеніе, какъ факторъ: онъ часто шатался по базару, разнюхивая, нѣтъ-ли гдѣ дѣльца; тутъ-же встать пускалъ въ ходъ и письма. Не заводя самъ тяжбъ, да и будучи неспособенъ къ этому, Жукъ собиралъ свѣденія, велъ переговоры, вообще дѣйствовалъ по инструкціямъ Лорда. Инструкціи эти давались рано утромъ на той заваленкѣ, гдѣ мы застали весь тріумвиратъ и гдѣ Лордъ имѣлъ свое мѣсто-пробываніе. Мѣсто это служило какъ-бы преторіей, а заваленка была нѣчто въ родѣ лифостротона, съ котораго Пилать производилъ судъ. Тутъ происходили совѣщанія, рѣшались планы на цѣлый день, велась общая касса подъ главнымъ вѣденіемъ Лорда. Тутъ Лордъ давалъ инструкціи Жуку, и послѣдній чутко настораживалъ уши, вникая въ каждое слово Лорда, выражавшагося не совсѣмъ понятнымъ языкомъ приказнаго свойства.

— А ежели господинъ Бубенцовъ, наставлялъ лордъ Жука, выговаривая по складамъ каждое слово и для приданія рѣчи дѣлового характера ударяя на букву о. — Ежели господинъ Бубенцовъ скажетъ тебѣ: дѣлай, то ты сейчасъ бѣги: я буду здѣсь. Ежели-же господинъ Бубенцовъ, не взимая во внима-

ніе по установленному палатой рѣшенію векселя, возымѣтъ намѣреніе посягнуть на противузаконное и недозволенное правительствующимъ сенатомъ воздѣйствіе на упомянутые пункты, то, взявъ обозначенное рѣшеніе и показавъ ему, Бубенцову, хотя-бы въ томъ-же Абузѣвскомъ трактирѣ, въ коемъ значится его пребываніе,—отнестись засимъ въ каширскій земскій судъ для надлежащихъ удостовѣрительныхъ справокъ, а секретаря Акима Захлебстина совмѣстно съ непомнящимъ родства Афанасіемъ Чеботаевымъ препроводить для принесенія должной присяги въ тульское губернское правленіе, кое съ своей стороны имѣетъ отнестись куда слѣдуетъ. Просить затѣмъ о содѣйствіи полицейской власти. Понялъ?

— Понялъ, отвѣчалъ Жукъ.

— И далѣе, продолжалъ Лордъ громкимъ доктринерскимъ тономъ, ударяя на букву о, сейчасъ-же, какъ только начиналъ излагать дѣло.—Прося о содѣйствіи полицейской власти и, разумѣя прикосновенность къ сему противузаконному дѣйствію со стороны бывшего протоколиста веневскаго уѣзднаго суда, Григорія Родіонова, совмѣстно и Акинфія Полуехтова по дѣлу о нанесеніи надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Сергѣемъ Бубенцовымъ двухъ показанныхъ подъ присягою плюхъ Анемподесту Воротягину, отнестись затѣмъ въ бѣлогородское полицейское правленіе о снятіи ареста съ Воротягина, показавшаго подъ присягою не двѣ, какъ сказано въ донесеніи борисоглѣбскаго квартальнаго надзирателя за № 5481, а три нанесенныя въ лицо плюхи, кои тамбовское губернское правленіе въ силу указа правительствующаго сената за № 781 и признало считать доподлинными, присягою самого Воротягина подтверждаемыми, почему и донесеніе борисоглѣбскаго надзирателя силу свою теряетъ. Понялъ?

— Да не все-ли одно: двѣ или три плюхи? спросилъ Жукъ.

— То-то не одно. Мы теперь съ Бубенцова за три плюхи взыскиваемъ, а то-бы только за двѣ. Понялъ?

— Понялъ.

— Дай ему Бубенцовъ четыре плюхи, другой разговоръ пошелъ-бы. Кровапролитіе-бы указали, увѣчье... Теперь мы только малыхъ дѣтей показываемъ, да за происки ведемъ, волокиту нарочно тянемъ... Понялъ?

— Понялъ.

— Ну теперь прямо къ Бубенцову. Я буду ждать. Лети! Жуекъ полетѣлъ.

— Ну теперь ты, обратился Лордъ къ Алексѣю Онисимовичу.—Какъ только тебѣ попадется Терентій Федоровъ, заговори. Начни съ дряни—все равно. Ну и веди, веди прямо къ кабачку... А самъ все тяни... Того будто не дослышишь, то чего не понялъ. Кстати-же глухъ. Смѣкаешь? Тутъ какъ разъ у кабачка, что у собора-то: что-то молъ я прозябъ? Захвати гривенникъ. А самъ все заговаривай, все заговаривай. Васью ругай что ни есть хуже. Я молъ, Терентій Федорычъ, васъ уважаю, потому какъ мы васъ любимъ и эдакое почтеніе, не все-жь лихой человекъ да и Васька теперича, ежели взять, что молъ за притча? Тутъ разомъ: подлець, молъ, подлець, расподлець, да и родъ его подлець... Я тѣмъ разомъ къ вамъ. Здорово! ты будто не видался. Объ чемъ молъ у васъ? О Васькѣ. Я какъ тутъ: а прошеніе молъ? Да мы его по судамъ затаскаемъ. Смѣкаешь?

— Смѣкаю.

— Живѣй! И прежде всего: подлець, молъ, подлець расподлець, понимаешь? А ежели что, молчи! Почему, скажеть, не говоришь? Такъ и отвѣчай: молчу молъ. Чуешь? А ежели онъ: да у васъ что съ Васькой? У насъ молъ, ну тутъ опять: подлець, молъ, подлець, расподлець, понимаешь?

— Понимаю.

Вслѣдствіе разнаго рода дѣлъ и дѣлишекъ, у триумвирата установились нѣкоторыя особыя отношенія къ полиціи. Жуекъ, можно сказать, питалъ даже врожденное чувство страха къ полиціи. Онъ вообще мрачно глядѣлъ на жизнь, былъ сосредоточень, говорилъ рѣдко, всегда вполголоса и наскоро, какъ-бы спѣшилъ сообщить что и опять погрузиться въ свои думы. И Лордъ, зная это, давалъ ему порученія щекотливыя, гдѣ требовались таинственность и скрытность. „И чуть, понимаешь, прибавлялъ Лордъ иногда къ своимъ порученіямъ,—чуть, говорю, мало-мальски квартальный либо частный—фитъ! чтобъ и духу твоего не было!“—И Жуку часто приходилось на всемъ ходу вдругъ шмыгнуть въ глухой переулокъ. Но полицейская власть чутка именно къ тому, кто ее избѣгаетъ, хотя-бы и безъ причины; извѣстный воръ и мошенникъ могъ ходить открыто по Окуеву, но всѣ будочники, встрѣтивши Жука, считали какъ-бы своею обязанностью ударить его по

плечу, повернуть лицомъ къ себѣ и вдругъ эдакъ спросить: Ага! гдѣ, братъ, побывалъ? И хотя за Жукомъ ничего явного не числилось и даже въ темныхъ дѣлишкахъ онъ былъ только слугою Лорда, но прошлая-ли его жизнь (разъ онъ сидѣлъ въ острогѣ, тоже за Лорда), прирожденное-ли чувство оторопѣлости и страха, самое-ли его мѣстопробываніе у ручья, въ кустахъ, только онъ всегда чувствовалъ неимовѣрный страхъ къ полиціи, въ рукахъ-же у будочника наиболѣе ощущалъ свою беспомощность и сиротство. Вотъ почему онъ вдругъ шмыгнетъ иной разъ въ переулочъ, и наровитъ идти все у заборовъ, около плетней, глухими тропинками, по пустырямъ, которыхъ много въ Окуевѣ. Оттого у него помимо его воли сложилась какая-то воровская и подозрительная фигура, обращающая на себя вниманіе полиціи. Страхъ Жука доходилъ до болѣзненности можетъ быть и оттого, что не имѣлъ разумнаго основанія: Жукъ ни въ чемъ не былъ виновенъ, въ острогѣ сидѣлъ собственно за Лорда, ради дружбы, и самъ неясно понималъ за какое дѣло, хотя Лордъ и долго толковалъ ему; отсюда къ боязни у Жука примѣшалось инстинктивное, невольное чувство ненависти къ этому учрежденію, какъ къ чему-то враждебному, ужасному, неистощимому въ изобрѣтеніяхъ, вездѣсущему и всемогущему. Жукъ любилъ занятія тихія, въ родѣ календарей, клѣтокъ,—и вотъ въ его кануру, у ручья, вламывается разъ самъ кварталный съ двумя будочниками: что? какъ? что ты дѣлаешь? какъ смѣешь? чѣмъ занимаешься? гдѣ скрываешься? а тебя! сейчасъ, чтобъ все было! И кварталный тычетъ пальцами въ стѣну, въ новые календари, будочникъ пробуетъ новую клѣтку, гнетъ огромными пальцами нѣжные прутки, шумъ, крикъ... И оторопѣлый Жукъ не знаетъ куда дѣться. Опустивши глаза въ землю, онъ слышитъ и не слышитъ, и жаль ему новаго календаря, измятаго кварталнымъ, жаль только что отдѣланной клѣтки... Это что? слышитъ онъ. Я тебѣ дамъ календари! Ты что это разносишь по городу? Развѣ ты имѣешь позволеніе разносить календари? Ты скоро подметныя письма будешь писать...

И кварталный собственноручно содралъ новый календарь со стѣны и поднесъ къ окну, въ свѣту.

— Кто дозволил? Давай бумагу! Есть письменное дозволеніе? Это что въ углу? Эй!

Будочникъ подошелъ къ какому-то хламу-тряпю, лежавшему въ углу и, копнувъ, потянулъ какія-то полосатыя штаны.

— Краденое! закричалъ квартальный.—Что ты на это скажешь? а? Откуда штаны? а?

Будочникъ вытянулъ изъ кучи сапогъ.

— Откуда сапогъ? а? Говори! Это еще что?

Будочникъ показалъ полштофъ съ водкой, бывший тоже въ хламѣ. Водки было немного.

— Пьяницы, разбойники! сказалъ квартальный.—Боже тебя избави, ежели что... Слышишь? Помни-же, что я былъ у тебя. И чуть что... Слышишь? Чтобъ я не видалъ... И ежели только... Семень! слѣдить за нимъ! Ахъ вы, каналы! Вотъ архаровцы...

И съ этими словами квартальный удался. Страхъ Жука съ этихъ поръ обратился въ манію. Всѣ его размышленія, всѣ старанія направлены были съ этихъ поръ къ тому, что-бы казаться по возможности незамѣтнымъ, сжаться такъ, на сколько способна сжиматься человѣческая натура. Щекотливыхъ порученій онъ избѣгалъ, рѣдко показывался въ городѣ, стараясь выбирать большіе морозы, когда полиція дома, и будочники укутаны, и праздники, когда полиція какъ будто добрѣе, какъ будто у ней тоже проявляется совъѣсть. На перекресткахъ онъ всегда уже останавливался, настораживалъ уши и шибко крутилъ носомъ, стараясь какъ-бы чутьемъ угадать, гдѣ онъ можетъ встрѣтить ясныя пуговицы: направо или налево; и иногда угадывалъ вѣрно. Вотъ бы ему шапка невидимка! Во снѣ онъ видѣлъ обыкновенно клѣтки, календари будто раскрашивалъ,—но если случался сонъ тяжелый, страшный, то непременно представлялись будочники, квартальные, отовсюду будто полицейскія лапы съ сѣрыми обшлагами, тянутся къ нему—и онъ въ ужасѣ просыпался и прибиралъ изъ псалмовъ все, что помнилъ: Господь пасеть мя, помани яцар Давида и всю кротость его! Спокойно онъ только чувствовалъ себя дома у ручья, когда, сидя у окна, единственнаго свѣтлаго мѣста своей кануры, раскрашивалъ календари или обдѣлывалъ прутики для клѣтокъ; тутъ онъ иной разъ даже напѣвалъ что нибудь вполголоса: стихиры, каноны разные; у окна росла крапива, вѣтеръ щевелилъ ее, воробы тоже слетались, было вообще весело...



На столѣ кисточки, черепки съ красками, вода въ чашкѣ, тутъ-же чижъ въ клѣткѣ—какой еще обстановки? И Жукъ забывался за работой и напѣвалъ... Но какъ только выходилъ онъ за ворота, такъ въ головѣ его выросталъ образъ будочника и странное дѣло: самъ-ли Жукъ былъ очень ужъ мизеренъ, привыкло-ли его зрѣніе ко всему крохотному, когда онъ рисовалъ календарныя клѣтки, только образъ этотъ всегда принималъ громадные размѣры; одинъ сѣрый обшлагъ чего стоилъ, а самая лапа, съ пальцами въ поларшина, просто наводила ужасъ; остального, обыкновенно, Жукъ и не видѣлъ отъ страха представлялось что-то общее, огромное, сѣрое, съ медалями, съ яснымъ лбомъ и свѣтлыми пуговицами: Господь пасеть мя! повторялъ Жукъ. Вотъ потому на улицѣ первое чувство, первая мысль Жука была всегда—сжаться, сжаться такъ, чтобъ совѣмъ и не видно его было; стереться, въ землю уйти, если можно... И какъ ни способна сжиматься, стираться, и умаляться человѣческая натура, только Жукъ все еще не доволенъ былъ собой, все думалъ, что его замѣчаютъ, имѣють до него дѣло, подозрѣніе питають.

Самыя мысли свои Жукъ старался сжать въ кулакъ, если можно. Чтобы не лѣзли они въ голову, онъ часто начиналъ читать молитвы, особенно, коли шелъ въ городъ: ему казалось, что полиція должна видѣть все, что у него въ душѣ. Поэтому, какъ только вступалъ онъ въ городъ, сейчасъ начиналъ: Отче нашъ, Богородицу; мимо присутственныхъ мѣстъ у него уже положено было читать сорокъ разъ Господи помилуй. Тутъ онъ уже прямо надѣялся на силу Господню, которая скроетъ его мысли отъ будочника. Шапка невидимка часто приходила ему на умъ. Вотъ ему нужно попасть въ гостиницу. „Господи! пронеси“—думаетъ онъ. Вотъ онъ юркнулъ въ ворота. „Ты... Ты!“ раздается голосъ. Жукъ оторопѣлъ, въ глазахъ темно. „Слава Богу, думаетъ, это на собаку!“ И идетъ. Надо попасть въ корридоръ. Такъ вотъ и слышится ему: „Куда! ахъ ты, поскуда! я тебя“... Сколько страданій переживаетъ онъ, пока достигнетъ цѣли! И какъ жалѣеть, что нѣтъ у него шапки невидимки. Положимъ, сюртукъ его принимаетъ цвѣтъ какой угодно и смѣшиваетъ Жука съ толпой, съ мебелью, да этого недостаточно! Ему жаль, что онъ долженъ жить во что-бы то ни стало и стало быть долженъ быть видѣнъ, замѣтенъ...

— Ничего не подѣлаешь, говорилъ онъ иной разъ Алексѣю Онисимычу, которому одному вполне повѣрялъ свои мысли:—Всякій тоже хочетъ жить, послѣдній мужикъ— ужь что-бы, кажется? и на свѣтъ-то ему не слѣдъ быть: нѣтъ, лѣзеть. А на что? Все Богъ за грѣхи наказываетъ: живи, говоритъ, я тебя, шельму... Понимаешь? Тоже и мы. Вертись, не вертись, нынче ѣсть захочешь, завтра... И просишь Всевышняго, помоги, говоришь... Ну и услышитъ иной разъ. Помню исторію: три noci я молился, днемъ спалъ, потому нашему брату при всѣхъ молиться не порядокъ: это что скажутъ? Кто ты таковъ? Тотъ-же квартальный: какъ? молиться? Да я тебя, шельму... Ну я и ночью. И что-жь? Получилъ вѣдъ пять-то рублей—это я объ нихъ все просилъ. Какъ получилъ я ихъ, вѣришь-ли, душа въ пятки ушла... Господи, говорю, милостивый Создатель, избави меня теперь только отъ гордости, говорю... Потому панъ я сталъ сразу. А дай-ко мнѣ не пять, а будемъ такъ говорить, двадцать пять,— вѣдъ я что? Вѣдъ я... да Господи! Да я, примѣрно... Это все равно, какъ разъ мнѣ пьяному представилось: представилось мнѣ, что Господь чудо сотворить можетъ на мнѣ, на цѣлый годъ сытымъ сдѣлаетъ, чтобы я такимъ манеромъ цѣлый годъ ѣсть не хотѣлъ: я и давай молиться! Да какъ просилъ-то! Боже мой!

— Ну и чтожь?

— Да что? Наитіе вышло. Показалось мнѣ, что я и въ самомъ дѣлѣ безъ пищи словно могу быть. Три дня не ѣлъ.

— Ну?

— Пилъ все. Да. Вотъ какія видѣнія бываютъ. И я тебѣ скажу, коли-бъ я не пилъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Господь смиловался-бы. Чудеса, бываютъ. По молитвѣ, конечно.

Жукъ помолчалъ.

— Да, продолжалъ онъ,— дай-ко-съ тебѣ двадцать пять рублей, вѣдъ ты что? Вѣдъ тебя тогда не то, что будочникъ, квартальный не посмѣетъ тебя тронуть. Ты тогда съ кварталнымъ будешь говорить, и ничего. Вотъ какъ я объ этомъ понимаю. Нѣтъ тебѣ тогда человѣка равнаго. Да. Теперь ты его, квартального-то, боишься, на тыщу верстъ наровишь отъ него, молишь Господа, чтобы какъ не встрѣтиться, а тогда? Мое почтеніе, Иванъ Козьмичъ. Пожалуйте на рюмву воды. Ужь

на что нашъ Серебренниковъ? Кажись-бы и краса, и ростомъ взялъ, а погляди что съ нимъ дѣлается, какъ онъ кварталнаго-то увидить? Не узнать. Ни виду, ни осанки... Лопочеть себѣ подъ носъ... Отчего это?

Алексѣй Онисимычъ ничего не отвѣчалъ на это.

— А вѣдь кажись тоже человѣкъ... Чего въ немъ нѣтъ, говорю? И плутъ тоже, и все... Да не кварталному чета.

Жукъ помолчалъ.

— Вѣдь мы съ тобой что? Намъ и Богу-то молиться не о чемъ. Вотъ купецъ, примѣрно, староста какой, онъ ужъ знаетъ, о чемъ Бога просить... Барыши тамъ, ущербъ какой, ярмарка близко, ну вотъ онъ и крестится и самъ знаетъ, для чего... А мы? Что я теперь, о чемъ стану креститься? Господи, скажу, а дальше что? Торговать мнѣ нечѣмъ, на службу не пускають, то-бы хоть я за начальниковъ, примѣрно, молился, а теперь? Ну и ударишь, бываетъ, себя въ грудь: Господи, скажешь, да и замолчишь... И ничего не подѣлаешь. Больно ужъ малы мы съ тобой.

Жукъ помолчалъ.

— Про иныхъ такъ-то говорятъ, началъ онъ снова, — вотъ тотъ-то хорошій человѣкъ, а этотъ не такъ себѣ, — все это не для насъ. Что мы съ тобой? Кому нужно, какіе мы люди? Я теперь такъ: пришелъ куда, я долженъ ждать, что мнѣ скажутъ, либо велеть: самъ я не буду говорить. Потому сейчасъ: ты кто? Ни ты по суду, ни ты по полиціи... Брысь! И мысли-то мои вѣдь связаны! И слава Богу. Распустико я ихъ, что выйдеть? Боже сохрани. Вотъ возьмешь иной разъ нарочно щепочку и думаешь надъ ней: изъ какого дерева, да откуда? Чтобъ мыслямъ-то ходу не давать, понимаешь? Тоже вотъ молитва помогаетъ. Какъ что, — сейчасъ Отче или Богородицу. Эго первое. Отвыкнешь думать даже, вотъ что. А вѣдь это братъ спасенье. Тогда тебѣ ни кварталный, ни что... Ты правъ. Вотъ онъ, молъ, я. Весь тутъ. Мыслей у меня нѣтъ, что возьмешь? Молитву коли хошь тебѣ прочитаю, а дальше ничего. Да. Сажать начнешь, въ кутузку, примѣрно, Богъ съ тобой, сажай! Главное только, чтобъ тебя мысли не тревожили. Сиди въ кутузкѣ, и ничего. „Господи помилуй, да Господи помилуй“, и не увидишь какъ время пройдетъ. Вотъ драть начнутъ, скверно! Тутъ ужъ молитва не беретъ. Ни, ни. — Тутъ коли бываетъ, разговоръ какой зна-

ещь... Да и то вишь обратное тутъ есть, слова такія, что ты, примѣрно, заговорилъ себя, а у квартальнаго другія слова, и онъ твой заговоръ отворить... Да. Миѣ сказывалъ мужигъ одинъ. И я вѣрю.

Такова была философія Жука и онъ ее, можно сказать, проводилъ въ жизни. Не смотря, однако, на вѣчный страхъ даже за свои мысли, Жукъ въ извѣстныхъ случаяхъ былъ самостоятеленъ и выработалъ себѣ правила, которыхъ держался крѣпко. Такъ онъ ни за что-бы не сталъ пить на страстной недѣлѣ, говѣлъ акуратно каждый великій постъ, бросая на это время всѣ дѣла. Иногда онъ пропадалъ недѣли на три, на цѣлый мѣсяць: это онъ странствовалъ по святымъ мѣстамъ. Ни одного лѣта не проходило безъ того, чтобы онъ не побывалъ у Троицы или въ Ростовѣ, или въ Воронежѣ, разъ даже ходилъ въ Кіевъ. И никогда никому не сказывался: вдругъ пропадетъ, и нѣтъ его недѣль пять-шесть. А потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, явится къ Лорду:

— Былъ въ Москвѣ скажетъ.—Въ Ростовъ заходилъ.

— Нѣшто это по дорогѣ? спросить только Лордъ.

— Оно не то, чтобы по дорогѣ... Давно хотѣлось.

Натура Жука была собственно поэтическая. Его тянули не святыя мѣста, но поля, роци, мѣстности, которыя случалось проходить. Онъ любилъ наслаждаться природой. Когда весной разольется ручей въ оврагѣ, у котораго онъ жилъ, и зашумитъ въ кустахъ, наводя пріятную дремоту въ сумерки, Жукъ долго сидитъ у окна и прислушивается... Въ комнатѣ совсѣмъ темно. Въ окно виднѣнъ оврагъ, кусты... Блеститъ тамъ и сямъ нерастаявшій еще снѣгъ. Прошлогодняя крапива, репейникъ лѣзутъ къ самому окну. А тропинка на краю оврага ужъ протоптана: мелкая весенняя травка пробивается около нея. И спускаются на все сумерки, темнѣетъ оврагъ все больше, пока, наконецъ, совсѣмъ укутается въ потемки и станетъ внизу его ночь совсѣмъ, когда кругомъ еще можно разобрать тропинку и виднѣнъ дальній монастырь, ярко-рисующійся своими главами на потухающей полоскѣ зари... Жукъ долго смотритъ и на зарю и такъ, въ поле, и на душѣ у него такъ покойно и хорошо, что онъ считаетъ это за особенное наитіе.

— Сижу это я вчера у окна, рассказываетъ онъ о такихъ

«Дѣло» № 5.

минутахъ Алексѣю Онисимычу:—и странное, братецъ, дѣло: представилось это мнѣ, что я тоже человѣкъ, вотъ какъ люди, и живу это, и все такое... Отчего это?

— Врагъ смущаетъ, рѣшилъ Алексѣй Онисимычъ.—Этого не должно.

— Я и то ужъ думалъ: къ чему это мнѣ? Ай помереть скоро? Говорятъ, человѣкъ передъ смертью видитъ все...

Но врагъ-ли тутъ смущалъ, передъ смертью-ли, только у Жука были свѣтлыя минуты въ жизни. Вотъ страстная недѣля. Жукъ говѣеть. Смѣло ходить въ церковь, будочниковъ не боится, потому что и они, бываетъ, говѣютъ, да и вѣра пибко развивается за эти дни у Жука. Въ свободное время, между часами и вечерней онъ разрисовываетъ янца: больше ножикомъ, такъ какъ эта работа искуснѣе, чѣмъ мазанье красками. Вотъ изобразилъ онъ вознесеніе Господне на одной сторонѣ, на другой распятіе; на полюсахъ Х. В. А вотъ представилъ блюда: съ куличемъ, съ пасхой, съ яицами. Тамъ Иисусъ предъ Пилатомъ. Пилата Жукъ рисуетъ въ пишакаѣ, въ бронѣ; снялъ, какъ видно, съ пожарной команды. А вотъ Иисусъ у Каіафы. Кругомъ стоятъ попы; отецъ Андрей представляетъ Каіафу. Воины, распинающіе Христа, точь въ точь окуевскіе будочники; тѣ-же сѣрыя шинели, пишаки, какъ у пожарныхъ, а разъ Жукъ изобразилъ война съ тавлинкой, подтягиваетъ веревкой Христа на крестъ и маленько остановился, чтобъ мимоходомъ понюхать табаку. Фантазія Жука богата образами, взятыми прямо изъ жизни. Такъ Авраамъ подъ дубомъ Мамврійскимъ положительно уже отецъ Матвей. Иныя фигуры сняты съ дьячава Мартына, напр., Іосифъ Аримафейскій. Есть тоже дѣдъ: рыбу удить. Въ мытарѣ Жукъ изобразилъ самого себя, а въ фарисеѣ Лорда. На бѣломъ балахонѣ Серебренникова изобразилъ слова закона, широкую, какъ мѣсяць, морду обвелъ жидкими баками и насадилъ также височки колечками, и Лордъ, увидѣвъ яйцо, очень обидѣлся: тогда Жукъ прибавилъ фарисею бороду. Въ углу на двухъ полкахъ красуются у Жука всѣ эти работы и цѣна имъ очень малая, напримѣръ: Тайная вечеря стоитъ гривенникъ. Авраамъ—пятакъ серебра. Есть и дешевле: Іосифъ Аримафейскій—двѣ копейки. Домики и церкви Окуева огуломъ по три коп. яйцо. Только соборъ на площади съ присутственными мѣстами и лавками кругомъ полагается, какъ

тайная вечера, гривенникъ. Каждый годъ Жукъ перемѣняетъ рисунки. Такъ, побывавши въ Москвѣ, изобразилъ онъ Троицкую Лавру, Кремль, церковь Василия Блаженнаго. Работы Жука покупаются охотно, наравнѣ съ календарями, потому и цѣна малая, и самъ Жукъ только съ полиціей не въ ладахъ, обыватели же знаютъ его за человѣка смирнаго и даже безотвѣтнаго. Разъ даже удивились, когда о Пасхѣ Жукъ не разносилъ, какъ обычно, яицъ и календарей, и очень жалѣли, узнавши, что квартальный дѣлалъ по какому-то случаю у Жука обыскъ и перебилъ всѣ яйца и календари перервалъ.

Такимъ образомъ, натура Жука была по преимуществу созерцательная... Она-то, можетъ быть, не смотря на бѣдность, на всякіе полицейскіе ужасы, толкала его искать какого-нибудь исхода и удовлетворенія въ путешествіяхъ ко св. мѣстамъ, въ разрисовкѣ яицъ и календарей. Всякую работу, если только она была своя—быль-ли то календарь, клѣтка, Іосифъ Аримафейскій—Жукъ дѣлалъ съ увлеченіемъ, забывался за ней и всегда напѣвалъ что-нибудь себѣ подъ носъ, когда работалъ. Оставаясь одинъ, онъ выбиралъ себѣ непремѣнно что-нибудь такое, что занимало его умъ и воображеніе. Внутренняя жизнь его была по своему богата, и дай ему хорошее дѣло, онъ исполнилъ-бы его съ тою готовностью и усердіемъ, съ какими служилъ Лорду въ силу того только, что тотъ называлъ его пріятелемъ. Но дѣла не могло быть для человѣка съ такимъ своеобразнымъ взглядомъ на вещи. Жукъ выработалъ себѣ убѣжденіе, что общество есть ничто иное, какъ огромная полиція; всякое присутственное мѣсто считалъ онъ если не прямо полицейскимъ, то во всякомъ случаѣ состоящимъ въ связи, въ солидарности, въ кумовствѣ съ полиціей. Была-ли то утопія или разившійся въ маію страхъ—только Жукъ въ фантазіяхъ своихъ вѣчно носился въ какихъ-то заоблачныхъ странахъ, гдѣ не существуетъ ни полиціи, ни присутственныхъ мѣстъ, и гдѣ такъ хорошо со временемъ будетъ жить. Словомъ, онъ вѣрилъ въ царство Божіе. Поэтому не ужился ни въ судѣ, ни въ полиціи; кромѣ Лорда и Алексѣя Онисимыча для него не существовало общества; порядки и законы всякіе были не для него, а для другихъ; его даже въ церкви зазрѣла совѣсть, говорилъ онъ, и справедливо: онъ не былъ ни по суду, ни по полиціи, а тамъ молились люди, имѣвшіе на это право по своему полицейскому или

другому общественному положенію. Словомъ, своеобразная была натура. Маленькая комнатка съ свѣтлымъ мѣстечкомъ у окна, съ вѣчными сумерками по угламъ, календари, аккуратно развѣшанные по стѣнамъ, яицы, рядкомъ уставленные на полкахъ,—вся эта крохотная обстановка съ вѣчнымъ жужжаньемъ мухъ и свѣшивающеюся съ потолка паутиною, съ великолѣпнымъ видомъ въ окно на живописно-разбросанный, на половину укутанный садами, городъ, на дальній монастырь у роши, тамъ, гдѣ за рѣкою пестрѣютъ поля и лѣнятся тамъ и сямъ на горахъ деревушки—вотъ міръ, въ которомъ съ любовью и довольствомъ укладывалась внутренняя жизнь Жука. Онъ былъ малъ—этотъ міръ, но Жукъ разнообразилъ его тѣмъ, что изучалъ въ немъ малѣйшія подробности: любилъ глядѣть, какими изъ окна его представляются звѣзды, какъ ярко горятъ онѣ ночью, какъ потухаютъ къ утру; подъ шумъ осенней бури наблюдалъ, какъ вѣтеръ безжалостно обрывалъ листья съ кустовъ въ оврагѣ, какъ гнулъ крапиву у окна и она стучала въ стекло, какъ будто просилась въ комнату. Зимой его избушка укутывалась въ снѣгъ: какъ горы вставали сугробы кругомъ и заслоняли городъ и видѣлся въ окно одинъ снѣгъ—снѣгъ, да клочекъ неба вверху свѣтилъ часокъ-другой Жуку при его работахъ. И было такъ тихо тогда и въ избушкѣ и кругомъ, что самая сильная вьюга едва долетала, какъ шорохъ отдаленнаго лѣса. И Жукъ, какъ на кораблѣ, затертомъ льдами, запасался тогда провизіей, хлѣбомъ, вяленою рыбою, яицами. Такому положенію онъ отчасти радовался, такъ какъ вьюга иногда на недѣлю и больше сулила ему полное уединеніе и онъ безъ помѣхи могъ предаваться любимымъ занятіямъ.

Совершенную противоположность съ Жукомъ составлялъ Лордъ. Это былъ человѣкъ вполне общественный и въ этомъ отношеніи сходилса съ сапожникомъ: оба сознавали, что принадлежатъ къ большому царству и не чужды общаго теченія имперіи. Оба были патриоты и вмѣстѣ съ кандидатомъ вели постоянную войну съ французами и нѣмцами. Но какъ человѣкъ практическій, Лордъ не столько самъ дѣйствовалъ, сколько заправлялъ. Пошлетъ Жука, а самъ къ себѣ въ горенку—и ждетъ. Но созерцаніямъ не предается. Сейчасъ что нибудь близкое—чернилицу, напр., начнетъ продувать, перышко очинивать, либо тряпку какую разсматриваетъ. Сниметъ тоже

сюртукъ, на свѣтъ прикинетъ. Ежели дыра—зашьетъ. Нитку въ иголку вдернетъ—на заваленку выйдетъ. Тутъ встати погрѣется на солнышкѣ, травку какую увидитъ, тоже разбирать начнетъ: словно-бы репейникъ, скажетъ, не то крапива. Поглядитъ встати по солнцу, не пора-ли водку пить. Бариномъ вообще любить жить. Въ предбанникъ пойдетъ полежать, тамъ на полкѣ у него полштофъ въ запасѣ: выпьетъ. А Жукъ съ Алексѣемъ Онисимычемъ тѣмъ временемъ дѣла стряпаютъ, письма разносятъ. Самъ Лордъ рѣдко показывается въ городѣ: у него тоже есть дѣла съ полиціей и дѣла, можно сказать, основательныя, такъ что онъ не безъ причины побаивается кой-кого. Впрочемъ, въ затруднительныхъ случаяхъ онъ беретъ своею представительностью, свободными манерами. Онъ не побѣжитъ отъ будочника, нѣтъ: нарочно остановится еще, вынетъ тавлинку и, отставивши правую ногу, самъ начинается:

— Вотъ, Семень Петровичъ, скажетъ, — и погоду Богъ далъ. Долго ждали, наконецъ-то, послалъ Господь.

— Это такъ, говоритъ Семень Петровичъ,—Богъ послалъ погоду... Это такъ,—а самъ искоса посматриваетъ на Лорда и лицо его принимаетъ такое выраженіе, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: А, пора-бы тебя, шельму, въ кутузку!

— Сколько это куръ на базарѣ, спѣшить замѣтитъ Лордъ,—Боже мой! Должно годъ, чтоль, такой, либо Господь посылаетъ. Откудова-бы столько куръ? Это я прохожу теперича: откудова, говорю, Господи, столько куръ?

— Все это такъ, говоритъ стражъ и опять, видимо, что-то еще хочетъ сказать.

— И ей-Богу такъ, говоритъ Лордъ.—И все это къ празднику, безпремѣнно къ празднику! Одначе поспѣшить!

Стражъ провожаетъ глазами Лорда, а самъ, кажется, хочетъ сказать:—О-охъ! И насидишься-же ты у меня, шельма!

— Видѣлъ Семена Петровича, рассказываетъ Лордъ сапожнику у бѣлаго домика.—Какой, можно сказать, порядокъ вездѣ!

— Полицейскій порядокъ—одно слово! замѣчаетъ Кривой Глазь.

— Удивительныя учрежденія!

Это замѣчаніе Лорда вводитъ ихъ въ общій кругозоръ жизни, и тутъ можно замѣтить всю разницу между Жукомъ и Лордомъ.



Въ то время, когда Жукъ говоритъ Алексѣю Онисимычу:  
— Намъ развѣ какая молитва подходитъ? Развѣ одинъ „Отче нашъ“, потому тутъ ничего вотъ этого нѣтъ, о чемъ другіе молятся...

Лордъ ведетъ такую бесѣду съ сапожникомъ:

— Пора-бы молиться о бездождіи. О прошломъ году помню вплоть до Петрова дня засуху; какъ грянули это въ колокола, да зачитали молитвы—тутъ и полило, тутъ и полило—Боже мой!

— Потопъ былъ, замѣтила чуйка.—Помню всѣхъ это насъ согнали на базаръ... Самъ квартальный оповѣщалъ, чтобъ безпремѣнно всѣ шли Богу молиться.

— Что-жъ кропили? спросилъ сапожникъ.

— Такъ кропили, Боже мой! Никто это и не запомнить, чтобы такъ кропили когда!

— Вотъ оно значить и полило! заключилъ сапожникъ.

Лордъ вообще слѣдилъ за городскими новостями, хотя и рѣдко самъ бывалъ въ городѣ.

— Нагнали солдатъ, рассказывалъ, напр., оцъ:—на нѣмца, должно, пойдѣмъ.

—Я-бы, братцы, на этихъ нѣмцевъ Ирода послалъ, замѣтила чуйка:—чтобъ онъ всѣхъ этихъ младенцевъ ихъ побивалъ... Неужли, братцы, и въ своей землѣ они такіе ехидные? И отчего ихъ теперича не обрабатываютъ?

— Надо такъ говорить, началъ сапожникъ, вникая въ глубь вопроса:—съ нѣмцемъ всегда споровка. И вотъ: чѣмъ къ тебѣ нѣмецъ ласковѣй, тѣмъ тебѣ хуже будетъ. И вотъ, что собака: ежели рычитъ—не бойся! Какъ завилялъ нѣмецъ хвостомъ—бѣги! бѣги, не оглядывайся! Это онъ укуситъ тебя хочеть и мѣсто облюбовалъ...

— У насъ при секуціяхъ всегда нѣмецъ, сказалъ кандидатъ:—потому акуратень. Сказано двадцать пять, ужъ онъ тебѣ безпремѣнно влѣпнеть.

Ну, тутъ пальба пойдетъ, бываетъ. Лордъ отправляетъ арміи: на Кавказъ, за море, воюеть англичанъ, турокъ,—кандидатъ палить.

Обширность учрежденій особенно привлекала Лорда и онъ любилъ развивать, что:

— Какъ это, Боже мой, Господи, что ни возьми теперъ губернію, вездѣ это губернаторъ сидитъ, подъ нимъ судья

всякіе, станове, теченіе идетъ, и никто теперича не долженъ жаловаться, потому на все свое теченіе — какъ ты пойдешь, куда? Вездѣ сейчасъ: кто таковъ? Какъ? что дѣлаешь? Гдѣ живешь? Чѣмъ занимаешься? И чуть что — сейчасъ тебя сцапаютъ и всю подноготную твою узнаютъ... Да. Много премудрости у Создателя.

Когда Жукъ проводилъ ту мысль, что всякіе порядки и законы не для него, а для другихъ, Лордъ вводилъ новый элементъ въ свои бесѣды и пустилъ въ ходъ новое словцо: правительство. Тогда шла крестьянская реформа, приближалась судебная, и потому слово правительство вошло и въ тѣ слои, гдѣ прежде слышалось только: палата, уѣздный судъ, за № такимъ-то, — иногда съ прибавленіями: разбойница палата, бестія уѣздный судъ, за №, провались онъ, такимъ-то, въ силу видимости такой и такой и проч. Теперь рѣже употреблялись эти выраженія: пошло въ ходъ правительство. И Лордъ, наслышавшись тамъ и сямъ, прежде всего огорошил новымъ словомъ сапожника:

— Правительство, началъ онъ глубокомысленно, — указываетъ намъ и, стало-быть, дѣйствуетъ, ежели-же, — Лордъ разставилъ пальцы, — ежели, говорю, наоборотъ: правительство дѣйствуетъ, то совмѣстю съ указаніемъ и веда сувокупно къ дѣйствію, причемъ означая видимости и неукоснительно...

Сапожникъ сначала не понялъ и попробовалъ свое любимое словцо: имперія.

— Позвольте, почтеннѣйшій, сказалъ онъ, — имперія-же какъ? Она свое теченіе имѣетъ и даже завсегда! Я такъ полагаю.

— Правительство, началъ опять Лордъ, — не взирая на теченіе имперіи...

— Одначе, почтеннѣйшій, какъ-же такъ зря?

Долго толковали они и все-таки не спѣлись. Лордъ самъ еще не достаточно уяснилъ себѣ новую идею, сапожникъ все упиралъ на имперію...

— Это гдѣ тебя Господь Богъ сподобилъ? спросила у Кривого Глаза жена, когда сапожникъ ввалился въ хату еле живъ и, противъ обыкновенія, молча сталъ раздѣваться.

— Безстыжіе твои глаза, хоть стѣнь-то-бы постыдился, ни дня ни ночи, какъ это Богъ терпитъ, причитала баба.

Сапожникъ все молчалъ.

— И гдѣ тебя окаянныя носятъ? Каковой это человекъ, прости Господи... Да это... Какая теперича жизнь? Гдѣ таки видано? Да это...

Сапожники все молчали.

— А вотъ тебя поганую бабу къ правительству свести надоть, сказалъ онъ, наконецъ, и повернулся къ стѣнѣ.

При такихъ широкихъ воззрѣнiяхъ Лордъ, разумѣется, игралъ первую роль въ триумвиратѣ. Объ Алексѣѣ Онисимычѣ можно сказать, что онъ игралъ такую роль въ триумвиратѣ, какую нѣогда занималъ при первомъ консулѣ аббатъ Сийесъ, сидя на пенсiи и изготавляя письменныя упражненiя на тему „о конституціи“. Бонапартъ поправлялъ ошибки и снова отдавалъ тетрадь аббату, пока послѣдній не догадался, что вся его обязанность состоитъ въ писанiи этихъ упражненiй. Лордъ поручалъ Алексѣю Онисимычу писать просьбы, изложивши сначала вкратцѣ суть дѣла: Алексѣй Онисимычъ былъ кончившій курсъ семинарiи, зналъ риторику и писалъ довольно толково до четвертой рюмки, поэтому Лордъ зорко наблюдалъ, чтобъ сочинитель до конца просьбы никакъ не выпивалъ больше трехъ, иначе прошенiе переполнялось риторическими фигурами, метафорами, метонимiями и проч. Тутъ и многочисленное семейство и малолѣтныя дѣти, которые на пятой рюмкѣ умирали уже съ голоду, на шестой рождались снова, седьмая давала кучи племянниковъ, на восьмой шло обращенiе къ самому правительствующему сенату, да снизойдетъ онъ къ мольбамъ и рыданiямъ вдовъ и сиротъ беззащитныхъ, да устремить всеозирающее око свое на колѣнопреклоненныхъ, ницъ лежащихъ, плачущихъ и рыдающихъ, на слово его уповающихъ, взывающихъ, просящихъ, чающихъ, къ стопамъ его слезно припадающихъ...

Какъ увидалъ однажды Лордъ, уходящій на время куда-то, что у Алексѣя Онисимыча все это щихъ, щихъ, щихъ, щихъ— такъ и ахнулъ:

— Это что такое! Какіе у тебя щи? Кто водку давалъ?

И Алексѣя Онисимыча надо было протрезвить, просьбу вновь составить. Протрезвленiе Лордъ обыкновенно поручалъ Жуку, особенно, послѣ какого-нибудь праздника, когда Алексѣй Онисимычъ поправлялся, то есть съ утра все выпивалъ и выпивалъ: онъ искалъ въ этомъ случаѣ какую-то точку и если останавливали его, то говорили:

— Пстой, пстой, братецъ... Вотъ я еще немножко... Я, видишь-ли, самъ ужъ попаду на точку... Мнѣ только на точку надо. Тамъ ужъ я самъ пойду. Сразу окорочусь.

И иной разъ Жукъ долженъ былъ вываживать пріятеля дня два-три; трудное дѣло тоже было вывести сочинителя изъ дома: сборы были большіе, таеъ какъ Алексѣй Онисимычъ на дорогу разливалъ водку въ пузырьки, которые совалъ во всѣ карманы, даже нарочно подѣлалъ для этого особыя помѣщенія въ своемъ сюртукѣ; выйдя изъ дома, все заботился, не забылъ-ли чего, да есть-ли про запасъ гривенникъ... Затѣмъ Жукъ водилъ его по полямъ, по деревнямъ тоже плялись: все искали точки, доколѣ на третій или на четвертый день не приходили, наконецъ, домой, умаявшись и истомившись... На другой день Лордъ запиралъ Алексѣя Онисимыча въ своей горенкѣ, клалъ на столъ бумагу и чернила, и, нацѣдивъ въ посудину ровно три рюмки, самъ уходилъ часа на три—время необходимое для просьбы.

Таковъ былъ триумвиратъ, по истинѣ носившій тяготы другъ друга.

## ГЛАВА XXVIII.

### НАБЛЮДЕНІЕ ПРОФЕССОРА И ЕГО СТРЕМЛЕНІЕ СОЗДАТЬ ОБЩЕСТВО НА НОВЫХЪ НАЧАЛАХЪ.

Всматриваясь въ триумвиратъ и въ остальные личности околдака, профессоръ, Евгений Михайловичъ, приходилъ къ заключенію, что все это поистинѣ овцы безъ пастыря. Жизнь не имѣла тутъ ни смысла, ни цѣли. Самыя пѣсни, которыя поетъ простой народъ, большею частью были неизвѣстны или вышли изъ употребленія, исключая самыхъ популярныхъ, на примѣръ, „Комаринской“, „По улицѣ мостовой“ и нѣкоторыхъ другихъ. Ни сказокъ, ни преданій не было. Сапожники знали нѣсколько плаксивыхъ романсовъ, въ родѣ „Гусаръ на саблю опираясь“; рассказы о старинѣ не заходили дальше полустолѣтія, и ограничивались развѣ тѣмъ, что тогда-то у Троицы былъ о. Акимъ, потомъ смѣнилъ его о. Семень... О Грозномъ оставалось весьма темное воспоминаніе, былъ-де когда-то царь-

грознаго, много народу извелъ; о татарахъ, о Мамаевомъ побоищѣ вспомнить кто-нибудь разъ въ годъ, въ родѣ того: вотъ какъ Мамай шелъ, то-то, говорятъ, звѣзда на небѣ была... О Бонапартѣ еще бывають толки, да и тѣ прекращаются, и въ околодѣ одинъ кандидатъ еще служитъ какой-то промеморіей 12-го года. Удивительный околодонокъ. Новый Кукъ засталъ-бы тутъ своего рода Сандвичевы острова. Ни преданій, ни исторіи, пословицы даже вывелись; о сказкахъ и спрашивать нечего. Куда дѣвалось все это? Околодонокъ можно было переселить въ Америку и никто-бы не почувствовалъ этого. Житель околодока былъ ни мужикъ, ни баринъ. Не былъ тоже мѣщанинъ и въ общество не сплывался. Всякій жилъ по своему. Общее было: церковь, приходскій попъ, кварталный, цѣловальникъ бѣлаго домика. Не было тутъ и раскольничьяго элемента. Жуекъ, какъ мы видѣли, не хотѣлъ принадлежать и къ церкви. Какъ члены общества, наиболѣе выдавались: Кривой глазъ въ качествѣ сапожника, и Оболдухъ, какъ соборный регентъ. У остального люда не было определенныхъ занятій, и потому часто производились тутъ обыски, при чемъ у Жука бывало нѣчто въ родѣ Мамаева погрома. Профессоръ былъ фантазеръ и, живя у Оболдуха, не безъ удовольствія замѣчалъ, что онъ принадлежитъ къ разряду не то пройдохъ, не то темныхъ людей, которые не принадлежать, какъ мужики, къ землѣ, и не связаны въ то-же время съ государствомъ въ качествѣ полицейскихъ стражей или мелкихъ чиновниковъ писцовъ.

— Вотъ, сказалъ разъ профессоръ,—кажется, настоящая нетронутая почва, на которой можно свободно развиваться и не расти въ суекъ.

Жукъ прежде всѣхъ привлекъ его вниманіе. Разговорившись съ нимъ раза два, Евгеній Михайлычъ замѣтилъ, что это человекъ какой-то новый, совершенно оригинальный, каковаго онъ и не встрѣчалъ до сихъ поръ. Онъ нашелъ въ немъ именно тотъ идеалъ, котораго самъ напрасно добивался: онъ увидѣлъ, что Жукъ всѣхъ и все считаетъ для себя постороннимъ, что онъ вполне и окончательно отрѣзанъ отъ общества, а профессоръ давно уже хотѣлъ на себѣ испробовать подобную операцію. Онъ началъ вникать глубже въ натуру Жука и по образцу ея сталъ образовывать свою. Жизнь на дачѣ у Оболдуха уже отдѣлила его отъ города; теперь оста-

валось ему освободить свой внутренней міръ отъ вліянія всякихъ теорій, цитать, задолбленныхъ фразъ и замѣчательныхъ изреченій. И разъ наединѣ, вуря трубку, онъ поставилъ такъ вопросъ:

— Да, сказалъ онъ, — я ужь давно объ этомъ думаю. Представлю себѣ, что я на необитаемомъ островѣ, или что все потонуло, а я, какъ Ной, остался одинъ: что-бы я сталъ дѣлать? Надо повыгнать изъ себя всѣ понятія, которыми я доселѣ жилъ: выходить, все это хламъ. Отчего не создать своего новаго? Но гдѣ взять этотъ критеріумъ, который-бы указалъ истину? Какъ взглянуть съ высоты, à vol d'oiseau, такъ сказать, на все, среди чего теперь живешь, суетишься, копаешься? чтобы все представилось въ новомъ, настоящемъ своемъ видѣ?

Тутъ профессоръ припомнилъ книгу Бытія. Библія всегда у него подъ руками и онъ сталъ перелистывать тѣ мѣста, гдѣ человѣкъ, связанный съ природой, жилъ полною непосредственною жизнью. Необыкновенная простота, ясность мысли поразили его. Передъ нимъ предсталъ образъ патриарха. Какая глубокая дума на челѣ его! Какая ясность во взорахъ!

— Вотъ, Авраамъ, думаетъ профессоръ: — отъ сколькихъ мыслей былъ онъ свободенъ такихъ, которыя на меня кромѣ мерзости ничего не производятъ? Я училъ, я долбилъ—что? Вотъ умъ, думающій о Богѣ—но какъ? Пожалуй, и я могу сказать себѣ, что я тоже думаю о Богѣ. Но какая мелкая и жалкая мысль моя о моемъ Богѣ! Тамъ все говоритъ о Богѣ: и южное небо, усыпанное звѣздами, и нѣжное дыханіе ночи; великая пустыня въ серебряномъ туманѣ уходитъ вдаль; приближается часъ тихаго, мирнаго сна, въ которомъ будетъ жить все та-же широкая, божественная мысль! Ее не загрязнить мелкій образъ опошленной жизни... Ну-ко, раскроемъ дневникъ, я, бывало, часто записывалъ сны. Вотъ стр. 24.

„Видѣлъ во снѣ Ивана Захарыча. Онъ удивилъ меня. Самъ-же доказывалъ, что короля самъ другъ всегда можно подвести, если играть съ умѣньемъ... У него будто шесть пинъ, два туза, мой ходъ. Я выпилъ рюмку водки и хожу съ маленькой. Тутъ Степанъ Сидорычъ...

— Тьфу! сплонулъ профессоръ, — вотъ мерзость. Ну-ко еще:

„Октября 6. Петръ Федорычъ получилъ Станислава въ пет-

лицу и думаетъ свататься. Ёдетъ для этого нарочно въ Бѣлгородъ. Тамъ, говоритъ, купцы любятъ, ежели у кого ордена... Подцѣплю, говоритъ, такую, что Иванъ Иванычъ лопнетъ отъ зависти...

— Да! сказалъ, бросая дневникъ, профессоръ: — или поставь себя выше всего, или пресмыкайся въ прахъ и твори себѣ идоловъ хоть изъ того-же ректора!

Затѣмъ надѣлъ фуражку, взялъ трость и направился къ Жуку.

Жукъ рисовалъ на яйцѣ судъ Соломона. Профессоръ не первый уже разъ заходилъ къ Жуку, и хотя всегда съ цѣлью поучаться и наблюдать, однако дѣла, покамѣстъ, изъ его посѣщеній никакого не выходило. Придетъ Евгений Михайлычъ, сядетъ; вынетъ двадцать коп., Жукъ сходитъ за водкой, выпьютъ. Разговора нѣтъ между ними общаго. Профессоръ настраиваетъ себя такъ, чтобы молчать больше: ему надоѣло болтать языкомъ общества; новый элементъ, засѣвшій въ его головѣ, именно мысль о какомъ-то новомъ обществѣ, отдѣленномъ отъ всей остальной жизни и выселенномъ какъ-бы на необитаемый островъ, гдѣ совершенно новые предметы и новыя условія существованія, — требовали новаго языка и выраженій. И профессоръ припоминалъ читанную имъ когда-то теорію, что люди начинаютъ говорить сначала междометіями, изъясняются знаками, жестами, мычаньемъ и, глядя на Жука, онъ сказалъ разъ себѣ:

— Не попробовать-ли промычать что-нибудь?

И профессоръ крикнулъ.

Жукъ вскинулъ голову.

Профессоръ показалъ глазами на полштофъ.

Жукъ понялъ и налилъ двѣ рюмки.

Выпили.

— Однако идетъ, подумалъ профессоръ: — языкъ устанавливается.

Но онъ невольно улыбнулся. Онъ понималъ, что мысль у него какая-то есть хорошая, но какъ ее примѣнить къ дѣлу?

— Э-эхъ-ма! началъ онъ. — Какъ это все странно, что новаго ничего не выдумаешь. А вѣдь вотъ: заставь разбирать теперь какой хламъ, Лактанція чтоль читать — вѣдь куда голова какая мастерица! Тутъ пойдетъ, не уймешь. И то, и

это, и вотъ такъ-то, и ни тепло, ни холодно никому отъ этого! Странно.

Жукъ молча выслушалъ тираду.

— Ессе homo! подумалъ глядя на Жука, профессоръ.

— Семень Петровичъ! что вы не выпьете? сказалъ онъ.

— Можно, сказалъ Жукъ, и выпилъ.

— И вы всегда такъ живете? спросилъ ни къ чему какъ-то профессоръ.

— Всегда-сь. Потому мы какіе люди? Никому мы не нужны...

— Все это такъ, послѣшилъ перебить Евгеній Михайлычъ, наслушавшись уже давно этой теоріи о ненужности ничему и никому.—Но вотъ что: можете вы угадать, напимѣрь, какая завтра будетъ погода?

— Это, пожалуй, вечеромъ... А то утромъ. Вотъ ежели околѣ солнца тучки, тоже на зарю глядя; потому нашему брату какъ не замѣчать? Вѣдь мы люди самые то есть...

— А клѣтки вы у кого учились дѣлать? перебилъ Евгеній Михайлычъ.

— Самоучкой-сь. Потому у кого-же намъ? Мы кто? Вѣдь ежели взять насъ...

— Ну, а календари тоже самоучкой?

— Тоже-сь. Потому меньше насъ людей нѣту.

Наступило молчаніе. Профессоръ нагнулся и началъ постукивать тростью въ полъ.

— Нѣтъ, думалъ онъ:—надо въ самомъ дѣлѣ новыя слова выдумать, а то болтаешь пустяки... Дѣйствительно, меньше насъ людей нѣту.

Онъ приподнялъ голову.

— Это вы правду сказали, началъ онъ: — меньше насъ, дѣйствительно, людей нѣту.

— Да нельзя-сь, оживился Жукъ: — потому я теперича...

„Ты-то еще ничего, размышлялъ профессоръ, не слушая Жука, доказывавшаго съ жаромъ, какъ онъ недостоинъ молиться Богу, потому что не числится ни по суду, ни по полиціи: — а вотъ насъ-то если разобрать, такъ дѣло еще почище выйдетъ. Ты-то отъ сердца говоришь, что меньше тебя людей нѣту, а мы-то, что числимся по суду и по полиціи...

— Мы-то какъ Богу молимся? добавилъ онъ вслухъ и поглядѣлъ на Жука.



— Ваше дѣло иное, вотъ хоть-бы теперича **квартальный, частный...**

— Ну, одолжилъ, подумалъ профессоръ.

— Или тамъ, бываетъ чинъ большой.

— Такъ, такъ.

— Намъ за вами тянуться нельзя.

— Совершенно справедливо, сказалъ профессоръ и всталъ.—

Совершенно справедливо. Надо новыя слова выдумать! Столпотвореніе. Чинъ большой—квартальный—кто еще? Ну да и такъ... Впрочемъ извините. Иду. Прощайте пока. Надо какъ-нибудь понять другъ друга. Ей-богу я думаю точно также, какъ и вы. Заходите къ Оболдуху. Потолкуемъ.

И профессоръ отправился во свояси, т. е., къ регенту. Дорогой онъ все повторялъ:

— Чинъ большой,—квартальный,—новыя слова,—мы пойдемъ другъ друга, Ей богу, это вѣрно, что за молитва такая?

Профессоръ частенько заживалъ къ Жуку, но всякій разъ приходилъ къ заключенію, что съ Семѣнь Петровичемъ ни до чего нельзя договориться потому именно, что тутъ надобны были новыя слова, иначе ни Цицеронъ, ни Лактанцій—ничто не помогало. Выходило одно ясно, что съ одной стороны существуютъ будочники, квартальные, чины большіе, съ другой—Жукъ съ своимъ особымъ міромъ, исключавшимъ все прочее. Профессору хотѣлось и себѣ создать особый новый міръ, въ который не втирались-бы разные тамъ ректоры, Цицероны, Гораціи, а былъ-бы, такъ-сказать, совсѣмъ особый міръ, въ которомъ была-бы своя жизнь, своя любовь, свои радости, словомъ, было-бы все, кромѣ только того, что окружало профессора извнѣ и что возникало у него внутри.

— Эка штука, думалъ профессоръ.—А хорошо-бы! Подумаю. Шибко подумаю.

И профессоръ думалъ. Много копался онъ въ головѣ, много думалъ. Что за чортъ? Все выходило опять что-нибудь старое, прежнее. То, напр., мелькала мысль заняться англійскимъ языкомъ, изучить въ подлинникъ Шекспира. И сейчасъ за ней другая мысль:

— Да это все не то. Все та-же ерунда, что

*Vos exemplaria Graeca*

*Nocturna versate manu, versate diurna.*

— Или изучить исторію? А Жукъ развѣ изучалъ исторію? А вѣдь онъ живетъ. Старо, старо!

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего не сдѣлаешь, отчаявался профессоръ.

И опять все думалъ и думалъ.

Наконецъ, бросилъ о наукахъ думать.

— Пуститься въ свѣтъ развѣ, въ жизнь? Окунуться въ этотъ омутъ страстей, бурь...

Тутъ пошли фразы прямо уже съ языка, даже не изъ голы.

Евгеній Михайлычъ скоро это почувствовалъ.

Онъ схватился за сердце.

— Отчего-жь у меня тутъ-то, тутъ-то ничего нѣтъ?

И сталъ прислушиваться, какъ и чѣмъ бьется его сердце.

Слушалъ, слушалъ, ничего не добился.

Въ головѣ мелькають цитаты... Съ языка лѣзутъ фразы...

— О Господи, чего-же у меня нѣтъ? Чего мнѣ недостаетъ?

— Любви! прогремѣлъ словно чей голосъ и профессору сдѣлалось дурно.

## ГЛАВА XXIX.

### Павелъ Николаевичъ Осенниковъ.

Профессору скоро пришлось пуститься въ свѣтъ, окунуться въ этотъ омутъ страстей, бурь—какъ вылилась фраза съ его языка.

Противъ Оболдуха проживалъ товарищъ его по семинаріи и по хору, въ качествѣ пѣвчаго, Павелъ Николаевичъ Осенниковъ. Онъ служилъ въ опеку и любилъ помечтать иногда. Мечты эти были самаго невиннаго свойства. Такъ онъ задумывалъ частенько о томъ, какъ-бы завести себѣ хоть одну бѣлую рубашку съ открытою грудью. Павелъ Николаичъ носилъ манишки, а рубашки были у него ситцевыя. Прельщали его долго штаны съ лампасами и, наконецъ, онъ построилъ ихъ себѣ. Тогда мысли его устремились шире и дальше: приобрѣсти часы и бронзовую цѣпочку. Долго онъ думалъ надъ

этимъ, ясно представляя себѣ, какъ онъ явится при часахъ въ опеку, какъ покосится на цѣпочку Спиридонъ Сидорычъ, его сослуживецъ, какъ сначала ничего не скажетъ, потомъ какъ-будто мимоходомъ тронетъ цѣпочку пальцемъ: новая вещичка—скажетъ, потомъ заговорить о другомъ, о дѣлѣ, напримѣръ, какомъ-нибудь, а тамъ опять мимоходомъ, какъ-бы вскользь, спросить: небось и часики есть? И Павелъ Николаичъ воображалъ, какъ онъ станетъ показывать часы, какъ соберутся кругомъ его писцы и будутъ тыкать носомъ въ самую внутренность, чтобъ хорошенько разсмотрѣть; у многихъ загорится желаніе самимъ приобрѣсти такую дорогую штучку; Павелъ Николаичъ предугадывалъ и зависть, которую онъ возбудитъ, особенно въ Семенѣ Козьмичѣ, который непременно станетъ при каждомъ удобномъ случаѣ повторять: „Что-жь, что при часахъ! Онъ думаетъ, что онъ при часахъ, такъ ужъ и Богъ знаетъ что! Эка что часы надѣлъ, выдали мы и почище!“ Все это представлялъ себѣ Павелъ Николаичъ. И мечты его исполнялись понемногу. Откладывая авуратно изъ жалованья, онъ приобрѣлъ себѣ и рубашку съ грудью, и часы, и все больше и больше давалъ простору своимъ мыслямъ и желаніямъ. Приобрѣлъ бисерный чехольчикъ на перо, печатку съ своимъ именемъ, пепельницу польскаго серебра... Но такова ненасытность души человѣческой! Съ каждымъ приобрѣтеніемъ Павелъ Николаичъ все расширялъ и расширялъ свой внутренній кругозоръ. Мечты начинали было принимать совсѣмъ уже грандіозный характеръ: напримѣръ, рубашекъ надо полдюжины, надо обзавестись серебромъ, ложечками, на первый разъ хоть чайными, янтарь въ чубуку, трость съ набалдашникомъ, шляпу... Последнее желаніе даже испугало его сначала. Въ шляпѣ! подумалъ онъ. Какъ удивятся! И онъ начиналъ рисовать себѣ, какъ онъ идетъ въ шляпѣ, съ тростью, въ рубашкѣ съ открытою грудью... Даже духъ захватывало у Павла Николаича при такихъ представленіяхъ. Кто онъ и что такое, что осмѣлится показаться въ шляпѣ, когда всѣ его сослуживцы даже и не поминаютъ ни о чемъ подобномъ! И грезилось-ли ему когда, что онъ пойдетъ по улицамъ въ шляпѣ и, чего добраго, въ перчаткахъ, онъ, Павелъ Николаичъ Осенниковъ, какой-нибудь пѣвчій, писецъ, на котораго никто и вниманія не обращаетъ, Велика сила мысли человѣческой! Она творитъ изъ

ничего и что было недосыгаемо и немислимо часъ назадъ — все это вызвано ею, будетъ осуществлено, претворено въ плоть и кровь! И что еще задумаетъ Осенниковъ, когда пойдетъ съ тростью и въ шляпѣ по окуевскимъ улицамъ! А онъ, дѣйствительно, уже идетъ, и есть у него уже и серебрецо и поддюжины рубахъ... Страшно подумать о томъ, чего пожелаетъ теперь Осенниковъ!

Съ осуществленіемъ мечтаній самая обстановка измѣнилась.

— Маменька! говоритъ Павелъ Николаичъ старухѣ матери:—блюдите особенно, чтобы чисто было въ комнатахъ. Вотъ рубашки у меня: запылиться могутъ.

— Маменька! Пепельница польскаго серебра: надо ее чистить, а то потускнѣетъ. Вы, маменька, возьмите когда да и оботрите—мимо когда идете—сейчасъ тряпочкой легонько. Нѣтъ, нѣтъ—да и оботрите. А вотъ это, маменька, трость: она тоже, чтобъ въ углу всегда. Нѣтъ, нѣтъ—да и пригладите. Вещь. И за пальтомъ-то посматривайте: чтобъ завѣшано было. А то и такъ возьмите да встряхните. Пыли набирается много, вы нѣтъ, нѣтъ—да и встряхните. Пыль-то и выйдеть. Да и на полу почаще вѣничкомъ. И ложечки тоже убирайте. И сейчасъ чтобъ обтереть ихъ: мокрѣя не кладите. Нынче вотъ тоже стѣльчики принесутъ: тоже тряпочкой. Оно и самимъ хорошо, и придетъ если кто. Пусть дескать... Нѣтъ, нѣтъ, а все-таки лучше. Все лучше когда вещь въ порядкѣ и чисто содержится. Всякая вещь хороша, когда въ чистотѣ... Ужь если вещь не въ чистотѣ — для чего-жь она? Тогда и тряпокъ не нужно. Потому и вещь будетъ ужъ грязна. Ужь она чиста не будетъ. Она замарана будетъ. Пока чиста—она въ ходу, замаралась—ужъ не въ ходу она. Что она тогда?

Съ теченіемъ времени у Павла Николаича набралось множество вещей и вещичекъ, такъ что старуха мать съ самаго утра только и дѣлала, что ходила изъ угла въ уголь съ тряпкой. Были всякіе подсвѣчники, поддонники, на столѣ особый чернильный приборъ съ колокольчикомъ, тутъ-же коробочки всякія съ кусочками сургуча, спичками, пуговками, стеариновыми огарками; тутъ были карандаши разныхъ цвѣтовъ, мундштуки для сигаръ, для папиросъ, двѣ-три фарфоровыя куколки, искусный футляръ для перочиннаго ножа завьялов-

ской фабрики; особенно много было футляровъ: въ длинные зимніе вечера Павелъ Николаичъ самъ клеилъ ихъ изъ картона и даже питалъ какую-то страсть къ нимъ. Для каждаго пера, карандаша онъ дѣлалъ особый футляръ, бережно улаживалъ въ него вещь и сейчасъ-же наклеивалъ билетикъ съ надписью карандашъ красный, карандашъ желтый, перо-зубочистка, ножикъ завьяловскій. Стаканъ, въ которомъ складывались перья, былъ тоже въ футлярѣ и съ надписью: стаканъ для перьевъ. На чернильномъ приборѣ, чтобъ не пылился, была прилажена зеленая занавѣска, собиравшаяся кверху при помощи особаго шнура: искусная выдумка самого хозяина. Столъ походилъ можно сказать на игрушечную лавку: множество было на немъ картонныхъ фигурокъ, особенно солдатиковъ, стоявшихъ тамъ и сямъ между футлярами, кто въ киверѣ, кто въ каскѣ; были тутъ и офицеры съ саблѣй наголо, генералы на коняхъ, были и простыя фигурки: бабы деревенскія, попы, идущіе въ бумажную церковь, искусно раскрашенную такъ, что и окна, казалось, были и колокола висѣли, а вечеромъ, при поставленномъ сзади огаркѣ, и внутренность церковная освѣщена была, казалось. Такова сила фантазіи человѣческой, и Павелъ Николаичъ особенно умѣлъ доводить всякую мысль до крайняго ея развитія. Разъ только попался ему солдатикъ на конфеткѣ, разъ только нужно было вырѣзать этого солдатика, чтобы заставить столъ потомъ цѣлой арміей, построить церковь, завести поповъ и деревенскихъ бабъ. Длинные зимніе вечера, а также праздники и табельные дни всѣ посвящались Павломъ Николаичемъ на футляры и разныя фантастическія работы изъ картона.

Огромному Оболдуху всегда нравилось сидѣть среди этой кучи мелочей, можетъ быть, оттого, что онъ чувствовалъ невольно, какъ онъ самъ дѣлается словно маленькимъ среди этихъ солдатиковъ, пестрившихъ глаза, и ему пріятно было это чувство миниатюрности послѣ постоянно пребывавшаго въ немъ сознанія своего громаднаго роста и исполнскихъ размѣровъ. Онъ видимо съ удовольствіемъ закуривалъ трубку, усаживаясь около стола,—и поглядывая на солдатиковъ, то пускалъ на нихъ клубы дыма, давая картинѣ видъ пальбы и сраженья, то, если дѣло было въ сумерки, освѣщалъ ихъ краснымъ огнемъ вспыхивавшей трубки. Въ сумерки это была очень хорошая картина посмотрѣть, какъ шипящій на

столъ самоваръ рисоваль огненный кружекъ на столъ, какъ у окна сидѣль въ потьмахъ Оболдухъ, какъ внезапно вспыхивало вмѣстѣ съ солдатиками его красное загорѣлое лицо, какъ убаюканный шипѣньемъ самовара смолкаль самъ собою разговоръ, только что бывший предъ тѣмъ, и какъ мысли, одобренныя бесѣдой, теперъ улегаясь дѣлались такъ-же и мелки и пестры, какъ окружавшіе самоваръ солдатикки. Онѣ видимо не шли далѣе трубки, самовара, солдатиковъ,—а ночью, бѣжавшій въ окно вѣтеръ игралъ клубами пара, и на все въ комнатѣ глядѣль изъ за дерева двурогій мѣсяцъ, захвативъ синимъ свѣтомъ своимъ край стола и рукавъ регента, начиная отъ плеча. Тутъ иной разъ звуки гармоникки или тихій звонъ гитары, долетая съ улицы въ окно, выводили изъ тихой задумчивости регента, и его мысли, витавшія съ солдатиками, обращались тогда въ чему нибудь болѣе солидному, напри- мѣръ, къ тому, что „ночь хорошая и что надо полагать часъ девятый будетъ“.

Осенниковъ особенно любилъ проводить время за чаемъ... Тутъ съ Оболдухомъ просиживали они по цѣлымъ часамъ, иногда молча, иногда толкуя о томъ, о семъ, о старинѣ, какой у кого былъ басъ. Но съ теченіемъ времени Павелъ Николаичъ все чаще и чаще сталъ обращаться въ бесѣдахъ къ мѣсту своего служенія, къ опекаѣ. Видно, что она начинала составлять для него всю суть жизни, вытѣсняя все другое, какъ, напри- мѣръ, воспоминанія о семинаріи, въ котормъ онъ когда-то любилъ обращаться.

Оболдухъ чувствовалъ также, что въ самыхъ бесѣдахъ своихъ съ Павломъ Николаичемъ онъ дѣлается очень маленькимъ. Ему, смотрявшему на все довольно широко и свободно, трудненько было прилаживаться или, лучше, втискивать себя въ тотъ кружекъ, который обычно очерчивалъ пріятель; тѣмъ не менѣе онъ напрягалъ все свое вниманіе, причемъ усиленно курилъ трубку, часто потъ катилъ съ него градомъ, когда пріятель вводилъ его въ міръ опеки, въ это микроскопическое море разныхъ Иванъ Степанычей, Тимофей Яковлеви- чей, Спиридонъ Сидорычей и проч. и проч.

Вотъ Оболдухъ курить трубку. На лбу у него надулись жилы. Лицо все въ поту. Осенниковъ рассказываетъ.

— Прихожу я давеча въ опеку. Ну сѣлъ. А Козьма Силычъ поодаль. Все какъ быть. Петръ Иванычъ все хмурится,

все хмурится. Вотъ я очинилъ перо, продулъ эдакъ чернильницу и усаживаюсь. А самого еще нѣтъ.

— Еще нѣтъ? спрашиваетъ регентъ.

— Нѣтъ. Только говорю: дай, говорю, перышко. Козьмѣ-то Петровичу. А Петръ Иваннычъ толкъ меня въ бокъ. Я молчу. Только молчу это я, а Козьма Петровичъ ищетъ что-то. Я опять: дай перышка. Молчокъ. Я къ сторонѣ. Нагнулся къ столу, будто что ищу, а Иванъ Иваннычъ изъ другой комнаты: гдѣ вы, говоритъ, никого васъ не докличешься? Никто ни гугу. Петръ Иваннычъ эдакъ за меня, все словно прячется. А я тѣмъ временемъ только...

Съ величайшимъ вниманіемъ слушаетъ Оболдухъ, то одно ухо наставитъ, то другое, и вотъ-вотъ, кажется, понялъ.

— Ну и что-жь Сидоръ-то Козьмичъ? спрашиваетъ.

— Да не Сидоръ Козьмичъ! съ досадою говоритъ Павелъ Николаичъ.

— Тьфу! сплюнетъ Оболдухъ.—А вѣдь я все думалъ онъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. Слушай, я сначала.

— Погоди. Дай трубку наложить.

И Оболдухъ усаживался снова.

— Ну?—Ну слушай: я и прихожу. Гаврила Петровичъ тѣмъ временемъ курить. Я поодалъ. Сталъ такъ къ окну, гляжу на улицу. Петръ Иваннычъ сзади и говоритъ: развѣ, говоритъ, ты не видишь, есть-ли на немъ крестъ, на этомъ человѣкѣ? А онъ эдакъ руки въ карманъ.

— Постой, перебивалъ Оболдухъ, вынимая изо-рта трубку.—Ты тутъ клѣтчатые штаны поминалъ—они чтоль?

— Это послѣ. Сначала-то, видишь, Семень Ильичъ отозвалъ эдакъ въ сторону Петра Иванныча, да и говоритъ: я, говоритъ, двадцать пять лѣтъ служу и ежели Марья Гавриловна это чувствуетъ, то почему она по сѣхъ поръ дуру эту держитъ?

— Какую? спросилъ Оболдухъ.

— Дашку! Вѣдь я говорилъ.

— Не слыхалъ.

— Ну какже! Давеча, какъ я у Петра-то Иванныча перышко просилъ.

— Ну вотъ штаны тутъ и были.

— Да нѣтъ. Штаны я тебѣ расскажу.

— Стойко-сь, я лягу. Ну?

— Вотъ видишь-ли: у Ивана Козьмича были сначала гороховые штаны, съ лампасами?

— Ну? прислушивался, лежа, Оболдухъ.

— Марья Гавриловна и говорить: вотъ, говорить, Иванъ Козьмичъ съ лампасами носить. Почему, говорить, Петръ Осипычъ, какъ онъ теперь человѣкъ при мѣстѣ...

— Чтожь, безъ лампасовъ что-ль?

— Да нѣтъ. У него тоже съ лампасами, только не гороховые.

— Стало темные какіе?

— Да. Изъ сукна просто. Вотъ Марья Гавриловна и говорить: Анна, говорить, Васильевна...

— Это кто?

— Да вѣдь я-жь говорилъ тебѣ.

— Не помню. Дашку вотъ теперь знаю.

— О Дашкѣ рѣчь впереди. Анна, говорить, Васильевна! Почему, говорить, Петръ Осипычъ, какъ онъ теперь человѣкъ при мѣстѣ, въ лѣтахъ значить, отчего, говорить, онъ этой дурѣ...

— Дашкѣ-то?

— Постой, не перебивай. Отчего, говорить, онъ этой дурѣ что ни день теперь, все, говорить, либо изъ лавки что, либо изъ дома... Это, говорить, мнѣ сумлѣніе. Я Петра Осипыча не первый годъ знаючи, потому, говорить, скажите Антону Иванычу...

— Это протоколистъ что-ль?

— Нѣтъ. Протоколистъ Иванъ Федорычъ.

— А!

— Ну только съ Анной-то Васильевной—коли припомнишь, я разъ говорилъ тебѣ.

— Что?

— Про Антона-то Иваныча.

— Ну? что ты мнѣ говорилъ?

— Да мы какъ-то съ тобой вотъ за чаемъ, праздникъ еще былъ.

— Забылъ. Да стойко-сь я встану. Начни сначала. Авось лучше будетъ. Ну, Антонъ Иванычъ—какъ бишь?

Весь красный отъ напряженія, Оболдухъ то садился, то ложился, то трубку накладывалъ, и все-таки никакъ не могъ привести въ ясность разсказа: штаны клѣтчатые мѣшалъ съ



Дашкой; вертится у него въ головѣ: „я поодадь“ „Козьма Петровичъ“, „у окна Марья Гавриловна“, „дай перышка—, а онъ съ боку“...

— Ну, скажетъ иной разъ Оболдухъ:—завтра доскажешь—совсѣмъ спать хочется. Завтра, какъ будемъ чай пить, начни съ самаго начала, по порядку.

Регентъ приходилъ иногда съ профессоромъ посидѣть и попить чайку у Павла Николаича. Послѣдній по обычаю сводилъ рѣчь на опеку, но, когда Оболдухъ принималъ въ ней участіе, напрягая все свое вниманіе, Евгеній Михайлычъ безучастно хлопалъ глазами, посматривая на Осенникова, какъ на рѣдкостное животное. Впрочемъ, онъ улыбался иногда, давая знать, что будто понимаетъ хозяина, и послѣдній обращался тогда къ профессору съ какой-нибудь Марьей Гавриловной... А профессоръ между-тѣмъ думалъ: чтожь я такое? Вотъ человѣкъ горячится тамъ изъ за какой-то Марьи Гавриловны, а я хоть-бы изъ за чего нибудь поволновался... Скука и хандра одна. Холоденъ и безучастенъ я ко всему рѣшительно.

По временамъ, впрочемъ, онъ какъ будто прилаживался къ микроскопическому міру Осенникова, разсматривалъ съ любопытствомъ солдатиковъ, бралъ въ руки то одинъ, то другой футляръ; прислушивался тоже къ болтовнѣ между регентомъ и хозяиномъ, но не могъ понять того, какъ Оболдухъ съ удовольствіемъ и даже съ жаромъ нускался иной разъ въ разглагольствія, доказывалъ, усиленно курилъ трубку, словомъ, былъ живой человѣкъ; у профессора же въ это время сердце хоть-бы екнуло. Надо сказать, что сначала пребываніе у Оболдуха шибко полюбилось Евгенію Михайлычу: онъ и стругать выучился, и пить сталъ меньше, и погоду наблюдалъ; слушалъ тоже съ удовольствіемъ игру регента на гитарѣ; Жукъ тоже заинтересовалъ его—тутъ профессоръ даже въ философію было ударился, о новомъ какомъ-то обществѣ сталъ мечтать, но недостучавшись ни до чего въ своемъ сердцѣ, а въ головѣ находя одно богатство фразъ и замѣчательныхъ изреченій—близокъ былъ въ послѣднее время уже къ тому, чтобы снова начать проходить извѣстные періоды... Но онъ уже началъ какъ-бы побаиваться Оболдуха, конфузиться его и потому воздерживался. Да и привычка приобрѣтена была. Умѣренность входила уже въ натуру. Притомъ

профессоръ видѣлъ, что онъ находится какъ-бы на распутии, въ ожиданіи чего-то; Жуку навелъ уже его на кой-какія мысли и онъ отчасти былъ доволенъ теперь, что окончательно убѣдился во всей ненужности, бессмысленности, вредѣ, безобразіи—словомъ, въ тысячѣ послѣдствій, происходящихъ отъ изученія наукъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онѣ являются у насъ на Руси.

Съ классическими языками профессоръ оказался чуждымъ Жуку, чуждымъ Осенникову, онъ чувствовалъ, что скоро и регенту онъ окажется чуждымъ, и, Боже мой, какое ужасное положеніе!—придется опять остаться одному, пожалуй,

Бесѣдовать съ мертвыми Греки и Латини,  
Исслѣдуя дѣйствъ свойства и причины!

Трудно даже теперь воротиться будетъ къ Цицерону и Аристофану—опротивѣло все это.

— О, Боже мой! что мнѣ дѣлать! что мнѣ дѣлать! хватался иногда профессоръ руками за голову, предвидя вдали какое-то вѣчное, вѣчное безъ конца одиночество...

И начиналось съ нимъ то смутное состояніе духа, когда человѣкъ на все смотритъ какъ въ замерзшее окно: туманъ на дворѣ, туманъ въ комнатѣ—и понялъ профессоръ и вспомнилъ тѣ мрачные, адскіе періоды, которые онъ проходилъ во флигелѣ у о. Максима: періодъ латыни, религіознаго пафоса и, наконецъ, періодъ въ потьмахъ. Неужели они повторяются? О, неужели никогда не придетъ минута просвѣтлѣнія—и я останусь какимъ-то могильнымъ памятникомъ, на которомъ самую приличную надпись была-бы: mensa! Здѣсь погребена живая mensa! О Боже! Вотъ насмѣшка судьбы! Вотъ откуда исходятъ удары, поражающіе на смерть! Вотъ отчего я ходячій гробъ и вмѣсто костей гремятъ въ немъ всякія склоненія, спряженія, фразы и цитаты! Будь она проклята эта наука во вѣки, во вѣки, во вѣки вѣковъ, аминь!

И профессоръ, не смотря на боязнь Оболдуха, подошелъ къ шкафу, досталъ графинъ и началъ тянуть изъ горлышка... Достаточно оттянувши, онъ поставилъ графинъ на столъ, сталъ посреди комнаты, какъ разъ противъ графина, подперъ руки въ бокъ и, какъ-то особенно скрививши ротъ, проговорилъ:

*Jam factum est de Carthageniensibus!*

И захохоталъ.

Окончилось просвѣтлѣніе профессора, продолжавшееся мѣсяца два. Напрасно онъ учился стругать, напрасно точилъ съ Оболдухомъ и строилъ даже флѣтки, напрасно старался открыть какой-то новый міръ въ околѣдѣ,—и уже ему казалось, что онъ будто сдѣлалъ это,—напрасно ходилъ онъ въ бѣлый домикъ, гдѣ имѣлъ обращеніе съ Кривымъ Глазомъ, гдѣ видѣлъ весь триумвиратъ и слушалъ палъбу кандидата, напрасно увѣрялъ себя, что вотъ, наконецъ то, чего онъ искалъ—эта полная отчужденность, тишина, спокойствіе, жизнь въ природѣ и съ природой, новый міръ, положившій печать забвенія на семинарскія казарменные стѣны съ ихъ ректоромъ, напрасно все:—нѣтъ, видно міръ склоненій и спряженій, міръ фразъ и изреченій,—этотъ міръ долбни, возникшій съ дѣтства въ душѣ и тамъ посѣянный, взрощенный и выросшій, наконецъ, въ тоλικое древо, что птицы могутъ привитать, сильнѣе всего, чѣмъ профессоръ старался заглушить его. И профессору только казалось, что онъ просвѣтлѣлъ духомъ, что онъ выгналъ изъ себя цитаты: нѣтъ! Ихъ не выгонишь, не вытопчешь, не выжжешь, съ ними будешь жить и пресмыкаться, какъ Каинъ, будешь живая ходячая долбня, самъ будешь разрушаться, а задолбленное будетъ жить—духъ безсмертенъ!—тѣло будетъ на смертномъ одрѣ, а склоненія и спряженія воспрянуть, воскреснуть живьемъ и за минуту до кончины ты все еще будешь въ состояніи, лепеча, просклонять то слово, которое и достойно изобразится на твоёмъ могильномъ камнѣ:

*Mensa.*

## ГЛАВА XXX.

Павелъ Николаичъ совѣтуется съ регентомъ о весьма важномъ дѣлѣ.

Опека и домашняя обстановка составляли всю суть жизни Павла Николаевича. Уборка комнаты, стараніе, чтобъ все было чисто, солдатки и футляры наполняли все неслужбное время Осенникова. Придетъ изъ присутствія, сейчасъ послѣ обѣда самоваръ и сидитъ за нимъ. Сидитъ и все по-

сматриваетъ кругомъ и все думаетъ, какъ это все у него есть, заведено, въ порядкѣ. Вотъ закуритъ онъ трубку и покачиваетъ ногой. Полная чашка чаю передъ нимъ.

— Вотъ, думаетъ онъ:—какъ все это у меня есть: вотъ рубашка, пепельница, ложечки...

Выпить чашку, налить другую и опять сидитъ, курить, ногой покачиваетъ.

— Какъ дѣйствительно это хорошо, что все это я имѣю: и чай, и самоваръ теперь...

Еще выпить чашку, еще налить.

— Чего мнѣ не достаетъ? Все, все у меня какъ есть. Ей-богу. И вотъ регентъ то-же говорить.

И такъ все сидитъ и пьетъ чай Осенниковъ и все варьируетъ на одну тему, что все у него есть и все въ порядкѣ и такъ дагѣ.

И вотъ въ такія минуты за чаемъ мелькнула разъ у Павла Николаевича мысль о томъ, что ему, собственно говоря, остается и даже слѣдуетъ жениться. Нѣсколько дней онъ носился съ этой мыслью и, наконецъ, она овладѣла имъ положительно. Какъ только задался онъ женитьбой, такъ прежде всего солдатиковъ долой, всѣхъ сложилъ въ ящики, на столѣ остались только футляры и другія болѣе серьезныя вещи: гребешки, мыло, щетки. Мысли его также приняли не столько игривое и разнообразное, сколько солидное направленіе. Онъ предался, такъ сказать, внутреннему анализу. И тутъ мысли его, получивши разъ толчекъ, дошли до извѣстныхъ предѣловъ, дальше которыхъ ничего не оставалось, какъ только жениться. И прежде всего, вращая туда и сюда внутреннее око свое, Павелъ Николаичъ пришелъ къ тому заключенію, что онъ во-первыхъ человѣкъ добродѣтельный, во-вторыхъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, въ третьихъ холостъ. Но только послѣднія двѣ мысли не требовали ни особеннаго развитія, ни доказательствъ. Первая-же получила полное стройное развитіе. Не разомъ дошелъ Павелъ Николаичъ до того убѣжденія, что онъ добродѣтеленъ. Онъ ставилъ вопросъ за вопросомъ, исходя изъ слѣдующаго главнаго положенія: Что я такое?

И затѣмъ начались:

— Былъ я сначала мальчишкой, ходилъ босикомъ, а теперь? Есть у меня рубахи съ грудью? Есть. А между-тѣмъ

я носилъ манишки. Не приобрѣлъ-ли я штановъ съ лампасами? Приобрѣлъ. Развѣ нѣтъ у меня пальто? Есть. Какія ложки у меня за чаемъ? Серебряныя. Какой табакъ курю? Мусатовъ. Кто въ опеку ходилъ когда-нибудь въ шляпѣ? Никто. У кого она есть? У меня. Кто изъ писцовъ имѣетъ часы? Я. У кого столько вещей какъ у меня? Ни у кого. Что я послѣ этого?

Такъ поставлены были вопросы. Далѣе они пошли болѣе положительно, упираясь, такъ сказать, прямо уже въ добродѣтель.

— Откуда я все это приобрѣлъ? Почему чай пью каждый день? Все у меня есть, въ присутствіе хожу, въ церковь бываю, по трактирамъ не пьянствую, одѣтъ чисто, у Св. причастія и на Духу былъ, лѣтъ мнѣ 32. Стало быть...

Но тутъ пришелъ регентъ. Поставили самоваръ, стали чай пить. Павелъ Николаичъ не заводилъ рѣчи объ опеку, но былъ какъ-то задумчивъ и, когда выпили по чашекѣ, обратился къ регенту съ такимъ замѣчаніемъ:

— Вотъ, сказалъ онъ:—ты теперь видишь, какъ я живу.

— Да, сказалъ регентъ, поглядѣвъ кругомъ себя.

— Не правда-ли?

— Непремѣнно.

И еще выпили по чашкѣ.

— Что-жь, сказалъ Павелъ Николаичъ:—развѣ можно что сказать?

— Никогда.

И опять пили. И Павелъ Николаичъ заговорилъ:

— Былъ я сначала мальчишкой, ходилъ босикомъ, дѣржали меня.

— Такъ, замѣтилъ регентъ.

— Что я теперь? Вотъ и посуды. И даже разберемъ все. Я вѣдь въ ситцевыхъ рубахахъ ходилъ.

— Я и теперь хожу. Вотъ гляди!

— Ситецъ хорошъ. Почему?

— Копѣекъ 12-ть.

— Ну слушай-же. Есть у меня теперь рубахи съ грудью, не такъ-ли?

— Есть.

— А вѣдь я манишки носилъ.

— Я и теперь. Вотъ гляди!

— Ничего. Хороши. Видѣлъ ты у меня штаны съ лампа-  
сами?

— Видѣлъ.

— Что это значить?

— Да, оно, такъ сказать...

— А ложечки вотъ эти—какія ты думаешь?

— Серебрянныя.

— Что-жь ты на это скажешь?

— Да оно теперь что-жь? Тебѣ что хочется-то?

— Теперь ты понялъ?

— Понятно, конечно.

— Ну вотъ и все. Теперь поговоримъ.

— Поговоримъ.

Павель Николаичъ помолчалъ и началъ:

— Есть у меня дюжина рубахъ.

— Слышалъ.

— Штановъ двѣ пары.

— И это слышалъ.

— О чемъ-же я говорю теперь!

— Ну вотъ и говоришь о томъ, что у тебя дюжина рубахъ  
и двѣ пары штановъ, разсудительно отвѣчалъ регентъ.

— Возьму я кругомъ себя: самоваръ, чашки—что изъ этого?

— А вотъ чай пьемъ, что-жь!

— Я вѣдь теперь каждый день пью.

— И слава Богу.

— Однако ты разсуди, что-же теперь я? какъ?

— Да вотъ и живешь—какъ еще?

— Нѣтъ ты разсуди... Видишь-ли...

— Да я разсужу, изволь. Въ чемъ дѣло?

— Видишь-ли: былъ я мальчишкой, ходилъ босикомъ...

— Говорено объ этомъ.

— А теперь?

— Ну теперь въ сапогахъ.

— И валюши есть.

— Вотъ у меня нѣту.

— Возьми кругомъ меня...

— Брали. Самоваръ, чашки, что еще?

— Постой. Поговоримъ сначала.

— Изволь. Вотъ я только трубку наложу. Ну?

— Былъ я мальчишкой, ходилъ босикомъ...

- Э-эхъ! Все это говорено!
- Нѣтъ, ты выслушай!
- Изволь, изволь. Ну былъ мальчишкой, ходилъ боенкомъ.
- Теперь расчетъ: живу я одинъ: что я? Ни я къ мѣсту, ни я у мѣста, не такъ-ли?
- Вотъ это такъ, обрадовался Оболдухъ.
- Вотъ я и говорю маменькѣ: маменька, говорю, вы вотъ съ меня требуете, то подай, другое подай, ну а я жениться вздумая, гдѣ я тогда возьму?
- Такъ, одобрительно кивнулъ Оболдухъ:—тогда дудки!
- Я и толкую: негдѣ, говорю, маменька...
- Ну а она?
- Ну она... Я и говорю теперь: человекъ я? Да. Долженъ я жениться? Да. Будутъ у меня дѣти? Да. Откудова-жь, говорю, все это взять? Войдите, говорю, въ мое положеніе.
- Ну?
- Ну она... Говорю я тоже: то мнѣ нужно, другое нужно, долженъ-же я сообразить? Хорошо я служу, добываю, ничего-бы этого не было, откудова-жь-бы я взялъ?
- Ну?
- Ну она... Пришелъ это я домой: откуда, спрашиваетъ. Изъ опеки. Долго, говоритъ, нынче у васъ... Маменька, говорю, подошелъ это къ ней: вѣрите вы Богу? Что-же мнѣ теперича дѣлать, ежели я долго не буду сидѣть? Гдѣ я возьму, гдѣ добуду?
- Ну?
- Ну она... Говорю это ей: былъ я мальчишкой...
- Такъ, такъ перебилъ регентъ:—ходилъ босикомъ... Ладно. Слушай, что я тебѣ скажу: болтается у тебя, какъ видно, старуха-то?
- Мать-то?
- Да. Пустьво ты ее въ ходъ.
- Какъ?
- Пусть ходитъ, сватаетъ.
- А не захочетъ, ну-во?
- Прижми.
- Какъ?
- Ъсть безъ того не давай.
- И рѣшено было старуху прижать.

— Ну что, — какъ дѣла? спросилъ Оболдухъ чрезъ нѣсколь-  
ко дней.

— Ходить.

— Пронялъ, значитъ?

— Уговорилъ.

Оболдухъ передалъ всю исторію профессору, котораго успѣлъ  
вытрезвить, рассказалъ также, что по окуевскимъ обычаямъ  
канитель предстоитъ довольно длинная: смотрины, дѣвичники,  
вечеринки, наконецъ, самая свадьба, если Богъ дастъ устрои-  
ся дѣло. Профессоръ выслушалъ все это, по обычаю, безу-  
частно, только когда Оболдухъ въ заключеніе прибавилъ, что  
„попируемъ-де и что канитель предстоитъ длинная“—Евгеній  
Михайлычъ улыбнулся, сообразивъ, вѣроятно, что и выпивка  
предстоитъ длинная съ протрезвленіями и опохмѣленіями по-  
переменно. Впрочемъ, предстоящая свадьба навела его на  
нѣкоторыя размышленія. Онъ припомнилъ, что и онъ когда-  
то могъ жениться, что за него тоже сватали, но у него были  
тогда совсѣмъ особыя понятія о бракѣ, какъ о чемъ-то дѣй-  
ствительно священномъ, а не то что просто высватаютъ, да  
окрутятъ, какъ говорится. Въ сближеніи мужчины съ жен-  
щиной онъ видѣлъ залогъ соціальнаго развитія общества—да  
мало-ли, впрочемъ, что я видѣлъ тогда? подумалъ профессоръ.  
Къ сожалѣнію, теперь все это ясно стало. Ничего этого въ  
сущности нѣтъ. Все—Nihil!—И, сказавши это слово, онъ уста-  
вилъ глаза въ неопредѣленное пустое пространство, гдѣ все  
было Nihil, Nihil, Nihil. И такъ онъ сидѣлъ долго-долго и все чи-  
талъ это странное слово: Nihil.

— Евгеній Михайлычъ! А не выпьемъ-ли ради свадьбы? вы-  
велъ его изъ задумчивости Оболдухъ.

Профессоръ оживился.

— Послушайте, сказалъ онъ:—неужели нельзя воскресить  
человѣка?

— Какъ нельзя? А Господь-то? Воскресенія день, просвѣ-  
тимся людие...

Профессоръ выпилъ.

— Слушайте, началъ онъ:—неужели человѣкъ можетъ хо-  
дить, двигаться, жить и все-таки быть мертвымъ?

— Этого нельзя.

Профессоръ поднялъ глаза къ небу.

— Какъ еще возможно, какъ еще возможно! сказалъ онъ.—



Посмотрите на меня: я мертвый человѣкъ вполне и болѣе, чѣмъ Лазарь нуждаюсь въ воскресеніи.

— Это, Евгений Михайлычъ, все отъ мыслей, утѣшительно сказалъ Оболдухъ.

— Все, что живеть и движется, продолжалъ съ грустью и почти отчаяніемъ профессоръ: — все это во мнѣ убито, уничтожено. Я—движущаяся, ходячая форма, но не жизнь. Ни одна страсть, ни одно желаніе не шевелится въ моемъ сердцѣ, ни одна привязанность не освѣщаетъ того мрачнаго, безнадежнаго, жалкаго, труднаго—замѣчаете какъ я набираю эпитеты и цѣлыя фразы? Это оттого, что пусто-пусто тутъ, профессоръ постучалъ себѣ въ грудь кулакомъ... Вотъ она, гдѣ настоящая—что бишь? Мерзость запустѣнія!

И профессоръ опустилъ голову на столъ.

Оболдухъ усиленно курилъ.

— Выпейте, предложилъ онъ профессору—можетъ лучше будетъ, пройдетъ.

— Нѣтъ, это не пройдетъ.

Теперь гонись за жизнью дивной,  
И каждый мигъ въ ней воскрешай!  
На каждый звукъ ея призывный  
Отзывной пѣснью отвѣчай!

— Хорошіе стихи, сказалъ Оболдухъ.—Чьи это?

— Выпьемъ, сказалъ профессоръ.—Всякому, видно, своя судьба!

— Вотъ я всегда такъ рассуждаю, началъ регентъ.

— Только видите-ли, перебилъ профессоръ:—я ужъ нынче напьюсь, какъ хотите. Не хотѣлось-бы мнѣ васъ обижать, но ужъ позвольте. Завтра ни-ни, а нынче такъ и быть мой день. И не говорите, не послушаю. Jam factum est de Garthoganiensibus.

Оболдухъ махнулъ рукой и оставилъ профессора.

---

## ГЛАВА XXXI.

### Дьяконъ Савва.

Дьяконъ Савва былъ очень хорошій человѣкъ. Жизнь свою проводилъ почти всегда на дворѣ. Да и не мудрено, потому

что дворъ былъ просторный, весь покрытый небольшою зеленой травой; кругомъ шли темные навѣсы. И то дьяконъ, снявши рясу и оставаясь въ одномъ ветхомъ жилетѣ съ выпущенной изъ-подъ него рубахой, предавался дѣятельности. То онъ справлялъ телѣгу, то разгребалъ лопатой какую-нибудь кучу, то внимательно что-нибудь разсматривалъ, напримѣръ, старыя полозья отъ саней: обративши разъ на нихъ вниманіе, сначала долго ходилъ кругомъ, приподнималъ и встряхивалъ ихъ рукою, какъ-бы соображая что-нибудь, и, наконецъ, принимался за топоръ. Тогда изъ старыхъ полозьевъ выходило что-нибудь годное. Такъ трудолюбивъ былъ Савва. Былъ онъ худощавъ и съ большою просѣдью въ рыжеватыхъ волосахъ; бородку имѣлъ малую и почти всю сѣдую. Старые глаза его стали давно уже тускнѣть и прятаться все глубже и глубже подъ густыя сѣдыя брови. Въ трудахъ и лишеніяхъ провелъ вѣкъ свой Савва, и потому нельзя сказать, чтобъ былъ характера кроткаго: тонкія губы его и старыя оловянные глаза выражали скорѣе недовѣрчивость. Привычка спорить и отстаивать свое мнѣніе на основаніи принциповъ семинарской логики такъ глубоко укоренилась въ немъ, что оставалась даже и теперь, послѣ того, какъ онъ уже лѣтъ двадцать пять былъ дьякономъ въ бѣдномъ уѣздномъ городишкѣ. Къ несчастію, въ семинаріи онъ шелъ постоянно первымъ, превосходно писалъ задачи, въ которыхъ рѣшалъ вопросы о безсмертіи души, о количествѣ дьяволовъ, также о различныхъ сторонахъ духа и тѣла, и которыхъ изъ нихъ больше, о мѣстѣ первобытнаго рая и ада, о томъ, какая молитва помогаетъ больше отъ дождя и какая отъ засухи, и что значитъ „Ненавидящіе Сіона“. Но полнаго курса Савва не удалось кончить; смерть отца застала его въ философіи и онъ, со всѣмъ этимъ огромнымъ запасомъ свѣденій, захвативши съ собою всѣ свои задачи, испещренныя цитатами изъ св. Иринея, Августина Блаженнаго, Діонисія Ареопагита, Василія Великаго, принужденъ былъ поступить дьякономъ на мѣсто отца, чтобы кормить и воспитывать нѣсколько сиротъ, своихъ братьевъ и сестеръ. Такимъ образомъ, вмѣсто академіи и заманчивыхъ споровъ въ области богословія, ему предстояла жизнь, въ которой не понимали разницы между душой и духомъ, не брали въ толкъ, что значитъ ненавидѣть Сіонъ, говорили о курахъ, объ овсѣ, о колдуньяхъ; чертей

называли домовыми, лѣшими, водяными; библейская геена представлялась въ видѣ духонной печи, въ то время когда пекли въ ней хлѣбы; былъ извѣстенъ только Фараонъ, мистическое лицо, выходящее по ночамъ изъ моря. Изъ какого моря, разумѣтся, никто не зналъ, и напрасно Савва пробовалъ вначалѣ толковать, что ужь если выходитъ Фараонъ, то изъ одного только Краснаго моря, а не изъ всѣхъ; слушавшіе, преимущественно бабы, не брали этого въ толкъ и выходило такъ, что изъ каждаго моря выходитъ Фараонъ, съ семью тощими коровами, чтобы губить христіанскую землю, стоящую на трехъ китахъ, потому что четвертый проглотилъ разъ пророка и за это Богъ наказалъ его, заставивъ возить по морю Фараона-царя... Все это бѣсило Савву, по книжкамъ котораго рассказывалось дѣло совсѣмъ иначе, и были тамъ не однѣ тощія коровы, но и жирныя; въ сердцахъ дьяконъ доходилъ до того, что прямо говорилъ, что дьяволу никогда-бы не выиграть, кабы не баба, что змѣй именно бабу соблазнилъ и отъ ней все зло, и что всякую бабу хорошо-бы обратить въ соляной столбъ, какъ жену Лота. Пропшелъ мало-по-малу Савва огонь и воду. Пересталъ говорить о богословскихъ предметахъ и только язвительно улыбался, или совсѣмъ уходилъ, когда бабы, посадивши хлѣбы, толковали на досугѣ о томъ, какъ одинъ царь посадилъ въ печь трехъ отроковъ. Большинство товарищей Саввы, которымъ пришлось терпѣть тоже самое, а нерѣдко и еще хуже, впоследствии помирились съ жизнію и всю эту философскую дребедень стали считать, по крайней мѣрѣ, *de facto*, совершенно бездѣльною, годною развѣ для того, чтобы поразить ея при случаѣ какую-нибудь набожную богатую старуху или толстаго развѣвшагося купца, который любитъ на досугѣ поговорить о божественномъ и о томъ, что пишется въ книгахъ. Но Савва, къ несчастію, принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыя, разъ попавши на ложную дорогу, всю жизнь потомъ не могутъ попасть на другую, болѣе торную, хотя-бы она была у нихъ передъ носомъ. У Саввы до сихъ поръ еще хранились тетрадки, испещренныя цитатами изъ Василія Великаго и св. Иринея; до сихъ поръ еще онъ готовъ былъ разсуждать о томъ, сколько-бы филистимлянъ избилъ Самсонъ цѣлымъ осломъ, если столько положилъ одною челюстью; до сихъ поръ любилъ онъ вставить въ свою рѣчь латинское сло-

вечко или, разговаривая съ бородачемъ, который только что принялъ въ лавку боченовъ дегтю и не успѣлъ еще сосчитать барышей,—сослаться на Тертуллиана, а то паче на Цицерона, который у духовныхъ считается не то языческимъ, не то христіанскимъ писателемъ.

— Это, отецъ дяконъ, вы вѣрно; это точно-съ! говоритъ, выкладывая на счетахъ, купецъ въ отвѣтъ на латинскую цитату.

Сначала Савва, имѣя въ виду свои ученыя достоинства, былъ нерѣдко заносчивъ и гордъ, любилъ уколоть за невѣжество; но это ему послужило во вредъ: мирный прихожанинъ любить, чтобы ему говорили ученое или божественное ласково, да чтобъ тотъ, кто говоритъ, не забывалъ, гдѣ онъ сидитъ и съ кѣмъ. Слова словами, а дѣло дѣломъ. Поэтому въ дома зажиточные стали приглашать одного попа, а дякона, за его *необычныя* слова, — не пускать. Савва смирился и послѣ никогда уже не пускался въ споры, развѣ въ пьяномъ образѣ. Тутъ онъ немножко развертывался, тѣмъ болѣе, что, зная его слабость къ словопреніямъ, его нарочно старались подзадоривать.

— Все отъ дьявола! говорилъ, напимѣрь, разгорячившись Савва.

— Напрасно-съ! Есть кой-что и отъ Бога, благоразумно замѣчалъ какой-нибудь купецъ съ черной окладистой бородой, которую онъ преспокойно поглаживалъ, что еще болѣе бѣсило Савву.

— А вотъ Микита мнѣ пишетъ, что все отъ нѣмца, пошутилъ находившійся тутъ-же отецъ Матвей (дѣло было на именинахъ у одного купца и причетъ, по обычаю, былъ приглашенъ въ лицѣ попа и дякона).

Всѣ помолчали на замѣчаніе о. Матвея и самъ Савва не нашелся, что отвѣчать.

— Пути Божіи неисповѣдимы, замѣтилъ дѣдъ: — что отъ дьявола, а что и отъ нѣмца.

— Однакоже, гдѣ теперича начало? продолжалъ тотъ-же купецъ.

— Начало! съ сердцемъ подхватилъ Савва: — а зачѣмъ сказано: ни начала, ни конца?

— Это точно-съ, соглашался купецъ.

«Дѣло», № 5.

— То-то! отозвался Савва.

Всѣ вздохнули.

— Все премудро, началъ Матвей: — сколько теперь херувимовъ однихъ, сколько ангеловъ—а?

— А сколько? задирая, спросилъ Савва.

— Кто въ разумѣ—тотъ понимаетъ, благодушно отвѣчалъ попъ.

— Въ писаніи все сказано, замѣтила черная борода.

— Кому показано, тотъ знаетъ, подтвердила рыжая.

— Книга не даромъ, замѣтилъ ето-то.

— На все книга, заключалъ дѣдъ.

— Книга-то книгой, да мы-то что? вскинулся Савва.

— Какъ что? все по книгѣ, сказалъ купецъ черная борода.—И ежели что теперича не по книгѣ, то гдѣ-же-съ?

— А разумъ тебѣ на что? возразилъ дьяконъ.

— А что разумъ? Ему тоже безъ книги нельзя.

— Это какъ?

— А таеъ, что если на горохъ, да на морозъ, то онъ-бы черезъ тынъ переросъ.

— А вотъ кабы ты зналъ, злобно началъ Савва.

— Нѣтъ, отецъ дьяконъ, перебила рыжая борода: — безъ книги дѣло наплевать. Зачѣмъ, напримѣръ, сказано, что пророка рыба проглотила?

И затѣмъ сыпались вопросы:

— А солнце кто остановилъ?

— А столбъ огненный?

— Облако днемъ?

— Пещь огненная?

— Змій мѣдный?

— Скрежетъ зубовный?

— Преисподняя?

— Гласъ трубный?

— Адъ кромѣшный?

— Грѣхи всякіе?

— Черти?

И Савву засыпали вопросами. Онъ любилъ останавливаться на вопросѣ, разъяснять, а тутъ оказывался народъ всезнающій, и потому Савва, вмѣсто всякаго отвѣта, скрѣпя сердце подходилъ къ столу выпить водки, потому дѣйствительно видѣлъ, что все сказано, показано, рассказано, написано, и онъ,

Савва, только понапрасну горячился... Онъ видѣлъ, что никто собственно и не думаетъ спорить о писанинѣ, что на все есть книга; что все для всѣхъ ясно и понятно, и надъ Саввой только подшучивали, стараясь его раззадорить.

Но всѣ эти штуки, какъ не отзывались веселостью и простымъ добродушнымъ подтруниваніемъ на счетъ старика, все-таки оставляли нѣкоторую горечь въ душѣ Саввы, изнуренной трудами и лишеніями. Вѣчное недовольство, борьба съ бѣдностью, при этомъ странный взглядъ на жизнь, отрицавшей, къ удивленію Саввы, всякія философскія тонкости, которымъ онъ научился въ семинаріи, нѣсколько отъ природы желчный характеръ, наконецъ, неизбѣжное въ подобномъ положеніи пьянство—все это вмѣстѣ дѣлало нашего дьякона суровымъ, капризнымъ и недовѣрчивымъ: онъ не легко уживался съ людьми и только крайность заставляла его сдерживать себя.

Да и трудолюбіе Саввы не отличалось практичностью. Между тѣмъ, какъ сосѣдъ его, пономарь, дѣлалъ самопрялки и получалъ большіе доходы отъ этого, Савва ограничивался тѣмъ, что весь день сколачивалъ какія нибудь доски, или разгребалъ кучи лопатой, или же усиливался починить старую никуда негодную телѣгу, которая вдобавокъ совсѣмъ была ненужна ему, потому что лошадь была-бы не по средствамъ дьякону. Какъ въ семинаріи Савва любилъ раскладывать въ порядкѣ книги и тетради и наблюдать чистоту въ комнатахъ, такъ и теперь онъ любилъ, чтобы все было у него починено, чтобы не валялось зря, а лежало на мѣстѣ, въ порядкѣ. Вообще онъ наблюдалъ во всемъ мелочной порядокъ и мелочную экономію. У него не достало-бы смѣлости, подобно пономарю, взяться за такую обширную операцію, какъ самопрялки. Между тѣмъ Савва не мало завидовалъ Михеичу (такъ звали пономаря), у котораго и дочь была за священникомъ и сынъ готовился въ дьяконы. Садъ пономаря былъ рядомъ съ дьяконскимъ, но что это была за разница! Тамъ вишни, яблоки; густыя листвы, какъ куполы, висятъ надъ аллеями; солнце едва проникаетъ въ чащу. Рублей до сотни получаетъ пономарь съ сада. А у Саввы? Тамъ-сямъ тощее деревцо, словно осенью; пять-шесть яблокъ на немъ; солнце и тутъ, и тутъ, словно вотъ въ полѣ свѣтитъ. Насквозь пронизываетъ жидкую листву: нѣтъ совсѣмъ почти тѣни. Инаи

яблоня глядишь засохла: идетъ отъ корня лѣсовиць простой. Положимъ, привѣтъ къ нему Савва хорошій плодъ, и пономарь дастъ ему для этого боровинку либо крупную желтую, какъ лимонъ, антоновку: да не поспорится Саввѣ. Сѣтъ онъ и капусту вмѣстѣ съ Михеичемъ и семена тѣжъ самыя: да у Саввы кочана, бываетъ, отъ земли не видать, а Михеичъ глядишь безъ малаго сто на капустѣ взялъ. Положимъ асигнаціями, да Савва и не считаетъ на серебро. Дивится Савва, ума не приложить. Выйдетъ иной разъ въ садъ: отовсюду видно, какъ стоитъ солнце посередь неба и дрожать кой-гдѣ въ лучахъ его жидкія верхушки яблонь; огурцы видимо сохнуть отъ жару; трава выгорѣла. Тихо все. Вонъ поле вдали, рожь желтѣетъ; большая дорога уходитъ въ лѣсъ; мужикъ въ яркой соломенной шляпѣ сѣлъ у закраины оврага и снялъ котомку.

— Экъ вѣдь какъ видно! думаетъ неволью Савва и щурясь глядитъ вдаль.

— Что, ай видишь что? кричитъ ему изъ своего сада пономарь, опершись на плетень и спустивъ въ дьяконскій садъ свою длинную обладистую бороду, всю черную.

— Отъ тебя все небось видно, продолжаетъ пономарь.— Эко просторъ-то, Боже мой!

Савву это прямо въ сердце.

— Чтожъ, что просторъ? спрашиваетъ онъ уже недовольнымъ голосомъ.— Ай тебѣ завидно?

— Просторно, говорю, а не завидно.

Все это только раздражаетъ Савву. Совсѣмъ разсерженный, онъ уходитъ, наконецъ, на дворъ, подъ навѣсъ, и съ остервененіемъ начинаетъ сколачивать доски.

Семейство Саввы состояло изъ жены и двухъ дочерей. Последнія занимались шитьемъ, вѣчно возились съ тряпками, кружева тоже плели, по праздникамъ гадали на картахъ. Дьяконица пребывала больше на кухнѣ или въ заугѣ и являлась къ обѣду и къ ужину. Даже чай, который разливала одна изъ дочерей, она пила всегда почти стоя, какъ-бы мимоходомъ. Вѣчно съ засученными по-ловоть рукавами, она носилась то съ горшкомъ, то съ ухватомъ или кочергой. Дьяконъ не вникалъ въ настоящее хозяйство, да и скорѣй-бы напуталъ въ немъ. Между-тѣмъ, благодаря дьяконицѣ, оно шло порядочнымъ образомъ, чувствовался даже достатокъ—

такъ чай пили каждый день по два раза, въ шкафу у себя дьяконъ всегда находилъ обычную порцію водки. Да говорили, что дьяконица и въ запасъ кой-что откладываетъ, для дочерей. За то и жизнь ея была вполне кухонная. Дьяконица была старинная пріятельница Марьи Ивановны Осенниковой. Пріятельство это, впрочемъ, ограничивалось тѣмъ, что онѣ навѣщали другъ друга по разу въ годъ. Въ Окуевѣ существуетъ много такихъ пріятельницъ, которыя видятся въ пять лѣтъ разъ. „Какъ-же, матушка, вмѣстѣ росли, на одномъ дворѣ почитай родились: какъ намъ не знать другъ дружку! Помню еще назадъ тому года три не болѣ—мы съ ней на свадьбѣ вмѣстѣ пиروвали. Попъ Акимъ дочь выдавалъ. Мы сейчас-же узнали другъ дружку. Какъ-же, матушка, и по-сейчасъ все въ знакомствѣ. Я ее теперь за версту распознаю, хоть вотъ ужъ мы почитай года три не видѣлись. Ай менѣ? Нѣтъ менѣ. Какъ разъ два года тому на Казанскую въ первѣ сошлись. Что-жь, матушка моя: такъ вѣдь обрадовались... Она-то все въ себѣ, а я все въ себѣ... И старину-то вспомнили. Поплакали то-же. Живетъ-то онъ далеко, у выгона поди: когда-жь свидѣться!“ Вотъ какія пріятельницы есть въ Окуевѣ. Такъ и Марья Ивановна видѣлась съ дьяконицей въ церкви или на улицѣ. Теперь-же Осенникова отправилась въ дьяконицѣ, какъ слѣдуетъ вечеркомъ, чайку попить. Уже по костюму ея видно было, что она не мимоходомъ, не забѣжала такъ. И дѣйствительно: съ этого-же вечера на половинѣ дьяконицы начались всякаго рода шушуканья, возня пошла, то и дѣло грѣлся самоваръ, проносились графинчики съ настойкой, появились какія-то кацавейки, шубки, тѣлогрѣйки. Забѣгали разныя старухи, старушки, старушонки и просто бабы, повязанныя платками. Забѣгали и завозились всякія Федотьевны, Арефьевны, Пантелевны, Кондратьевны, Марьи Прохоровны—и пошло, и пошло. Дьяконъ только потряхивалъ бородкой да крутилъ носомъ. Онъ бы и высказалъ что, да замѣтилъ одно: въ шкафу у него графинъ съ водкой, словно кувшинъ масла у вдовы библейской, едѣлся неизсѣваемымъ. Сколько не прикладывался дьяконъ, посуда все была полна. Это уже была хитрость дьяконицы, чтобы Саввѣ не давать освирѣпѣть по обычаю, а держать его по возможности въ мягкомъ настроеніи, чтобы



не круто какъ повернулъ онъ, когда дѣло подойдетъ къ концу и надо будетъ объявить въ чемъ суть.

Недѣлю спустя такая-же возня со всякими Арефьевнами, Федотьевнами началась и у Осенникова, на той половинѣ, гдѣ жила его мать.

— Что, какъ дѣла? спросилъ Оболдухъ.

— Да что, неохотно отозвался Павелъ Николаичъ,—шныряютъ тамъ... самоваръ весь распаяли.

— Ну это ничего. Стало дѣло смазывается.

Павелъ Николаичъ молчалъ.

— Самоваръ что, продолжалъ Оболдухъ, — тутъ дѣло не самоваромъ... Тутъ, братъ, дѣло... Тебѣ ничего еще не говорятъ?

— Нѣтъ.

— Ну стало идетъ. Непремѣнно идетъ.

— Я ужъ молчу—самъ-то.

— И молчи. Старухи тамъ все разберутъ безъ насъ.

— Варенье вотъ таскаютъ, я было запасъ баночки три.

— Наплой! Что варенье!

— Да то и дѣло гривенники летятъ!

— Пуцай! Это они настойку лущатъ.

— Въ день почитай двугривенный уходить.

— Ну да, полштофъ. Это ничего.

— Тоже маменька теперь: идешь въ опеку, зайди селедочку возьми да икры тамъ...

— Закусываютъ, значить, это такъ,—сообразилъ регентъ.

— Пряниковъ тамъ...

— Ну да, заѣдаютъ.

— Орѣховъ.

— Щелкаютъ отъ скуки... Нельзя! Ты на все на это наплой...

— Да я плюю...

Между-тѣмъ Павелъ Николаичъ, хотя и высказывалъ недовольство свое новыми порядками, заведшимися въ домѣ, тѣмъ не менѣе, замѣчая, что дѣло смазывается, онъ прикупалъ для будущаго хозяйства разныя мелкія вещицы, особенно по случаю: тарелки, блюда, зеркалаца. Дома, послѣ обѣда, онъ все соображалъ, какъ придется размѣстить мебель и, разумѣется, совѣтовался съ регентомъ. Совѣщанія эти шли во время чаю. Регентъ, покуривая трубку, привыкъ поне-

многоу къ этимъ бесѣдамъ и такъ вошелъ въ дѣло, какъ-будто самъ собирался жениться.

— Вотъ эти стулья хочу я поставить въ ту комнату, говорилъ Павелъ Николаичъ.

— А тутъ что останется?

— А тутъ облюбовалъ я въ одномъ мѣстѣ столикъ.

— Хорошъ!

— Круглый на ножкахъ.

— Ну, стало хорошъ. Круглые вообще хороши. Потому для чистаго народа. Сапожнику не пойдетъ круглый столикъ. А ты будешь на немъ чай пить, обѣдать когда. Съ ящикомъ?

— Съ ящикомъ.

— Клади что-нибудь.

— Буду. Ножки, видишь-ли, выгибомъ и лапки заячьи на концѣ.

— Не хошь-ли я тебѣ выточу къ стульямъ-то заячьи лапки.

— А что, удружи.

— Вотъ у тебя все и будетъ на заячьихъ лапкахъ. Красиво.

Согласились, чтобы Оболдухъ точилъ заячьи лапки. Оболдухъ вызвался также наточить дѣтскихъ игрушекъ.

— Ребятамъ на случай, говорилъ онъ. — Все надо имѣть въ виду. Вотъ солдатиковъ пожалуй надѣлаю, будутъ съ ружьями какъ слѣдуетъ. Мальчуга и станеть играть.

Говорили и о кровати, соображали ширину, длину, причемъ Оболдухъ основательно замѣтилъ, что въ длину много нечего пущать, что „ужь коли бабу станешь брать, такъ ужь, полагаю, не больше-же возьмешь себя, какъ на поларшина“.

— Ну, конечно, сказалъ Павелъ Николаичъ.

Затѣмъ рѣшили, что кровать должна быть дубовая, простая, безъ затѣй. Тутъ регентъ выказалъ всю свою основательность.

— Словомъ, сказалъ онъ: — дубовая безъ затѣй и ежели безъ шишечекъ, какъ ты говоришь и безъ этихъ лапокъ, то, выходитъ, простая, дубовая кровать, четыре ножки, досокъ примѣрно восемь — пять съ полтиной, да ножки по четвертаку — съ уступкой шесть съ четвертакомъ, да на запасъ пол-

тина, рубль на окраску, да устой два съ четвертью, три съ гривной, да балки съ починомъ — четыре, полтину на случай—пять съ лишкомъ, да за работу полтора, пять да два—семь, да еще два—девять, двѣ полтины—шишечекъ не нужно—десять, гривну долой, безъ лапокъ, да за окраску—одиннадцать, работа два — рублей въ пятнадцать обойдется тебѣ штука.

И регентъ вынулъ изо рта трубку и поглядѣлъ на пріятеля.

— Безъ шишечекъ помни и безъ лапокъ.

Павель Николанчъ ничего не отвѣчалъ.

— Ай дорого?

— Да.

— Ну, ничего. За то спать пріятно будетъ. Старухи тебя уложатъ, перины вздуютъ подъ потолокъ, старухи вѣдь на этомъ собаку съѣли, подушекъ однѣхъ тебѣ, да что говорить!

И регентъ махнулъ рукой.

Такъ совѣтовались пріятели, а между-тѣмъ дѣло у старухъ дѣйствительно кипѣло.

Н. Преображенскій.

*(Продолженіе будетъ.)*

# ОБЪТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

(ПОЭМА-ЛЕГЕНДА.)

Посвящается Юльѣ Николаевнѣ Липской.

## I.

Въ безбрежномъ морѣ одинокій  
Блуждалъ корабль. Его застигъ  
Внезапный штиль. Туманъ глубокій  
Стоялъ вокругъ, и лишь на мигъ  
Виднѣлся сквозь него порою  
Край неба, слившійся съ водою.

## II.

Корабль имѣлъ ужасный видъ:  
Въ его бортахъ зіяли щели,  
И руль былъ въ дребезги разбитъ;  
На мачтахъ сломанныхъ висѣли—  
Ихъ прежде гордость и краса—  
Ключами тряпокъ паруса.

## III.

И здѣсь, и тамъ виднѣлись группы  
Людей на палубѣ. У всѣхъ  
Печально лица были тупы;  
То раздавался ѣдкій смѣхъ,  
То стонъ, то тихое рыданье...  
Но всюду слышалось страданье.

## IV.

И даже грозный капитанъ,  
 Не разъ встрѣчавшій смерть съ улыбкой,  
 Теперь, забывъ свой важный санъ,  
 Потушилъ голову: ошибкой  
 Онъ недоволенъ былъ своей...  
 А сколько выходилъ морей!

## V.

И вспомнилъ онъ теперь невольно,  
 Какъ въ день безоблачный они  
 Пустились въ путь, самодовольно  
 Капризамъ вѣтра и волны  
 Надежды смутныя ввѣряя  
 На счетъ невѣдомаго края,

## VI.

Гдѣ солнце свѣтитъ круглый годъ,  
 Гдѣ, безъ труда, сама природа  
 Плоды роскошныя даетъ,  
 И безграничная свобода  
 Царить повсюду, какъ законъ,  
 Надъ массой дѣвственныхъ племенъ.

## VII.

Онъ вспомнилъ радостныя крики,  
 Когда усталый экипажъ  
 Вдали замѣтилъ берегъ дикій.  
 Но это былъ одинъ миражъ,  
 Увы! разсѣявшійся вскорѣ,—  
 И было видно только море.

## VIII.

А ночью съ ревомъ налетѣлъ  
 Ужасный шеваль, гроза гремѣла,  
 И цѣлой тучей ярнхъ стрѣлъ  
 По небу молнія блестѣла;  
 Стонали мачты, адскій свистъ  
 Гудѣлъ въ снастяхъ, и словно листъ

## IX.

Дрожаль корабль. Въ ту ночь глухую  
Его волненьемъ отнесло  
Въ страну, Богъ вѣдаетъ, какую...  
Когда-жъ немного разсвѣло,  
Наткнулся онъ на рифъ опасный,  
И былъ готовъ уже, несчастный,

## X.

Идти ко дну... какъ новый шкваль,  
Накрывъ его сѣдой волною,  
Унесъ отъ этихъ грозныхъ скалъ  
Внезапно въ море за собою.  
Но то былъ остовъ корабля—  
Безъ мачтъ, безъ шлюпокъ, безъ руля!

## XI.

И долго вѣтеръ на просторѣ,  
Качая, несъ его впередъ,  
Пока утихнувшее море  
Не улеглось равниной водъ,  
Лаская жертвы видъ печальный  
Своей поверхностью зеркальной.

## XII.

И вотъ теперь уже три дня  
Стоитъ затишь роковое;  
Густой туманъ, какъ пелена,  
Кругомъ окуталъ все живое,—  
Цастанетъ день, а солнца нѣтъ:  
Впередъ и назадъ потерянъ слѣдъ...

## XIII.

А между тѣмъ, запасы пищи  
Скудѣютъ быстро съ каждымъ днемъ:  
Уже питается, какъ нищій,  
И онъ—глава надъ кораблемъ;  
Не даромъ сталь онъ даже воду  
По чаркамъ выдавать народу.

## XIV.

Такъ думалъ старшй капитанъ,  
 Своей команды слыша ропоть....  
 Но вдругъ разсвѣлся туманъ,—  
 Въ толпѣ глухой пронесся шопоть,  
 И крикъ раздался съ корабля:  
 „Земля! желанная земля!“

## XV.

И передъ жадными глазами,  
 Теряясь въ чудной вышинѣ,  
 Вставали горы надъ горами,  
 И, какъ порой въ волшебномъ снѣ,  
 На ихъ заоблачныхъ вершинахъ  
 Играло солнце, какъ въ рубинахъ.

## XVI.

Но это былъ уже не сонъ:  
 Прелестнымъ пурпуромъ заката  
 Горѣлъ далекий небосклонъ,  
 И той-же роскошью объята  
 Была, вблизи отъ корабля  
 Теперь лежавшая, земля.

## XVII.

И вотъ работа закипѣла  
 На сонной палубѣ; всю ночь  
 Никто не прятался отъ дѣла,  
 Чтобъ горю общему помочь,—  
 И за восходомъ солнца вскорѣ  
 Тяжелый плотъ былъ спущенъ въ море.

## XVIII.

На немъ отважный капитанъ  
 Отправилъ опытныхъ матросовъ  
 Развѣдать берегъ этихъ странъ  
 И крутизны его утесовъ,  
 Гдѣ, можетъ быть, отъ частыхъ тучъ,  
 Дожди скопились въ чистый ключъ.

## XIX

Весь день гребли неутомимо  
 Въ землѣ невѣдомой пловцы,  
 А берегъ былъ необозримо  
 Еще далекъ; лишь скалъ зубцы  
 Мрачнѣй и рѣзче выступали  
 Теперь на фонѣ синей дали.

## XX.

Но смѣлнѣй плоть и ночью плыль,  
 Пока уступъ скалы отвѣсной  
 Ему пути не заградилъ...  
 Быть можетъ, берегъ неизвѣстный  
 Лежалъ за ней? Да ночь была  
 Чернѣй вороньяго крыла!

## XXI.

И ждали свѣта... Разсвѣтало.  
 Теперь желанная страна  
 У самыхъ ногъ пловцовъ лежала...  
 Величья мрачнаго полна  
 И тучей грозною накрыта,  
 Она, казалось, изъ гранита

## XXII.

Была гигантомъ отлита.  
 И шло на умъ съ тревогой тайной,  
 Что въ эти дикія мѣста  
 Никто по прихоти случайной  
 Не смѣлъ вступать еще; что въ нимъ,  
 Быть можетъ, избраннымъ однимъ

## XXIII.

Доступенъ путь. Когда-жъ свѣтило  
 Дневное, вынырнувъ изъ водъ,  
 Гранитный мѣръ поволотило,—  
 Еще мрачнѣй казался сводъ  
 Надъ нимъ свинцомъ нависшей тучи.  
 И грянулъ громъ. Ударъ могучій,



## XXIV.

Базалось, даже и небесъ  
 Съ вѣковъ незыблемыя силы  
 Поколебалъ,—и день исчезъ  
 На мигъ во тьмѣ... И отступили  
 Въ невольномъ ужасѣ назадъ  
 Пловцы отъ каменныхъ громадъ.

## XXV.

И съ быстротой, невѣроятной  
 Для утомившихся гребцовъ,  
 Понесся съ ними въ путь обратный  
 Тяжелый плотъ. А съ береговъ,  
 Теперь покрытыхъ яркимъ свѣтомъ,  
 Ужь снова вѣяло привѣтомъ!

## XXVI.

На безпомощномъ кораблѣ  
 Всю ночь шелъ говоръ оживленный  
 О заколдованной землѣ;  
 И только въ буряхъ закаленный,  
 Упрямый старый капитанъ,  
 Видавшій много разныхъ странъ,

## XXVII.

Не захотѣлъ повѣрить сразу  
 Ни смыслу здравому пловцовъ,  
 Ни ихъ чудесному разсказу.  
 Изъ всѣхъ наличныхъ храбрецовъ  
 Онъ утромъ вызвалъ, по охотѣ,  
 Двоихъ такихъ, что въ цѣломъ флотѣ

## XXVIII.

Никто не могъ-бы отыскать  
 Подобной имъ, отважной пары.  
 И вотъ пустился плотъ опять  
 Къ землѣ таинственной, чтобъ чары  
 Ея извѣдать и принести  
 О нихъ желаемую вѣсть.

## XXIX.

Весь день, тревогою томимый,  
Ихъ ждалъ корабль; лишь въ ночь отъ скалъ  
Вернулся плотъ неустрашимый.  
На лицахъ посланныхъ лежалъ  
Какъ-будто слѣдъ испуга свѣжій,—  
И снова вѣсти были тѣ-же...

## XXX.

И овладѣло кораблемъ  
Теперь отчаянье нѣмое,  
И слово „голодъ“ ужь на немъ  
Звучало часто роковое.  
А дни за днями шли да шли  
Въ виду таинственной земли...

## XXXI.

На корабль, забытый въ трюмѣ,  
Невольникъ, скованный въ цѣпяхъ,  
Лежалъ безмолвный и угрюмый,  
Съ отвагой гордою въ глазахъ.  
Его, казалось, слишкомъ мало  
Несчастье общее смущало

## XXXII.

До этихъ поръ. Но вотъ и онъ  
Теперь, съ послѣдними вѣстями,  
Невольно издалъ громкій стонъ  
И звякнулъ тяжкими цѣпями.  
И этотъ звукъ дошелъ до всѣхъ:  
Онъ жутокъ былъ, какъ злобный смѣхъ

## XXXIII.

Надъ голодающей свободой  
Полуголоднаго раба!  
„Знакомъ я съ здѣшнею природой—  
И, можетъ, выручѹ тебя;  
Награды требовать не стану“,—  
Промолвилъ узникъ капитану,

## XXXIV.

Когда, на звукъ глухой цѣпей,  
 Сошелъ онъ въ плѣннику сурово.—  
 „Я росъ въ борьбѣ—и, съ юныхъ дней,  
 Бороться—для меня не ново:  
 Раскуй меня и отошли  
 Искать спасительной земли!“

## XXXV.

И узникъ тотчасъ былъ раскованъ,—  
 И долго на берегъ крутой  
 Смотрѣлъ онъ, будто очарованъ  
 Его суровой красотой;  
 И простиралъ въ слезахъ онъ руки  
 Къ нему, забывъ былыя муки.

## XXXVI.

Воды и пищи, про запасъ,  
 Дня на три узникъ взялъ съ собою,  
 Да старый маленькій компасъ,  
 Чтобъ не развѣхаться съ землею,  
 На случай, еслибы опять  
 Туманъ сталъ на морѣ стоять.

## XXXVII.

И такъ-какъ на морѣ свѣжѣло,  
 То сшилъ онъ парусъ изъ клочковъ—  
 Казалось всѣмъ, негодныхъ въ дѣло—  
 Снесенныхъ бурей парусовъ;  
 А вмѣсто мачты онъ поставилъ  
 Весло,—и смѣло путь направилъ

## XXXVIII.

По разыгравшимся волнамъ.  
 На счастье, вѣтеръ дулъ попутный,  
 И прямо къ чуднымъ берегамъ  
 Понесъ онъ быстро непріютный,  
 Въ хаосъ пѣнившихся водъ  
 Теперь едва замѣтный плотъ.

## XXXIX.

И влѣдъ за нимъ несло волненьемъ  
 Корабль къ утесамъ роковымъ...  
 Съ какимъ горячимъ нетерпѣньемъ  
 И, вмѣстѣ, съ ужасомъ какимъ  
 Бросали всѣ нѣмые взгляды  
 На выроставшія громады

## XЕ.

Гранитныхъ горъ! Уже земля  
 Была близка, и глазъ усталый  
 Могъ ясно видѣть съ корабля,  
 Какъ волны билися о скалы,  
 И какъ на нихъ-же, наконецъ,  
 Былъ смѣлый выброшенъ пловецъ.

## XLІ.

И притаили всѣ дыханье...  
 Но ошеломленный на мигъ  
 Волной, онъ вынесъ испытанье—  
 И, какъ въ борьбѣ побѣдный крикъ,  
 „Свобода!“ съ устъ его слетѣло,—  
 И сталъ онъ вверхъ взбираться смѣло

## XLІІ.

По недоступнымъ крутизнамъ.  
 А эхо крикъ перехватило  
 И, раскатившись по горамъ,  
 „О, да!“ протяжно повторило;  
 Какъ-будто тысячами устъ  
 Сказать хотѣло: берегъ пусть.

## XLІІІ.

Но узникъ все неустрашимо  
 То ползъ, какъ гибкая змѣя,  
 На скользкихъ выступахъ, помимо  
 Зіявшихъ пропастей, вися  
 Порой отчаянно надъ бездной—  
 Чернѣе полночи беззвѣздной.

## XLIV.

То шель онъ вдоль громадныхъ плитъ,  
 Какъ призракъ, мѣрными шагами  
 По тѣмъ ложбинамъ, гдѣ гранитъ  
 Лежалъ пологими пластами;  
 То съ быстротою горныхъ козъ  
 Съ утеса прыгаль на утесъ.

## XLV.

То на краю скалы отвѣсной  
 Сидя недвижно, какъ кумиръ,  
 Онъ измѣрялъ глазами тѣсный  
 Внизу покинутый имъ мѣръ,  
 Гдѣ за отвагу пылкой груди  
 Его въ цѣпяхъ держали люди...

## XLVI.

А тамъ, на жалкомъ кораблѣ,  
 Прибитомъ бурными волнами  
 Къ подводной маленькой скалѣ,  
 Слѣдили жадными глазами  
 За смѣлымъ узникомъ, какъ онъ,  
 Незримой силой обреченъ,

## XLVII.

Взбирался выше все и выше.  
 Но вотъ глубокой ночи мгла,  
 Покрывъ таинственныя ниши  
 Гигантскихъ выступовъ, легла  
 Непроницаемымъ покровомъ  
 Уже и на морѣ суровомъ.

## XLVIII.

Оно утихло въ этой мглѣ,  
 И лишь далеко за кормомъ  
 Теперь, на сонномъ кораблѣ,  
 Былъ слышенъ плескъ воды порою,  
 Да гдѣ-то изрѣдка звучаль,  
 Должно быть, падавшій со скалъ

## XLIX.

Обломокъ камня близъ утесовъ.  
И вдругъ средь этой тишины  
До слуха чуткаго матросовъ,  
Прогнавъ зловѣщіе ихъ сны,  
Донесся явственно и строго  
Напѣвъ знакомый имъ немного.

## L.

Незримый голосъ гдѣ-то пѣлъ:  
„Настанетъ день—и тѣни ночи  
Сбѣгутъ,—таковъ земли удѣлъ;  
Зачѣмъ-же, люди, ваши очи  
На вѣчный мракъ осуждены?  
Пройдетъ зима—и лучъ весны

## LI.

Расторгнетъ узы ледяныя  
Озеръ и рѣвъ, и потекутъ  
Свободно въ даль ручьи живые,—  
Таковъ земли удѣлъ и тутъ;  
Зачѣмъ-же вы носить готовы,  
О, люди! вѣчныя оковы?“

## LII.

И этотъ голосъ нисходилъ,  
Казалось, съ выси безконечной.  
То былъ-ли хоръ небесныхъ силъ,  
Иль падшій ангелъ, въ скорби вѣчной,  
Стоналъ надъ грѣшною землею—  
Осталось тайной роковой...

## LIII.

По утру, съ первыми лучами  
Едва занявшася дня,  
Нетерпѣливыми глазами  
Съ различныхъ пунктовъ корабля  
Искали узника матросы.  
Но были видны лишь утесы.

## LIV.

И только въ полдень, наконецъ,  
 Какъ бликъ ничтожный на картинѣ,  
 Замѣченъ ими былъ храбрецъ  
 На выдающейся вершинѣ  
 Одной изъ горъ. Но острый глазъ  
 Былъ слишкомъ слабъ на этотъ разъ,

## LV.

Чтобъ убѣдиться несомнѣнно  
 Въ своемъ открытїи. Тогда  
 Труба подзорная мгновенно  
 Наведена была туда,—  
 И шопотъ ужаса живого  
 По кораблю пронесся снова:

## LVI.

На неприступной вышинѣ,  
 Гдѣ, ночью, съ вѣчными свѣтами  
 Способны звѣзды лишь однѣ  
 Играть холодными лучами;  
 Куда, въ нуты издавека,  
 На отдыхъ сходятъ облака,—

## LVII.

Да, тамъ, на дѣвственной вершинѣ  
 Горы, былъ узникъ! Онъ стоялъ,  
 Какъ жрецъ въ таинственной святинѣ,  
 Между покрытыхъ льдами скалъ,  
 И въ даль присматривался смѣло.  
 Ключками жалкими висѣла

## LVIII.

Одежда грубая на немъ,  
 И вѣковѣчное свѣтило  
 Своимъ полуденнымъ лучомъ  
 Теперь капризно золотило  
 Ихъ нищету; изъ голыхъ рукъ,  
 Какъ свѣжій слѣдъ недавнихъ мучъ,

ЕІХ.

Сочилась кровь. Но эти руки  
 Простерлись радостно впередъ,  
 Какъ-будто тамъ кончались муки,  
 Какъ-будто видѣлся исходъ  
 За этой страшною стѣною  
 Всему, что выносишь порою

ЕХ.

Онъ—бывшій узникъ корабля;  
 Какъ-будто—словомъ—тамъ лежала  
 Обѣтованная земля...  
 И вдругъ стремительно сбѣжалъ онъ  
 Съ горы въ ту сторону, куда,  
 Казалось, не было слѣда,

ЕХІ.

Помию неба голубого.  
 И ждалъ корабль въ нѣмой тоскѣ...  
 Но вотъ явился узникъ снова  
 Съ зеленой вѣткою въ рукѣ....

. . . . .  
 . . . . .

ЕХІІ.

. . . . .  
 . . . . .  
 Кто думать могъ, что этихъ скалъ  
 Безплодныхъ выступы нагіе,  
 Еще съ глубокой старины,  
 Стоять на стражѣ у страны,

ЕХІІІ.

Быть можетъ, дивно-плодородной?  
 И, обернувшись къ ней лицомъ,  
 Заплакалъ узникъ—и, свободный  
 Теперь на вѣкъ, своимъ челомъ  
 Къ землѣ, снѣгами убѣленной,  
 Припалъ колѣнопреклоненный.



## LXIV.

Взглянулъ онъ на море потомъ,  
И долго скорбными глазами  
Смотрѣлъ, какъ вмѣстѣ съ кораблемъ  
Горѣлъ румяными лучами  
Далекій край родныхъ небесъ;  
Смотрѣлъ, смотрѣлъ — и вдругъ исчезъ...

## LXV.

Съ тѣхъ поръ надъ мрачною страню,  
Въ волшебныхъ краскахъ, ужъ не разъ  
Заря смѣнялася зарею,  
И день за днемъ безслѣдно гасъ, —  
А все вѣстей не приходило  
Съ земли: ревниво, какъ могила,

## LXVI.

Скрывала узника она  
За неприступною горою.  
Бругомъ стояла тишина,  
И только слышался порою  
На кораблѣ ужасный стонъ;  
Со многихъ усть, казалось, онъ

## LXVII.

Въ одинъ моментъ срывался дружно  
Подъ пыткой голода. И вотъ  
Теперь рѣшили тамъ, что нужно  
Собрать большихъ размѣровъ плоть,  
Чтобъ все могли, безъ исключенья,  
На берегу искать спасенья.

## LXVIII.

Но... какъ обманчивый миражъ  
Недолго глазъ лелѣеть въ морѣ,  
Такъ съ этой думой экипажъ  
Проститься вынужденъ былъ вскорѣ:  
Теперь, прикованный къ скаламъ,  
Увы! миражъ онъ былъ и самъ...

## ЕХІХ.

Еще смѣнилась ночь разсвѣтомъ;  
Но ужь его на корабль  
Толпа не встрѣтила привѣтомъ:  
Оборотясь лицомъ къ землѣ,  
И на заоблачныя горы  
Вперивъ недвижные взоры

## ЕХХ.

Въ какомъ-то ужасѣ тупомъ,  
Какъ изваяніе, застыла  
Она въ молчаньи гробовомъ,—  
И смерть голодная царила  
При блескѣ утреннихъ лучей  
Во всемъ величїи надъ ней!..

Омулевскій.

# ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПРАВА

И .

## ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕУРЯДИЦА.

(Статья вторая.)

### IV.

„Въ Швейцаріи, собственно говоря, нѣтъ рабочаго класса, такъ-какъ въ этой странѣ рабочіе не образуютъ какой-нибудь категоріи людей, отличающейся отъ всей націи“. Такой много-значительной фразой начинается Муанье свой отчетъ о рабочихъ учрежденіяхъ въ Швейцаріи. Посмотримъ, на сколько въ этой фразѣ правды и насколько швейцарскаго тщеславія, желающаго показать, во что-бы то ни стало, что „у насъ, въ Швейцаріи, всѣ равны“.

По послѣдней швейцарской переписи, въ Швейцаріи на пространствѣ 752 кв. миль живетъ 2,670,345 человекъ, т. е. на квадратную милю приходится по 3,512 человекъ. Эта цифра, впрочемъ, гораздо ниже дѣйствительной, такъ-какъ нужно отбросить значительный процентъ пространствъ, негодныхъ для заселенія. Этихъ пространствъ Вильгельмъ Гизи насчитываетъ въ Швейцаріи, богатой горами и озерами, до 31% и такимъ образомъ на каждую кв. милю приходится около 5,145 человекъ населенія. Значитъ Швейцарія стоитъ въ ряду самыхъ густонаселенныхъ государствъ Европы, вслѣдъ за Бельгіею (9,275 человекъ на 1 кв. милю), Саксоніею (8,943 ч. на кв. м.),

Англію съ Валлисомъ (8,276 ч. на кв. м.), Нидерландами (5,987 ч. на кв. м.), Великобританію и Ирландію (5,489 ч. на кв. м.) и, наконецъ, за Италію (5,130 ч. на кв. м. безъ вычета негодныхъ для житья пространствъ). Такая густота населенія и недостатокъ земли сами по себѣ должны обусловливать недостаточность естественныхъ произведеній и бѣдность жителей. Прибавьте къ этому, что въ Швейцаріи въ шестидесятыхъ годахъ, по словамъ Гизи, на долю сельскихъ общинъ приходилось 1,609,674 человекъ населенія, тогда какъ городское населеніе состояло изъ 900,820 душъ, что въ новѣйшей статистикѣ Гаусгофера сельское населеніе Швейцаріи высчитывается въ 58 %, и вы еще яснѣе поймете, почему швейцарскіе крестьяне, несмотря на самую тщательную обработку земли, не могутъ отличаться зажиточностью, если будутъ существовать исключительно земледѣльцѣ. Имъ не достанетъ хлѣба.

Вся эта масса сельскаго населенія живетъ въ общинахъ. Община—учрежденіе, которымъ больше всего гордится Швейцарія. И, дѣйствительно, община отчасти спасаетъ швейцарское сельское населеніе отъ пауперизма и даетъ возможность этому населенію сводить кое-какъ концы съ концами.

Но какими средствами удастся ей достигать этого? И что такое сама швейцарская община?

„Въ настоящее время,—говоритъ Диксонъ,—община или коммуна, но мнѣнію многихъ, отдаетъ запахомъ пороха и петролеума“. Но, если подобное представленіе можетъ связываться съ представленіемъ о новѣйшей французской общинѣ, то оно не можетъ имѣть мѣста, когда мы говоримъ о древней швейцарской общинѣ. Здѣсь иногда пахнетъ не порохомъ и не петролеумомъ, а скорѣе ладаномъ и деревяннымъ масломъ. Швейцарскія общины крайне разнообразны: въ Желевскомъ кантонѣ ихъ сорокъ четыре, въ Граубюнденѣ—двѣсти пять, хотя число населенія почти равно въ обоихъ кантонахъ; въ нѣкоторыхъ кантонахъ общины закрытыя, въ другихъ открытыя; порою встрѣчаются общины, гдѣ цѣнятъ выше всего знаніе и способности, въ другихъ-же—врожденное право на землю; есть общины, гдѣ религія и религіозные вопросы ставятся выше всѣхъ матеріальныхъ и другихъ интересовъ, но въ то же время существуютъ и такія общины, значеніе которыхъ не многимъ превосходитъ значеніе акціонерныхъ ком-

паній; есть еще общины, владѣющія всей усадебной землей, на которой живутъ люди, входящіе въ ихъ составъ, но существуетъ еще большее число общинъ, которыя владѣютъ небольшимъ количествомъ земли, тогда-какъ ихъ члены уже захватили въ личную собственность и усадебныя и пахатныя земли. Трудно перечислить всѣ различія въ характерѣ, формѣ, богатствѣ и обычномъ законодательствѣ различныхъ швейцарскихъ общинъ, которыхъ въ половинѣ шестидесятихъ годовъ насчитывалось до 2,843. Но если присмотрѣться поближе къ нимъ, то мы легко можемъ уловить одну общую почти всѣмъ имъ черту: эта черта—стремленіе оградить себя отъ усиленія нищенства при помощи задержки увеличенія населенія. Сколько намъ извѣстно подобное стремленіе нигдѣ и никогда не выражалось такъ сильно, такъ явно, такъ откровенно. Роковой призракъ нищеты постоянно и неотступно носится надъ общинами и подталкиваетъ ихъ на множество такихъ поступковъ, которые не менѣе возмутительны, чѣмъ знаменитые совѣты мальтузіанцевъ. По словамъ Бруннера, одного изъ швейцарскихъ фабрикантовъ, есть довольно зажиточныя земледѣльческія общины, гдѣ существуетъ тотъ всеобщій мѣстный обычай, что изъ трехъ сыновей въ домѣ женится только одинъ, чтобы не пришлось всѣмъ подвергнуться нуждѣ и бѣдности. Вообще каждая община смотритъ подозрительно на того изъ своихъ членовъ, который желаетъ жениться; ему ставятъ всевозможныя преграды. Въ большинствѣ общинъ гражданинъ можетъ жениться только съ дозволенія мэра, который имѣетъ возможность отказать въ этомъ дозволеніи подъ всякимъ предлогомъ. Онъ можетъ найти жениха слишкомъ молодымъ или слишкомъ старымъ. Онъ можетъ признать бракъ невозможнымъ потому, что женихъ хромъ, или счесть желаніе жениха жениться признакомъ сумасшествія. Бѣдность жениха можетъ служить вполне достаточнымъ предлогомъ для отказа въ дозволеніи жениться. Мэръ можетъ сослаться и на то, что женихъ пользуется дурной репутацией—причина очень эластичная, такъ-какъ каждый человекъ можетъ пользоваться дурною репутациею, смотря потому, кто объ немъ судить: мотъ или скряга, бѣднякъ или богачъ, католикъ или протестантъ, подлець или честный. Мэръ можетъ отказать въ согласіи на бракъ, если невѣста берется изъ другого кантона. Наконецъ, тысячи предлоговъ для отказа могутъ

быть найдены и находятся въ подобныхъ случаяхъ мѣрами. Что-же дѣлать молодымъ людямъ, если они бѣдны и если, къ несчастію, они хотятъ жить честною семейною жизнью, а не убивать свои естественныя потребности тайнымъ развратомъ?

Нерѣдко случаются самыя вошіюція дѣла по поводу недозволенія жениться. Если-же кто-нибудь женится помимо разрѣшенія мѣра, то бракъ считается незаконнымъ и ослушный членъ изгоняется изъ общины. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ стѣсненій было то, что въ Швейцаріи браки стали довольно рѣдки; вотъ таблица числа браковъ по Гауснеру:

Въ Сербіи. . . . .	1	бракъ на	83,4	жителя.
„ Россіи. . . . .	1	„ „	97,0	„
„ Италіи . . . . .	1	„ „	110,7	„
„ Великобританіи . . .	1	„ „	120,1	„
„ Франціи . . . . .	1	„ „	121,2	„
„ Пруссіи . . . . .	1	„ „	122,6	„
„ Даніи . . . . .	1	„ „	124,2	„
„ Бельгіи . . . . .	1	„ „	132,5	„
„ Швейцаріи же . . .	1	„ „	145,7	„

Въ болѣе плохихъ условіяхъ, въ этомъ отношеніи, стоятъ только Баварія, Баденъ, Вюртенбергъ, Гессенъ-Кассель и Гессенъ-Дармштадтъ. Цифры, выставляемыя въ книгѣ Гизи, также неутѣшительны. Онъ между прочимъ говоритъ, что самое большое число браковъ встрѣчается въ промышленныхъ кантонахъ, въ Аппенцелѣ по ту сторону Рода, Гларусѣ и Цюрихѣ; тогда какъ въ земледѣльческихъ и горныхъ мѣстностяхъ, какъ Люцернъ, Ури, Унтервальденъ надъ лѣсомъ и Унтервальденъ подъ лѣсомъ, число браковъ крайне ограничено. Такъ въ Люцернѣ съ 1860 по 1864 годъ одинъ бракъ приходился на 180 человѣкъ. Нечего распространяться о томъ, какъ бесплодны и безнравственны вообще всѣ усилія искусственнымъ образомъ замедлить возрастаніе народонаселенія при помощи воздержанія отъ браковъ—объ этомъ уже были написаны памятные всѣмъ пламенныя страницы въ „Philosophie de la misère“.

Прямымъ послѣдствіемъ затруднительности браковъ должно-бы явиться увеличеніе числа незаконныхъ, внѣ брачныхъ сожителствъ и числа незаконнорожденныхъ дѣтей. И дѣйствительно, тогда какъ Швейцарія вообще стоитъ въ этомъ отношеніи въ довольно

благопріятныхъ условіяхъ и представляетъ только 6,17% незаконнорожденныхъ дѣтей, т. е. не много болѣе, чѣмъ въ Англии, въ нѣкоторыхъ изъ ея кантоновъ, гдѣ преобладаетъ сельское населеніе, число незаконнорожденныхъ дѣтей гораздо больше, чѣмъ въ кантонахъ, гдѣ преобладаетъ городское населеніе. Такъ въ Ааргау, гдѣ сельское населеніе представляетъ 84,89% всего населенія, процентъ незаконнорожденныхъ равнялся 7,38; въ Фрейбургѣ, гдѣ сельское населеніе равняется 81,12%, процентъ незаконнорожденныхъ составляетъ 8,03; въ Шафгаузенѣ, гдѣ сельское населеніе составляло 62,19%; процентъ незаконнорожденныхъ доходилъ до 7,24; въ Бернѣ, гдѣ сельское населеніе составляло 60,38%, процентъ незаконнорожденныхъ доходилъ до 7,59; въ Золотурнѣ, гдѣ сельское населеніе состояло изъ 88,14%, процентъ незаконнорожденныхъ доходилъ до 9,84%; въ Люцернѣ, гдѣ сельское населеніе равнялось 64,99%, процентъ незаконнорожденныхъ доходилъ до 13,10. Тогда какъ въ Гларусѣ, гдѣ сельское населеніе составляло 50,43%, незаконнорожденныхъ было только 1,83%; въ Нейенбургѣ при 52,82% сельскаго населенія было 4,75% незаконнорожденныхъ; въ Цюрихѣ при 52,53% сельскаго населенія было 5,34% незаконнорожденныхъ; въ Аппенцелѣ по ту сторону Рода при 22,39% сельскаго населенія было 3,71% незаконнорожденныхъ; въ Цугѣ при 39,39% сельскаго населенія было 3,47% незаконнорожденныхъ; въ Сентъ-Галенѣ при 43,72% сельскаго населенія было 4,77% незаконнорожденныхъ. Эти цифры довольно характеристичны; но мы должны сказать, что нельзя считать общимъ правиломъ увеличеніе числа незаконнорожденныхъ во всѣхъ швейцарскихъ кантонахъ съ преобладающимъ сельскимъ населеніемъ. Нѣтъ! Въ Швейцаріи, какъ и вездѣ, число незаконнорожденныхъ увеличивается, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ люди бѣднѣе, гдѣ происходитъ фабричная работа мужчинъ и женщинъ, гдѣ рабочіе тѣсняются въ общихъ жилищахъ. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить Люцернъ, гдѣ одинъ бѣднякъ приходится на 8,99 человекъ населенія и гдѣ въ тоже время процентъ незаконнорожденныхъ доходитъ до 13,10%, т. е. дѣло идетъ хуже, чѣмъ въ Ганноверѣ, Австріи, Франціи и т. д. Рядомъ съ этимъ фактомъ можно указать на то, что въ Женевѣ сельское населеніе представляетъ только 30,01%, а чи-

сло незаконнорожденныхъ составляетъ 8,59%. Все дѣло въ томъ что на число незаконнорожденныхъ вліяетъ такое множество причинъ, что ихъ трудно уловить во всей ихъ совокупности. Въ Женевѣ, напримѣръ, осталось не безъ вліянія на число незаконнорожденныхъ постоянное пребываніе множества туристовъ-иностранцевъ. Но какъ-бы то ни было, а все-таки остается очень интереснымъ тотъ фактъ, что въ большинствѣ кантоновъ съ преобладающимъ сельскимъ населеніемъ является очень большой процентъ незаконнорожденныхъ. Намъ удалось составить сравнительныя таблицы незаконнорожденныхъ только для 19 кантоновъ и двѣнадцать изъ нихъ вполне оправдали мнѣніе объ увеличеніи числа незаконнорожденныхъ среди сельскаго населенія. Только четыре кантона представились въ видѣ исключенія, т. е. отношенія числа незаконнорожденныхъ къ числу сельскаго или промышленнаго населенія было въ нихъ обратное. Остальные три кантона скорѣе подтверждаютъ правило, чѣмъ противорѣчатъ ему. Этого почти не встрѣчается въ другихъ странахъ, гдѣ по большей части процентъ незаконнорожденныхъ меньше между сельскимъ, чѣмъ между городскимъ населеніемъ. Но, зная затруднительность браковъ въ сельскихъ общинахъ Швейцаріи, удивляешься не тому, что встрѣчаешь порою большой процентъ незаконнорожденныхъ въ этихъ общинахъ, а тому, что этотъ процентъ относительно все-таки малъ. И нужно сказать, что этотъ фактъ наводитъ не на радостныя мысли, когда взглянешь въ дѣло поглубже и посерьезнѣе. Если мы посмотримъ на образъ дѣйствія общинъ, то мы увидимъ, что онѣ предвидѣли, какъ будетъ способствовать затруднительность браковъ увеличенію числа незаконнорожденій и приняли энергическія мѣры для пресѣченія этого явленія. Съ одной стороны мы встрѣчаемъ такіе факты, что община узнавъ, кто отецъ незаконнорожденнаго ребенка, устраиваетъ бракъ обольстителя съ обольщенной женщиною и потомъ высылаетъ ихъ обоихъ изъ своей среды. Съ другой мы встрѣчаемъ уголовныя наказанія за незаконное сожителство молодыхъ людей, — фактъ, котораго мы не встрѣтимъ ни во Франціи, ни въ Бельгіи, ни въ Россіи, ни въ Англии, ни въ Германіи. Такъ въ Ури каждая бабка подъ присягою обязуется, принимая незаконнорожденнаго ребенка, призвать общиннаго писаря, который обязанъ *во время самого процесса*



*родовъ* вынудить у матери признаніе, кто отецъ ребенка. При первомъ проступкѣ оба виновные платятъ по 15 франковъ, призываются къ предсѣдателю суда и на извѣстное время лишаются доли своихъ общинныхъ правъ. При повтореніи проступка или въ томъ случаѣ, если женщина сойдется съ другимъ любовникомъ, штрафъ удваивается и женщина заключается въ исправительный домъ или на четыре дня въ тюрьму. Третье повтореніе проступка влечетъ 120—200 фр. штрафа, 2—8 недѣль заключенія въ исправительный домъ или въ тюрьму, 1—4 годичное отнятіе активныхъ гражданскихъ правъ и ограниченіе всѣхъ общинныхъ правъ. Дальнѣйшее повтореніе проступка влечетъ еще болѣе строгія уголовныя наказанія. Швицъ, Аппенцель, Гларусъ, Базель, Шафгаузенъ поступаютъ не менѣе строго, наказывая каждую любовную связь. Но еще строже поступаетъ Унтервальденъ надъ лѣсомъ, заставляя виновную кромѣ взноса штрафовъ, „стоять съ розгами въ рукахъ на колѣняхъ въ церкви подъ стражею земскаго егеря“. Это за первую любовную связь! Но если вообще, какъ цифрами доказываетъ Кетлэ въ своемъ новомъ добросовѣстномъ трудѣ „Антропометріи“, наказанія не уменьшаютъ преступленій, то еще меньше можно ожидать, чтобы наказанія уменьшали такія преступленія, которыя проистекаютъ изъ естественныхъ, неотразимыхъ и непобѣдимыхъ потребностей. Здѣсь наказанія могутъ только вогнать болѣзнь внутрь и довести людей до такихъ пороковъ и постыдныхъ дѣйствій, которые, скрываясь обыкновенно подъ покровомъ непроницаемой тайны, ускользаютъ и отъ судей, и отъ полиціи, и отъ статистиковъ. Этого община не хочетъ знать, да она и не можетъ знать, потому что и ея члены, и ея власти очень недалеко ушли въ умственномъ развитіи.

Это-же стремленіе оградить себя отъ возрастанія населенія—заставило швейцарскія общины назначить взносы для всѣхъ лицъ, желающихъ вступить въ общину. Въ лозанской общинѣ, напри- мѣръ, при вступленіи въ общину, глава семейства платитъ 500 франковъ, женатый сынъ—350, холостой—150, дочь—75. Но это—цѣны для швейцарцевъ. Иностранцы-же платятъ вдвое. Этого мало: общины могутъ не изъявить согласія на принятіе новаго члена подъ разными предлогами и этихъ предлоговъ есть тысячи. Католическія общины не примутъ протестанта. Если кто-нибудь изъ членовъ общиннаго совѣта слесарь или кузнецъ, то можно

навѣрное сказать, что община не приметъ новаго члена, который тоже занимается слесарнымъ или кузнечнымъ ремесломъ. Община идетъ еще дальше въ своихъ стремленіяхъ—оградить себя отъ чрезмѣрнаго возрастанія населенія: она не терпитъ въ своей средѣ пьяницъ, лѣвтяевъ и неумѣлыхъ людей. Но какъ-же быть, если при современномъ строѣ человѣческихъ обществъ, подобные люди являются сплошь и рядомъ, если они есть прямое послѣдствіе общественной неурядицы? Община въ этомъ случаѣ не задается никакими глубокими соображеніями и поступаетъ крайне просто и даже наивно: она подъ всякими предлогами спроваживаетъ непріятныхъ ей людей во Францію, въ Австрію или въ Америку, давая этимъ людямъ деньги на проѣздъ до Вѣны, Парижа или Нью-Йорка. Способъ, какъ видите, простой и не хитрый, но едва-ли согласный съ требованіями справедливости. Если-бы болѣе обширное государство вздумало поступать подобнымъ образомъ, то едва-ли подобный способъ освободиться отъ вредныхъ людей остался-бы незамѣченнымъ и не вызвалъ-бы международнаго вопроса. Вѣдь, идя дальше, можно-бы было логическимъ путемъ дойти и до того убѣжденія, что государству выгоднѣе высылать своихъ преступниковъ за-границу на казенный счетъ, чѣмъ содержать исправительные дома и тюрьмы.

Такимъ образомъ швейцарскія общины задерживаютъ всевозможными мѣрами увеличеніе населенія, онѣ стараются замкнуться отъ прилива новыхъ членовъ, онѣ стремятся освободиться отъ лишнихъ членовъ путемъ изгнанія и ссылки этихъ людей, и все это дѣлается для спасенія себя отъ нищеты. Дальше этихъ примитивныхъ способовъ спасенія отъ бѣдности общины почти не идутъ: здѣсь вы не встрѣтите никакихъ особенно смѣлыхъ и рѣшительныхъ попытокъ поднять общій уровень производительности и по возможности удешевить предметы потребленія. Если подобныя попытки и являются, то онѣ не идутъ дальше тѣхъ попытокъ, которыя встрѣчаются и въ остальной Европѣ, и улучшаютъ положеніе членовъ общины въ очень незначительной степени. Правда, нѣкоторые члены общинъ успѣли нажитья, но это сдѣлалось независимо отъ общинъ путемъ торговли, биржевой игры или вступленія въ разныя акціонерныя компаніи. Но съ обогащеніемъ нѣкоторыхъ членовъ общинъ, сами общины не обогатились ни сколько, не обогатились и остальные члены общинъ. Напротивъ

того, въ частныя руки переходитъ все большее и большее количество общинныхъ земель, у общинъ-же остается на рукахъ все большее и большее число бѣдняковъ. Это прямое слѣдствіе принятой общинами системы спасенія себя отъ нищеты: преградить пути для увеличенія народонаселенія почти невозможно и потому всѣ мѣры, предпринятыя въ этомъ родѣ, будутъ несостоятельны; нужно заботиться только о томъ, какъ изыскать средства, при которыхъ увеличивалась-бы производительность и удешевлялись-бы средства къ жизни. Общины-же, какъ мы уже сказали, поступаютъ какъ разъ на оборотъ. Вслѣдствіе этого у нихъ являются цѣлыя массы бѣдняковъ, которымъ нужно оказывать помощь.

Эта часть швейцарскаго населенія занимается преимущественно земледѣліемъ и различными отраслями сельскаго хозяйства. Но при всемъ трудолюбіи, при всемъ стремленіи, воздѣлать самыя лучшія способами почву, Швейцарія не достаетъ хлѣба, производимаго этою частью населенія, ей недостаетъ крупнаго рогатаго скота и мелкихъ домашнихъ животныхъ, разводимыхъ сельскимъ населеніемъ. Если сравнить количество лошадей, рогатаго скота, овецъ, козъ и тому подобнаго животныхъ въ Швейцаріи и въ другихъ государствахъ, то мы увидимъ, что Швейцарія въ этомъ отношеніи нерѣдко стоитъ въ очень неблагоприятныхъ условіяхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ цифръ, представленныхъ въ книгѣ Макса Вирта:

На 1,000 жителей.	Лошад.	Коровъ.	Свиней.	Овецъ.	Козъ.
Въ Мекленбургъ-Шверинѣ	157	367	292	2,223	292
„ Австрія . . . . .	107	192	250	501	33
„ Франціи . . . . .	80	162	147	930	37
„ Великобританіи . . . . .	—	111	129	872	—
„ Нидерландахъ . . . . .	73	273	81	260	35
„ Швейцаріи . . . . .	42	220	121	178	150

Вслѣдствіе этого недостатка въ домашнихъ животныхъ Швейцарія, по словамъ Макса Вирта, должна была почувствовать необходимость ввоза изъ за-границы въ 1867 году 91,769 штукъ рогатаго скота, тогда какъ вывозъ равнялся—60,291 штукъ; въ 1868 году ввезено было 79,179 штукъ, а вывезено 62,016 штукъ. Овецъ было вывезено въ 1867 году 20,392 штуки, а ввезено 62,810 штукъ; въ 1867 году вывезено 22,417 штукъ, а ввезено 62,178 штукъ.

„Было высчитано, говорит Бруннеръ, что Швейцарія должна покупать чужого хлѣба на 100 милліоновъ франковъ въ годъ. Трудно повѣрить, вполнѣ-ли вѣрна эта цифра, но она во всякомъ случаѣ не выше дѣйствительной, а, можетъ быть, ниже. Кромѣ того и въ городахъ и въ деревняхъ Швейцаріи, можно рѣдко найти человѣка, который не щеголялъ-бы въ чужихъ дорогихъ шерстяныхъ тканяхъ. Если мы сосчитаемъ стоимость чужихъ винъ, чужихъ лошадей, чужихъ шерстяныхъ матерій и тому подобныхъ предметовъ, привозимыхъ къ намъ, то мы получимъ еще 100 милліоновъ франковъ, посылаемыхъ за-границу. Откуда добыть эти деньги обратно? Правда туристы привозятъ много денегъ въ страну, но почти столько-же увозятъ съ собою и швейцарскіе туристы и кромѣ того деньги туристовъ идутъ на постройку роскошныхъ палатъ, на роскошь, на содержаніе и расположеніе цѣлыхъ полчищъ лакеевъ и прислуги“. Остается единственный путь для пополненія дефицита — это промышленность. Она должна воротить странѣ эти 200 милліоновъ франковъ руками своихъ рабочихъ. Она и возвращаетъ ихъ, возвращаетъ съ процентомъ, такъ какъ въ Швейцаріи на каждые 100 франковъ за ввезенные товары приходится 107 франковъ за вывезенные товары. Купивъ, наприимѣръ, за-границей на 150 милліоновъ франковъ шелку и на 19 милліоновъ франковъ хлопка, Швейцарія при помощи своихъ фабрикъ продаетъ за-границу на 225 милліоновъ франковъ шелковыхъ тканей и на 70 милліоновъ франковъ хлопчато-бумажныхъ тканей.

Можно-ли-же сказать, что въ Швейцаріи нѣтъ рабочаго класса послѣ того, какъ онъ оказываетъ подобную помощь отечеству?

Но, можетъ быть, его положеніе на столько хорошо, что этотъ классъ благоденствуетъ наравнѣ съ самыми счастливыми гражданами Швейцаріи. Можетъ быть, онъ ни въ чемъ не отличается отъ другихъ классовъ?

Посмотримъ.

## V.

Бросивъ взглядъ на фабричныхъ рабочихъ Швейцаріи, мы встрѣтимъ здѣсь все то же, что встрѣчается въ средѣ другихъ западно-европейскихъ рабочихъ. Недостаточность задѣльной платы,

чрезмѣрность рабочихъ часовъ, работа дѣтей, нездоровья фабрики, дурныя жилища, развитіе болѣзней среди рабочихъ, все это сопровождается и здѣсь фабричный трудъ. Здѣсь мы впервые наталкиваемся уже на тотъ фактъ, какъ нужда и экономическая неурядица заставляють людей отказываться отъ благодѣяній и правъ, даруемыхъ имъ закономъ. Возьмемъ для примѣра работу дѣтей.

Работа дѣтей, говоритъ Муанье, есть, по нашему мнѣнію, одинъ изъ величайшихъ вопросовъ, и правительства нѣкоторыхъ кантоновъ сочли нужнымъ вмѣшаться въ этомъ отношеніи ко вступленію дѣла фабрикъ. Покровительство, съ которымъ сочли нужнымъ обратиться къ дѣтямъ, устремило вниманіе на тотъ возрастъ, когда дѣти могутъ быть употреблены на фабричную работу, и на продолжительность ежедневной работы. Въ этомъ отношеніи интересы родителей и интересы фабрикантовъ явились несогласными съ требованіями разсудка и человѣколюбія, заставляющими заботиться о сохраненіи здоровья и силы молодыхъ поколѣній. Вслѣдствіе этого правительства увидали невозможность положиться на добрыя намѣренія отцовъ и на контроль фабрикантовъ и были вынуждены издать законы или административныя правила на счетъ возраста дѣтей, которыхъ можно посылать на фабрику, и на счетъ продолжительности труда дѣтей. Эти правила должны были войти въ силу въ большей части промышленныхъ кантоновъ нѣмецкой Швейцаріи. Возрастъ дѣтей, способныхъ къ фабричной работѣ, былъ опредѣленъ въ 12, 13, и 14 лѣтъ; въ Цюрихѣ и Аргау пошли еще дальше и назначили 16-ти лѣтній возрастъ для поступления на фабрику. Эти постановленія опредѣлили, что ребенокъ обязанъ до начала своей фабричной дѣятельности посѣщать школу и что онъ не можетъ избѣжать обученія въ общинной школѣ даже и тогда, когда при заводѣ или фабрикѣ устроена фабрикантомъ школа. Нѣкоторые кантоны постановили даже, что родители дѣтей должны исполнять эти правила и въ томъ случаѣ, если они будутъ находиться внѣ своего кантона. Эта настойчивая забота законодателей о дѣтяхъ была вызвана особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что и прежде существовали законы, касавшіеся не фабрикъ, а школъ, и опредѣлявшіе возрастъ, до котораго долженъ обучаться ребенокъ; но эти законы очень часто нарушались вслѣдствіе нелицы родителей,

нуждавшихся въ работѣ дѣтей. Теперь пришлось постановить болѣе ясныя, болѣе строгія, болѣе пастойчивыя правила, чтобы принудить непокорныхъ подчиняться закону. Но, несмотря на существованіе этихъ законовъ, нарушенія общаго правила встрѣчаются нерѣдко, и было доказано, что, напримѣръ, въ округѣ бернской Юры замѣчаются самыя печальныя результаты отъ пребыванія на фабрикахъ слишкомъ маленькихъ дѣтей. Нужда оказалась здѣсь сильнѣе закона. Граждане по своей волѣ отказывались отъ данныхъ имъ правъ подъ гнетомъ экономической неурядицы. Точно такъ-же законъ запрещаетъ употреблять дѣтей на слишкомъ тяжелую работу и ограничиваетъ число рабочихъ часовъ, включая сюда и время, проведенное въ школахъ, 10-ю и 13-ю часами въ сутки. Ночныя работы и работа по праздникамъ строго запрещены для дѣтей. Но опять-таки, не смотря на эти постановленія, работа дѣтей, напримѣръ, въ Гларусѣ такъ-же тяжела и такъ-же продолжительна, какъ работа взрослыхъ.

Взрослые менѣе, чѣмъ дѣти, нуждаются въ покровительствѣ закона, имѣя, повидимому, болѣе возможности для противодѣйствія тяжелымъ условіямъ. Но это только повидимому; они дѣлаются такъ-же бессильны, какъ дѣти, когда нужда заставляетъ ихъ соглашаться на самыя тяжелыя условія. Понимая это вполне, законодатели Швейцаріи постарались опредѣлить, по крайней мѣрѣ, число рабочихъ часовъ, чтобы хотя отчасти сохранить рабочихъ отъ изрешительнаго истощенія ихъ въ трудѣ. Число рабочихъ часовъ опредѣляется различно въ различныхъ кантонахъ, — но вездѣ оно довольно велико. Такъ въ Цюрихѣ продолжительность рабочаго дня колеблется между 10 и 14 часами; въ Гларусѣ назначено 12 часовъ. Въ послѣднемъ кантонѣ запрещено беременнымъ женщинамъ работать втеченіи шести недѣль во время родовъ: три недѣли до родовъ и три — послѣ родовъ. Кромѣ того здѣсь запрещено работать въ праздники; по субботамъ-же работа должна кончатся въ шесть часовъ вечера; ночная работа запрещена и вообще можно начинать работу съ 5 часовъ утра и кончать не позже 8 часовъ вечера. Эти распоряженія тѣмъ важнѣе, что они касаются 10,000 чѣловѣкъ изъ тридцати-тысячнаго населенія Гларуса. Но опять повторяемъ, что законодательныя постановленія и дѣятельность очень часто противорѣчатъ другъ другу. Законодательство точно также заботится о хорошей вен-

тиляціи и хорoшeмъ помѣщеніи заводовъ и фабрикъ, но между-тѣмъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Швейцаріи, гдѣ развита крупная промышленность, встрѣчаются очень плохо устроенныя промышленныя заведенія. Особенно дурны красильныя, набивочныя, прядильныя и ткацкія мастерскія, гдѣ ядовитыя краски, хлопчатобумажная пыль, сырость половъ имѣютъ самыя дурныя послѣдствія для рабочихъ, особенно для женщинъ, которымъ нерѣдко приходится работать стол. Частыя нарушенія то тѣхъ, то другихъ законовъ, касающихся промышленныхъ заведеній и условій труда, заставили въ 1865 году составить въ Гларусѣ цѣлый рядъ дополненій къ законамъ; этими дополненіями давалось право агентамъ полиціи требовать отчета отъ хозяевъ и свободно входить въ промышленныя заведенія въ томъ случаѣ, если послѣднія подадутъ поводъ по дурнымъ слухамъ. Конечно, этого проекта испугались фабриканты. Отчасти подъ вліяніемъ ихъ, отчасти вслѣдствіе сознанія бесполезности полицейскаго вмѣшательства, рабочіе тоже большею частью возстали противъ проекта и въ 1866 году было рѣшено только одно, что полиція должна доставлять черезъ каждыя четыре мѣсяца отчетъ о состояніи промышленныхъ заведеній. Конечно, подобная формальность не можетъ измѣнить экономическихъ отношеній, которыя не поддаются вліянію полицейскаго вмѣшательства.

Повидимому, работа на дому должна-бы хорошо дѣйствовать на рабочаго: но, во первыхъ, самостоятельному мелкому производителю трудно бороться съ крупными фабрикантами; во вторыхъ не имѣя машинъ, онъ долженъ вдвое долѣ сидѣть надъ производствомъ вещи руками и потому получить за нее не особенно много сравнительно съ затраченнымъ временемъ; въ третьихъ, помѣщенія рабочихъ дома не лучше, чѣмъ помѣщенія на фабрикахъ. Вслѣдствіе этого о работѣ на дому получаютъ въ Швейцаріи самыя печальныя свѣденія: она не даетъ особенныхъ барышей и убиваетъ здоровье не хуже фабричной работы. Впрочемъ, это не кака-нибудь исключительно Швейцаріи принадлежащая черта. Нѣтъ, при современномъ состояніи промышленности работа отдѣльныхъ производителей, работающихъ на дому, убита окончательно и безвозвратно: убита машиннымъ производствомъ и пониженіемъ задѣльной платы, вслѣдствіе чего фабричныя произведенія дѣлаются скоро и продаются дешево.

Задѣльная плата рабочихъ въ Швейцаріи, какъ и вездѣ, сильно колеблется. Здѣсь можно встрѣтить мальчиковъ и дѣвочекъ, получающихъ отъ 70-ти сантимовъ до 1  $\frac{1}{2}$  франка; женщинъ, получающихъ отъ 1 фр. 30 сант. до 2  $\frac{1}{2}$  франка, мужчинъ, получающихъ отъ 2-хъ до 6-ти франковъ. Нечего и говорить, что большинство состоитъ изъ простыхъ работниковъ и получаетъ minimum платы. Если даже считать, что взрослый работникъ получаетъ 2  $\frac{1}{2}$  франка и работаетъ постоянно кромѣ воскресныхъ дней, то онъ получитъ 750 франк. въ годъ. Что-же онъ долженъ расходовать? Квартира, по сдѣланнымъ исчисленіямъ, стоитъ ему 150 фр.; одежда 150 фр.; кофе съ молокомъ и хлѣбомъ 20 сант. въ день, обѣдъ изъ супа и мяса 50 сант. въ день, ужинъ—50 сант. въ день и того 428 ф.; мытье бѣлья по 1 фр. въ мѣсяцъ—и того 12 фр. въ годъ, всего-же расхода 750 фр. Значитъ недостаетъ отопленія и освѣщенія, кромѣ того не всѣ работники получаютъ и эту сумму денегъ; не всѣ могутъ работать круглый годъ безъ прогуловъ и безъ дней болѣзни, послѣдніе-же бываютъ часто, какъ мы увидимъ ниже. Дни прогуловъ бываютъ въ Швейцаріи чаще, чѣмъ гдѣ нибудь въ другой странѣ. Это явленіе вызывается не лѣнностью или склонностью къ пьянству швейцарцевъ, а главнымъ образомъ, религиозными, гражданскими и военными условіями страны. Въ католическихъ кантонахъ Швейцаріи праздниковъ такое множество, что отвсюду слышится ропотъ на необходимость не работать въ эти дни. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ кантональнымъ властямъ уже удалось войти въ соглашеніе съ духовенствомъ и уменьшить число праздниковъ, но оно все-таки очень значительно. Такъ въ Швицѣ съ 1839 года убавлено нѣсколько праздниковъ; въ Тессино ихъ осталось 12; въ Фрейбургѣ 10; въ Золотурнѣ 16. Къ этимъ праздникамъ нужно прибавить воскресные дни, Пасху, Рождество, дни, когда празднуется патрональный праздникъ въ той или другой общинѣ. Эти праздники тѣмъ сильнѣе отзываются на заработкахъ, что иногда за праздниками идутъ нѣсколько дней прогуловъ, если-же праздникъ приходится въ среду или четвергъ, то у рабочаго, большею частью, пропадаетъ половина недѣли. Кромѣ того траты въ праздники увеличиваются и кабаки собираютъ не малую дань и во всякомъ случаѣ обогащаются больше церковей. Рядомъ съ этими прогульными днями



идутъ дни, когда рабочіе должны отрывать отъ работы для выборовъ и подачи голосовъ. Выборы и голосованіе законовъ не всегда назначаются на воскресные дни и отнимаютъ тоже часть заработковъ. Но еще значительнѣе потеря заработковъ вслѣдствіе военныхъ ученій, происходящихъ ежегодно. Въ нихъ должны принимать участіе юноши и люди не старше 34-хъ лѣтъ. Наконецъ существуютъ еще старыя укоренившіеся обычаи, отнимающіе время у работы, — такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ округахъ въ Аргау рабочіе теряютъ время, посѣщая постоянно всѣ мѣстные ярмарки и не имѣя силъ отучиться отъ этой старой, укоренившейся привычки. Если-бы было возможно высчитать всѣ прогульные дни, вызываемые этими обычаями и привычками, то мы увидали-бы, что годовыя получки рабочихъ сводятся на очень жалкую цифру. Вслѣдствіе этого рабочіе живутъ очень и очень плохо. Въ Швейцаріи вообще населеніе сильно скучено въ домахъ, въ ней очень мало приходится домовъ на квадратную милю, но за-то приходится очень много жильцовъ на каждый домъ. Такъ:

	На квадратную милю. домовъ.	На 100 челов. домовъ.
Въ Пруссіи приходится . . . . .	849	23
„ Бельгіи . . . . .	1547	19
„ Англіи. . . . .	1426	20
„ Великобританіи . . . . .	946	19
„ Италіи . . . . .	709	15
„ Нидерландахъ . . . . .	553	16
„ Швейцаріи . . . . .	462	14

Эта неблагоприятная цифра гѣмъ знаменательнѣе, что въ Швейцаріи, сравнительно съ другими странами, очень много маленькихъ домовъ и значитъ тѣснота значительная. Но среди этой тѣсноты хуже всего приходится рабочимъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда заводъ устраивается въ какой-нибудь деревнѣ, гдѣ мало помѣщеній. „Ради собственныхъ своихъ выгодъ, говоритъ Муанье, фабриканты нерѣдко строятъ дома для рабочихъ“. Но эти дома отдаются за 16 или 22 фр: въ мѣсяць, т. е. за 192 или 264 фр. въ годъ, а мы видѣли, что даже рабочій, получающій 750 фр. въ годъ, не можетъ платить за помѣщеніе болѣе 150 фр.

въ годъ. Вслѣдствіе этого, по словамъ Муанье, подобныя дома занимаются только подмастерьями и лучшими изъ рабочихъ. Медицинская коммисія, осматривавшая въ Бернѣ и Цюрихѣ жилища рабочихъ, пришла къ крайне неутѣшительнымъ выводамъ. Такъ, наприимѣръ, въ Бернѣ, въ кварталѣ Лорена два года жили два семейства, всего семь человѣкъ, въ одной маленькой подвальной комнатѣ. Втеченіи этихъ двухъ лѣтъ умеръ въ этой комнатѣ ребенокъ и трупъ, по закону, пролежалъ три дня; тутъ-же одна изъ женщинъ родила. Въ Цюрихѣ встрѣчаются еще болѣе возмутительные факты. Въ Женевѣ одинъ работникъ, жившій безъ работы, дошелъ до такой крайности, что съ наступленіемъ холодовъ сталъ проситься въ госпиталь; его не приняли и онъ, чтобы попасть туда, бросился изъ третьяго этажа на мостовую. Другой работникъ не могъ топить квартиры и кормить своего ребенка, и потому раздѣлъ ребенка, вынесъ его на холодъ, зная, что заболѣвшаго отъ простуды примутъ въ госпиталь. Не хороша и нища рабочаго. Правда въ Швейцаріи потребляется довольно много мяса: въ ней приходилось 30 килограммовъ мяса на человѣка, тогда какъ во Франціи приходилось только 20,1 килогр., въ Пруссіи 19,2 килогр. и т. д. Но вѣдь эта „средняя“ цифра еще ничего не говоритъ. Вѣдь въ Великобританіи приходится еще болѣе мяса на человѣка. Тамъ средняя цифра равнялась 78 килогр.,—и рабочіе все-таки голодали.

Вообще положеніе фабричныхъ рабочихъ здѣсь хуже, чѣмъ положеніе сельскаго населенія, хотя нѣкоторые писатели старались опровергнуть это, опираясь на болѣе частые браки въ средѣ фабричныхъ рабочихъ, чѣмъ въ средѣ сельскаго населенія. Но мы уже видѣли вслѣдствіе чего такъ рѣдки браки среди сельскаго населенія: тамъ на число браковъ вліяетъ не столько бѣдность, сколько внѣшнія стѣсненія, мѣстные законы, обычаи общинъ и т. д. Вообще голыми цифрами, говорящими, наприимѣръ, о количествѣ браковъ, нельзя мѣрять благосостояніе народа, не то мы какъ разъ натолкнемся на какой-нибудь фактъ въ родѣ того, что во Франціи въ годъ самаго страшнаго голода и кризиса количество браковъ было такъ велико, что превосходило на 100,000 число браковъ въ самые цвѣтушіе годы нынѣшняго столѣтія. Этотъ годъ былъ 1813, когда разнесся слухъ, что всѣхъ холостыхъ пошлютъ на войну.

„Самый бѣдный мужикъ, говоритъ Бруннеръ, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одну коровенку, а значитъ и молоко. Если его пища и груба, то онъ все-таки-же перевариваетъ и переноситъ ее лучше при тяжелой работѣ, чѣмъ человѣкъ, по цѣлымъ днямъ стоящій или снующій въ душной комнатѣ. Онъ производитъ самъ свою пищу, но за-то онъ и ѣстъ до сыта. У фабричнаго рабочаго наоборотъ: онъ долженъ заботиться по одеждѣ протягивать ножи и тянуть деньги отъ одной полочки до другой. Пища у нашего фабричнаго рабочаго очень скудная; она состоитъ, по большей части, изъ картофелъ и цикорнаго кофе, иногда приправляемаго незначительной долей молока. Вслѣдствіе этого старики едва-ли могутъ оставаться здоровыми, еще менѣе могутъ быть здоровыми и крѣпкими дѣти“. Слова Бруннера сказаны не безъ основанія, они вполне подтверждаются въ отчетѣ Муанье.

Промышленныя работы вообще менѣе способствуютъ къ поддержанію здоровья, чѣмъ земледѣльческія, говоритъ Муанье. Достаточно привести официальные свѣденія, чтобы подтвердить это. За четыре года собраны слѣдующія данныя о людяхъ, поступающихъ въ военную службу:

Въ 1-мъ военномъ округѣ изъ 8969 человѣкъ 267 человѣкъ отъ 22 до 44 лѣтъ оказались неспособными къ службѣ:

Въ 3-мъ военномъ округѣ на 7116 человѣкъ было 256 человѣкъ неспособныхъ къ службѣ;

Въ 4-мъ военномъ округѣ изъ 5396 человѣкъ было 229 человѣкъ неспособныхъ къ службѣ; всѣ эти три округа состояли изъ промышленнаго населенія.

Въ 6-мъ же военномъ округѣ изъ 4168 человѣкъ было 108 человѣкъ негодныхъ къ службѣ;

Въ 7-мъ военномъ округѣ изъ 5184 человѣкъ было 177 человѣкъ неспособныхъ къ службѣ;

Въ 8-мъ военномъ округѣ изъ 4461 человека было 137 человѣкъ неспособныхъ къ службѣ; эти три округа состояли изъ земледѣльческаго населенія.

Средняя цифра людей отъ 22 до 44-хъ лѣтъ, неспособныхъ къ службѣ, среди промышленнаго населенія равнялась 35 на 1000, тогда какъ въ земледѣльческомъ населеніи она не превышала 29-ти человѣкъ.

Главная причина неспособности къ службѣ заключается не въ

ростъ этихъ людей, но въ болѣзняхъ, развитыхъ сильнѣе въ промышленномъ населеніи, чѣмъ въ земледѣльческомъ.

Болезни эти слѣдующія:	Въ округахъ	
	промышлен- ныхъ.	земледѣль- ческихъ.
Глазныя болѣзни . . . . .	13	7
Наружныя поврежденія. . . . .	14	7
Болезни костей и членовъ . . . . .	33	9
Болезни груди и сердца . . . . .	37	10
Болезни живота. . . . .	9	3
Нарывы . . . . .	8	3
Слабость и золотуха . . . . .	11	5

Что-же касается послѣдняго отдѣла болѣзней, то надо замѣтить, что въ промышленныхъ округахъ одинъ случай приходится на 123 человекъ, а въ земледѣльческихъ одинъ случай на 250 человекъ.

Эти цифры собраны въ цюрихскомъ кантонѣ, но изслѣдованія привели къ подобнымъ-же выводамъ въ Сен-Галенѣ и Золотурнѣ, куда все болѣе и болѣе проникаетъ промышленность. Здоровье населенія ухудшается здѣсь съ каждымъ годомъ.

Всѣ эти факты довольно краснорѣчивы, но еще краснорѣчивѣе отчетъ, представленный особою комиссіей, составленною цюрихскимъ обществомъ „Взаимной Пользы“,

Комиссію составляли 11 человекъ: 4 фабриканта, изъ которыхъ одинъ въ то-же время штатсъ-ратъ, 1 докторъ медицины, въ то-же время инспекторъ надъ фабриками по санитарной части, 1 директоръ образцовой учительской семинаріи и 1 бывшій такой-же директоръ, 1 пасторъ, 1 профессоръ, 1 редакторъ и 1 завѣдующій сиротскимъ домомъ.

Комиссія эта разсмотрѣла рабочій вопросъ относительно одного цюрихскаго кантона, но въ большей части результаты ея изслѣдованій, конечно, примѣнимы и къ остальнымъ кантонамъ.

Въ рефератѣ, составленномъ и напечатанномъ профессоромъ Бѣмертомъ, выставлено 12 статей, заключающихъ жалобы на дурное положеніе рабочихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ слышатся отъ рабочихъ и отъ ихъ сторонниковъ, вотъ эти статьи:

1) Фабричные рабочіе живутъ въ неудовлетворительномъ положеніи относительно пищи, одежды и жилища.

2) Они большими массами работают въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ воздухъ нездоровъ.

3) Они принуждены исполнять чрезвычайно однообразную, убивающую духъ работу, чрезъ что дѣлаются крайне-неспособными и негодными для всякаго посторонняго занятія.

4) Большая часть фабричныхъ рабочихъ умираетъ несоразмѣрно рано, сравнительно съ другими состояніями.

5) Даже прилежные работники, которые смолоду не получали никакого высшаго образованія, съ упадкомъ силъ становятся неспособными къ самостоятельной жизни и не могутъ пропитывать себя собственными силами. Много способныхъ работниковъ съ 45 лѣтъ должны жить милостынею.

6) Вслѣдствіе крайняго физическаго утомленія рабочихъ, страдаетъ семейная жизнь, въ особенности воспитаніе дѣтей, которыя большею частію бывають предоставлены матерямъ.

7) Самыя дурныя семейныя отношенія являются тамъ, гдѣ женщины бывають принуждены идти также на заработокъ, что бываеть очень часто.

8) Произвольныя увольненія рабочихъ, какъ ни рѣдки они, доводятъ нѣкоторыя семейства почти до отчаянія и повергають ихъ въ долги, изъ которыхъ они иногда не въ состояніи выпутаться въпродолженіи всей своей жизни.

9) Очень благодѣтельныя кассы для больныхъ оказываются неудовлетворительными, такъ какъ онѣ никогда почти не достигаютъ количества теряемаго жалованія, не говоря уже о вознагражденіи за ущербъ въ бѣльѣ, на уходъ и т. д. Поэтому, каждая болѣзнь приноситъ рабочему большія потери.

10) У рабочаго пропадаетъ всякая охота къ работѣ и чувство довольства, такъ какъ въ перспективѣ у него видится только скудное существованіе и это особенно вредно дѣйствуетъ на воспитаніе дѣтей.

11) Озлобленіе и ненависть противъ владѣющихъ классовъ возникаетъ вездѣ въ Швейцаріи, гдѣ не видно осязательно личнаго участія патროновъ къ рабочимъ и гдѣ фабриканты имѣють лишкомъ блестящую обстановку жизни, не трудясь сами много.

12) Тѣлесное развитіе дѣтей рабочихъ очень плохо, здоровье ихъ страдаетъ. Они большею частію дѣлаются неспособными къ военной службѣ. Въ большей части случаевъ, нравственное со-

стояніе дѣтей рабочихъ въ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ, достойно сожалѣнія.

Эти горькія слова, по мнѣнію Брунера, одного изъ швейцарскихъ фабрикантовъ, болѣе или менѣе справедливы и имѣютъ основаніе. А между тѣмъ эта часть населенія все растетъ и растетъ. По словамъ Бѣмерта, въ кантонѣ Цюриха еще въ 1858 году рабочихъ было 12,795 человекъ, а въ 1864 году ихъ число возрасло уже до 16,270 человекъ. Это увеличеніе числа пролетаріевъ должно навести на размышленіе, особенно если вспомнить, что положеніе рабочихъ становится не лучше, а хуже. „Большія фабрики въ санитарномъ отношеніи, пожалуй, устроены лучше, чѣмъ прежнія мелкія промышленныя заведенія, говоритъ Брунеръ. Но за то близкія человѣчныя отношенія между работникомъ и хозяиномъ исчезаютъ здѣсь совершенно. Чѣмъ больше фабрика, тѣмъ она хуже въ этомъ отношеніи. Особенно дурны новыя акціонерныя компаніи, являющіяся политѣйшими представителями денежныхъ спекуляцій. Акціонеры ждутъ только возможно большихъ дивидендовъ отъ приставленнаго къ фабрикѣ директора. Онъ по большей части избирается за энергію и настойчивость и не обращаетъ уже никакого вниманія на рабочихъ. Онъ не можетъ сдѣлать имъ никакой жертвы, никакой уступки, не провинившись передъ компаніей. Онъ, во что-бы-то ни стало, долженъ выжать изъ рабочихъ все, что возможно“.

Бросивъ взглядъ на всѣ эти факты, невольно улыбнешься при воспоминаніи словъ Муанье „о несуществованіи въ Швейцаріи рабочаго класса“. Онъ существуетъ. Онъ также отдѣленъ непроходимою пропастью отъ другихъ классовъ, какъ и въ остальной западной Европѣ. Объ немъ также необходимо подумать во время здѣсь, какъ гдѣ-нибудь въ Англіи или во Франціи.

## VI.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, какъ плохо живетъ земледѣльцамъ и фабричнымъ рабочимъ въ Швейцаріи. Мы должны прибавить, что еще хуже живутъ нѣкоторые поденщики, батраки въ деревняхъ, мелкая прислуга и т. д. Для спасенія отъ голода самыхъ нуждающихся личностей всей этой массы

бѣднаго населенія, Швейцарія, подобно другимъ западно-европейскимъ государствамъ, прибѣгаетъ къ благотворительности.

Здѣсь вы найдете самыя разнообразныя формы вспомошествованія. Разнообразіе этихъ формъ такъ велико, что, по словамъ Бёмерта, нужно-бы представить для каждаго кантона отдѣльный трактатъ о помощи, оказываемой бѣднякамъ. Сначала швейцарская благотворительность носила чисто *церковный* характеръ. Четвертая часть церковнаго достоянія и въ особенности десятины, взимаемой церковью, предназначалась для бѣдныхъ. Духовенство собирало большія приношенія и дары, накопило богатства и въ сущности жило не *для бѣдныхъ*, а *при помощи бѣдныхъ*. Когда послѣ реформаціи у духовенства была отнята значительная часть недвижимыхъ имуществъ, когда ограничилось право духовенства покупать или принимать въ даръ эти имущества, — въ странѣ появились цѣлыя полчища нищихъ, не способныхъ къ работѣ, немѣвшихъ постоянного мѣста жительства, привыкшихъ къ бродяжничеству и тяготившихъ страну. Вслѣдствіе этого нужно было издать постановленія, которыми каждая община обязывалась-бы помогать своимъ бѣднякамъ и платить для ихъ содержанія извѣстную подать. Однако правильной системы вспомошествованія еще не было, число получающихъ помощь все возрастало и общины начинали роптать на то, что ихъ расходы на бѣдняковъ дѣлаются все тягостнѣе и тягостнѣе. Только послѣ первой французской революціи система вспомошествованій сдѣлалась болѣе правильной. 13-го февраля 1799 года швейцарскіе совѣты издали постановленія, организовавшія помощь бѣднымъ. Общинамъ дано было больше права наказывать недостойныхъ бѣдняковъ и нищихъ; общины могли съ большою легкостью высылать бѣдняковъ, непринадлежащихъ къ нимъ, или людей, которые злоумышленно и постоянно прибѣгали къ нищенству. Мѣстное вспомошествованіе входило все въ большую и большую силу, а прежнее бродяжничество начало исчезать. Бѣдняки должны были имѣть опредѣленное мѣсто жительства; законная официальная помощь общинъ выработалась окончательно. Исключеніями являются только бернская Юра и города Базель и Женева, гдѣ помощь бѣднякамъ, какъ и въ сосѣдней Франціи, и до сихъ поръ осталась въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ частной благотворительности. Въ остальной

Швейцаріи была установлена обязательная общинная помощь бѣднымъ. Эта обязательная помощь простирается, впрочемъ, только на вполне безпомощныя личности или на такъ-называемыхъ нищихъ, т. е. на бѣдныхъ сиротъ, на калѣкъ и тѣхъ взрослыхъ, которые вслѣдствіе старости или хроническихъ болѣзней неспособны къ работѣ. Если у бѣдняковъ есть близкіе родственники, то обязанность помогать лежитъ на нихъ. Такъ-какъ общинѣ довольно тяжело содержать бѣдняковъ, то она нерѣдко прибѣгаетъ къ различнымъ энергическимъ мѣрамъ, предупреждающимъ пауперизмъ, назначаетъ, на примѣръ, опеку надъ личностями, которыя своею расточительностью или дурнымъ поведеніемъ идутъ къ разоренію. Мы встрѣчаемъ въ Швейцаріи, главнымъ образомъ, два рода обязательной помощи: однѣ общины берутъ во вниманіе мѣсто рожденія и помогаютъ гражданамъ извѣстной общины, не смотря на то, гдѣ они живутъ, при этомъ, конечно, и подать въ пользу нищихъ взимается со всѣхъ гражданъ общины, не смотря на ихъ временное пребываніе; другія общины принимаютъ во вниманіе, при помощи бѣднымъ, мѣсто жительства послѣднихъ и помогаютъ всѣмъ бѣднымъ, живущимъ на извѣстной территоріи, не разбирая того, гдѣ они родились. Первая система встрѣчаетъ все болѣе и болѣе затрудненій: во многихъ общинахъ большинство вспомоствуемыхъ бѣдняковъ живетъ внѣ общины; помогать имъ становится очень затруднительно, возвращать-же ихъ на родину неудобно, такъ-какъ при новой обстановкѣ имъ будетъ еще труднѣе поправиться. Сверхъ того помощь бѣднякамъ, живущимъ вдали отъ помогающей имъ общины, не поддается никакимъ усовершенствованіямъ, вводимымъ даже и въ филантропію: бѣднякамъ просто приходится раздавать гроши, эти люди ускользаютъ отъ всякаго контроля, они выманиваютъ вспомоствованіе, разчитывая очень вѣрно, что ихъ родная община не очень охотно призоветъ въ свою среду стаю своихъ обнищавшихъ гражданъ. Встрѣчаются затрудненія и во взиманіи подати для бѣдныхъ съ отсутствующихъ гражданъ. Въ то-же время, теряя такимъ образомъ часть доходовъ, общины не могутъ требовать какой-нибудь подати въ пользу бѣдныхъ съ тѣхъ личностей, которыя не состоятъ членами общины, а только избѣгаютъ ее мѣстомъ своего временнаго жительства. Общинныя власти боятся обложить податью временно поселившихся



въ общинахъ богачей, такъ-какъ послѣдніе приносятъ общинамъ не малыя выгоды и при малѣйшемъ стѣсненіи переселяются куда-нибудь въ другое мѣсто. Не менѣе страшно для общинныхъ властей рѣшиться призвать въ общину цѣлую стаю нищихъ, за которыми нужно будетъ слѣдить, которымъ нужно будетъ давать уже не гроши, а полное содержаніе. Вслѣдствіе всего этого рождается все большее и большее число голосовъ за помощь по мѣсту жительства. Но и при помощи по мѣсту жительства встрѣчается одно величайшее неудобство: мы уже указали, что швейцарскія общины умѣютъ очень просто отдѣлываться отъ негодныхъ для нихъ людей; общины даютъ этимъ людямъ деньги на проѣздъ въ какое-нибудь другое мѣсто и затѣмъ успокаиваются. Представьте-же себѣ весь сумбуръ, который можетъ выйдти вслѣдствіе этой милой привычки швейцарскихъ общинъ. Какъ только войдетъ въ силу помощь бѣднымъ по мѣсту жительства,— общины станутъ высылать бѣдняковъ или такихъ людей, которые приближаются быстрыми шагами къ бѣдности, и полчища бѣдняковъ превратятся въ стаю туристовъ, переѣзжающихъ изъ мѣста въ мѣсто на прогоны освобождающихся отъ нихъ общинъ. Это не ускользнуло отъ вниманія кантональныхъ и общинныхъ властей. Кантонъ Бернъ, вводя у себя помощь бѣднымъ по мѣсту жительства, предвидѣлъ, что всѣ остальные кантоны могутъ выслать къ нему своихъ бѣдняковъ, и потому издалъ постановленія, которыми воспрещалось селиться въ Бернъ лицамъ, получившимъ когда-нибудь вспомошествованіе, и тѣмъ людямъ, которые неспособны къ работѣ или не имѣютъ необходимыхъ для жизни средствъ. Такимъ образомъ для бѣдняковъ затрудняется переселеніе изъ мѣста въ мѣсто; они какъ-бы привѣрпляются къ землѣ, а между тѣмъ именно для бѣдняка и необходима полная свобода переселенія. Иногда человекъ только потому и бѣденъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ у него является очень много конкурентовъ въ той отрасли труда, которою онъ занимается. Иногда община, въ которой онъ живетъ, на столько бѣдна и на столько переполнена нищими, что онъ не можетъ пайдти въ ней достаточной поддержки. Преграждалъ бѣднякамъ возможность переселяться, Швейцарія можетъ дойти до того, что нѣкоторыя общины будутъ состоять изъ сплошной массы нищихъ. Выше мы уже видѣли, какъ неравномѣрно распространено количество бѣд-

няковъ въ Швейцаріи; въ Швицѣ, напримѣръ, одинъ бѣднякъ приходится на 48 жителей, а въ Люцернѣ одинъ на 8 жителей; за то въ Швицѣ бѣдняку могутъ давать среднимъ числомъ по 99 франковъ въ годъ, а въ Люцернѣ только по 46 фр.

Кантональныя власти начали терять голову, кружась въ этомъ заколдованномъ кругу, и въ концѣ концовъ пришли къ тому убѣжденію, что безъ добровольной частной благотворительности обойтись рѣшительно невозможно. Вслѣдствіе этого частная благотворительность начала принимать все болѣе и болѣе широкіе размѣры.

Частной швейцарской благотворительности удалось принести извѣстную долю пользы при помощи основанія различныхъ воспитательныхъ заведеній для бѣдныхъ дѣтей. Послѣдователи Песталоцци, Фелленберга и Верли устроили различныя школы, гдѣ дѣтей обучаютъ различнымъ отраслямъ труда и преимущественно земледѣлію. Этотъ отдѣлъ частной швейцарской благотворительности заслуживаетъ и похвалы и подражанія. Кромѣ того благотворители устраиваютъ заведенія, гдѣ способные къ работѣ бѣдняки занимаются обработкою сырыхъ матеріаловъ, получая за это извѣстную плату и передавая потомъ выдѣланныя ими произведенія членамъ общества. Но, главнымъ образомъ, безчисленное множество швейцарскихъ благотворительныхъ обществъ занято искорененіемъ нищенства, которое превратилось въ одну изъ отраслей промышленности и можетъ, по мнѣнію благотворителей, кончиться только тогда, когда эта отрасль не будетъ приносить доходовъ. Благотворительныя общества Швейцаріи на этомъ пути дѣйствуютъ энергичнѣе всѣхъ другихъ благотворительныхъ обществъ западной Европы: они состоятъ изъ десятковъ тысячъ членовъ, они составляютъ сѣзды, входятъ въ сношенія съ властями, обсуждаютъ сообща мѣры для достиженія предназначенныхъ цѣлей, слѣдятъ по пятамъ за каждымъ нищимъ, превращаются въ этомъ отношеніи въ какихъ-то ищекъ или полицейскихъ сыщиковъ — и все напрасно. Правда, гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Цюрихскаго озера нищіе уже не бѣгутъ сталими по пятамъ за туристами; они уже не собираютъ здѣсь по десяти франковъ въ день съ проѣзжихъ, но это вовсе не означаетъ, что нищихъ не стало болѣе: они только перестали появляться на улицахъ, но они ходятъ по квартирамъ, втираются въ дома, — и благотво-

рители сѣтуютъ теперь на то, что имъ приходится бороться уже не съ нищими, а съ людьми, дающими милостыню. Наивные люди, они думаютъ, что если нищимъ никто не станетъ давать денегъ, то и нравственность и экономическое положеніе этихъ людей улучшатся. Эти люди никакъ не хотятъ понять, что, не смотря на всѣ ихъ хлопоты, на всѣ ихъ сѣзды, уставы и предписанія, число бѣдняковъ уменьшается въ очень незначительной степени, иногда же даже не уменьшается вовсе. Такъ въ старомъ бернскомъ кантонѣ число бѣдняковъ, получавшихъ вспомошествованіе, равнялось:

въ 1809 году . . . . .	10,616 чел.
” 1822 ” . . . . .	17,588 ”
” 1828 ” . . . . .	19,907 ”
” 1846 ” . . . . .	30,830 ”
” 1854 ” . . . . .	32,169 ”

Правда, въ 1858 году бѣдняковъ, получавшихъ вспомошествованіе, было только 24,737 человѣкъ, но къ 1867 году ихъ число опять возрасло до 26,789 человѣкъ. Точно также и число лицъ, получавшихъ помощь внѣ своихъ общинъ, равнялось въ старомъ бернскомъ кантонѣ:

въ 1859 году . . . . .	734 чел.
” 1860 ” . . . . .	859 ”
” 1863 ” . . . . .	889 ”
” 1865 ” . . . . .	975 ”
” 1866 ” . . . . .	1,062 ”
” 1867 ” . . . . .	1,253 ”

Конечно, не вездѣ такъ настойчиво увеличивается нищета, но и тамъ, гдѣ она уменьшилась, количество бѣдняковъ остается чрезмѣрно большимъ и филантропія не имѣетъ возможности доставить безбѣднаго существованія даже тѣмъ людямъ, которымъ она помогаетъ. Въ цюрихскомъ кантонѣ въ 1867 году имущество, предназначенное для вспомошествованія бѣднякамъ равнялось 6,758,466 франковъ; вспомошествованій было выдано на 800,121 фр. 78 сант.; сумма эта сама по себѣ довольно велика, а между тѣмъ вспомошествованія равнялись въ 1855 г. 46<sup>2</sup>/<sub>3</sub> франка на человѣка, въ 1859 году 55<sup>1</sup>/<sub>3</sub> франка, въ 1864 г.—68<sup>1</sup>/<sub>2</sub> франка, въ 1867 г.—77<sup>3</sup>/<sub>4</sub> франка. Вообще

въ пятнадцати кантонахъ ежегодныя вспомошествованія съ 1863 г. по 1867 годъ доходили отъ 41 франка 17 сантимовъ до 186 франковъ на человѣка, при чемъ болѣе 100 фр. на человѣка приходилось только въ двухъ кантонахъ, а въ шести кантонахъ помощь не превышала 50 франковъ. Средняя цифра помощи во всѣхъ этихъ кантонахъ равняется 77,06 франкамъ въ годъ, т. е. 19 руб. съ копѣйками; конечно подобныя получки не могутъ улучшить положенія бѣдняковъ. Мы видѣли что даже у работника, получающаго 750 фр. въ годъ, при самой расчетливой жизни недостаетъ денегъ на отопленіе, на освѣщеніе, на сыръ, масло, вино и т. п. Если-бы прибавлять къ его бюджету ежегодно эти 77,06 франка, то и тогда работникъ долженъ-бы былъ лишать себя многого изъ самыхъ необходимыхъ потребностей. А между-тѣмъ работникъ, получающій 750 фр. въ годъ, можетъ считаться просто Крезомъ по отношенію къ тѣмъ личностямъ, которыя получаютъ вспомошествованія. Сообразите это и вы увидите, что эти вспомошествованія не только не даютъ возможности на удовлетвореніе первыхъ потребностей, но даже не даютъ бѣдняку права надѣяться, что онъ не умретъ голодною смертыю. Выдавая подобныя пособія, филантропія не имѣетъ никакого права требовать отъ бѣдняка, чтобы онъ не просилъ милостыни, такъ-какъ предъявлять подобныя требованія можно только тогда, когда человѣку даны всѣ средства къ существованію. Этого не хотятъ понять швейцарскіе филантропы.

## VII.

Рядомъ съ простою денежною помощью, съ устройствомъ рабочихъ домовъ и дѣтскихъ пріютовъ идутъ въ Швейцаріи заботы о доставленіи удобныхъ жилищъ и дешевой пищи нуждающимся классамъ народа, которые иногда даже при усиленной работѣ не избѣгаютъ опасности остаться безъ пристанища на улицѣ или умереть голодною смертыю. Попытки устроить лучшія жилища не всегда могутъ быть названы удачными.

Построенные въ нѣкоторыхъ деревняхъ фабрикантами дома, какъ мы говорили, не достигаютъ очень часто своей цѣли по

„Дѣло“, № 5.

причинѣ слишкомъ высокой платы за жилища, недоступной простымъ работникамъ. Въ другихъ мѣстностяхъ попытки строить дома не удались потому, что возведенные дома походили на казармы, къ которымъ рабочее населеніе, особенно имѣющее семьи, чувствуетъ полнѣйшее отвращеніе. Встрѣчаются и такія попытки, которыя, не смотря на свою разумность, не могутъ принести особенной пользы вслѣдствіе своихъ крайне малыхъ размѣровъ, — такъ въ Ольтенѣ 12 рабочихъ устроили ассоціацію и воздвигли 30—40 жилищъ, — это капля въ морѣ.

Въ болѣе широкихъ размѣрахъ дѣйствуетъ въ Лозаниѣ „строительное общество“, основанное въ 1860 году. Общественный капиталъ его равнялся 200,000 фр. и уже въ 1866 году имъ было возведено на 230,000 фр. построекъ. Оно построило три дома и поправило четвертый. Въ этихъ домахъ было устроено 51 жилище, отдававшееся по 150—225 фр. въ годъ; 8 мастерскихъ и магазиновъ, отдававшихся по 180—250 фр. въ годъ, и наконецъ 5 жилищъ, отдававшихся по 450—550 фр. въ годъ. Мы помнимъ, что работникъ, получающій 750 фр., можетъ платить за жилище не болѣе 150 фр. въ годъ, — значитъ большинство изъ жилищъ лозанскаго общества недоступно даже для достаточныхъ рабочихъ и не можетъ принести никакой пользы для тѣхъ пролетаріевъ, которые получаютъ меньше 750 фр. въ годъ, а послѣднихъ — большинство. Но нужда въ жилищахъ такъ ощутительна, что, несмотря на довольно высокія цѣны, общество не могло удовлетворить всѣхъ желающихъ помѣститься въ его домахъ. Другими цѣлями задалось женевское общество недвижимой собственности. Оно стремилось не отдавать въ наймъ жилища, а продавать небольшіе дома. Но отъ хорошихъ стремленій до хорошаго достиженія предназначенной цѣли очень далеко. Это испытало и женевское общество. Въ самомъ началѣ своего существованія оно было встрѣчено неприязненно со стороны капиталистовъ и не могло найти желанной поддержки между нуждающимися рабочими. Оно выпустило 25-франковыя акціи, уплачиваемыя по частямъ, по 2 фр., но втеченіи четырехъ лѣтъ ему удалось собрать не болѣе 10,000 франковъ. Наконецъ собраніе акціонеровъ рѣшилось, во что-бы то ни стало, поддержать предпріятіе: капиталъ общими силами увеличили до 20,000 фр. и прибѣгли къ займу. При этихъ небольшихъ

средствахъ обществу удалось купить участокъ земли по близости отъ Женевы и построить шесть домовъ, гдѣ помѣщается теперь до 100 семействъ. Жилища домовъ различны по величинѣ и по числу комнатъ, — нѣкоторыя состоятъ изъ двухъ, другія изъ трехъ комнатъ. Но и здѣсь цѣны не дешевы, если взять въ расчетъ получки рабочихъ: одна комната и кухня стоятъ отъ 150 до 190 фр. въ годъ. Быть можетъ это обстоятельство вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ домахъ живетъ слишкомъ много семействъ, было главною причиною, сдѣлавшею не особенно популярными эти дома: зимою въ нихъ постоянно встрѣчаются незанятые жилища. Но что-же прикажете дѣлать, если въ городахъ земля становится все дороже и дороже и если капиталисты иногда очень холодно и даже враждебно относятся къ подобнымъ обществамъ? Дешево и хорошо устроить дома можно только тогда, когда предпріятіе будетъ начато въ широкихъ размѣрахъ.

Не особенно удачныя попытки представляетъ Невшатель, гдѣ „общество недвижимой собственности рабочаго класса“ строитъ дома съ четырьмя жилищами, въ два этажа, дѣлая свои обороты на капиталъ въ 100,000 фр., приносящій 3%. Въ 1866 году въ этихъ домахъ уже жило 22 семейства. Дома окружены садами и выглядятъ красиво. Жильцы могутъ пріобрѣтать ихъ въ полную собственность, платя деньги по частямъ, но въ 1867 году еще никто не воспользовался этимъ правомъ и, можетъ быть, мы не ошибемся, если скажемъ, что это произошло вслѣдствіе несостоятельности жильцовъ съ одной стороны, а съ другой, вслѣдствіе того, что дома все-таки слишкомъ велики.

Въ Локлѣ при помощи Генри Гранжана тоже возникла въ 1855 году „ассоціація недвижимой собственности“, которой обязанъ своимъ существованіемъ „кварталь Прогресса“. Дома этого общества строились по пяти вмѣстѣ и въ каждомъ домѣ находилось по три жилища съ небольшими садиками. Число жилищъ простирается отъ трехъ до четырехсотъ и ихъ наемная плата колеблется между 150 и 400 фр. Капиталъ общества долженъ былъ приносить 5%. Дома не только отдавались въ наемъ, но и продавались жильцамъ съ разсрочкою на 15 лѣтъ. Локль очень небольшое мѣстечко и потому предпріятіе общества было слишкомъ велико сравнительно съ числомъ жителей. Это съ одной сторо-

9\*

ны заставило общество остановиться на половинѣ своего предпріятія по недостатку матеріальныхъ средствъ, съ другой-же заставило домовладѣльцевъ города сильно понизить квартирные цѣны.

Въ Базелѣ строительное общество обязано своимъ возникновеніемъ обществу „общественной пользы“. Вслѣдствіе назначеннаго послѣднимъ обществомъ въ 1851 году конкурса въ городѣ было возведено въ 1854 и 1856 годахъ три дома, изъ которыхъ одинъ предназначался для 15 семействъ, а два другихъ для 8. Эти дома были выстроены между Рейномъ и большой Базельско-Цюрихской дорогой. Домъ выстроенный ближе къ Рейну былъ окруженъ садами, число которыхъ равнялось числу жилищъ дома. Эти сады занимали отъ 2500 до 2600 кв. футовъ. Домъ былъ на столько хорошо построенъ, что каждое жилище представляло какъ-бы совершенно особое зданіе, вслѣдствіе чего всѣ восемь жильцовъ поспѣшили сдѣлаться собственниками своихъ жилищъ, заплативъ за каждое по 4500 франковъ. Такимъ образомъ общество продало за 36,000 франковъ недвижимую собственность, стоившую ему 35,840 франковъ. Въ двухъ другихъ домахъ жилища отдавались за 140 фр., за 172 фр., и за 220 франк. Капиталь, затраченный на эти, постройки равнялся 107,000 фр., раздѣленнымъ на акціи.

Тѣснота помѣщенія заставила и въ Цюрихѣ въ 1860 году подумать объ устройствѣ дешевыхъ жилищъ. За это дѣло взялась акціонерная компанія, построившая къ концу 1864 года 40 домовъ съ 100 жилищами и 12 мастерскими, стоившими обществу 567,000 франк. Эти жилища принесли пользу не только помѣстившимся въ нихъ людямъ, но отчасти и тѣмъ лицамъ, которыя селились въ остальныхъ, густо-населенныхъ кварталахъ, такъ какъ собственники частныхъ домовъ, боясь опасной конкуренціи, поспѣшили сдѣлать нѣкоторыя улучшенія въ своихъ домахъ. Впрочемъ, опасенія были напрасны: дѣла общества не могли идти особенно хорошо; съ одной стороны акціонеры увидѣли, что предпріятіе не особенно выгодно и не можетъ идти въ сравненіи съ биржевою игрою и желѣзно-дорожными спекуляціями,— съ другой—жилища оказались не на столько дешевыми, чтобы привлечь массу бѣднаго населенія, которое покуда не могло еще купить ни одного изъ этихъ домовъ, такъ какъ каждый домъ

стоитъ отъ 10,500 франк. до 15,500 фр., а каждое жилище обходится обществу въ 5,000 и 5,200 франк. Эти высокія цѣны произошли отчасти потому, что общество слишкомъ сильно хлопотало о комфортахъ: о жалюзи, о каминахъ и т. д.

Довольно быстрое увеличеніе населенія въ Бернѣ заставило подумать о тѣхъ людяхъ, которые не въ состояніи были платить дорогихъ цѣнъ за жилища. Но городъ такъ расположенъ и такъ застроенъ, что нужно было воздвигать новые кварталы, — этимъ дѣломъ и занялись два общества. 16 января 1861 года образовалось „общество для постройки жилищъ рабочихъ“, съ капиталомъ въ 300,000 фр., раздѣленнымъ на 1,200 акцій. Общество основывалось на 30 лѣтъ. Оно приобрѣло земли и выстроило 68 жилищъ, булочную, слесарную и проч. Изъ 68 жилищъ 23 состоятъ каждое изъ комнаты и кухни, необходимыхъ чулановъ и небольшого садика. Плата за жилища 150 фр. въ годъ. 37 жилищъ состоятъ изъ двухъ комнатъ и кухни и каждое оплачивается 240 фр. за жилище. Въ восьми квартирахъ имѣется по три комнаты съ кухнею и каждая изъ нихъ отдается за 275 фр. Акціонеры получаютъ 4% и кромѣ того часть дохода откладывается въ запасной капиталъ, который, согласно съ уставами, долженъ равняться 30,000 фр. и который въ 1865 г. равнялся только 825 фр. Слѣдомъ за этимъ обществомъ, 28 января того-же года, основалось другое общество. Оно тоже основано на 30-ти-лѣтній срокъ; его капиталъ долженъ былъ доходить до 1,000,000 фр., при помощи выпуска акцій въ 200 фр. Но акцій до 1866 года была выпущена только четвертая часть и обществу пришлось прибѣгнуть къ займамъ для исполненія своихъ плановъ. Въ 1864 г. общество давало акціонерамъ 4%; успѣло отложить 3,000 фр. въ запасной капиталъ, который долженъ равняться 50,000 фр., и затратило на разныя постройки 613,000 фр. Имъ было построено 35 домовъ, изъ которыхъ три были проданы. 32 дома, оставшіеся въ его рукахъ, нанимались 133 семействами, платившими 35,364 фр. въ годъ, т. е. среднимъ числомъ по 266 фр. съ семьи, — цифра, какъ видите, довольно высокая для простыхъ работниковъ. Дома общества были крайне разнообразны и построены по пяти различнымъ системамъ: одни дома построены въ три этажа и занимаютъ шесть семействами, изъ которыхъ



только жильцы двухъ нижнихъ этажей пользуются садами; другіе дома состоятъ изъ двухъ этажей и предназначаются для четырехъ семействъ, имѣющихъ отдѣльно дворы и сады; далѣе идутъ дома, также состоящіе изъ двухъ этажей и предназначенные для четырехъ семействъ, но представляющіе большее число жилыхъ комнатъ для каждаго семейства и имѣющіе болѣе обширные сады; четвертый родъ построекъ состоитъ изъ домовъ въ три этажа, гдѣ для каждаго семейства предназначено по четыре жилыхъ комнатъ, по отдѣльному саду и по отдѣльному двору; наконецъ, къ послѣдней системѣ построекъ принадлежатъ маленькія дачки, предназначенныя только для двухъ семействъ и нелишенныя комфорта. Мѣстность, гдѣ общество построило свои дома, сдѣлалась на столько населенною, что муниципальныя власти сочли нужнымъ устроить здѣсь фонтаны и первоначальную школу. Съ своей стороны, общество обзавелось необходимыми пожарными принадлежностями. Дѣятельность этого общества, безъ сомнѣнія, самая широкая въ сравненіи съ дѣятельностью другихъ строительныхъ обществъ Швейцаріи.

Не позабыли швейцарцы и о томъ, что для бѣднаго народа нужны дешевыя бани и дешевыя прачешныя. Подобныхъ заведеній встрѣчается нѣсколько въ Базелѣ, въ Женевѣ, въ Лозаннѣ и т. д. Одно изъ подобныхъ учрежденій основано на 135,000 фр., другое — на 77,000 фр.; въ одномъ берутъ 16 сантимовъ въ часъ за стирку, 8 сантимовъ за сушку и 10 сантим. за глаженье; въ другомъ часъ стирки и сушки оплачивается 25 сантимами, а часъ глаженья — 20 сантим.; въ одномъ насчитывается 35 мѣстъ для стирки, въ другомъ — 22. Какъ необходимы подобныя учрежденія, это видно уже изъ того, что въ женевской дешевой прачешной въ 1866 г. стирка продолжалась втеченіи 788,481 часа и общая выручка прачешной доходила до 31,757 фр. 37 сантим. Сама-же прачешная выстирала 3,021 рубашку, повсюду владѣльцы этихъ рубашекъ брали ванны.

Теперь мы должны перейти къ описанію дѣятельности потребительныхъ обществъ.

## VIII.

Прежде всего мы встрѣчаемся здѣсь съ дѣятельностью филантроповъ.

Нѣкоторыя изъ устроенныхъ благотворителями дешевыхъ кухонь выдаютъ даровые обѣды, другія продаютъ обѣды за дешевыя цѣны. Такъ уже въ 1862 году общество „общественной пользы“ въ Базелѣ приготовляло экономическій супъ, порція котораго обходилась въ 11 сантимовъ, а продавалась по 7 сантимовъ. Въ Женевѣ и теперь дѣйствуютъ подобнымъ образомъ общества дешевой пищи, раздающія не только бульонъ, но и говядину. Въ Цюрихѣ Suppenanstalt раздаетъ неимущимъ порціи супа даромъ, болѣе же обезпеченныя лица платятъ по 5 сантимовъ за порцію; хотя она обходится обществу въ 7 и 8 сантимовъ. Въ Люцернѣ дѣло дошло до того, что муниципальныя власти нашли нужнымъ лично заняться этимъ дѣломъ. Нѣкоторые заводчики тоже увидали необходимость кормить подобнымъ способомъ своихъ полуголодныхъ рабочихъ, получающихъ скудную заработную плату. Можно себѣ представить, какъ бѣдственно должно быть положеніе тѣхъ людей, которые при всѣхъ усиліяхъ не могутъ заработать денегъ на пропитаніе, которыхъ можно спасти отъ голодной смерти подобнымъ образомъ.

Работники очень хорошо понимали, что эта случайная помощь не можетъ улучшить ихъ положенія и начали устраивать самостоятельно дешевыя кухни. Иногда этимъ кухнямъ приходилось выдерживать борьбу съ трактирщиками и онѣ раззорялись, какъ это случилось, напримѣръ, въ Золотурнѣ. Но нѣкоторыя изъ кухонь стали твердо на ноги. Одна изъ такихъ кухонь устроена рабочими центральной желѣзной дороги въ Ольтенѣ и доставляетъ пищу по 12 сантимовъ за порцію. Одна изъ кухонь въ бернскомъ кантонѣ доставляетъ обѣдъ за 40 сантимовъ; въ 18 мѣсяцевъ она продала 44,000 порцій супу и овощей по 10 сантимовъ за порцію и 12,000 порцій говядины по 20 сантимовъ за порцію, т. е. всего на 6,800 франковъ. Рядомъ съ дешевыми кухнями шло устройство дешевыхъ пекаренъ и мясныхъ лавокъ. Въ этихъ лавкахъ провізія продается дешевле, чѣмъ на обыкновенномъ рынкѣ, но она продается только на чистыя деньги. Это

даетъ возможность дѣлать обороты на небольшіе капиталы. Одна изъ подобныхъ пекаренъ въ Золотурнѣ, выдавая извѣстный процентъ въ пользу бѣдныхъ, успѣвала ежегодно откладывать въ резервный капиталъ отъ 1,500 до 2,000 франковъ. Кромя того существуетъ нѣсколько *семейныхъ* мясныхъ лавокъ, съ которыми заключаютъ условіе нѣсколько семействъ, обязующихся покупать провизію на чистыя деньги въ извѣстной лавкѣ, за что лавочникъ, съ своей стороны, обязуется доставлять лучшую говядину и дѣлать скидку извѣстныхъ процентовъ. Эти лавки находятся подъ непосредственнымъ контролемъ своихъ соединившихся покупателей. Отъ этихъ слабыхъ и робкихъ попытокъ рабочіе перешли къ устройству болѣе широкихъ чисто-потребительныхъ обществъ. Эти общества иногда дѣйствуютъ въ очень небольшихъ размѣрахъ, иногда-же дѣлаютъ довольно крупныя обороты. Въ Женевѣ, напримѣръ, съ 1852 г. существуетъ „общество предумо-зрительности на зимнее время“. Здѣсь сбереженіе предшествуетъ покупке, то-есть дѣло идетъ наоборотъ, чѣмъ въ обыкновенныхъ потребительныхъ обществахъ. Члены, при помощи еженедѣльныхъ сбереженій, составляютъ небольшой капиталъ, который при наступленіи зимы обмѣнивается на покупку разныхъ припасовъ, дѣлаемую оптомъ. Шестьдесятъ три сборщика обходятъ по воскресеньямъ 1,756 членовъ ассоціаціи и собираютъ сбереженныя деньги, которыя вписываются въ книгу. Благодаря Силлему, основателю общества, и его семьѣ, затраты на управленіе равняются нулю. Въ началѣ ноября открываются склады общества, откуда каждый членъ беретъ нужные припасы на вложенную имъ сумму денегъ. Въ 1866 году члены общества внесли до 38,860 фр. Подобныя слабыя попытки, конечно, блѣднѣютъ передъ операціями настоящихъ потребительныхъ обществъ, изъ которыхъ самымъ большимъ обществомъ должно считаться цюрихское, основанное въ 1851 году восемью членами грютлійскаго общества. Оно начало дѣйствовать съ капиталомъ въ 75 франковъ и на первыхъ порахъ купило на 24 франка сигаръ. Не смотря на то, что оно было основано въ свободной республиканской Швейцаріи, оно все-таки возбудило недовѣріе со стороны правительства, которое всячески старалось помѣшать возникновенію этого общества. Интересно то, что свободное, республиканское правительство въ этомъ случаѣ дѣйствовало подъ вліяніемъ *политическихъ*

соображеній. Препятствія были устранены не безъ труда. Во второй годъ существованія этого общества оно уже завербовало 128 новыхъ членовъ и теперь владѣеть землями, магазинами, складами и его недвижимая собственность стоитъ не менѣе 600,000 франковъ, хотя нужно замѣтить, на ней еще лежитъ долгъ въ общество поземельнаго кредита. Развитие общества совершалось постепенно. Оно дѣлало торговыхъ оборотовъ

въ 1859 году на . . . . .	429,000	франковъ.
„ 1860 „ „ . . . . .	672,000	„
„ 1861 „ „ . . . . .	802,000	„
„ 1862 „ „ . . . . .	885,000	„
„ 1863 „ „ . . . . .	1,152,000	„

Движимое имущество и капиталъ общества, не превышавшіе въ 1858 году 32,000 франковъ, возрасли въ концу 1863 года до 145,000 франковъ. Въ настоящее время общество имѣетъ до 20 различныхъ лавокъ и 2 большія зданія, въ одномъ изъ зданій находится пекарня съ пятью печами, въ которыхъ въ 1863 году было выпечено 1,161,000 фунтовъ хлѣба. Чтобы дать понятіе о торговлѣ этого потребительнаго общества, мы приведемъ нѣкоторыя цифры за два года. Общество продало

	въ 1863 году (по Пфейферу)	въ 1865 году (по Муанье).
Сахару. . . . .	252,000 фунт.	213,191 фунт.
Муки . . . . .	248,000 „	423,794 „
Масла . . . . .	216,000 „	143,889 „
Кофе . . . . .	193,000 „	168,887 „
Сыру . . . . .	131,000 „	114,464 „
Мыла . . . . .	122,000 „	130,345 „
Мансу . . . . .	89,000 „	130,595 „
Цикорія . . . . .	63,000 „	73,345 „
Печенья . . . . .	52,000 „	63,218 „
Рису . . . . .	39,000 „	42,769 „
Свиного сала. . . . .	28,000 „	32,037 „
Табаку. . . . .	24,000 „	28,046 „
Сигарь. . . . .	550,000 штукъ.	552,750 штукъ.

Составилось это общество на довольно своеобразныхъ основаніяхъ: оно выпустило трехъ-франковыя акціи, изъ которыхъ каждый членъ долженъ былъ имѣть по крайней мѣрѣ одну. Но

въ 1861 году, по словамъ Пфейфера, все эти акціи, равнявшіяся съ процентами 11,750 франкамъ, были погашены; по словамъ-же Муанье погашена была только часть акцій и въ рукахъ членовъ осталось только 2,350 акцій, принадлежавшихъ почти исключительно рабочимъ. Какъ-бы то ни было, но важно то, что общество рѣшило, что никто изъ членовъ не будетъ получать прямыхъ барышей отъ общества, барыши котораго пойдутъ на погашеніе долговъ и на образованіе капитала. Этотъ капиталъ долженъ быть не менѣе 200,000 фр. Когда онъ будетъ находиться въ наличности, тогда барыши съ него пойдутъ въ пользу членовъ общества. Но въ то-же время общество устроило кассу сбереженій, дающую 4 % на вклады и употребляющую эти вклады на обороты потребительнаго общества. Эти вклады постоянно могли быть потребованы назадъ и обществу грозила опасность пасть, тѣмъ болѣе, что для обратнаго полученія вкладовъ не было назначено никакого продолжительнаго срока. И дѣйствительно въ 1866 году обществу пришлось пережить тяжелый кризисъ. Пришлось назначить комиссію для изслѣдованія веденія дѣлъ, причемъ были открыты значительныя злоупотребленія, и только энергія новыхъ управляющихъ спасла общество отъ конечнаго раззоренія. Общество увидало необходимость измѣнить уставъ, сдѣлавъ его болѣе похожимъ на уставы англійскихъ потребительныхъ обществъ. Въ то же время общество сочло нужнымъ потребовать отъ кассира залогъ въ 30,000 фр. и отъ распорядителя въ магазинѣ въ 10,000 фр.

По примѣру цюрихскаго потребительнаго общества основаны въ Швейцаріи и другія общества, менѣе широкія по своимъ оборотамъ. Такъ, въ Лозаннѣ потребительное общество занимается продажей мяса, хлѣба и устройствомъ дешевыхъ кухонь. Сначала въ 1854 году его услугами могли пользоваться только его члены, но потомъ его дѣятельность распространилась. Общественный капиталъ образовался при помощи выпуска пяти-франковыхъ акцій, приносящихъ теперь 5 %. Въ 1865 году общество владело значительною недвижимою собственностью и получило чистаго барыша 6,718 франковъ. Дешевая кухня этого общества приноситъ несомнѣнную пользу, такъ-какъ въ 1865 году, на примѣръ, изъ нея была взята 77,291 порція бульону, супу, хлѣба, кофе, говядины и овощей. Только это и заставляеть общество содер-

жать кухню, несмотря на нѣкоторый убытокъ, приносимый ею обществу въ его общемъ хозяйствѣ.

Потребительное общество въ Горгенѣ основано въ декабрѣ 1852 года 35 членами съ капиталомъ въ 432 франка, который былъ собранъ при помощи выпуска акцій въ 3 франка и входной платы въ 70 сантимовъ со 117 членовъ. Этотъ капиталъ былъ пополненъ при помощи небольшихъ займовъ. Ассоціація начала свои дѣйствія, имѣя въ своей лавкѣ 27 различныхъ предметовъ торговли и дѣлая скидку въ 3 и 5 % противъ обыкновенныхъ мелочныхъ торговцевъ. Въ 1862 году дѣла общества уже значительно расширились и оно превратилось въ настоящую акціонерную компанію, которая въ 1866 году имѣла уже большую пекарню и недвижимую собственность; ежегодные обороты равнялись 130,000 франкамъ и акціи, оплачивавшіяся въ 1853 году тремя франками, стоили, четырнадцать лѣтъ спустя, 90 и 105 франковъ. Потребительное общество въ Ольтенѣ, учрежденное въ 1862 г., выпустило 172 акціи по 10 фр. и сдѣлало 5 % заемъ въ 1,500 фр. На первыхъ порахъ эта ассоціація занялась главнымъ образомъ продажей хлѣба, котораго было изготовлено въ 1863 году 139,872 фунта; но черезъ годъ продажа хлѣба нѣсколько уменьшилась, а продажа масла и другихъ предметовъ потребленія значительно увеличилась. Десяти-франковыя акціи къ 1 январю 1866 году стоили 21 фр. 30 сант. Потребительное общество въ Куарѣ было основано въ 1866 году при помощи выпуска 108 десяти-франковыхъ акцій. Оно, впрочемъ, ограничилось продажей своимъ членамъ жетоновъ, которые давали право покупателю получать скидку у торговцевъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ обществомъ. Этихъ жетоновъ въ полгода было продано на 17,580 франковъ: 7,600 фр. были употреблены покупателями на говядину, 3,000 фр. на хлѣбъ, 4,300 фр. на колоніальныя произведенія и освѣтительныя матеріалы, 2,600 фр. употребились на разныя мелочныя припасы. Но скидка съ товаровъ не превышала 7 %, изъ которыхъ 2 % шли на управление и потому барышъ акціонеровъ не могъ быть значительнымъ. Въ Базелѣ „главное общество рабочихъ“, начавшее свою дѣятельность въ 1859 году съ капиталомъ въ 22,000 фр., дѣлало ежегодныхъ оборотовъ на 100,000 фр. Чтобы сдѣлаться членомъ этого общества, нужно было внести не менѣе 20 фр. за акцію

и покупать товаровъ не менѣ какъ на 50 франковъ въ треть въ магазинахъ общества. Ниццета, царствовавшая въ 1865 году, вызвала въ томъ-же городѣ другое подобное общество, которое было основано рабочими и фабричными комми подъ именемъ Allgemeine Consumverein. Въ первое-же засѣданіе въ общество вступило около ста человѣкъ, а черезъ 15 мѣсяцевъ число членовъ дошло до 500, между которыми встрѣчаются люди всѣхъ профессій и состояній. Это общество является въ тоже время и сберегательною кассою. Право на названіе члена общества приобрѣтается взносомъ 3 фр. Несмотря на ничтожность капитала, сбербаннаго при помощи выпуска акцій и непревышающаго 3,000 фр., общество сдѣлало оборотовъ въ первые 15 мѣсяцевъ на 180,000 франковъ съ чистымъ барышемъ въ 9 %. Покупатели-же члены выгадали въ сущности 16 %. Но барыши не выдаются на руки: 70 % изъ нихъ идутъ въ сберегательную кассу, какъ-бы вклады членовъ, а 30 % откладываются въ резервный фондъ общества. Покупатели не члены не имѣютъ права на дивидендъ и пользуются только тѣми выгодами, которыя получаютъ отъ покупки болѣе дешевыхъ и болѣе доброкачественныхъ товаровъ въ лавкахъ общества, чѣмъ въ лавкахъ обыкновенныхъ торговыхъ.

Мы нарочно постарались не пропустить ни одного изъ болѣе или менѣ замѣтныхъ строительныхъ и потребительныхъ обществъ, о которыхъ упоминаетъ Муанье, чтобы читатель могъ яснѣ видѣть, что на этомъ пути Швейцарія не внесла ничего новаго и что размѣры этихъ обществъ и ихъ число далеко не соответствуютъ нуждамъ населенія. Сами по себѣ подобныя общества даже при самомъ сильномъ развитіи являются, какъ мы говорили, чѣмъ-то въ родѣ заплатъ, положенныхъ на дѣрявое рубище нуждающихся классовъ. Но эти общества теряютъ даже и это ничтожное значеніе когда они дѣйствуютъ въ такія узкія размѣрахъ и такъ вяло, какъ это мы видимъ въ Швейцаріи.

Далѣе мы покажемъ, что не лучше идутъ дѣла и другихъ обществъ, предназначенныхъ для улучшенія экономическаго положенія нуждающихся классовъ Швейцаріи.

А. Михайловъ.

## Л О Н Д О Н Ъ.

(Изъ Корнуэля.)

Много чудесныхъ разсказовъ о Лондонѣ  
Слышала я въ дѣтствѣ моемъ:  
Будто-бы снизу и до верху залить онъ  
Золотомъ и серебромъ;  
Женщины, всѣ до одной, восхитительны;  
Что ни мужчина—герой;  
Требовать можешь, чего пожелается—  
Все, что ни есть подъ луной.

Съ вѣрой въ сказанья подѣхалъ я къ Лондону  
Въ лѣтній томительный зной;  
Везъ меня весело, съ пѣсней, да съ посвистомъ,  
Бэнъ, мой ямщикъ удалой.  
„Городъ!“ онъ вскрикнулъ—во мнѣ что-то дрогнуло,  
Къ сердцу прихлынула кровь—  
„Вотъ, продолжалъ онъ,—столица веселая,  
Вотъ онъ король городовъ!“

Сталъ я кругомъ озираться внимательно:  
Золото гдѣ? серебро?  
Нѣтъ ихъ; но женщины... прелесть ихъ выразить  
Не въ состояннн перо.  
Бэнъ мнѣ замѣтилъ съ лукавой улыбкой:  
„Баринъ! въ такихъ городахъ  
Все продается и все покупается,—  
Были бы деньги въ рукахъ“.

Всѣмъ тутъ, узнавъ я, торгуютъ дѣйствительно,  
Только казны не жалѣй,  
Въ омутъ разврата за золото матери  
Тянуть своихъ дочерей.



Бойко мѣстами торгуютъ сановники  
И получаютъ за трудъ.  
Тайны завѣтныя тяжкихъ преступниковъ  
Ихъ-же друзья продаютъ.

Взгляды свои продаетъ публицистика,  
Мысли—кропатель стиховъ.  
Мелкихъ людей покупаютъ великіе,  
Требуя ихъ голосовъ.  
Пастыри церкви блаженство за золото  
Въ небѣ сулятъ богачамъ.  
Жены готовятъ измѣну коварную  
Любящимъ, вѣрнымъ мужьямъ.

Старый уродъ покупаетъ красавицу,  
Старыя дѣвы—мужей.  
Славой побѣдной солдатъ подкупается—  
Жертвуетъ жизнью своей.  
Въ самомъ искусствѣ есть что-то продажное,  
Тотъ-же несчастный грѣшникъ:  
Не развернувшись, оно преждевременно  
Сгнило въ корню, какъ цвѣтокъ.

Я повидая столицу корыстную,  
Гдѣ нѣтъ предѣла страстямъ,  
Гдѣ нѣтъ святыхъ другой кромѣ золота,  
Гдѣ полный рай богачамъ  
Празднымъ, безпечнымъ, бездушнымъ, ликующимъ,  
Гдѣ обездоленнымъ—адъ,  
Гдѣ нищеты ни богатство, ни счастье  
Руки протянуть не хотятъ.

Ольга Охтенская.

# ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ-БУРЯ.

РОМАНЪ

ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.

ГЛАВА XIX.

*L'altra vedete ch'ha fatto alla guancia  
Della sua palma, sospirando, letto.*

*Purgatorio, VII.*

Въ то время, когда Георгъ IV еще царствовалъ въ уединеніи Виндзора, когда герцогъ Веллингтонъ былъ первымъ министромъ, а м-ръ Винци мэромъ древней мидльмарчской корпораціи— въ это время, м-съ Казобонъ, урожденная Доротея Брукъ, совершая свое брачное путешествіе, прибыла въ Римъ. Тогда люди были на 40 лѣтъ невѣжественнѣе и неопытнѣе противъ настоящаго поколѣнія. Путешественники нерѣдко оказывались большими невѣждами по части высшихъ искусствъ и являлись въ галлерей и музеи, не озаботившись записаться предварительными свѣденіями въ своей головѣ, не имѣя даже гидовъ въ карманѣ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ критиковъ той эпохи, описывая картину, на которой была изображена усыпанная цвѣтами могила вознесшейся св. Дѣвы, былъ настолько несвѣдущъ, что рѣшился написать, что на этой картинѣ въ видѣ орнамента нарисована ваза съ цвѣтами. Романтизмъ, начипавшій уже вторгаться въ поэзію и науку, не успѣлъ еще дать своей закваски характеру всей эпохи

и войти въ плоть и кровь всего цивилизованнаго человѣчества. Онъ начинаетъ бродить пока только въ пылкихъ душахъ восторженныхъ, длинноволосыхъ германскихъ артистовъ, наводнявшихъ въ ту пору Римъ, да кое-кто изъ молодежи другихъ націй, работая или просто вертаясь около нихъ, время отъ времени почти невольно попадалъ вмѣстѣ съ ними въ водоворотъ возникавшаго движенія.

Въ одно прекрасное утро, молодой человѣкъ, волосы котораго были приличной длины, хотя очень густы и вудрявы, а туалетъ чисто англійскаго покроя, стоялъ въ Бельведерѣ Торсо, въ Ватиканѣ и, изъ оконъ круглыхъ сѣней, любовался великолѣпнымъ видомъ на горы. Онъ до того былъ погруженъ въ созерцаніе природы, что не замѣтилъ подошедшаго къ нему сзади черноглазаго, оживленнаго нѣмца, который, положивъ ему руку на плечо, произнесъ съ сильнымъ акцентомъ.

— Иди сюда скорѣе, пока она еще не перемѣнила позы!

Кудрявый юноша быстро повернулся и оба пріятели, пробѣжавъ мимо картины, изображающей Мелеагра, спустились внизъ по лѣстницѣ въ залу, гдѣ находится статуя отдыхающей Ариадны, извѣстной въ то время подъ именемъ Клеопатры. Мраморная нимфа лежитъ распростертая во всея сладострастіи своей красоты и тонкая ткань покроя обвиваетъ ея тѣло съ нѣжностью и прозрачностью цвѣточнаго лепестка. Художники поспѣли во время: около самой статуи, прислонившись къ колоннѣ, стояла дѣвушка цвѣтущей красоты, роскошное тѣло которой, нисколько не терявшее отъ сравненія съ фигурой Ариадны, было облечено въ какую-то сѣрую, квакерскую одежду. Длинный плащъ, застегнутый у самого горла, былъ отброшенъ за плечи, прелестная ручка безъ перчатки подпирала свѣжую щеку; бѣлая касторовая шляпа, обрамлявшая лицо дѣвушки и темно-каштановые ея волосы, заплетенные въ двѣ косы, движеніемъ руки были откинута немного назадъ. Молодая красавица не смотрѣла на статую; повидимому, она даже не думала объ ней: ея большіе глаза были устремлены на полосу солнечнаго луча, упавшую на полъ. Но она тотчасъ-же очнулась, какъ только оба незнакомца подошли къ Клеопатрѣ и внезапно остановились, какъ-бы съ намѣреніемъ полюбоваться на мраморную нимфу; не взглянувъ даже въ ту сторону, гдѣ находились оба художника, прелестная

женщина направилась къ горничной, бродившей по залѣ, недалеко отъ нея.

— Что ты скажешь объ этихъ двухъ неподобныхъ эземплярехъ? спросилъ нѣмецъ, заглядывая въ лицо пріятелю, видимо нища въ немъ сочувствія, но не дождавшись отвѣта, быстро продолжалъ:—Передъ нами лежитъ древняя красавица, точно живая, не смотря на мраморъ; она какъ-бы замерла въ полномъ сознаниіи своей чувственной прелести, а рядомъ съ нею стояла другая красавица, не мертвая, но живая, олицетвореніе христіанской чистоты и цѣломудрія. Ее слѣдовало-бы нарядить монашкой; мнѣ показалось, что она одѣта въ обычный костюмъ квалеровъ; но дали-бы мнѣ волю — я-бы сейчасъ надѣлъ на нее рясу и покрывало и снялъ-бы съ нея портретъ. Знаешь-ли что? Она не дѣвушка, а женщина. Я замѣтилъ обручальное кольцо на ея неподобной лѣвой рукѣ. Иначе, я право-бы подумалъ, что желтолицый филистеръ отецъ ея, а не мужъ. Я видѣлъ, какъ онъ съ ней прощался задолго передъ этимъ, и теперь я нечаянно засталъ ее одну въ такой великолѣпной позѣ. Подумай только. Ну, если онъ богатъ и пожелаетъ снять съ нея портретъ? Ахъ! лучше ужъ на нее не смотрѣть, вонъ она уходитъ. Пойдемъ, проводимъ ее до дому.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ его товарищъ, слегка нахмуривъ брови.

— Какой ты странный, Владиславъ! возразилъ пылкій германецъ.—Тебя она, видно, также поразила. Ты съ ней знакомъ?

— Я знаю, что она замужемъ за моимъ кузеномъ, отвѣчалъ Виль, пробираясь черезъ залу съ озабоченнымъ лицомъ, между тѣмъ, какъ пріятель не отходилъ отъ него ни на шагъ и съ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ.

— Какъ? она замужемъ за этимъ филистеромъ? воскликнулъ художникъ. — Да вѣдь онъ глядитъ скорѣе дядей, чѣмъ мужемъ—оно-бы и полезнѣе было, по правдѣ сказать.

— Онъ совсѣмъ мнѣ не дядя, замѣтилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Владиславъ;—я тебѣ говорю, что онъ мнѣ троюродный братъ.

— Schoen, schoen! Не брюжжи пожалуйста! Надѣюсь, что ты не сердишься за то, что я нахожу мистрисъ кузину прелестнѣе всѣхъ мадоннъ на свѣтѣ!

— За что-жь тутъ сердиться? Пустяки какіе! Я ее видѣлъ всего разъ въ жизни, минуты двѣ не больше, въ тотъ день, когда мой кузенъ представилъ меня ей передъ моимъ отъѣздомъ изъ Англїи. Они тогда еще не были женаты. Я даже не зналъ, что они поѣдутъ въ Римъ.

— Да, но вѣдь ты вѣрно отправишься теперь къ нимъ съ визитомъ, ты узнаешь ихъ адресъ, это легко сдѣлать, такъ-какъ фамилія тебѣ извѣстна. Хочешь, пойдѣмъ сейчасъ вмѣстѣ на почту? А ты ужь поговори, пожалуйста, съ мужемъ-то о портретѣ.

— Отстань, Бога ради, Науманъ! воскликнулъ Виль.—Мнѣ теперь не до тебя. Я совсѣмъ голову потерялъ. Вѣдь я не такой нахаль, какъ ты.

— Ба! это все отъ того, что ты диллетантъ въ искусствѣ, amateur. А если-бы ты былъ истинный артистъ, ты-бы сейчасъ почувствовалъ, что мистриссъ Кузина—это античная красота, воодушевленная духомъ христіанства, что это, въ нѣкоторомъ родѣ христіанская Антигона; что это чувственная страсть, порабощенная духовной силой.

— Да, и что твоя кисть должна обезсмертить ее, не правда-ли? сказалъ Виль. — Что этому божественному образу придется только поклоняться, когда ты его передашь на полотно? Положимъ, что я amateur, по твоему, но я не думаю, чтобы вся вселенная могла отразиться въ твоихъ, никому неизвѣстныхъ произведеніяхъ.

— А между-тѣмъ, она отражается въ нихъ, мой милый, — отражается чрезъ посредство мое, Адольфа Наумана, крѣпко стоящаго за истинное искусство, отвѣчалъ добродушный художникъ, положивъ опять руку на плечо Владислава и ни мало не смущаясь тономъ непонятнаго для него неудовольствія въ голосѣ пріятеля. — Посуди самъ! Я, какъ человѣкъ, составляю звено вселенной—не правда-ли? Мое призваніе живопись;—какъ живописецъ, я постигъ (а это ужь признакъ генія), что твоя тетушка—во второмъ колѣнѣ или бабушка въ третьемъ—можетъ служить моделью для картины. Изъ этого слѣдуетъ, что вселенная должна отразиться въ будущемъ моемъ произведеніи, и для этого она изберетъ своимъ орудіемъ мою грѣшную личность. Согласись, что это вѣрно?

— Ну, а если явится другое орудіе, въ формѣ моей личности, и оно станетъ тебѣ поперегъ дороги? Что ты на это скажешь? Дѣло-то тогда не будетъ такъ легко, какъ оно теперь тебѣ кажется! возразилъ Виль.

— Совсѣмъ нѣтъ, результатъ борьбы будетъ одинъ и тотъ-же—быть или не быть картинѣ—надѣюсь, что это логично!

Виль не могъ долѣе выдержать передъ невозмутимымъ спокойствіемъ товарища и разразился смѣхомъ.

— Ну, милый другъ, выручай-же меня! произнесъ Науманъ, ободренный переменой духа пріятеля.

— Не могу, отвѣчалъ Виль. — Это все глупости, Науманъ! Англійскія леди не пойдутъ въ модели къ первому попавшемуся живописцу. Притомъ, ты слишкомъ гоняешься за эффектами въ своихъ картинахъ. А лучше-бы тебѣ рисовать простые портреты, доступные понятію каждаго любителя живописи. Впрочемъ, что значатъ ваши женскіе портреты? Всѣ ваши краски и законы пластики слишкомъ слабы для выраженія натуральной красоты. Онѣ затемняютъ и даже уничтожаютъ именно то, что слѣдовало-бы изобразить рельефнѣе. Живое слово гораздо лучше умѣетъ передать прекрасное.

— Да, для тѣхъ, кто не умѣетъ рисовать, сказалъ Науманъ. — Въ этомъ случаѣ ты дѣйствительно правъ. Впрочемъ, другъ мой, я тебѣ давно совѣтовалъ бросить живопись.

Любезный артистъ метко пустилъ стрѣлу; но Владиславъ сдѣлалъ видъ, что не почувствовалъ укола и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Живое слово воспроизводитъ живой образъ, тѣмъ болѣе очаровательный, что онъ носится передъ очами зрителя, какъ въ туманѣ, тогда какъ полотно рѣзко выдаетъ всѣ его недостатки. Я особенно хорошо это понимаю, смотря на изображеніе женщинъ. Прелесть лица и тѣла женщины не состоитъ изъ одного сочетанія тѣней и красокъ,—нѣтъ, тутъ необходимо подмѣтить выраженіе, жизнь. Женщина ежеминутно мѣняется. Возьмемъ хоть ту красавицу, которую мы сейчасъ видѣли, ну какъ ты передашь на полотнѣ ея голосъ?? А между-тѣмъ, голосъ еще болѣе божественъ, чѣмъ вся ея наружность.

— Вижу, вижу, сказалъ Науманъ.—Ты ревнуешь. Ни одинъ живописецъ въ мірѣ не долженъ дерзать помыслить, что онъ

можетъ срисовать портретъ твоего идеала. Другъ мой, дѣло принимаетъ серьезный оборотъ. Вѣдь это твоя тетуска! Племянникъ вмѣсто дядюшки! трагедія!..

— Науманъ, мы съ тобой поссоримся, если ты еще разъ осмѣлишься назвать эту леди моею теткой, сказалъ Виль.

— Какъ-же ты прикажешь мнѣ ее знать?

— Мистриссъ Казобонъ.

— Отлично! Но представь себѣ, что, вмѣсто тебя, съ нею познакомлюсь я, и что она сама пожелаетъ имѣть свой портретъ?

— Дождись! тихо произнесъ Виль и замолчалъ, видимо желая прекратить разговоръ. Онъ внутренно сознавалъ, что его сердятъ пустяки, созданные его-же воображеніемъ. Ну что ему было за дѣло до м-съ Казобонъ? А между-тѣмъ, у него лежалъ на сердцѣ камень, точно дѣло это дѣйствительно до него касалось. Есть-же на свѣтѣ такіе характеры, постоянно создающіе себѣ сомнѣнія и столкновенія въ драмахъ, которыхъ однакожъ никто съ ними не собирается разыгрывать. Ихъ щекотливость безпрестанно задѣваетъ предметы, лежащіе въ невинно-спокойномъ состояніи.

## ГЛАВА XX.

Два часа спустя, Доротея сидѣла въ одной изъ внутреннихъ комнатъ, устроенной въ видѣ будуара, въ великолѣпнѣйшемъ отелѣ, на Сикстинской улицѣ.

Мнѣ очень грустно сознаться, что она въ эту минуту горько плакала, и плакала съ тѣмъ наслаженіемъ, съ какимъ плачутъ женщины гордыя, привыкшія сдерживать свои чувства при другихъ и позволяющія себѣ иногда давать волю сердцу, когда онѣ остаются однѣ, безъ свидѣтелей. М-ръ Казобонъ долженъ былъ еще не скоро возвратиться изъ Ватикана.

Доротея, однакожъ, не выяснила самой себѣ истинной причины своего горя. Подъ вліяніемъ разныхъ мыслей и чувствъ, она рѣдала неудержно, укоряя себя въ то-же время въ непозволительной слабости духа. И въ самомъ дѣлѣ о чемъ ей было плакать? Замужъ она вышла по собственному выбору; бракъ ея имѣлъ то преимущество передъ браками обыкновенныхъ дѣвушекъ, что она

смотрѣла на него не какъ на удовлетвореніе страсти, а какъ на начало новыхъ обязанностей. Въ характерѣ своего мужа она также не нашла ничего новаго; съ первыхъ дней своего знакомства съ нимъ, она убѣдилась, что онъ гораздо умнѣе и образованнѣе ея, и что большую часть своего времени онъ станетъ посвящать такимъ научнымъ занятіямъ, въ которыхъ она не въ силахъ будетъ принимать участія. Кромѣ того, едва сойдя со школьной скамьи, она уже попала въ Римъ, въ этотъ историческій городъ, гдѣ минувшіе вѣка проходятъ какъ погребальная процессія передъ глазами зрителя, въ формѣ невѣдомыхъ намъ образовъ и собранныхъ изъ разныхъ странъ міра трофеевъ.

Эти изумительныя развалины еще болѣе придавали характеръ какаго-то страннаго сновидѣнія всей обстановкѣ ея новобрачной жизни. Втеченіи первыхъ пяти недѣль своего пребыванія въ Римѣ, по утрамъ, въ ясную погоду, когда осень и зима, подобно счастливой четѣ, идутъ дружно рука въ руку, предчувствуя, что одинъ изъ нихъ долженъ вскорѣ умереть, оставя другого въ грустномъ одиночествѣ,—въ такіе дни Доротея обыкновенно каталась, сначала съ мужемъ, а впоследствии, почти всегда съ Тантрипъ и съ своимъ опытнымъ курьеромъ. Ее возили осматривать лучшія галлерей, знаменитѣйшія воды, величественныя развалины и самыя извѣстныя церкви; но всѣ эти прелести и чудеса, наконецъ, перестали ее занимать и она охотнѣе стала ѣздить за городъ, въ горы, гдѣ ей дышалось гораздо легче между небомъ и землей, вдали отъ тягостнаго зрѣлища міроваго маскарада, въ которомъ ея собственная жизнь, въ образѣ загадочной маски, казалось ей, принимала также дѣятельное участіе.

Для тѣхъ, кто осматривалъ Римъ подъ животворнымъ вліаніемъ науки, вдыхающей жизнь во всѣ историческія памятники и открывающей слѣды связи прошедшаго съ настоящимъ,—для такихъ туристовъ Римъ долженъ являться центромъ умственной жизни и представителемъ вселенной. Но представьте себѣ теперь молодую дѣвушку, воспитывавшуюся въ англійской и швейцарской школахъ самаго пуританскаго направленія; вскормленную, такъ сказать, скудными руководствами учителей протестантовъ и изучившую искусство въ самой тѣсной ребяческой рамкѣ;—представьте себѣ эту дѣвушку, страстную по натурѣ, которая каждую свою обязанность, каждую маленькую дозу своихъ зна-



ній возводитъ на степень принципа и въ дѣйствіяхъ своихъ руководится имъ; которая по живости и впечатлительности своего характера, даже изъ міра отвлеченныхъ идей выносить наслажденіе или горе;—представьте себѣ дѣвушку, только-что превратившуюся въ женщину, мечтавшую съ восторгомъ о предстоящихъ ей новыхъ обязанностяхъ, и вдругъ попавшую въ омутъ самыхъ смутныхъ тревогъ о своей личной долѣ;—представьте себѣ теперь, какое впечатлѣніе должны были произвести на нее историческія развалины древней императорской и впослѣдствіи, папской столицы. Впечатлѣнія, производимыя вѣчнымъ городомъ, могутъ легко ложиться на нимфоподобныхъ англійскихъ миссъ, которыя смотрятъ на посѣщеніе его развалинъ, какъ на пріятный пикникъ въ обществѣ знакомыхъ иностранцевъ и соотечественниковъ друзей. Но на Доротею пребываніе въ Римѣ произвело глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Ее поражали всѣ эти руины, базилики, дворцы, Колизей, возвышавшіеся среди пошлой будничной обстановки; вмѣсто прежней энергіи и страстности древнихъ римлянъ, она встрѣчала на каждомъ шагу одно суетвѣріе и предрасудки; со стѣнъ и сводовъ великолѣпныхъ зданій на нее смотрѣли отовсюду, точно живые, образы титаническихъ героевъ и боговъ; длинныя ряды изящныхъ мраморныхъ статуй въ различныхъ позахъ своими вѣчно открытыми глазами глядѣли какъ-то удивленно на двигавшійся кругомъ мелкій людъ; весь этотъ фантастическій міръ картинъ и скульптурныхъ произведеній, изображавшій идеалы славы, чувственности или духовнаго настроенія, и носившій на себѣ теперь слѣды забвенія и разрушенія,—все это сначала охватило ее какою-то электрическимъ токомъ восторга; но вслѣдъ затѣмъ она испытала болязненное чувство отъ наплыва подавляющихъ душу смутныхъ представленій всего видѣннаго ею. Туманные и яркіе образы пробудили ея молодые силы и запечатлѣлись въ ея памяти такъ рѣзко, что много лѣтъ спустя, они воскресали въ ея воображеніи даже въ такія минуты, когда она вовсе объ нихъ не думала. Воспоминанія имѣютъ то свойство, что онѣ на яву, какъ будто во снѣ, проносятся предъ мысленными очами человѣка, подобно длинному ряду картинъ волшебнаго фонаря. Часто, въ минуты грустнаго одиночества, испытанная Доротеей втеченіи жизни, ей представлялся обширный храмъ св. Петра, громадный

бронзовый baldахинъ надъ главнымъ алтаремъ, мозаическія изображенія пророковъ и евангелистовъ въ куполѣ и красныя драпировки, развѣшанныя, по случаю рождественскихъ праздниковъ, по всѣмъ угламъ.

Въ припадкѣ отчаянія Доротея не было ничего исключительнаго. Кто изъ насъ смолоду не смущался отъ мысли, что оныя оставленъ на произволь судьбы и что старшимъ до него какъ-будто дѣла нѣтъ? Поэтому въ положеніи м-съ Казобонъ, которую мы застали въ горькихъ слезахъ шесть недѣль спустя послѣ свадьбы, не было ничего трагическаго. Нѣкоторое разочарованіе, упадокъ духа въ ту минуту, когда дѣйствительность оказывается не тѣмъ, чѣмъ мы ее воображали,—вещь весьма обыкновенная.

Итакъ, Доротея плакала, и если-бы у нея потребовали отчета въ ея слезахъ, ей пришлось-бы отдѣлаться общими фразами, потому что передать отчетливо причину своего горя ей было-бы также трудно, какъ выразить словами тонкіе переливы свѣта и тѣни въ картинѣ. Дѣйствительность, замѣнившая ея дѣвическія мечты, сложилась изъ такихъ неуловимыхъ мелочей, что она сама не въ состояніи была-бы опредѣлить, въ чемъ именно заключалось измѣненіе въ ея взглядѣ на м-ра Казобона и въ ея супружескихъ отношеніяхъ къ нему. Для нея не насталь еще часъ признать эту переиѣну, какъ совершившійся фактъ, и еще менѣе считать потрясеннымъ то глубокое благоговѣніе къ мужу, которое составляло необходимое условіе ея существованія, и потому теперь она была убѣждена, что, рано или поздно, ея прѣжнее чувство къ мужу возродится въ ней съ новой силой. Притомъ, для Доротея было немислимо разорвать связь съ прошлымъ и начать беспорядочную жизнь, не имѣя въ виду какой-нибудь другой возвышенной привязанности; но она находилась теперь въ такомъ періодѣ жизни, когда пробудившіяся силы ея природы еще болѣе увеличивали шаткость ея стремленій. Первые мѣсяцы брака бывають нерѣдко критической эпохой для женщины, съ тою только разницей, что въ этомъ случаѣ положеніе одной можно сравнить съ волненіемъ воды въ лужѣ, а положеніе другой—съ бурей на морѣ,—съ бурей которая послѣ мало-по-малу утихаеть, уступая мѣсто полному спокойствію.

Отчего-же у Доротея измѣнился взглядъ на м-ра Казобона?

Развѣ онъ не былъ такимъ-же ученымъ человѣкомъ какъ прежде? Развѣ его обращеніе съ нею или его чувства стали не тѣ, какъ были прежде? Не виновата-ли тутъ измѣнчивость женской природы? Казобонъ все тотъ-же, онъ вѣренъ по старому своимъ хронологическимъ вычисленіямъ, онъ изучаетъ по прежнему не только теорію науки, но даже имена лицъ слѣдовавшихъ этой теоріи; у него на каждый ученый вопросъ, по обыкновенію, всегда готовъ отвѣтъ; а Римъ, болѣе чѣмъ всякій другой городъ, представляетъ обширное поле для обогащенія себя новыми свѣденіями. Давно-ли сама Доротея съ такимъ восторгомъ мечтала о возможности облегчить тяжкое бремя труда, лежащее на плечахъ этого ученаго изыскателя, предпринявшаго изданіе важнаго археологическаго сочиненія. Что бремя этой работы тяготило м-ра Казобона теперь, болѣе чѣмъ когда либо,—это было ясно какъ день.

Впрочемъ, всѣ эти разсужденія не поведутъ ни къ чему. Въ жаркій полдень нечего искать свѣжей утренней росы. Фактъ несомнѣнный, что мужчина, успѣвшій понравиться молодой дѣвушкѣ послѣ нѣсколькихъ недѣль знакомства съ нею или такъ называемаго „ухаживанья“, представлялся ей воображенію совѣтъ въ другомъ видѣ, чѣмъ какинъ онъ оказывается впоследствии, сдѣлавшись ея мужемъ; выигрываетъ-ли онъ или проигрываетъ отъ близкаго знакомства съ нимъ, это другой вопросъ; но дѣло въ томъ, что онъ никогда не остается прежнимъ идеаломъ въ глазахъ жены. За первымъ разочарованіемъ въ любви быстро послѣдовало-бы охлажденіе, если-бы на помощь сердцу не являлись иногда нѣкоторыя хорошія качества человѣка, незамѣченныя вначалѣ.

Точно въ такую-же ошибку впадаютъ молодыя дѣвушки и женщины, выбирая себѣ въ мужа какого-нибудь блестящаго свѣтскаго франта или государственнаго человѣка. Въ подобныхъ случаяхъ онѣ вступаютъ въ бракъ очарованныя наружнымъ блескомъ, не замѣчая недостатковъ; кончается-же это, большей частью, тѣмъ, что молодыхъ женщинъ вдругъ постигаетъ полнѣйшее разочарованіе, и онѣ начинаютъ отрицать въ мужьяхъ даже ихъ хорошія качества.

Эти сравненія, конечно, нейдутъ къ м-ру Казобону, потому что онъ менѣе чѣмъ кто-нибудь былъ способенъ пускаться пылъ въ

глаза; какъ человѣкъ серьезнаго направленія, онъ никогда не употреблялъ никакихъ усилій для того, чтобы поддерживать въ Доротей тѣ иллюзіи, съвозъ прізму которыхъ она смотрѣла на него. Какимъ-же образомъ могло случиться, что по прошествіи лишь нѣсколькихъ недѣль послѣ свадьбы, Доротей начала вдругъ чувствовать, вмѣсто простора и свободы, которыхъ она такъ пламенно жаждала,—стѣсненіе въ присутствіи мужа? Конечно, все это произошло вслѣдствіе увлеченій ея до замужества. Во время краткихъ своихъ свиданій съ женихомъ, она подмѣчала всѣ его хорошія свойства и, возводя ихъ на степень добродѣтели, мечтала о томъ, сколько счастья онѣ придадутъ ихъ супружеской жизни. Но, переступивъ черезъ порогъ брака, она убѣдилась, что надежды ея разлетались въ прахъ. Безпредѣльное поле дѣятельности, широкій кругъ обязанностей—все это слузилося, опошлѣло, и Доротей, рассчитывавшая плыть на всѣхъ парусахъ по широкой рѣкѣ жизни, увидѣла, что она плыветъ по мелкому ручейку.

Будучи еще женихомъ, м-ръ Казобонъ останавливался нерѣдко на такихъ вопросахъ, смыслъ которыхъ былъ совершенно теменъ для Доротей; но приписывая свою непонятливость отрывочности ихъ бесѣдъ и твердо вѣря, что впоследствии мужъ разъяснитъ ей все это, молодая дѣвушка продолжала слушать съ какимъ-то лихорадочнымъ вниманіемъ м-ра Казобона, когда тотъ развивалъ совершенно новый взглядъ на Дагона, бога филистимлянъ, и на другихъ морскихъ боговъ, и думала въ то же время, что ей необходимо будетъ впоследствии проникнуть въ тайну этого вопроса и пріучить себя смотрѣть съ одинаковой точки зрѣнія съ мужемъ на всѣ подобнаго рода научные предметы. Равнодушный тонъ жениха и видимое нетерпѣніе, съ которыми онъ старался отдѣлаться отъ Доротей, когда та обращалась къ нему за разрѣшеніемъ какой-нибудь завѣтной для нея идеи, она приписывала озабоченности и неестественному напряженію мыслей, отъ которыхъ и сама страдала въ то время, когда была невѣстой. Но съ тѣхъ поръ, какъ они поселились въ Римѣ, когда воспріимчивая и страстная ея натура проснулась отъ наплыва разнородныхъ впечатлѣній, когда вслѣдствіе вторженій въ ея жизнь новыхъ элементовъ, въ ея умѣ зародились и новые вопросы, Доротей съ ужасомъ убѣдилась, что на нее все чаще и

чаще нападаютъ припадки гнѣва и отвращенія къ своему настоящему положенію, что она все болѣе и болѣе падаетъ духомъ, испытывая постоянно тоскливое одиночество. Утѣшать себя мыслию, что всѣ архивные ученые похожи на м-ра Казобона, Доротея, конечно, не могла, такъ-какъ она ни одного изъ нихъ не знала, а потому пемудрено, что ее охватывало непріятное чувство въ то время, когда ея мужъ принимался излагать ей свои взгляды на окружающія ихъ произведенія искусства. Очень можетъ быть, что м-ръ Казобонъ руководился при этомъ самыми лучшими наклоненіями, именно—желаніемъ съ достоинствомъ выполнить свою роль наставника; но онъ объяснялъ какъ-будто нехотя, холодно, точно онъ старался отвязаться поскорѣе отъ лежащей на немъ тяжелой обязанности. То, что для Доротея было ново, уже давно потеряло свою прелесть для ея мужа; если въ былыя времена юности онъ и обладалъ нѣжными чувствами, энергіей, восприимчивостію, то теперь все это выдохлось, высохло подъ мертвящимъ вліяніемъ науки. Когда мужъ говорилъ: „Это, кажется, интересуетъ васъ, Доротея? Хотите, мы здѣсь подольше останемся? Я готовъ подождать, если вы этого желаете,“ — то ей казалось, что и уйдти, и остаться будетъ одинаково скучно.

Такъ, однажды, Казобонъ обратился къ женѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Не желаете-ли вы, Доротея, ѣхать во дворецъ Фарнезе? Тамъ есть фрески Рафаэля, которые, говорятъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія.

— А васъ они развѣ интересуютъ? спросила Доротея.

— Я слышала, что это замѣчательныя вещи, отвѣчалъ м-ръ Казобонъ.—Нѣкоторые изъ этихъ фресковъ изображаютъ басню „Купидонъ и Психея,“ которую я считаю произведеніемъ романтической школы и отнюдь не причисляю къ гениальнымъ мифическимъ твореніямъ. Но если вы любите стѣнную живопись, то мы можемъ отправиться въ этотъ дворецъ. Тамъ собраны лучшія созданія вѣсти Рафаэля; жаль было-бы не видать ихъ, находясь въ Римѣ. Рафаэль такой художникъ, который сумѣлъ сочетать грацію формы съ высшимъ совершенствомъ экспрессіи. Таково, покрайней мѣрѣ, сужденіе о немъ всѣхъ знатковъ.

Подобныя рѣчи, произносимыя официальнымъ, однообразнымъ тономъ, напоминавшія скорѣе сухую проповѣдь священника, чѣмъ

разговоръ молодого мужа, далеко не были способны возбудить въ Доротей удивленіе къ чудесамъ вѣчнаго города и породить въ ней желаніе познакомиться съ этими чудесами. Вообще, для молодой пылкой натурн нѣтъ ничего невыносимѣе, какъ находится въ постоянномъ соприкосновеніи съ человѣкомъ, въ которомъ долготѣніе ученые труды заглушили способность сочувствовать всему живому.

Однако были и такіе предметы, которыми м-ръ Казобонъ занимался съ усидчивостью и энергіею, близкими къ энтузіазму. Увлеченная этимъ, Доротея старалась слѣдить за направленіемъ и развитіемъ его мыслей, не принимая въ соображеніе, что такой неуиѣстной навязчивостію она мѣшаетъ мужу. Впрочемъ, вскорѣ она убѣдилась, что ей не подъ силу слѣдовать за мужемъ, да и самъ бѣдный м-ръ Казобонъ нерѣдко терялся въ лабиринтѣ мифологическихъ и археологическихъ изысканій. Вооруженный свѣточемъ науки, онъ не замѣчалъ мрака, его окружавшаго, и, погружаясь въ разборъ рукописей, гдѣ разсуждалось о поклоненіи древнихъ божеству солнца, сталъ относиться совершенно равнодушно къ лучамъ настоящаго солнца.

Съ этими характеристическими чертами, вошедшими въ плоть и кровь м-ра Казобона, могла-бы еще примириться Доротея, если-бы онъ, отъ времени до времени, давалъ просторъ стремленіямъ ея нѣжной, женственной натурн; если-бы онъ ласково, съ участіемъ выслушивалъ исповѣдь ея сердца, и взаимнъ этого, съ своей стороны, также дарилъ-бы ее откровенностію; если-бы онъ допускалъ ее выражать иногда свою любовь тѣми дѣтскими, нѣжными ласками, которыя составляютъ потребность для иныхъ женщинъ, избирающихъ въ дѣтствѣ какую нибудь плѣшивую деревянную куклу предметомъ своихъ страстныхъ изліаній. Доротея же, по природѣ своей, была необыкновенно ласкова къ людямъ ей близкимъ. Она была-бы готова цѣловать руки м-ра Казобона, стирать пыль съ его башмаковъ, если-бы онъ выражалъ свое вниманіе къ ней нѣсколько иначе, чѣмъ простой вѣжливостію. Но даже и въ этомъ случаѣ, онъ, подавая, на примѣръ, стулъ своей женѣ, говорилъ, что считаетъ такого рода манифестаціи неуиѣстными и слишкомъ шумными. Совершивъ съ особеннымъ тщаніемъ свой утренній туалетъ, м-ръ Казобонъ покорялся необходимости пользоваться тѣми удовольствіями, для которыхъ требо-

вался, въ описываемую эпоху, изящно сложенный и туго накрахмаленный галстукъ, стараясь показать видъ, что онъ на время отрѣшился отъ занимающихъ его умъ серьезныхъ мыслей.

Въ противоположность методической и сухой натурѣ м-ра Казобона, Доротей отличалась чрезвычайной мягкостію и впечатлительностью характера. Отъ природы вспыльчивая, она быстро успокоивалась и роптала на себя за излишнюю горячность. Всѣ свои нравственныя силы она истрачивала на мелочныя волненія, на безпрестанную борьбу съ собой и на припадки отчаянія; но вслѣдъ затѣмъ увлекалась мечтами самоотверженія и возводила въ принципъ исполненіе самыхъ трудныхъ условій жизни. Бѣдная Доротей! Она была нерѣдко сама себѣ въ тягость, а въ то утро, о которомъ идетъ рѣчь, она впервые оказалась бременемъ и для м-ра Казобона.

Въ это утро, наливая кофе мужу, молодая женщина внутренно рѣшила не давать воли своему, какъ она называла, эгоизму, и съ ласковой улыбкой повернулась къ м-ру Казобону, когда тотъ заговорилъ съ нею.

— Милая Доротей, началъ онъ, — намъ нужно до отъѣзда изъ Рима окончить скорѣе осмотръ тѣхъ достопримѣчательностей, которыхъ мы еще не видали, потому что мнѣ-бы очень хотѣлось вернуться въ Ловикъ пораньше, чтобы встрѣтить тамъ праздникъ Рождества. Мои изысканія задержали насъ здѣсь гораздо долѣе, чѣмъ я предполагалъ; впрочемъ, я надѣюсь, что вы это время не скучали. Изъ всѣхъ городовъ Европы, Римъ считается самымъ замѣчательнымъ городомъ, какъ въ научномъ отношеніи, такъ и по части искусствъ. Я помню очень хорошо, что первое мое посѣщеніе Рима казалось мнѣ эпохой въ моей жизни; это случилось вскорѣ послѣ паденія Наполеона, когда всѣмъ нашимъ туристамъ открылся свободный доступъ на континентъ. Мнѣ кажется, что къ Риму, скорѣе чѣмъ ко всякому другому городу, можно при-мѣнить известное выраженіе: „видѣть его—и умереть;“ а на вашемъ мѣстѣ я бы перефразировалъ еще эту поговорку и сказалъ: „видѣть Римъ въ положеніи новобрачной и потомъ жить счастливой женой“.

М-ръ Казобонъ произнесъ эти слова съ видимымъ намѣреніемъ полюбезничать съ женой, и, усиленно заморгавъ при этомъ глазами, покачалъ съ выразительной улыбкой головою. Хотя онъ и

не находилъ положеніе женатаго человѣка очаровательнымъ, однако самого себя считалъ образцовымъ супругомъ, способнымъ доставить полное счастье хорошенькой молодой супругѣ.

— Надѣюсь, что вы довольны нашимъ пребываніемъ здѣсь, т. е. результатами вашихъ научныхъ изысканій? спросила Доротея, дѣлая надъ собой усиліе и желая показать, что она интересуется любимыми занятіями своего мужа.

— Да—да, отвѣчалъ м-ръ Казобонъ, съ такой интонаціей въ голосѣ, что это *да* можно было скорѣе принять за *нѣтъ*. — Я зашелъ дальше, чѣмъ ожидалъ. Я встрѣтилъ страшное обиліе матеріаловъ, которые не могъ не занести въ свои замѣтки, хотя многіе изъ нихъ для меня совершенно бесполезны. Но избѣгнуть этого не было никакой возможности. Вообще у меня здѣсь было много работы, даже несмотря на то, что мнѣ добросовѣстно помогалъ секретарь, и только ваше общество, дорогая моя, улаживало мои свободные часы, не давая чувствовать того утомленія въ мозгу, которое я испытывалъ во время своей холостой жизни.

— Очень рада, что мое присутствіе пригодилося вамъ хотя на что-нибудь, замѣтила Доротея, неволью вспоминая при этомъ тѣ вечера, когда ей казалось, что м-ръ Казобонъ до того погруженъ въ свои занятія, что ему вовсе не до нея.

Въ голосѣ ея при этихъ словахъ послышалось легкое раздраженіе.

— Надѣюсь, когда мы вернемся въ Ловиень, продолжала она, — я буду тамъ полезнѣе для васъ, и вы, хотя отчасти, сдѣлаете меня участницей въ вашихъ трудахъ.

— Безъ сомнѣнія, дорогая моя, отвѣчалъ м-ръ Казобонъ, слегка поклонясь женѣ. — Собранныя мною здѣсь замѣтки должны быть приведены въ порядокъ, и если вамъ будетъ угодно, вы можете дѣлать изъ нихъ извлеченія, подъ моимъ руководствомъ.

— Но куда-же вамъ всѣ эти замѣтки, всѣ эти безчисленные сборники матеріаловъ? спросила съ живостію Доротея, у которой сердце давно уже горѣло при мысли объ этомъ предметѣ. — Развѣ вы до сихъ-поръ еще не рѣшились приступить къ составленію книги, посредствомъ которой ваши обширныя познанія сдѣлаются общимъ достояніемъ и принесутъ пользу всему міру? Я охотно буду писать подъ вашу диктовку, охотно буду переписывать все,



что вы прикажете, стану дѣлать выборы, — но скажите, — неужели я ужь ни на что болѣе не гожусь?

При этомъ Доротея, по безотчетной, свойственной всѣмъ женщинамъ слабости, слегка всхлипнула и глаза ея наполнились слезами.

Такое внезапное проявленіе неумѣстной чувствительности чрезвычайно непріятно подѣйствовало на м-ра Казобона; но его въ особенности уязвило и раздражило замѣчаніе жены, что она для него бесполезна. Доротея имѣла мало понятія о внутреннемъ мірѣ своего мужа, точно также, какъ онъ о ея стремленіяхъ; она не догадывалась о его скрытыхъ страданіяхъ, не прислушивалась къ біенію его сердца и чувствовала только, что сильное волненіе охватываетъ все ея существо. М-ру Казобону, въ свою очередь, казалось, что жена его чрезвычайно чувствительна и вырвавшійся вопль тайныхъ скорбей ея сердца онъ принялъ за капризъ экзальтированной женщины, находя, что ея укоръ и жестокъ, и несправедливъ. Намъ вообще непріятно, когда за нами наблюдаютъ, когда подмѣчаютъ наши слабости и время отъ времени дѣлаютъ на нихъ намеки. Каково-же было м-ру Казобону встрѣтить соглядатая въ молодой женѣ, которая, вмѣсто того, чтобы съ благоговѣніемъ смотрѣть на громадные его тетради, исписанныя какими-то каракулями, и съ невинностью изящной канарейки взирать въ почтительномъ страхѣ на ученныя занятія мужа, — вдругъ является судьей его дѣйствій и осмѣливается еще колоть его намеками на то, что онъ считаетъ участіе жены въ своихъ трудахъ излишнимъ! Въ этомъ отношеніи м-ръ Казобонъ былъ точно также щекотливъ, какъ и Доротея, и точно также имѣлъ привычку преувеличивать въ своемъ воображеніи каждый чрезмѣрно волнующій его фактъ. Въ началѣ своего знакомства съ миссъ Брукъ онъ любовался ея способностью правильно относиться къ каждому вопросу; но въ настоящую минуту онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что эта способность быстрого пониманія можетъ превратиться въ тщеславіе, а прежнее благоговѣніе къ нему — въ самую строгую критику, умѣющую отдавать справедливость только усѣху и неимѣющую ни малѣйшаго понятія о томъ, какихъ усилій стоитъ достиженіе цѣли.

Доротея въ первый разъ увидѣла, какъ блѣдное лицо ея мужа вспыхнуло отъ негодованія, когда она окончила свою рѣчь.

— Душа моя, произнесъ м-ръ Казобонъ, успѣвшій обуздать нѣсколько свое раздраженіе,—будьте увѣрены, что я самъ очень хорошо знаю, сколько именно потребно времени для того, чтобы окончательно отдѣлать сочиненіе, о которомъ не слѣдуетъ людямъ несвѣдущимъ произносить поверхностное сужденіе. Для меня было-бы, конечно, гораздо удобнѣе произвести временной эффектъ блестящимъ міражемъ неосновательныхъ мнѣній; но такова горькая участь каждаго добросовѣстнаго изыскателя, что его преслѣдуетъ негодованіе нетерпѣливой толпы, жаждущей увидѣть хоть что-нибудь и неумѣющей оцѣнить совершенно законченное произведеніе. Полезно было-бы этимъ болтунамъ воздерживаться отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній, потому что имъ не подѣ силу понять значеніе творчества при ихъ поверхностномъ взглядѣ на умственный трудъ.

М-ръ Казобонъ проговорилъ эту тираду съ необычайной для него быстротой и энергіей. Это, конечно, была не импровизація, а результатъ долгаго размышленія, и слова его выпалились теперь точно такъ, какъ сыпятся сѣмена изъ поспѣваго стручка въ жаркій лѣтній день. Его жена, Доротея, оказывалась теперь ничѣмъ инымъ, какъ представительницей пустого свѣта, среди котораго суждено жить непонятнымъ, несчастнымъ авторамъ трудовъ, на выполненіе которыхъ употреблена почти вся ихъ жизнь.

Доротея, въ свою очередь, вспыхнула отъ негодованія при мысли, чѣмъ отплатилъ ей мужъ за то, что она заглушила въ себѣ всѣ стремленія ради того только, чтобы сдѣлаться участницей въ его любимыхъ трудахъ.

— Очень можетъ быть, что мое сужденіе поверхностно, отвѣчала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—но я неспособна составить себѣ другое. Вы мнѣ показывали груды тетрадей съ вашими замѣтками; вы объ нихъ часто со мной говорили, повторя, что ихъ нужно привести въ порядокъ; но вы ни разу не упомянули о томъ, что ваше сочиненіе должно выйдти въ свѣтъ. Мнѣ были извѣстны лишь самыя ничтожныя подробности вашихъ плановъ, и на основаніи ихъ составилось мое сужденіе. Я просила васъ только позволить мнѣ быть вамъ полезной.

Съ этими словами Доротея встала изъ-за стола и вышла изъ комнаты, а мужъ ея взялъ со стола письмо и принялся его перечитывать. Обоимъ супругамъ было крайне неловко, именно по-

тому, что они не выдержали, оба разгорячились и поссорились.. Будь они дома, въ тихомъ Ловиѣ, среди сосѣдей, домашняя стичка прошла-бы почти незамѣтно; но поссориться во время путешествія, на чужой сторонѣ, когда мужъ и жена должны составлять, такъ сказать, цѣлый міръ другъ для друга, это въ высшей степени тяжело и даже глупо. Нѣтъ ничего невыносимѣе натянутыхъ отношеній. Сидѣть вдвоемъ съ глазу на глазъ съ мужемъ и дѣлать видъ, что не замѣчаешь его; подавать женѣ стаканъ воды, стараясь не глядѣть ей въ лицо — развѣ это естественное положеніе? Впечатлительной, неопытной Доротеѣ супружеская ссора казалась какимъ-то страшнымъ несчастіемъ, крушеніемъ всей ея жизни. Для м-ра же Казобона она служила источникомъ невѣдомаго до сихъ поръ страданія. Онъ никогда не воображалъ, чтобы бракъ могъ сдѣлать его, въ нѣкоторомъ родѣ, невольникомъ, и чтобы молодая жена не только требовала отъ него особеннаго къ себѣ вниманія, но еще обращалась-бы съ нимъ жестоко, и именно въ то время, когда онъ болѣе всего нуждался въ ея нѣжномъ участіи. Вмѣсто того, чтобы служить ему спасеніемъ отъ прежней холодной, безотрадной холостой жизни, бракъ какъ-будто повергъ его въ еще болѣе горькое одиночество.

Ни мужъ, ни жена не имѣли духа снова заговорить другъ съ другомъ въ это утро. Но отказаться отъ вараніе назначенной прогулки по городу, Доротея не рѣшилась, потому что такая капризная выходка съ ея стороны могла-бы подать поводъ предположить, что она все еще сердится на мужа, тогда какъ въ ея душѣ уже зашевелилось тайное сознаніе, что она отчасти сама виновата въ происшедшей ссорѣ. Какъ-бы ни было справедливо ея негодованіе, она всегда держалась правила — не требовать отъ другихъ сознанія въ винѣ, а, напротивъ, самой показать примѣръ снисходительности.

Когда ей доложили, что карета у крыльца, она сѣла въ нее и поѣхала вмѣстѣ съ м-ромъ Казобономъ въ Ватиканъ. Пройдя каменный коридоръ съ надписями на стѣнахъ, она разсталась съ мужемъ у дверей бібліотеки и совершенно машинально стала ходить по музею, не обращая вниманія на окружающіе предметы. У нея не достало на этотъ разъ соображенія повернуть назадъ и ѣхать, куда глаза глядятъ. Науманъ замѣтилъ Доротею въ ту

минуту, когда она оставила м-ра Казобона; молодой художникъ вошелъ въ одно время съ нею въ безконечную галерею статуй, гдѣ и остановился, дожидая Владислава, съ которымъ побился объ закладъ на бутылку шампанскаго по поводу какой-то средневѣковой статуи. Оба пріятели тщательно осмотрѣли статую и, поспоривъ еще нѣсколько минутъ, разошлись. Владиславъ замѣшался въ первой галереѣ, а Науманъ пошелъ впередъ, въ залу, и тутъ-то снова встрѣтилъ Доротею, стоявшую въ замѣчательной по эффекту, задумчивой позѣ. Молодая женщина не видѣла ни солнечной полосы, упавшей изъ окна на полъ, ни статуи, передъ которой остановилась; она мечтала въ эту минуту о родной картинѣ зеленыхъ полей Англiи съ высокими вязами вокругъ, о широкихъ дорогахъ, окаймленныхъ цвѣтущими изгородами; ей вспомнились ея дѣвическія грезы о супружескомъ счастіи, далеко неоправдавшіяся въ дѣйствительности. Но въ душѣ Доротеи не переставалъ бить живой родникъ любви къ истинѣ, любви, которая, рано или поздно, должна была поглотить всѣ другія ея мысли и чувства. Стремиться къ этому примиряющему благу, конечно, было гораздо отраднѣе, чѣмъ жить въ постоянномъ раздраженіи и отчаяніи.

## ГЛАВА XXI.

Вотъ почему Доротея такъ горько расплакалась, оставшись одна въ будуарѣ, по возвращеніи изъ Ватикана. Ее заставилъ очнуться легкій стукъ въ дверь; она быстро отерла глаза и произнесла громко: „войдите!“ Тантрипъ принесла карточку съ извѣстіемъ, что въ передней дожидается какой-то джентльменъ.

— Курьеръ доложилъ ему, сказала горничная, — что дома одна м-съ Казобонъ; но онъ увѣряетъ, что онъ родственникъ м-ра Казобона и спрашиваетъ, не примете-ли вы его?

— Да, приму, поспѣшно отвѣчала Доротея, — проведите его въ гостиную.

Единственное воспоминаніе, сохраненное ею о Владиславѣ послѣ встрѣчи съ нимъ въ Ловикѣ, состояло въ томъ, что онъ пользуется благодѣяніями ея мужа и затѣмъ, что ее очень замн-

тересовала тогда его нерѣшительность въ отношеніи выбора для себя карьеры. Доротея радостно хваталась за всякій случай, который могъ ее пробудить отъ нравственной знатіи, и потому видѣть Виліа показался ей въ эту минуту чѣмъ-то въ родѣ блаженія, ниспосланнаго судьбой и именно съ тою цѣлю, чтобы напомнить ей о великодушнн ея мужа и дать ей почувствовать, что она имѣетъ полное право сдѣлаться его помощницей, по крайней мѣрѣ, хоть въ добрыхъ дѣлахъ.

Выждавъ минуты двѣ, Доротея перешла въ слѣдующую комнату; разбуряившееся отъ слезъ лицо ея и блестящія отъ волненія глаза придавали что-то особенно юношеское и миловидное всей ея фізіономіи. Она съ радушной улыбкой встрѣтила Владислава и ласково протянула ему руку. Виль былъ старше Доротеи нѣсколькими годами, но въ эту минуту онъ могъ показаться моложе ея, потому что нѣжное, прозрачное лицо его вспыхнуло, а голосъ робко задрожалъ, точно у застѣнчивой дѣвушки. Доротея, при видѣ замѣнательства своего гостя, сдѣлалась необыкновенно спокойна и всячески старалась ободрить его.

— До сегодняшняго утра я никакъ не воображалъ, что вы и м-ръ Казобонъ находитесь здѣсь, въ Римѣ, проговорилъ запинаясь Виль. Меня поразило ваше появленіе въ ватиканскомъ музеѣ, однако я васъ тотчасъ-же узналъ и полагая... т. е. соображая, что на почтѣ можно найдти адресъ м-ра Казобона, я немедленно отправился туда за справками и поспѣшилъ сегодня-же явиться, чтобы засвидѣтельствовать вамъ и м-ру Казобону мое глубокое уваженіе.

— Садитесь, пожалуйста, отвѣчала Доротея.—Мужа нѣтъ дома, но я увѣрена, что ему будетъ очень пріятно услышать объ васъ.

Съ этими словами она сѣла между каминомъ и высокимъ окномъ и привѣтливимъ жестомъ указала Вилію на стоящій противъ себя стулъ. Роль домовитой матроны какъ-то не ладила съ ея заплаканнымъ, дѣвственнымъ личикомъ.

— М-ръ Казобонъ страшно занятъ, продолжала она;—но вы вѣрно оставите ему свой адресъ—не правда-ли? Онъ напишетъ къ вамъ, когда мы будемъ дома.

— Вы чрезвычайно добры! воскликнулъ Виль, мало-по-малу приходя въ себя и чувствуя необыкновенный приливъ состраданія къ своей собесѣдницѣ, при видѣ ея заплаканныхъ глазъ.—

Адресъ мой напечатанъ на визитной карточкѣ. Но если вы позволите, я явлюсь завтра утромъ, въ тотъ часъ, когда м-ра Казобона можно будетъ застать дома.

— Онъ ходитъ каждый день читать въ бібліотеку Ватикана, сказала Доротея, — и его нельзя иначе видѣть, какъ въ назначенный часъ. Особенно теперь, когда мы собираемся уѣхать изъ Рима, у него накопилось много дѣлъ. Отъ завтрака до обѣда онъ положительно не бываетъ дома. Но я увѣрена, что онъ пригласитъ васъ откушать когданибудь съ нами.

Нѣсколько мгновеній Виль молчалъ. Онъ вообще не чувствовалъ большой симпатіи къ м-ру Казобону, и если-бы не считалъ себя обязаннымъ ему, то назвалъ-бы его непремѣнно ученой, архивной крысой. Ему невольно представилась въ эту минуту картина, возбуждившая въ немъ и смѣхъ, и отвращеніе, какъ сухой педантъ, ученый изыскатель, весь погруженный въ архивную пыль древнихъ рукописей и классическихъ сочиненій, едва успѣлъ жениться на молодой, красивой дѣвушкѣ, и вмѣсто того, чтобы наслаждаться медовымъ мѣсяцемъ въ обществѣ жены, корпѣть по цѣлымъ днямъ въ катакомбахъ и роется въ гнилыхъ древностяхъ! (Виль любилъ гиперболы). Виллю вдругъ захотѣлось или громко расколотаться или хорошенько ругнуть Казобона. Подвижныя губы юноши чуть не выдали его тайны и онъ долженъ былъ сдѣлать большое усиліе надъ собой, чтобы не оскорбить м-съ Казобонъ своей неумѣстной насмѣшкой. Онъ только весело улыбнулся.

Доротея не поняла, что онъ нашелъ смѣшнаго въ ея словахъ, однако невольно и сама улыбнулась. Смѣхъ, съвозившій въ каждой чертѣ нѣжнаго Вила, сверкавшій въ его глазахъ, былъ до того заразителенъ, что Доротея вдругъ повеселѣла. Точно Ариэль коснулся ихъ обоихъ своимъ крыломъ и отогналъ отъ нихъ печальныя думы.

— Вы вѣрно вспомнили о чемъ-нибудь смѣшномъ? спросила Доротея.

— Да, отвѣчалъ всегда находчивый Виль. — Я теперь вспомнилъ, какую глупую я сдѣлалъ фізіономію въ первый день моего знакомства съ вами, когда вы такъ немилосердно уничтожили мою картину своей критикой.

— Моей критикой? повторила въ изумленіи Доротея. — Быть не можетъ. Я по части живописи совершенный профанъ.

— А я воображалъ, что вы удивительный знатокъ и можете однимъ словомъ подорвать чей угодно авторитетъ, продолжалъ Виль.—Я помню, какъ вы сказали,—очень можетъ быть, что вы забыли эти слова,—что между моей картиной и природой, по вашему мнѣнію, нѣтъ никакого сходства. По крайней мѣрѣ, таковъ былъ смыслъ вашего приговора, заключилъ онъ и весело засмѣялся.

— Причиной этому все-таки мое невѣжество, отвѣчала Доротея, любясь добродушіемъ Вили.—Очень возможно, что я дѣйствительно такъ выразилась, но это потому, что я никогда не понимала достоинствъ даже такихъ картинъ, которыя, по мнѣнію моего дяди, могли назваться художественными. Я и въ Римѣ пріѣхала съ тѣмъ-же непониманіемъ искусства живописи. Для меня существуетъ, сравнительно, очень небольшое количество картинъ, которыми я способна восхищаться. Входя въ комнату, стѣны которой покрыты фресками или увѣшаны драгоценными произведеніями живописи, я чувствую нѣчто похожее на страхъ ребенка, явившагося на какую нибудь торжественную церемонію или процессію, гдѣ всѣ люди одѣты въ парадныя платья. Я сознаю тогда, что меня ввели въ новый, недоступный для меня міръ, и по мѣрѣ того, какъ я начинаю разсматривать картину за картиной, онъ мертвѣетъ въ моихъ глазахъ, я ощущаю тяжесть въ мозгу. Вѣроятно, я ужъ родилась такой безтолковой. Видѣть предъ собой такое художественное богатство и не понимать половины того, что видишь—чрезвычайно неприятно. Поневолѣ начинаешь считать себя глухой. Когда всѣ окружающіе васъ люди приходятъ въ восторгъ отъ какой-нибудь картины или объясняютъ вамъ ея красоты, а вы не въ состояніи понять, гдѣ именно кроется эта красота—право, такое положеніе очень похоже на положеніе слѣплого, которому толкуютъ о прелести голубого неба.

— О! воскликнулъ Виль, убѣдившійся, наконецъ, въ искренности исповѣди Доротеи,—но вѣдь пониманіе искусства пріобрѣтается временемъ, его нельзя пріобрѣсти сразу. Искусство—это древній языкъ, выражающійся образами и обладающій многоразличными стилями. Для иного любителя все наслажденіе со-

стоитъ только въ томъ, чтобы умѣть различать одинъ стиль отъ другого. Я, наприимѣръ, наслаждаюсь въ Римѣ искусствомъ во всѣхъ его видахъ и отрасляхъ; но если-бы я вздумалъ разбирать его по частямъ, то не собралъ-бы концевъ всѣхъ безчисленныхъ его нитей. Я нахожу, что есть своего рода выгода умѣть малевать немного, потому что тогда начинаешь постигать процессъ воспроизведенія красотъ природы на холстѣ.

— Вы, можетъ быть, намѣрены сдѣлаться художникомъ? спросила Доротея, живо заинтересованная оборотомъ ихъ разговора.—Вы хотите посвятить себя живописи? Какъ м-ру Казобону будетъ пріятно услышать, что вы, наконецъ, остановились на опредѣленномъ занятіи!

— Нѣтъ, о нѣтъ! возразилъ довольно холодно Виль.—Напротивъ, я совершенно отказался отъ живописи. Жизнь художника слишкомъ одностороння. Я познакомился здѣсь со многими нѣмецкими художниками; съ однимъ изъ нихъ я даже пріѣхалъ изъ Франкфурта. Все это люди прекрасные, а про нѣкоторыхъ можно сказать, что они замѣчательныя личности; но я не раздѣляю ихъ образа мыслей. Они смотрятъ на весь міръ только съ художнической точки зрѣнія.

— Въ этомъ я съ вами совершенно согласна, привѣтливо замѣтила Доротея.—Въ Римѣ только и сознаешь, что для полного наслажденія жизнью недостаточно одной живописи. Но если вы обладаете гениальнымъ талантомъ по этой части, то не лучше-ли вамъ руководствоваться въ такомъ случаѣ своимъ призваніемъ? Кто знаетъ, быть можетъ, вы создадите что-нибудь новое, оригинальное, такъ-что ваши картины не будутъ скучнымъ подражаніемъ тѣхъ однообразныхъ оригиналовъ, которыми изобилуетъ Римъ.

Доротея говорила это такъ естественно и просто, что Виль невольно увлекся и высказался откровенно.

— Человѣкъ долженъ обладать истиннымъ гениемъ, чтобы произвести реформы въ искусствѣ; съ моимъ-же талантомъ далеко не уйдешь; я даже не буду въ состояніи сравниться съ знаменитыми учителями живописи, не только превзойти ихъ. Я никогда не буду имѣть успѣха въ такомъ дѣлѣ, которое достается усидчивымъ трудомъ, поэтому я и не гонюсь за тѣмъ, что не легко дается.



— Я слышала отъ м-ра Казобона, ласково замѣтила Доротея,—что у васъ, къ сожалѣнію, очень нетерпѣливый характеръ (ее шокировало то, что Виль смотрѣлъ на жизнь слишкомъ легкомысленно).

— Да, сказалъ Виль,—я знаю ииѣніе м-ра Казобона на мой счетъ. Мы не похожи другъ на друга.

Едва замѣтный отгвнокъ преврвнія, слышавшійся въ этомъ короткомъ отгвтѣ Вили, оскорбилъ Доротею. Утренняя ссора съ мужемъ сдѣлала ее еще болѣе шекотливой во всемъ, что касалось его.

— Конечно, между вами нѣтъ никакого сходства, возразила она очень надменно.—Но я и не думала сравнивать васъ съ нимъ. Сила характера м-ра Казобона и его неутомимость въ трудѣ—явленія очень рѣдкія.

Виль догадался, что молодая женщина оскорбилась; но это только усилило его антипатію къ м-ру Казобону. Ему невыносимо было видѣть это поклоненіе Доротеи достоинствамъ ея мужа; такая слабость со стороны жены можетъ быть очень пріятна самому супругу, но ужь отнюдь не постороннимъ мужчинамъ. Мы, смертные, вообще, не прочь пощипать иногда перья у счастливаго сосѣда, забывая, что такая жестокая мѣра почти равносильна убійству.

— Да, ваша правда, поспѣшилъ отвѣтить Виль.—Тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что его труды, равно какъ труды многихъ другихъ, подобныхъ ему англійскихъ ученыхъ, пропадаютъ по большей части даромъ, потому-что они не знакомы съ открытіями, сдѣланными въ другихъ странахъ. Если-бы м-ръ Казобонъ умѣлъ читать по-нѣмецки, онъ избавилъ-бы себя отъ многихъ затрудненій.

— Я васъ не понимаю, прервала его Доротея, встревоженная и изумленная этими словами.

— Я хочу вамъ только сказать, продолжалъ Виль тѣмъ-же тономъ,—что нѣмецкіе археологи начали первые дѣлать историческія изысканія и что они смѣются надъ труженниками, которые напоминаютъ собою путниковъ, ищущихъ выхода изъ дремучаго лѣса при помощи карманнаго компаса, тогда-какъ тамъ уже давно проложены широкія дороги. Живя съ м-ромъ Казобономъ, я замѣтилъ, что онъ какъ будто съ предубѣжденіемъ

смотреть на иностранныхъ писателей; такъ, напимѣрь, однажды, онъ долженъ былъ сдѣлать усиліе надъ собой, чтобы прочесть какой-то латинскій трактатъ, потому только, что его написалъ нѣмецъ. Мнѣ было тогда очень досадно.

Говоря это, Виль хотѣлъ кольнуть слегка прославленное трудолюбіе своего родственника; но ему и въ голову не приходило, что Доротея приметъ близко къ сердцу его насмѣшку. Самъ Виль также не глубоко изучилъ нѣмецкихъ писателей; но для того, чтобы считать себя въ правѣ соболѣзновать о недостаткахъ ближняго, не требуется собственнаго совершенства.

У Доротеи замерло сердце при мысли, что труды цѣлой жизни ея мужа могутъ оказаться напрасными. Отъ волненія у нея не хватило даже духу замѣтить Вилю, что онъ, какъ человѣкъ, обязанный м-ру Казобону, долженъ-бы былъ воздержаться отъ подобныхъ замѣчаній. Она не могла выговорить ни слова и сидѣла скрестивъ руки на колѣняхъ, погруженная въ свои скорбныя думы.

Съ своей стороны Виль, удовлетворивъ желанію уколоть м-ра Казобона, вдругъ сконфузился. Ему представилось, что Доротея молчитъ потому, что она вторично обидѣлась за мужа, но главное, ему стало совѣстно, что онъ позволилъ себѣ, такъ сказать, ошипать лучшія перья у своего благодѣтеля.

— Мнѣ потому было досадно, продолжалъ онъ, переходя изъ критическаго тона въ хвалебный, — что я питаю глубокое уваженіе и искреннюю благодарность къ моему кузену. Будь это человѣкъ съ менѣе замѣчательными способностями, съ менѣе твердой волей, подобный предрасудокъ не показался-бы мнѣ слишкомъ важнымъ недостаткомъ.

Доротея подняла свои блестящіе отъ внутренняго волненія глаза на Вилю и грустно проговорила:

— Какъ жаль, что я не выучилась въ Лозаннѣ по-нѣмецки. Тамъ было такъ много хорошихъ учителей! Теперь я уже положительно не могу быть ему полезной!

Новый, таинственный свѣтъ блеснулъ для Вилы въ послѣднихъ словахъ Доротеи. Вопросъ, какъ могла она согласиться выйти замужъ за м-ра Казобона?—рѣшенный Вилемъ въ первый день знакомства съ нею безъ затрудненія въ томъ смыслѣ, что она сама, не смотря на свою красивую наружность, должна

быть женщиной непріятнаго характера,—этотъ вопросъ оказывался теперь неразрѣшеннымъ. Нѣтъ, характеръ у Доротеи былъ прекрасный. Это женщина не съ холоднымъ умомъ, не съ сатирическимъ направленіемъ, но очаровательная своей простотой и задушевностью. Это обманутый ангелъ! Что за наслажденіе слѣдить за движеніями ея сердца и души, которыя она выражаетъ такъ откровенно и наивно! Эолова арфа снова вспомнилась Вилю.

Вѣроятно, она предвидѣла какой-нибудь оригинальный романъ, выходя замужъ за Казобона, рассуждалъ онъ. Если-же этотъ драконъ унесъ ее въ свое логовище насильно, безъ всякаго на то права, то съ моей стороны будетъ геройскимъ подвигомъ освободить красавицу изъ плѣна и пасть къ ея ногамъ. Но увы! съ мужемъ Доротеи было не такъ легко бороться, какъ съ сказочнымъ дракономъ: во-первыхъ, онъ былъ благодѣтелемъ Вилы, затѣмъ, на его сторонѣ стояли общественные законы и, наконецъ, самъ онъ, лично, своей особой, входилъ въ эту минуту въ гостиную, какъ олицетвореніе безукоризненнаго приличія и спокойствія, между тѣмъ, какъ Доротея сидѣла вся разрумяненная отъ недавняго волненія и тревогъ, а Виль казался необыкновенно оживленнымъ, вслѣдствіе составленнаго имъ плана дѣйствій.

М-ръ Казобонъ былъ непріятно пораженъ встрѣчей съ неожиданнымъ гостемъ; но когда Виль всталъ со стула и въ краткихъ словахъ объяснилъ ему причину своего появленія, онъ вѣжливо поздоровался съ нимъ. Повидимому, м-ръ Казобонъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, потому-что онъ какъ-то потускнѣлъ и состарѣлся въ это утро. Впрочемъ, очень можетъ быть, что онъ только казался такимъ отъ сравненія съ юношескою, свѣжею наружностію кузена. Лицо и вся фигура Вилы, при первомъ взглядѣ на него, производили впечатлѣніе яснаго весенняго утра. Рѣдко можно было встрѣтить такую подвижную физиономію, какъ его: она безпрестанно переходила отъ серьезнаго выраженія къ веселому, при чемъ на носу то появлялась, то исчезала маленькая морщинка. Когда въ разговорѣ онъ быстро встряхивалъ головой, волоса его сверкали какимъ-то особеннымъ блескомъ, что принималось нѣкоторыми за отраженіе лучей генія. Волоса-же м-ра Казобона, напротивъ, были совершенно лишены блеска.

Взглянувъ съ безпокойствомъ на мрачное лицо мужа, Доротея не могла, конечно, не замѣтить разницы между нимъ и Вилемъ; но въ то-же время она невольно почувствовала нѣжное со-страданіе къ усталому труженику и совершенно забыла о своемъ недавнемъ неудовольствіи на него. И все-таки присутствіе Вили было для нея большой отрадой; можетъ быть, одинаковость ихъ лѣтъ, или все это вмѣстѣ—очень благотворно подѣйствовало на Доротее. Она уже давно чувствовала потребность поговорить съ кѣмъ-нибудь откровенно, но до сихъ поръ ей не удавалось встрѣтить ни одной личности, которая могла-бы такъ быстро схватывать каждую ея мысль и такъ сочувственно относиться ко всему, какъ Виль.

М-ръ Казобонъ, нѣсколько сухимъ тономъ, выразилъ надежду, что Виль проведетъ время не только пріятно, но и полезно въ Римѣ; что онъ предполагалъ найти его въ южной Германіи: затѣмъ пригласилъ его отобѣдать на завтрашній день, для того, чтобы имѣть возможность хорошенько побесѣдовать на досугѣ и кончилъ свою рѣчь замѣчаніемъ, что онъ немного усталъ сегодня.

Виль тотчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, принялъ приглашеніе и немедленно откланялся.

Глаза Доротеемъ озабоченно слѣдили за мужемъ, когда тотъ, по уходѣ гостя, бросился въ уголъ дивана и, опершись головою на руку, съ видомъ тяжелаго утомленія, безцѣльно устремилъ глаза на полъ. Молодая женщина, все еще румяная отъ волненія, тихо подошла къ мужу и сѣвъ съ нимъ рядомъ, кротко заговорила.

— Простите меня за мою утреннюю вспышку. Я была виновата. Мнѣ жаль, что я, можетъ быть, васъ оскорбила и испортила вамъ весь день.

— Очень радъ, душа моя, что вы поняли это, отвѣчалъ очень спокойно м-ръ Казобонъ, и при этомъ выразительно кивнулъ головою женѣ. Глаза его холодно остановились на Доротее.

— Но вы прощаете меня? продолжала она, вдругъ зарыдавъ. Чувствуя потребность чѣмъ-нибудь выразить свою жажду ласки, она съ намѣреніемъ преувеличила свою вину. Какой-же любящій мужъ не тронулся-бы этимъ искреннимъ раскаяніемъ и не заключилъ-бы ее въ свои объятія!

— Милая Доротея, торжественно произнесъ м-ръ Казобонъ,

сился при этомъ улыбнуться, — кто не приметъ кающагося грѣшника, тому нѣтъ спасенія ни въ семъ мѣрѣ, ни въ будущемъ: — надѣюсь, что вы не считаете меня достойнымъ подвергнуться такому строгому приговору.

Доротея молчала, но нѣсколько непослушныхъ слезинокъ выкатились у нея изъ глазъ.

— Вы въ возбужденномъ состояніи, душа моя, продолжалъ Казобонъ. — Я также нахожусь подъ неприятымъ вліяніемъ разныхъ тревожныхъ мыслей.

М-ръ Казобонъ говорилъ правду; ему сильно хотѣлось сказать женѣ, что ей не слѣдовало-бы безъ него принимать Виля; но онъ удержался, во-первыхъ потому, что ему казалось не деликатнымъ дѣлать замѣчаніе въ ту минуту, когда Доротея ваялась ему въ своей винѣ; во-вторыхъ, онъ боялся взволновать себя еще сильнѣе новымъ объясненіемъ и, наконецъ, онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы выказать свой ревнивый характеръ, котораго не измѣнили ни годы, ни умственные занятія.

Есть такого рода ревность, для воспламененія которой нужно очень мало огня; это даже не страсть, а просто болѣзненное самолюбіе.

— Кажется, намъ пора одѣваться къ обѣду, произнесъ м-ръ Казобонъ, взглянувъ на часы.

Супруги встали съ дивана, и съ этой минуты ни одинъ изъ нихъ уже не поминалъ о томъ, что происходило между ними утромъ.

Но Доротея до конца своей жизни сохранила живое воспоминаніе объ этомъ столкновеніи съ мужемъ. Кто изъ насъ способенъ забыть день своего перваго разочарованія! А она въ то утро впервые сознала, что до сихъ поръ жила подъ странной иллюзіей, ожидая отъ м-ра Казобона отвѣта на свои чувства; въ ней впервые также проснулось горькое убѣжденіе, что въ жизни мужа, равно какъ и въ ея собственной, оказывается страшный пробѣлъ — недостатокъ взаимной любви и пониманія другъ друга. Каждый человѣкъ рождается съ глупой увѣренностью, будто весь мѣръ созданъ для него одного. Доротея съ ранней молодости приучила себя глядѣть иначе на жизнь; тѣмъ не менѣе, мечтавъ посвятить себя всецѣло м-ру Казобону, она все-таки рассчитывала воспользоваться его умомъ для собственнаго развитія; но

у нея не достало чуткости понять, что у мужа есть свой внутренній міръ, совершенно различный отъ ея міра, и что поэтому на немъ должны отразиться совсѣмъ иначе всѣ лучи и тѣни, чѣмъ на ней.

## ГЛАВА XXII.

На слѣдующій день за обѣдомъ Виль былъ до того увлека-тельно любезенъ, что м-ру Казобону не представлялось поводовъ къ неудовольствію на своего родственника. Доротея замѣтила даже, что Вилію посчастливилось увлечь ея мужа въ разговоръ, въ продолженіи котораго онъ съ благоговѣніемъ выслушивалъ кузена каждый разъ, когда тотъ пускался въ разсужденія. Конечно, въ Типтонѣ нельзя было разсчитывать встрѣтить такого развитаго слушателя. Виль говорилъ о самомъ себѣ какъ-то вскользь, слегка, такъ что его слова скорѣе походили на шутку, чѣмъ на что-нибудь серьезное; на нѣкоторые недостатки его теперь не обращалось вниманія. Вообще, этотъ день оказался особенно удачнымъ для молодого человѣка. Его разсказы изъ народной жизни Рима дышали такой естественностію, что сейчасъ можно было догадаться, что онъ самъ толкался между народомъ. Коснувшись вопроса объ отношеніи еврейской религіи къ католической, Виль проявилъ совершенно одинаковый взглядъ съ м-ромъ Казобономъ, горячо возстававшимъ противъ мнѣнія мидльтонскихъ жителей на этотъ счетъ; затѣмъ молодой гость полу-шутя, полу-восторженно перешелъ къ описанію разнообразныхъ удовольствій, которыми онъ пользовался въ Римѣ.

— Здѣсь невольно развиваешься, говорилъ онъ;— богатство по части произведеній искусства такъ велико, что каждый имѣетъ возможность дѣлать постоянныя сравненія между ними; здѣсь всякій видитъ не мертвую буквву, а живые образы прошедшихъ вѣковъ. Вы, м-ръ Казобонъ, можете быть, слишкомъ преданы серьезнымъ занятіямъ, чтобы чувствовать на себѣ это вліяніе Рима; но на меня онъ дѣйствуетъ необыкновенно живительно. Бродя среди его развалинъ, я представляю себѣ совершенно иначе древнюю исторію и изъ всѣхъ этихъ живописныхъ руинъ я, при помощи воображенія, создаю себѣ цѣлыя дворцы и храмы.

Время отъ времени Виль обращался съ вопросами къ Доротеѣ и вступалъ съ нею въ серьезныя пренія по поводу Мадонны di Foligno или группы Лаокаона, точно онъ принималъ ея сужденія за окончательный приговоръ этимъ произведеніямъ. Умѣнье встать коснуться міровыхъ вопросовъ придаетъ разговору необыкновенное оживленіе и потому м-ръ Казобонъ не безъ гордости слушалъ, какъ говорила его жена, обладавшая рѣдкимъ въ женщинѣ даромъ краснорѣчія. Обѣдъ шель весело; м-ръ Казобонъ объявилъ, что онъ прерветъ дня на два свои чтенія въ публичной библіотекѣ и что, поряботавъ еще нѣсколько времени послѣ того, онъ не намѣренъ уже оставаться болѣе въ Римѣ. Это побудило Вилия упросить м-съ Казобонъ, чтобы она не уѣзжала изъ Рима, не посѣтивъ двухъ или трехъ мастерскихъ художниковъ.

— Неужели м-ръ Казобонъ не сводитъ васъ туда? говорилъ онъ съ одушевленіемъ. — Такого рода вещи нужно непременно видѣть; это, такъ сказать, специальная школа искусства. Я готовъ сопровождать васъ во время этого обзора. Намъ не нужно утомлять себя осмотромъ всѣхъ мастерскихъ, но мы посѣтимъ только нѣкоторыя изъ нихъ, по выбору.

М-ръ Казобонъ, замѣтивъ, что Доротея выразительно смотритъ на него, спросилъ, будетъ-ли это ее интересовать, и если да, то онъ къ ея услугамъ на весь слѣдующій день.

Рѣшено было тутъ-же, что Виль явится къ нимъ завтра и поѣдетъ вмѣстѣ съ ними.

Обойти мастерскую Торвальдсена,—этой современной знаменитости, о которой даже м-ръ Казобонъ первый вспомнилъ,—было немислимо. Осмотрѣвъ ее, наши туристы, руководимые Вилемъ, отправились въ студию Адольфа Наумана, художника, который, по словамъ Вилия, стоялъ во главѣ послѣдователей возрожденія христіанскаго искусства и былъ однимъ изъ живописцевъ, олицетворявшихъ на полотнѣ таинства древняго міра и воспроизводившихъ для настоящаго поколѣнія образы великихъ людей.

— Я самъ подъ его руководствомъ написалъ нѣсколько эскизовъ масляными красками, сказалъ Виль. — Но я ненавижу снимать копіи съ чужихъ оригиналовъ; мнѣ непременно хочется вставить въ нихъ что нибудь свое, самобытное. Такъ, напримеръ, Науманъ написалъ картину „Святые мужи, везущіе колесницу церкви“, а я, въ подражаніе ему, набросалъ эскизъ въ

родъ известной картины Марло, „Тамбурленъ, везомый въ колесницѣ, въ которой впряжены побѣжденные короли“. Я придерживаюсь больше свѣтскихъ сюжетовъ и нерѣдко дразню Наумана за то, что онъ черезъ-чуръ увлекается отвлеченными идеями; но на этотъ разъ я намѣренъ перещеголять даже его. Мой Тамбурленъ будетъ олицетвореніемъ исторіи физическихъ мировыхъ переворотовъ, уничтожающихъ цѣлыя царства. По-моему, это очень близкое мифическое истолкованіе идеи.

Проговоривъ это, Виль взглянулъ на м-ра Казобона, который довольно холодно выслушалъ его смѣлое сравненіе и равнодушно кивнулъ головой.

— Картина должна выйти великолѣпная, если вы удачно выразите въ ней такую обширную идею, затѣтила Доротея. — Но мнѣ-бы хотѣлось выслушать болѣе точное объясненіе ея. Какіе-же именно перевороты долженъ изображать вашъ Тамбурленъ: землетрясенія или изверженія вулкановъ?

— Ну, да, конечно, отвѣчалъ смѣясь Виль, — я разумѣю и это, и переселеніе человѣческихъ расъ, и открытіе Америки, и изобрѣтеніе пара, словомъ, все, что только можно себѣ вообразить по части переворотовъ.

— Какая трудная задача для зрителя вашей будущей картины! воскликнула Доротея, взглянувъ съ улыбкой на мужа. — Нужно быть такимъ ученымъ, какъ м-ръ Казобонъ, чтобы умѣть понять смыслъ ея.

М-ръ Казобонъ усиленно заморгалъ глазами, взглянулъ украдкой на Вилю. Онъ началъ подозрѣвать, что надъ нимъ трюнакъ. Но неужели и Доротею можно заподозрить въ этомъ намѣреніи?

Наумана они нашли погруженнымъ въ работу, хотя передъ нимъ не оказывалось никакой модели. Всѣ картины молодого художника были разставлены самымъ выгоднымъ образомъ; самъ же онъ возсѣдалъ передъ мольбертомъ въ сѣрой блузѣ, съ коричневымъ бархатнымъ беретомъ на головѣ. Вся обстановка была такъ прилична, что онъ какъ будто ожидалъ въ это утро посѣщенія англійской леди.

При входѣ гостей, Науманъ вѣжливо поклонился и ломанымъ англійскимъ языкомъ принялся объяснять имъ сюжеты оконченныхъ и начатыхъ имъ картинъ. При этомъ можно было замѣтить, что онъ внимательно разсматриваетъ, какъ м-ра Казо-



бона, такъ и его жену. Виль перебѣгалъ отъ одного мольберта къ другому, восторгаясь то тѣмъ, то другимъ достоинствомъ въ произведеніяхъ своего друга.

Передъ Доротеей открылся совершенно новый міръ при взглядѣ на всѣхъ этихъ Мадоннъ, сидящихъ на тронахъ, подъ балдахинами и окруженныхъ сельскими видами, а также на древнихъ мучениковъ съ орудіями пытки, воткнутыми въ ихъ головы. То, что она считала прежде чудовищнымъ, представлялось ей теперь совершенно естественнымъ и понятнымъ. Но м-ра Казобона, повидимому, вовсе не интересовалъ такой характеръ живописи.

— Въ живописи я понимаю чувствомъ прекрасное, но для ума моего недостаточенъ энигматическій смыслъ картинъ, сказала Доротея, обращаясь къ Вилію,—и не смотря на то, мнѣ понятнѣе вотъ такія картины, чѣмъ та, о которой вы намъ сегодня говорили.

— Пожалуйста, не поминайте о моей пачкотнѣ при Науманѣ, прервалъ ее Виль. — Онъ называетъ мои картины *pfuscherer* — самое позорное, по его словамъ, названіе.

— Неужели это правда? спросила Доротея, устремивъ свѣтлый, открытый взглядъ на Наумана.

— О! да вѣдь онъ занимался живописью ради забавы, отвѣчалъ Науманъ съ легкой гримасой.—Его настоящее призваніе — *les belles-lettres*. На это онъ ма-астерь!

Науманъ такъ протянулъ букву *a*, что, казалось, будто онъ употребилъ слово *мастеръ* въ видѣ насмѣшки. Вилію это не очень понравилось, однако онъ принудилъ себя засмѣяться. М-ра Казобона хотя сильно коробило въ то время, когда художникъ немилосердно коверкалъ англійскій языкъ, но, услышавъ, съ какою справедливой строгостію тотъ выразился о Вилѣ, онъ почувствовалъ въ нему нѣкоторое уваженіе.

Нѣсколько минутъ спустя, Науманъ отвелъ Виліа въ сторону и поговоривъ съ нимъ что-то вполголоса, выразительно посмотрѣлъ прежде на свѣже-натянутый холстъ начатой картины и затѣмъ на м-ра Казобона.

— Мой другъ Владиславъ, произнесъ громко молодой художникъ, выступая впередъ и обращаясь къ своему гостю, — думаетъ, сэръ, что вы извините мою откровенность, если я вамъ

сознаюсь, что снимокъ портрета съ вашей головы будетъ для меня драгоценнымъ пріобрѣтеніемъ для изображенія на моей картинѣ Фомы Аквитанскаго. Это, конечно, большая смялось съ моей стороны... но въ природѣ такъ рѣдко можно найти оригиналь для воплощенія своей идеи...

Уваженіе къ Науману поднялось еще на нѣсколько градусовъ въ глазахъ м-ра Казобона.

— Вы меня очень удивляете, сэръ, отвѣчалъ онъ, слегка покраснѣвъ, вслѣдствіе чего, выраженіе его лица много выиграло;—но если моя скромная физіономія, которую я привыкъ считать очень обыкновенной, можетъ съ пользой доставить вамъ нѣсколько чертъ для изображенія ученаго богослова, то я сочту себя чрезвычайно счастливымъ,—впрочемъ, съ условіемъ, чтобы сеансы не долго длились, и чтобы м-съ Казобонъ откровенно сказала, не будетъ-ли ей непріятна такого рода задержка.

Доротея съ большой радостью согласилась ждать и сказала, что ей будетъ пріятно видѣть портретъ мужа въ картинѣ.

У Наумана тотчасъ-же нашлись готовые кисти и краски и онъ приступилъ къ работѣ. Разговоръ шелъ своимъ порядкомъ. Доротея тихо опустилась на стулъ; она давно уже не была такъ счастлива, какъ сегодня. Окружающіе ее люди, Римъ съ своими сокровищами,—все, все въ эту минуту казалось ей прекраснымъ!...

Ловкій художникъ, во время сеанса, завелъ рѣчь объ англійской политикѣ и м-ру Казобону пришлось давать довольно пространные отвѣты на каждый его вопросъ. Виль сидѣлъ вдали, на ступенькахъ небольшого возвышенія, служившаго въ родѣ подмостокъ для моделей, и наблюдалъ оттуда за разговаривавшими.

— Теперь нужно отдохнуть съ полчаса и за тѣмъ снова продолжать, произнесъ наконецъ Науманъ, опуская кисть. — Владиславъ, подойди сюда, посмотри, сказалъ онъ, обращаясь къ Вилу;—мнѣ кажется, что начало портрета удалось отлично.

Виль весело вскочилъ съ мѣста и вскрикнулъ отъ восторга, взглянувъ на картину.

— Жаль, если вамъ нельзя будетъ сегодня долѣе у меня остаться, м-ръ Казобонъ, проговорилъ Науманъ.—Быть можетъ, вы желаете ѣхать еще куда-нибудь... Я не смѣю васъ беспокоить... Не завернете-ли вы сюда хоть завтра утромъ?...

— О! останетесь здѣсь! воскликнула Доротея. — Намъ некуда ѣхать сегодня, неправда-ли? прибавила она, взглянувъ умоляющими глазами на мужа. — Право, жаль будетъ оставить недоконченной эту прекрасную голову.

— Сэръ, я къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ благосклонно м-ръ Казобонъ. — Сегодня мозгъ мой отдыхаетъ, пусть, по крайней мѣрѣ, голова будетъ полезна на что-нибудь.

— Вы невыразимо добры! Я очень счастливъ! воскликнулъ Науманъ и заговорилъ вдругъ по-нѣмецки съ Вилемъ, указывая ему то на одно мѣсто своей картины, то на другое, дѣлая видъ, что разсуждаетъ объ ней. Затѣмъ, онъ началъ осматриваться кругомъ, какъ-бы ища развлеченія для своихъ гостей и, быстро повернувшись къ Казобону, сказалъ:

— Не позволить-ли мнѣ ваша прелестная супруга набросать съ нея небольшой эскизъ, пока вы отдыхаете? Я сдѣлаю, конечно, не портретъ ея для вставки въ эту картину, а такъ, простой этюдъ.

М-ръ Казобонъ вѣжливо поклонился художнику и выразилъ надежду, что м-съ Казобонъ, вѣроятно, не откажется сдѣлать ему это одолженіе, а Доротея прямо спросила:

— Гдѣ вы прикажете мнѣ стать?

Науманъ разсыпался въ извиненіяхъ и началъ немедленно устанавливать Доротею, которая покорилась ему безъ всякихъ ужимокъ и смѣха, такъ часто употребляемыхъ дамами въ подобныхъ случаяхъ.

— Я-бы желалъ нарисовать васъ въ видѣ св. Клары, говорилъ Науманъ, поправляя позу Доротеи. — Подоприте вашу щеку рукой, опустите глаза внизъ... на этотъ стулъ... вотъ такъ!

Вилю хотѣлось пасть къ ногамъ очаровательной модели и облобызывать край ея одежды; но въ то-же время ему до смерти хотѣлось поколотить хорошенько Наумана за то, что тотъ осмѣлился взять руку Доротеи и согнуть ее по своему.

— Это просто наглость, безстыдство съ его стороны, разсуждалъ про себя Виль съ негодованіемъ. — Мнѣ досадно, зачѣмъ я привезъ ее сюда!...

Артистъ съ жаромъ принялся за работу, и Виль, нѣсколько успокоившись, началъ тихо бродить по комнатѣ, стараясь по

возможности занимать м-ра Казобона. Но, какъ видно, это ему не совсѣмъ удалось, потому-что не прошло и получаса, какъ м-ръ Казобонъ громко спросилъ жену: не устала-ли она? Науманъ тотчасъ понялъ намекъ и сказалъ:

— Сэръ, если вы сдѣлаете мнѣ одолженіе и пожелаете опять завтра, то я тотчасъ-же отпущу вашу супругу.

М-ръ Казобонъ простеръ свое снисхожденіе до того, что согласился пріѣхать на другой день, особенно, когда молодой художникъ доказалъ ему, что для полного совершенства въ отдѣлкѣ головы Фомы Аквитанскаго необходимъ еще сеансъ. Изображеніе св. Клары требовало также нѣкоторыхъ дополненій. Такимъ образомъ, на слѣдующій день Казобоны пріѣхали вторично. Фома Аквитанскій, сидящій среди учителей церкви и отвлеченный отъ земныхъ преній зрѣлищемъ небснаго видѣнія, такъ понравился м-ру Казобону, что онъ тутъ-же условился въ цѣнѣ этой картины съ Науманомъ. Святая Клара, по словамъ самого художника, оказалась очень неудовлетворительной; онъ никакъ не могъ заранѣе опредѣлить, выйдетъ-ли хорошая картина изъ этого эскиза, поэтому и продажа ея осталась до времени вопросомъ нерѣшеннымъ. Я не буду останавливаться на томъ, какъ Науманъ усердно трунилъ надъ Казобономъ вечеромъ того дня и какими дифирамбами онъ воспѣвалъ красоту Доротея. Виль искренно вторилъ ему, однакожь между ними случались и разногласія: какъ только художникъ осмѣливался разбирать красавицу по частямъ, Виль выходилъ изъ себя; онъ упрекалъ своего пріятеля въ самоувѣренности, въ слишкомъ грубомъ выборѣ словъ, и въ особенности въ дерзости, когда тотъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе на счетъ губъ Доротея. „Это не такая женщина, о которой можно говорить, какъ обо всѣхъ“, воскликнулъ Виль, немѣвній духа высказать своихъ настоящихъ мыслей и потому сильно раздражившійся. А между тѣмъ, давно-ли онъ, согласившись привезти Казобонъ въ мастерскую своего пріятеля, считалъ свою гордость удовлетворенной тѣмъ, что онъ первый доставилъ Науману возможность изучить прекрасныя черты, или скорѣе, божественную красоту м-съ Казобонъ (обыкновенныя выраженія для опредѣленія прелестей своей кузины Виль считалъ недостаточными).

Вотъ-бы удивились жители Типтона и его окрестностей, рав-

но какъ и сама Доротея, если-бы до ихъ свѣденія дошло, что есть люди, восторгающіеся ея наружностію! Въ томъ краѣ и-съ Врукъ слыла только красивой молодой женщиной.

— Сдѣлай милость, Науманъ, перестанемъ говорить объ этомъ предметѣ, воскликнулъ, наконецъ, Виль, прерывая краснорѣчивыя изліянія своего пріятеля. — М-съ Казобонъ нельзя разбирать, какъ натурщицу.

Науманъ вытаращилъ отъ удивленія глаза.

— Schön! Давай толковать о моемъ Фомѣ Аквитанскомъ, отвѣчалъ онъ. — Вѣдь это также типъ не послѣдняго разряда. Я убѣжденъ, что великій схоластикъ будетъ очень польщенъ, если на его портретъ окажется сильный спросъ. Вѣдь эти накрахмаленные ученые доктора страхъ какъ тщеславны! Мнѣ показалось даже, что его гораздо болѣе интересовалъ его собственный портретъ, чѣмъ портретъ жены.

— Это препротивный фать и вмѣстѣ съ тѣмъ педантъ; у него просто рнбья кровь, сказалъ Виль, чуть не скрежеща зубами отъ негодованія.

Слушателю его было неизвѣстно, что онъ многимъ обязанъ и-ру Казобону; но въ эту минуту самъ Виль дорого-бы далъ за возможность сбросить съ себя иго благодарности.

— Хорошо-бы они сдѣлали, если-бы уѣхали поскорѣе изъ Рима, душа моя, замѣтилъ Науманъ, пожимая плечами. — Ихъ присутствіе портитъ твой хорошій характеръ.

Съ этого дня Виль началъ изобрѣтать разныя средства и уловки, чтобы увидѣть Доротею на-единѣ. Онъ ничего другого не добивался, какъ только возможности заинтересовать немного своей личностію Доротею и оставить въ ней хорошее воспоминаніе о себѣ. Его сильно раздражало ея постоянное добродушіе и ровная веселость со всѣми. Ему хотѣлось добиться какихъ-нибудь особенныхъ проявленій чувства: Вилю, какъ всѣмъ мужчинамъ вообще, было-бы пріятно видѣть, что владычица его сердца, съ высоты своего трона, отличаетъ его небольшими знаками вниманія отъ прочей толпы. Но требованія и желанія Вили были полны противорѣчій. Иногда онъ отъ души восторгался, когда прекрасные глаза Доротеи обращались съ тревогой и мольбой къ мужу; ему казалось, что она потеряла-бы часть своей прелести, если-бы была менѣе предана своему долгу. Но

вслѣдъ за тѣмъ онъ выходилъ изъ себя отъ негодованія, видя, съ какимъ ледянымъ равнодушіемъ Казобонъ встрѣчаетъ взгляды жены. Вся кровь Вили кипѣла въ эти минуты и онъ мучился желаніемъ наговорить своему родственнику какихъ-нибудь дерзостей, тогда какъ долгъ чести и благодарности накладывалъ на него печать молчанія.

На слѣдующій день, послѣ перваго сеанса въ мастерской Наумана, Казобоны не приглашали Вили обѣдать. Тѣмъ не менѣе онъ увѣрилъ себя, что обязанъ сдѣлать имъ визитъ, припомнивъ очень хорошо, что единственное время, когда м-ра Казобона можно было не застать дома—это утромъ, передъ обѣдомъ.

Доротей, не замѣтивъ, что мужъ ея остался недоволенъ тѣмъ, что она приняла въ первый разъ Вили въ его отсутствіе, не сочла нужнымъ отказать ему и во второй разъ, тѣмъ болѣе, что этотъ визитъ Вили былъ прощальнымъ визитомъ. Въ ту минуту, когда онъ входилъ въ комнату, Доротея занималась разсматриваніемъ прибора изъ камней, купленнаго ею для Цели. Поздоровавшись съ кузеномъ своего мужа, какъ ни въ чемъ ни бывало, молодая женщина подала ему браслетъ съ камнями.

— Какъ я рада, что вы пришли, сказала она, — можетъ быть, вы знаете толкъ въ камняхъ, посмотрите, хорошъ-ли этотъ браслетъ? Я было хотѣла даже попросить васъ, чтобы вы выбрали ихъ для меня; но м-ръ Казобонъ на это не согласился, говоря, что теперь некогда васъ беспокоить. Его занятія кончатся завтра и мы черезъ три дня уѣзжаемъ, а между тѣмъ я такъ озабочена покупкой камней. Пожалуйста, сядьте поближе и рассмотрите ихъ хорошенько.

— Я не большой знатокъ въ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Виль, — но вижу, что эти маленькія камни съ изображеніемъ гомеровскихъ героевъ—несомнѣнно хороши. Цвѣтъ ихъ великолѣпный, они вамъ будутъ очень къ лицу.

— Да вѣдь я купила ихъ для сестры, а у нея совершенно другой типъ, чѣмъ у меня, возразила Доротея. — Помните, вы видѣли ее въ Ловигѣ? Она блондинка — и прехорошенькая, по крайней мѣрѣ, на мои глаза. Мы съ ней во всю жизнь не разставались такъ надолго, какъ теперь. Это общая баловница, но характера неподобнаго. Она проговорила какъ-то дома, что ей очень-бы хотѣлось имѣть приборъ изъ камней... Жаль будетъ,

если я ошибусь въ выборѣ и куплю не то, что слѣдуетъ, заключила она съ улыбкой.

— А вы, какъ видно, не знаете цѣны камнямъ, сказалъ Виль, садясь недалеко отъ Доротеи и слѣдя за тѣмъ, какъ она запираетъ футляры.

— Откровенно сказать, я не считаю ихъ большой драгоценностью, отвѣчала Доротея.

— Неужели вы еретичка по части искусствъ? Какъ это странно! А я до сихъ поръ воображалъ, что вы сочувствуете всему прекрасному.

— Я большая чудачка, сказала очень наивно Доротея. — Такъ, напримѣръ, я желала-бы видѣть счастливой не только себя, но и каждого человѣка; вотъ почему всѣ эти огромныя затраты на приобрѣтеніе произведеній искусствъ кажутся мнѣ бесполезными и мнѣ больно подумать, что онѣ не служатъ ко благу людей. Все мое удовольствіе отравлено мыслию, что для большинства людей недоступны такія дорогія наслажденія.

— Я называю это фанатизмомъ челоуѣколюбія! пылко воскликнулъ Виль. — Послѣ этого нельзя ничѣмъ наслаждаться— ни природой, ни поэзіей, ничѣмъ изящнымъ! Если-бы вы дѣйствительно держались такого принципа, вамъ-бы слѣдовало сдѣлаться злой, не смотря на то, что у васъ доброе сердце, и стараться заглушить въ себѣ всѣ хорошія качества, чтобы не быть лучше другихъ. А по-моему, высшее назначеніе челоуѣка состоитъ въ умѣнши наслаждаться жизнію, какова она есть. Зачѣмъ намъ портить репутацію нашей планеты—земли? Это чрезвычайно пріятное мѣсто для жизни. Радость просвѣтляетъ челоуѣка. И къ чему всѣ эти вѣчныя заботы о другихъ? Наслаждаться жизнію, искусствами, всѣмъ, чѣмъ хотите — вы этимъ способомъ воздадите должное своему ближнему. Неужели вы хотите превратить все, что юно на свѣтѣ, въ трагическій хоръ, плачущій и проповѣдующій скупость? Право, я начинаю подозревать, что у васъ составилось ложное понятіе о достоинствахъ скупости и что вы намѣрены обречь себя на мученическую жизнь.

Виль почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко и вдругъ остановился. Но Доротея думала въ эту минуту совсѣмъ о другомъ и отвѣчала ему безъ всякаго волненія:

— Вы, должно быть, меня не поняли. У меня вовсе не

грустный и не меланхолическій характеръ. Я не умѣю быть долго несчастной. Я женщина сердитая и упрямая—совсѣмъ не то, что Целія; у меня бываютъ страшныя вспышки, но затѣмъ я снова дѣлаюсь всѣмъ довольна. Слѣпо вѣрить каждому авторитету по части искусствъ я не умѣю. Мнѣ-бы очень хотѣлось наслаждаться здѣсь художественными произведеніями, но ихъ такое множество, что мнѣ кажется — я рѣшительно не понимаю почему,—будто здѣсь выставка скорѣе безобразія, чѣмъ красоты. Очень можетъ быть, что живопись и скульптура въ Римѣ превосходны, но многіе ихъ образцы грубы и циничны, а иногда даже карикатурны. Кой-гдѣ мелькаютъ между ними прекрасныя вещи, производящія на меня такое-же пріятное впечатлѣніе, какъ видъ Албанскихъ горъ или какъ картина захождения солнца съ высоты Пинчіо; но отъ этого еще болѣе начинаешь жалѣть, почему въ такой массѣ разныхъ произведеній, стоявшихъ безконечныхъ трудовъ художникамъ, такъ рѣдко увидишь замѣчательную вещь.

— Вы правы, отвѣчалъ Виль,—дурныхъ произведеній всегда бываетъ больше, чѣмъ хорошихъ, но они-то и готовятъ почву для истиннаго искусства.

— Ахъ! Боже мой! воскликнула Доротея, схватившаяся за эти послѣднія слова, подъ вліяніемъ своихъ мыслей: — я вижу теперь, какъ трудно сдѣлать что-нибудь хорошее. Живя въ Римѣ, я убѣдилась, что если-бы можно было передать на полотно домашнюю жизнь многихъ изъ насъ, то эти картины вышли-бы уродливѣе и страшнѣе, чѣмъ большая часть подобныхъ картинъ, которыя привелось мнѣ видѣть здѣсь, въ Римѣ.

Доротея открыла было ротъ, чтобы продолжать, но вдругъ перемѣнила намѣреніе и замолчала.

— Вы слишкомъ молоды для такихъ мыслей, возразилъ съ энергіей Виль, встряхивая по обыкновенію волосами.—Это анахронизмъ. Вы разсуждаете точно старуха. Васъ вѣрно воспитывали подъ вліяніемъ какихъ-нибудь мрачныхъ легендъ и сказокъ. А теперь васъ запрутъ въ эту каменную тюрьму—Ловикъ! Васъ тамъ погребутъ заживо! Это ужасно! Я съума схожу при одной мысли объ этомъ. Лучше-бы я васъ никогда не видалъ, чѣмъ знать, какое будущее васъ ожидаетъ.

Виль опять оробѣлъ, думая, что высказалъ слишкомъ много,



но смыслъ нашихъ рѣчей очень часто зависитъ отъ тона, которыми онѣ говорятся; въ словахъ-же Виля слышалось такое нѣжное состраданіе, что Доротея, неизбалованная лаской близкихъ ей людей, почувствовала искреннюю къ нему благодарность и, кротко улыбнувшись, сказала:

— Благодарю васъ за участіе ко мнѣ. Вы судите такъ о Ловикѣ потому, что не любите его и потому, что вы ведете совсѣмъ другой образъ жизни, чѣмъ мы. А я сама выбрала Ловикъ и нахожу, что сдѣлала хорошо.

Послѣднія слова Доротея произнесла съ такимъ достоинствомъ, что Виль не зналъ, что ей отвѣтить, такъ-какъ теперь уже неумѣстно было-бы пасть къ ея ногамъ и, цѣлуя ея туфли, объявить, что онъ готовъ за нее умереть. По всему было замѣтно, что она ни въ чемъ подобномъ не нуждалась. Оба собесѣдника помолчали нѣсколько минутъ; затѣмъ Доротея, какъ-бы вспомнивъ что-то, заговорила опять:

— Кстати, я давно уже хочу у васъ спросить о томъ, что вы мнѣ напередъ говорили. Можетъ быть, вы сказали это только по живости вашего характера... Я вообще замѣтила, что вы выражаетесь иногда рѣзко. Впрочемъ, я и сама нерѣдко увлекаюсь, когда спѣшу высказаться.

— Что, что такое я сказалъ? спросилъ Виль, замѣтивъ, что Доротея смутилась. — У меня бѣдовый языкъ: его удержать почти нельзя, когда я вспыхну. Повторите, пожалуйста, я готовъ взять назадъ всѣ свои выраженія.

— Помните то утро, когда мы съ вами говорили о трудахъ моего мужа? Вы замѣтили, что м-ру Казобону, какъ археологу, необходимо знать нѣмецкій языкъ. Я долго объ этомъ думала и пришла къ убѣжденію, что ему нужно непремѣнно имѣть подъ рукой всѣ тѣ матеріалы, которыми руководились германскіе ученые. Не правда-ли?

Смущеніе Доротеи происходило отъ того, что ей было крайне неловко отдавать на судъ третьяго лица недостатки своего мужа, какъ человѣка ученаго.

— На что ему всѣ эти матеріалы? отвѣчалъ Виль, давшій себѣ слово не проговориваться болѣе. — Вѣдь онъ не оріенталистъ, вы сами это знаете. Онъ самъ нерѣдко сознавался, что очень не силенъ въ восточныхъ языкахъ.

— Но вѣдь существуютъ-же древнія сочиненія по части археологій, которыя пользуются большимъ авторитетомъ до сихъ поръ, не смотря на то, что ученые, написавшіе ихъ, понятія не имѣли о послѣдующихъ открытіяхъ. Почему знать, можетъ быть, трудъ м-ра Казобона будетъ имѣть такіа-же достоинства, какъ и эти старинныя книги, произнесла Доротея съ усиленной энергіей. Она чувствовала потребность высказать аргументъ, уже давно созрѣвшій въ ея умѣ.

— Это будетъ зависѣть отъ направленія, которое м-ръ Казобонъ дастъ своему сочиненію, отвѣчалъ Виль тономъ авторитета. — Предметъ его науки такъ-же непостояненъ, какъ химія: новыя открытія порождаютъ безпрестанно новыя взгляды. Кому нужна теперь система, основанная на четырехъ стихіяхъ? Кому нужна книга, написанная въ опроверженіе Парацельса? Развѣ вы не видите, какъ бесполезенъ въ настоящее время трудъ тѣхъ людей, которые тащатся по слѣдамъ ученыхъ прошлаго столѣтія — хотъ Бріани, наприимѣръ, — и поправляютъ ихъ ошибки? Стоитъ-ли рыться въ кладовыхъ съ древностями, чтобы очищать отъ промаховъ кривыя теоріи о Хусѣ и Мизраимѣ?

— Можно-ли относиться къ этому дѣлу такъ легко? сказала Доротея полу-гнѣвнымъ, полу-печальнымъ голосомъ. — Если справедливо, что вы говорите, то какъ не скорбѣть о томъ, что столько ревностнаго труда пропадаетъ даромъ! Если вы тоже убѣждены въ этомъ, то я удивляюсь, какъ вы можете переносить хладнокровно, что м-ръ Казобонъ—человѣкъ такой добрый, умный, ученый, тратитъ понапрасну лучшіе годы своей жизни на бесполезные труды!...

Доротея была задѣта за живое такимъ оборотомъ разговора и мысленно сердилась на Виля за то, что онъ возбудилъ его.

— Но вѣдь мы разсуждали о фактѣ, а не о моихъ чувствахъ, возразилъ Виль. — Если вы желаете наказать меня за то, что я высказалъ вамъ правду, я готовъ покориться. Что-же касается моихъ чувствъ къ м-ру Казобону, то я поставленъ въ такое положеніе, что не могу ихъ объяснить. Это было-бы похоже на похвальное слово ученика учителю.

— Извините меня, пожалуйста! сказала Доротея, вспыхнувъ до ушей. — Я чувствую, что это моя вина, что я навела васъ на этотъ разговоръ; притомъ я отнеслась къ нему ошибочно. Долго-

временный трудъ, кончившійся неудачей, все-таки болѣе достоинъ уваженія, чѣмъ уклоненіе отъ труда изъ страха неудачи.

— Я до такой степени съ вами согласенъ, отвѣчалъ Виль, рѣшившійся дать другой оборотъ разговору, — что принимаю твердое намѣреніе не бояться никакого риска, хотя-бы впереди и ожидали меня неудачи. Великодушіе м-ра Казобона послужило мнѣ во вредъ; я хочу теперь отказаться отъ той свободы, которою онъ позволялъ мнѣ пользоваться до сихъ поръ; я вернусь немедленно въ Англію и начну пробивать себѣ дорогу самъ, стараясь не зависѣть ни отъ кого, кромѣ самого себя.

— Это прекрасно, и я уважаю ваше намѣреніе, произнесла Доротея прежнимъ ласковымъ тономъ. — Но м-ръ Казобонъ руководился постоянно одной цѣлью — вашей пользой.

„А-а! понимаю! подумаль Виль, — если она и не любитъ мужа, то защищаетъ его теперь изъ упрямства и гордости, которыя замѣняютъ ей любовь“.

— Мы ужъ больше съ вами не увидимся, сказалъ онъ, вставая съ мѣста.

— Дождитесь м-ра Казобона, проговорила Доротея. — Я такъ рада, что мы съ вами здѣсь встрѣтились. Мнѣ давно хотѣлось съ вами познакомиться.

— Да, а я съумѣлъ разсердить васъ! Вы будете имѣть дурное мнѣніе обо мнѣ.

— О, нѣтъ! Сестра увѣряетъ, будто я всегда сержусь на тѣхъ, кто иначе глядитъ на вещи, чѣмъ я; но изъ этого не слѣдуетъ, что я должна дурно думать о такихъ людяхъ. Скорѣе всего мнѣ слѣдуетъ осуждать самую себя за то, что у меня такой нетерпѣливый характеръ.

— Положимъ, что и такъ, однако я все-таки увѣренъ, что вы не расположены ко мнѣ и будете вспоминать обо мнѣ съ неприятнымъ чувствомъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, возразила Доротея открытымъ, ласковымъ тономъ: — я васъ очень люблю.

Вилію не понравилось выраженіе, съ которымъ были произнесены послѣднія слова; въ эту минуту ему даже захотѣлось, чтобы Доротея его ненавидѣла. Онъ промолчалъ, и лицо его приняло холодное, чтобы не сказать, мрачное выраженіе.

— И кромѣ того, будущее ваше очень меня интересуетъ, про-

должала весело Доротейя.—Я твердо вѣрю, что въ каждомъ чело-  
вѣкѣ есть свое природное призваніе къ чему-нибудь. Не имѣй  
я этой вѣры, меня можно было-бы назвать ограниченной жен-  
щиной, потому-что я невѣжда по части многихъ искусствъ, не  
считая живописи. Въ музыкѣ, напримѣръ, въ лигературѣ, въ  
которыхъ вы такъ сильны, я очень мало смыслю. Очень любо-  
пытно было-бы знать, какое именно ваше призваніе? Можетъ  
быть, вы сдѣлаетесь поэтомъ?

— Это смотря... отвѣчалъ Виль. — Быть поэтомъ — значить  
имѣть такую воспріимчивую, чуткую натуру, чтобы отъ нея не  
могъ ускользнуть ни малѣйшій оттѣнокъ свойствъ предметовъ и  
воспринимать каждое чувство живѣе, чѣмъ способны на то дру-  
гіе люди. У поэта творчество незамѣтно сливается съ чувствомъ,  
а чувство, въ свою очередь, является новымъ орудіемъ для твор-  
чества. Вдохновеніе-же находитъ на челоуѣка по временамъ...

— Вы забыли упомянуть о способности писать стихи, пре-  
рвала его Доротейя. — Стихотворство — необходимое дополненіе  
своихъ свойствъ поэта. Мнѣ очень понятна ваша мысль о родствѣ твор-  
чества съ чувствомъ, потому что я на себѣ это испытывала. Со  
всѣми тѣмъ, я никогда не могла писать стиховъ.

— Вы сами по себѣ поэма! съ жаромъ воскликнула Виль. —  
Ваше призваніе — вдохновлять собой поэта!..

— Очень рада, если это такъ, сказала Доротейя, засмѣяв-  
шись своимъ серебристымъ смѣхомъ и игриво посмотрѣвъ на  
Вила. — Вы сегодня наговорили мнѣ много пріятнаго.

— Какъ-бы я желалъ всегда говорить вамъ только одно пріят-  
ное, замѣтилъ съ жаромъ Виль. — Всегда быть вамъ полезнымъ,  
хотя-бы въ бездѣлицахъ. Но едва-ли мнѣ представится къ это-  
му случай!

— Почему-жъ нѣтъ? возразила Доротейя. — Можетъ быть, и  
представится. Я, по крайней мѣрѣ, никогда не забуду, что вы  
желаете мнѣ добра. Въ первый день нашей встрѣчи во мнѣ ро-  
дилась надежда, что мы съ вами сдѣлаемся друзьями, тѣмъ бо-  
лѣе, что вы родственникъ м-ру Казобону.

При этомъ на глазахъ Доротейи сверкнули слезы и Виль по-  
чувствовалъ, что вслѣдствіе симпатіи и его глаза сдѣлались  
влажными.

Намекъ на мужа испортилъ-бы Вилу эту отрадную минуту,

если-бы онъ въ это время могъ думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ очаровательной красоты невинной, неопытной женщины, говорившей съ нимъ такъ крѣтко и съ такимъ достоинствомъ.

— Даже и теперь есть къ вамъ просьба и вы можете ее исполнить, сказала Доротея, вставая съ мѣста и пройдясь по комнатѣ подѣ влияніемъ волненія. — Дайте мнѣ слово, что вы никогда, ни съ кѣмъ не станете говорить о работахъ м-ра Казобона, т. е. въ томъ смыслѣ, какъ вы говорили со мной. Повторяю снова, я одна виновата, что навела васъ на этотъ разговоръ и беру всю вину на себя. А съ васъ я беру обѣтъ молчанія. Вы дадите мнѣ его?

Остановившись какъ разъ противъ Виля, Доротея серьезно посмотрѣла ему въ глаза.

— Конечно, дамъ! отвѣчалъ Виль, невольно покраснѣвъ при мысли, что, не смотря на молчаніе, на него налагаемое, ему никто не можетъ запретить ненавидѣть отъ души своего кузена, особенно, когда ему удастся сбросить съ себя всѣ обязательства въ отношенія къ нему. Поэтъ долженъ умѣть ненавидѣть, сказалъ Гете, и Виль былъ готовъ доказать это на дѣлѣ.

— Я долженъ уйдти теперь, не дождавшись м-ра Казобона, сказалъ онъ Доротеѣ, — а съ нимъ я приду проститься передъ самымъ отъѣздомъ.

Доротея подала ему руку и они обмѣнялись короткимъ: „прощайте“!

Но при выходѣ изъ воротъ, Виль встрѣтился съ м-ромъ Казобономъ и послѣдній, пожелавъ юному кузену всего лучшаго, вѣжливо отклонилъ удовольствіе видѣться съ нимъ на слѣдующій день, говоря, что у нихъ пропасть хлопотъ съ приготовленіями къ отъѣзду.

— Мнѣ нужно сообщить вамъ кое-что весьма пріятное для васъ о вашемъ кузенѣ Владиславѣ, сказала въ этотъ вечеръ Доротея своему мужу. Утромъ она также заговорила о Вилѣ съ мужемъ, объявивъ, что онъ только-что ушелъ отъ нея и придетъ завтра опять; но м-ръ Казобонъ прервалъ ее тогда замѣчаніемъ, что онъ встрѣтилъ Виля у воротъ и что они тамъ окончательно простились. Слова эти были сказаны такимъ тономъ, какой обыкновенно употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не желаемъ продолжать начатаго разговора и

вообще относимся къ нему безъ всякаго интереса. Доротеѣ пришлось поневолѣ выждать.

— А что такое, душа моя? спросилъ теперь м-ръ Казобонъ (въ минуту холодности, онъ всегда называлъ жену—душа моя).

— Владиславъ не намѣренъ уже болѣе вести бродячую жизнь, отвѣчала Доротея, — и хочетъ жить своими трудами, безъ вашей помощи. Онъ собирается вернуться въ Англiю, чтобы начать устроить свою карьеру. Я полагаю, что вы сочтете это добрымъ знакомъ, заключила она, ласково посматривая на равнодушное лицо мужа.

— Онъ назвалъ вамъ избранное занятiе, которому намѣренъ себя посвятить?

— Нѣтъ, но онъ находитъ вреднымъ для себя ваше великодушiе къ нему. Впрочемъ, онъ самъ вамъ обо всемъ напишетъ. Не правда-ли, что и намѣренiе перемѣниться есть уже хорошiй залогъ для будущаго?

— Посмотримъ, что онъ мнѣ сообщитъ на этотъ счетъ, замѣтилъ Казобонъ.

— Я говорила ему, что у васъ на первомъ планѣ всегда его польза. Я никогда не забуду вашъ добрый отзывъ о немъ, высказанный—помните, когда я въ первый разъ увидѣла его въ Ловикѣ? Съ этими словами Доротея тихо положила свою руку на руку мужа.

— Я былъ связанъ долгомъ въ отношенiи къ нему, отвѣчалъ, м-ръ Казобонъ, прикрывъ, въ видѣ ласки, своей рукой руку жены, но сохраняя на лицѣ прежнее выраженiе недовольства. — Признаться сказать, онъ только по этому и возбуждалъ во мнѣ интересъ; во всякомъ случаѣ намъ нечего разсуждать о его будущемъ, ради котораго я не перейду границъ, которыхъ я держался до сихъ поръ.

Послѣ этого разговора Доротея уже болѣе не упоминала о Вилѣ.

*(Продолженiе будетъ.)*

## ПОДРАЖАНІЕ АНГЛІЙСКОМУ.

It is the wise, wide world...

О, дайте жизни мнѣ! О, дайте мнѣ страданій!  
Вашъ безпробудный сонъ душѣ невыносимъ,  
О, воротите мнѣ всю скорбь былыхъ рыданій,  
Безумство, бѣшенство—и я отдамся имъ!  
Я такъ любить хотѣлъ, искалъ я страсти жгучей,  
А вы не женщину мнѣ дали—а рабу!  
Такъ чуждъ ей душѣ порывъ любви могучей,  
Въ ней встрѣтила она—свой жребій неминуцій  
И неизмѣнную, всевластную судьбу.  
Примѣръ покорности и рабскаго терпѣнья!  
Рабою мать ея всю жизнь пережила  
И дочь идетъ путемъ безмолвнаго смиренья,  
Какъ подъ вѣнецъ она невольницею шла!  
Когда ужъ нѣтъ любви—хочу я гнѣва, муки,  
Она-жь является послушна и чиста—  
Покорно сложены моей рабыни руки,  
Глаза опущены и замкнуты уста!..

Нѣмое кладбище! Гниютъ живые трупы,  
Ни слова смѣлаго, ни пѣсни огневой;  
Всѣ одинаково торжественны и глупы,  
И мертвый сонъ царитъ надъ этою толпой.  
Такъ тундра дикая, отъ вѣка и до вѣка,  
Лежитъ беззвучная, кругомъ одни спѣга.  
Не возмутитъ ее ни голось человѣка,  
Ни хищной птицы крикъ, ни вольная вьюга.  
Тутъ мѣста нѣтъ живымъ. Уснувшихъ поколѣній  
Безумецъ молодой напрасно не буди,  
Но съ посохомъ въ рукахъ, впередъ, безъ сожалѣній—  
Опять своимъ путемъ въ далекій край иди.  
Оставь семью и домъ. Простись съ своей рабыней  
Не шевельнется въ ней тревога и тоска,  
Иди-жь, иди впередъ, то степью, то пустыней,  
Вѣдь даль передъ тобой—свѣтла и широка.

Д.

# „З О В Е Т Ъ“...

(Записки Семена Долгаго.)

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ.

## XIV.

Хорошъ, надо полагать, былъ я вчера! Помню, я сильно спотынулся, войдя въ комнату и, не снимая ни пальто, ни шляпы, усѣлся въ кресло прямо передъ Катей. Помню, мнѣ сдѣлалось не совсѣмъ ловко, когда она пристально и очень печально посмотрѣла на меня. Я опустилъ глаза, вынулъ изъ жилетнаго кармана часы, долго смотрѣлъ на нихъ, озабоченно поднесъ къ уху и затѣмъ объявилъ, что „ровно полночь“, какъ будто-бы Катѣ или мнѣ было какое-нибудь дѣло до того, двѣнадцать-ли теперь часовъ или два уже, меньше или больше. Далѣе, я снялъ шляпу, тщательно отеръ ее рукавомъ и, между тѣмъ, рассказывалъ плохо-повиновавшимся мнѣ языкомъ, что былъ у Дѣдова, перебравшагося на новую квартиру; что онъ нанимаетъ теперь двѣ комнатки, „очень миленькія“; что кромѣ меня были у Евгенія Николаевича Покоевъ и поручикъ Плусуновъ, произведшій на меня не особенно пріятное впечатлѣніе... Не особенно пріятное впечатлѣніе!.. Не походилъ-ли я со всѣми этими продѣлками и заговариваніями на глупаго страуса, старательно прячущаго свою побѣдную голову и напрасно увѣряющаго себя, что теперь его не видно? Увы, я былъ только гораздо несчастнѣе этой почтенной птицы! Я хорошо понималъ, что мнѣ не удастся спрятаться, что меня очень ясно видятъ, что Катя



недаромъ отвѣчаетъ однимъ молчаніемъ на мои интересныя рассказы, и не безъ причины лицо ея такъ блѣдно, такъ грустно...

Да... „Опускаешься все ниже и ниже“ — заносилъ я недѣлю назадъ въ сію лѣтопись, и, право, пробѣгая эти заключительныя строки, можно было подумать: вотъ человѣкъ, который взглянулъ на себя трезвыми глазами, который понялъ, наконецъ, свое положеніе и, конечно, воскреснетъ, возстанетъ, возьметъ свой посохъ и бодро пойдетъ впередъ съ новыми силами, съ новою вѣрою. Воскреснетъ, возстанетъ!.. Отъ юности моя имѣлъ для меня какую-то особенную привлекательность образъ грѣшника, обратившагося на путь истинный, образъ человѣка падшаго, погибшаго, оплаканнаго и погребеннаго своими друзьями и близкими, и вдругъ, точно чудомъ, поднимающагося на ноги, встающаго изъ праха и грязи... Но увы! это были не больше, какъ мечты и мечты, это была только поэзія и поэзія! Въ дѣйствительности же никогда и ничто не имѣло на меня такого сквернаго вліянія, какъ именно сознаніе своей скверны и своихъ прегрѣшеній. Усматривалъ-ли я когда нибудь, что меня захватываютъ мутныя житейскія волны и уносятъ далеко въ сторону отъ избранной дороги, — не энергія во мнѣ пробуждалась, нѣтъ: мною неминуемо овладѣвало отчаяніе, у меня непрежѣнно являлось почти непреодолимое желаніе закрыть глаза, махнуть на все рукою и — будь, что будетъ. Случалось-ли мнѣ въ былые годы неожиданно узрѣть себя, говоря возвышеннымъ слогомъ, „бездны мрачной на краю“ — она не отрезвляла и не пробуждала меня — нѣтъ: чѣмъ больше я всматривался въ нее, тѣмъ больше и больше кружилась у меня голова, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе тянуло меня туда, внизъ, во прахъ... И если и до сихъ дней не совсѣмъ еще погибъ Семенъ Кулевъ, если и до этой поры не совсѣмъ еще поглотилъ его тотъ мутный житейскій потокъ, въ которомъ погибло не мало нѣкогда дорогихъ его сердцу людей, то не себѣ, не себѣ онъ этимъ обязанъ: спасла и спасала его только сильная дружеская рука, — твоя рука, Елизаръ!..

Да, конечно... *Паденіе, бездна*, — не слишкомъ-ли это тяжеловѣсныя слова въ примѣненіи ко мнѣ? Не чересчуръ-ли мрачно и сурово смотрю я на свою собственную особу? Наведите обо мнѣ справки у тѣхъ добрыхъ людей, которые меня знаютъ, и все скажутъ: Семенъ Кулевъ — честный человѣкъ, Семенъ Ку-

левъ—хорошій человѣкъ. Чадолубивая мать выразить желаніе, чтобы Господь Богъ послалъ ей дочери именно такого мужа, какъ Кулевъ; заботливый отецъ отъ всего сердца пожелаетъ, чтобы и младшіе его сыновья, когда поступать въ школу, нашли въ ней такого-же учителя, какъ многоуважаемый Семенъ Кирилчъ; а молодежь единогласно прибавитъ: душа-человѣкъ этотъ Долгій, славный онъ малый!..

Чего-же тебѣ больше, Семенъ? Подними высоко свою голову и пожинай лавры! Ты всѣмъ другъ; ты, какъ солнце, одинаково расточающее благотворные лучи свои на злыхъ и праведныхъ, пользуешься общою любовью... Чего-же тебѣ больше, чего лучше?..

Но есть нелицепріятные судьи... Есть нѣкій неподкупный судья, чей суровый и грустный голосъ часто слышится мнѣ въ послѣдніе дни. Слышу я его и на шумной улицѣ, когда вокругъ снуютъ люди и стучать экипажи; слышится онъ мнѣ порой и въ тѣ прозаическія минуты, когда, повидимому, очень внимательно слѣжу за урокомъ кого-либо изъ своихъ учениковъ; слышу я этотъ голосъ и теперь, въ эту тихую лѣтнюю ночь, когда загораются звѣзды, когда тихо перешептываются въ саду деревья и вдалекѣ звучитъ вдохновенная пѣсня соловья... И говорить этотъ голосъ, что „кто другъ всѣмъ, у того въ сущности нѣтъ друзей... Кто пользуется всеобщою любовью—и злыхъ, и праведныхъ, — къ тому въ сущности равнодушны всѣ — и овцы, и козлища...“

Ты, по твоимъ-же словамъ, „нѣвій утесъ, водруженный судьбою на берегу житейскаго моря“; но было время, когда въ твоей груди билось живое человѣческое сердце. Было время, когда вопли и стоны пловцевъ, долетающіе до тебя, были для тебя не пустыиъ звукомъ, были сердце-раздирающимъ крикомъ о помощи, не послѣшить на которую ты не могъ. Ты, по твоимъ-же словамъ, философъ-наблюдатель, но было время, когда ты говорилъ, что жизнь—не праздникъ и не представленіе. Ты говорилъ нѣкогда своей незѣстѣ, что жизнь—битва, и ты въ этой битвѣ воинъ. Гдѣ-же твое знамя, воинъ? Или битва кончена и вчерашніе враги протянули другъ другу руки и на землѣ воцарился миръ?..

О, судья неподкупный, судья безпристрастный!... Поникнешь

голова ѿ передъ твоимъ приговоромъ, молча закроешь лицо руками, и нѣтъ возраженій, нѣтъ оправданій...

Враги... Не начинаю-ли я усматривать своего величайшаго врага... въ Елизарѣ?.. Никогда и никто до сей поры не рѣшался въ моемъ присутствіи поднимать его на смѣхъ; никогда и никто не осмѣливался рассказывать при мнѣ какую-либо сплетню о немъ, и если нынѣ это благоразумное молчаніе прекратилось наконецъ, если Дѣдовъ довольно развязно обращается ко мнѣ съ юмористическимъ вопросомъ, что „все-ли обстоитъ благополучно въ головѣ Елизара?“ и „не помѣшался-ли немного Селиверстовъ на своихъ работахъ о меньшей братіи?“ если поручикъ Плясуновъ добавляетъ къ этому, что „говорятъ, жена Селиверстова очень несчастная женщина“—и я отвѣчаю на эти вопросы и замѣчанія снисходительнымъ молчаніемъ,—то какъ назвать мое поведеніе, какъ назвать меня?...

Друзья... Право, я не знаю,—не сдѣлаются-ли въ скоромъ времени моими лучшими друзьями Аляновъ и Плясуновъ?... Меня не мало смущаетъ та мысль, что не пускался-ли я уже и вчера въ нѣкоторую откровенность съ этимъ поручикомъ Плясуновымъ? Не открылъ-ли я ему уже и вчера нѣкоторыя изъ моихъ сердечныхъ тайнъ и печалей?.. Позоръ и позоръ!

Никогда до сей поры не довѣрялъ я этимъ молодымъ людямъ, которымъ лѣтъ двадцать шесть, двадцать восемь,—не больше, и которые однакожъ смотрятъ на все съ такимъ видомъ, какъ будто-бы „извѣданъ, испытанъ ими весь человѣкъ“, какъ будто-бы давнымъ-давно постигли они всю сущность нашей жизни и ничѣмъ уже ихъ не удивишь, ничѣмъ не увлечешь, ничѣмъ не сообразишь съ истиннаго пути. Истинный путь! Интересно-бы было мнѣ знать, что такое „истинный путь“ хотя-бы для этого не-пріятнаго поручика Плясунова? Онъ охотно говоритъ, но ни единой презрѣнной копѣйкой не поручусь я за то, что у него есть слова, выходящія отъ чистаго сердца и безъ всякой задней мысли. Онъ еще охотнѣе слушаетъ и, право, можно подумать, что не даромъ-же человѣкъ выслушиваетъ съ такимъ интересомъ самыя вздорныя мелочи,—что, вѣроятно, пригодится-же ему на что-нибудь вся эта пиному не нужная дрянь, въ родѣ, на-примѣръ, исторіи, вышедшей у Дѣдова съ его прежнимъ квартирнымъ хозяиномъ... Удивительно длинныя, безпокойныя уши! Ка-

кое, повидимому, дѣло было имъ до того, что на имористическiя размышленiя Дѣдова,—не жениться-ли ему ради водворенiя нѣкотораго порядка въ своей жизни и квартирѣ?—я въ томъ-же тонѣ преподалъ ему благой совѣтъ подорожить своей свободой! И однако-же Плясунова заинтересовало это; онъ очень настойчиво допросилъ меня: къ чему-же? Отчего это я такого мнѣнiя о женитьбѣ?

— Да что за охота! лаконически отвѣчалъ я.

— Странно! Женатый человѣкъ и — возстаетъ противъ женитьбы! удивился онъ.

— Что касается меня, я не раскаяваюсь въ томъ, что женился,—но *ему* не совѣтую слѣдовать по моимъ стопамъ, довольно сухо пояснилъ я.

— Все-таки странно. Не раскаявается и вмѣстѣ съ тѣмъ не совѣтуетъ! вслухъ размышлялъ онъ, не сводя съ меня своихъ подсматривающихъ, любопытныхъ глазъ.

Смутно припоминается мнѣ, что втеченіи вечера онъ не разъ еще возвращался стороною къ этому предмету,—и сильно тревожить меня,—не наговорилъ-ли я потомъ много лишняго, не вырвалось-ли у меня какихъ-либо обмолвокъ и намековъ, не испускалъ-ли я и тамъ тяжелыхъ, глухихъ вздоховъ? Этого еще не доставало! Мнѣ, конечно, рѣшительно все равно, что-бы обо мнѣ ни говорили и какими-бы глазами на меня ни смотрѣли, но, я полагаю, что это дѣло затрогиваетъ не столько меня, сколько ни въ чемъ неповинную Катю. Пойдутъ разсужденiя, сплетни, развѣдыванiя; потянутся къ нашему крыльцу кумушки, знакомыя, родственницы; придется ей, можетъ быть, выслушать даже нѣкоторыя наставленiя... Вотъ онъ, вотъ онъ, этотъ мутный житейскій потокъ, тихонько поднимающійся все выше и выше.

## XV.

Цѣлыхъ два часа просидѣлъ я у окна, прислушиваясь къ разговору, шедшему на дворѣ около колодца и появляется теперь у меня вопросъ, что Катя не сестра-ли Елизару? Не одна-ли кровь течетъ въ ихъ жилахъ? Что касается крови, то, конечно, все это вздоръ и пустое украшенiе слога, но что Ка-

тя—родная сестра Елизару по духу, по мыслямъ, по своимъ симпатіямъ, — въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Что, подумаешь, ей до этой Дуни, чуть-ли не вчера случайно попавшей къ намъ въ домъ и, можетъ быть, завтра-же, по волѣ своей матери, готовой оставить насъ? Что Катя до этой неуклюжей деревенской дѣвочки, съ огромными руками и ногами, съ простоватымъ, толстымъ лицомъ? Великое горе! Стосковалась глупая дѣвочка по своей заброшенной деревнѣ, стосковалась по своимъ роднымъ полямъ и лугамъ, по своей деревенской, тяжелой работѣ, по своей почернѣвшей избенкѣ,—стосковалась и плачетъ, плачетъ потихоньку, забившись въ уголокъ двора, за бревна... Великое горе! Глупая ты, глупая! насмѣшливо скажутъ добрые люди.

И ни одного пустого, такъ называемаго „слова утѣшенія“, не произнесла ей Катя; не прибѣгала она и ни къ какимъ „наставленіямъ“, столь общепринятымъ въ подобныхъ случаяхъ; нѣтъ, заговорила она о той же самой деревнѣ, о которой плакала дѣвочка, спрашивала о ея семьѣ, о маленькихъ братишкѣхъ и сестренкѣхъ, о домашнемъ хозяйствѣ и работахъ... И полились у Дуни нескончаемые рассказы, какой у нихъ пожаръ былъ прошлымъ лѣтомъ, какъ недавно дѣвочка утонула у нихъ въ рѣчкѣ, какое у нихъ неисчерпаемое богатство грибовъ въ лѣсу и ягодъ за рѣкой, какія веселыя работы въ деревнѣ сравнительно съ городскими... Сердцемъ своимъ хорошимъ поняла Катя, что не столько, можетъ быть, о деревнѣ своей скучаетъ дѣвочка, сколько тяготитъ ее одиночество въ этомъ лѣсу, въ этомъ городѣ, гдѣ не съ кѣмъ ей перемолвиться словомъ, не съ кѣмъ отвести душу, ибо всѣ чужіе и никому до нея нѣтъ дѣла. И знаю я, что нынче спокойно заснетъ Дуня, и будутъ ей сняться золотые, веселые сны, и завтра она уже бодрѣе взглянетъ на мѣръ божій.

Еще друга вѣрнаго, честнаго, преданнаго, приобрѣла ты себѣ, Катя. Я знаю, не мало ихъ у тебя. Я хорошо знаю, какаѣ таинственная незнакомка нерѣдко появляется въ бѣдныхъ лачугахъ, въ которыхъ только-что побывала смерть или другая, по видимому, неотвратимая бѣда. Недавно мнѣ извѣстно стало, на какія средства воспитываются въ нашей гимназіи двѣ малень-

нія, блѣдненькія дѣвочки, о которыхъ всѣ говорили годъ назадъ, что онѣ неминуемо должны погибнуть, какъ заброшенныя собачонки... Каждый день появляются у насъ совершенно мнѣ неизвѣстныя, но, какъ видно, хорошо знакомыя „Катеринѣ Александровнѣ“ печальныя, плохо одѣтыя женщины, прибѣгающія къ ней за лекарствами для самихъ себя, для своихъ дѣтей и мужей, за какимъ-нибудь совѣтомъ, наконецъ, съ просьбой прочесть или написать „письмецо...“ „Матушка“, „родная наша“, „голубушка“, — таковы выраженія, въ которыхъ говорятъ о Катѣ эти женщины, сидя толпою на крылечкѣ или у колодца, пока „голубушка“ занята уже кѣмъ-нибудь.

— Неужели-же я въ самомъ дѣлѣ должна лечить всѣхъ ихъ? Развѣ это не шарлатанство? полусмѣясь, полусомнѣваясь и волнуясь, спрашивала она не разъ меня и Елизара.

— Не знаю, не знаю, насколько тутъ шарлатанства, постоянно отвѣчала Елизаръ. — Я думаю, онѣ хорошо дѣлаютъ, что идутъ къ вамъ, а не къ нашимъ настоящимъ лекарямъ...

Извѣстно мнѣ также и то, на какія средства и подъ чьимъ руководствомъ устроилась нѣсколько мѣсяцевъ назадъ маленькая артельная мастерская, установившаяся въ настоящее время уже довольно прочно.

— Ну, вотъ, сказала недавно Катя, — у нихъ есть теперь довольно вѣрный кусокъ хлѣба, — что-же дальше?..

*Что дальше?* Вотъ въ чемъ разница между Елизаромъ и Катей. Елизару никогда, кажется, не представляется этого рокового вопроса; Елизаръ точно будто даже недоумѣваетъ, какъ это люди могутъ задумываться надъ тѣмъ: что дѣлать? что дальше? Онъ такъ-же спокойно и твердо шествуетъ своей дорогой, какъ другіе ходятъ по комнатѣ, хорошо имъ знакомой; а Катя — не то, — жизнь ея идетъ точно въ лихорадкѣ, порывами: ея напряженною дѣятельностью наступаетъ уныніе; одушевленіе смѣняется только-что не отчаяніемъ... И такъ во всемъ.

Сегодня она просиживаетъ ночи за книгами, интересуется газетами, ведетъ большую переписку, а завтра книги отправляются въ шкафъ, газеты валяются нераспечатанными, Катя моя со вздохомъ говоритъ: „что изо всего этого“? — и, блѣдная, грустная, принимается за вышиванье или какую-нибудь подобную „глупую“, какъ она сама выражается, работу.

Нынче она приметъ самое горячее участіе въ какой-нибудь злополучной Софѣ Михайловнѣ, нанячтся съ нею, мечтаетъ вывести ее на свѣтъ божій, а потомъ въ одинъ прекрасный день закроетъ глаза своими худенькими, длинными пальцами, поникнетъ головой и скажетъ: „Господи! какое все это ребячество! Какъ все это гадко“!

Сегодня еще она охотно посѣщаетъ своихъ знакомыхъ и любезно принимаетъ ихъ у себя, благодушно разсуждая, что они „все-таки добрые люди, все-таки добрыя женщины“, а завтра уже, когда къ нашему крыльцу подѣдетъ экипажъ какой-нибудь ни въ чемъ невинной Антонины Сергѣевны или Марфы Борисовны, Катя ломаетъ потихоньку руки, поднимаясь на встрѣчу гостѣ и съ отчаяніемъ шепчетъ: „Боже мой, Боже мой! Оставить-ли они меня въ покоѣ? За что они меня мучатъ? Куда мнѣ убѣжать отъ нихъ?...“

Только-что, три, четыре часа назадъ, шутя и смѣясь собиралась она въ клубъ или на вечеръ, дурачасъ убирала свои черные волосы цвѣтами и спрашивала меня идетъ-ли къ ней это убранство; только-что танцевала она и беззаботно болтала, окруженная молодежью, и вдругъ, какъ по какому-то таинственному знаку, — исчезаетъ ея веселье, исчезаетъ беззаботность, на лбу появляется тоненькая, злобѣщая морщинка, въ глазахъ засвѣчивается грусть, недовольство, около губъ складываются какія-то суровыя, горькія складки, и Катя тихо подходитъ ко мнѣ и шепчетъ на ухо: „поѣдемъ, пожалуйста, домой“.

— Что съ тобой? спрашиваю я тревожно.

— Ахъ, надоѣло... противно... Поѣдемъ, ради Бога, домой...

И такъ во всемъ. Не надоѣдаютъ ей и никогда не бываютъ въ тягость только эти босоногія и злополучныя женщины, что каждодневно идутъ къ ней съ своими бѣдами и печальми. Даже больше: нападетъ-ли, бывало, на нее хандра или скука; омрачитъ-ли, бывало, какал-либо тучка наше бывшее семейное счастье, — Катя чуть не на цѣлые дни пропадаетъ изъ дому и, я знаю, съ какими друзьями отводитъ она свою душу, я знаю, въ какихъ лачугахъ проводитъ она эти долгіе часы... Не надоѣдаютъ и не бываютъ ей въ тягость эти люди, но изъ этого во все не слѣдуетъ, чтобы она была съ ними счастлива, чтобы она дышала легко и свободно въ ихъ мрачныхъ жилищахъ. Я пом-

ню; недѣлю назадъ, Катя возвратилась домой отъ этихъ своихъ „друзей“ блѣдная, взволнованная; только-что начала рассказывать, гдѣ была, какія печальныя сцены видѣла и вдругъ закрыла лицо руками и зарыдала горькими, безнадежными слезами.

— Зачѣмъ я такая бессильная, неумѣлая? восклицала она.— Гдѣ мнѣ взять этой силы?... Больше силы!... Зачѣмъ погибло бесплодно мое дѣтство?

И когда я началъ утѣшать ее, когда я началъ говорить ей самыя нужныя слова, какія только могъ придумать, она подняла на меня свои заплаканные глаза, сверкающіе слезами, и рѣзко сказала:

— Зачѣмъ ты, ты покинулъ меня?... Не говорилъ-ли ты прежде, что у насъ одна дорога?...

Да, зачѣмъ? Какъ могло случиться это грустное обстоятельство?... Когда и какъ произошло у меня это тихое примиреніе со всѣмъ, противъ чего я когда-то боролся?... Не сонъ-ли это,— продолжительный и болѣзненный сонъ?

## XVI.

Да, странно, странно устроено человѣческое сердце!

Ну, какое мнѣ, подумаешь, дѣло до моего великаго открытія, если только я дѣйствительно сдѣлалъ открытіе, а не впадаю въ самое грубое заблужденіе? Вопросъ для меня заключается, я полагаю, не въ томъ, что любить-ли Елизава Катю, а въ томъ, что она любить его. И однакоже, когда я открылъ сегодня или, вѣрнѣе говоря, когда мнѣ показалось, что я открылъ тайну Елизара,—на сердцѣ у меня сдѣлалось такъ легко, какъ давно уже не бывало, и если смущаетъ меня что-нибудь, такъ это единственно то, что не ошибаюсь-ли я, не иду-ли по совершенно ложному слѣду?

Конечно, все можетъ быть. Въ саду было довольно темно, фонари разливали не особенно надежный свѣтъ, въ говорѣ толпы и подъ тихій шумъ деревьевъ голоса звучать какъ-то совсѣмъ иначе; но все-таки,—это совершенно особенное и непередаваемое восклицаніе Елизара „вы здѣсь!“ когда она дотронулась до его



плеча,—это опять-таки совершенно особенное, нѣжное выраженіе, мелькнувшее въ его глазахъ, этотъ предательскій румянецъ, вспыхнувшій на его лицѣ... Нѣтъ, нѣтъ, что-нибудь одно: или эта загадочная особа имѣетъ нѣкоторую власть надъ сердцемъ Елизара, или-же я ровно ничего не понимаю въ этой любопытной книгѣ, которая называется человѣческимъ лицомъ. Правда, что все это были едва замѣтныя черточки; правда, что Елизаръ сейчасъ-же сдѣлался прежнимъ Елизаромъ, смотрѣлъ, пожалуй даже серьезнѣе и суровѣе обыкновеннаго, говорилъ холоднѣе и сдержаннѣе, чѣмъ говорить въ другое время и съ другими людьми, но что-жъ изъ этого? Обстоятельство это можетъ скорѣе усилить мои подозрѣнія, чѣмъ ослабить ихъ. Да; но если они не лишены нѣкотораго основанія, если Елизаръ дѣйствительно отдалъ свое сердце этой загадочной особѣ, то... бѣдная моя сестричка, бѣдная Варвара Алексѣевна!..

Вѣра Николаевна Лаврская... Желалъ-бы я знать, что такое особенное и заинтересовывающее есть въ наружности этой женщины? Изыщное-ли спокойствіе ея нѣсколько гордой фигуры? Своеобразная-ли красота ея неправильнаго, но чрезвычайно симпатичнаго, милого лица? Изумительная-ли выразительность ея очень красивыхъ, сѣрыхъ глазъ, полныхъ ума и отличающихся еще тѣмъ, что задумается-ли она или смѣется, говоритъ-ли серьезно или шутить, вѣчно свѣтится въ нихъ какая-то полуспрятавшаяся грусть?

Вѣра Николаевна Лаврская... Вѣра Николаевна Лаврская... Но чѣмъ лучше я припоминаю себѣ все, что слышалъ о ней въ разные времена и отъ разныхъ лицъ, тѣмъ меньше, кажется, представляется для меня возможности составить какое-нибудь понятіе о ней, о ея характерѣ, мысляхъ и жизни. О, родъ людской! Я не помню кто именно увѣрялъ меня, что Вѣра Николаевна очень больная, раздражительная и нервная особа, но съ другой стороны ясно сохраняется въ моей памяти тотъ вечеръ, когда достопочтенный студентъ медицины Сѣргѣй Александровичъ Каравановъ, въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ дававшій уроки ея племяннику, со вздохомъ говорилъ между прочимъ, что не часто встрѣчаются такія неутомимыя, такія дѣятельныя, такія здоровыя душой и тѣломъ женщины, какъ она. Не тетушка-ли моя, Дарья Андреевна, рассказывала, что рано лишившуюся ма-

тери Вѣру Николаевну совсѣмъ избаловала ея бабушка, попуская ребенку жить какъ хочетъ и дѣлать—что вздумается? А Каравановъ съ своей стороны передавалъ, что годы проведенные ею у бабушки были очень невеселые годы, что „старуха“, нигде не выѣзжавшая, почти ни съ кѣмъ не видѣвшаяся, сама полупомѣшанная на изученіи иностранныхъ языковъ, да и ребенка заставлявшая по пяти, по шести часовъ въ день просиживать надъ нѣмецкой или англійской грамматикой, ни въ какомъ случаѣ не могла быть добродушной баловницей... Не слышала-ли я десять разъ и отъ десяти человѣкъ, что Лаврская женщина бездушная, женщина эгоистичная, женщина съ самымъ черствымъ сердцемъ? Но помнится мнѣ, хорошо помнятся задушевные слова незабвеннаго Сергѣя Александровича, что если ужъ ему предназначено немилосердною судьбою дожить до ветхой старости со всякими немощами и недугами ее сопровождающими, то объ одномъ лишь молить онъ небо: да низпошлетъ оно ему такую-же нѣжную, кроткую, любящую дочь, какую дало отцу Вѣры Николаевны. Кто правъ, кому вѣрить? Не рассказывали-ли одни самымъ положительнымъ тономъ, что Лаврская была очень несчастлива замужемъ и не приходилось-ли мнѣ чуть не на другой-же день слышать отъ другихъ, что она и по сіе время не можетъ равнодушно вспомнить о ~~жюкойномъ~~ *горячо ея любимомъ*? Не говорили-ли одно время многія очень почтенныя особы, что Лаврская... Лаврская... имѣетъ какія-то совершенно своеобразныя понятія о нравственности, не стѣсняется, на примѣръ, являться одна на гулянья или посѣщать одиноко живущихъ молодыхъ людей, ея знакомыхъ? Но когда я однажды только попробовалъ заикнуться объ этихъ толкахъ Караванову, онъ вспыхнулъ, поблѣднѣлъ, поднялся...

— Кто смѣетъ говорить это? А? было его грознымъ отвѣтомъ.

— Успокойся; женщины, отвѣчалъ я ему.

— Женщины... женщины... Развѣ здѣсь есть женщины кромѣ нея? заворчалъ онъ, усаживаясь, и сейчасъ-же самъ засмѣялся надъ своимъ гнѣвнымъ измышленіемъ.

Куда-то запропалъ ты, вѣчно душа нараспашку, вѣчно веселый, никогда не унывающий, случайный гость нашъ, дружище Каравановъ? Клятвенно увѣрялъ ты меня, что сердце твое на

имѣствъ и въ покоѣ, что ты только „глубоко уважаешь и считаешь“ Вѣру Николаевну, „ни больше, ни меньше“, но никогда не вѣрилъ я тебѣ въ этомъ единственномъ и исключительномъ случаѣ, не могу повѣрить и теперь, припоминая, какъ день-отодня становился ты пасмурнѣе, безпокойнѣе и раздражительнѣе, чѣмъ больше приближался часъ твоего отъѣзда отъ насъ и отъ нея. И когда, наконецъ, насталъ онъ, этотъ часъ прощанія, когда городъ почти уже исчезъ изъ нашего вида, блистая въ отдаленіи куполами и крестами церквей, когда ямщикъ перекрестился на нихъ и забралъ возжи, когда ты протянулъ мнѣ въ послѣдній разъ руку, — я видѣлъ, какія судороги и тѣни пробѣжали по твоему честному, загорѣлому лицу... Нѣтъ, нѣтъ, дружище, не вѣрю я, чтобы сердце твое было дѣйствительно совершенно на имѣствъ, не вѣрю и потому еще, что ужь слишкомъ много говорилъ ты о Вѣрѣ Николаевнѣ и видимо любилъ побесѣдовать о ней... Доводилъ ты до моего свѣденія и то, что она знаетъ три или четыре иностранныя языка, „какъ никто другой“; общалъ и то, что она имѣетъ какое-то пристрастіе къ темнымъ цвѣтамъ въ своемъ костюмѣ; не умалчивалъ ты и о томъ, что тебя, гордившагося своимъ „презрѣднымъ“ знаніемъ новѣйшей исторіи, не разъ и не два уличала она въ немаловажныхъ промахахъ; извѣстно мнѣ черезъ тебя и то, что она много читаетъ, переводитъ, основательно знаетъ музыку...

— Но что-же она *дѣлаетъ*? интересовался я.

— Что дѣлаетъ? Да что-же ей дѣлать?! Скажи мнѣ, пожалуйста, что ей дѣлать? Ты чрезвычайно обяжешь ее этимъ, горячился онъ, какъ-будто-бы я имѣлъ намѣреніе обидѣть его.

— Ну, по этому вопросу лучше всего обратиться къ Елизару, уклончиво отвѣчалъ я.

— Да, да, знаю, ворчалъ онъ.—По словамъ Елизара Никитича дѣло на каждомъ шагу валается... Хорошо ему...

Я не знаю, чѣмъ это было „хорошо“ Елизару, но, какъ видно, онъ давно уже интересовалъ своей особой Вѣру Николаевну. Помнится мнѣ, что не задолго до отъѣзда Караванова, надо полагать, единственно по милости жаркаго и сухого лѣта, у насъ начались постоянные пожары, вспыхивавшіе одинъ за другимъ и днемъ и ночью. Пошли, по обыкновенію, мрачнѣе слухи, появились подметныя письма, на базарахъ говорилось о

„поджигателях“, по ночамъ расхаживали по улицамъ обывательскіе караулы, грозно обликавшіе встрѣчныхъ: „кто идетъ? кто идетъ“? но пожаровъ все-таки не остановившіе. На улицахъ у воротъ можно было во всякое время видѣть кучки мужчинъ и женщинъ, озабоченныхъ, мрачныхъ, унылыхъ; въ церквахъ никогда, я полагаю, не бывало столько молещичковъ, какъ именно въ это смутное время; на заѣзжихъ и прохожихъ никогда, навѣрное, не смотрѣли такъ косо и подозрительно. И въ эти-то несчастные дни впервые появился у насъ бѣдный Иванъ Ивановичъ. Тощій и длинный, въ нанковомъ коротенькомъ сюртукѣ на плечахъ, съ неизмѣннымъ сверткомъ бумагъ подъ мышкою, съ коротко-остриженной черною головою, съ неподвижными на выкатъ глазами, свѣтящимися страннымъ бѣловатымъ свѣтомъ, неизмѣнно присущимъ взгляду всѣхъ помѣшанныхъ, — бродилъ онъ по площадямъ и перекресткамъ и, поднимая къ небу свою костлявую руку, проповѣдывалъ...

— Чась суда насталь!... Подобно древнимъ Содому и Гоморрѣ, городъ долженъ погибнуть за свои неправды, беззаконія и притѣсненія!... Останется отъ него только смрадъ и пепель! говорилъ онъ.

На слѣдующую ночь загорѣлись огромныя строенія купца Титова, ведущаго не малую торговлю хлѣбомъ. Дулъ сильный вѣтеръ; искры и головни точно огненные птицы носились по воздуху; окрестныя улицы были запружены народомъ, окончательно разсвирѣпѣвшимъ. Но какое дѣло было до всего этого Ивану Ивановичу?... Я думаю даже, что и мѣсто, и время, и настроеніе толпы представлялись ему самыми удобными для его проповѣди.

— Не его горить, а чужое! восклицалъ онъ, продираясь сквозь народъ.—Зачѣмъ тушить? Не нужно тушить!...

„Зачѣмъ тушить!“ когда съ минуты на минуту можно было ожидать, что огонь переброситъ на Архангельскую улицу, населенную этими самыми мастеровыми, фабричными, заводскими, стоявшими и шумѣвшими вокругъ него! „Не нужно тушить!“ когда вся эта толпа дрожала, что вотъ-вотъ останется безъ крова съ своими дѣтьми и женами! Не мудрено, если по всѣмъ этимъ темнымъ волнамъ покатылся подозрительный, потомъ грозный ропотъ и все росъ, уснадивался...

— Въ огонь!... Въ огонь его! слышались голоса.

Во мракѣ ночи толпа заколыхалась, двинулась, слышались стоны и охи сшибенныхъ съ ногъ или сдавленныхъ, крики слились въ одинъ общій дикій ревъ... Да, нужно было быть Елизаромъ, нужно было, чтобы вся эта толпа знала его голосъ, знала его самого, чтобы остановить страшное дѣло, готовое совершиться!

— Что вы дѣлаете?... Давно-ли вы стали убивать сумасшедшихъ?... Стойте, я вамъ говорю! слышался этотъ властный, могучій, горами двигающій голосъ, который не разъ слыживалъ я и прежде въ дыму пожаровъ и въ шумѣ бурь.

— Уведите его кто-нибудь изъ фабричныхъ! Ко мнѣ уведите! сказалъ онъ черезъ минуту.

Я своими глазами видѣлъ всю эту сцену, своими ушами слышалъ всѣ тѣ немногія слова, которыя передаю здѣсь, и, повторяю, одинъ Елизаръ могъ это сдѣлать, одинъ и никто больше...

— Желалъ-бы, желалъ-бы я быть на его мѣстѣ! съ видимою завистью сказалъ на другой день Каравановъ, завернувъ ко мнѣ, и, надо полагать, онъ имѣлъ какія-нибудь особенныя причины завидовать Елизару.

## XVII.

И опять я переживаю нѣчто похожее на то настроеніе, какъ будто-бы послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни я поднялся, наконецъ, на ноги. Пришлось еще разъ!.. Опять пробуждается во мнѣ жажда работы и работы... Горячо принялся я хлопотать о задуманной Елизаромъ къ осени бесплатной школѣ; охотно взялъ я на себя и нѣкоторые другіе изъ его безчисленныхъ дѣлъ и много его этимъ удивилъ, еще больше обрадовалъ и, конечно, опять поселилъ въ немъ надежду, что Семенъ Долгій не совѣмъ еще покинулъ его знамя. Иначе отношусь я нынче къ своимъ урокамъ, и опять мои маленькіе ученики и ученицы начали смотрѣть на меня не какъ на скучнаго учителя, посланнаго имъ въ наказаніе за ихъ маленькіе грѣшки, а скорѣе какъ на добраго друга. Иначе держу я себя нынѣ съ Катей; ныне разговоры по-

явились у меня съ нею, и снова теплое, дружеское, хотя, по правдѣ сказать, очень грустное чувство вижу я въ ея взглядѣ, когда онъ обращается на меня; снова крѣпко пожимаетъ она мою руку, когда я ухожу изъ дому.

Все это прекрасныя новости; это очень хорошая страница въ моей лѣтописи, но... грустно мнѣ, очень грустно; и тоскливо сжимается мое сердце, когда оконченъ рабочій день, поконченъ дневныя дѣла и возвращаешься усталый къ своему домашнему очагу. Пусто и невесело у него. Кажется, буря пронеслась надъ нимъ, кажется, смерть побывала въ моемъ домѣ и унесла дорогое для меня существо, и остался я одинокій, покинутый, и плакать мнѣ хочется при воспоминаніи о минувшихъ, счастливыхъ дняхъ...

На дняхъ Кати, возвратившись отъ Елизара, спросила меня:

— Вѣра Николаевна Лаврская—это та самая, о которой говорилъ Каравановъ?..

— Та самая, отвѣчалъ я.—Ты видѣла ее у Елизара?

— Да... видѣла, разсѣянно сказала она.

— Какое-же впечатлѣніе она произвела на тебя? не совсѣмъ твердымъ голосомъ освѣдомился я.

Сначала она, вмѣсто отвѣта, тихо и задумчиво покачала головой, потомъ прибавила, что „должно быть добрая женщина,“ — затѣмъ ушла и долго ходила по своей комнатѣ, безпрестанно мѣнялась въ лицѣ, иногда сжимая свои блѣдныя, тонкія руки и, кажется, совсѣмъ забывъ о присутствіи почти подлѣ нея нѣкоего другого человѣка, печально слѣдившаго за нею черезъ растворенную дверь.

Кажется, что она поняла, наконецъ, давно народившееся въ ней чувство къ Елизару, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ ней совершается тяжелая, очень тяжелая борьба... Такъ разсѣянна стала Катя съ этого дня, какъ никогда еще не бывала. Всякое дѣло валится у нея нынче изъ рукъ, чего еще никогда до сихъ дней не случалось съ нею, всегда находившей въ работѣ и дѣятельности облегченіе отъ всяческихъ невзгодъ и печалей.

## XVIII.

Ахъ, тетушка, тетушка! Конечно, мнѣ не за что особенно винить ее;—я хорошо понимаю, что въ этомъ случаѣ она была не больше, какъ послѣднею каплею, переполнившю чашу,—маленькою, ничтожною каплею, но все-таки, кто знаетъ, если-бы не было этой капли, дѣла, можетъ быть, приняли-бы совсѣмъ иной оборотъ. Все могло быть, все могло быть и во всякомъ случаѣ было-бы выиграно время, которое не даромъ называется всемогущимъ.

Но такую ужъ видно роль въ моей жизни суждено играть тетушкѣ. Нѣтъ и не будетъ, кажется, другого человѣка, который такъ пламенно желалъ-бы мнѣ всяческаго добра и благополучія, такъ неизмѣнно заботился-бы о моемъ счастьи и такъ постоянно, такъ часто омрачалъ и разстроивалъ-бы его,—какъ Дарья Андреевна.

Еще въ отдаленныя времена моего дѣтства, приходилось-ли мнѣ поплатиться за какую-нибудь изъ моихъ безчисленныхъ ребяческихъ провинностей,—никто не заступался за меня такъ горячо передъ моимъ вспыльчивымъ отцемъ, какъ именно „тетушка Дарья“, и постоянно она только усиливала мое наказаніе, ибо въ заступничествѣ ея отецъ мой усматривалъ лишь новое доказательство того, что меня „слишкомъ, слишкомъ балуютъ“...

Низпадало-ли на меня въ тѣ времена какое нибудь несчастіе, горе или обижали меня „злые люди“, никто такъ не старался осушить мои слезы и превратить ихъ въ веселую улыбку, какъ все она же, неизмѣнная тетушка Дарья, и всегда-то ненавшая ни въ чемъ мѣры, она только больше раздражала меня и усугубляла мои страданія. Въ бытность мою въ университетѣ не пропускала она почти ни одной okazji, чтобы не переслать мнѣ препорядочной посылки со всевозможнымъ бѣльемъ или полотномъ, съ разными шарфами и вязаньями ея собственнаго произведенія; а когда приближались праздники, Рождество или Святая, —я такъ и зналъ уже, что изъ отдаленной провинціи навѣрное идетъ ко мнѣ сѣренькій, за пятью печатами, пакетъ съ неразборчивымъ и малограмотнымъ адресомъ, начерченнымъ пухлою рукою Дарьи Андреевны Сырцовой.

Да, часто выручала она меня и изъ затруднительнаго положенія и изъ бѣды даже. Я люблю ее, но не разъ приходилось мнѣ и опять приходится думать, что не лучше-ли было бы для меня, если-бы я не имѣлъ этой любвеобильной тетушки, если-бы не опирался я такъ часто во времена моей юности на ея руку? Не приучился-ли-бы я тогда тверже стоять на своихъ ногахъ? Не она-ли хоть отчасти, виновата въ томъ, что моя жизнь имѣеть большое сходство съ труднымъ путешествіемъ пьянаго, дѣлающаго шагъ впередъ и два шага назадъ или въ сторону? Не ея-ли, между прочимъ, вліянію и воспитанію обязанъ я тѣмъ, что годы и годы приходилось и приходится мнѣ посвящать лишь на то, чтобы поправить испорченное и навестать потерянное? Я знаю, многіе назовутъ это неблагодарностью, самую черною неблагодарностью, но, право, я желалъ-бы, что-бы они влѣзли въ мою шкуру и стали на мое мѣсто...

Когда я увидѣлъ сегодня, возвращаясь домой, стараго откормленнаго рыжаго „Васку“, выѣзжающаго потряхивая головой, изъ нашихъ воротъ, увидѣлъ широкую спину Дарьи Андреевны, обтянутую сѣренькой тальмой и черныя ленты, развѣвающіяся около ея шеи, признаюсь, у меня, какъ говорится, стукнуло сердце и кровь бросилась въ лицо. Я напередъ зналъ, о чемъ именно она бесѣдовала съ Катей. Для тетушки нѣтъ во всемъ мірѣ другого такого добрѣйшаго, честнѣйшаго и вообще лучшаго человѣка, чѣмъ Семенъ Кулевъ. Семенъ Кулевъ, по ея мнѣнію, всегда правъ; онъ рѣшительно неспособенъ самъ по себѣ ни на что дурное; и если онъ началъ опускаться, если онъ одно время negliжировалъ своими уроками, если онъ сталъ по временамъ, какъ говорятъ, неумѣренно прибѣгать къ рюмкѣ, если онъ, играя недавно съ нею, тетушкою, въ пикетъ, разсѣянно объявилъ „четырнадцать королей“, „шестнадцать червей отъ короля“ и еще что-то, когда у него не было ни того, ни другого, ни третьяго, то причиною всему этому „люди“, „другіе“, неумѣющіе цѣнить его какъ слѣдуетъ... И какъ-же она не позаботится о его благополучіи и не постарается, по мѣрѣ силъ своихъ, поправить испорченное? Не священнѣйшій-ли это долгъ ея,—переговорить съ Катей и разъяснить ей истинное положеніе обстоятельствъ? Все это такъ, все это въ порядкѣ вещей.



Я нашелъ Катю въ саду. Она шла на встрѣчу ко мнѣ съ противоположнаго конца длинной аллеи; заходящее солнце роняло сквозь вѣтви и листья свои прощальные лучи на ея милое лицо и мнѣ казалось, что оно очень блѣдно, что улыбка, которою она меня встрѣчала, — печальная, болѣзненная, напряженная улыбка...

— Это, кажется, тетушка была? съ тревогой спросилъ я.

— Тетушка, отвѣчала она, крѣпко пожавъ мою руку и удержала ее въ своей рукѣ.

— Я боюсь, она наговорила тебѣ не мало глупостей и наставленій?..

— Глупостей, повторила она, тихо покачавъ головой. — Нѣтъ, не знаю, какъ тебѣ сказать... Много говорила она по поводу того, что всѣ удивляются, какъ ты измѣнился, разсѣянъ, задумчивъ...

— Я такъ и зналъ! невольно вырвалось у меня.

— Догадывалась она, что, вѣроятно, въ нашей семейной жизни что-нибудь... обстоитъ не совсѣмъ благополучно...

— Я такъ и зналъ, такъ и зналъ! повторилъ я.

— Что-жь, она права, во всемъ права, со вздохомъ сказала Катя. — „Всѣ удивляются“ — не безъ основанія; догадки ея тоже совершенно вѣрны... Конечно, она смотритъ на вещи нѣсколько иначе, чѣмъ мы съ тобой; и лекарства, которыя она предлагаетъ отъ всѣхъ болѣзней и печалей, слишкомъ старыя лекарства, сомнительныя... Но все-таки она заставила меня взглянуть на наше положеніе серьезно... рѣшиться на что-нибудь...

Было что-то особенное, зловѣщее и какъ-будто прощальное въ ея тонѣ и голосѣ. Лицо ея дѣйствительно было покрыто блѣдностью, грудь поднималась часто и высоко, печальные глаза видимо избѣгали моего взгляда.

— Сядемъ; поговоримъ, сказала она.

Сядемъ! До сихъ поръ еще существуетъ во многихъ мѣстахъ Россіи старинный обычай, что при проводахъ въ дальнюю дорогу родного или близкаго, когда уже все уложено и готово, когда отъѣзжающій уже облекся въ свой дорожный костюмъ, когда лошади у крыльца точно съ нетерпѣніемъ потряхиваютъ колокольчикомъ на дугѣ, — тогда вся семья, всѣ присутствующіе садятся и съ минутой сидятъ часто въ мертвомъ и тяжеломъ

молчаніи. И „сядемъ“ Катя имѣло для меня что-то близкое, родственное съ этимъ „сядемъ“ стараго обычая. Я сѣлъ на ветхую скамейку и поникъ головой, машинально рисуя тростью на песокъ какія-то легкія фигуры, и блѣдность и тоска, должно быть, разлились по моему лицу.

— Другъ мой, заговорила, наконецъ, Катя.—На тебя всегда непріятно дѣйствовало и всегда тебя раздражало, когда я жаловалась, что мнѣ скучно. Но ты самъ согласишься, что мнѣ не могло отъ этого сдѣлаться легче и веселѣе. Да? А мнѣ, право, очень скучно, невыносимо скучно здѣсь. Что дѣлать, вся моя жизнь такъ шла и сложилась. Скажи, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ мнѣ быть легко и хорошо?.. Въ обществѣ-ли нашемъ, такъ-называемомъ?.. Но ты знаешь, не лежитъ у меня сердце къ нему и даже больше: съ самаго дѣтства привыкла я смотрѣть на него непріязненными глазами. Сирота, приемышъ, дальняя родственница богатыхъ людей, у которыхъ были свои родныя дѣти, конечно, любимыя, конечно, „хорошія“, „умныя“, „милыя“ сравнительно со мной,—я уже въ тѣ годы чувствовала себя точно врагомъ этого „общества“... Со мной скверно обращались, меня гадко одѣвали, меня всѣмъ рекомендовали, какъ до мозга костей испорченную, неблагодарную, глупую и грубую дѣвочку; и всѣ на меня косо смотрѣли, всѣ на меня покачивали головами, всѣ совѣтовали моимъ воспитателямъ почаще прибѣгать относительно меня къ строгимъ мѣрамъ. А рядомъ, въ развалившихся избенкахъ, въ подвалахъ и на чердакахъ были совсѣмъ иные люди. Они утѣшали и ласкали меня, когда я прибѣгала къ нимъ вся почернѣвшая отъ слезъ и рыданій. Они кормили меня, когда мои воспитатели, ради моего исправленія, морили меня голодомъ. Они чинили мнѣ мои башмаки, готовыя свалиться съ ногъ и тѣмъ чрезвычайно удивляли моихъ благодѣтелей, непонимавшихъ какая добрая волшебница заботится о такой негодной дѣвчонкѣ, какъ я. Эти-же добрыя волшебницы и волшебники заштопывали мое ветхое платье, чтобы избавить меня отъ лишнихъ упрековъ и брани, неминуемо ожидавшихъ меня дома; пѣли мнѣ пѣсни, рассказывали сказки, называли меня „славной“, называли меня „умной“, когда я читала имъ книги и газеты, украдкой приносимыя мною изъ дому... Они ободряли меня, пророчили мнѣ хорошее будущее; въ нихъ, однимъ словомъ, была вся моя опора,

вся поддержка, недавшая мнѣ сдѣлаться дѣйствительно „скверной“ и дѣйствительно „злой“...

— Ты знаешь, какъ я люблю ихъ, этихъ „грубыхъ“, этихъ „простыхъ“ людей, непринадлежащихъ къ такъ-называемому „обществу“, продолжала Катя послѣ небольшого молчанія.— Первая и самая любимая мечта моя, съ тѣхъ поръ, какъ я надѣла длинное платье и стала „большая“, была та, что я сдѣлаюсь сильной, очень сильной, что я открою для этихъ бѣдняковъ новую обѣтованную землю и выведу ихъ изъ теперешней темной жизни въ иную — свѣтлую. Ты знаешь также и то, что я не открыла еще этой обѣтованной земли, что не сдѣлалась ни сильной, ни увѣренной въ себя, ни знающей... Безсиліе мое, вотъ что тяготитъ меня, вотъ отчего мнѣ скучно и среди этихъ „моихъ“ людей... И долго еще, конечно, не разсѣется эта скука; долго, долго не воротится наше бывшее семейное счастье... На тебя, мой другъ, всегда неприятно дѣйствовало, что я, по большей части, чуть-ли не враждебно смотрѣла на Повоева, Дѣдова, на другихъ твоихъ знакомыхъ... Конечно, можетъ быть, они еще лучшіе изъ нашего „общества“; но все-таки, что они для меня? Что мнѣ въ нихъ? Одни у нихъ слова, слова и слова... Они, какъ слѣпые, кружатся все на одномъ, да и то грязномъ мѣстѣ... Ихъ, какъ мертвецовъ, не разбудить къ жизни ничѣмъ: у нихъ, кажется, никогда уже и ни отчего не проснется, не забьется ихъ сердце...

Она примолкла, вдохнула глубоко, глубоко и тихонько прижалась щекой къ моему плечу.

— Другъ мой! почти занептала она, наконецъ. — Я думаю, лучше будетъ... если я уѣду отсюда... на время, конечно... Вѣдь я не могу жить безъ этихъ „моихъ“ людей, безъ этого „моего“ города... Возвращусь къ нимъ...

— Дѣлай, пожалуйста, какъ для тебя лучше; не заботься обо мнѣ, Катя... Я тоже думаю, что уѣхать — самое лучшее, отвѣчалъ я.

Самое лучшее! И не съ ироніей, не съ горечью произнесъ я эти два слова, — нѣтъ!... Она ни словомъ не намекнула на то, что я „повинулъ ее“, „пошелъ по другой дорогѣ“; она поняла, что это было-бы слишкомъ тяжело для меня; она пощадила меня, закупила мое сердце, и я съ полною искренностью, съ горячею

любовью говорилъ ей, чтобы она поступала, какъ хочетъ, только-бы ей было лучше...

— Можетъ быть, я надолго уѣду, мой милый, продолжала она. — Надолго...

Но нѣтъ; перо падаетъ изъ рукъ, я усталъ, весь усталъ... Пусто и холодно на сердцѣ; мысли вяло бродятъ, какъ ньяныя, переходя то на далекое прошлое и на отдаленные эпизоды изъ моей жизни, то на событія сегодняшняго дня и на тетюшку Дарью, то на туманное будущее... А сонъ нейдетъ... Начинается бѣлый день, зарумянились вершины деревьевъ подъ лучами восходящаго солнца, засуетились въ саду птицы; а сна нѣтъ, все нѣтъ и, кажется, не будетъ...

## XIX.

Какъ это ни странно, а, право, мнѣ вздохнулось несравненно легче и свободнѣе, когда я возвратился домой, обошелъ опустѣвшія и какъ будто-бы помертвѣвшія комнаты и мысленно воскликнулъ:

— Опять я одинъ!... Все кончено!...

Конечно, на сердцѣ у меня не особенно легко и отрадно; въ мирѣ божьемъ не стало, на мои глаза, чего-то придававаемаго ему особенную прелесть; въ моей жизни сдѣлалось какъ-будто-бы мало свѣта, но все-таки лучше, что, наконецъ, „все кончено“. Эти сборы и проводы въ дорогу, эти послѣдніе, прощальныя дни и часы, это ржанье застоявшихся лошадей у крыльца, эти двери, растворенныя настежь, какъ для выноса покойника, — можетъ-ли быть что-нибудь тяжелѣе и мучительнѣе этой пытки?

А хорошо такъ повидать свое родное гнѣздо, какъ покидала Катя! Мягко и привѣтливо свѣтило раннее-раннее утреннее солнышко; не вилась на улицахъ пыль, не стучали экипажи; благоухали цвѣты и деревья, перевѣсившія черезъ заборы свои кудрявыя вѣтви, блиставшія росю.

Спалъ, казалось, весь городъ, спалъ крѣпкимъ утреннимъ сномъ, но по-немногу все больше и больше народа начало собираться на нашъ дворъ, все „простого“, все „чернаго“ народа, шедшаго проститься еще разъ съ своей „родной“, съ своей „го-

лубушкой“. Шли къ намъ и женщины съ грудными ребятишка-ми на рукахъ, шли и мастеровне, ведшіе за руку кто дочку, кто сынишку; шли и старыя старики съ бѣлыми, какъ лунь бородами, опиравшіеся на длинныя палки и неподвижно стоявшіе у крыльца, задумчиво понуривъ свои сѣдыя головы... И какую думу они думали?... Не изъ тѣхъ-ли „добрыхъ волшебниковъ“ были эти старцы, что нѣкогда ласкали и ободряли мою Катю, въ слезахъ прибѣгавшую къ нимъ изъ-подъ холоднаго и жестокаго крыла своихъ воспитателей? И не о томъ-ли думали старики свою думу, что имъ уже недолго жить на бѣломъ свѣтѣ, что имъ, быть можетъ, уже и не придется больше увидѣть свою прежнюю „славную дѣвчонку“, свою прежнюю „добрую дѣвчонку“, ставшую теперь еще болѣе славной, еще болѣе доброй женщиной.

— Ты пріѣзжай поскорѣе къ намъ; слышь, поскорѣе, говорили они своими дребезжащими, тихими голосами, прощаясь съ Катей.

И когда, наконецъ, сѣла она въ экипажъ, когда заскрипѣли ворота и распахнулись настежь, когда рванули лошади, все еще придерживаемыя подъ уздцы чуть не двадцатью заботливыми руками,—тогда наклонились всѣ головы, тогда замелькали грубыя руки, крестясь, тогда прокатился въ толпѣ скорбный и торжественный гулъ, послышался плачь ребятишекъ... Да; не только хорошо уѣзжать, когда такъ провожаютъ, хорошо и умирать, когда такъ прощаются!

Прощай, мой другъ! Прощай, моя дорогая, надолго, надолго, но—теплится во мнѣ нѣкоторая надежда,—не навсегда! О, не навсегда! Я знаю, никто не способенъ къ такому упорному и настойчивому труду, какъ ты способна; я знаю, не пропадетъ у тебя теперь ни одного дня бесплодно; и когда ты возвратишься, наконецъ, къ намъ, ты возвратишься уже далеко не той, какую насъ оставила: тебя уже не будетъ тяготить прежнее безсиліе, для тебя уже не будетъ темна твоя дорога, ты возвратишься еще лучше, еще выше... Но—вѣрую я,—не пропадетъ и для меня даромъ это время, не пройдутъ и для меня безслѣдно тяжелые уроки прошлаго, и когда мнѣ придется свидѣться съ тобой, между нами уже не будетъ той стѣны, той пропасти, которая теперь лежитъ...

Н. Важинъ.

(Продолженіе будетъ.)

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ИТАЛІИ.

### I.

Періодъ независимости:—„Oculus pastoralis“,—св. Фома Аквинскій,—Данте, Колонна,—Петрарка и классическая школа,—Джино Капони,—Саванарола.

Нигдѣ въ христіанскомъ мірѣ мы не встрѣчаемъ такого развитія политической жизни, какое намъ представляетъ Италія со времени своего появленія на поприщѣ средневѣковой исторіи и до своего подпаденія подъ власть общеевропейской государственности. Въ этомъ отношеніи она оставляетъ позади себя даже классическія республики древности, возлагавшія на многочисленныхъ рабовъ будничныя житейскія заботы, чтобы не отрывать своихъ гражданъ отъ политической дѣятельности. По крайней мѣрѣ здѣсь, въ муниципально-федеративной Италіи, мы встрѣчаемъ такое многообразіе и обиліе элементовъ политическаго развитія, которое, кажется, нигдѣ не повторялось въ исторіи. Папство и имперія,—федерация и централизация,—республика и монархія,—полноправіе коммунъ и своеволіе синьоровъ,—всѣ формы народоправства, начиная отъ флорентійской демагогии и кончая тяжеловѣснымъ олигархическимъ диспотизмомъ Венеціи,—всѣ виды государственности и гражданственности, когда-либо извѣданные въ исторіи романо-германскихъ народовъ, сталкиваются въ Италіи одновременно на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль, иногда въ стѣнахъ одного и того-же города;—стремятся искоренить, вытѣснить другъ друга, въ свирѣпой борьбѣ за свое существованіе, не стѣняясь въ выборѣ средствъ, могущихъ доставить имъ хотя-бы временную и мѣстную побѣду надъ противникомъ.

Тѣ-же самыя элементы политическаго существованія играютъ роль въ исторіи и другихъ европейскихъ народовъ. Но тамъ тотъ или другой изъ нихъ подчиняетъ себѣ остальные и властвуетъ болѣе или менѣе безраздѣльно втеченіи цѣлыхъ вѣковъ, въ силу одного того факта, что онъ могъ подчинить себѣ всѣ остальные, которые — при тогдашнемъ младенчествѣ мысли и ея робкомъ смиреніи передъ космическими явленіями — и не требуетъ отъ него никакихъ иныхъ объясненій его владычества. Въ Италіи эти элементы существуютъ и развиваются совмѣстно, параллельно; являются поочередно здѣсь побѣдителями, — тамъ побѣжденными. А если какому-нибудь изъ нихъ и удастся порой восторжествовать болѣе рѣшительнымъ образомъ надъ остальными, то и это не создаетъ устойчиваго политическаго положенія, потому что противники, — побѣжденные, но не уничтоженные, — тѣмъ внимательнѣе слѣдятъ за минутой, удобной для того, чтобы склонить на свою сторону безапелляціонное право силы.

Короче говоря, въ то время, какъ для всей остальной Европы условія относительно устойчиваго политическаго строя вытекаютъ естественнымъ путемъ изъ права силы, ненуждающагося ни въ какомъ признаніи, кромѣ фактическаго, — Италія вынуждена создавать для себя эти условія силою собственнаго разума. Такимъ образомъ совершенно объясняется то раннее напряженіе политической мысли, которое создаетъ въ Италіи цѣлую своеобразную политическую литературу уже въ тѣ отдаленныя времена, когда мысль всего остального историческаго міра не смѣетъ еще затрогивать политическихъ явленій; когда даже относительно простѣйшихъ культурныхъ явленій она довольствуется одними мистическими представленіями.

Для самаго посредственнаго мыслителя нашего времени было-бы совершенно ясно, что причины тогдашняго бѣдственнаго положенія Италіи слѣдовало искать въ тѣхъ элементарныхъ условіяхъ, этнографическихъ, климатическихъ, историческихъ и т. д., изъ которыхъ слагается общественный, а за тѣмъ и политическій бытъ народовъ. Современный мыслитель легко могъ-бы понять, что съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ внѣшней силы, которая могла-бы сгруппировать разнохарактерныя элементы итальянской

народности вокругъ одного какого-нибудь знамени и заставить хотя-бы нѣкоторые изъ нихъ отказаться отъ своей обособленности и своихъ притязаній,—то остается только одинъ исходъ; а именно: разрѣшить и примирить всѣ эти разнорѣчивыя притязанія въ широкомъ синтезѣ, найти такую формулу соціальнаго устройства, которая позволяла-бы счастливымъ гражданамъ торговыхъ и промышленныхъ городовъ развиваться во всю ширь, преслѣдовать свои идеалы утонченной цивилизаціи, неложась въ то-же время всею своею тяжестью на полудикихъ жителей деревень, какъ голодные звѣри, рыскавшихъ, вокругъ стѣнъ этихъ „мраморныхъ и шелковыхъ“ городовъ,—которая позволяла-бы итальянскимъ феодаламъ преслѣдовать свои геральдическіе идеалы, не забывая силою у богатыхъ промышленниковъ и купцовъ тѣ деньги, безъ которыхъ и Санчо-Панса очень хорошо понималъ, что благородный рыцарь не можетъ разгуливать по бѣлусвѣту... и т. д. Мы не станемъ перечислять всѣ тѣ вопіющіе контрасты, которые должны-бы были быть примирены и разрѣшены для того, чтобы политическая жизнь Италіи того времени могла войти въ колею мирнаго развитія; трудно предположить, чтобы одна изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ задачъ общественной науки—наилучшая форма взаимныхъ человѣческихъ отношеній, задача, передъ которой останавливается въ недоумѣніи современный геній человѣка, въ ту варварскую эпоху могла такъ или иначе сформироваться,—предположить это—значило-бы допустить, что социологія, труднѣйшая и сложнѣйшая изъ всѣхъ наукъ, могла возникнуть наперекоръ всѣмъ законамъ историческаго развитія, внезапно, какъ Минерва, выйдти во всеоружіи изъ головы какого-нибудь олимпійца.

Политическая литература въ Италіи возникаетъ не изъ любознательности кабинетнаго дѣятеля, отдѣленнаго отъ дрягъ и тревоженій житейскихъ каменною стѣною монастыря. Она уже въ первой четверти XIII-го столѣтія является здѣсь, какъ продуктъ настоятельной необходимости дня, а потому при самомъ своемъ появленіи носитъ уже чисто-эмпирическій характеръ, котораго она и не утрачиваетъ до самаго позднѣйшаго времени. Итальянское ученіе о государственности—„Ragione di Stato“,—надъ которымъ изощряли свои умы втеченіи пяти вѣковъ слиш-



комъ четыреста разнообразнѣйшихъ писателей, во всѣ періоды своего развитія есть тотъ самый безнравственный, но трезвый макиавелизмъ, т. е. политическій эмпиризмъ, который, съ легкой руки кардинала Казы, и до сихъ поръ еще предають позору теологи и метафизики всего свѣта, что однакожь во все не помѣшало ему разыграть свою, весьма важную роль, не относительно политическихъ судьбъ своей родины, а относительно развитія общественной науки вообще, о которой всего меньше помышляли авторы этихъ многочисленныхъ трактатовъ „de principis regimini“ или „de republica“ и т. п. странныхъ рецептовъ политическаго благоденствія, которое точно также не давалось Итали, какъ не давался философскій камень или жизненный эликсиръ алхимикамъ, создавшимъ фундаментъ нынѣшняго естествознанія въ своей гонимой за химерою...

Классическій міръ мало завѣщаль своимъ преемникамъ по части политической литературы. Платонъ и Аристотель, Титъ Ливій и Тацитъ впоследствии будутъ играть немаловажную роль въ твореніяхъ итальянскихъ публицистовъ, развившихъ на этихъ образцахъ не только слогъ своихъ трактатовъ, но и самыя приемы своего политическаго мышленія. Но начинается итальянская публицистика не съ схоластическихъ комментариевъ на классическія образцы. Стимуломъ, побуждающимъ къ творчеству итальянскую мысль на политическомъ поприщѣ, является весьма естественный консерватизмъ въ человѣкѣ, живущемъ среди калейдоскопа политическихъ событій, причемъ каждая перемена декораций если не сноситъ съ лица земли цѣлыя города, то оставляетъ ихъ „какъ-бы разрушенными землетрясеніемъ“, во впечатленію современника. Вопросъ въ каждую данную минуту заключается въ томъ, чтобы изъ имѣющихся подъ рукою элементовъ, создать силу, способную положить предѣлъ междуусобіямъ и анархіи.

Древнѣйшій памятникъ итальянской политической литературы относится къ 1222 г. \*) Это анонимная брошюра, подъ заглавіемъ „Oculus Pastoralis“ (Пастырское око), родъ руководства для выборныхъ судей или подеста:—единственная политическая власть, кото-

\*) «Histoire de la Raison d'Etat»—J. Ferrari—Paris, 1860. Часть II. «La politique des Savants», стр. 227.

рую, по взаимному соглашенію, рѣшаются выносить итальянскія общины. Судьи эти избираются общинами ежегодно. Ихъ обязанность—рѣшать распри городовъ; орудіе ихъ власти—доводы краснорѣчія. Изъ этихъ-то куколь, облеченныхъ правомъ говорить рѣчи, если ихъ пожелаютъ слушать,—а иногда и повѣсить кичливаго гражданина, если найдутся исполнители для приговора, авторъ „*Пастырскаго ока*“ замышляетъ создать диктатуру, способную обуздать своеволие ненавистныхъ ему общинъ;—родъ „бродячихъ королей“, ежегодно смѣняемыхъ и почерпывающихъ свою власть единственно въ искусствѣ лицемѣрія, въ умѣнны обманывать народныя собранія. Анонимный авторъ самъ понимаетъ трудность подобной задачи; а потому, въ видахъ облегченія исполненія своей программы, онъ даетъ уже готовны образцы рѣчей, которыя должны быть произносимы въ разныхъ случаяхъ; онъ почти подсказываетъ своему герою жесты и игру фізіономіи, которые, по его мнѣнію, должны производить особенно потрясающій эффектъ.—Какъ ни мелочень кажется намъ этотъ первый лепетъ зарождающаго макиавелизма, какъ ни смѣшно его наивное вѣроломство, напоминающее лукавство дикаря или ребенка,—его программа риторическаго деспотизма все-таки не можетъ быть названа мечтательною. Совершенно напротивъ, „*Пастырское око*“ даетъ намъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ путяхъ, посредствомъ которыхъ судьи и подеста съумѣли дѣйствительно наложить нѣкоторое ярмо на страну, такъ-что итальянскій республиканизмъ и федерализмъ вынужденъ былъ искать защиты у папы и императора, или, точнѣе говоря, въ постоянномъ колебаніи между этими двумя представителями двойственной власти. Въ половинѣ того-же XIII столѣтія вспыхиваетъ гвельфо-гибелинская война со всѣми своими ужасами. Само собою разумѣется, что скромная диктатура подеста со всѣми своими искусственными препаратами была скоро снесена съ лица земли, какъ соломенная передъ этою страшною бурей, гдѣ два міровые дѣятели—демократическій деспотизмъ католической церкви и іерархическій деспотизмъ имперіи съ чудовищною силою стремятся ко взаимному истребленію, на итальянскихъ поляхъ рѣшаютъ споръ о всесвѣтномъ своемъ владѣнствѣ.—Горизонтъ политической литературы Италіи при этомъ значительно расширяется. Вмѣсто скромнаго анонима „*Oculus Pas-*

toralis“, пытающагося положить предѣлъ анархическому развитію народной жизни посредствомъ своего хитросплетеннаго китайскаго перемоніала, выступаютъ крупныя міровыя дѣятели: св. Фома Аквинскій со стороны гвельфовъ, со стороны гибеллиновъ — пресловутый авторъ „Божественной комедіи“.

Новую эру итальянской политической литературы открываетъ трактатъ св. Фомы „de Regimine principum“, котораго двѣ послѣднія книги написаны его ученикомъ Птоломеемъ Лукскимъ (1240 г.). Легко убѣдиться, что стимулъ, побуждающій къ политическому творчеству аквинскаго епископа, остается тотъ-же, что и у анонима „Oculus Pastoralis“, т. е. стремленіе обуздать анархію общинъ, искусственнымъ путемъ создать сильную власть, которая положила-бы предѣлъ итальянской неурядицѣ. Только на этотъ разъ подъ рукою у итальянскаго консерватизма оказываются болѣе пригодныя матерьялы для этой цѣли, и ему нѣтъ уже надобности теряться въ мелочахъ и хитросплетеніяхъ. Какъ и всѣ публицисты этого республиканскаго періода итальянской исторіи, св. Фома „совѣтуетъ обратиться къ монархіи, потому что она не допускаетъ смутъ и неурядицъ. Конечно, скипетръ можетъ попасть въ руки тирана, но это неизбежное зло всѣхъ правительствъ. По крайней мѣрѣ, сила, даже грубая, даетъ внутренній миръ—необходимое условіе жизни“. Unum progo est necessarium — таковъ, начиная съ св. Фомы Аквинскаго, девизъ всей итальянской политической литературы. Гвельфы и гибеллины, — свѣтскіе и духовные, паписты, имперіалисты и роялисты, отчасти даже классики съ Петраркою — только повторяютъ то, что говоритъ аквинскій епископъ о необходимости всесвѣтной монархіи. Сильный своимъ классическимъ образованіемъ, вдохновляемый непримиримою ненавистью къ республиканской дѣйствительности, св. Фома поднимается дѣйствительно на такую высоту краснорѣчія, отвлеченія и обобщенія, которая заставила прозвать его христіанскимъ Аристотелемъ. Для него „республики, собственно говоря, даже и не существуютъ; это исключенія, рѣдкіе оазисы, затерянные въ пустынѣ исторіи; переходныя формы, иногда даруемыя божіею милостію нѣкоторымъ нарочито боголюбивымъ народамъ“. \*) — За-

\*) Ibid.

мѣчательна схоластическая ловкость, съ которою онъ устраняетъ примѣръ римской республики, очевидно, неподтверждающій его основное положеніе о проклятіи, тяготящемъ надъ республиканскимъ началомъ въ исторіи. Онъ старается показать, что республианизмъ Рима какъ-бы только номинальный, что Римъ и въ республиканскія времена играетъ роль монархіи, получившей свыше призваніе соединить всѣ народы подъ одною верховною властью. Какъ только эта задача покончена побѣдоносными войсками республики, монархія тотчасъ-же вступаетъ въ свои законныя права и вскорѣ спаситель, котораго св. Фома уподобляетъ афинскому Кодру, открываетъ для нея новую эру. Съ этихъ поръ, по мнѣнію автора „de Regimine“, весь дальнѣйшій прогрессъ человечества и христіанства сводится къ вопросу объ учрежденіи всемірной духовной монархіи, которая изъ Рима должна охватить собою весь цивилизованный міръ.

Судя по тому единодушію, съ которымъ политическіе писатели Италіи всѣхъ школъ и сектъ повторяютъ и варьируютъ на всѣ возможные лады любимую тему св. Фомы—о неосцѣненныхъ преимуществахъ монархіи надъ республикою, можно смѣло сказать что вольность федеративныхъ итальянскихъ общинъ не дожила-бы до XVI-го столѣтія, если-бы политическая жизнь страны дѣйствительно сообразовалась съ одними только выводами и измышленіями, до которыхъ додумываются лучшіе люди своего времени. Эта муниципально-федеративная вольность Италіи втеченіи почти четырехъ вѣковъ находится въ постоянной борьбѣ съ осаждающею ее силою политическаго единства и стремленія городовъ воздвигнуть на ея развалинахъ центральную власть. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно еще прійти къ сознанію, что „Unum progo est necessarium“ для того, чтобы и въ самомъ дѣлѣ установить монархическій покой и благочиніе на мѣстѣ мятежной анархіи коммуны. По меньшей мѣрѣ, надо еще условиться и на счетъ того, какою должна быть эта желанная монархія; а на этотъ счетъ политическая литература Италіи является столь-же противурѣчивою и разнохарактерною, какъ и самая итальянская жизнь. Св. Фома, вѣрный своему церковному сану, стремится къ теократическому господству. Его монархъ долженъ быть вовсе чуждъ страстей и тревоженій земныхъ, не знать ни

славы, ни богатствъ, ни честолюбія; онъ долженъ быть больше, чѣмъ намѣстникомъ—воплощеніемъ Бога на землѣ. Гвельфскій епископъ создаетъ не политическую теорію, а цѣлый религиозно-демократическій культъ, который, говоритъ онъ, уже властвовалъ надъ народами въ лицѣ Константина, властвовалъ надъ царями въ лицѣ Льва III-го, поставившаго Карла Великаго своимъ намѣстникомъ; въ лицѣ Іоанна XII-го, уничтожившаго наслѣдственность императорской власти. Остается сдѣлать еще одинъ шагъ:—уничтожить и избирательную имперію; тогда глава католической церкви станетъ дѣйствительнымъ воплощеніемъ земного Бога, котораго власть нигдѣ не встрѣтитъ предѣла...

На первый взглядъ легко можетъ показаться, что трактатъ св. Фомы Аквинскаго—плодъ фанатическаго увлеченія гораздо болѣе, чѣмъ политическаго расчета—представляетъ воіющую противоположность тому политическому эмпиризму, котораго наивный образецъ мы видѣли въ „*Oculus Pastoralis*“. Можетъ показаться, что епископъ паритъ на такой высотѣ метафизическихъ абстракцій, куда нѣтъ доступа политической интригѣ; можетъ показаться, что поглощенный своею утопіею всемірнаго теократическаго царства, онъ забылъ анархію итальянскихъ общинъ, и если ненавидитъ кого-нибудь, то гораздо болѣе гибелинскаго императора, чѣмъ эту анархію, о которой онъ даже и не упоминаетъ. Можетъ показаться, короче говоря, что „*de Regimine Principum*“ заключаетъ въ себѣ схоластическій сводъ мистической доктрины, а не политическую программу. Но все это можетъ казаться только до тѣхъ поръ, пока мы будемъ разсматривать этотъ трактатъ безъ его соотношенія къ обстоятельствамъ времени и мѣста. Въ сущности-же никогда еще католическая церковь и римскій ея глава не находили себѣ такого ловкаго политическаго слуги, какъ этотъ литературный вождь партіи гвельфовъ. Сдѣлать священную хоругвь знаменемъ своей партіи; обратить на войну противъ имперіи весь жаръ крестоспесевъ, указавъ имъ такъ-сказать новую Палестину у себя дома,—обратить всю многочисленную рать монаховъ всевозможныхъ орденовъ въ слугителей новой демократической религіи земного искупленія; создать изъ главы католической церкви вождя все-свѣтной монархіи человѣческаго рода, передъ верховною властью

котораго должны порваться всѣ оковы и преграды феодализма— это значило повторить великій переворотъ, уничтожившій языческую цивилизацію; но на этотъ разъ повторить его въ смыслѣ Евангелія, безъ всякой примѣси того іерархическаго военнаго начала, которое освобожденнаго римскаго раба обращало въ средневѣковаго крѣпостного вилана.

И дѣйствительно, ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ одушевленіемъ, съ которымъ гвельфы въ Италіи распространяются по селамъ и городамъ, объявляя истребительную войну всему, что носить сколько-нибудь феодально-имперскій характеръ. Объ итальянскомъ федерализмѣ никто и не думаетъ. Но что такое этотъ федерализмъ, какъ не историческій компромисъ между монархическою демократіею гвельфовъ и противоположными ей стремленіями? Фактически республиканская вольность Италіи только и могла существовать до тѣхъ поръ, пока длилась вражда папства и имперіи. Обобщеніе гвельфскихъ началъ, упраздненіе имперіи, пропагандируемое св. Фоמוю, грозило всего вѣрнѣе и всего ближе гибелью республиканской федераціи. По счастью для нея, враждебный гвельфскій лагерь встаетъ во весь ростъ, напругаетъ всѣ свои силы, чтобы не оставить и въ области политической теоріи торжества за противникомъ. Гвельфскій трактатъ „de Monarchia“ (1311 г.) и въ значительной степени самая „Божественная Комедія“ Данте Алигьери, изгнаннаго изъ гвельфской Флоренціи, является какъ-бы противудіемъ пропаганды св. Фомы.

„Увлекаемый по образцу своихъ предшественниковъ идеею монархіи,—потому-что демонъ революціи не знаетъ еще на итальянской почвѣ иной формы,—Данте въ свою очередь только и говорить что о подавленіи мятежей, о прекращеніи междоусобій, о соединеніи всѣхъ народовъ подъ одною верховною властью. Можно подумать, что читаешь самого св. Фому, но только въ заключеніи, въ выборѣ вождя для объединяемаго человѣчества, онъ поворачивается спиною къ папѣ и провозглашаетъ свѣтское верховенство императора. По мнѣнію Данте вовсе не церковь зарождается вмѣстѣ съ міромъ, имѣя своимъ предназначеніемъ поглотить его въ себѣ, а имперія, имѣвшая своими предвозвѣст-

никами въ древности четыре великія монархіи: ассирійскую, индійскую, греческую и римскую“.\*)

Очевидно полемизируя противъ св. Фомы Аквинскаго, Данте усвоиваетъ въ своемъ трактатѣ даже самыя приемы противника и съ чисто-аристотелевскою обстоятельностью развиваетъ свою гибелинскую философію исторіи, идущую въ разрѣзъ съ эмпирическими взглядами его противника. Идеаломъ гибелинской утопіи является Юлій Цезарь, впервые осуществившій идею всесвѣтной имперіи, которую Данте противопоставляетъ гвельфскому идеалу всесвѣтной демократической теократіи.—Вѣроятно, вельдство этого, почти вынужденнаго, своего схоластицизма монархическій трактатъ Данте никогда не пользовался ни тою славой, ни тѣмъ значеніемъ, которыя остались за его „*Божественною Комедіею*“, посвященною отъ начала до конца пропагандѣ тѣхъ-же гибелинскихъ идей, которыя она сослужила неоцѣненную службу, даже своими чисто-художественными заслугами.

„Богъ Данте говоритъ Феррари — этотъ полу-языческій верховный судья, карающій грѣшниковъ своими громами, очищающій нерѣшительныхъ въ огненной кувелѣ чистилища и награждающій добродѣтельныхъ свѣтло-заоблачнымъ блаженствомъ—это идолъ римскихъ цезарей и германскихъ императоровъ; идолъ гибелинскихъ фурій, вдохновляющій къ междоусобной войнѣ, въ которой мечъ его правовѣрныхъ сектантовъ не пощадитъ сѣятелей и защитниковъ гвельфской демагогіи. Нельзя не подивиться роскоши воображенія, съ которою флорентійскій изгнанныкъ такъ искусно разнообразитъ адскія картины мученій, уготованныхъ имъ для своихъ политическихъ враговъ! Какіе страшные приговоры изрекаетъ онъ надъ папами, королями и городами, какъ Пиза, Генуя, Флоренція, заслужившими его проклятіе своею холодною къ гибелинскому дѣлу или своею преданностью дѣлу враговъ! Его поэма покажется намъ горячешнымъ бредомъ неизлечимаго больного, если мы забудемъ, что она есть ничто иное, какъ картинное выраженіе стремленій юрисконсультовъ, философовъ, еретиковъ и ученыхъ XIII и XIV-го столѣтія, которые всѣ взываютъ къ Цезарю, какъ единственному оплоту законности противъ

\*) Loc. cit.—стр. 231.

всепоглащающаго произвола демократической теократіи, — единственному защитнику свободной мысли противъ инквизиціи церкви, опирающейся на невѣжество массъ. Затоптанные въ грязь сволочью гвельфскихъ городовъ, окруженные толпою шпионствующихъ монаховъ, обвиняемые въ преступленіяхъ, въ колдовствѣ и бунтовщичествѣ, передовые люди всей Италіи горько оплакивали поражение Гогенштауфеновъ, бездѣйствіе Габсбурговъ, жалкое безсиліе Люксембургскаго дома, униженіе императора, котораго Италія же заставила подчиниться папской инвеститурѣ, чтобы сдѣлать его своимъ орудіемъ“.

Такимъ образомъ, политическая литература Италіи, — а въ ней другой литературы нѣтъ, ибо, въ силу пословицы, „что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ,“ — всякая мысль здѣсь фатально направляется на политическое поприще; уже въ этомъ раннемъ періодѣ, который можно назвать періодомъ утопистовъ, она живетъ тѣмъ не менѣе насущными интересами, знакомитъ насъ съ дѣятельными элементами исторической жизни страны лучше, чѣмъ самая фактическая исторія того времени. Въ самомъ дѣлѣ, фактическая исторія даетъ намъ одѣ только равнодѣйствующія противоположно-направленныхъ силъ, тогда-какъ политическая литература представляетъ самыя эти силы во всей полнотѣ и односторонности ихъ развитія. Ничтожнымъ и блѣднымъ покажется намъ то относительное величіе, котораго достигаетъ папство съ Бонифациемъ VIII, этою каррикатурою Гильдебранда, въ особенности-же, если мы сравнимъ его съ тѣмъ идеаломъ всесвѣтной демократической теократіи, которымъ св. Фома вдохновляетъ итальянскихъ гвельфовъ. Но не надо забывать, что едва только гвельфская доктрина становится дѣятельною силою, выводящею католическую церковь изъ того политическаго ничтожества, въ которомъ она обрѣталась въ половинѣ XVI-го вѣка, когда ея глава блуждалъ безъ крова и пріюта между Римомъ и Витербо, изгоняемый изъ стѣнъ священнаго города своими баронами, — противъ нея, т. е. противъ гвельфской доктрины тотчасъ-же выступаетъ новое политическое ученіе Данте: — протестъ интеллигенціи, успѣвшей уже народиться и окрѣпнуть подъ сѣнью феодальнаго захвата и вытекшихъ изъ него привилегій. Въ результатъ гвельфскій идеаль всемірнаго безразличія и равенства въ рясахъ невѣже-



ственного босоногого монаха разбивается о рыцарскія латы гибелинскаго поэта и мыслителя, и Италия остается все при той-же невозможности осуществить обоюдно признаваемую необходимость положить предѣлъ федеративной вольницѣ учрежденіемъ единой верховной власти по гвельфскому или гибелинскому образцу.

Мы не вправѣ умолчать о римлянинѣ Эджидіо Колонна, современникѣ Данте и автора весьма знаменитаго въ свое время гвельфскаго трактата тоже „de Regimine Principum и „quo modo sit regenda civitas aut regnum tempore belli“ („какимъ образомъ долженъ управляться въ военное время городъ или царство). Принимая исходную точку зрѣнія Фомы Аквинскаго, онъ однакожь вноситъ новый элементъ въ систематическую доктрину публицистовъ, ратовавшихъ противъ итальянской свободы. Равно отклоняя верховенство и папы, и императора, какъ избирательныхъ представителей власти, Колонна полагаетъ, что только учрежденіе наследственнаго королевства можетъ спасти Италію отъ смутъ и междоусобій. Скучный схоластъ по методу и изложенію, путающійся въ мелочахъ и подробностяхъ до того, что онъ даже заранѣе пытается установить особый ритуаль—различный для зимы и для лѣта — супружескихъ сношеній будущаго короля съ королевою, Колонна заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что онъ первый, межъ итальянскими публицистами, пытается установить политическое равновѣсіе и внутреннее благоденствіе страны на добродѣтели правителя, признавая въ то-же время наследственную передачу власти.

Вслѣдъ за школою *утопистовъ* (хотя названіе это только въ очень относительномъ своемъ значеніи можетъ быть примѣнено къ выше перечисленнымъ публицистамъ), или лучше говоря *унитаріевъ*, выступаетъ школа *классическая*, имѣющая наиболѣе именитымъ своимъ представителемъ поэта Петрарку, пѣвца любви и Лауры де-Садъ, который наполняетъ собою всю политическую литературу періода герцоговъ и синьоровъ. Бартоло, единственный современный ему публицистъ, только облакаетъ въ юридическія формулы его не всегда ясныя и опредѣленные политическія измышленія.

Этотъ недостатокъ опредѣленности не безъ основанія ставятъ въ укоръ Петраркѣ, не только въ его сонетахъ, но и въ самыхъ

его политических трактатахъ, которыхъ онъ оставилъ три: „De republica optime administranda“, — „de officio et virtutibus imperatoris“ и „de libertate capescenda“, не считалъ его трактатовъ „Contra gallum“ и „Epistolae sine titulo“. Вслѣдствіе этой отличительной его черты нѣкоторые весьма почтенные критики, какъ, напр., Цезарь Бальбо въ своей „Исторіи“, отрицаютъ всякое политическое значеніе Петрарки и низводятъ его чуть не на степень средневѣковаго Всеволода Крестовскаго. Даже Феррари, въ своей превосходной „Histoire de la raison d'Etat“, на основаніи которой собственно и составленъ этотъ этюдъ, говорить нижеслѣдующее:

„Прочитавъ и перечитавъ нѣсколько разъ пѣвца Лаурн, воздавъ ему должную дань почтенія, удивленія, заучивъ его наизусть и проанализировавъ всё его неисчислимыя красоты, все-таки пожалѣешь о Колоннѣ, о св. Фомѣ, даже о самыхъ посредственныхъ писателяхъ XIII-го вѣка... Тѣ, по крайней мѣрѣ, грѣшили излишествомъ опредѣленій, подраздѣленій, объясненій. Петрарка-же на каждомъ шагу доводитъ насъ до отчаянія. Его многорѣчіе затмѣваетъ все. Въ своемъ энтузіазмѣ онъ высказываетъ рядомъ самыя противурѣчивыя положенія; его преклоненіе передъ греко-латинскою древностью повергаетъ его въ празднословіе, чуть-что не въ безуміе. Тутъ нелегко разобрать, кто другъ, кто не другъ. Самое отсутствіе педантизма въ немъ сбиваетъ съ толку; онъ никогда не поучаетъ ex cathedra; никогда не излагаетъ теоріи ex professo“... „Да и чему можетъ научить насъ этотъ недалновидный добрякъ, который равно друженъ съ гвельфами и съ гибелинами, съ тираннами, синьорами, вождями всѣхъ партій“? — Многому, — какъ самъ-же Феррари отвѣчаетъ на свой вопросъ. Прежде всего тому, что каждый итальянскій публицистъ есть продуктъ политическаго положенія своего времени, вдохновляющійся насущными нуждами дня.

Но и итальянская жизнь перестаетъ уже быть гвельфскою или гибелинскою. Прошло время утопистическихъ стремленій къ объединенію міра подъ теократическою или феодально-монархическою властью. Наступаетъ время синьорій или тираній съ одной стороны, время Висконти, Скала, д'Эсте, не то феодаловъ, не то удалцевъ по классическому образцу древнихъ пизистратидовъ съ

своеобразнымъ оттѣнкомъ, благодаря которому Италія двухъ послѣдующихъ вѣковъ (XV-го и XVI-го) заняла на всегда почетное мѣсто въ исторіи развитія человѣческаго рода. Съ другой стороны это было время гражданской доблести, не безъ классическаго и не безъ своеобразнаго оттѣнка.

Петрарка въ своемъ поэтическомъ вдохновеніи превлоняется передъ каждымъ изъ такихъ удалцевъ, повидимому, даже и незамѣчая тѣхъ продѣлокъ сомнительной честности, которыми каждый изъ нихъ обязанъ своею властью. Съ меньшимъ восторгомъ онъ воспѣваетъ также и цивическія доблести городовъ, отстаивающихъ свою республиканскую вольность. На первый взглядъ онъ легко можетъ показаться легкомысленною бабочкою, выдающеюся на все, что блеснить, и мы затрудняемся, чѣмъ объяснить ту, почти безпримѣрную популярность, которою онъ пользуется у современниковъ. Одна отрицательная сторона его дѣятельности, т. е. его язвительныя выходы противъ папъ въ Авиньонѣ и противъ имперіи, въ особѣ Людовика Баварскаго, — еще не даютъ ключа къ этому объясненію. Одно негодованіе, которыми онъ платаетъ противъ гвельфско-гибелинскаго прошедшаго своей родины, не могло его сдѣлать столь любезнымъ для всѣхъ безъ изьятія политическихъ партій своего времени.

Дѣло въ томъ, что Петрарка первый разгадалъ и указалъ ту роль, которую Италія, въ лучшую пору своего развитія, играетъ въ исторіи цивилизаціи романо-германскаго міра. Первоистинникъ возрожденія классической цивилизаціи, которая поражаетъ и прельщаетъ его всѣмъ тѣмъ, что было въ ней истинно-великаго сравнительно съ варварствомъ среднихъ вѣковъ, онъ однакожъ не становится ни древнимъ грекомъ, ни римляниномъ, не уходитъ въ археологію, не отворачивается отъ настоящаго. Онъ хочетъ, чтобы это настоящее всосало въ себя все, что есть облагораживающаго и освобождающаго въ классическихъ образцахъ. Онъ долженъ быть названъ гибелиномъ и ближайшимъ преемникомъ Данте въ той мѣрѣ, въ какой онъ всѣми силами своего художественнаго генія возмущается противъ невѣжественной, теократической демократіи папистовъ; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и чистѣйшій гвельфъ, или, по крайней мѣрѣ, не меньше „чернаго“ (т. е. яростнаго) гвельфа ненавидитъ всѣ слѣды феодальнаго безправія и

насилія, которое онъ—или ближайшій его пособникъ Бартоло—сопоставляетъ съ законченными формулами и стройнымъ порядкомъ вновь открытой римской юриспруденціи. Классическій міръ великъ и обилень формами права, которыя вполне заслуживали быть пересаженными на новую почву. Въ этомъ пересаживаніи Петрарка видитъ историческое призваніе Италіи, а потому и призываетъ къ нему всѣ безъ изъятія элементы итальянскаго политическаго строя. Папство, имперія, республики, синьоріи — всѣ найдутъ себѣ мѣсто на этомъ пиру; всѣ найдутъ себѣ дѣло въ разрѣшеніи широкой національной задачи, которую ставитъ для Италіи пѣвецъ Лауры. Но, разумѣется, папство не должно оставаться тѣмъ „наихудшимъ изъ правительствъ, которымъ оно является въ дѣйствительности; имперія должна перестать быть своего рода генеральнымъ штабомъ шаяекъ завоевателей; республики, синьоріи: все должно переродиться“.

Втеченіи полутора столѣтія политическая литература Италіи остается въ томъ направленіи, которое указалъ ей Петрарка. „Кондотьеры смѣнили синьоровъ; республики развились и усовершенствовались цѣлымъ рядомъ революцій; династіи усовершенствовались тоже цѣлымъ рядомъ убійствъ; но и къ концу XV вѣка идеи миролюбиваго Канцоньери не утратили своего народнаго блеска“. Платина, Понтано, Караффи, Патрици только развиваютъ его ученіе, представляя лишь небольшія и чисто-случайныя отклоненія отъ образца. Основныя черты этой школы, названной классическою, остаются неизмѣнными: тоже равнодушіе къ правительственной формѣ, доходящее до того, что, напримѣръ, Патрици, епископъ гаэтскій, пишетъ одновременно хвалебный трактатъ и за республику, и за монархію; тѣ-же идеалы вождя, сильнаго не родомъ, а доблестью, дающаго аудіенціи подъ открытымъ небомъ всѣмъ и каждому, дающаго деньги взаимны для общепользныхъ коммерческихъ предпріятій,—быковъ и плуги крестьянамъ, презирающаго войны и этикетъ двора, но организующаго флоты для отдаленныхъ плаваній, съ ученою или торговою цѣлью; то-же отрицаніе феодальныхъ основъ и преклоненіе передъ аристократіею ума и таланта во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Если недалюзоркіе историки и критики могутъ отрицать глупость „Дѣло“, № 5.

бовій политической смыслъ ученій Петрарки, опираясь на неопредѣленность выраженій и формъ, столь-же свойственную его трактатамъ въ прозѣ, какъ и его поэтическимъ сонетамъ, то намъ достаточно указать только на одинъ эпизодъ не литературной, а фактической исторіи Италіи, гдѣ политической идеаль пѣвца Лаури осуществляется непосредственно. Мы говоримъ о возстаніи Кола-ди-Ріенци въ Римѣ (1347 г.), которое представляется дѣйствительно какъ-бы историческою иллюстраціею политической доктрины Петрарки. Никто не оспариваетъ того, что Петрарка былъ душою и руководителемъ римскаго движенія, можетъ быть, черезчуръ классическаго и литературнаго для своего времени. Самый фактъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстенъ. Въ маѣ 1347 г. молодой римскій плебей, Кола-ди-Ріенци, другъ Петрарки, археологъ и нумизматъ, провозглашаетъ себя трибуномъ народнымъ, изгоняетъ изъ Рима феодальныхъ бароновъ (Колонну, Орсини, Савелли и пр.), провозглашаетъ съ высотъ Капитолія новое правительство, подъ именемъ *buon-governo* и требуетъ къ своему суду обоихъ императоровъ (Людовика Баварскаго и его соперника Карла Люксембургскаго). Какого рода правительственную форму представляло это римское „доброе правительство“, во главѣ котораго сталъ Кола-ди-Ріенци? Была-ли это республика или тиранія? Какого рода властью былъ облеченъ самъ Ріенци? — все это вопросы, о которыхъ въ то время никто и не думалъ. Ріенци называетъ себя *трибуномъ*, дѣйствуетъ какъ диктаторъ, считаетъ себя за прямого наслѣдника Гракховъ, — однимъ словомъ, какъ истинный герой Петрарки „совмѣщаетъ въ себѣ и Брута, и Цезаря“. Это не мѣшаетъ ему однакожъ знать съ полною достовѣрностью то, чего онъ хочетъ. Основать благоденствіе народа на уничтоженіи всѣхъ слѣдовъ феодализма; поставить науку и достоинство, какъ единственную основу социальной и политической іерархіи — такова цѣль, которую онъ преслѣдуетъ втеченіи своего перваго черезчуръ кратковременнаго царствованія. Вся интеллигентная Италія восторженно привѣтствуетъ совершенный имъ переворотъ; римскіе плебеи отъ него безъ ума. Однакожъ патриціи возвращаются съ новыми силами и, при содѣйствіи папскаго легата, изгоняютъ Ріенци изъ Рима. Ему,

однакожь, удалось бѣжать къ Карлу IV, оставшемуся, по смерти Людовика Баварскаго, единственнымъ императоромъ. Въ іюлѣ 1352 г. онъ снова возвращается въ Римъ, на этотъ разъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ папы Инокентія VI, въ сообществѣ кардинала д'Альборнозъ и съ званіемъ римскаго сенатора. Народъ встрѣчаетъ его съ восторгомъ; но Кола-ди-Ріенци въ новомъ званіи утратилъ свою самостоятельность, пересталъ быть тѣмъ воплощеніемъ героя Петрарки, которымъ онъ явился пять лѣтъ тому назадъ. Народъ обвиняетъ его въ измѣнѣ; патриціи организуютъ противъ него возстаніе; онъ пытается бѣжать, но его узнаютъ и убиваютъ люди Колонны. Такъ печально кончается эта кратковременная, но назидательная попытка осуществить въ лицахъ политическое ученіе Петрарки.

Съ Петраркою мы присутствуемъ какъ-бы при радостномъ и полномъ надеждъ началѣ пиршества, которое однакожь не замедлитъ превратиться въ безобразную оргію утонченнѣйшаго сластолюбія и беззащитнаго разврата. Политика классической школы ставить единственнымъ источникомъ власти — личное достоинство, заслугу; и доктрина эта, со всею своею облачно-красивою неопредѣленностью, отвѣчаетъ какъ нельзя лучше всеобщему настроенію умовъ и положенію дѣлъ въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтія. Но политическая дѣйствительность не замедлила указать и обратную сторону этой блестящей медали, украшенной изящнѣйшими античными изображеніями: оказалось, что древніе образцы доблестей были мертвые идеалы, съ которыми живые люди не имѣли ничего общаго. Индифферентизмъ къ политическимъ формамъ, вытекающій у публицистовъ классической школы изъ широкаго пониманія дѣйствительныхъ нуждъ и стремленій современной имъ Италіи, перерождается въ систематическую измѣну всѣмъ партиямъ и знаменамъ. Герой Петрарки, котораго воплощеніе вполнѣ мы слѣдили въ Кола-ди-Ріенци, но котораго отчасти долженъ былъ воплощать каждый изъ Висконти, д'Эстэ, Медичи или Гонзаго, теперь перерождается въ кондотьера, запродающаго на опредѣленное число мѣсяцевъ свою кровь какому угодно дѣлу; предупреждалъ, что онъ взбунтуется или измѣнить, если случится замедленіе въ уплатѣ условнаго жалованья и благоразумно договаривался заранѣе въ томъ, что, въ случаѣ

измѣны, даже безъ столь законнаго повода, онъ не понесетъ наказанія, кромѣ денежной пени. Собственно говоря, политическая теорія Петрарки остается въ полной силѣ и до XVI столѣтія; но прошло настроеніе, создавшее нѣкогда Кола - ди - Ріенци; утратилось чутье, посредствомъ котораго народы и общины Италіи изъ ряда сомнительныхъ личностей указывали именно тѣхъ, кому надлежало отдать въ руки свою свободу. Успѣхъ сталъ единственною мѣркою доблести; „привычка соединять идею доблести съ успѣхомъ заставляеть ликовать при страшномъ крикѣ: „Viva chi vince (да здравствуетъ побѣдитель!)“ (Ferrari.—Hist. de la raison d'Etat).

Авторъ вышепоименованнаго сочиненія указываетъ на „Ricordi“ флорентійца Джино Капони,—родъ поученія, которое онъ оставляетъ своему сыну,—какъ на весьма краснорѣчивый памятникъ глубокой политической развращенности Италіи того времени. „Не вмѣшивайся въ дѣла поповъ; они какъ накипь на Италіи. Бѣги отъ церкви, — развѣ вздумается тебѣ помолиться. Если въ ней выйдутъ распри, — тѣмъ лучше для Флоренціи; но ты предоставь дѣйствовать природѣ, потому что папу необходимо имѣть своимъ другомъ. Остерегайся гражданскихъ войскъ, большихъ сраженій, долгихъ осадъ и большихъ издержекъ; не довѣрай власть имущимъ и т. д.“

Но еще краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ объ упадкѣ политическаго смысла и гражданскаго чувства въ Италіи та униженная роль, которую она играетъ при нашествіи на нее французовъ съ Карломъ VIII. Смирненно преклоняются передъ завоевателемъ пьемонтскіе и ломбардскіе города; Пьеръ Медичи подобострастно выходитъ ему на встрѣчу и сдаетъ ему тосканскія крѣпости; Пиза открываетъ передъ нимъ ворота и пользуется оставленнымъ въ ней французскимъ гарнизономъ для того, чтобы отложиться отъ Флоренціи... Этотъ верхъ униженія только въ одномъ клочкѣ полуострова вызываетъ мощную реакцію. Флоренція изгоняетъ Пьера Медичи, вернушагося послѣ встрѣчи съ Карломъ VIII въ Понтремоли, выбираетъ новую синьорію и рѣшается дать отпоръ непріятелю. Когда Карль, нерасчитывавшій на сопротивленіе, предлагаетъ городу вступить въ сдѣлку, монахъ Пьеръ Капони разрываетъ въ его присутствіи предложенный до-

говоръ и произносить свое знаменитое: „Suonate le vostre trombe, e poi suonate le campane“ („трубите въ ваши трубы, а мы ударимъ въ вѣчевой колоколь...“).

Флоренція съ этихъ поръ становится единственнымъ очагомъ, гдѣ догараетъ съ нѣкоторымъ блескомъ пламя итальянской независимости. По весьма понятному закону реакціи противъ политической распущенности классической школы, доведшей Италію до столь униженнаго положенія, общественное движеніе принимаетъ самое сдержанное, великопостное направленіе. Начатое монахомъ Капони, оно кончается болѣе чѣмъ монахомъ, почти шродивымъ уличнымъ пророкомъ Саванароллоу. Синьорія, выбранная по изгнаніи Медичей, провозглашаетъ Иисуса Христа королемъ Флоренціи.

Говорятъ, будто-бы на Саванароллу, отличавшагося суровымъ и мистическимъ направленіемъ уже съ молодыхъ лѣтъ, произвело сильное впечатлѣніе изгнаніе Медичей, послѣдовавшее вскорѣ послѣ того, какъ онъ громилъ ихъ въ одной изъ своихъ проповѣдей и угрожалъ имъ проклятіемъ. Съ этихъ поръ онъ увѣровалъ въ свой пророческій даръ, въ то, что ему свыше дано призваніе спасти Флоренцію и Италію. Имѣя въ своемъ повиновеніи монастырь св. Марка, монахи котораго видѣли въ немъ почти сверхъестественное существо, онъ, по образцу Петра пустытника, организуетъ на площадяхъ Флоренціи свою религиозно-политическую пропаганду, громитъ развратъ, проповѣдуетъ „карнавалъ воздержанія“, увлекаетъ и фанатизируетъ флорентійскихъ гражданъ новизною и оригинальностью представляемаго имъ зрѣлища.

Исторія этого трибуна-монаха хорошо всѣмъ извѣстна. Но гораздо менѣе извѣстно то, что вся его проповѣдь есть послѣднее усиліе классической морали вдохновить націю, удержать ее на томъ скользкомъ пути, на который навелъ ее Петрарка. Саванаролла возмущается во имя добродѣтели противъ двусмысленной классической системы, не касаясь самой системы, не дерзая ничего измѣнить въ ней, даже не предполагая, что она можетъ быть измѣнена. Онъ усиливается принимать ее въ буквальномъ смыслѣ, какъ-будто Брутъ и Кассій были доминиканцы. На свѣтѣ не бывало еще столь пылкаго трибуна и столь честнаго граждани-



на; но за то мало было также людей, способныхъ до такой степени увлекаться нелѣпѣйшими предразсудками. Набожный до идолопоклонства, папистъ до нелѣпости, монахъ до безумія, онъ вѣритъ рѣшительно во все. Онъ считаетъ свое вдохновеніе за божественное призваніе и серьезно ожидаетъ внимательства Промысла въ житейскія дѣла. Его ученіе или, точнѣе, его манія заключалась въ томъ, что, если-бы каждый, начиная отъ папы и епископовъ, кончая сибьерами, судьями и солдатами, исполнялъ свой долгъ съ тою добросовѣстностью, которой требуетъ отъ людей Иисусъ Христосъ, то Италія избавилась-бы отъ всѣхъ золъ. Даже какъ трибунъ, онъ держится политики Петrarки, признавая превосходство силы съ точки зрѣнія императорской и папской, но проповѣдуя во Флоренціи республику и федеративное начало. Индифферентный между республикою и монархіею, между Брутомъ и Цезаремъ, онъ хотѣлъ-бы, чтобы на мѣстѣ флорентійскихъ Медичей, римскихъ Борджіа, неаполитанскихъ Аррагонцевъ и миланскихъ Сфорци были честные люди. Не подозрѣвая, что зло истекаетъ изъ самыхъ положеній, онъ впадаетъ въ грубую ошибку тѣмъ, что привязывается къ людямъ и черезъ это теряется въ безчисленномъ лабиринтѣ личныхъ вопросовъ.

Какъ наивно-безжалостны, какъ глупо-суровы его проповѣди! Онъ громитъ личные пороки, сластолюбіе, содомію, злоязычіе флорентійцевъ, корыстолюбіе поповъ, распущенность женщинъ, безнравственность даже дѣтей. Всѣ общественныя бѣдствія Италіи кажутся ему только наказаніемъ божіимъ за эти пороки... „О, Римъ! о, Флоренція! о, Италія! восклицаетъ онъ сжеминутно:— обратитесь, если вы не хотите, чтобы васъ постигла участь Иерусалима!“ Но такъ-какъ всѣ города Италіи уже находились на лонѣ церкви католической, апостолической и римской, то они и не знали, куда имъ еще обращаться, какъ не зная этого и самъ Саванаролла... Онъ сжигалъ на площадяхъ предметы роскоши, музыкальные инструменты, женскіе наряды; организовалъ корпораціи дѣтей-инквизиторовъ, которымъ поручалъ шпионить за родителями... \*).

\*) Loc. cit.

домъ шагъ за предѣлы католической церкви, пока не доведъ его, наконецъ, до мученическаго костра, на который его сопровождали насмѣшки людей, нѣкогда боготворившихъ его, какъ пророка.

„Вмѣсто того, чтобы обновить міръ, Саванарола возобновилъ только яростный гвельфизмъ, возродилъ темныя времена средне-вѣковаго изувѣрства. Подъ его диктатурою Флоренція была посмѣшищемъ цѣлой Италіи“ \*).

## II.

### Макиавелли.

«...dipensieri diabolici maestro, aiutatore del demonio eccellentissimo».

*Иезуиты о Макиавелли.*

— Вы передернули! говорить съ изумленіемъ и негодованіемъ молодой игрокъ одному весьма знаменитому въ свое время московскому шулеру.

— Я давно знаю, что передергиваю, отвѣчаетъ тотъ, бросая въ него картами,—но терпѣть не могу, чтобы мнѣ это говорили.

Человѣчество — этотъ туго развивающійся недоросль — въ числѣ многихъ дурныхъ привычекъ имѣетъ и эту слабость московскаго игрока, нелюбившаго, чтобы ему высказывали нѣкоторыя истины, которыя онъ самъ давно знаетъ, но передъ которыми считаетъ нужнымъ цѣломудренно жмурить глазки. Горе тѣмъ смѣлчачкамъ, которые дерзаютъ не уважать этой слабости: то вѣковое зло, присутствіе котораго они изобличаютъ часто съ тяжелою болью, вваливается на нихъ, какъ-будто они его создали.

Изъ такого тривиальнаго источника исходитъ демоническая репутація, которою и до сихъ поръ пользуется еще Макиавелли и не въ одномъ только иезуитскомъ лагерѣ, желавшемъ сдѣлать своею исключительною монополіею политическія открытія секретаря флорентійской республики, а потому и увѣрявшемъ міръ втеченіи

\*) Ibid.

нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, будто всё его открытія — порожденіе дьявола.

Истина, которую Макиавелли непрощенно высказалъ, заключается въ томъ, что съ XVI столѣтіемъ наступаетъ для политики раціональный періодъ, что время всякихъ средневѣковыхъ фикцій прошло и должно уступить мѣсто царству разума.

Макиавелли имѣетъ за собою цѣлыхъ три вѣка итальянской исторіи, гдѣ въ хаотическомъ безпорядкѣ возникаютъ и исчезаютъ государства, то вольныя, то деспотическія, — партіи и секты, имѣющія въ основѣ завѣдомую ложь, — династіи, возведенныя и прославленныя преступленіемъ; ниспровергнутыя за великодушный порывъ или за недостатокъ коварства и лицемерія. Очень недалезоркому человѣку изъ обзора такого историческаго матеріала становится яснымъ, что политическая исторія не правоучительный романъ, гдѣ

Добродѣтель торжествуетъ  
И наказуется порокомъ...

Становится яснымъ, что самое понятіе о добродѣтели и порокахъ на политическомъ поприщѣ подчинены какимъ-то другимъ условіямъ и соображеніямъ, а не подчиняютъ себѣ дѣйствительную жизнь: то, за что боготворятъ въ одномъ лагерѣ, предастся анафемѣ въ другомъ; что быть удачливымъ — одно дѣло, а быть добродѣтельнымъ или хотя-бы только полезнымъ или нужнымъ — совсѣмъ другое дѣло. Кому, напримѣръ, были нужны всё эти Сфорцы, Борджіи, Баньони, послѣдніе Медичи и т. п.?.. Становилось яснымъ, короче говоря, что явленія государственности возвращаются въ какомъ-то особомъ циклѣ, имѣющемъ весьма мало точекъ соприкосновенія съ предвзятыми понятіями, со знанными стремленіями и идеалами человѣчества; что не они управляются принципами, а „драма принциповъ вытекаетъ изъ нихъ, какъ дѣло чисто-фигтивное, причудливое и переменчивое“.

Все это очень хорошо понимали тѣ политическіе игроки, которыми такъ богата Италия этого времени, которымъ будетъ исключительно принадлежать политическій міръ съ тѣхъ поръ, какъ нарушилось фанатическое единство средневѣковаго міросозерцанія и пока не сложилось новое... Все это они знали очень хорошо, но не любили, чтобы имъ говорили о томъ. А Макиавел-

ли имѣлъ эту неосторожность. Разоблачить тайну успѣха счастливыхъ игроковъ—значить уже подрывать ихъ авторитетъ. По этому Макиавелли долженъ быть причтенъ къ мученикамъ свободы, не смотря на то, что, какъ гражданинъ, онъ всю свою жизнь честно трудился надъ созданіемъ въ Италіи грубой централизаціи, и совершенно помимо вопроса о томъ, писалъ-ли онъ своего „Principe“ съ цѣлью упрочить во Флоренціи подрванное у корня, сгнившее иго Медичей?

Величіе Макиавелли заключается въ томъ, что, слѣдую хронологически за Саванароллю, онъ возвышается до реального представленія объ идеѣ государственности и его только относительной, условной зависимости отъ человѣческаго произвола. Вся публицистическая и политическая дѣятельность секретаря флорентійской республики проникнута признаніемъ того, что явленія государственности подлежатъ своимъ непреложнымъ законамъ, и пытливымъ стремленіемъ проникнуть эти законы, уловить объективную связь между весьма отдаленными политическими событіями, разложить на его составныя части — такъ сказать, анатомировать государственный механизмъ. Онъ первый изучаетъ и наблюдаетъ политическій міръ точно также, какъ умный лоцманъ, напримѣръ, изучаетъ особенности опаснаго моря, по которому ему приходится плыть, понимая очень хорошо, что никакая благонамѣренность не поможетъ ему въ борьбѣ съ противными вѣтрами и теченіями, съ подводными камнями и мелями; что только разумъ и знаніе дадутъ ему возможность миновать всѣ невзгоды, подчинить себѣ безразличныя стихіи и благополучно ввести свой корабль въ желанную гавань. Эти-то особенности ставятъ его неизмѣримо выше не только всѣхъ его предшественниковъ и современниковъ, но и тѣхъ метафизиковъ общественности и государственности, которыми столь богата Европа втеченіи трехъ вѣковъ, послѣдовавшихъ за реформаціею. Можно смѣло сказать, что изъ всѣхъ публицистовъ первыхъ восемнадцати вѣковъ христіанства, Макиавелли ближайшій въ нашему времени по трезвости и реальности своихъ политическихъ воззрѣній \*). Онъ одинъ

\*) Исключеніе слѣдуетъ сдѣлать въ пользу едва-ли не однихъ физіократовъ и экономистовъ.

стоялъ у рубежа позитивнаго періода общественнаго, когда европейская мысль еще только устремлялась въ метафизическій его періодъ.

Всего болѣе къ Макиавелли слѣдуетъ примѣнить то, что выше мы говорили объ эмпиризмѣ итальянской публицистики вообще. Какъ анонимный авторъ „Пастырскаго ока“, такъ точно и Макиавелли мало заботится о томъ, какое мѣсто займутъ его изслѣдованія въ общей сокровищницѣ человѣческихъ знаній. Онъ прежде всего итальянскій гражданинъ, поглощенный исключительно мыслью о томъ, чтобы вывести свое отечество изъ той бездны политическихъ золъ, въ которой оно тонетъ. Онъ торопится дойти до частныхъ рѣшеній практическихъ задачъ, совершенно не заботясь объ общихъ научныхъ законахъ, о методологическомъ прогрессѣ. Свое реальное, строго-логическое мировоззрѣніе онъ высказываетъ безъ всякой внутренней цѣлостности, часто въ нелѣпой, разрозненной формѣ рецептовъ противъ того или другого политическаго недуга Италіи вообще и Флоренціи въ частности. Тогда онъ цѣлые свои трактаты посвящалъ мелочнымъ и сомнительно-гуманнымъ цѣлямъ, какъ, напр., трактатъ „о средствахъ усмирить жителей Кьянскои долины“ (Modo da praticarsi contro i popoli ribellati della Valdi Chiana), или даже и болѣе общезвѣстный его трактатъ „о войнѣ“, написанный съ спеціальною цѣлью убѣдить флорентинцевъ въ необходимости замѣнить кондотьеровъ правильнымъ республиканскимъ войскомъ: „кто поручаетъ защиту своей свободы другимъ, тотъ заслуживаетъ быть рабомъ“.

Нельзя не подивиться той глубокой силѣ ума, проникательности и мѣткости психологическихъ наблюденій, знанію людей и событій, которыя Макиавелли высказываетъ на каждой страницѣ своихъ сочиненій. Но можно прочесть его цѣлый трактатъ о „Государѣ“ или любую изъ его „рѣчей о декадахъ Тита-Ливія“ и не составить себѣ опредѣленнаго понятія о томъ значеніи, которое имѣетъ Макиавелли въ исторіи развитія общественныхъ наукъ. Онъ нигдѣ не высказываетъ своего политическаго міросозерцанія систематически. Его личная гениальность служитъ для него замѣною сколько-нибудь установленнаго и послѣдовательнаго метода изслѣдованія. „Я погрузился въ княжества, говоритъ онъ о себѣ, — я

хотѣлъ знать, какъ поступаютъ они, кто ихъ пріобрѣтаетъ, удерживаетъ въ своей власти или теряетъ. Исторія государей и тиранновъ раскрыла мнѣ мысли и дѣйствія ихъ политики. Я ихъ и сообщаю народамъ для поученія“ \*). Болѣе точныхъ указаній на методы политическихъ изслѣдованій у него нѣтъ. Какъ Адамъ Смитъ создаетъ цѣлыя школы экономистовъ-эмпириковъ, самъ слишкомъ часто забывая впередъ голаго и недальнозоркаго эмпиризма, такъ точно и Макиавелли создаетъ школы эмпириковъ-публицистовъ, слишкомъ часто возмущающихъ насъ своею неспособностью проникнуть въ глубь наблюдаемыхъ ими явленій такъ, какъ проникалъ великій маэстро,—перерождающихъ политическую науку въ какую-то кабалистику; искусство „вызывать великія послѣдствія сочетаніемъ мелкихъ причинъ“—въ эквилибрическую пляску на туго-натянутомъ канатѣ противорѣчій, двухсмысленностей и надуваній. Но когда умный и талантливый современный публицистъ (о которомъ мы будемъ говорить ниже) принимается, наконецъ, за подведеніе итоговъ всей этой разрозненной, отлитой въ мириады ничѣмъ несвязанныхъ между собою афоризмовъ и поученій дѣятельности, — то мы видимъ, что очень немногое еще остается сказать или сдѣлать для того, чтобы политическій эмпиризмъ разъ навсегда могъ считать свое дѣло теоретически законченнымъ; чтобы самые сложные и запутанные вопросы государственности могли быть сданными на рѣшеніе той научной антропологии, созданіе которой составляетъ честь мыслителей и ученыхъ нашего времени...

„Кто не знаетъ теперь наизусть поученій Макиавелли? Онѣ составляютъ свой особый родъ. Нельзя, вступивъ въ сферу его соображеній, не усвоить себѣ тотчасъ-же его манеры. Его рѣчь, спокойная и ясная, безъ тѣни схоластики, охватываетъ всѣ случаи государственной борьбы, и никогда онъ не преминетъ указать пальцемъ дѣйствительнаго врага; никогда не ошибется въ своемъ указаніи. На каждой страницѣ онъ открываетъ новыя и непредвидѣнные горизонты... Его нельзя сократить или сжать, не уничтоживши его совершенно... Онъ срываетъ маску съ героевъ Петrarки, нерѣшительно лавировавшихъ между республикою и

\*) „Machiavelli a San Casciano“.

монархію и примирявшихъ своею личностію эти двѣ непримиримыя государственныя формы. Обрисовывая наипротивоположнѣйшія политическія роли трибуна, тиранна, кондотьера, пророка, — возстановляя съ поразительною точностію смыслъ замѣчательнѣйшихъ событій греко-латинской древности и выясняя механизмъ и значеніе крупнѣйшихъ государственныхъ переворотовъ своего времени, — онъ въ первый разъ сопоставляетъ лицомъ къ лицу политическія противорѣчія, разбираетъ ихъ, указываетъ ихъ взаимныя соотвѣтствія и соотношенія, вырабатывающіяся въ междоусобной войнѣ. Онъ почти изъять отъ первороднаго грѣха всѣхъ публицистовъ, разсматривающихъ государство какъ нѣчто изолированное и само въ себѣ; — изъять отъ мономаніи политическихъ вѣрованій, отъ пошлаго сомнамбулизма литературно-политическихъ вождей, фарисеевъ. Болѣе того: прежде на реформы смотрѣли какъ на величайшія бѣдствія, видѣли въ нихъ только хаосъ и слѣпую случайность, классифицировали ихъ по Аристотелю на семь категорій и изыскивали всѣ средства къ ихъ немедленному пресѣченію. Макиавелли-же учитъ создавать реформы, учитъ создавать и разрушать отжившіе порядки, противопоставлять живую и вѣчно подвижную силу силъ традицій. Организаторъ борьбы, онъ презираетъ благоденствіе покоя и застоя. Въ силу этого каждый волнующійся народъ, волею или неволею, вынужденъ подчиняться законамъ, начертаннымъ флорентійскимъ секретаремъ; каждый человѣкъ, возвысившійся надъ среднимъ уровнемъ силою геройской или преступной своей геніальности, непременно воспроизвелъ въ себѣ одинъ изъ типовъ, обрисованныхъ Макиавелемъ“. (J. Ferrari— „Hlst. de la Raison d'Etat“).

Патріотическій итальянецъ, у котораго мы заимствуемъ эту общую характеристику Макиавелли, упрекаетъ автора „*Principe*“ и еще болѣе замѣчательныхъ „*Discorsi*“ въ одномъ: а именно, что Макиавелли не понялъ истиннаго смысла итальянскаго политическаго права. Чтобы выяснитъ значеніе этого упрека и вмѣстѣ степень его основательности, мы должны замѣтитъ прежде всего, что Макиавелли, пополняя пробѣлъ классической школы, рѣзко разграничиваетъ двѣ политическія формы: республиканскую и монархическую. Ни одна изъ нихъ не обмрачиваетъ его, не привлекаетъ къ себѣ на-столько, чтобы заставить его съ предубѣж-

деніемъ отнести къ противной. Совершенно напротивъ: онъ старается уяснить тѣ условія, которыя въ одномъ случаѣ дѣлають предпочтительнѣе республику, въ другомъ монархію. По обыкновенію своему и всей, даже значительно позднѣйшей итальянской публицистики, онъ не выводитъ своего анализа изъ замкнутаго круга чисто-политическихъ условій. Но въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ едва-ли и современный мыслитель нашелся-бы добавить что-нибудь къ его наблюденіямъ. Быть можетъ, онъ нѣсколько преувеличиваетъ значеніе сознательности въ дѣлѣ выбора между этими двумя формами. Но, говорить онъ, —однажды убѣдившись, что республика или монархія болѣе соотвѣтствуетъ основнымъ условіямъ національнаго быта, должно неуклонно слѣдовать по выбранному пути. По мнѣнію Макиавелли, все политическое зло Италіи именно отъ того и происходитъ, что Италія не можетъ остановиться въ выборѣ.

„Эта ненависть къ итальянскому прошлому, говоритъ Феррари — ослѣпляетъ его. Въмѣсто того, чтобы видѣть въ республикѣ и монархіи два крайніе противоположные термина въ борьбѣ, между которыми слагается историческая жизнь, Макиавелли впадаетъ въ общую односторонность, въ республиканскій или монархическій абсолютизмъ...“ „Будучи непримиримымъ врагомъ феодаловъ, въ которыхъ онъ видитъ только орудія папъ и императоровъ, гвельфовъ и гибелиновъ и тысячи другихъ паразитныхъ силъ, онъ выказываетъ чисто-вандалское непониманіе итальянскихъ традицій... Относительно папъ, онъ не хочетъ понять, что своею корыстною борьбою противъ имперіи они совершили чудесную революцію раздѣленія властей. Коснется-ли дѣло Григорія VII-го, гвельфовъ и гибелиновъ, онъ не видитъ, что огонь ихъ войнъ очистилъ Европу отъ мязмовъ начала среднихъ вѣковъ. Въ эпохѣ синьорій онъ видитъ только ловкихъ обманщиковъ, извлекающихъ корыстную пользу изъ глупости партій. Наконецъ, въ современную ему эпоху — въ это время изобрѣтеній и открытій, — онъ жалѣетъ о феодальныхъ арміяхъ; онъ хочетъ замѣнить правильными солдатами наемниковъ, но замѣчая, что они-то и есть герои насилія, ужасъ тиранновъ. Онъ не имѣетъ глазъ для блестящей плеяды великихъ людей, которыхъ миріадами порождаютъ эти волшебные города: Римъ, Неаполь, Веро-



на, Флоренція. Онъ можетъ только презирать свою блестящую родину, гдѣ онъ видитъ лишь трусость, бѣдность, корысть и повсемѣстную развращенность. Вся Европа удивляется Льву X, окруженная блестящимъ сонмомъ поетовъ, художниковъ, историковъ, философовъ, ученыхъ... Макиавелли остается холоденъ и суровъ... Онъ попираетъ ногами это чудное мраморное зданіе итальянской исторіи, по которому узорчатымъ карнизомъ извивается свобода; зданіе, состоящее на позовину изъ республики, на половину изъ монархіи; полу-федеративное, полу-унитарное... Онъ проклинаетъ эту Италію, полу-папскую, полу-императорскую, гдѣ ничто не существуетъ собою; гдѣ каждый городъ есть только клочекъ чего-то; гдѣ каждый пользуется свободою подъ условіемъ утраченной національной независимости...“ („Hist. de la raison d'Etat“, стр. 260 — 263).

Феррари счеvidно дѣлаетъ здѣсь ошибку, не различая въ Макиавелли практическаго дѣятеля, политическаго вождя, почти должностное лицо (Макиавелли, какъ извѣстно, былъ секретаремъ флорентійской синьоріи при гонфалоньерѣ Содерини, прославившимся безхарактерностью и глупостью), публициста-теоретика. А это подраздѣленіе въ особенности важно относительно такого дѣятеля, который, какъ Макиавелли, въ теоріи исключительно только наблюдаетъ и объясняетъ, т. е. принимаетъ всякую дѣйствительность такую, какъ она есть, не предъявляя ей никакихъ требованій.—Громадная разница существуетъ между теоретическимъ отрицаніемъ какого-бы-то ни было явленія или практическимъ признаніемъ его негодности въ данное время, которая можетъ выражаться въ рѣзкихъ филиппикахъ и сатирическомъ бичеваніи еще болѣе ѣдкою, нежели то, какому подвергаетъ Макиавелли современную ему Италію. Изъ того, что было сказано выше и нами, и самимъ Феррари, уже явствуетъ, что Макиавелли и не думалъ отрицать свойственный, полу-монархическій, полу-республиканскій характеръ Итали, *какъ историческое явленіе*. Совершенно напротивъ: онъ именно на этотъ-то двѣйственный характеръ и указываетъ, какъ на причину смутъ и междоусобій, въ которыхъ проходила вся итальянская политическая жизнь. Но самая страна въ его время находилась совершенно не въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она была, напимѣръ, во времена

Петрарки. Тѣ свѣтлыя возрожденія, которыми справедливо гордится Феррари за свою родину, достались Италіи не даромъ. Лучшія ея силы были затрачены въ борьбѣ. Истощенная страна во чтобы-то ни стало требовала залиренія. Не находя его въ себѣ, Италія уже значительною своею частью отдалась иностранцамъ. Съ самого начала XVI-го вѣка, мы уже повсюду здѣсь встречаемъ смутное сознаніе, что Италія окончила свою политическую роль. Между-тѣмъ въ непосредственномъ ея сосѣдствѣ сложились уже два сильныя государства: Франція и Имперія. Унитарно-монархическое начало надолго взяло въ нихъ верхъ надъ началомъ федеративно-республиканскимъ. Не надо было даже макіавеллѣвской пронизательности, чтобы понять, чѣмъ грозило Италіи такое сосѣдство. Папство, какъ политическій противовѣсъ имперіи, уже не существовало. При такихъ условіяхъ — прошедшее Италіи становилось невозможностью: его отрицала исторія. Необходимость обороны подавляла всѣ другія соображенія. Для мыслителя едва-ли могло оставаться сомнѣніе насчетъ исхода предстоящей борьбы; но на гражданинѣ лежала обязанность всѣми силами противодѣйствовать грозившей опасности.

Не теоретикомъ-публицистомъ, а итальянцемъ, рѣшившимся отстаивать свою національную независимость, отправляется Макіавелли къ Цезарю Борджіа (герцогу Валентино, сыну папы Александра), который одинъ тогда во всей Италіи располагалъ силами и способностями, дававшими хотя нѣкоторый шансъ на осуществленіе макіавеллѣвскаго проекта объединенія Италіи. Смерть папы Александра и болѣзнь его сына (говорятъ, что отецъ и сынъ выпили по ошибкѣ отраву, приготовленную ими для другихъ; при чемъ папа умеръ; а Цезарь Борджіа опасно заболѣлъ и не оправлялся уже до конца своей жизни) лишили объединительные планы Макіавелли послѣдней опоры. Вернувшись во Флоренцію, онъ вскорѣ потерялъ свою секретарскую должность при воспослѣдовавшемъ восстановленіи господства Медичей (Юліана и Джіованни, 1512 г.), преданъ пыткамъ и заключенъ въ тюрьму, изъ которой вскорѣ вышелъ, благодаря покровительству Льва X-го. Въ это время онъ написалъ своего „Principe“, въ посвященіи котораго семейству Медичей обыкновенно видятъ доказательство гражданской безнравственности злополучнаго экс-секретаря. Книга

эта— послѣднее усиліе со стороны Макиавелли осуществить то государственное объединеніе Италіи, которое одно могло еще дать нѣкоторую гарантію итальянской національной независимости. Но если Цезарь Борджіа не могъ осуществить широкій политическій планъ Макиавелли, то Медичи оказались неспособными даже повяты его. Отстраненный отъ всякаго участія въ дѣлахъ, онъ пишетъ свои „Discorsi“ и флорентинскую исторію. Онъ умеръ въ 1527 г., нѣсколько дней спустя послѣ послѣдняго изгнанія Медичей и по возобновеніи республики, почти наканунѣ роковой борьбы подъ стѣнами Флоренці,—борьбы, которая такъ сильно подтвердила его опасенія за независимость разьединенной Италіи, ставшей на долгія времена достояніемъ чужеземцевъ.

Эмиль Денегри.

# СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Окончаніе.)

V.

## О людскихъ недоразумѣніяхъ.

Обвиненія противъ Кремнева воздвигались въ старомъ домѣ съ различныхъ сторонъ и всѣ эти приговоры были опрометчивы.

Совершенно было естественно, что Кремневъ, просидѣвъ семь лѣтъ въ душныхъ гимназическихъ стѣнахъ и вырвавшись, наконецъ, на свободу, пожелалъ хватить этой свободы, какъ можно болѣе, хватить столько, на сколько достанетъ силъ. Семень Ивановичъ, обвинявшій молодого Кремнева въ непростительной склонности къ шлопайству, не понималъ этого. Когда юноша, видимо, безцѣльно, бродилъ по заглогшимъ аллеямъ, наслаждался благодатной тишиной и уединеніемъ, впивая здоровый воздухъ сада, запахъ дикихъ цвѣтовъ и травъ, Семень Ивановичъ указывалъ на него изъ окна и съ усмѣшкой говорилъ:

— Вонъ онъ, дитяtko, шляется.

Самъ-же Семень Ивановичъ не любилъ шлѣться по саду. Онъ до того уже сгорбился и тѣломъ и духомъ, что тусклый взоръ его уже не поднимался въ ясное небо, а если и поднимался, то лишь съ грoшевымъ расчетомъ: брать съ собой сегодня зонтикъ или нѣтъ? Надѣвать-ли калоши? Прокорѣвъ нѣсколько часовъ сряду въ затхлои атмосферѣ присутственнаго мѣста и придя домой, онъ ужъ ни желалъ ни яснаго неба, ни вольнаго

воздуха, ни цвѣтовъ; онъ жаждалъ лишь халатика, одного сѣраго халатика и болѣе ничего на свѣтѣ. Семень Ивановичъ уже до того очинивничился и душой и тѣломъ, что все человѣческое, живое, стало ему чуждо.

Такъ-же было совершенно естественно при существующихъ понятіяхъ, что молодой человѣкъ, только что сбросившій съ себя однообразный, форменный мундиръ, хотѣлъ пощеголять въ новомъ статскомъ платьѣ, не хотѣлъ отстать отъ другихъ, отъ сверстниковъ. Матрена Васильевна такъ-же не вполне то понимала и обвиняла племянника въ неряшливости. Ее особенно возмущало, что Вася дома ходитъ въ новенькомъ сюртукѣ.

— Хотѣ-бы сюртукъ-то снялъ, ворчала она. — Дома-то можно и въ чемъ Богъ послалъ, не осудятъ, взялъ-бы хотѣ у сестры кацавейку, благо тепло теперь. Жалость смотрѣть, просто! И по саду бродитъ въ сюртукѣ и на диванѣ въ немъ валяется, въ немъ-же и въ гости поидеть.

Сама-же тетушка, вѣроятно, на томъ основаніи, что „никого не осудить“, ходила постоянно въ такомъ отчаянно-грязномъ тряпкѣ, словно она его по огородамъ насбирала съ тѣхъ чучель, что ставятся у грядъ для устрашенья воробьевъ. Впрочемъ, претензіи тетки имѣли за собой болѣе разумныя причины, нежели претензіи Семена Ивановича. Тетка въ Кремневѣ особенныхъ пороковъ не находила. Кромѣ неряшливости, ей не нравилось еще его бездѣльничанье на первыхъ порахъ.

— Хотѣ-бы книжку мнѣ почиталъ! говаривала она. — То въ саду запропадетъ, то на диванѣ растянется. Точно онъ сонный какой, Богъ съ нимъ! А сюртукъ все рветъ.

Главнымъ-же грѣхомъ молодому Кремневу можно было поставить его нерѣшительность, неспособность къ почину. Можно было подумать, что этотъ опасный недостатокъ имъ унаслѣдованъ отъ матери... Впрочемъ, не нерѣшительность виновата въ томъ, что юноша по прибытіи въ старый домъ, не бросился тотчасъ-же искать себѣ работу, а пустился гулять. Кремневъ отдыхалъ въ полномъ, буквальномъ значеніи этого слова.

На завтра, какъ было рѣшено въ саду, объясненій у Кремнева съ матерью не послѣдовало. Переѣзжалъ новый жилецъ, хозяева прибирали въ комнатѣ, затыкали дыры въ полу, черезъ кои проникали по ночамъ крысы, мыли, мели, чистили. И жи-

лецъ переѣхалъ. Но онъ оказался не полковникомъ, какъ было заявила хозяйка, а просто поручикомъ. Капитаномъ его звали только Свистулькины. Анна-же Васильевна, по обыкновенію, сразу рѣшила, что новый жилецъ человекъ ума болѣе, чѣмъ необыкновеннаго.

Съ переѣздомъ поручика въ старомъ домѣ стало не веселѣе, но шумнѣе значительно. Въ залѣ собиралась по вечерамъ компанія, состоявшая изъ поручика, братьевъ Свистулькиныхъ и нѣсколькихъ канцелярскихъ служителей, все закадычныхъ друзей. На этихъ увеселительныхъ вечерахъ предсѣдательствовалъ, обыкновенно, поручикъ.

— А что, господа! возглашаетъ, бывало, онъ: — флаконъ раздавимъ?

— Отчегожь не раздавить? Можно! гулко вторить ему честная компанія.

— Мавра! Мавра! несется по всему корридору.

На сцену выступаетъ чумазая Мавра.

— Такъ, господа, флаконъ? вопрошаетъ предсѣдатель.

— Пусть два возьметъ! слышится изъ угла глухой голосъ, какъ изъ бочки.

— А закуска? Сыръ? выкрикиваетъ поручикъ.

— Колбасы! предлагаетъ Вассыанъ Свистулькинъ.

— сига копченаго! оретъ Кассьянъ.

— И безъ закуски можно! гудеть глухой голосъ изъ угла.

— Мавра! Двѣ бутылки крымской, такое-же число селедокъ, хлѣба! Живо! Маршъ! командуетъ поручикъ и отдаетъ Маврѣ деньги.

Поручикъ выражался лаконично, говорилъ, отчеканивая каждое слово, какимъ-то страннымъ речитативомъ, и, по его собственнымъ словамъ, былъ ужасный человекъ.

— Я, господа, безъ разсужденій даю въ морду! говаривалъ онъ о себѣ.

Отношенія-же свои къ женщинамъ онъ характеризовалъ такъ:

— Пріѣзжаю я, напримѣръ, къ одной, тянетъ поручикъ и самъ въ то-же время прислушивается къ собственнымъ словамъ, любитъ на себя.— Ну, говорю, такъ и такъ, сударыня, мое сердце и прочее и такъ далѣе и такъ далѣе... Смотрю на часы. Adieu! Мнѣ некогда! Лечу къ другой, цѣлую... Черезъ часъ

уже къ третьей... И я съ ними, знаете, безъ церемоніи. Она-медни, папримѣръ, приходитъ ко мнѣ госпожа, стучить въ дверь, спрашиваетъ: господинъ Зѣякинъ дома? А я лежу въ ту пору на диванѣ и отъ нечего дѣлать поллѣвываю, знаете, въ потолокъ, мечтаю этакъ... Дома! говорю ей. Но, не принимаетъ.

Такъ и проходитъ вечеръ въ разсматриваніи фотографическихъ карточекъ обнаженныхъ женщинъ, въ передачѣ фривольныхъ анекдотцевъ, въ питіи и пріятной бесѣдѣ; проходитъ мирно. Не всегда, впрочемъ, мирно.

Однажды Кассьянъ Свистулькинъ, шалости ради, положилъ въ карманъ подвыпившаго поручика нѣсколько кусковъ хлѣбнаго мякиша. Поручикъ было не замѣтилъ сей продѣлки и, распрощавшись, ушелъ во свояси. Немного погодя, отворяется дверь, показывается пьяное лицо и слышится пьяный голосъ:

— Кассьянъ Свистулькинъ! мы съ вами больше не знакомы! Голосъ трагическій и притомъ обычный речитативъ.

Кассьянъ выбѣгаетъ.

— Вы что, капитанъ? освѣдомляется онъ съ лукавствомъ.

— Я повторяю: мы съ вами больше незнакомы! трагичнѣе прежняго произносить поручикъ.

— Да чего вы, капитанъ? Послушайте.... перебиваетъ Кассьянъ.

— Кассьянъ Свистулькинъ! Хлѣбный мякишъ, вы понимаете? недоговариваетъ поручикъ и отставляетъ ногу впередъ.

— Ну, полно, капитанъ! Я пошутилъ. Идемъ!

„Капитанъ“, разумѣется, благополучно былъ втащенъ въ залу и опять пошли возліянія и изліянія. И такъ до полночи, за полночь и дальше.

Кремневъ, замѣчая, что Семень Ивановичъ съ каждымъ днемъ становится къ нему враждебнѣе, слыша постоянно на свой счетъ не темные намеки и насмѣшечки, рѣже сталъ посѣщать „главнаго жильца“ и присталъ къ веселой зальной компаніи. Онъ не находилъ особенной пріятности въ „раздавливаніи флаконовъ“, какъ не находилъ и особеннаго остроумія въ рѣчахъ собесѣдниковъ, но придерживался залы единственно потому, что, вѣдь, надо-же было, въ самомъ дѣлѣ, куда-нибудь голову приклонить? Кабинетъ, отведенный ему теткой, находился на распутии, гдѣ всякій, мимо идущій въ кухню или изъ кухни, дѣлалъ обычный

привалъ съ обычнымъ вопросомъ: „Ну что? Какъ вы? Что по-венькаго?“ и проч. Заниматься, поэтому, въ кабинетѣ, отгороженномъ отъ корридора лишь невещественными, геометрическими плоскостями, было не совсѣмъ удобно, да къ тому-же и серьезныхъ занятій еще не находилось. Завязать сношенія съ „молчаливымъ жильцомъ“, постукивавшимъ по ночамъ щетами, или съ кавалеромъ, упражнявшимся гимнастикой, Кремневъ, разумеется, не могъ. На первыхъ порахъ бойкіе глазки Зины заставили было юношу замечаться. „Какіе у нея славные глаза! размышлялъ онъ. Синіе, точно свѣтъ ночного, лсаго неба отразился въ нихъ. И хорошо она смотритъ ими, такъ мягко, ласково.... Полюбить-бы такую дѣвушку! Если-бы и она тоже. Тогда ея синіе, темные глазки смотрѣли-бы еще мягче, еще ласковѣе. Полюбить-бы“. Кремневъ еще не любилъ; онъ о любви читалъ только въ романахъ, преимущественно у Вальтеръ-Скотта и поэтому понятія о ней имѣлъ самыя смутныя. Правда, тамъ въ дѣтствѣ, давно уже было что-то такое. На одномъ дворѣ съ нимъ, во флигелѣ жила одна дѣвочка съ матерью. Ей было лѣтъ 8, ему 10. Они вмѣстѣ съ Люлей учились, вмѣстѣ играли. Тогда, помнить онъ, находили порой такія минуты, когда ему страшно хотѣлось сжимать руки Люлѣ, жать, ломать ихъ, такъ, чтобы пальцы хрустѣли, чтобы ей было больно. А когда она плакала и рвалась отъ него, онъ обнималъ ее, самъ чуть не плакалъ, цѣловалъ ее и сцѣловывалъ съ ея щечекъ теплыя слезы. Когда Люля съ матерью уѣхала далеко, въ другой городъ, онъ плакалъ, тосковалъ, дня три ходилъ, какъ въ воду опущенный и писалъ на стеклахъ оконъ букву Л. Въ день ея отъѣзда, Кремневъ помнить, какъ онъ, въ порывѣ дѣтской скорби, на бѣломъ листѣ бумагѣ толстымъ французскимъ карандашомъ уродливо намаралъ „мила моя Люля“ и бережно запряталъ этотъ листъ на дно своего сундучка. Что это? Развѣ это любовь? Кремневъ давно позабылъ Люлю; лишь при встрѣчѣ съ Зиночкой пришла ему на память подруга дѣтства. Онъ уже готовился окружить образъ Зины надлежащимъ ореоломъ, собирался, было, придать этому прелестительному образу нѣкоторыя поэтическія черты, но дѣйствительность, говоря языкомъ Востока, скоро постучалась въ дверь его пылкой, юношеской фантазіи. Птичка Божія оказалась очень дю-



жинною дѣвой, нѣсколько лукавой, съ значительнымъ запасомъ ханжества и лицемерія.

— Сегодня я видѣла на дворянской улицѣ двухъ дѣвчонокъ изъ пріюта Амаліи Адамовны, слышала однажды Кремневъ какъ говорила Матренѣ Васильевнѣ Зина.—Одну изъ нихъ я прежде встрѣчала, давно, впрочемъ, когда-то. Вдругъ, смотрю, кланяется. Представьте! Мерзость этакая! Я, конечно, отвернулась, будто не вижу. Такія подлая твари. Вѣдь, это онѣ, я думаю, нарочно дѣлаютъ, чтобы сконфузить. Такъ, кажется, въ глаза-то ей и наплевала-бы. Безстыжія!

Кремневу не понравилась въ дѣвушкѣ такая черствость, такая брезгливость къ человѣку, къ себѣ подобному. „За что-же такая немилость? подумалъ онъ. Чѣмъ-же виноваты тѣ несчастныя, что попали не на содержаніе, а въ грязный пріютъ Амаліи Адамовны? Чѣмъ-же ты передъ ними вычишься, чѣмъ разнишься? Только тѣмъ развѣ, что ты можешь деньгу нажить и сдѣлаться другою Амаліей Адамовной, а тѣ по гробъ должны оставаться въ кабалѣ?“ такъ думалъ Кремневъ и понятно, что онъ не могъ сойтись съ Зиной. Понятно, что ему представлялась открытою только одна дорога въ шумную залу, гдѣ или, „давили флаконы“, пѣли, галдѣли и гдѣ поручикъ трагическимъ тономъ объявлялъ, что онъ „безъ разсужденій даетъ всѣмъ въ морду“. Безобразна была зала съ ея ночными кутежами, съ ея гиганшемъ и ревомъ, но въ ней, по крайней мѣрѣ, сходились люди безъ масокъ, съ такими фізіономіями, какія имъ Богъ послалъ. Пока Кремневу зала не наскучила, онъ навѣщалъ ее.

Такъ прошелъ мѣсяць, Кремневъ попривыкъ къ старому дому, онъ уже не удивлялся, глядя на его жильцовъ, на ихъ нравы, обычаи и образъ жизни; онъ зналъ уже ихъ взгляды, понималъ ихъ рѣчи. Ему даже казалось, что въ старомъ домѣ вовсе не такъ много страннаго, какъ ему показалось на первый взглядъ. Онъ уже присмотрѣлся, прислушался, пообтерся... Онъ думалъ, что домъ не такъ старъ, какъ представлялся онъ ему прежде. „Ну, старъ, очень старъ. Допустимъ даже, что ему лѣтъ сто или болѣе, подумывалъ юноша, бродя по саду и искоса взглядывалъ на домъ. Да что-же изъ того? Онъ еще можетъ сто лѣтъ простоять... Крѣпокъ, даромъ, что половицы шибко посерпываютъ“. Кремневъ начиналъ находить, что старыи домъ уютенъ, что онъ

не лишень нѣкоторыхъ поэтическихъ прелестей... Какъ, напри- мѣръ, мила „темненькая“ эта крохотная комнатка, въ которой отдыхаетъ онъ послѣ обѣда!.. И домъ далеко не такъ мраченъ, какъ показался ему въ первый вечеръ. Но Кремневу не переста- вавалъ мерещиться на яву и во снѣ сѣрый, съ колонами подъ- ѣздъ, широкая, широкая лѣстница и аудиторія... Августъ мѣ- сяцъ стоялъ уже на дворѣ. Пора!.. Улучивъ удобную минутку, Кремневъ остался съ матерью наединѣ и вступилъ съ нею въ объясненія.

— Такъ я, мамаша, отправляюсь въ университетъ, подамъ прошеніе, прямо приступилъ къ дѣлу Кремневъ. — Метрическое свидѣтельство у меня, а вы дайте уже мнѣ отцовскій форму- лярный списокъ! Надо все туда представить при прошеніи...

— Ты все-таки, Вася, думаешь? начала съ легкимъ вздохомъ Анна Васильевна.

— Да я, мамаша, съ тѣмъ и въ гимназіи кончалъ, чтобы потомъ поступить въ университетъ, перебилъ ее сынъ. — Что-же я теперь знаю? Ничего я не знаю... Въ гимназіи только дур- ману мнѣ въ голову напустили... Я хочу учиться, мамаша!...

— Ахъ! Хорошо учиться, когда деньги есть и все... заняла мамаша. — Ты видишь, какъ мы живемъ. Вѣдь мы угла своего не имѣемъ. У насъ не комната—а собачья конура... Спасибо еще Семену Иванычу,—не гонять. А съѣзжай-ка онъ съ квар- тиръ, будь на его мѣстѣ другой,—куда мы дѣваемся?... Тетка насъ съ Соней совсѣмъ ужъ изгрызла, а тутъ еще ты будешь жить....

— Я уроки найду, буду платить за себя....

При этомъ Вася хотѣлъ высказать матери „все, все, что лежало у него на душѣ“, хотѣлъ сказать: „не мѣшай мнѣ жить! не сбивай меня!“, но не сказалъ потому, что это показалось ему слишкомъ мелодраматично. Мало-ли что думается сказать и не сказывается! Высокій слогъ въ наше время смѣшонъ, а смѣш- нымъ казаться ни кому не охота, даже передъ матерью, даже передъ самимъ собой. Съ общепринятымъ, филистерски пошлень- кимъ говоромъ не ловко идти въ разладъ.

— Ну, да. Положимъ такъ... Ты уроки найдешь, ныла мать. — Станешь за себя платить, а мы-то съ Соней какъ-же? Такъ-же опять?...

— Да ужъ я, право, не знаю... не могу-же я...

Вася остановился. Онъ хотѣлъ-бы сказать: „не могу-же я заколотся, если ни смѣлости, ни силы для того у меня не хватаетъ“, но не сказалъ...

— А формулярный списокъ вы мнѣ дайте, добавилъ онъ.

— Ужо, поищу, сквозь слезы проговорила бѣдная Анна Васильевна.

Она тоже хотѣла-бы высказать сыну все, что накипѣло у нея въ душѣ, все, что вынесла, перестрадала она за послѣднія семь лѣтъ. „Я надѣялась на тебя, я ждала тебя! сказала-бы Анна Васильевна сыну.—Я переносила невзгоды съ мыслью: вотъ придетъ избавитель! И люди тоже говорили: вотъ кончить ученье сыночекъ, успокоитъ васъ“... Но ничего пока не сказала Анна Васильевна сыну. Она ограничилась только намеками, да слезами, а всю горечь обманутыхъ ожиданій затаила глубоко въ себѣ. Она, какъ говорится, любила сына, жалѣла его. Ей больно было бы потревожить его душевный миръ. Особенно-же ей не хотѣлось показать Васѣ, что она уже давно мѣтила сдѣлать его ломовою лошадыю для Сонички и для себя. Все это — черныя мысли, страшныя, неприятыя побужденія. Боязно и стыдно высказывать ихъ. Конечно, Анна Васильевна имѣла за себя обычай, общественное мнѣнiе, право родства. Все это — доводы-гиганты, на которые опирайся смѣло! Анна Васильевна знала это: знала, что это доводы очень вѣскіе. Мать, качая сына въ колыбели, думаетъ: „выростетъ крошка — кормильцемъ будетъ“; люди говорятъ: „такъ и должно: должно покоить родителей“. Развѣ мало, въ самомъ дѣлѣ, испытала она съ Васей всякихъ мелкихъ неприяностей, лишеній и заботъ? Она ходила за нимъ, за больнымъ, иногда ночи просиживала напролетъ. Когда Вася подростъ, она сама учила его читать, писать. Да мало-ли чего было! Развѣ не въ правѣ она за все это потребовать у сына отплаты? Но противъ этихъ, повидимому, непреложныхъ доводовъ выступало нѣчто болѣе высокое, болѣе гуманное, и объ это нѣчто разбивались въ прахъ доводы-гиганты. Отплата отплатѣ рознь. Если Анна Васильевна потребуетъ отъ сына, чтобы онъ для нея отказался отъ университета, чтобы поступилъ въ гражданскую палату, — не явится-ли она въ такомъ случаѣ врагомъ ему? Только врагъ можетъ вырастить человѣка для мукъ. Всякая-же доб-

рая мать раститъ человѣка, вѣроятно, для того, чтобы онъ, по возможности, былъ счастливъ, доволенъ тѣмъ, что ему дали жить. Спрашивается: зачѣмъ-же она и на свѣтъ производила сына и ухаживала за нимъ за больнымъ, зачѣмъ, однимъ словомъ, она выростила сына, когда не была намѣрена дать ему свободу, дать возможность устроить жизнь по его вкусу? Имѣтели она право распоряжаться его жизнью? Ея-ли собственность эта жизнь? Она какъ-бы давала деньги въ долгъ съ тѣмъ, чтобы ей возвратили сторицею. Такой расчетъ съ ея стороны — лихоимство, а лихоимство не добродѣтель. Человѣкъ, дѣлающій добро только въ надеждѣ получить за то сторицею, не можетъ претендовать ни на какой рай и годится только въ ростовщики. Все это у Анны Васильевны, какъ у женщины неглупой, часто копошилось въ головѣ: Все это заставляло ее осторожнѣе смотреть на свое материнское право, на общественное мнѣніе и на старшій обычай. Анна Васильевна колебалась и это колебаніе мѣшало ей прямо высказать свои настоящія, неподкрашенные мысли. Впрочемъ, Кремневъ изъ послѣднихъ объясненій матери, не смотря на всю ея осторожность, еще болѣе убѣдился въ томъ предположеніи, что на его будущее рассчитывали. Онъ подумалъ, что мать была неправа; неприятно, неловко и стыдно стало ему за мать. Въ его взглядѣ, устремленномъ на Анну Васильевну, вѣроятно, очень ясно выразался укоръ, такъ-какъ Анна Васильевна при его взглядѣ заплакала пуце презняго.

— Вѣдь вотъ еще свидѣтельство о бѣдности надо выхлопотать, просить объ освобожденіи отъ платы... стипендію надо, говорила Анна Васильевна. — А я ужъ, значить... Мы съ Соней какъ-нибудь опять... Семень Иванычъ, дай Богъ ему здоровья...

Кремневъ хотѣлъ-было утѣшить мать, но изъ этого ничего не выходило. Онъ махнулъ рукой и, скрѣпя сердце, ушелъ въ садъ... По возвращеніи Семена Ивановича изъ должности, Анна Васильевна передала ему сполна свой утренній разговоръ.

— Что-жъ! Вѣдь я вамъ говорилъ! повторялъ тотъ. — Нынче, матушка, всѣ передовые стали... Этакая дребедень! Самъ себя пристроить не можетъ, а тоже въ политику лезеть... Гм! Мать съ голоду мри, сестра ступай хоть въ горничныя, а ему и дѣла мало: онъ станетъ-себѣ за книжкой сидѣть да за всѣхъ про всѣхъ раздумывать... Это — передовые!.. Шемелой-бы ихъ!

— Въ гимназіи, говорить, только дурману въ голову напустили, добавила Анна Васильевна, не предполагая, что она подливала масла въ огонь.

— Ги! выразительно хмыкнулъ „главный жилецъ“ и обычной усмѣшкой скривились его сухія губы. — Дурману! Эхъ, дрянъ, прости Господи! Вѣдь мы по университетамъ не бѣгали, а людьми вышли... Иные и въ гимназіи не кончили, а однако... Это все — ерунда! Двадцать лѣтъ служу, никому еще не кланялся... Самъ выбился—безъ маменекъ, безъ папенекъ... а нѣшто уродъ?.. Это все ерунда! повторилъ еще разъ Семень Ивановичъ и сердито запахнулъ халатикъ.

Семень Ивановичъ находилъ необыкновенное удовольствіе говорить о себѣ, особенно о томъ, что онъ никогда никѣмъ не обязывался: взросъ, такъ сказать, какъ цвѣточекъ въ полѣ, безъ всякаго ухода. Пространно и витиевато, съ чувствомъ и достоинствомъ любилъ онъ рассказывать, что всѣмъ обязанъ только одному себѣ. Такіе, не совсѣмъ резонные панегирики своей собственной особѣ онъ считалъ, повидимому, необходимымъ возобновлять отъ поры до времени въ памяти слушателей, для того, должно полагать, „чтобъ человекъ не баловался“...

— Какой чудесный человекъ! говорили про него жильцы, не исключая даже и зальныхъ свистуновъ.

Такъ-же часто и много разсуждалъ онъ о своемъ отвращеніи къ низкопоклонничеству и ухаживанью за высшими. Такъ, на примѣръ, при встрѣчѣ съ Иваномъ Петровичемъ, получающимъ семьдесятю рублями въ годъ болѣе его, Семень Ивановичъ считалъ непремѣннымъ долгомъ вздергивать плечи и откидывать голову назадъ, не смотря на то, что Иванъ Петровичъ даже и не подозрѣвалъ, что относится къ „вышнимъ“. Семень Ивановичъ хорохорился, а его „вышніе“ и не замѣчали его скромныхъ демонстрацій. Такъ-же не прочь былъ Семень Ивановичъ иногда послѣ сытнаго обѣда или послѣ чая, вечеркомъ, потолковать о томъ: „какого худого, оборваннаго мужика встрѣтилъ онъ сегодня, возвращался изъ палаты“. Онъ жалѣлъ мужичка, жалѣлъ, что съ нимъ мелкихъ денегъ не было; мечталъ о томъ, что „еслибы вдругъ барыни отказались отъ нарядовъ, то много можно было-бы нищихъ одѣть и накормить“, что „еслибы“ и т. д., и т. д. Семень Ивановичъ говорилъ, что мужикъ бѣденъ,

грубъ, невѣжественъ; но при этомъ онъ утверждалъ, что „дѣла міра сего“ иначе не могутъ и идти, да никогда и не будутъ идти иначе. Еще странность водилась за Семеномъ Ивановичемъ: любилъ онъ, въ обществѣ Свистулькиныхъ и имъ подобныхъ, подтрунивать надъ духовенствомъ, надъ суевѣріемъ и предразсудками и еще надъ кое-чѣмъ. Наканунѣ-же воскресенья въ его комнаткѣ обыкновенно теплилась передъ образомъ лампадка, въ воздухѣ припахивало деревяннымъ масломъ и Семень Ивановичъ по утру и на сонъ грядущій преусердно всегда молился Богу.

Слабостей и пороковъ въ молодомъ Кремневѣ, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ открывалось все болѣе и болѣе. О неряшливости молодого человѣка, о неловкости, объ его, яко-бы барскихъ, замашкахъ, о недогадливости и о прочемъ, Семень Ивановичъ не уставалъ читать обширные трактаты, пересыпая ихъ каламбурцами и шуточками. Внѣшнее-же сближеніе Кремнева съ „зальными флаконщиками“ послужило для „главнаго жильца“ неистощимою темой для насмѣшекъ и умозаключеній, болѣе или менѣе чудовищныхъ, и для безконечныхъ словопреній и разговоровъ съ Анной Васильевной и Соней. Въ концѣ-же концовъ онъ непременно приходилъ къ сравненію Сонички съ братомъ и къ сердечному сокрушенію о томъ, отчего Анна Васильевна родила Соничку не мальчикомъ, а Васю — не дѣвочкой.

— Длинное платьице, кофточку какую-нибудь этакую хорошенькую, шиньонъ и — прелесть, что вышла-бы за барышня! смѣясь, говаривалъ Семень Ивановичъ.

Только возвеселился-ли-бы онъ, еслибы Соничка вдругъ превратилась въ мальчика? — это другое дѣло. Для сомнѣній по этому поводу находилось много данныхъ. Когда, бывало, Соничка начинала отвѣчать на его невинныя заигрыванья, глаза его покрывались какимъ-то маслянистымъ блескомъ. Жильцы даже думали, что и деньги-то за Соничку онъ вноситъ въ гимназію, какъ за свою будущую невѣсту. Впрочемъ, такія предположенія вслухъ не высказывались, а выражались только многозначительными взглядами. Мамаша, конечно, была-бы въ восторгѣ, еслибы этотъ бракъ состоялся. „Чего-же лучше? Семень Ивановичъ — человѣкъ почтенный, съ деньгами; ума — палата; о чемъ ни заговори — все знаетъ, обо всемъ посовѣтуетъ... Не старъ... Пятидесятилѣтній мужчина — это еще благоухающій цвѣтокъ! Ну, а красота... да

жить-то вѣдь съ человѣкомъ... Что красота? Красота скоро пройдетъ... А Соничка была-бы счастлива и я успокоилась-бы"... Такъ совершенно резонно рассуждала Анна Васильевна. О бракахъ бѣдныхъ она была самаго нелестнаго мнѣнія и относилась къ нимъ не иначе, какъ съ дурнымъ словомъ. Она всегда говорила, что бѣдная дѣвушка должна выходить за богатаго, хотя-бы и пожилого (читай: стараго); что бѣдный молодой человѣкъ долженъ жениться лишь на богатой, хотя-бы и не первой молодости (читай: старой). Понятно, что она желала привить и дочери свои воззрѣнія. Поэтому Анна Васильевна пространно разглагольствовала передъ дочерью о злоупотребляхъ молодыхъ, но бѣдныхъ супруговъ, и яркими красками описывала всю прелесть жизни въ богатствѣ и нѣгѣ; она приводила дочери сотни примѣровъ злоупотребныхъ и благополучныхъ браковъ... Не всегда, впрочемъ, съ умысломъ толковала она, иногда просто по естественному, непреборимому влеченію къ разглагольствованію. Семень Ивановичъ, разумѣется, всегда поддерживалъ ее...

Въ обществѣ Семень Ивановичъ обращался съ Соничкой то шуточно, то съ отеческой серьезностью; наединѣ-же онъ относился къ дѣвочкѣ подружески, ласково, даже нѣжно, но эту нѣжность онъ старательно скрывалъ отъ постороннихъ глазъ. Семену Ивановичу нравилось, что Соничка думаетъ его мыслями, говоритъ его словами. И, дѣйствительно, благодаря почти постоянному пребыванію въ комнатѣ „главнаго жильца“, она давно уже подпала подъ его вліяніе. Въ сужденіяхъ и поступкахъ ея замѣчается уже старческаая серьезность; вялость мыслей и манеръ также сильно напоминаетъ Семена Ивановича. „Главный жилецъ“ гордился дѣвочкой: эта дѣвочка была его другое собственное „я“. Но Семень Ивановичъ, какъ человѣкъ очень скрытный, не дѣлалъ Аннѣ Васильевнѣ никакихъ намековъ насчетъ своихъ будущихъ плановъ. „Подождемъ два годика; Соня кончитъ курсъ... тогда посмотримъ!“ рассуждалъ Семень Ивановичъ. „А до тѣхъ поръ будемъ ее въ свою вѣру приводить“... Куда же, въ самомъ дѣлѣ, торопиться ему? Вѣдь его положеніе въ старомъ домѣ очень почетное и пріятное: мать и дочь пляшутъ передъ нимъ на заднихъ лапкахъ, ухаживаютъ за нимъ, какъ за роднымъ. Онъ потчуетъ ихъ чайкомъ, кофейкомъ, — словомъ, благодѣтельствуетъ; за то онъ на нихъ покрививаетъ, постуки-

васть, а будь прежде, немного болѣе патриархальное времячко, онъ завелъ-бы и плетку. Теперь онъ все-таки на половину хозяинъ стараго дома. Вотъ только горе: затесался любезный братецъ. Эхъ, какіе, бывало, воздушные замки строилъ Семень Ивановичъ до появленія Кремнева! Опредѣлилъ-бы онъ его въ гражданскую палату, повелъ-бы его по своимъ стопамъ, угощалъ-бы чайкомъ, кофейкомъ, звалъ-бы Васинькой. Въ мечтахъ онъ уже видѣлъ себя играющимъ съ Васинькой въ „акульку“ и проповѣдующимъ ему о выгодахъ служебной карьеры, о пенсіи и о многомъ другомъ; въ мечтахъ онъ поучалъ Васиньку, какъ наилучшимъ, наиспособнѣйшимъ образомъ обдѣлывать свои дѣлишки; въ мечтахъ-же онъ видѣлъ Васиньку покорнымъ, послушнымъ юношей, неразсуждающимъ ни объ общей пользѣ, ни о политикѣ, ни о какихъ пустякахъ вообще... Мечты разлетѣлись прахомъ. Кремневъ ему день ото дня все болѣе и болѣе не нравился. Юноша не только что не слушалъ съ должнымъ благоговѣніемъ его изрѣченій, но дерзалъ даже спорить съ нимъ.

Кремневъ между тѣмъ напрасно ломалъ себѣ голову: зачѣмъ „главный жилецъ“ порывается читать ему нравоученія? Съ чего онъ вмѣшивается въ его дѣла, встаетъ между нимъ и его будущимъ? О чемъ хлопочутъ мать и сестра — это онъ уже смекнулъ. Но жилецъ!.. Жильца онъ не понимаетъ. Невѣжество всегда всему виной. Кремневъ многого не зналъ, не зналъ, между прочимъ, и того, что Семень Ивановичъ сильно не долюбивалъ всѣхъ тѣхъ, которые шли въ разрѣзъ съ общимъ теченіемъ жизни стараго дома, что Семень Ивановичъ мечталъ сдѣлать его, Кремнева, своимъ послѣдователемъ, ученикомъ, что онъ хотѣлъ похоронить его въ гражданской палатѣ и пропѣть надъ нимъ, надъ его могилой, свою любимую пѣсенку: „нашего полку прибыло, прибыло“...

Впрочемъ, напрасно злобился и горевалъ Семень Ивановичъ. Его игра не совсѣмъ еще была проиграна. Старый домъ былъ съ нимъ заодно и неустанно подвигалъ свое дѣло впередъ и впередъ...



## VI.

## Въ старомъ домѣ происходитъ небывалое.

Въ старомъ домѣ до появленія Кремнева было все благонамѣренно и чинно: никакія идеи не смущали ничьего покоя; авторитетъ Семена Ивановича оставался непоколебленъ и всѣ къ домашнему оракулу относились съ почтеніемъ. Съ появленіемъ-же Кремнева поднялось въ умахъ какое-то броженіе, и первобытный покой былъ нарушенъ.

Перемяна всего явственнѣе отразилась на „главномъ жильцѣ“: онъ то и дѣло толковалъ объ общественномъ спокойствіи, намекалъ на какую-то неблагодарность, на измѣны и предательства, на злые ковы; разъ даже, нахмурившись, онъ проговорился что-то о государственной безопасности, объ интригахъ, о необходимости репрессивныхъ мѣръ... Семенъ Ивановичъ сталъ мнительнѣе — это всѣ замѣтили. Онъ заподозрилъ даже въ передовомъ направленіи зальныхъ безшабашныхъ свистуновъ; съ двусмысленной улыбкой посматривалъ онъ при встрѣчѣ на надворнаго со-вѣтника и кавалера, мирно совершавшаго по корридору свою обычную прогулку; съ нѣкоторою озабоченностью поглядывалъ онъ на скромно притворенную дверь Зиночкиной комнаты; въ веселомъ пѣніи этой сирены, чудилось ему, уже звучали передовыя ноты; въ пощелкиваніи счетами въ комнатѣ „молчаливаго жильца“ онъ также относился не совсѣмъ спокойно. Противъ старой хозяйки, даже противъ своихъ вѣрнопопавшихъ — Анны Васильевны и Сонички Семенъ Ивановичъ имѣлъ сильныя подозрѣнія, но высказывалъ ихъ не прямо, а только намеками.

— Вы, Анна Васильевна, стали нынче какія-то разсѣяныя... странныя... говаривалъ онъ, многозначительно взглядывая на кончики своихъ дырчавыхъ туфель.

Дворникъ Данило и беззубый Волчокъ также стояли у него на худомъ счету.

— Что за негодный песь! Все передъ окнами ямы по ночамъ роетъ... А тотъ, старый хрычъ, дрыхнетъ, не зароетъ ихъ, ворчалъ онъ.

Мавра, казалось ему, по тайному соглашенію съ Анной Ва-

сильевой и Соничкой, его чашки и стаканы подаетъ въ комнаты другихъ жильцовъ, а ложки его держитъ у себя въ кухнѣ... Противъ Кремнева-же, какъ противъ мнимаго виновника всѣхъ золь, Семень Ивановичъ возставалъ всѣми силами души и елико возможно изощрялъ надъ нимъ стрѣлы своей сатиры. Онъ называлъ его уже не иначе, какъ „чадо, дитятко“ и т. п. именами.

— Гдѣ онъ, чадо-то ваше? спрашивалъ онъ, бывало, Анну Васильевну. — Небойсь флаконы давить? Ха, ха, ха! Онъ у васъ какой-то антрепренеръ — право, антрепренеръ! А трупна у нихъ тамъ собралась претличная... Одинъ другого лучше... До уголовщины-бы не достукались!.. Гм! О политикѣ, поди, все... У нихъ что-то вчера больно гулко было... Ужь не приводили-ли дѣвочекъ?.. Гм! Передовые...

Прозвище „антрепренера“ понравилось Семену Ивановичу и утвердилось за Кремневымъ на вѣчныя времена. Это слово Семень Ивановичъ произносилъ какъ-то по своему, стараясь, разумѣется, придать ему самый смѣхотворный, презрительный тонъ.

Теперь о недавнемъ времени, т. е. о времени за мѣсяць тому назадъ, Семень Ивановичъ уже вспоминаетъ какъ объ очень отдаленномъ добромъ старомъ времени. Мирные вечера, пріятное пѣніе Зины и Сонички, игра въ „акульку“, еще болѣе патриархальная игра „въ хлопанцы“, душеспасительныя рѣчи—гдѣ вы? Вы прошли, исчезли, какъ сонъ, какъ сладостная мечта!..

До появленія въ старомъ домѣ поручика жильцы хотя и пивали водку и вино, но умѣренно и прилично. Кавалеръ Трынкинъ, на примѣръ, передъ обѣдомъ пилъ рюмку или двѣ горькой и въ результатъ для кавалера получался лишь пріятный послѣобѣденный сонъ, а ближнимъ отъ того никакихъ соблазновъ не происходило. И Семень Ивановичъ иногда раскопелвался для гостя, открывалъ свой старенькій, кожаный портмонэ и выдавалъ Марьѣ гривенникъ на бутылку пива. Бутылку откупоривали, ставили на столъ при двухъ стаканахъ и собесѣдники, никому не мѣшая, потягивали пивцо и самоуслаждались. Пьянства никакъ опять-таки не выходило. Зиночка по большимъ праздникамъ такъ-же покупала рублевую бутылку „старого хереса“ и подносила по рюмочкѣ всѣмъ приходившимъ къ ней жильцамъ. Получить рюмку хереса вообще пріятно, а изъ маленькихъ, бѣ-

ленькихъ ручекъ еще пріятнѣе. Да! То было—по истинѣ—патріархальное время!

— Мало-ли чего было! говорить со вздохомъ Семень Ивановичъ.—Завелись ужъ эти антрепренеры... Теперь—не то! Теперь все о политикѣ...

Онъ снуетъ носомъ и морщится, какъ-будто и въ атмосферѣ его комнаты уже носится тотъ ненавистный для него духъ, который заразилъ уже весь домъ отъ стараго до малаго... Теперь въ залѣ пьютъ, бьютъ, неистовствуютъ. Флаконы давятся—и гуль, подобный гулу отдаленной бури, расходится по дому. „Мое правило, господа, такое, вдругъ надъ всѣмъ этимъ воємъ и ревомъ возвышается речитативъ поручика.—Хочешь — давай, не хочешь — баць! Разъ и два! Тр-р-рахъ, тр-р-рахъ!“ Бумъ, бумъ, бумъ!“ съ дикимъ стономъ и воємъ отзывается хоръ.

«Домового-ли хоронять?  
Вѣдьму-ль замужъ выдають?»..

весьма резонно спрашиваетъ Соня.

Семень Ивановичъ только морщится и кусаетъ ногти.

— Ну! Такого дебоширства у насъ еще никогда не бывало... говоритъ Анна Васильевна, не предчувствуя, что она своимъ легкомысленнымъ замѣчаніемъ еще пуще бередитъ жилищу больную рану.—Послушайте, послушайте! Вѣдь страсти, что у нихъ тамъ такое!... Надо унять... Вѣдь, на улицу слышно... Что подумаютъ о насъ добрые люди!...

Она бѣжитъ, стучить въ залную дверь, вызываетъ Васю.

— Ого-го! гогочеть, трещить и ломится зала.

— Не можете-ли, господа, потише! говоритъ Анна Васильевна.

— Проваливай! Исчезни! поетъ хоръ.

— Такъ нельзя жить! разгорячаясь, кричитъ хозяйкина сестра.

— Пш-ш-ла! Отчаливай! раздается изъ залы и въ ту-жъ минуту изъ залы выскакиваетъ весь красненькій и вертлявый, какъ всегда, Кассьянъ Свистулькинъ.

— Что вамъ здѣсь угодно, сударыня? обращается онъ къ Аннѣ Васильевнѣ.

— А чтобы вы поутишились, отвѣчаетъ та рѣзко.

— Во-первыхъ, вы здѣсь—не хозяйка! вопитъ Кассьянъ.—

Вы что такое за фрѣ? Гм! Плюнуть да растереть—только... А во-вторыхъ, сударыня, мы нанимаемъ комнату и знать ничего не хотимъ! Понимаете? Захочемъ—на головахъ заходимъ, захочемъ—камня на камнѣ не оставимъ здѣсь... Мы васъ не касаемся... Трахъ-бумъ! Трахъ-бумъ! Эво-эво-э... Тра-та-та-та... „Folichon, folichon...“ заплѣлъ Кассьянъ и исчезъ.

Чуть не со слезами возвратилась Анна Васильевна въ комнату „главнаго жильца“. А въ залѣ, между тѣмъ, по прежнему стонъ стоялъ, полъ трещалъ и звонъ битой посуды, мѣшался съ криками пирующихъ, составлялъ дивную, за душу рвущую гармонію. Въ то время, какъ Анна Васильевна рассказывала о своемъ фіаско, Семень Ивановичъ сосредоточенно всматривался въ уродливое отраженіе въ самоварѣ своего угреватаго лица и мычалъ:

— Что-то будетъ? Что-то будетъ?!

Братья Свистулькины уже и ранѣ замѣчали, что „главный жилецъ“ сталъ относиться къ нимъ съ нѣкотораго времени холодно. Появленіе-же у дверей Анны Васильевны, находившейся, какъ имъ было извѣстно, въ вѣденіи Семена Ивановича, Свистулькины прямо приписали проискамъ „главнаго жильца“. Они сразу почували, что какая-то невѣдомая сила стремится ихъ обуздать и взъярились.

— По сусаламъ его! кричалъ поручикъ.

— Расшибемъ! Разразимъ! вторилъ хоръ.

Семень Ивановичъ негодовалъ на свистуновъ и флаконщиковъ за то, что они какъ-будто преднамѣренно и систематически своимъ неблагоприличнымъ свистомъ и трескотней уязвляли его самого, Семена Ивановича. Свистуны-же и флаконщики негодовали на „главнаго жильца“ за то, что онъ вѣшивается, будто, въ ихъ дѣла, подводитъ мины.

— Я ему задамъ знать! гремитъ Вассыанъ Свистулькинъ.

— Я ему преподнесу! вставляетъ отъ себя Кассьянъ.

— Господи! речитативомъ возглашаетъ поручикъ. — Прежде всего — въ морду!...

„Въ морду!“ гудеть по дому „перекатною волной“. Съ того дня, по выраженію Матрены Васильевны, между Семеномъ Ивановичемъ и залой началась „кондра...“ А не далеко еще то

время, когда свистуны частенько посѣщали „главнаго жильца“, не рѣдко и его къ себѣ зазывали. Прежде, бывало, свистунъ, купивъ себѣ галстучекъ, шляпу или какую-нибудь иную обновку, тотчасъ-же бѣжалъ къ „главному жильцу“; свистунъ хватался, вертѣлся маріонеткой, заглядывалъ на себя въ зеркало спереди и сзади; Семенъ Ивановичъ рассматривалъ обновку, высчитывалъ, соображалъ и изрѣкалъ мнѣніе... Теперь для свистуновъ, словно, и дорога запала къ комнатѣ „главнаго жильца“. При встрѣчахъ, въ корридорѣ, здороваясь, они уже не обмѣнивались обычными фразами: „Ну, что! Какъ вы?—Я—ничего! А вы?“ и т. д. Одно время, когда выпало безденежье, Кассьянъ Свистулькинъ норовиль было снова сблизиться съ Семеномъ Ивановичемъ, но не удачно... Кассьянъ послалъ ему съ Маврой записку такого содержанія: „М. г. Семенъ Ивановичъ! Прошу у васъ до вторника рубля съ полтиной, чѣмъ примного обяжете. К. Свистулькинъ“. Письмо осталось безъ отвѣта: Семенъ Ивановичъ „примного не обязалъ“ и рубля съ полтиной до вторника не далъ...

Вскорѣ послѣ того между имъ и Вассыяномъ Свистулькинымъ произошла пренепрятная сцена въ комнатѣ Зины. Оба наговорили другъ другу много не надлежащихъ вещей, а Вассыянъ въ довершеніе всего обнесъ Семена Ивановича какимъ-то особенно непохвальнымъ словомъ. Семенъ Ивановичъ, пораженный всѣмъ происшедшимъ, сумраченъ удалился съ поля битвы въ свои апартаменты и весь тотъ вечеръ грызъ ногти и молчалъ. Я думаю, что Семенъ Ивановичъ ощущалъ тогда нѣчто подобное тому, что волновало Наполеона послѣ ватерлооской битвы... Лишь на другой день послѣ обѣда „главный жилецъ“ опомнился, пришелъ въ себя, хотѣлъ идти жаловаться на сорванца банковскому начальству, но вмѣсто того, плотно притворивъ свою дверь, излилъ цѣлую дохань ругательствъ на негодныхъ мальчишекъ.

— Ухъ, дрянъ какая! шипѣлъ онъ. — Я и прежде замѣчалъ... Злой, злой мальчишка... Грубіянь!... Связываться-то не стоить, а то-бы я его...

Въ тотъ-же вечеръ Семенъ Ивановичъ объявилъ хозяйкѣ, что сѣзжаетъ съ квартиры. Матрена Васильевна состроила для вида очень печальную рожу, въ душѣ-же была вполне увѣрена,

что жилецъ съ квартиры не съѣдетъ... „Его и помеломъ не выметешь, потому—привыкъ человѣкъ! разсуждала хозяйка.—Это онъ только такъ—страцаеть, антимоіи разводитъ...“ Уже вездѣ и всюду и въ мелочной, и въ мясной лавочкѣ, гдѣ Матренинъ Васильевнѣ отпускали въ долгъ,—знали, что у Семена Ивановича съ залой вышла „большущая кондра“.

Въ отношеніяхъ „главнаго жильца“ къ Зинѣ такъ-же произошли неблагопріятныя перемѣны. Давно уже бойкіе глазки дѣвушки приглянулись ему и разожгли его чувственные инстинкты. Онъ подарилъ ей горшокъ великолѣпнаго гераніума, обѣщаль подарить китайскій розанъ, словомъ, ухаживаль. Вся послѣдняя зима прошла для Семена Ивановича въ болѣе или менѣе пріятныхъ волненіяхъ. То ему казалось, что сердце Зиночки уже располагаетя къ нему, то чудилось ему, что Зиночка его просто дурачить. Она нерѣдко забѣгала къ нему вечеркомъ на чашку чай, пѣла ему пѣсни, дурачилась, а онъ таллъ и млѣлъ. Семенъ Ивановичъ уже намекалъ Зиночкѣ, что у него про черныи день и денежки есть, что сердце у него еще молодо.

Но Зиночка послѣ такихъ его разговоровъ признавалась Матренинѣ Васильевнѣ:

— Милостно просить пойду... удавлюсь лучше, а съ нимъ не стану жить! Такой онъ всегда сладенькій, противный... не люблю такихъ мужчинъ!

Зиночка очень хорошо знала, что „главный жилецъ“ смотритъ на нее, какъ на увеселительный предметъ, и дурачила его напропалую. Вообще-же, какъ казалось Семену Ивановичу, Зиночка къ нему до сихъ поръ относилась мило и почтительно. Въ послѣднее-же время Семенъ Ивановичъ сталъ подмѣчать на ея розовыхъ устахъ насмѣшливую улыбочку и ту улыбочку относилъ, конечно, на свой счетъ. Было очевидно, что новый духъ и тутъ пакостилъ Семену Ивановичу, соврацая съ пути Зиночку. Но причиною того, что Зиночка перестала вовсе обращать на него вниманіе былъ вовсе не новый духъ, а очень красивый, высокій студентъ, который нерѣдко по вечерамъ прохаживался по ихъ пустынной улицѣ вдоль поваленнаго садового забора, и вполголоса очень пріятнымъ теноромъ напѣваль:

„Дайте жизни, дайте счастья,  
Дайте мнѣ любить!“

Сердце просить няги, страсти;  
Сердце хотеть жить..."

— Что васъ нынче не видно, Зинаида Александровна? Что ко мнѣ не заходите? рѣшился, наконецъ, Семенъ Ивановичъ освѣдомиться у дѣвушки, повстрѣчавшись съ нею въ корридорѣ.

— Скучно у васъ! съ гримаской отвѣтила Зина и, звонко засмѣявшись, убѣжала прочь.

Семенъ Ивановичъ многозначительно повелъ носомъ...

За то Зиночкѣ, вѣроятно, было не скучно гулять по вечерамъ въ саду вдоль поваленнаго забора и напѣвать сквозь зубы:

"Что онъ ходитъ за мной,  
Всюду ищетъ меня?..."

Иногда, слышно было, трещалъ заборъ и въ вечернемъ сумракѣ было видно, какъ темная, высокая тѣнь перебиралась въ садъ...

## VII.

**Чѣмъ дальше въ лѣсъ—тѣмъ больше дровъ.**

Кремневъ, не находилъ удовольствія ни въ обществѣ свистуновъ, ни въ сладкомъ пѣніи сирены, ни въ словоизверженіяхъ Семена Ивановича, необходимо долженъ былъ искать развлеченій на сторонѣ—и находилъ ихъ въ городской библиотекѣ, впрочемъ, весьма скудной, да въ домахъ двухъ-трехъ своихъ прежнихъ товарищей. Но, не смотря на то, что Кремневъ отъ поры до времени выходилъ на свѣжій воздухъ, старый домъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ надъ нимъ все болѣе и болѣе власти. Эта мягкая власть, непримѣтно для невооруженнаго глаза растущая съ часу на часъ, крадучаяся, какъ тать, безъ шума, безъ всякихъ внѣшнихъ атрибутовъ величія и силы, была особенно опасна потому, что Кремневъ не замѣчалъ ее, какъ не замѣчалъ до тѣхъ поръ процессъ своего роста. Когда платье ему начинало не сходитьсь, когда оно дѣлалось узко и коротко, тогда только Кремневъ заключалъ, что онъ выросъ; но у него не находилось подъ руками подобныхъ-же средствъ для повѣрки тѣхъ невещественныхъ перемѣнъ, которыя неумовимо, быстро изо дня въ день

совершались въ немъ подѣ неотразимымъ вліяніемъ внѣшнихъ давленій. Тутъ юноша оказывался безсиленъ. Да онъ, впрочемъ, и не боролся, ему не съ кѣмъ было бороться, онъ не видалъ врага. А жизнь стараго дома, между тѣмъ, переставала уже смущать его. Даже на самый домъ онъ начиналъ смотрѣть другими глазами. Онъ находилъ въ немъ удобства, много спокойствія; заглохшій садъ такъ-же полюбился ему...

Однажды въ сѣрый, осенній денекъ, когда холодноватый вѣтеръ дулъ по саду и желтый листь, кружась, падалъ съ деревь, устилая землю мягкимъ ковромъ, Кремневъ хотя и привыкъ къ старому дому, но университетъ все-таки манилъ и манилъ его.

— Такъ я, мамаша, попесу прошенье? говорилъ онъ матери.

— Что-жь! Неси! со вздохомъ прошептала та, искоса и недоброжелательно посматривая на четко исписанный бѣлый листь бумаги, который Вася держалъ въ рукахъ.

— А деньги-то какъ-же внесешь? У меня вѣдь нѣтъ, замѣтила мать.

— Гм! На будущій годъ освободятъ отъ платы, обѣщали и стипендію, если хорошо весной экзаменъ сдашь... А теперь тетка дастъ... Какъ-нибудь надо достать, вполголоса проговорилъ Кремневъ.— Неужто пятидесяти рублей не добудемъ...

— Да гдѣ ихъ добудешь-то?... Тетка не дастъ: она и то на тебя сердится... Лежебовъ, говорить... уроковъ не поищеть...

— Будутъ уроки! Все будетъ! съ досадою и какъ-бы нехотя, промолвилъ юноша.

Прошеніе отнесено. Кремневъ ходилъ по университетскимъ корридорамъ, по аудиторіямъ, на ту пору еще пустымъ; заглянулъ даже въ актовую залу черезъ стеклянную дверь. Сердце его радостно, весело билось при мысли, что, вотъ, черезъ недѣлю, черезъ двѣ онъ будетъ сидѣть на этихъ самыхъ скамьяхъ. Мечта лучезарнымъ свѣтомъ озаряла ему путь, рисовала ему блестящую перспективу. Мечта вела его къ настоящему, хорошему дѣлу, вводила его въ кругъ умныхъ, честныхъ людей, любящихъ правду болѣе жизни... А тамъ, словно изъ розъ и золота сотканная, прозрачная даль сіяетъ, волшебствомъ вызванные воздвигаются воздушные замки, дивныя страны,—въ нихъ мы всѣ когда-то гуляли не то на яву, не то во снѣ... Кремневъ



возвращается домой. Передъ нимъ опять эта старая руина, съ позеленѣлой крышей, съ темными стѣнами; опять старыи садъ, бѣлыя березы, зацвѣтшій прудъ, поваленный заборъ. Опять Семень Ивановичъ въ своемъ сѣромъ халатикѣ, трескотня Зиночки, брань тетки съ Маврой... Въ старомъ домѣ свѣтлыя мечты не посѣщали Кремнева...

Тетка сбилась кое-какъ и внесла въ университетъ: Кремневъ ей обѣщаль уплатить впоследствии. Сталь онъ ходить на лекціи. Возвратившись однажды изъ университета, онъ напелъ весь домъ вверхъ дномъ. По корридору сильно припахивало алкоголемъ и, пошатываясь, бродили флаконщики.

— Просто, нужно въ полицію послать! кричала гдѣ-то далеко Анна Васильевна.

— Послушайте... вы, началъ вдругъ поручикъ, останавливаясь у дверей покоя „главнаго жильца“.—За кѣмъ, для чего хотите вы послать въ полицію? Не думаете-ли, что меня, офицера, взять можно? Гм! Ошибаетесь! Мало каши изволили есть! Вѣдь, я не какой-нибудь приказнюга, не какой-нибудь чиновникъ гражданской палаты... Того можно стащить въ бутузку, а не меня-съ!.. Я...

Въ комнатѣ „главнаго жильца“ слышится трескъ какъ-бы отъ удара кулакомъ по столу—со всего размаха.

— Ахъ, ты негодяй! Гарнизонная крыса ты этакая! гремитъ Семень Ивановичъ за дверью,—Да я тебя, знаешь, куда упеку?... Куда воронъ костей не занавиваль... Да я сейчасъ-же въ военное управленіе... Сейчасъ тебя разстригутъ... тфу! Забрѣютъ... Да какъ те смѣешь.... Да мы развѣ не одному царю служимъ? Ты что? А?

Флаконщики, посвистывая, но поджавъ немного хвостъ, удалились въ залу. Семень Ивановичъ, слышавъ, что непріатели удалились, съ трескомъ распахнулъ свою дверь, храбро выскочилъ въ корридоръ и заоралъ во все горло:

— Погоди, дружокъ! Я тебя... Я тебя... Ты станешь знать, какъ меня звать... Пр-р-ропиш-ш-шу!..

А поручикъ изъ залы произнесъ речитативомъ свое profession de foi:

— Я въ такихъ случаяхъ преравнодушно даю въ морду!

Заслышавъ изъ залы шаги, Семень Ивановичъ — внѣ себя.

отъ ярости—дерзко захлопнулъ свою дверь и поспѣшно удалился въ глубь своихъ владѣній. Онъ былъ взбѣшенъ. Онъ заикалъ сапоги, хотѣлъ одѣваться и ѣхать къ генераль-маіору Лейдеру, скинулъ даже съ одной руки халатъ, одѣлъ сапогъ, но подумалъ—и остался дома.

— Горячъ Семенъ Ивановичъ да отходчивъ, объясняла Анна Васильевна. Впрочемъ, Семенъ Ивановичъ въ тотъ-же вечеръ пошелъ къ хозяйкѣ и съ подобающею строгостью объявилъ, что съѣзжаетъ съ квартиры. Матрена Васильевна вслѣдъ ему только недовѣрчиво усмѣхнулась, словно-бы хотѣла сказать: „брешишь!..“ За то съѣзжалъ поручикъ. На слѣдующее утро, придя прощаться къ хозяйкѣ и не заставъ ее, поручикъ приблизился къ Аннѣ Васильевнѣ и, по-наполеоновски сложивъ руки и смотря въ упоръ ей въ лицо, съ разстановкой проговорилъ.

— А вы не знаете, что я дѣлаю съ тѣми особами, которыя мнѣ не нравятся почему-либо... ну, напримѣръ, потому, что у нихъ такой-же носъ, какъ у васъ?..

— Ничего я не знаю да и знать не желаю! Отвяжитесь отъ меня! молвила Анна Васильевна, отодвигаясь подальше къ стѣнѣ.

— Я съ тѣми особами поступаю жестоко, придвигаясь къ Аннѣ Васильевнѣ, прежнимъ спокойнымъ тономъ продолжалъ поручикъ.—Я обращаюсь съ ними безъ дальнѣйшихъ разсужденій, какъ съ сидоровыми козами... Какъ съ козами! Понимаете?

— Дуракъ! крикнула Анна Васильевна, вскакивая со стула, и скрылась на кухню.

Поручикъ, весьма, повидимому, довольный собой, повернулся на каблукахъ и, насвистывая комаринскую, удалился восвояси. Прощанье его съ зальными свистунами представляло по истинѣ трогательное зрѣлище...

— Другъ! Ты покидаешь насъ! говорилъ Кассьянъ Свистулькичъ. Но, повѣрь чести, я достойнымъ образомъ замѣню тебя здѣсь... На словъ „здѣсь“ Кассьянъ сдѣлалъ замѣтное удареніе.—Насъ разлучаютъ... Но они покаются, горько покаются, клянусь въ томъ!.. Клянусь всеми флаконами на свѣтѣ!..

Простились и тронулись въ путь.

Въ залѣ стало, какъ будто, потише. За то у „главнаго жилища“ съ Кремневымъ чаще и чаще загорались споры. Семенъ Ивановичъ, по своему обыкновенію, въ спорахъ ссылался глав-

нымъ образомъ на здравый смыслъ, на тотъ смыслъ, по которому добрые люди во дни оны отрицали законъ Галилея, думали, что земля на китахъ стоитъ, по которому и по сіе время людямъ кажется лучше воевать другъ съ другомъ, нежели жить въ мирѣ и всѣмъ заодно работать для всѣхъ. Семень Ивановичъ чаще всего развивалъ передъ юношей ту теорію, что все спасеніе въ гражданской палатѣ, что виѣ ея — прахъ и тлѣнъ, что въ гражданской палатѣ не хотять служить только свистуны и нигилисты. Кремневъ болѣе и болѣе убѣждался, что „главный жилецъ“ косвеннымъ образомъ посредствомъ матери стремился упечь его въ свою палату, заключить его въ тѣсную раковинку, въ которой можно было-бы только въ акульку играть, забить грязью отверстіе раковинки, отдѣлать его совсѣмъ отъ міра. Кремневъ злился...

— Къ тому-же придешь, дружокъ! язвительно усмѣхаясь, говорилъ Семень Иваповичъ.—Всѣ къ тому придете! Это у васъ теперь только вѣтеръ ходитъ... Укатають бурку крутыя горы, политику-то забудешь... Погоди! Рога-то обобьютъ, перестанешь бодаться... Это только такъ, сначала-то...

— Не думаю, возражалъ ему Кремневъ.—Во всякомъ случаѣ я не желалъ-бы прозывать какимъ-нибудь столоначальникомъ...

— До столоначальника-то, братъ, еще надо долго ляжку потянуть! перебилъ его Семень Ивановичъ.

— Вотъ этой-то казенной ляжки я и не хочу тянуть, рѣзко возразилъ юноша.—Ужъ если тянуть ляжку, такъ настоящую, тяжелую... Вонъ, какъ бурлаки-то...

— Такъ ты въ бурлаки, что-ли, предпочитаешь идти? съ усмѣшкой переспросилъ его „главный жилецъ“.—И то дѣло... Можетъ это „по передовому?..“ Гм!

— Совсѣмъ не въ бурлаки... Вы меня не поняли.—Кремневъ съ досадою откинулся на спинку стула.—Вы совсѣмъ меня не поняли! повторилъ онъ.—Я только въ примѣръ взялъ...

— Да, гдѣ васъ нынче поймешь: мудрены больно стали!.. Э-эхъ! Ерунда это все,—и Семень Ивановичъ, запахнувъ халатикъ, закачалъ усиленно ножкой.

Кремневъ чувствовалъ, что онъ говоритъ совсѣмъ не такъ, какъ-бы слѣдовало, и былъ недоволенъ собой. Для выраженія своихъ мыслей онъ употреблялъ вовсе не тѣ слова, какія-бы

надо; настоящихъ словъ онъ, какъ будто, нарочно избѣгалъ, боялся, сознавая про себя, что они не вяжутся ни съ рѣчами, ни съ понятіями стараго дома. Прежде онъ былъ-бы смѣлѣе, высказывался-бы откровеннѣе и не стыдился-бы своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ. Старый домъ уже накладывалъ на него свою печать; а юноша и не замѣчалъ того...

— Чѣмъ политикой-то заниматься, лучше-бы о себѣ подумалъ... Подумалъ-бы: какъ лучше устроиться, продолжалъ, не много погодя, Семень Ивановичъ.—Подумалъ-бы о матери... Вѣдь, та бѣдная всѣ глаза съ вами выплакала... Посмотри-ка, на что она похожа стала... А сестра!.. Башмаченковъ нѣтъ... чуть не босалъ въ гимназію ходить... Пораздумалъ-бы то: вѣдь, онѣ тебѣ не чужія приходятся... Хоть-бы пожалѣлъ малость... Вѣдь вы, передовые, вонъ и скотину жалѣете, все о добрѣ говорите...

— Да я и жалѣю...

— Это и видно! насмѣшливо промолвилъ Семень Ивановичъ.

Мало-по малу натянутыя отношенія между Кремневымъ и „главнымъ жильцомъ“ стали принимать совершенно враждебный характеръ. Всякій шагъ, всякое слово стали подавать поводъ къ преніямъ.

— Какая скверная погода! Того и, смотри—дождь пойдетъ, говоритъ Кремневъ.

— Тѣмъ лучше! Хоть не такъ пыльно будетъ, отзывается Семень Ивановичъ.

— Семень Ивановичъ! Вы не пойдете-ли сегодня въ садъ гулять? спрашиваетъ въ другое время Кремневъ.

— Это еще зачѣмъ? Съ чего я пойду гулять въ садъ? огрызается тотъ такимъ тономъ, какъ будто Кремневъ смазалъ его по рожѣ.

Наконецъ, Кремневъ послѣ одного уже слишкомъ рѣзкаго, язвительнаго спора вовсе пересталъ ходить къ „главному жильцу“. Тетка принимала сторону то Семена Ивановича, то племянника, смотря по обстоятельствамъ. Если нужны были деньги, тетка мелкимъ бѣсомъ разсыпалась передъ „главнымъ жильцомъ“ и жучила племянника, если-же въ деньгахъ особеннаго недостатка не предвидѣлось, она ворчала на „главнаго жальца“, и была обходительна съ племянникомъ.

— Что это, право, за напасть такая! говаривала она въ такихъ случаяхъ.— Угождай, угождай ему, лѣшему, а онъ все рыло воротить, все страшаетъ: съѣду, да съѣду... Да ужъ съѣзжалъ-бы! Накладно, признаться, мнѣ стоитъ и держать-то его... больно ужъ взыскателенъ сталъ... А я, ровно, каторжная какая... Вотъ тѣ Христось, словно, въ аду горю!..

Матрена Васильевна настаивала, чтобы Вася, во что-бы то ни стало, кончалъ въ университетѣ. Конечно, она при этомъ имѣла въ виду не высія какія-либо цѣли, а простой практической расчетъ: составить получше карьеру. Впрочемъ, ей почему-то всегда казалось, что человѣкъ, побывавъ въ университетѣ, непременно долженъ сдѣлаться лучше. Получше-же карьеру она желала племяннику потому, почему и всякому хорошему человѣку желала выбиться отъ худа къ добру...

— Чѣмъ больше хорошихъ людей, тѣмъ жить лучше! говорила она.

Между тѣмъ, миновала осенняя грязь; первымъ бѣлымъ снѣжкомъ покрылась земля, подернулась крыша стараго дома, опустились голыя вѣтви березъ въ саду. Грачи, нахохлившись, сидѣли на деревьяхъ... Какаля-то старушонка въ лохмотьяхъ тащила дрова на салазкахъ... Мутноводскіе бары лихо раскатывали въ саночкахъ на своихъ добрыхъ коняхъ... Всякій по своему встрѣчалъ зиму. Въ старомъ домѣ вставили зимнія рамы, топили печи. Домъ казался еще уединеннѣе, мрачнѣе. Жильцы его по прежнему усердно обдѣлывали свои милыя дѣлишки. Кремневъ къ тому времени нашелъ уже два урока и, сверхъ того, еще какую-то корректуру работу.

Однажды утромъ, когда онъ снѣшилъ на урокъ и просилъ у матери поскорѣе себѣ чаю, та возилась надъ чѣмъ-то у Семена Ивановича.

— Вѣдь я опоздаю, мамаша! Дайте-же мнѣ чаю! настойчиво кричалъ онъ ей изъ своего угла, повязывая галстукъ передъ осколкомъ зеркальца, висѣвшимъ на стѣнѣ.

Въ голосѣ Кремнева звучитъ повелительная нотка. Не даромъ-же онъ прожилъ столько мѣсяцевъ въ старомъ домѣ. Онъ слышалъ уже не разъ, какъ жильцы покрикивали на Мавру и на тетку: „Мы денежки платимъ и знать ничего не хотимъ! По насъ хоть удавись...“ Кремневъ платилъ теткѣ 6 рублей за

столь и квартиру (обыкновенная провинціальная цѣна въ ту пору); поэтому, онъ уже считалъ себя въ правѣ за свои денежки „требовать, покрикивать...“

— Да поскорѣе-же, пожалуйста! кричитъ онъ Аннѣ Васильевнѣ.

— Не разорваться-же мнѣ! откликается та, наскоро ушивая что-то у Семена Ивановича.

— Не на угольяхъ... Подождеть! говорить и Семень Ивановичъ.

— Ухаживаетъ тамъ все утро, чортъ знаетъ... точно онъ единственный жилецъ у насъ, ропщетъ молодой человѣкъ.

„Главный жилецъ“ услыхалъ продерзостныя слова и выскочилъ изъ своей комнаты.

— Не смѣть говорить такъ! зарычалъ онъ до того ужасно, что даже старый домъ, словно, привздрогнулъ.—Мнѣ услуживаютъ, а не милость оказываютъ! За деньги-то кто угодно и что угодно сдѣлаетъ... Вы понимаете, что только для вашей сестры, да для матери я и на квартирѣ живу... Неужели вы думаете: я не нашель-бы другой такой-же комнаты? Га!.. Эка невидаль!..

— Вы мою мать и сестру за прислугу считаете! краснѣя, проговорилъ Кремневъ.

— Я... я имѣю право... Семень Ивановичъ замаялся.

— Мать и сестра и то ужъ у васъ на побѣгушкахъ, рѣзко добавилъ Кремневъ.

— Г-а-а! На побѣгушкахъ! зашипѣлъ Семень Ивановичъ.— Вы слышите, Анна Васильевна?.. Послѣ этого я могу только сказать, что вы...

Кремневъ вспыхнулъ.

— Не кричите такъ въ моей комнатѣ! Къ тому-жъ вы оскорбляете мою мать, рѣшительно проговорилъ онъ, поднимаясь со стула.—Прошу васъ, выйти отсюда!..

Семень Ивановичъ остолбенѣлъ. До сихъ поръ передовой духъ не заходилъ такъ далеко въ своихъ продѣлкахъ надъ его почтенною особой. До сихъ поръ никто еще въ старомъ домѣ такъ не уязвлялъ его чувствительно, какъ Кремневъ. Стиснувъ зубы, взбѣшенный, ушелъ къ себѣ въ комнату Семень Ивановичъ. Изъ палаты возвратился онъ темнѣе осенней ночи, сильнѣе стучалъ калошами и такъ хлопалъ дверьми, что тѣ чуть съ петель не

посрывались. Вечеромъ, по обыкновенію, онъ объявилъ хозяйкѣ, что съѣзжаетъ съ квартиры; та усмѣхнулась и подумала! „ладно...“ Три дня послѣ того Семень Ивановичъ ходилъ, надувши губы, ни съ кѣмъ не говорилъ; возвратившись со службы онъ все лежалъ на кровати, даже немного похудѣлъ и сѣрое лицо его еще пуще посѣрѣло. Придя въ себя, онъ всю тяжестью своего гнѣва обрушился на несчастную, ни въ чемъ не повинную Анну Васильевну. Досталось и Сонѣ на орѣхи...

— Хорошъ сынокъ! шипѣлъ Семень Ивановичъ.—Нечего сказать! Передовой... На большихъ-бы дорогахъ ему дѣйствовать, а не съ порядочными людьми... Антрепренеръ!..

Миръ былъ окончательно нарушенъ въ старомъ домѣ. Послѣ перепалки только кажущееся спокойствіе сошло на домъ; но страсти сильно расходились и клочкотали. А время шло. Старый домъ дѣлалъ свое дѣло неумоимо. Матрена Васильевна, какъ женщина раздражительная, всякую малость вымещала на Маврѣ, на сестрицѣ, шпавшейся изъ угла въ уголь, на Сонѣ...

— Чего хвосты-то обиваешь по корридору взадъ да впередъ! кричить она на Соничку.—Какъ пришла изъ гимназіи — это платье-то и сняла-бы... Пожалѣла-бы... вѣдь, не маленькая, дылда, прости Господи!.. Пятнадцатый годъ...

Соничка отгрызается, какъ можетъ.

— Вотъ съ котенкомъ опять завозилась... ворчитъ тетка, увидавъ, что Соничка сидитъ на полу въ корридорѣ и повязываетъ своему котенку на шею красный суконный обрывочекъ.—И все въ томъ платьи. Ахъ Боже ты мой!.. Да чего мать-то смотреть!.. Розгами-то отвалить-бы тебя хорошенько... безстыдница... упрямая!

Соничка ругается съ теткой, съ матерью, съ братомъ, даже съ Семеномъ Ивановичемъ и особенно вымещаетъ свое неудовольствіе на стульяхъ и на дверяхъ, вообще на предметахъ неодушевленныхъ. На Сонѣ-же съ Анной Васильевной срывалъ свою досаду и Семень Ивановичъ, возвращавшійся иногда со службы чѣмъ-нибудь разобиженнымъ. Анна Васильевна плакала, причитала и продолжала ничего не дѣлать. Она представляла собой того болвана, на головѣ котораго пробуютъ силу. Василій Кремневъ все это видѣлъ и слышалъ и скверно иногда дѣлалось ему посреди всей этой повальной руготни и грызни, посреди этого

немолчнаго шума и гама. Скрѣпя сердце, смотрѣлъ онъ на слезы матери; съ кажущимся хладнокровіемъ выслушивалъ онъ ея поминутные сѣтованья, вздохи и жалобы. Ему самому жилось не совѣмъ ладно. Онъ ходилъ на уроки, правилъ корректуру и получалъ за это гроши, которые переходили къ теткѣ, къ матери, да въ табачную лавку. Лекціи приходилось посѣщать не акуратно, читать времени вовсе не хватало. Цѣль, какъ будто бы, не достигалась. Не смотря на гроши, перепадавшіе ему съ уроковъ, онъ нерѣдко сидѣлъ безъ табаку, голодный сидѣлъ въ университетѣ и не столько слушалъ профессора, сколько злился и мечталъ объ обѣдѣ. Онъ не могъ завести себѣ змняго пальто и въ морозы разгуливалъ въ легкомъ пальтишкѣ. Зальные свистуны подсмѣивались надъ его порыжѣвшей фуражкой, надъ его шарфомъ, немного „бѣлѣе сажки“, надъ его жалкимъ пальто, „словно, изъѣзжанномъ чертами“. Свистуны говорили, что онъ спитъ у тетки подъ кроватью, что ночью, вмѣсто сорочки, онъ надѣваетъ „маменькину кофту“.

Въ то-же время Кремневъ видѣлъ постоянно вокругъ себя, что всѣ стараются лишь о томъ, какъ бы получше „обдѣлать дѣлишки“... И на яву и во снѣ они только обдѣлываютъ дѣлишки.

— Ахъ, еслибы обдѣлать это дѣльце! говорить Семень Ивановичъ, потирая руки, фыркая и жмурясь отъ удовольствія.

— Какъ-бы это дѣлишки-то устроить! разсуждаетъ вслухъ Матрена Васильевна.

Надъ тѣмъ-же ломаютъ голову и зальные свистуны, и Зиночка, и „молчаливый жилецъ“. Кавалеръ свои дѣлишки уже давно обдѣлалъ и теперь ежемѣсячно получаетъ изъ казначейства по 30 р. 20<sup>3</sup>/<sub>4</sub> к. Только Мавра, кажется, не обдѣлываетъ своихъ дѣлишекъ, потому что ея долгъ — за много лѣтъ неуплаченное жалованье — пронадеетъ за хозяйкой. Впрочемъ, и Мавра ждетъ подачекъ отъ жильцовъ... Анна Васильевна не умѣетъ обдѣлывать дѣлишекъ и за то страшно досадуетъ на себя... Кремневъ постоянно слышитъ рѣчи о жалованьѣ, о деньгахъ, о хлѣбѣ, о дровахъ... Видитъ онъ, что каждый въ старомъ домѣ заботится лишь о себѣ, интересуется лишь своими знакомыми. О міровыхъ вопросахъ въ старомъ домѣ не смекали. Правда, объ этихъ вопросахъ Кремневу много и убѣдительно говорили книги, но кни-



ги — не жизнь... Кремневъ начиналъ уже интересоваться тѣмъ, что сказала она, и Зиночка Семену Ивановичу, изъ-за чего перессорились между собой Кассьянъ съ Вассыяномъ и проч. Онъ незамѣтно сталъ усиленнѣе заботиться о себѣ, прилѣплялся къ частностямъ и тяготился общимъ. Ворчанье тетки, слезы матери, брань сестры, насмѣшки свистуновъ, гулянье въ холодномъ пальто при 25-ти-градусномъ морозѣ, сидѣнье безъ табаку, — все это вмѣстѣ страшно вредно вліяло на Кремнева. Съ каждымъ днемъ старый домъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ имъ, все крѣпче и крѣпче охватывалъ его. Капля, говорятъ, камень протачиваетъ. Кремневъ, наконецъ, сталъ подумывать въ ладъ со всѣмъ старымъ домою...

Юноша, выходя на борьбу, ожидалъ встрѣтить враговъ страшныхъ и ужасныхъ съ виду, а его, между тѣмъ, какъ Гулливера во снѣ, облѣпили маленькіе, смѣшные лиллипуты и едва зримыми булавами преусердно принялись колотъ и лязвить его. Выходя въ жизнь, Кремневъ ожидалъ бурь. Но громъ не гремѣлъ и небеса надъ нимъ не разверзались, не горѣли молніями и вихрь не бушевалъ кругомъ него. Надъ нимъ сѣрѣло небо, какъ грязная тряпка, да лѣниво подувалъ вѣтерокъ. Ошибся юноша. Онъ упустилъ изъ виду, что кромѣ борьбы съ бурей есть на свѣтѣ другая борьба, съ инымъ врагомъ, болѣе опаснымъ, хотя вовсе не страшнымъ съ виду. То борьба мелочная, жестокая, упорная. Тотъ врагъ — сама плохо слаженная жизнь съ ея мелочно-узкими, личными интересами. Изъ дня въ день, капля по каплѣ, осаживался на Кремнева въ старомъ домѣ ядъ старой жизни, — ядъ, незамѣтно разлагавшій его силы, его вѣру. Этого врага Кремневъ не замѣчалъ, книги о немъ говорили какъ-то сухо и темно. Книги говорили все о широкой, великой борьбѣ, въ которой крѣпкіе дубы валятся, а маленькія деревья вырываются съ корнемъ изъ земли, какъ сухая трава.

Черезъ полгода жизни въ старомъ домѣ, когда приходилось вносить плату въ университетъ за второй семестръ, Кремневъ былъ уже надломленъ злымъ гениемъ стараго дома, его лиллипутиками. Аня Васильевнѣ оставалось лишь однимъ рѣшительнымъ приступомъ нанести послѣдній ударъ. Трагическая сцена разыгралась тогда между матерью и сыномъ.

Сырое, туманное февральское утро разсвѣтало надъ старымъ

домомъ. Въ такое утро здоровый человѣкъ дѣлается раздражительнѣе обыкновеннаго, а меланхоликъ тяжело вздыхаетъ и погружается въ глубокую хандру. Грачи, сильно понахохлившись, молча сидѣли на сучьяхъ березъ и какъ-бы съ недовольствомъ взглядывали на окна стараго дома. Въ домѣ также въ то утро было всѣмъ не по себѣ. Соня, ворча, собиралась въ гимназію. Мавра, негодуя на сырые уголья, раздувала самовары. Жильцы сердито стучали дверями, уходя на службу. Хозяйка, надувшись, какъ мышь на крупу, сидѣла въ своемъ углу за занавѣской.

— Что глаза-то выпялила? Чего не видала? закричала она на Мавру, когда та, полюбопытствовавъ, заглянула къ ней за занавѣску.

— Ты чего разсѣлась-то тутъ? На рынокъ-то не пойдешь сегодня, что-ли? совершенно спокойнымъ тономъ замѣтила ей Мавра.

— Ахъ, чертовка ты этакая! Да это что-же будетъ? Мнѣ ужъ и посидѣть нельзя! заголосила Матрена Васильевна.

— Ну, не кричи, ладно... уйду! успокоила Мавра и пошла въ кухню.

Въ то-же утро Кремневъ велъ пренепрятный разговоръ съ матерью.

— Съ уроковъ-то, мамаша, денегъ не хватитъ, говорилъ онъ.— А въ университетѣ вчера мнѣ сказали, что отсрочивать долѣе нельзя... Какъ-же быть?

— Да ужъ я и не знаю... У тетки нѣтъ, сегодня опять хочеть подсвѣчники въ закладъ нести... на прошлой недѣлѣ лишь выкупила... У меня—ни копѣйки! съ грустью отозвалась мать.— У Семена Ивановича (сынъ при этихъ словахъ замоталъ головой) думала признаться, да послѣ той исторіи и не приступайся лучше: не дасть... какъ Богъ святъ, не дасть... Охъ, Вася! Не послушалъ ты меня тогда... Напрасно, право!.. Брось ты... наплюй!..

— На университетъ-то? спросилъ сынъ, и тутъ ему опять пришло на умъ старое: высказать матери все, что лежитъ у него на душѣ. „Не лучше-ли-бы было?“ спрашивалъ онъ себя. Но что же теперь онъ скажетъ ей новаго, такого, чего она не знала-бы?...—Университетъ бросить! проговорилъ Кремневъ, чувствуя, что кровь прилиwała къ его лицу. „Вотъ онъ, врагъ-то! Вотъ гдѣ борьба!“ мелькнуло у него въ головѣ, но поздно... „Какая-

же тутъ борьба! Полно! Гдѣ-жѣ врагъ, что горами качаетъ... Передъ тобой слабая, плачущая женщина! Передъ тобой нѣжно-любящая тебя мать!" шепталъ ему насмѣшливый голосъ.

— Пожалуй, и университета не бросай, тихо говорила Анна Васильевна. — И такъ можно: и на службѣ можно лекціями заниматься...

— Не выходи изъ университета? переспросилъ сынъ.

— Нѣтъ, выйти-то, конечно, придется, еще тише заговорила мать, словно чего-то боясь — боясь собственныхъ словъ. — Занятій можешь не оставлять... Приготовишься и выдержишь экзамень... Дашь-же теперь уроки, да и корректуру правишь... Вонъ Климинъ: выдержалъ отлично...

Голосъ Анны Васильевны дѣлался все мягче, все вкрадчивѣе, въ то время, какъ Вася все ниже и ниже клонилъ голову...

— Климинъ вѣдь не служилъ, замѣтилъ онъ. — Климинъ все время на отцовскихъ хлѣбахъ проживалъ... Ему ладно было готовиться не служа...

— А ты служить будешь—экая бѣда! Часовъ пять въ присутствіи посидѣть... Служба немного времени отниметъ...

Анна Васильевна дѣлалась смѣлѣе въ той мѣрѣ, какъ болѣе уступчивости замѣчалось со стороны Кремнева.

— Да чего-же вы хотите отъ меня? вдругъ неожиданно вырвалось у него.

— Господи! воскликнула Анна Васильевна и слезы потекли по ея желтымъ щекамъ. — Чего мнѣ нужно? Сажень земли да четыре доски, больше ничего... А вотъ сестра... та бѣдная... О тебѣ я, Вася, горюю... Ну какъ въ университетѣ учиться безъ денегъ? Про себя ужъ я не говорю... я какъ въ огнѣ... Тебя мнѣ жаль, Вася...

— Вы хотите, мамаша, чтобы я пожертвовалъ всѣмъ для сестры и... — „для васъ“, хотѣлъ сказать Кремневъ, но голосъ оборвался.

Кремневъ поблѣднѣлъ. А насмѣшливый голосъ ему нашепталъ: „Ты понялъ, ты видишь теперь, гдѣ врагъ? Что-жъ! Сомни его, разможи! У тебя крѣпкіе кулаки... Ха! Видно, не по силамъ? Не раздавить твоимъ здоровымъ рукамъ весь старый домъ! Вѣдь ты самъ сознавался недавно, что онъ еще крѣпокъ... Ну-да! Эту истину онъ докажетъ тебѣ на твоей собственной

пшурѣ... А эта плачущая женщина—твоя мать! Ужь не съ ней же, конечно, сражаться тебѣ... Къ тому-же она тебя любить, хотя кое въ чемъ и лжетъ тебѣ!“...

— Вася! Дружочекъ... говорила Анна Васильевна сквозь слезы.—Чья жизнь легка?.. Кому удалась она?.. Подушка... подушка одна знаетъ, какъ легка моя жизнь...

Дѣйствительно, еще вчера вечеромъ Кремневъ слышалъ, какъ тетка кричала: „Аннушка! Да побойся ты Бога, помоги ты мнѣ хоть сколечко-нибудь... Десятый годокъ на моемъ хлѣбѣ живешь — и съ дочерью... И обѣ вы ровно мнѣ чужія, не пожалѣете вы вовсе меня!“ „И не за что жалѣть тебя, старую хричовку! Только и знай, что ругаешься!“ слышалъ Кремневъ, какъ съ затаенною ненавистью шептала Соничка. Онъ слышалъ, какъ горько всхлипывала мать, сиди въ своей „теменькой“. Семень Ивановичъ не разъ говорилъ въ своей комнатѣ: „съ такимъ братцемъ Сонѣ одна дорога—въ горничныя“... Кремневъ и это слышалъ, слышалъ даже хихиканье и смѣхъ... Жутко стало Кремневу. Университетъ его еще манилъ, но старый домъ говорилъ громче и краснорѣчивѣе всѣхъ профессоровъ... „Для матери и сестры приношу въ жертву“, мелькало у него въ головѣ. „Лжешь! назойливо нашептывалъ ему насмѣшливый голосъ.—Но для нихъ однѣхъ“...

Въ комнатѣ было тихо; только изъ кухни доносился ревъ и гвалтъ. Анна Васильевна плакала... Кремневъ чувствовалъ, что у него самого рыданія приступили къ горлу, душили его... Съ замираніемъ сердца прислушивался онъ къ знакомому для него стуку маятника старыхъ стѣнныхъ часовъ, словно-бы съ каждой минутой онъ приближался къ чему-то ужасному, неизбежному... Тутъ на мгновенье представилась ему его порывѣвшая фуражка, и холодное пальто, и шарфъ „немного бѣлѣе сажи“, и сидѣнье безъ табаку, безъ гроша денегъ, и насмѣшки свистуновъ, и слезы матери, и вся эта отчаянная, повальная ругань съ утра до ночи... Слезами, словно туманомъ, застлало ему глаза.

— Неплачьте! Оставьте меня... Я завтра-же выйду изъ университета, дрожащимъ голосомъ произнесъ Кремневъ, какъ-будто читая себѣ смертный приговоръ.—Я поступлю на службу...—Голосъ оборвался.

«Дѣло», № 5.

Анна Васильевна взрогнула и заплакала еще пуще. О чемъ-же? Развѣ не исполняются ея давнишнія мечты?..

— Оставьте теперь... уйдите отъ меня! просиль сынъ.

— Вася... милый... я вижу все... да... севозъ слезы рыдала Анна Васильевна и потянулась обнять сына, приголубить...

— Оставьте, оставьте меня... Бога ради, оставьте! настойчиво повторялъ тотъ, отводя руки матери.—Я выйду изъ университета и буду служить, служить, служить...

Онъ сѣлъ, облокотился на столъ, закрылъ руками свое поблѣднѣвшее лицо и зарыдалъ.

Такъ, какъ рыдалъ Кремневъ, не часто рыдаютъ въ жизни...

## VIII.

### Смокли бои...

Прошло пять лѣтъ послѣ того сѣраго, туманнаго февральскаго утра, когда Кремневъ рѣшилъ свое „быть или не быть“. Старый домъ по-прежнему стоялъ темный и мрачный. Заглохшій садъ кругомъ него шумѣлъ по-прежнему и по-прежнему валялся и не могъ свалиться его гнилой заборъ. Изъ прежнихъ жильцовъ въ старомъ домѣ осталось немного. Завелись новые жильцы, новыя жизни совершались, какъ двѣ капли воды, похожія на прежнія...

Кремневъ съ матерью и сестрой уже давно покинулъ старый домъ. Они жили на маленькой, отдѣльной квартирѣ, въ домѣ столь-же старомъ, какъ и прежде ихъ жилище, только обшитомъ снаружи новымъ тесомъ. Кремневъ исправно ходилъ каждое утро на службу, ровно въ половинѣ четвертаго возвращался домой, обѣдалъ, отдыхалъ... Ходилъ онъ, понурившись, смѣялся рѣдко и все больше молчалъ. Начальство имъ было довольно, скоро общались повнѣситъ. Дѣлишки обдѣлывались недурно. Иногда по вечерамъ собирались къ нему сослуживцы и разыгрывали пуклю; иногда Кремневъ за тѣмъ-же ходилъ къ нимъ. Когда сестра, случалось, запѣвала при немъ: „Смѣло, братья! Туча грянетъ“, Кремневъ уходилъ къ себѣ въ комнату и тамъ бродилъ большими шагами изъ угла въ уголъ. Ему было тяжело, было больно слышать этотъ бодрый, мощный призывъ къ борьбѣ—на жизнь и смерть. Анна Васильевна плакала уже меньше. Одного

теперь боялась она, чтобы сынъ не вздумалъ жениться. „Женится—тогда ужь, известное дѣло, не то будетъ, разсуждала она.—Своя семья будетъ... Намъ-то съ Соней ужь и не того... Пожалуй, прогонить! Да если и не прогонить, такъ какое-же тутъ житье? Молодая хозяйка всѣмъ станетъ ворочать и заправлять...“ Поэтому Анна Васильевна бывала очень недовольна, когда Вася знакомился съ такими семействами, гдѣ были молодые дѣвушки-невѣсты. Самой-же себѣ она ссылалась на то, что жениться Васѣ еще рано...

— Какая-же женитьба въ двадцать три года? Пожить еще человекъ не успѣлъ, на свѣтъ-то порядкомъ не оглядѣлся, не разсудилъ: какъ и что?.. Жениться—легко, да потомъ какво съ семьей-то маяться! Пойдутъ дѣти... А жалованье не ахти какое! Совсѣмъ бѣда! говаривала Анна Васильевна.—Жениться-то еще успеетъ...

— Это что и говорить! соглашались вслухъ любезныя кумушки и думали про себя: „Не о сынѣ тебя горе беретъ! О себѣ, голубка, хлопчешь...“

Кумушки разсуждали о другихъ по себѣ.

Семень Ивановичъ изъ стараго дома перебрался къ какой-то пожилой, но очень бойкой и милой француженѣ. Онъ было подѣзжалъ съ предложеніями къ Сонѣ, но та отослала его обратно къ его темноокой mademoiselle Julie. Сама-же Соничка рѣшилась ждать себѣ „героя“—не романическаго, а настоящаго. Семень Ивановичъ, между-тѣмъ, свои „дѣлишки“ обдѣлывалъ хорошо и накопилъ деньжонокъ. Француженка ухаживаетъ. Семень Ивановичъ знаетъ, зачѣмъ она ухаживаетъ, и украдкой тяжело вздыхаетъ. И грустно и больно бываетъ бѣдному при мысли о томъ, что вотъ служилъ онъ—служилъ, а счастья или довольства, по крайней мѣрѣ, не выслужилъ. Онъ выслужилъ пенсію...

Степанъ Андреевичъ, не смотря на постоянныя гимнастическія упражненія, умеръ. „Молчаливый жилецъ“ перемѣнилъ мѣсто своихъ занятій и потому нашелъ необходимымъ перемѣнить квартиру: теперь его эксплуатируетъ другая купеческая контора... Братья Свистулькины переѣхали въ центръ города, на шикарную квартиру... Зиночка бѣжала изъ стараго дома, оставшись должна хозяйкѣ 70 рублей. За два дня до ея побѣга являлся къ Матренѣ Васильевнѣ дворникъ.

- У насъ что-то, матушка, не ладно! докладываль онъ.  
 — Чего еще тутъ неладно? непривѣтливо отнеслась къ нему хозяйка.  
 — Да изъ окна ночесъ у насъ кто-то выскочилъ...  
 — Кой лѣпшій скачетъ тамъ? недоумѣвала Матрена Васильевна.  
 — Не звать, матушка!.. Такой длинноногий... Я и догнать не могъ...

Была ненастная, осенняя ночь. Съ дикимъ ревомъ проносился вѣтеръ надъ старымъ домомъ, садъ глухо-сердито шумѣлъ вѣтвями старыхъ березъ; дождь однообразно стучалъ въ окна. Въ эту-то непогожую ночь и скрылась Зина. Ее недавно видѣли въ Москвѣ. Она гуляла на Цвѣточномъ бульварѣ... Старый домъ не оглашается уже ея звонкимъ, беззаботнымъ пѣніемъ и смѣхомъ.

Изъ прежнихъ жильцовъ дома уцѣлѣли: старуха-хозяйка, Мавра да дворникъ съ его косматымъ Волчюмъ. Матрена Васильевна по ночамъ подолго и сильно кашляетъ и, вѣроятно, недолго покашляетъ. Мавра все ворчитъ; не получить ей будетъ долгу съ хозяйки. Волчоу воевъ по ночамъ, а Данило его унимаетъ...

Новые жильцы живутъ тихо и спокойно „обдѣлываютъ свои дѣлишки“. Они уже не сходятся другъ съ другомъ, какъ прежде. Люди, какъ-будто, стали недовѣрчивѣе... Жильцы сѣзжаютъ и вновь новыя появляются, но такъ подолго, какъ прежде, никто не живетъ... Люди стали непостоянны. Лишь проявятся у жильца лишнія деньги, онъ ужъ и спѣшитъ покинуть старый домъ, перебирается въ какой-нибудь съ виду новенькій домъ въ центрѣ города, гдѣ на улицахъ по вечерамъ горять фонари, гдѣ весь день, стуча и гремя, катятся по мостовой экипажи. Въ старый домъ идетъ лишь тотъ, кому въ городѣ мѣста нѣтъ... Только никто, послѣ Кремнева, не осмѣливался подъ его темными сводами напѣвать: „Смѣло, братья! Туча грянетъ...“ А старый домъ, по-прежнему, гостепріимно принимаетъ всѣхъ... „Сюда, сюда!“ скрипитъ онъ при вѣтрѣ своею старою дверью. Задумчиво, какъ-бы въ недоумѣніи, смотритъ онъ своими тусклыми, грязными, разноцвѣтными окнами на пустую улицу. А садъ все поетъ—недопоетъ свою старую пѣсню о старомъ домѣ, объ его старыхъ и новыхъ жильцахъ—живыхъ и умершихъ...

II. Засодинскій.

## FORTE FORTUNA ADJUV'AT.

Безуменъ ты—они тебѣ сказали,  
И нагло такъ смѣялись надъ тобой,  
Мечты твои презрѣньемъ оскорбляли,  
Отринули тебя—и сталъ ты имъ чужой!..  
У нихъ не ищешь ты участя и привѣта,  
Великой мысли ты отдался до конца,  
Въ твоихъ очахъ горятъ лучи иного свѣта  
И ждешь ты въ будущемъ побѣднаго вѣнца!..  
Иди-же вдаль одинъ, своею колею,  
Оставь невольникамъ ихъ проторенный путь,  
Пускай гроза шумитъ немолчно надъ тобою—  
Она не дастъ тебѣ забыться и заснуть!  
Взгляни, какъ молніи сверкаютъ въ отдаленіи,  
Какъ тучи носятся громовыя кругомъ,  
Какъ жалки ихъ насмѣшки и презрѣніе  
Когда во слѣдъ тебѣ гремитъ небесный громъ.  
Въ раскатахъ пламенныхъ пугливо замираетъ  
Тупая рѣчь людей и души ихъ молчатъ,—  
Твоя-жъ могучая для битвы оживаетъ  
Въ ней грезы вольныя—отзывчиво гремать!..

Д



# БРИЛЛАНТОВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ.

РОМАНЪ

АНТОНИ ТРОЛЛОПА.

Отъ РЕДАКЦИИ. Первые одинадцать главъ этого романа были напечатаны въ №№ 10 и 11 «Дѣла» за 1871 годъ. Сообщаемъ краткое содержаніе этихъ главъ для тѣхъ изъ нашихъ подписчиковъ, которые не имѣли случая прочесть ихъ:

Главное дѣйствующее лицо романа, Лиззи Эстасъ, была дочь адмирала Грейстока, прожившагося жуира, неоставившаго своей дочери никакого состоянія. По смерти отца Лиззи Грейстокъ перешла жить къ своей теткѣ леди Линлитгау, которую авторъ характеризуетъ сердитой, ворчливой, скупой, неуживчивой старухой, сплетницей, какихъ было мало въ Лондонѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ женщиной съ сильнымъ характеромъ, никогда не отступавшей отъ свѣтскихъ приличій и исполнявшей обязанности, возлагаемыя на нее свѣтомъ, даже и въ томъ случаѣ, когда онѣ прямо противорѣчили ея личнымъ интересамъ. Живая и имѣющая паткія понятія о честности, Лиззи Грейстокъ, — эта аристократическая Бекки Шарпъ, какъ называетъ ее авторъ, — обладающая притомъ не менѣе сильнымъ характеромъ и упрямствомъ, чѣмъ леди Линлитгау, — конечно, не могла ужиться съ своей теткой. Между ними происходили безпрестанныя столкновенія и имъ обѣимъ очень хотѣлось какъ можно скорѣе отдѣлаться другъ отъ друга. Случай скоро представился. Въ то время, однимъ изъ самыхъ выгодныхъ жениховъ въ Лондонѣ считался 28-лѣтній сэръ Флоріанъ Эстасъ, довольно красивый собой, но совершенно истощенный отъ разврата и почти умирающій. Всѣмъ было извѣстно, что доктора давно уже осудили его на раннюю смерть. Лиззи познакомилась съ нимъ, влюбила его въ себя, и вскорѣ вышла за него замужъ. Черезъ полгода послѣ своего замужества, леди Эстасъ осталась вдовой. Мужъ, умирая, завѣщалъ ей состояніе, приносящее дохода болѣе 4,000 фунтовъ стерлинговъ; ея сыну (который родился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти сэра Флоріана) досталось громадное родовое имѣніе; часть доходовъ съ этого имѣнія передавалась вдовѣ почти со дня рожденія малютки. Обладая такимъ значительнымъ

доходою, замѣчательная красавица и не глупая женщина, леди Эстасъ была чрезвычайно выгодной партіей для небогатыхъ людей, носящихъ аристократическое имя. Это мнѣніе раздѣлялъ лордъ Фаунъ, товарищъ статс-секретаря по индѣйскимъ дѣламъ, принадлежащій къ партіи виговъ, весьма ограниченный, но довольно честный человѣкъ. Лордъ Фаунъ сдѣлалъ предложеніе леди Лиззи Эстасъ и его предложеніе было принято, о чемъ Лиззи немедленно сообщила всѣмъ своимъ роднымъ и многимъ знакомымъ, желая, чтобы вѣсть о ея помолвкѣ быстро облетѣла весь Лондонъ.

Въ числѣ своихъ друзей леди Эстасъ считала и Люси Моррисъ, хотя Люси сильно ее недолюбливала. Дѣтymi онѣ росли почти вмѣстѣ, но выросши поняли, что ихъ характеры и нравственные качества диаметрально противоположны одинъ другому. Авторъ романа съ особенной любовью относится къ Люси Моррисъ. Дѣвушка безъ всякаго состоянія, сирота, Люси Моррисъ трудомъ зарабатывала свой хлѣбъ и избрала дѣятельность гувернантки. Далекое не такая красавица, какъ ея подруга Лиззи, — Люси Моррисъ отличалась высокими нравственными качествами. Она была необыкновенно честна, скромна, умна; приносить пользу людямъ — таково было ея идеалъ, такова была ея цѣль, къ которой она стремилась. Все, что она имѣла, она приобрѣла собственнымъ трудомъ. Она жила гувернанткой въ домѣ леди Фаунъ, которая любила ее, какъ свою дочь. Леди Фаунъ была добрая женщина, но преданность свѣтскимъ предразсудкамъ дѣлала ее подчасъ жесткой и рѣзкой. Къ тому-же у нея было семь дочерей (двѣ младшія были ученицами Люси) и сравнительно весьма небольшое состояніе, такъ-что ей приходилось изворачиваться, чтобы не уронить своего достоинства вдовы лорда и матери-лорда и помощника статс-секретаря. Леди Фаунъ очень любила Люси Моррисъ, но считала, что гувернантка едва-ли можетъ рассчитывать выйдти замужъ, запретила Люси Моррисъ принимать въ своемъ домѣ Франка Грейстока, въ котораго Люси была влюблена.

Франкъ Грейстокъ (двоюродный братъ Лиззи), сынъ декана, принадлежитъ тоже къ числу людей, собственнымъ трудомъ пробивающихъ себѣ дорогу въ жизни. Франкъ, умный и талантливый адвокатъ, приобрѣлъ известность и попалъ въ парламентъ. Онъ еще не успѣлъ составить себѣ прочныхъ политическихъ убѣжденій и охотно явился кандидатомъ партіи тори въ Бобсборо (гдѣ жилъ его отецъ) и былъ избранъ. Первая рѣчь, произнесенная Франкомъ въ парламентѣ, была по поводу дѣла объ индѣйскомъ саабѣ. Англійское правительство, въ то время принадлежащее къ партіи виговъ, отняло у этого индѣйскаго князька всѣ его владѣнія, и поставило на разрѣшеніе палаты вопросъ: слѣдуетъ-ли удовлетворить деньгами раззореннаго владѣльца или попросту засадить его на вѣчно въ тюрьму? Понятно, что тори воспользовались этимъ случаемъ, чтобы нанести ударъ своимъ противникамъ и приняли подъ свою защиту князька. Рѣчь Франка произвела сильное впечатлѣніе.

Франкъ Грейстокъ, въ свою очередь былъ влюбленъ въ Люси Моррисъ, но одно время подумывалъ жениться на своей кузинѣ, леди Эстасъ. Однакожъ онъ обрадовался, когда узналъ, что Лиззи дала уже слово лорду Фауну.

Бракъ Лиззи съ лордомъ Фауномъ, такимъ образомъ, считался уже дѣломъ рѣшеннымъ, но тутъ встрѣтилось непредвидѣнное обстоятельство. Въ числѣ родового имущества, оставленнаго сэромъ Флоріаномъ своему сыну,

числилось брилліантовое ожерелье, цѣнностію въ 70,000 рублей. Ожерелье это находилось въ рукахъ Лиззи. Младшій братъ сэра Флоріана и опекунъ наслѣдника, сэръ Джонъ Эстасъ и стряпчій фамиліи Эстасовъ, м-ръ Кампердаунъ, рѣшились заполучить это ожерелье отъ вдовушки и отдать его на сохраненіе въ надежныя руки. Но Лиззи объявила, что ожерелья не отдастъ, потому что оно подарено ей мужемъ и составляетъ ея личную собственность. М-ръ Кампердаунъ просилъ ее, умолялъ, говорилъ объ отвѣтственности, которой она подвергается за присвоеніе чужого имущества, но Лиззи оставалась непреклонна. Кампердаунъ подсылалъ къ ней тетку, леди Линлитгау, чтобы та уговорила племянницу выйти честно изъ дѣла, но Лиззи указала дверь своему старому врагу.

Мать и въ особенности сестра лорда Фауна, м-съ Гиттевей, были сильно недовольны помолвкой его съ Лиззи Эстасъ.

## ГЛАВА XII.

Я только думалъ объ этомъ.

Въ Фаун-Кортѣ происходила сильная суматоха въ ожиданіи пріѣзда Лиззи въ понедѣльникъ, 5-го іюня. Леди Фаунъ и не думала настаивать на своемъ приглашеніи; но согласно съ сдѣланнымъ заранѣе условіемъ, леди Эстасъ съ ребенкомъ, съ кормилицей и съ своей собственной горничной изволила прибыть ровно въ 4 часа этого дня. М-съ Гиттевей прислала наканунѣ длинное письмо къ матери; обычное спокойствіе ея духа было нарушено въ этотъ воскресный вечеръ и она сѣла писать письмо подъ вліяніемъ сердечнаго волненія. Лордъ Фаунъ не явился въ Ричмондъ въ субботу къ обѣду и въ воскресенье также не пріѣхалъ. Вѣроятно, этотъ день былъ посвященъ имъ на размышленіе; къ нарѣченной невѣстѣ своей онъ не показалъ глазъ во всю недѣлю, и его отсутствіе еще болѣе подстрекнуло Лиззи въ намѣреніи не отлагать своего визита въ Ричмондъ. Франкъ Грейстокъ прислалъ ей поздравительное письмо.

„Милый Франкъ, писала она ему въ отвѣтъ. Женщинѣ въ моемъ положеніи приходится думать о многомъ. Я считаю, что своимъ общественнымъ значеніемъ лордъ Фаунъ можетъ оказать большую пользу моему ребенку. Пожалуйста пріѣжайте навѣститъ меня въ Фаун-Кортѣ. Вы не знаете, какъ я много разсчитываю на вашу дружбу и помощь“.

Между тѣмъ въ Ричмондѣ ее ждали, хотя цѣлое утро въ понедѣльникъ леди Фаунъ делѣяла еще въ себѣ надежду, что гости не пріѣдутъ. „Братъ не очень горячо защищалъ ее, писала м-съ Гиттевей къ матери, и я еще надѣюсь, что можно будетъ увер-

нутъся отъ свадьбы<sup>4</sup>. Прошло утро—ни отъ лорда Фауна, ни отъ леди Эстасъ не было получено ни строчки. Кто знаетъ? думала мать, можетъ быть, произошелъ разрывъ между ними и леди Эстасъ не прїѣдетъ. Однако леди Эстасъ прїѣхала и, какъ слѣдуетъ, встрѣтила радушный приемъ въ Фаун-Кортъ. Но семья Фауновъ не умѣла лицемѣрить. Хотя леди Фаунъ-мать почти ничего не сказала дочерямъ о своемъ визитѣ въ Маунт-Стритъ, но Августа, присутствовавшая при разговорѣ матери съ сестрой въ гостиной м-съ Гиттевей, получила понятіе о характерѣ нарѣченной невѣсты брата. Въ гнѣздѣ невинныхъ голубицъ составилось общее убѣжденіе, что ихъ семьѣ грозитъ большое горе и потому предстоящій визитъ ожидался ими со страхомъ. Поэтому-то, не смотря на прївѣтливныя слова хозяйекъ Фаун-Корта, въ тонѣ ихъ голоса и въ выраженіи лицъ ясно проглядывала холодность. Главной заботой Лиззи было тотчасъ-же уяснить свои отношенія къ семьѣ Фауновъ.

— Мнѣ такъ странно, что я являюсь къ вамъ въ качествѣ сестры, сказала она, обращаясь къ дѣвочкамъ.

Дѣвочки принуждены были улыбнуться, но не выразили большого восторга отъ этого новаго родства.

— *Онъ* просилъ меня особенно полюбить васъ, шепнула Лиззи Августѣ, обнимая ее. Несчастливая жертва, необладавшая большой силой характера, подчинилась непрошенной ласкѣ, но постаралась высвободиться поскорѣе изъ объятій гостя, говоря, что у нея сильно болитъ голова.

— Матушка! воскликнула Лиззи, припадая къ груди леди Фаунъ.

— Да, моя милая, отвѣтила совершенно некстати старуха, и затѣмъ прибавила:—не хотите-ли пройти въ свою комнату, одна изъ дѣвочекъ проводить васъ туда.

— Амалія! мнѣ что-то страшно, проговорила бѣдная мать, обращаясь къ второй дочери, когда гостя вышла изъ комнаты. Амалія вмѣсто отвѣта только покачала головой.

Во вторникъ, когда вся семья сидѣла за завтракомъ, было подано письмо отъ лорда Фауна къ своей возлюбленной. Лиззи, конечно, никому не показала письма, но, читая его про себя, безпрестанно улыбалась и кивала головой въ знакъ одобренія; отъ времени до времени она сообщала нѣкоторыя мѣста изъ драгоценнаго посланія, рассказывала, что лордъ Фаунъ говоритъ то-то и то-то, ѣдетъ туда-то, его зовутъ въ такое-то мѣсто; что онъ собирается сдѣлать вотъ это, а того-то не хочетъ дѣлать, словомъ, если вы когда-нибудь видѣли молодую дѣвушку, воркующую надъ письмомъ своего милаго — передъ вами будетъ живое

изображеніе Лиззи въ эту минуту, за завтракомъ. А между тѣмъ, въ письмѣ ровно ничего не было особеннаго. Лордъ Фаунъ писалъ, что дѣла въ палатѣ и въ министерствѣ не позволяютъ ему пріѣхать въ Ричмондъ ранѣ субботы, а что въ субботу онъ будетъ. Подписался онъ: преданный вамъ Фаунъ—и больше ничего. Но Лиззи разыграла мастерски роль голубки и такъ естественно передавала каждую выдуманную ею фразу, что дѣвочки Фаунъ въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что братъ написалъ къ невѣстѣ страстное письмо. Лиззи-же, читая холодное посланіе своего жениха, мысленно поклялась съ негодовашіемъ, что этотъ человекъ не вырвется у нея изъ рукъ.

Дни тянулись чрезвычайно однообразно. Въ среду и пятницу леди Эстасъ пришла съ извиненіемъ къ хозяйкѣ дома, говоря, что ей непремѣнно нужно съѣздить въ городъ и при этомъ настояла, чтобы Августу, ея всегдашнюю жертву, отпустили вмѣстѣ съ нею. Особенной необходимости въ этихъ поѣздкахъ въ Лондонъ не было, развѣ только требовалось удостовѣриться въ цѣлости не-сгаряемаго ящика съ брилліантами. Ожерелье оказывалось каждый разъ на мѣстѣ, а миссъ Мекнэлти преприятно проводила время. Въ пятницу Лиззи вздумала вдругъ предложить Августѣ произвести вдвоемъ набѣгъ на члена правительства королевы въ собственной его канцеляріи; но Августа на отрѣзъ отказалась отъ этого плана.

— Братъ очень разсердится, сказала она.

— Большая бѣда! возразила Лиззи,—пусть его сердится.

Однако визитъ не состоялся. Въ воскресенье—день, когда ожидали лорда Фауна къ обѣду,—другой неожиданный посѣтитель явился съ визитомъ въ Фаун-Кортъ. Ровно въ три часа пріѣхалъ Франкъ Грейстокъ. А между тѣмъ, леди Фаунъ давно уже намекнула ему, чтобы онъ не ѣздилъ къ нимъ въ домъ, пока у нихъ живетъ Люси Моррисъ.

— Любезный м-ръ Грейстокъ, шепнула ему однажды старуха, когда они остались вдвоемъ,—надѣюсь, что вы не перетолкуете моихъ словъ въ дурную сторону, зная, какъ мы всѣ привязаны къ нашей милой, маленькой Люси. Вы понимаете, и т. д., — словомъ, она произнесла довольно длинную рѣчь, весь смыслъ которой заключался въ слѣдующемъ: Франку не слѣдуетъ ѣздить въ Фаун-Кортъ, пока тамъ живетъ Люси Моррисъ. Но теперь онъ явился съ визитомъ къ своей кузинѣ, Лиззи Эстасъ.

На этотъ разъ леди Фаунъ съ Амаліей и двумя другими дѣвочками уѣхали кататься въ коляскѣ. Несчастливая Августа была оставлена дома для отрады ея сердечнаго друга, а Цецилія и Нина

брали практическій урокъ французскаго языка у Люси Моррисъ. Вся семья разсыпалась по саду; кто сидѣлъ на лавочкѣ въ аллеѣ, кто разгуливалъ по разсаднику молодыхъ деревьевъ, какъ вдругъ среди ихъ явился Франкъ Грейстокъ. Радостное восклицаніе Лиззи и восторгъ ея при видѣ кузена были такъ искренни, какъ будто она увидала родного брата. Она бросилась къ нему на встрѣчу, протянула ему руку, повисла на его плечѣ, пристально посмотрѣла на него и залилась слезами. Но она не зарыдала, а заплакала какъ-разъ въ мѣру. Раза два всхлинула, на глазахъ ея блеснули двѣ крупныя слезы, она утерла ихъ кружевнымъ платкомъ и улыбнулась.

— Ахъ, Франкъ! сказала она нѣжно, — мнѣ невольно вспомнилось доброе старое время.

Хотя Августа стала въ послѣднее время нѣсколько больше довѣрять Лиззи, но эта сцена тяжело на нее подѣйствовала. Франкъ нашель, что его кузина очень похорошѣла и пробормоталъ что-то о лордѣ Фаунѣ, назвавъ его „счастливейшимъ въ свѣтѣ человекомъ“.

— Надѣюсь, что я сдѣлаю его счастливымъ, произнесла Лиззи, сложивъ руки съ благоговѣніемъ.

Люси, между тѣмъ, спокойно стояла въ кругу своихъ воспитанницъ. Ей и въ голову не приходила мысль бѣжать отъ любимаго ею человѣка. Она подала ему руку и почувствовала что-то особенно дружественное въ егожатіи. Зная, что Франкъ пріѣхалъ исключительно для своей кузины, она не считала себя въ этомъ случаѣ ослушницей противъ воли леди Фаунъ. Втеченіе послѣднихъ дней Люси очень часто проводила время съ своей старой пріятельницей Лиззи, причемъ будущая жена лорда выказала ей много искренняго, почти сестринскаго участія.

— Милая Люси, говорила Лиззи, — вы понимаете меня. Всѣ эти люди—очень добры, но меня совсѣмъ не понимаютъ.

Люси на это замѣтила, что лордъ Фаунъ, вѣроятно, понялъ ее.

— О, лордъ Фаунъ — конечно; да, можетъ быть, проговорила нехотя Лиззи. — Впрочемъ, я не знаю. Такъ часто случается, что мужа и женихи менѣе всего понимаютъ женщинъ.

— Если-бы я такъ думала, какъ вы, возразила Люси, — я ни за что-бы не вышла замужъ.

— Франкъ Грейстокъ пойметъ васъ, сказала Лиззи.

Что Люси хорошо понимала свою богатую пріятельницу, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія; она понимала ее и ужъ никакъ не считала ее своимъ другомъ. И къ Лиззи Грейстокъ она не чувствовала симпатіи, но Лиззи Эстасъ сдѣлалась ей по-

ложительно противна. Внутреннее чувство подсказывало Люси, что чѣмъ рѣже она станетъ встрѣчаться съ Лиззи Фаунъ, тѣмъ будетъ для нея лучше.

Часъ спустя, Франкъ Грейстокъ очутился въ цвѣтничкѣ вдвоемъ съ Люси. Можно было навѣрное сказать, что леди Эстасъ устроила это tête-à-tête. Самое неприличіе такого обстоятельства уже служило доказательствомъ, что она наложила тутъ свою руку. Франку невозможно было жениться на дѣвушкѣ, немѣвшей ни одного шиллинга въ карманѣ. Франкъ, какъ Лиззи это хорошо знала, недалѣе двухъ недѣль тому назадъ былъ почти у ея ногъ, и, кто знаетъ, при случаѣ могъ-бы и теперь очутиться въ подобномъ положеніи. Для Лиззи, страстно любящей романическія включенія, казалось очень интереснымъ — среди всей этой обстановки свести Люси съ Франкомъ наединѣ. Если-бы леди Фаунъ знала все то, что происходило теперь въ ея домѣ, она назвала-бы это дьявольскимъ коварствомъ и безчеловѣчной жестокостью.

— Итакъ, Люси, что вы объ этомъ думаете? спросилъ Франкъ Грейстокъ, идя по аллеѣ.

— О чемъ, м-ръ Грейстокъ?

— Да о свадьбѣ.

— Что-же мнѣ тутъ думать? Я ихъ никогда вмѣстѣ не видала. Лордъ Фаунъ, какъ мнѣ кажется, очень не богатъ. У нея большое состояніе, при томъ она красавица. Не правда-ли, вѣдь она красавица? сказала Люси, пристально посмотрѣвъ на Франка.

— Иногда она бываетъ чрезвычайно мила, отвѣчалъ Грейстокъ.

— Всѣ такъ говорятъ; и мнѣ кажется, что это правда. Знаете-ли что?... не подумайте только, что я ей завидую...

— Если-бы я могъ подумать, что вы завидуете Лиззи, то мнѣ показалось-бы это чрезвычайно страннымъ съ вашей стороны, возразилъ Франкъ.

— Ну, такъ слушайте-же. Не знаю почему (Люси очень хорошо знала почему), но иногда мнѣ сдается, что на нее даже страшно глядѣть.

— Въ какомъ отношеніи?

— Право, не умѣю сказать. Она напоминаетъ какого-то красиваго звѣря, котораго боишься погладить, такъ и кажется, что онъ укуситъ. Звѣрь былъ-бы прелестенъ, если-бы только его глаза такъ не бѣгали и зубы не были-бы такъ остры и бѣлы.

— Какъ это странно, замѣтилъ Франкъ.

— Почему странно, м-ръ Грейстокъ?

— Да потому, что она мнѣ внушаетъ точь-въ-точь такое-же

чувство. Я вовсе не боюсь, чтобы она меня укусила, а что она действительно похожа на хорошенького звѣрька, котораго хочется поглядѣть—съ этимъ я согласенъ. Иногда мнѣ кажется, что она напоминаетъ кошку.

— Да, кошку, но не совсѣмъ ручную, сказала Люси.

— Пожалуй, что такъ! И не смотря на все это, она чрезвычайно мила и очень умна. Иной разъ готовъ бываешь присягнуть, что красавѣе этой женщины въ жизнь свою не видывалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Право, такъ! За нею будутъ страшно ухаживать, когда она сдѣлается леди Фаунъ. Стоитъ ей только захотѣть — и ея домъ будетъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ. Я никогда не встрѣчалъ женщины, которая умѣла-бы быть любезной со всѣми такъ, какъ она.

— Вы сдѣлали изъ нея какой-то образецъ совершенства, м-ръ Грейстокъ, замѣтила Люси.

— Прибавьте ко всему этому четыре тысячи ежегоднаго дохода, сказалъ Франкъ,—и сознайтесь, что лордъ Фаунъ пресчастливый человѣкъ.

— Противъ этого мнѣ нечего сказать, возразила Люси.

— Четыре тысячи въ годъ — вещь не послѣдняя, Люси, замѣтилъ Франкъ.

Люси вдругъ замолчала. Она мысленно рѣшилась не отвѣчать ничего, чтобы неловкимъ возраженіемъ не выдать своихъ чувствъ. Но у нея не достало характера.

— Удивляюсь, м-ръ Грейстокъ, пропознала она тихо, — почему вы сами не рискнули погнаться за такимъ богатымъ призомъ. Кузенамъ легче всего жениться на кузинахъ.

У Франка было намѣреніе завладѣть этимъ призомъ, и онъ не рѣшился солгать предъ Люси.

— Тутъ дѣло не въ родствѣ, сказалъ онъ.

— Однако, сознайтесь... вы-таки подумывали объ этомъ призѣ?

— Думалъ, Люси. Это вѣрно. Слава Богу, что я ограничился только этимъ.

Молодая дѣвушка не могла удержаться, чтобы не взглянуть ему въ лицо и всплеснула руками. Мужчина никогда не дѣлается такъ дорогъ женщиנѣ, какъ въ ту минуту, когда онъ ей признается, что готовъ былъ сдѣлать преступленіе, но удержался и не совершилъ его.

— Да, я думалъ объ этомъ, продолжалъ Франкъ, — но не могу сказать, согласилась-ли-бы она принять мое предложеніе. На это у меня нѣтъ вѣрныхъ данныхъ.



— Вамъ... ужь она вѣрно не отказала-бы, проговорила Люси, не подозрѣвая, что она выдастъ сама себя этими словами.

— Я хотѣлъ посвататься за нее ради денегъ, къ тому-же она красавица, сказалъ Франкъ.—Но я совсѣмъ не любилъ ее.

— Никогда, никогда не сватайтесь за женщину, если вы ее не любите, м-ръ Грейстокъ.

— Если такъ, то на свѣтѣ есть одна только женщина, которой-бы я могъ сдѣлать предложеніе, сказалъ Франкъ и замолчалъ.

„Будеть-ли онъ продолжать“, подумала Люси, чувствуя, что въ настоящую минуту ей слѣдуетъ сдѣлать видъ, будто она не понимаетъ. Ей казалось, что признаніе Франка въ любви къ ней осчастливило-бы ее на всю жизнь, даже если-бы вслѣдъ за этимъ онъ объявилъ, что жениться ему на ней невозможно. „Только-бы намъ понять другъ друга, твердила про себя Люси, дрожа отъ волненія, только-бы выяснитъ наши чувства, больше мнѣ ничего не нужно. О разлукѣ не слѣдуетъ говорить; если я, женщина, готова перевести ее, то онъ, вѣроятно, перенесетъ ее еще легче“.

— Вы догадываетесь о' комъ я говорю? спросилъ Франкъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она, отрицательно покачавъ головой.

— Правду-ли вы говорите, Люси?

— А вамъ что за дѣло?

— Люси! взгляните на меня, прошу васъ, сказалъ онъ и положилъ свою руку на ея плечо.

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ! воскликнула Люси съ жаромъ.

— Я васъ такъ сильно люблю, какъ еще не любилъ ни одной женщины, заговорилъ опять Франкъ. — О многихъ я мечталъ, но ни объ одной изъ нихъ, исключая васъ, Люси, я не мечталъ, какъ о существѣ любимомъ. Иногда я воображалъ, что могу жениться изъ-за денегъ или изъ-за положенія, съ тѣмъ, чтобы чрезъ жену составить себѣ карьеру. Но когда, въ минуту увлеченій, я рисовалъ въ своемъ воображеніи очаровательный образъ женщины, то я невольно обращался мыслью къ вамъ, вы были героиней моего романа, царицей моихъ воздушныхъ замковъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Люси.

— Всегда, всегда! воскликнулъ Франкъ.—Что-жъ касается моего сердца—и онъ ударилъ себя въ грудь—то такого постоянного человѣка, какъ я, вы нигдѣ не найдете. Положимъ, что во мнѣ, какъ въ мужчинѣ, нѣтъ ничего особеннаго, но за то я умѣю цѣнить женщину съ перваго взгляда.

И послѣ этого признанія Франкъ не сдѣлалъ ей предложенія и

уѣхалъ изъ Фаун-Корта, не дождавшись даже возвращенія леди Фаунъ съ прогулки.

### ГЛАВА XIII.

Къ какому рѣшенію пришелъ Франкъ Грейстонъ.

Франкъ Грейстонъ успѣлъ уѣхать изъ Фаун-Корта ранѣе, чѣмъ вернулась леди Фаунъ. Предпринимая поѣздку въ Ричмондъ, онъ едва-ли думалъ о томъ, что его влечетъ въ домъ леди Фаунъ желаніе увидѣть Люси Моррисъ. Тѣмъ менѣе онъ могъ предполагать, что свиданіе съ Люси вызоветъ его на искренній разговоръ и на важное признаніе. Онъ ѣхалъ туда потому, что его звала кузина, которую онъ считалъ обязанностью навѣстить и поговорить съ нею о предстоящей пережвѣвѣ въ ея положеніи. Конечно, во время пути онъ не разъ сказалъ себѣ, что леди Фаунъ старая дура и что видѣть Люси для него большое удовольствіе. „Почему-же мнѣ не повидаться съ нею, что можетъ помѣшать нашему свиданію?“ Однакожь, о какомъ-нибудь серьезномъ разговорѣ съ нею онъ не думалъ, но когда увидѣлъ ее и поговорилъ съ нею, то, возвращаясь въ Лондонъ, онъ признавался самому себѣ, что онъ болѣе уже не въ состояніи лишать себя счастья, откладывая бракъ, и что онъ не можетъ предложить своей руки никакой другой дѣвушкѣ, кромѣ Люси. Правда, онъ еще не сдѣлалъ ей предложенія, но сказалъ ей, что любить ее и никогда не полюбить другую женщину. Онъ просилъ ее ничего не отвѣчать на его признаніе и посиѣшилъ оставить ее.

Возвратясь домой, онъ продолжалъ размышлять въ томъ-же направленіи: онъ старался уяснить себѣ свое поведеніе въ отношеніи этой дѣвушки и подвергъ себя всей строгости перекрестнаго вопроса. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые, любя дѣвушку больше всѣхъ другихъ людей, могутъ примяться съ мыслью повредить ей для собственной выгоды. Онъ понималъ, что если человѣкъ, неимѣющій возможности жениться, на столько слабъ, что поддастся страсти, которая можетъ разрушить всѣ его надежды, то онъ обязанъ умолчать о своихъ чувствахъ. Онъ настолько былъ искрененъ, что сознавался въ своей слабости. Слабость явилась въ немъ еще съ раннихъ лѣтъ, и теперь была уже существующимъ фактомъ. Никакая другая дѣвушка и никакой мужчина не могли замѣнить для него Люси. Въ ея обществѣ онъ чувствовалъ себя въ весьма хорошемъ настроеніи. Люси не была красавицей. Ее не привлекала мода и она никогда не одѣвалась

хорошо, т. е. согласно съ понятіемъ о нарядѣ, какое ходило въ свѣтскомъ обществѣ. Люси была мала ростомъ и ни своей фпгурой, ни станомъ, ни манерами не могла обратпть на себя вниманія; она примирилась съ необходимостью быть гувернанткой п, казалось, не считала эту роль ниже своихъ способностей. Но она правилась Франку больше другихъ женщинъ. Для него она была, конечно, лучше всѣхъ ихъ. Прикосповеніе ея руки было ему пріятно, и по временамъ, когда онъ бывалъ разгоряченъ и утомленъ работой, онъ мечталъ, какъ-бы ему было хорошо, если-бы она положила свою руку на его лобъ. Въ блескѣ ея глазъ было такъ много расположенія къ нему, и онъ былъ убѣжденъ, что этого расположенія не могли выразить никакіе другіе глаза въ мірѣ. Выраженіе ея рта, когда она смѣялась, было для него краспорѣчивѣ всякаго звука. Столько было правды въ ея поступкахъ п искренности въ ея характерѣ, что нельзя было не чувствовать къ ней влеченія. Онъ навѣрное зналъ, что она непоколебима и въ своей правдѣ, и въ своей искренности. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что онъ никогда не считалъ обманъ п лицемеріе женщинъ особенно дурными недостатками и находилъ, что нѣкоторая доля аффектаціи пожалуй даже необходима для полноты женскаго характера. Онъ зналъ, что его кузина Лиззи маленькая лгунья п, по выраженію Люси, маленькій звѣрекъ, способный укусить; между тѣмъ кузина Лиззи ему правилась. Онъ говорилъ, что женщина не должна быть совершенной. Но Люси Морисъ въ его глазахъ была совершенствомъ, и однакожъ, когда онъ говорилъ, что онъ постоянно мечтаетъ о ней — онъ говорилъ правду.

Полюбивъ ее, онъ не могъ отдѣлаться отъ этого чувства, но молчалъ о немъ. И въ первые годы знакомства съ нею, въ Бобборо, и въ особенности въ то время, когда онъ видѣлся съ нею въ Фаун-Кортѣ, онъ сознавалъ, что ему трудно молчать. Но его попросили, чтобы онъ не посѣщалъ Фаун-Кортъ, и слова, готовые уже сорваться съ его языка, остались невысказанными. Хотя онъ называлъ леди Фаунъ старой дурой, однакожъ признавался, что она отчасти права, что въ его положеніи лучше не мечтать о восторженной любви и остановиться на богатой невѣстѣ. Рѣшившись молчать о своей любви къ милой Люси, онъ счелъ себя вправѣ искать другую женщину. Намъ уже извѣстно, что онъ рѣшился-было сдѣлать предложеніе своей богатой кузинѣ. Въ его глазахъ она была очень красива п къ тому-же у нея было хорошее состояніе; но онъ также зналъ, что эти зубки кусаются п эти ногти царапаются. Успѣхъ лорда Фауна далъ другой оборотъ мыслямъ Франка и онъ заставилъ себя думать, что если человѣкъ лю

бить, онъ долженъ оставаться вѣренъ своей любви. Читатель уже знаетъ, что вышло изъ этого вывода, и какъ увлекпійся Франкъ прервалъ свое молчаніе. Онъ не сдѣлалъ еще предложенія Люси, но онъ выговорилъ такія слова, послѣ которыхъ женитьба его на другой женщинѣ была-бы страшнымъ оскорбленіемъ Люси. Когда онъ размышлялъ о томъ, что онъ сказалъ сегодня Люси, онъ, естественно, старался также припомнить, что отвѣтила она ему. Люси, правда, произнесла очень мало словъ и онъ припомнилъ ихъ всѣ.

„Правда-ли это?“ спросила она, когда онъ сказалъ, что постоянно мечтаетъ о ней. Въ этомъ вопросѣ прозвучала радость, которую она не попыталась скрыть. Она нисколько не смѣшалась, она не сказала ему, что любить его, но этотъ вопросъ ей былъ для него столько-же пріятенъ, какъ было-бы пріятно признаніе въ любви. „Правда-ли“, спросила она, „что вы помѣстили меня туда, гдѣ вся моя радость и все мое счастье?“ Она не хотѣла лгать передъ нимъ. Она не говорила ничего о своей любви, но развѣ въ этихъ словахъ не звучало самое краснорѣчивое признаніе? „Правда-ли?“ повторялъ онъ самъ тысячу разъ, и при этомъ слышалъ ея голосъ. Конечно, ни въ одномъ голосѣ истина не звучала такъ сильно и убѣдительно для слушателя.

Что-же мѣшало ему жениться на ней? Онъ могъ это сдѣлать безъ всякаго затрудненія. Онъ могъ измѣнить свою жизнь, покинуть клубы, даже парламентъ, если-бы это было нужно, и жить своими заработками. Онъ могъ и не считать себя совсѣмъ бѣднымъ, хотя, конечно, онъ далеко не былъ богатъ. Даже и въ то время, когда онъ переселился въ Лондонъ, у него было еще много долговъ; а потомъ онъ вошелъ въ парламентъ именно въ тотъ періодъ своей жизни, когда вступленіе въ парламентъ было особенно невыгодно для его кошелька. Все-таки онъ получалъ достаточно для того, чтобы жить съ женой даже съ нѣкоторымъ комфортомъ; что-же касается его долговъ, то онъ могъ-бы выплатить ихъ въ одинъ годъ, если-бъ не полѣнился работать.

Но онъ привыкъ жить роскошно: онъ квартировалъ въ Темплѣ, въ одномъ изъ богатыхъ вест-эндскихъ отелей, обѣдалъ въ своемъ клубѣ, вель прихотливый и роскошный образъ жизни, который легко могъ довести мужчину до узкаго эгоизма. Онъ не имѣлъ склонности къ пьянству, но любилъ пить хорошее вино. Экономія, которую можно было сдѣлать въ расходахъ на извозчиковъ, перчатки, зонтики и развѣзды по желѣзнымъ дорогамъ, совершенно ускользала отъ его вниманія. Пенсы и шиллинги въ его глазахъ были слишкомъ ничтожными монетами, чтобы объ нихъ стоило ду-

мать. Всѣ Грейстоки жили такъ-же, какъ и онъ. Даже самъ деканъ не былъ свободенъ отъ нѣкоторой расточительности. Все это Франкъ зналъ и нисколько не смутился, сказавъ себѣ, что онъ долженъ многое измѣнить въ своей жизни, если женится на Люси Моррисъ. Но онъ былъ на столько уменъ, что разсчиталъ также, что такую перемѣну будетъ еще труднѣе произвести, если онъ со дня на день станетъ откладывать свое рѣшеніе. Слѣдовательно, вопросъ для него былъ поставленъ слишкомъ очевидно. Но столько же очевидно было и рѣшеніе этого вопроса. Какъ честный человѣкъ, не долженъ ли онъ связать свою жизнь съ жизнью Люси Моррисъ?

Вечеромъ того дня, какъ Франкъ возвратился изъ Ричмонда, онъ встрѣтился съ Джономъ Эстасомъ въ ихъ общемъ клубѣ, гдѣ они часто вмѣстѣ обѣдали. Они коротко сошлись между собой вскорѣ послѣ женитьбы сэра Флоріана на Лиззи. Лиззи никогда не нравилась Джону Эстасу; но Франка онъ очень любилъ; къ тому-же личный интересъ побуждалъ его сближаться съ Франкомъ, онъ надѣялся, что Франкъ поможетъ ему управлять наслѣдственнымъ имѣніемъ Эстасовъ.

— Вы выпустили вдовушку изъ своихъ рукъ, сказалъ онъ Франку.

— Я говорилъ вамъ, что лордъ Фаунъ будетъ моимъ болѣе счастливымъ соперникомъ, отвѣтилъ Франкъ.

— Я помню, что вы это говорили, но мнѣ было-бы пріятнѣе, если-бъ вы ошиблись.

— Почему-же? Фаунъ, кажется, не дурной человѣкъ.

— О, да, онъ человѣкъ не дурной. Но онъ также и не особен-но хорошій человѣкъ, въ томъ смыслѣ, какъ я понимаю хорошаго человѣка. Прежде всего онъ женится на ней изъ-за денегъ.

— То есть онъ дѣлаетъ то, что вы совѣтовали сдѣлать мнѣ?

— Я думалъ, что вы дѣйствительно любили ее. Притомъ Фаунъ всегда будетъ зависѣть отъ нея; мы должны будемъ бороться съ нимъ, а онъ не въ состояніи будетъ противиться ей.

— Но зачѣмъ-же борьба?

Эстасъ потеръ себѣ лицо и подумалъ прежде, чѣмъ отвѣтить:

— Она очень докучлива, сказалъ онъ.

— Кто, Лиззи?

— Да; и я начинаю опасаться, что она больше насъ знаетъ, что ей дѣлать. Я видѣлъ сегодня Кампердауна. Я радъ буду, если она еще не велѣла вырубить половину лѣса въ Портрѣ. Она имѣетъ право брать лѣсъ только для построекъ, продавать же не вправе.

— А если она проживет еще пятьдесят лѣтъ? спросилъ Грейстокъ. — Можетъ быть, для построекъ ей придется вырубить весь лѣсъ?

— Да, она можетъ вырубать лѣсъ, но только по взаимному соглашенію съ нами. Конечно, въ этомъ лѣсу ежегодно дѣлается правильная вырубка, и она приноситъ хорошій доходъ. Но Лиззи рубить безъ всякой системы и изводитъ безтолково старше дубы.

— Фаунъ уладить это дѣло.

— Едва ли. Не отвѣчая Кампердауну ни на одно изъ его писемъ за послѣдній годъ, Лиззи написала ему, что лордъ Фаунъ не намѣренъ вмѣшиваться въ управленіе ея имѣніями, и что она избрала своими стряпчими Мобрэ и Мопюса. Кампердаунъ пріѣхель въ ужасъ отъ такого извѣстія.

— Лордъ Фаунъ все передѣлаетъ, сказалъ Франкъ.

— Кампердаунъ боится, что этого не будетъ. Они два раза встрѣчались послѣ сдѣланнаго предложенія и Кампердаунъ говорить, что во время послѣдняго свиданія, Фаунъ былъ очень надмененъ и крайне нелюбезенъ. Они говорили объ этихъ бриллантахъ.

— Вы, однакожь, не думаете, что лордъ Фаунъ завладѣетъ драгоценностями, принадлежащими семейству вашего брата?

— Кампердаунъ не разъяснялъ ему этого вопроса, и Фаунъ съ своей стороны не предлагалъ ихъ уступить. Я тамъ не былъ, и повторю только слова Кампердауна. Онъ думаетъ, что Фаунъ боится ее.

— Впрочемъ я этому нисколько не удивляюсь, сказалъ Франкъ.

— Я знаю, что намъ придется улаживать многія затрудненія, продолжалъ Эстасъ,—и Фаунъ не поддержитъ насъ. Она твердое, хитрое, упрямое, умное созданіе! Кампердаунъ божится, что побѣдитъ ее, но я почти сомнѣваюсь въ побѣдѣ.

— И поэтому вы хотѣли, чтобы я женился на ней?

— Да, я хочу и теперь. Вы можете управлять ею. Деньги получаютъ съ имѣнія Эстасовъ и мнѣ хотѣлось-бы, чтобы эти деньги получали вы, а не безсердечный, нѣмой, хладнокровный вигъ лордъ Фаунъ.

— Я не люблю хитрыхъ женщинъ, сказалъ Франкъ.

— Но это была-бы недурная сдѣлка, отвѣчалъ Эстасъ.—Лиззи еще очень молода и красива, имѣетъ хорошее родство. Это слишкомъ хорошо для Фауна, слишкомъ хорошо для вига.

Когда Эстасъ оставилъ его, Грейстокъ закурилъ сигару и пошелъ въ Темплъ. Онъ часто работалъ здѣсь по ночамъ, когда ему не нужно было идти въ палату, или когда въ палатѣ не было за-

сѣдавiя. Теперь ему предстояло преодолѣть тайны сложнаго дѣла, вѣреннаго его защитѣ, чтобы представить его присяжнымъ въ еще болѣе таинственномъ видѣ. Но всю дорогу онъ думалъ болѣе о бракѣ лорда Фауна, чѣмъ объ этомъ дѣлѣ. Можетъ-ли быть оправданъ мужчина, женившiйся на деньгахъ, или можетъ-ли онъ ожидать счастiя отъ такого брака. Франкъ повторялъ про себя совѣтъ квакера старому фермеру: „Не женись на деньгахъ, но иди туда, гдѣ есть деньги!“ Но Франкъ повторялъ этотъ совѣтъ скорѣе осуждая его, чѣмъ соглашаясь съ нимъ.

Ему предстояло сдѣлать выборъ между двумя различными образами жизни, и каждый изъ нихъ имѣлъ свою прелесть. Продолжая жить въ аристократическихъ и богатыхъ кварталахъ, онъ могъ жить жизнью лордовъ, графовъ и вообще богатыхъ людей, онъ могъ ѣсть и пить роскошно, онъ могъ обладать всѣмъ, что только можетъ дать свѣтъ, исключая жены, семейства и своего очага. Все это ему не трудно было приобрести работой, которую онъ, конечно, найдетъ при посредствѣ того положенiя въ свѣтѣ, какого онъ уже достигъ своимъ умомъ; жену, семейство и свой очагъ онъ можетъ также приобрести, но онъ долженъ жениться не иначе, какъ на богатой женщинѣ или вступить въ бракъ въ старости, когда у него у самого будетъ нажито состоянiе. Онъ сознавалъ, какъ опасны прелести такой жизни для мужчины, который рано старѣется отъ роскошной жизни, если ему не о комъ заботиться. „Не женись на деньгахъ, но иди туда, гдѣ есть деньги“. Потому ему представилась другая жизнь, въ болѣе скромныхъ кварталахъ, гдѣ можно жить хорошо, гдѣ жизнь будетъ согрѣваться нѣжной улыбкой Люси, ея поцѣлуями, когда онъ вернется домой усталый отъ работы.

Есть много мужчинъ и женщинъ, которые проживаютъ свой вѣкъ, не зная, что значитъ любить и быть любимымъ. Они вступаютъ въ бракъ, въ особенности мужчины, не любя, и бываютъ даже порядочными мужьями. Ихъ жены полезны имъ и они привыкаютъ къ той мысли, что женщина, сдѣлавшись женой, достойна уваженiя и покровительства, которыя мужчина оказываетъ ей. Такiе мужчины, пожалуй, живутъ честно, какъ добрые люди, и готовы думать, что они любятъ своихъ женъ, какъ Ромео любилъ Джульету. Но все-таки ихъ жизнь не полна и этотъ недостатокъ дѣлаетъ ихъ мелочными, жалкими, сухими. Они никогда не чувствовали, какъ прiятно отдать все за одно короткое попотомъ сказанное слово, которое показываетъ мужчинѣ, что онъ сдѣлался властелиномъ женскаго сердца. Есть другiе мужчины,—ихъ даже очень много,—которые чувствовали эту любовь, но противились ей потому, что

считали неумѣстнымъ, чтобы любовь взяла верхъ надъ другими чувствами. Франкъ Грейстокъ говорилъ самому себѣ нѣсколько разъ, что страсть не должна мѣшать его честолюбію: развѣ это хорошо, что онъ, молодой человѣкъ, который уже столько сдѣлалъ, передъ которымъ открывалась значительная карьера, не достигнетъ ея только потому, что онъ не можетъ уничтожить чувства, возбужденнаго въ немъ маленькой дѣвочкой безъ денегъ, безъ положенія въ свѣтѣ, даже безъ красоты,—дѣвочкой, о которой, если онъ женится на ней, свѣтъ скажетъ: „О, Господи, Франкъ Грейстокъ женился на маленькой гувернанткѣ изъ дѣтской старой леди Фаунъ“. Но Франкъ любилъ ее всѣмъ сердцемъ и сегодня сказалъ ей объ этомъ. Что теперь ему слѣдуетъ дѣлать?

Онъ думалъ не слишкомъ долго о томъ, что ему дѣлать, и прежде чѣмъ легъ въ постель, написалъ слѣдующее письмо:

„Полночь. Суббота. Между моими книгами и бумагами.  
„2. Болът-Кортъ, Миддль-Темплъ“.

„Милая дорогая Люси!

„Сегодня я сказалъ вамъ, что постоянно мечтаю о васъ. Вы мнѣ отвѣтили только однимъ словомъ, но хотя вы его едва произнесли, хотя оно звучало нѣсколько неопредѣленно, оно тѣмъ не менѣе позволяетъ мнѣ надѣяться, что вы примете мою просьбу раздѣлать со мною мой домъ, далеко непохожій на дворецъ. Правъ-ли я? Но нѣтъ, я не стану объ этомъ думать. Ваше постоянное молчаніе породило во мнѣ сомнѣніе въ вашей привязанности. Но я знаю, что вы сама правда, и произнесенное вами слово не можетъ имѣть другого смысла, какъ только тогъ, какой я придаю ему. Я хочу надѣяться, что и вы любите меня?

„Вы можете спросить меня, почему-же я не сказалъ вамъ все это въ Фаун-Кортѣ, когда говорилъ съ вами; вы можете замѣтить мнѣ, что письмо плохая замѣна словеснаго объясненія въ любви... Но, такъ или иначе, вы должны-же знать всю правду. Хотя я давно любилъ васъ, но и въ этотъ разъ я вѣхалъ въ Фаун-Кортъ вовсе не съ цѣлью объясниться въ своей любви къ вамъ. Что я вамъ высказалъ — это была истинная правда; я и высказалъ ее вамъ не обдумывая заранее: мнѣ внезапно пришла идея открыть вамъ свои чувства. Сообразивъ нашъ разговоръ, я рѣшился писать вамъ и прошу васъ быть моей женою. Впродолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ я жилъ надеждой, но теперь, дорогая Люси, я говорю вамъ, что все мое счастье находится въ вашихъ рукахъ.

„Если вашъ отвѣтъ будетъ таковъ, какой я надѣюсь получить, то сообщите обо всемъ леди Фаунъ. Я-же немедленно напишу въ Боб-



сборо, потому-что ненавижу секретовъ въ подобныхъ случаяхъ. И если вы примете мое предложеніе, я прошу васъ дать мнѣ право ѣздить въ Фаун-Кортъ такъ часто, какъ я пожелаю.

„Вашъ всегда и навсегда, если вы пожелаете, Ф. Г.“

Онъ сидѣлъ около часа у своего письменнаго стола, прежде чѣмъ оставилъ комнату. Письмо лежало передъ нимъ на столѣ и онъ смотрѣлъ на него. Если онъ рѣшится послать его, то долженъ будетъ проститься съ жизнью Белгравія-кум-Пимлико, къ которой, по правдѣ, онъ былъ очень привязанъ. Лорды, графы, богатые члены парламента и первые политическіе дѣятели, теперь такъ предупредительно бесѣдующіе съ нимъ, будутъ равнодушно относиться къ его женѣ и не примутъ ее въ свое общество. Вести съ ними знакомство послѣ женитьбы онъ можетъ только въ такомъ случаѣ, если будетъ во всемъ подражать имъ. Впоследствии онъ можетъ достигнуть этого работой; но пока онъ долженъ переселиться въ другое мѣсто. Онъ сидѣлъ глядя на свое письмо и думая, что въ настоящую минуту рѣшается судьба его жизни. И снова онъ прошепталъ совѣтъ квакера: „Не женись на деньгахъ, но иди туда, гдѣ есть деньги“. Можно сказать навѣрное, что нѣтъ ни одного мужчины, который, написавъ подобное письмо, не колебался-бы отослать его. Онъ пошелъ въ Темплъ и опустилъ письмо въ почтовый ящикъ. Когда конвертъ выскочилъ изъ его рукъ, онъ почувствовалъ, что судьба его рѣшилась.

#### ГЛАВА XIV.

«Не женись на деньгахъ».

Въ эту-же субботу въ Фаун-Кортъ также было не совсѣмъ спокойно. Когда леди Фаунъ вернулась, она узнала, что Франкъ Грейстокъ былъ въ Фаун-Кортъ, и что онъ гулялъ вдвоемъ съ Люси Моррисъ. На выставкѣ старухъ передъ компетентнымъ судьей леди Фаунъ навѣрное получила-бы призь за свое добродушіе. Едва-ли бы нашлась мать менѣе капризная и брюзгливая, чѣмъ леди Фаунъ. Но теперь почтенная леди чувствовала себя несчастной... Чѣмъ дольше Лиззи гостила у нея, тѣмъ съ большимъ страхомъ смотрѣла леди Фаунъ на предполагаемый бракъ своего сына. М-съ Гиттевей писала каждый день и въ ея письмахъ постоянно сообщались новыя свѣденія о дурныхъ качествахъ характера Лиззи. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ м-съ Гиттевей выражала надежду,

что „Фредерикъ можетъ еще отдѣлаться“. Леди Фаунъ ничего не говорила объ этомъ своимъ дочерямъ. Старшей, Августѣ сказать было нельзя потому, что она была подругой—увѣ по всей вѣроятности—будущей леди Фаунъ. Но старуха проболталась объ этомъ Амеліи и было ясно, что въ домѣ все шло не такъ, какъ слѣдуетъ. Теперь, къ довершенію всѣхъ золъ, Франкъ Грейстокъ былъ въ домѣ леди Фаунъ въ отсутствіе самой хозяйки и гулялъ вдвоемъ съ Люси Моррисъ. Леди Фаунъ едва могла придти въ себя, узнавъ, что „Люси была неосторожна“ въ присутствіи Августы и Амеліи.

Лиззи Эстасъ не слыхала переговоровъ матери съ дочерями, но знала очень хорошо, что, по мнѣнію леди Фаунъ, гувернантка не должна принимать мужчину, котораго любить, въ отсутствіе хозяйки дома, а потому поспѣшила сказать:

— Милая леди Фаунъ, въ ваше отсутствіе мой кузенъ Франкъ пріѣзжалъ сюда навѣстить меня.

— Я это слышала, отвѣчала леди Фаунъ.

— Франкъ и я, мы скорѣе родные братъ и сестра, чѣмъ кузены. Миѣ нужно было такъ много сказать ему; такъ много попросить его сдѣлать для меня! У меня нѣтъ болѣе близкихъ родныхъ, чѣмъ онъ, и я просила его пріѣхать сюда.

— Почему-же ему и не ѣздить сюда?

— Я боюсь только, что вы подумаете, будто это была любовная хитрость со стороны милой Люси.

— Я ничего подобнаго не подозрѣвала, сказала леди Фаунъ, поднимаясь.— Люси Моррисъ выше всякихъ хитростей. Въ нашемъ домѣ вообще незнакомы съ подобными хитростями, леди Эстасъ.

Леди Фаунъ сама могла говорить, что Люси неправа, но никто въ домѣ не смѣлъ и запнуться противъ Люси. Лиззи, иронически улыбаясь, ушла въ свою комнату. Она всегда чувствовала наслажденіе, если ей удавалось разсердить леди Фаунъ.

Въ этотъ вечеръ всѣ обитательницы Фаун-Корта были особенно возбуждены ожиданіемъ пріѣзда лорда Фауна. Какъ встрѣтится онъ съ своей нарѣченной невѣстой? Справедливо-ли было мнѣніе м-съ Гиттевей, что ея братъ начинаетъ тяготиться принятымъ на себя обязательствомъ? Что леди Фаунъ тяготилась имъ сама, что она не любила Лиззи, боялась ее и неохотно примирялась съ мыслью имѣть ее своей невѣстой,— это она не старалась уже болѣе скрывать отъ самой себя. Но о предложеніи, сдѣланномъ ея сыномъ вдовѣ сэра Флоріана, знали уже всѣ, и не предвидѣлось возможности взять слово назадъ. Бѣдная старуха стала безпрестанно повторять первую половину совѣта квакера: „Не женись на деньгахъ“.

Лордъ Фаунъ пріѣхалъ очень поздно. Пламенный любовникъ, подумаетъ иная изъ моихъ читательницъ, могъ-бы пораньше оставить свою работу, чтобы насладиться съ своей возлюбленной субботнимъ лѣтнимъ вечеромъ, но уже было семь часовъ, когда Фредерикъ пріѣхалъ въ Фаун-Кортъ и всѣ леди были въ это время въ своихъ комнатахъ. Лиззи притворялась, что вѣрится тѣмъ объясненіямъ, которыя леди Фаунъ высказала насчетъ поздняго пріѣзда ея сына, и на видъ казалась совершенно довольной.

— У него больше дѣла, чѣмъ у другихъ, сказала Лиззи Августѣ. — Судьба всей нашей обширной индѣйской имперіи зависить теперь отъ него.

Таковыми словами, вѣроятно, остался-бы недоволенъ начальникъ лорда Фауна, достопочтенный Леджъ Вильсонъ, который въ это время представлялъ интересы Индіи въ кабинетѣ.

— Онъ ужасно занятъ, но что-же дѣлать? продолжала она.

— Я думаю, онъ любитъ работать, возразила Августа.

— Но я этого не люблю, и я должна заставить его понять это, моя милая. Но я не жалуюсь. Пока онъ говоритъ мнѣ все, ничего не скрывая, я не стану жаловаться.

Можетъ быть, когда-нибудь будетъ такъ, какъ она желаетъ; можетъ быть, какъ мужъ, онъ будетъ довѣрчивъ и сообщителевъ; можетъ быть, когда они соединятся, онъ расскажетъ ей все объ Индіи; но теперь пока онъ ничего еще не рассказывалъ ей объ этомъ.

— Какъ-то они встрѣтятся? спросила Амелія свою мать, когда узнала о пріѣздѣ брата.

— О, я не знаю; какъ-нибудь; какъ они хотятъ. Мы ничего не можемъ сдѣлать для нея.

И мать, и сестры лорда Фауна собрались въ гостиную раньше, чѣмъ Лиззи сошла внизъ; весь семейный кружокъ былъ въ сборѣ, когда Лиззи пришла въ гостиную, чтобы привѣтствовать своего жениха. Она опоздала очень встати. Можетъ быть, она сдѣлала это съ намѣреніемъ, чтобы успѣть приготовиться къ этой встрѣчѣ. Когда онъ поклонился ей, она такъ незначительно повернула свою щеку, что онъ долженъ былъ замѣтить, что она ожидала его поцѣлуя, но настолько незначительно, что если-бы онъ отказался отъ поцѣлуя, то никто не замѣтилъ-бы неловкаго положенія невесты. Сильно покраснѣвъ, онъ прикоснулся къ ея щекѣ. Она подала ему свою руку безъ перчатки и оставивъ ее въ его рукѣ, вошла въ кружокъ. Она не сказала ни слова; онъ также заговорилъ не сейчасъ, но они встрѣтились, какъ влюбленные, и кто изъ семейства позволялъ себѣ надѣяться, что свадьба разойдется, теперь, безъ сомнѣнія, оставилъ эту надежду.

— Онъ всегда такой молчаливый, леди Фаунъ? спросила Лиззи, видя, что никто не рѣшается прервать тягостное молчаніе.

— Да, онъ всегда былъ такимъ, сказала леди Фаунъ. — Обѣдъ готовъ. Фредерикъ, неудобно-ли вамъ подать руку леди Эстасъ?

Бѣдная леди Фаунъ! Ей такъ часто приходилось быть въ не-ловкомъ положеніи!

Семь женщинъ сѣли за столъ и лордъ Фаунъ занялъ свое мѣсто посреди ихъ. Леди Фаунъ позвала къ обѣду также Люси и съ ней пришли еще двѣ молодыя дѣвушки. Съ правой стороны лорда Фауна сидѣла Лиззи, а съ лѣвой — Августа. Леди Фаунъ сидѣла между Амеліей и Люси.

— Такъ м-ръ Грейстоукъ былъ сегодня? спросила она на ухо у Люси.

— Да, былъ.

— О, Люси!

— Я его не приглашала, леди Фаунъ.

— Я въ этомъ увѣрена, моя милая; но... но...

Но больше ничего не было сказано объ этомъ предметѣ въ настоящую минуту.

Впродолженіе всего обѣда разговоръ поддерживался почти одной Лиззи, бесѣдующей съ Августой. Ей явно хотѣлось вовлечь въ разговоръ лорда Фауна. Парламентъ, Индія, саабъ, Ирландія, особая привиллегія палаты лордовъ, удобства холостой жизни и наслажденіе имѣть такое-же сельское убѣжище, какъ Фаун-Кортъ — всѣ эти предметы послужили темой для рѣчей Лиззи. Августа съ терпѣніемъ выслушивала рѣчи своей сосѣдки, которая работала языкомъ съ сверхъестественной энергіей, какую женщины умѣютъ обнаруживать, поддерживая разговоръ въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Обстоятельства дѣйствительно были весьма неблагопріятны, потому-что лордъ Фаунъ едва открывалъ свой ротъ; но Лиззи устояла и обѣдъ прошелъ безъ всякой тѣни дурного расположенія духа, или мрачнаго молчанія. Послѣ обѣда лордъ Фаунъ заперся съ своей матерью въ ея комнатѣ, а дѣвушки пошли бродить по саду. Не хочеть-ли Лиззи играть въ крокетъ? спросили ее. Нѣтъ, она не станеть играть. Она надѣялась заставить своего возлюбленного прогуляться съ нею по саду; но лордъ Фаунъ не показывался въ этотъ вечеръ и Лиззи принуждена была удовольствоваться обществомъ Августы. Но въ концѣ вечера ея возлюбленный сказалъ ей тихонько:

— Удѣлите мнѣ завтра минутъ десять между завтракомъ и поѣздкой въ церковь, Лиззи.

Лиззи обѣщала, нѣжно улыбаясь. Затѣмъ Лиззи сыграла не-

большую пьеску на фортепьяно, послѣ чего лордъ Фаунъ отправился въ свою комнату, чтобы позаняться дѣлами.

— Что-то онъ скажетъ мнѣ? спрашивала Лиззи Августу на слѣдующее утро.

Ея сердце, повидимому, жаждало довѣрчивой дружбы, но въ самомъ этомъ желаніи сказывалось что-то такое, что вовсе не вызывало на довѣрчивость. Лиззи презирала Августу Фаунъ, а теперь, за недостаткомъ лучшаго друга, она захотѣла прижать ее къ своему сердцу и клялась, что между ними существуетъ самая нѣжная симпатія. Лиззи желала носить маску дружбы, честности и всего, что цѣнятъ хорошіе и серьезные люди. Вѣрная любовь и вѣрная дружба казались ей прекрасными качествами, о которыхъ она разсуждала съ свойственнымъ ей краснорѣчіемъ, и всегда носила маску любви и дружбы. Она цѣлый часъ могла говорить о томъ, какъ ужасно притворство, но сама всегда лгала, притворялась и вѣчно носила маску...

— Что-то онъ скажетъ мнѣ? спрашивала она Августу, надѣвая шляпку послѣ завтрака.

— Я думаю, онъ будетъ просить назначить день свадьбы, отвѣчала Августа.

— Если-бы это было такъ, я-бы постаралась угодить ему. Но нѣтъ, вѣрно не о свадьбѣ. Я такъ хорошо его знаю! Я увѣрена, что не о свадьбѣ. Можетъ быть, онъ намѣренъ говорить со мной о моемъ мальчикѣ. Онъ вѣрно не захочетъ разлучить мать съ сыномъ.

— О, моя милая, сказала Августа. — Я увѣрена, Фредерикъ не способенъ потребовать такую жертву.

— Во всемъ другомъ я буду повиноваться ему, сказала Лиззи, обвиняя Августу. — Но онъ вѣрно уже ждетъ меня, а я опасаюсь, что мой будущій повелитель немножко нетерпѣливъ.

Между всѣми качествами лорда Фауна терпѣніе занимало самое видное мѣсто. Когда Лиззи вошла въ залу, онъ уже ждалъ ее тамъ, но безъ всякаго нетерпѣнія.

— Ну, Фредерикъ! сказала она. — Я была-бы уже здѣсь раньше васъ, если-бъ мнѣ не нужно было поговорить съ Августой. Я такъ полюбила ее!

— Она очень хорошая дѣвушка, сказалъ лордъ Фаунъ.

— Она такъ справедлива, естественна и остроумна. Я перейду на другую сторону, чтобы укрыться отъ солнца. Здѣсь лучше. Въ нашемъ распоряженіи цѣлый часъ, который остается до начала службы въ церкви. Я полагаю, вы тоже пойдете въ церковь?

— Я намѣревался идти, сказалъ лордъ Фаунъ.

— Такъ пріятно ходить въ церковь! сказала Лиззи.

Съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла, она подчинилась нѣкоторымъ правиламъ, предписываемымъ свѣтомъ. Одно воскресенье она ходила въ церковь, а другое у ней всегда болѣла голова, и она оставалась въ постели съ французскимъ романомъ въ рукахъ. Но она рѣшила, что въ первые мѣсяцы своего новаго замужества будетъ точно слѣдовать обыкновенію—посѣщать церковь въ воскресенье.

— Моя милая Лиззи, сказалъ вдругъ лордъ Фаунъ,— послѣ послѣдняго нашего свиданія, я былъ два раза у Кампердауна.

— И сегодня вы намѣрены говорить о м-рѣ Кампердаунѣ?

— Да. Я не могъ говорить объ этомъ вчера, но сегодня вечеромъ, или завтра утромъ, я возвращусь въ Лондонъ.

— Я не могу слышать имени м-ра Кампердауна, сказала Лиззи.

— Мнѣ очень жаль, потому-что, увѣрю васъ, вы не найдете болѣе честнаго стряпчаго для управленія вашими дѣлами. Онъ дѣлаетъ все для меня и также точно дѣлалъ все, что могъ, для сэра Флоріана Эстаса.

— Вотъ почему я и выбрала другого стряпчаго, отвѣчала она.

— Очень хорошо. Я не скажу болѣе ни одного слова о немъ. Мнѣ очень жаль; но я не стану разубѣждать васъ и скажу вамъ одно: вы должны возвратить эти брилліанты.

— Кому должна я ихъ возвратить?

— М-ру Гарнету, брилліантщику, если хотите, или м-ру Кампердауну, или, быть можетъ,—что будетъ для васъ еще лучше,—вашему деверю, м-ру Джону Эстасу.

— Но почему-же я должна отдать мою собственность?

Лордъ Фаунъ подумалъ нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Чтобы удовлетворить мою честь, сказалъ онъ, и такъ-какъ она не отвѣчала, онъ продолжалъ: — Я не хотѣлъ-бы, чтобы моя жена носила драгоценности, принадлежащія фамиліи Эстасовъ.

— Я тоже не стала-бы носить ихъ, сказала Лиззи.

— Такъ зачѣмъ-же вы желаете оставить ихъ у себя?

— Потому-что они моя собственность, и я не хочу отдавать ихъ никому. Я не позволю, чтобы старая, хитрая змѣя, м-ръ Кампердаунъ, отнял у меня мою собственность. Вы должны защитить мои права.

— Вы хотите сказать, что вы не желаете обязать меня, исполнивъ мою просьбу.

— Я не хочу, чтобы отъ меня отняли мою собственность, сказала Лиззи.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ объявляю, — при этомъ лордъ Фаунъ заговорилъ очень медленно, — что въ подобныхъ обстоятельствахъ я отказываюсь отъ того завиднаго положенія, въ которое ваша благосклонность поставила меня.

Онъ проговорилъ эти слова холодно и торжественно, хотя дурно ихъ выговорилъ, но онѣ были рѣшительны и внучены имъ наизусть.

— Что вы хотите этимъ сказать? сказала Лиззи, смотря ему прямо въ глаза.

— Я хочу сказать то, что сказалъ. Но, можетъ быть, я долженъ объяснить яснѣе мои мотивы.

— Я не хочу знать никакихъ мотивовъ. Вы хотите сказать, что пришли сюда съ угрозой повинуть меня?

— Вы-бы лучше выслушали меня.

— Послѣ того, что вы мнѣ сказали, я могу выслушать отъ васъ только извиненіе, въ которомъ вы откажетесь отъ вашего несправедливаго обвиненія.

— Мнѣ не отъ чего отказываться, сказалъ лордъ Фаунъ торжественно.

— Поэтому я не намѣрена болѣе васъ слушать. У меня есть друзья, они поговорятъ съ вами за меня.

Лордъ Фаунъ долго обдумывалъ это свиданіе, и понималъ, что ему будетъ очень трудно объясниться съ невѣстой, но ему все-таки хотѣлось заставить ее выслушать объясненіе.

— Милая Лиззи, началъ онъ.

— Я не позволяю сэръ, обращаться со мной такъ фамильярно человеку, который только-что говорилъ со мной оскорбительнымъ тономъ, сказала она.

— Но я желаю, чтобы вы меня поняли.

— Понять васъ! Но вы сами ничего не понимаете. Я удивляюсь, какъ у васъ достаетъ храбрости быть столь дерзкимъ съ женщиной. Если-бы вы знали, что вы дѣлаете, вы-бы не рѣшились продолжать въ томъ же тонѣ.

Онъ почти не обратилъ вниманія на ея презрительныя слова. Ему очень хотѣлось объяснить ей, что хотя онъ и пригрозилъ ей разрывомъ, но если она согласится разстаться съ брилліантами, все будетъ забыто.

— Мнѣ непремѣнно нужно объяснить вамъ, что я не позволю привести въ свой домъ это ожерелье.

— Никто не думаетъ приносить его къ вамъ въ домъ.

— Что-же вы станете съ нимъ дѣлать?

— Оставляю его у себя, сказала Лиззи рѣшительно. Они въ это время приближались къ дому. Лиззи въ своемъ волненіи совершенно забыла о церкви, о семействѣ Фауновъ,—забыла все, исключая битвы, которую необходимо было для нея выиграть. Она не хотѣла разстроить свадьбу, но также не хотѣла уступить ожерелья. Тонъ, которымъ лордъ Фаунъ заявлялъ свое требованіе, возмущалъ ее и она рѣшилась быть твердой, какъ сталь. Для нея было непонятно, какъ могъ онъ отказаться отъ своего обѣщанія изъ за того, что она не хотѣла отдать своей собственности; у него въ рукахъ не было фактовъ, что она говоритъ неправду и онъ долженъ былъ ей вѣрить. Она ходила въ сильномъ гнѣвѣ, презирая его, но все-таки желая выдти за него замужъ.

— Я боюсь, что мы не понимаемъ другъ друга, сказалъ онъ.

— Конечно, я не понимаю васъ, сэръ.

— Позвольте моей матери поговорить съ вами объ этомъ предметѣ?

— Нѣтъ, не хочу. Если я скажу вашей матери, чтобы она отдала свои брилліанты, какъ вы думаете, что она мнѣ отвѣтитъ?

— Но они не ваши, леди Эстасъ, пока вопросъ о ихъ принадлежности не будетъ разрѣшенъ посредникомъ.

— Я никому не намѣрена подчиняться. Вы не имѣете права говорить объ этомъ предметѣ, пока мы еще не обвѣнчаны.

— Я долженъ разъяснить этотъ вопросъ раньше свадьбы, леди Эстасъ.

— Лордъ Фаунъ вы не должны были говорить объ этомъ. Я объявляю вамъ рѣшительно, что я оставляю у себя мое ожерелье, и м-ръ Кампердаунъ можетъ дѣлать что ему угодно. Что касается васъ, то если вы такъ дурно поступаете со мной, я знаю что мнѣ дѣлать.

Она вышла теперь изъ сада на лужокъ, а карета стояла у подъѣзда, готовая отвезти въ церковь старшихъ въ семействѣ. Понятно, что Лиззи была одна изъ старшихъ.

— Я не поѣду теперь въ церковь, сказала она, приближаясь къ дверямъ залы.—Вашей матушкѣ вы скажете, лордъ Фаунъ, что меня задержала какая-нибудь причина. Я надѣюсь, что вы не осмѣлитесь передать настоящей причины.

Потомъ она обошла кругомъ кареты и взошла въ залу, гдѣ собралась почти вся семья. Здѣсь, конечно, была и Августа, кото-



рая должна была ѣхать со старшими. Лиззи прошла мимо нихъ не сказавъ ни слова и отправилась прямо въ свою спальню.

— О, Фредерикъ, что случилось? спросила Августа, какъ только братъ вошелъ въ домъ.

— Не беспокойся, ничего не случилось. Поѣзжай лучше въ церковь. Гдѣ матушка?

Въ эту минуту показалась на лѣстницѣ леди Фаунъ. Лиззи прошла мимо нея, не произнеся ни одного слова, но леди Фаунъ догадалась, что произошло что-то не совсѣмъ ладное. Ея сынъ подошелъ къ ней и шепнулъ ей что-то на ухо.

— О, конечно, сказала она, снимая перчатки. — Августа, ни вашъ братъ, ни я, не поѣдемъ въ церковь.

— Ни леди Эстасъ?

— Кажется и она тоже не поѣдетъ, сказала леди Фаунъ.

— Леди Эстасъ не поѣдетъ въ церковь, сказалъ лордъ Фаунъ.

— Но гдѣ Люси? спросила Лидія.

— Она тоже не поѣдетъ, сказала леди Фаунъ. — Я сейчасъ ее видѣла.

— Никто не ѣдетъ въ церковь, сказала Нина печально, — а я должна ѣхать.

— Августа, моя милая, вы поѣзжайте съ сестрами. Вы можете взять экипажъ.

Но Августа и ея сестры предпочли идти пѣшкомъ и экипажъ былъ отосланъ назадъ.

— Вѣроятно нашъ лордъ и молодая миссисъ поссорились, сказала кучеръ груму. Кучеръ видѣлъ какъ возвращалась домой леди Эстасъ. Но и для всѣхъ въ домѣ стало несомнѣнно, что они поссорились, когда узнали, что лордъ Фаунъ цѣлое утро сидѣлъ запершись съ своей матерью и потомъ уѣхалъ въ Лондонъ, ни съ кѣмъ не простившись. Уѣзжая онъ оставилъ слѣдующую записку къ леди Эстасъ:

Милая Лиззи!

„Подумайте хорошенько о томъ, что я вамъ сказалъ. Я вовсе не желаю разстроивать нашу свадьбу, я только не хочу, чтобы моя жена носила брилліанты, принадлежащіе по праву фамиліи ея покойнаго мужа. Вы можете быть увѣрены, что я-бы не настаивалъ на возвращеніи этихъ брилліантовъ, если-бы не было ея тому законнаго основанія. Будетъ лучше если вы посоветуетесь съ моей матерью.

Преданный вамъ, Фаунъ.“

## ГЛАВА XV.

«Я вамъ подарю брошку во сто гиней.»

Въ это же утро въ домѣ леди Фаунъ случилось другое событіе, нисколько непохожее на размолвку между лордомъ Фауномъ и леди Эстасъ. Леди Фаунъ разговаривала съ Люси и выражала свое мнѣніе о неприличіи визита Франка Грейстока.

— Впрочемъ я допускаю, что онъ пріѣзжалъ къ намъ съ единственной цѣлью навѣстить свою кухню, прибавила леди Фаунъ, какъ-бы желая этими словами извиниться за начало разговора.

— Я не могу утверждать этого навѣрное, сказала Люси. — Можетъ быть, что онъ только за тѣмъ и пріѣзжалъ сюда. Но кажется, что онъ намекнулъ и о томъ, что ему хотѣлось повидаться со мной.

Леди Фаунъ нашла нужнымъ высказать цѣлый рядъ предположеній въ отвѣтъ на слова Люси. Главный смыслъ ея рѣчи заключался въ томъ, что если Франкъ Грейстокъ намѣревался принести въ жертву безкорыстному браку свои надежды, то онъ долженъ былъ теперь-же сказать объ этомъ. Онъ уже не мальчикъ и можетъ основательно обсудить, что ему слѣдуетъ дѣлать. И при всемъ томъ онъ ничего не сказалъ. Не ясно-ли, что онъ вовсе не думаетъ жениться на Люси. Для леди Фаунъ это было слишкомъ очевидно и ея милая Люси напрасно питаетъ надежду, которая можетъ сдѣлать ее несчастной. Если-бы Люси знала о томъ письмѣ, которое уже было ея собственностью, хотя еще лежало въ почтовомъ ящикѣ, и не было доставлено только потому, что сегодня было воскресенье; — если бы знала о немъ Люси, она могла-бы побѣдоносно возразить леди Фаунъ. Но хотя она и не знала о письмѣ, однакожь она не унывала.

— Опъ любить меня, сказала она:—онъ мнѣ самъ сказалъ объ этомъ.

— О, Люси, это еще хуже! Мужчина говоритъ вамъ, что любить васъ и не дѣлаетъ предложенія!

— Я довольна, сказала Люси, хотя по тону ея голоса нельзя было заключить, что она дѣйствительно довольна.

— Довольна! Вы сказали ему, что также любите его?

— Онъ это знаетъ, хотя я ему и не говорила, отвѣчала Люси.

Тяжело было отвѣчать ей, а между тѣмъ письмо лежало въ желѣзномъ ящикѣ и она ничего не знала о его содержаніи.

— Милая Люси, этого не должно быть, сказала леди Фаунъ;— вы готовите себѣ невыразимое несчастье.

— Я, кажется, не дѣлаю ничего дурного, леди Фаунъ.

— Нѣтъ, моя милая, нѣтъ. Я не говорю, чтобы вы дѣлали дурное. Но онъ поступаетъ дурно,—онъ! Говорю вамъ это откровенно и искренно. Я не могу говорить съ вами иначе. Ради своего собственного счастья, постарайтесь забыть его!

— Я никогда не забуду его! отвѣчала Люси.—Думать о немъ для меня великое счастье. Онъ сказалъ мнѣ, что постоянно мечтаетъ обо мнѣ. Я также всегда буду думать о немъ.

Для бѣдной леди Фаунъ такое признаніе казалось ужаснымъ. Дѣвушка увѣряетъ ее въ своей любви къ мужчине, который, по ее же словамъ, вовсе не думаетъ жениться на ней! И эта дѣвушка—Люси Моррисъ, о которой леди Фаунъ привыкла говорить своимъ интимнымъ друзьямъ, какъ о совершенствѣ и на которую она смотрѣла скорѣе какъ на дочь, чѣмъ на гувернантку. Еще на прошлой недѣлѣ она расхваливала Люси своей сосѣдкѣ м-съ Винслау и говорила, что любить ее почти наравнѣ съ своими дочерьми. Много еще мудрыхъ словъ произнесла леди Фаунъ и, наконецъ, оставила Люси, которая объявила ей, что сегодня не расположена идти въ церковь.

За полчаса до обѣда леди Фаунъ послала сказать Лиззи, что сегодня онѣ будутъ обѣдать въ три часа. Лиззи отвѣтила, что она нездорова и проситъ прислать чашку чаю и чего нибудь закусить и, если леди Фаунъ позволитъ, она намѣрена остаться въ своей комнатѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. При всякомъ затрудненіи Лиззи имѣла обыкновеніе прятаться за своего сына.

Послѣ обѣда леди Фаунъ видѣлась съ леди Эстасъ, но Лиззи отказалась выслушать ея совѣтъ касательно ожерелья.

— Это такое дѣло, сказала она высокомерно,—о которомъ я могу судить сама, или выслушивать совѣты только отъ моихъ друзей. Лорду Фауну гораздо приличнѣе было бы подождать нашей свадьбы, тогда-бы...

— Но тогда было бы слишкомъ поздно, сказала леди Фаунъ строго.

— Во всякомъ случаѣ онъ поторопился повелѣвать мною, сказала Лиззи.

Леди Фаунъ желала, чтобы свадьба разошлась, поэтому она была довольна, что ея совѣты на счетъ возвращенія бриллантовъ не приняты. Когда старуха повернулась, чтобы выйти, Лиззи прижала мальчика къ своему сердцу. „Во всякомъ случаѣ онъ останется со мною,“ сказала она. Къ чаю Лиззи сошла внизъ и присоединилась

къ семейству. Разговоръ шель вяло, видимо всѣмъ хотѣлось разойтись по своимъ комнатамъ. Лиззи на прощанье объявила, что на другой день она намѣрена отправиться домой въ Маунт-Стритъ. Леди Фаунъ ничего на это не возразила.

На слѣдующее утро снова случилось непредвидѣнное событіе, которое умалило значеніе внезапнаго отъѣзда Лиззи. Почта съ подобающею акуратностью доставила Люси письмо въ то время, какъ всѣ члены семейства Фаунъ сидѣли за завтракомъ. Лиззи между ними не было. Она выразила желаніе завтракать въ своей комнатѣ и отправиться въ Лондонъ на поѣздъ идущемъ въ 11 часовъ 30 минутъ. Августа пошла къ ней, чтобы предложить ей свои услуги. „Я ни о чемъ не забочусь, кромѣ моего малютки,“ возразила Лиззи. Нянька и горничная леди Эстасъ были здѣсь и уложили вещи, поэтому Августѣ нечего было дѣлать и она ушла. Когда Августа вернулась въ столовую, Люси рѣзала хлѣбъ и въ эту минуту старый слуга подалъ ей письмо. Люси посмотрѣла на почеркъ, узнала его, но все-таки окончила свое дѣло.

— Люси, дайте мнѣ самый толстый кусокъ, сказала Нина.

Люси исполнила желаніе дѣвочки, но ея рука дрожала подавая кусокъ и она вся покраснѣла, что, конечно, не укрылось отъ бдительныхъ взоровъ леди Фаунъ. Люси взяла письмо, разорвала конвертъ и, прочтя первую строчку письма, взглянула на леди Фаунъ. Судьба всей ея жизни была въ ея рукахъ; она стояла молча, затаивъ дыханіе отъ волненія, и глаза всѣхъ присутствующихъ были устремлены на нее. Она прочла только первыя и послѣднія слова письма: „Дорогая, милая Люси.“ — „Вашъ всегда и навсегда, если вы пожелаете, Ф. Г.“ Она рѣшила не читать пока остального, а молча сѣла на свой стулъ, снова уложивъ письмо въ конвертъ; она чувствовала, что сдѣлалась предметомъ вниманія всѣхъ присутствующихъ и покраснѣла до корня волосъ, точно была въ чемъ нибудь виновата.

— Люси, моя милая, сказала леди Фаунъ, — я вижу, что полученное вами письмо сильно взволновало васъ. Идите въ бібліотеку. Вы вернетесь завтракать, когда прочтете письмо.

Люси поспѣшила воспользоваться предложеніемъ старухи. Но даже прийдя въ бібліотеку она долго не могла приняться за чтеніе письма. Она почти боялась дочитать его до конца, ее страшилась мысль, что середина письма, можетъ быть противорѣчитъ началу и заключенію. Она подошла къ окну и смотрѣла на дорогу, прижимая письмо къ своему сердцу. Леди Фаунъ сказала, что она приготовляетъ себѣ невыразимое несчастіе, но какъ старуха ошиблась: вмѣсто несчастія Люси испытываетъ теперь невырази-

мую радость! „Мужчина говоритъ вамъ, что любитъ васъ и не дѣлаетъ вамъ предложенія!“ повторила про себя Люси слова леди Фаунъ,—и тотчасъ-же продолжала: „Вашъ всегда и навсегда, если вы пожелаете!“ „Пожелаете!“ повторила Люси страстнымъ радостнымъ голосомъ. Она бросилась-бы къ нему на шею, если-бы онъ былъ здѣсь, и сказала-бы ему, что уже нѣсколько лѣтъ онъ былъ ея кумпромъ. Впрочемъ, онъ и самъ зналъ это не хуже ея. „Если я пожелаю этого! Измѣнникъ!“ сказала она сама себѣ, улыбаясь сквозь слезы. Потомъ она разсудила, что все-таки необходимо прочесть все письмо отъ начала до конца. Не ставитъ-ли онъ какихъ-нибудь условій; но развѣ есть условія, на которыя она могла-бы не согласиться ради него? Она сѣла въ уголь комнаты и стала читать письмо. Читая она едва понимала, что читаетъ, но самый смыслъ письма, глубоко врѣзался ей въ душу. Онъ просилъ ее раздѣлить съ нимъ его судьбу. Онъ говорилъ ей тогда необдуманно, но можетъ-ли быть что нибудь пріятнѣе необдуманнаго объясненія въ любви. „Теперь я прошу васъ быть моей женой.“ О какъ бываютъ иногда люди несправедливы въ своихъ сужденіяхъ! Какъ несправедлива была леди Фаунъ въ отношеніи Франка Грейстока. „Послѣдніе два года я жилъ этой надеждой.“ „Также и я, сказала Люси.—Также и я жила этой надеждой. Какая смѣлость! Измѣнникъ!“ сказала она улыбаясь и вмѣстѣ плача. „Его счастье въ моихъ рукахъ, говоритъ онъ. Ну, такъ онъ будетъ счастливъ.“ „Я сейчасъ-же расскажу все леди Фаунъ... Дорогая леди Фаунъ: она была такъ несправедлива къ нему. Я полагаю, теперь она позволитъ ему пріѣзжать сюда. Но, если бы даже она и запретила ему ѣздить сюда, я уже вѣрю въ свое счастье. «Вашъ всегда и навсегда, если вы пожелаете, Ф. Г.» „Измѣнникъ, измѣнникъ, измѣнникъ!“ Потомъ она встала и заходила по комнатѣ, не зная сама что дѣлать, держа письмо въ рукахъ и прижимая его къ своимъ губамъ. Она еще ходила по комнатѣ, когда послышался стукъ въ дверь и вошла леди Фаунъ.

— Въ чемъ дѣло, Люси?

Люси стояла передъ нею съ своимъ сокровищемъ, улыбаясь, почти смѣясь, тогда какъ слезы обильно текли по ея щекамъ,

— Не желаете-ли вы продолжать свой завтракъ, моя милая? спросила леди Фаунъ.

— О, леди Фаунъ, о, леди Фаунъ! вскричала Люси, бросаясь въ объятія своего друга.

— Что такое, Люси? Мнѣ кажется, наша умненькая дѣвочка потеряла свой рассудокъ?

— О, леди Фаунъ, онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе!

— Кто? М-ръ Грейстокъ?

— Да, м-ръ Грейстокъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Онъ проситъ меня быть его женой. Я вѣрю, что онъ любитъ меня. О, дорогая, я всегда надѣялась, что это случится. И онъ также!

— Онъ уже сдѣлалъ вамъ предложеніе?

— Да, леди Фаунъ, я передала вамъ то, что онъ сказалъ мнѣ. А вотъ его письмо. Онъ такъ благороденъ и такъ добръ ко мнѣ... такъ добръ! Вы должны прочесть его письмо, но вы возвратите мнѣ его назадъ, леди Фаунъ!

— Конечно, возвращу. Не думаете ли вы что я намѣрена укрывать письмо вашего возлюбленного, сказала леди Фаунъ, улыбаясь.—Но серьезно-ли онъ дѣлаетъ свое предложеніе?

— Конечно, серьезно, отвѣчала Люси доверчиво подавая письмо.

Леди Фаунъ прочла его со вниманіемъ и улыбнулась, когда снова положила его въ конвертъ.

— Нельзя высказаться яснѣе, сказала Люси, наклоняя голову.

— Ваша правда, замѣтила леди Фаунъ.—Въ моей жизни мнѣ ни разу не приходилось читать такого яснаго и простого письма. Желаю вамъ счастья отъ всего сердца, Люси. Я ничего не могу сказать противъ м-ра Грейстока.

— Противъ него?! сказала Люси, въ эту минуту убѣжденная, что Франкъ Грейстокъ лучший человекъ въ мірѣ.

— Когда я протестовала противъ его посвщеній, продолжала леди Фаунъ, — я была убѣждена, что онъ едва-ли будетъ въ состояніи рѣшиться на бракъ съ небогатой дѣвушкой. Мнѣ казалось, что ему для упроченія его положенія въ свѣтѣ необходима богатая партія.

— Теперь онъ можетъ посѣщать насъ, леди Фаунъ?

— Да, я полагаю, что можетъ. Мнѣ желательно поговорить съ нимъ. Вы еще въ моихъ рукахъ и я васъ такъ нѣжно люблю, Люси. Мнѣ тяжело будетъ перенести, если съ вами случится что нибудь недоброе.

— Но пока все прекрасно, отвѣчала Люси.

— Но нехорошо,—и м-ръ Грейстокъ навѣрное согласился-бы со мной; что это нехорошо,—если вы не докушаете своего завтрака.

Люси сошла въ столовую и выпила свой чай и съѣла свои булки. Лидія подошла къ ней и стала около нея.

— Эта записка отъ него? прошептала Лидія. Люси нагнула свою голову и продолжала ѣсть булку.

Фактъ, что м-ръ Грейстокъ сдѣлалъ предложеніе Люси Морисъ сталъ вскорѣ извѣстенъ всему семейству и эта новость казалось заставила всѣхъ забыть о внезапномъ желаніи Лиззи уѣхать въ

Лондонъ. Не было ни церемоній, ни слезъ, которыми ради приличія, вѣроятно, сопровождался-бы отъѣздъ Лиззи, если-бы тому не помѣшало письмо отъ Франка Грейстока. Конечно, бракъ лорда Фауна для семейства Фаунъ представлялъ болѣе важности, чѣмъ бракъ Люси, но самъ лордъ Фаунъ уѣхалъ, поссорившись со своею невѣстой передъ отъѣздомъ, и семейству Фаунъ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ только отпустить Лиззи. Но счастье Люси, явившееся такъ неожиданно и такъ искренно ее обрадовавшее, взволновало всѣхъ. Въ это утро Нина не училась и обыкновенныя занятія всего семейства были прерваны. Леди Фаунъ радовалась, поздравляла, давала добрые совѣты и объявила, что о пребываніи Люси до свадьбы въ какомъ нибудь другомъ домѣ, кромѣ ея, не можетъ быть и рѣчи.

— Вамъ не нужно будетъ переходить къ Кларѣ, сказала леди Фаунъ, которая, казалось, думала, что свадьба будетъ еще отложена. — Вы знаете, моя дорогая, что онъ не богатъ, — конечно, не богатъ, для члена парламента. Я думаю онъ имѣетъ обезпеченный ежегодный доходъ, но я всегда слышала, что онъ частенько нуждается въ деньгахъ. Вы понимаете теперь, что вамъ не надо топиться.

Люси подумала, что если-бы Франкъ пожелалъ отложить свадьбу на три или на четыре года, она не станетъ стѣснять своего друга.

— Но не бойтесь, продолжала леди Фаунъ, — вы никогда не будете нуждаться въ убѣжищѣ, пока я могу предложить вамъ свой домъ. Мы скоро узнаемъ, что думаетъ Франкъ Грейстокъ; и если онъ будетъ разсудителенъ, мы все отлично уладимъ.

Въ это время леди Эстасъ прислала за Люси. „Пожалуйте, миссъ, леди Эстасъ будетъ очень рада васъ видѣть, хотя одну минуту въ своей комнатѣ, до ея отъѣзда“. Этими словами горничной, Люси была оторвана отъ мысли о своемъ счастьи и пошла къ леди Эстасъ.

— Слышали-ли вы, что я уѣзжаю? спросила Лиззи.

— Да, я слышала, что вы уѣзжаете сегодня утромъ.

— И вы слышали почему? Я увѣрена, что вы не станете обманывать меня, Люси. Гдѣ могу я искать справедливости, какъ не въ такомъ давнемъ моемъ другѣ, какъ вы?

— Зачѣмъ я буду обманывать васъ, Лиззи?

— Зачѣмъ? затѣмъ, зачѣмъ обманываетъ большая часть людей. Свѣтъ такъ фальшивъ, такъ корыстолюбивъ. Мы отдаемъ свое сердце и получаемъ взамѣнъ одинъ обманъ, — о! я такъ обманулась въ леди Фаунъ!

— Вы знаете, что леди Фаунъ мой лучший другъ, сказала Люси.

— Да! мнѣ извѣстно, что вы рабски исполняете ея прихоти, и знаю также, что за это она даетъ вамъ самую жалкую плату.

— Она для меня всегда была нѣжной матерью, сказала Люси сердито.

— Вамъ такъ казалось потому, что вы всегда были самымъ покорнымъ существомъ. Я не могу быть покорной, покоряться не въ моемъ вкусѣ. Слышали-ли вы причину, вызвавшую недоразумѣніе между мной и лордомъ Фауномъ?

— Нѣтъ,

— Говорите правду, Люси.

— Какъ смѣете вы напомнить о томъ, чтобы я говорила правду? Я всегда говорю правду. Я полагаю, что недоразумѣнія у васъ вышли изъ-за какой-то собственности, которую онъ желаетъ возвратить кому-то; больше я ничего не знаю.

— Да, мой дорогой мужъ, сэръ Флоріанъ, который понималъ меня, котораго я обожала, который, казалось, былъ созданъ для меня,—сдѣлалъ мнѣ очень цѣнный подарокъ. Лордъ Фаунъ изволилъ говорить, что онъ не одобряетъ мое желаніе сохранить подарокъ моего покойнаго мужа. Мнѣ кажется страннымъ такое желаніе, тѣмъ болѣе, что лордъ Фаунъ соглашается жить на счетъ богатства, оставленнаго мнѣ щедростью сэра Флоріана. Конечно, такое внимательство въ мои личные дѣла взбѣсило меня; полагаю, что и вы не отнеслись-бы къ нему хладнокровно.

— Не знаю, какъ-бы я поступила въ подобномъ случаѣ, сказала Люси, которая подумала при этомъ, что она могла-бы согласиться съ подобнымъ требованіемъ Франка Грейстока.

— Каждая женщина, у которой есть хоть искра разсудка воспротивится такому насилію и я тоже воспротивилась. Я сказала лорду Фауну, что ни подъ какииъ видомъ не откажусь отъ подарковъ, которые сдѣлалъ мнѣ мой обожаемый Флоріанъ. Я хочу удержать ихъ не за одну ихъ цѣнность, но гораздо болѣе ради того, что они такъ невыразимо дороги для меня. Если лордъ Фаунъ желаетъ ревновать меня къ ожерелью, пусть его ревнуетъ.

Люси, правда, слышала кое-что о размолвкѣ лорда Фауна, но слышала отъ Лидіи, которая, въ свою очередь, узнала о ней отъ скромной Амеліи, имѣвшей весьма смутное понятіе о всей исторіи, поэтому Люси не знала, на сколько справедливы слова Лиззи. Однакожъ она готова была повѣрить Лиззи, что лордъ Фаунъ потому высказался противъ ожерелья, что оно досталось его невѣстѣ отъ ея покойнаго мужа.



— Что вы думаете о поступкѣ лорда Фауна? спросила леди Эстасъ.

— Мнѣ кажется, вы можете спрятать это ожерелье и никогда не надѣвать его.

— Я и не думаю носить его.

— Тогда я ничего не понимаю, сказала Люси.

— Это тиранство, чистое тиранство, продолжала Лиззи, — и онъ долженъ понять, что я не такая женщина, чтобы согласилась подчиняться всякимъ нелѣпымъ капризамъ. Нѣтъ, ради любви я могу отдать все, но насиліемъ съ меня ничего не возьмутъ. Онъ сказалъ мнѣ, что если я не исполню его требованія, между нами все кончено.

— Неужели?

— Но я сдѣлаю по своему. Онъ узнаетъ, что я не намѣрена служить игрушкой для него. Вы, Люси, можете очень много сдѣлать для меня. Никому на свѣтѣ я не вѣрю болѣе, чѣмъ вамъ, и никого не люблю такъ сильно, какъ васъ. Вспомните, какъ давно мы знаемъ другъ друга! Я съ своей стороны оплачу вамъ своимъ вліяніемъ на Франка въ вашу пользу.

— Я никогда въ этомъ не нуждалась, сказала Люси, — и никогда не буду нуждаться.

— Кромѣ меня никто не имѣетъ вліянія на Франка. Я попрошу васъ быть моимъ корреспондентомъ и написать мнѣ подробно обо всемъ, что будетъ происходить здѣсь завтра, послѣ завтра и дальше.

— Едва-ли можетъ представиться что-нибудь интересное для описанія.

— Отчего-же, можетъ и представится. Здѣсь станутъ говорить обо мнѣ. Если вы исполните мою просьбу, Люси, я вамъ подарю брошку, цѣна которой сто гиней. Вы вѣдь нуждаетесь въ деньгахъ. Я вамъ дамъ деньги и вы купите брошку сами.

— Вы низкая женщина, Лиззи, сказала Люси. — Теперь я не удивляюсь, что лордъ Фаунъ такъ легко разстается съ вами. Вы предлагаете мнѣ заняться ремесломъ шпиона и общаете за это деньги. Оскорбительнѣе такого предложенія ничего нельзя придумать.

— Но что-же здѣсь оскорбительнаго?

— Какъ осмѣлились вы предлагать мнѣ такую низкую сдѣлку? Какъ рѣшаетесь вы такъ дурно думать о людяхъ? Я скорѣе позволила бы себѣ отрѣзать руку, чѣмъ согласилась-бы взять на себя такую безсовѣстную роль. Стыдно вамъ, Лиззи, что вы могли такъ низко и нечестно думать обо мнѣ. Теперь прощайте.

И съ этими словами Люси оставила комнату, не давъ времени отвѣтить своему другу. Леди Эстасъ тотчасъ-же уѣхала; прощаніе было очень холодно и церемонно. Не было произнесено ни одного слова о будущемъ визитѣ, вообще ни о чемъ, что могло относиться къ будущему. Люси не присутствовала при церемоніи прощанія.

— Леди Фаунъ, спросила Люси, собираясь писать къ Франку, — могу-ли я пригласить его сюда?

— Конечно, моя дорогая. Вы можете позвать его отъ моего имени. Вѣроятно, ему пріятно будетъ повидаться съ вами.

— Я думаю, ему нужно видѣть меня, сказала Люси, — и я васъ увѣрю, мнѣ тоже нужно видѣть его!

Люси усѣлась писать письмо къ Франку и употребила на это занятіе почти цѣлый часъ; хотя написала довольно короткое письмо.

„Дорогой м-ръ Грейстокъ“, писала она, — „леди Фаунъ прочла ваше милое письмо ко мнѣ и просила передать вамъ ея приглашеніе пріѣхать къ ней въ Фаун-Кортъ. Вы, конечно, не уѣдете оттуда, не повидавъ меня...“

Она затруднялась, въ какихъ выраженіяхъ написать ему о своемъ согласіи на его предложеніе. Но, наконецъ, спартанская простота ея натуры взяла свое и письмо было написано очень ясно и коротко.

„Я люблю васъ больше всѣхъ на свѣтѣ и хочу быть вашей женой. Для меня будетъ величайшимъ счастьемъ стараться заслужить вашу любовь. Всѣмъ сердцемъ преданная вамъ, Люси“.

Написанное письмо не удовлетворило ее. Но надо было скорѣе отсылать его, такъ-какъ приближался часъ отхода почты. „Я думаю оно годится, сказала она сама себѣ. — Онъ пойметъ его“. И письмо было запечатано и отослано на почту.

## ГЛАВА XVI.

«Конечно родовое».

Затруднительное положеніе лорда Фауна такъ тяжело отозвалось на его мысляхъ, что въ понедѣльникъ утромъ при всемъ своемъ желаніи, онъ никакъ не могъ приняться за дѣла въ министерствѣ. Онъ чувствовалъ, какъ трудно ему согласить справедливость съ вѣрностію данному слову, какъ не легко ему поступать такъ, чтобы его поведеніе не могли заподозрить и чтобы вообще

не дать своимъ политическимъ врагамъ случая для клеветы. Эти мысли наполняли его голову и не давали ему покоя. Молодая вдовушка очень мила и богата и ему слѣдовало-бы жениться на ней, но можетъ-ли онъ согласиться на бракъ съ нею, если она не хочетъ признавать никакихъ законовъ, не хочетъ слѣдовать общепринятымъ обычаямъ. Онъ увѣрился, что любить ее и въ своемъ воображеніи онъ уже представлялъ себѣ, что угощаетъ руководителей своей партіи въ замкѣ, въ Портрѣ. Но безъ сомнѣнія онъ скорѣе отдастъ все—любовь, доходы, красоту и замокъ, чѣмъ позволить себѣ жениться на женщинѣ, которая завладѣла чужимъ ожерельемъ и не хочетъ возвратить его. Онъ могъ жениться на ней и заставить ее возвратить спорную драгоценность, но онъ предвидѣлъ заранѣе, что едва-ли ему удастся подѣйствовать на нее авторитетомъ мужа. Леди Эстасъ упряма; она сказала ему, что будетъ хранить эти брилліанты не въ его домѣ, а въ своемъ собственномъ. Что долженъ онъ сдѣлать, чтобы ни одно человѣческое существо; чтобы ни одинъ изъ самыхъ крайнихъ тори, презирающихъ лорда-вига,—не могъ сказать, что онъ неправъ. Онъ сдѣлалъ предложеніе леди Эстасъ и не долженъ брать его назадъ. Къ тому-же леди Эстасъ могла подать на него жалобу за то, что онъ нарушилъ обѣщаніе; его могутъ осудить, заставить уплатить издержки и онъ можетъ лишиться мѣста товарища государственнаго секретаря. Положеніе, во всякомъ случаѣ, затруднительное.

Франкъ Грейстокъ, какъ было извѣстно лорду Фауну, былъ самымъ ближайшимъ родственникомъ Лиззи въ Лондонѣ. Деканъ, ея дядя, жилъ въ Бобсборо, слѣдовательно естественнѣе всего было повидаться съ Грейстокомъ. Правда, Франкъ Грейстокъ считался изъ самыхъ ревностныхъ тори; Грейстокъ чаще всѣхъ своихъ товарищей нападалъ на лорда Фауна въ палатѣ общинъ за сааба. Въ недалекую голову лорда Фауна крѣпко засѣла эта мысль и беспощадно грызла его. Онъ смотрѣлъ на Грейстока, какъ на врага, который не упуститъ случая напасть на него. Человѣкъ слабый и мелочной, онъ мѣрлялъ всѣхъ на свой аршинъ. И теперь ему приходится обращаться къ Грейстоку! Однакожъ онъ обратился къ нему и въ отвѣтъ на его просьбу, Франкъ не замедлилъ въ тотъ-же день посѣтить его въ его министерствѣ. Но Франкъ прежде свиданія съ лордомъ Фауномъ забѣжалъ къ своей прекрасной кузинѣ.

Свиданіе лорда Фауна съ Франкомъ не привело ни къ какимъ результатамъ. Лордъ убѣдился еще болѣе, что Грейстокъ его отъявленный врагъ, а Франкъ рѣшилъ окончательно, что лордъ Фаунъ пустой, упрямый, самодовольный глупецъ. Грейстокъ принялъ сто-

рону своей кузины, хотя не зная самъ имѣла-ли Лиззи право на брилліанты. Она, конечно, повторила ему тоже самое, что, не краснѣя, говорила м-ру Бенжамену, леди Линлитгау, м-ру Кампердауну, Люси и лорду Фауну, т. е. что сэръ Флоріанъ, отдавая ей это ожерелье, сказалъ, что оно очень цѣнно и она можетъ считать его своей собственностію.

— Еслибъ оно было родовое, онъ никогда не подарилъ-бы его вамъ, сказалъ Франкъ съ увѣренностію опытнаго адвоката.

— Оно перешло ко мнѣ по наслѣдству, сказала Лиззи нѣжно, но жалобнымъ тономъ.

— Все это вздоръ, милая Лиззи. Если ожерелье принадлежало вашему мужу, онъ могъ передать его вамъ, какъ и всякому другому.

— Конечно, оно принадлежало ему.

— Вотъ здѣсь-то и закорючка. Но если будетъ какимъ нибудь образомъ доказано, что эти брилліанты составляютъ часть родового имѣнія, вамъ придется возвратить ихъ. Сэръ Флоріанъ имѣлъ право дарить вамъ только то, что составляло его личную собственность.

— Но лордъ Фаунъ не имѣетъ права распоряжаться этимъ ожерельемъ?

— Конечно, нѣтъ, сказалъ Франкъ, при этомъ онъ далъ весьма опрочечивое обѣщаніе, что въ этомъ дѣлѣ онъ приметъ сторону своей милой кузины.

— Я не знаю почему вы утверждаете, что леди Эстасъ присвоиваетъ себѣ чужую собственность, сказалъ онъ лорду Фауну.

— Я говорю то, что слышалъ отъ Кампердауна, отвѣчалъ лордъ Фаунъ.

— М-ръ Кампердаунъ прекрасный стряпчій и достойный уваженія человекъ, замѣтилъ Грейстокъ.—Я ничего не имѣю противъ м-ра Кампердауна. Но м-ръ Кампердаунъ погрѣшимъ, какъ и всѣ люди, онъ можетъ ошибаться.

— Во всякомъ случаѣ, надѣюсь м-ръ Грейстокъ, что вы не захотите довести это дѣло до суда присяжныхъ.

— Вы не понимаете меня, лордъ Фаунъ. Если м-ръ Джонъ Эстасъ станетъ требовать эти брилліанты какъ долю наслѣдника или часть родового имѣнія, тогда это дѣло лучше всего отдать на обсужденіе совѣта адвокатовъ, который безпристрастно рѣшить, какъ должна поступить моя кузина, леди Эстасъ. Я вѣдь не забываю, что вы сдѣлали ей предложеніе.

— Да я дѣлалъ ей предложеніе, сказалъ лордъ Фаунъ.

— Полагаю, милордъ, что вы не думаете нарушить свое обѣ-

шаніе, и не откажетесь отъ брака изъ за того, что моя кузина выразила свое желаніе удержать у себя брилліантовое ожерелье, которое, по ея убѣжденію, принадлежитъ ей.

Эти слова были произнесены такимъ рѣшительнымъ тономъ, что лордъ Фаунъ болѣе не сомнѣвался, что Грейстокъ былъ его смертельнымъ врагомъ. Лично Фаунъ не былъ трусомъ, къ тому же онъ былъ увѣренъ, что Франкъ Грейстокъ не вызоветъ его на дуэль. Но нравственно, лордъ Фаунъ былъ трусъ; онъ боялся, что этотъ человѣкъ жестоко повредитъ ему, какъ политическому дѣятелю.

— Вы, конечно, не сдѣлаете этого, продолжалъ Франкъ, — и потому позвольте мнѣ увѣрить мою кузину, что она дурно поняла ваши слова.

— Прежде чѣмъ я отвѣчу вамъ, мнѣ надо видѣть м-ра Кампердауна.

— Я не могу понять, лордъ Фаунъ, съ какой стати джентльмену, подобному вамъ совѣтываться въ такомъ дѣлѣ съ стряпчимъ.

Они оба стояли и выраженіе лица лорда Фауна было мрачно, безпокойно и полно сомнѣнія. Онъ молчалъ, но, вѣроятно, не подозревалъ, какъ краснорѣчиво было его молчаніе.

— Моя кузина, леди Эстасъ, продолжалъ Франкъ, — не можетъ оставаться въ неизвѣстности. Я соглашаюсь, что ея права на эти драгоценности подлежатъ изслѣдованію, конечно, я, какъ ея близкій родственникъ, не долженъ принимать участія въ этомъ дѣлѣ. Но также какъ ея родственникъ, я обязанъ сказать вамъ, что вашъ бракъ съ нею нельзя ставить въ зависимость отъ исхода дѣла объ этомъ ожерельи. Она избрала васъ своимъ будущимъ мужемъ и я долженъ позаботиться, чтобы вы поступили съ нею честно, справедливо и почтительно.

Франкъ говорилъ очень свободно, тогда какъ лордъ Фаунъ былъ похожъ въ эту минуту на мокрую курицу.

— Но, сказалъ его сіятельство, — я хочу, чтобы это дѣло было рѣшено по всей справедливости.

— Такъ и будетъ сдѣлано. Моя кузина не захочетъ оставить у себя то, что ей не принадлежитъ. Итакъ я могу ее увѣрить, что вы не намѣрены нарушить своего слова.

Для лорда Фауна было пресѣчено всякое отступленіе и онъ принужденъ былъ уступить. Обрученіе сохранялось въ полной силѣ. Рѣшено было прибѣгнуть къ разбирательству въ совѣтъ адвокатовъ. Возлюбленные пока не должны были видѣться. И когда дѣло будетъ окончательно рѣшено, лордъ Фаунъ долженъ выразить свое сожалѣніе, что подозревалъ свою невѣсту. Лордъ Фаунъ протесто-

валъ только противъ послѣдняго пункта условія и онъ пока остался не рѣшеннымъ.

Недѣлю спустя было назначено свиданіе у м-ра Кампердауна. Грейстокъ, какъ другъ своей кузины, желалъ услышать, что скажетъ м-ръ Кампердаунъ въ присутствіи лорда Фауна и Джона Эстаса. Онъ, Франкъ, въ этотъ промежутокъ времени, ѣздилъ въ Ричмондъ, заключилъ Люси въ свои объятія, какъ свою будущую невѣсту и разговаривалъ съ леди Фаунъ, при чемъ нельзя было не упомянуть имени Лиззи. Франкъ защищалъ ее противъ нападеній на нее леди Фаунъ. Почтенная леди отъ всей души ненавидѣла Лиззи и желала, чтобы свадьба разошлась, останется или не останется за ней ожерелье. Леди Фаунъ, конечно, не сказала этого своему гостю, но, противъ ея воли, ея истинныя чувства выразились слишкомъ очевидно: Франкъ былъ вѣжливъ, холоденъ и рѣшительно высказалъ свое мнѣніе о кузинѣ. Леди Фаунъ желала быть вѣжливой, но она не могла удержать своего чувства и хотя она не осмѣлилась сказать, что ея сынъ теперь не будетъ имѣть никакого дѣла съ Лиззи Эстасъ, но выразила очень ясно свое желаніе, чтобы это случилось. Она разсталась не совсѣмъ дружелюбно съ Франкомъ, въ чемъ Люси не замедлила убѣдиться.

Прежде чѣмъ состоялось собраніе у м-ра Кампердауна, дѣятельный стряпчій перерылъ массу документовъ, которые могли бросить свѣтъ на дѣло объ ожерельи. Изъ его разслѣдованія оказывалось, что это ожерелье вмѣстѣ со многими другими драгоценностями, по всей вѣроятности, было куплено дѣдомъ сэра Флоріана по случаю его женитбы на дочери какого-то герцога. Этотъ дѣдъ, котораго также звали сэромъ Флоріаномъ, въ своемъ завѣщаніи, выразилъ желаніе, чтобы эти драгоценности считались наследственными въ фамиліи и переходили къ старшему въ родѣ. Его старшій сынъ владѣлъ этимъ ожерельемъ. У него родился сынъ, но умеръ раньше своего отца. Ожерелье перешло по наследству къ младшему сыну стараго сэра Флоріана, сэру Томасу, отцу того Флоріана, который женился на Лиззи Эстасъ. Послѣдній сэръ Флоріанъ былъ такимъ образомъ уже четвертымъ наследникомъ перваго сэра Флоріана, сдѣлавшаго завѣщаніе, въ которомъ это ожерелье объявлено наследственнымъ. Два средніе баронета не упоминали объ ожерельи въ своихъ завѣщаніяхъ. Кромѣ этого ожерелья въ числѣ фамиліальныхъ брилліантовъ было много другихъ драгоценностей, и они находились теперь на храненіи у г-дѣ Гарнетъ. Покойный сэръ Флоріанъ, мужъ Лиззи, своимъ завѣщаніемъ отдалъ всю свою собственность въ своемъ домѣ въ Портрѣ своей вдовѣ, всѣ-же другія имѣнія—сыну. Объ ожерельи въ завѣщаніи

прямо упомянуто не было, отчего могла видѣти большая путаница при разрѣшеніи спора о принадлежности ожерелья.

По мнѣнію м-ра Кампердауна эту путаницу можно было отчасти распутать ссылками на книги г-дѣ Гаретъ, въ которыхъ ожерелье значилось наслѣдственнымъ и было выдано послѣднему сэру Флоріану послѣ его женитьбы на Лиззи, именно 24 сентября. Первое показаніе Лиззи согласовалось съ показаніями книгъ г-дѣ Гарнетъ, но позднѣе она утверждала, что ожерелье было получено ею въ Шотландіи. Въ книгахъ бриллиантщиковъ, буквы и числа такъ стерлись, что могли означать и 4 и 24 сентября. 4 сентября былъ день предшествующій браку сэра Флоріана—являлась новая путаница. Джонъ Эстасъ зналъ только одно, что видѣлъ ожерелье на своей матери въ то время, какъ она жила въ Шотландіи. Епископъ зналъ тоже немного, онъ нѣсколько разъ видѣлъ ожерелье на своей свояченицѣ, когда она являлась на торжественные выходы. Во всякомъ случаѣ никто изъ нихъ не сомнѣвался, что объ этомъ именно ожерельи упоминается въ завѣщаніи стараго сэра Флоріана, хотя его оправа была теперь другая. Старый м-ръ Гарнетъ увѣрялъ, что онъ непременно признаетъ это ожерелье, такъ хорошо оно ему знакомо.

— Вы не можете предполагать, что леди Эстасъ желаетъ умышленно воспользоваться тѣмъ, что ей не принадлежитъ, сказалъ Франкъ.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ Джонъ Эстасъ.

— Никто не предполагаетъ этого, сказалъ м-ръ Кампердаунъ. Лордъ Фаунъ не отвѣтилъ ни слова.

— Но, продолжалъ м-ръ Кампердаунъ,—не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это ожерелье составляетъ родовую собственность и досталось фамиліи Эстасовъ отъ сэра Флоріана Эстаса въ 1799 г. Можетъ быть, вы желаете просмотрѣть документы, м-ръ Грейстоуъ?

Франкъ отвѣтилъ, что рассмотрѣніе документовъ будетъ лежать на совѣтѣ адвокатовъ, и что ему какъ близкому родственнику неудобно высказывать рѣшительное мнѣніе.

— Дѣло слишкомъ ясно и мы можемъ обойтись безъ совѣта адвокатовъ, замѣтилъ м-ръ Кампердаунъ.

— Достопочтенный м-ръ Кампердаунъ, сказалъ Франкъ, — моя кузина, леди Эстасъ, убѣждена, что ей покойный мужъ передалъ ей это ожерелье, какъ свою собственность и что онъ не поступилъ-бы такъ если-бы не имѣлъ на это права. А вамъ по опыту извѣстно какъ бываетъ трудно рѣшать вопросы о родовомъ имуществѣ.

— Я никогда не затруднялся въ подобныхъ обстоятельствахъ, замѣтилъ м-ръ Кампердаунъ.

— Покойный сэръ Флоріанъ, вѣроятно, имѣлъ какое-нибудь основаніе дарить эту драгоценность, отвѣтилъ Франкъ.

— Ничего не могу сказать. По моему необходимо, чтобы леди Эстасъ вручила ожерелье на храненіе какой-нибудь извѣстной фирмѣ, сказала м-ръ Кампердаунъ.— Тамъ брилліанты будутъ сохранѣны, чѣмъ въ ея рукахъ.

— Я полагаю, они будутъ сохранены и въ ея домѣ, отвѣтилъ Франкъ.

На томъ совѣщаніи и покончилось.

— Я надѣюсь, что лордъ Фаунъ не будетъ настолько глупъ, чтобы жениться на этой барышнѣ, сказала м-ръ Кампердаунъ на ухо Джону Эстасу. Лордъ Фаунъ думалъ тоже самое, но его тревожила мысль какъ выпутаться ему изъ этого неприятнаго дѣла, послѣ обѣщаній, данныхъ имъ Франку Грейстоку.

## ГЛАВА XVII.

### Брилліанты показываются въ публикѣ.

Не подумайте, однакожь, чтобы леди Эстасъ, во все время лѣтняго сезона вела жизнь уединенную. Совсѣмъ нѣтъ; лондонскій сезонъ былъ тогда въ полномъ разгарѣ и Лиззи никакъ нельзя было назвать отшельницей. Въ первый годъ своего вдовства, она отлично сыграла роль удрученной горемъ молодой вдовы; черный крепъ обладалъ въ ея туалетахъ и она жила скромно и тихо, поочередно, то въ Бобсборо, то въ Портрѣ. Въ этотъ годъ у нея родился ребенокъ и ей пришлось строго наблюдать за безукоризненностію своего поведенія, потому-что она была окружена тогда женою епископа и дочерьми декана. Двухлѣтній срокъ уединенія считается въ Англии необходимымъ условіемъ приличія для вдовы. Лиззи не вполне его выдержала и ранѣ двухъ лѣтъ соорудила свои батареи въ Маунт-Стритѣ, смѣнивъ сукно на шелкъ и допуская крепъ только въ едва замѣтномъ видѣ на нарядныхъ платьяхъ; но она была молода и богата и свѣтъ понялъ, что женщинѣ въ 22 года трудно подчиниться двухлѣтнему карантину. За нарушеніе строгихъ правилъ вдовства Лиззи не встрѣтила большого осужденія. На нее не набрасывали никакой тѣни, ее не злословили и даже на тѣхъ улицахъ и въ тѣхъ скверахъ, гдѣ она обыкновенно каталась, уличные мальчишки и женщины не преслѣдовали ее никакими злыми прозвищами и насмѣшками. Ее называли, правда, кокеткой и разводили руками, рассказывая о щедрости сэра Фло-



риана въ отношеніи молодой жены (о богатствѣ Лиззи ходили слухи самыя преувеличенныя), кумушки толковали, что молодая вдова непременно вступить во вторичный бракъ, но этимъ и ограничивалось злословіе. Нельзя не подивиться, какъ иногда самыя нелѣпыя слухи быстро распространяются въ обществѣ и какъ люди начинаютъ смѣло увѣрять другъ друга, что эта нелѣпость не выдумка, а совершившійся фактъ. Въ этотъ сезонъ, по Лондону распространился ложный слухъ о громадномъ состояніи, оставленномъ на часть леди Эстасъ ея покойнымъ мужемъ. Сплетня приняла такіе гигантскіе размѣры, что нашлись даже люди, которые утверждали, будто ей завѣщана не часть недвижимаго имущества, а цѣлое состояніе, что Эйрширское помѣстье отдано ей въ потомственное владѣніе (а что помѣстье это было отчѣнено, по слухамъ, вдвое дороже настоящей его стоимости, объ этомъ и говорить нечего), словомъ, болтуны толковали, что сэръ Флоріанъ, въ день своей свадьбы, выказалъ необыкновенную щедрость въ отношеніи своей безприданницы жены, и щедрость эта представлялась въ самой баснословной формѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Лиззи сама много способствовала распространенію слуха о томъ, что Портрэ составляетъ ея личную собственность. М-ръ Кампердаунъ усердно опровергалъ этотъ слухъ; Джонъ Эстасъ при каждомъ удобномъ случаѣ дѣлалъ то-же самое; епископъ, съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ, вторилъ имъ обоимъ, а леди Липлитгау громко протестовала противъ сплетни. Но сплетня росла, разносилась, и въ большомъ свѣтѣ утвердилось всеобщее мнѣніе, что у леди Эстасъ въ Шотландіи находится собственно ей принадлежащее имѣніе, которое даетъ отъ 8 до 9 тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода. Послѣ этого нечего было сомнѣваться, что такая молодая, умная женщина, красавица собой, обладательница прекраснаго состоянія — найдетъ себѣ скоро втораго мужа и составитъ даже очень хорошую партію. Со всѣмъ тѣмъ, люди чуяли, что Лиззи — такъ обыкновенно называли ее въ обществѣ всѣ, даже и такія личности, которыя никогда ее въ глаза не видали, — во всемъ этомъ дѣлѣ не безъ грѣха.

— Объяснить себѣ не могу, на какую ногу она хромаетъ, твердилъ не разъ у себя въ клубѣ, между товарищами по полку, капитанъ Будль, — но что она ходитъ не прямо, въ этомъ я убѣжденъ!

— У нея, должно быть, чертовскій характеръ, замѣтилъ на это поручикъ Гринсъ.

— Не въ обиду ей будь сказано, а должно быть, что такъ, отвѣчалъ Будль.

Вотъ въ какихъ выраженiяхъ толковали мужчины въ клубахъ о Лиззи; тѣмъ не менѣе, ее всюду приглашали на обѣды и на балы; и сама она нерѣдко устраивала у себя обѣды для избранныхъ друзей. Въ обществѣ громогласно разсуждали о томъ, что она выйдетъ скоро опять замужъ, какъ вдругъ по городу разнеслась молва, что она уже дала слово лорду Фауну.

— Нашъ бѣдный, милый лордъ Фаунъ! говорила леди Гленкора Паллизеръ своей прiятельницѣ, леди Максъ Гезлеръ. — Помните, какъ онъ былъ страстно влюбленъ, два года тому назадъ, въ Виолетту Эфингамъ?

— Два года!—вѣдь это цѣлая вѣчность, леди Гленкора! воскликнула прiятельница. — Виолетта Эфингамъ давно уже успѣла выбрать себѣ другого мужа.

— Не находите-ли вы, что лордъ Фаунъ много проигралъ отъ этой переменъ? Виолетта прелестъ, что за дѣвушка, и я одно время была почти убѣждена, что она приметъ его предложенiе.

— А мнѣ, напротивъ, казалось, что она мѣтила совѣмъ на другого жениха, и что тотъ ее не взялъ, возразила леди Гезлеръ, зная по опыту, какъ вдова, что это нерѣдко случается съ женщинами.

Леди Гленкора намекнула именно на то время, когда леди Гезлеръ надѣялась имѣть право снять свой вдовiй чепчикъ, но никому въ мiрѣ, даже самой себѣ, она не хотѣла признаться, что считала когда-то лорда Фауна въ числѣ другихъ искателей ея руки.

— Бѣдный лордъ Фаунъ! повторила леди Гленкора. — Я полагаю, что онъ сильно нуждается въ деньгахъ.

— Но, вѣдь, нужно сознаться, что леди Эстасъ прехорошенькая, сказала леди Гезлеръ.

— Д-да; очень хорошенькая, скажемъ больше, она необыкновенно привлекательна. И притомъ она умна, очень умна. Богата и очень богата. Но...

— Что вы хотите сказать своимъ но, леди Гленкора?

— Зачѣмъ требовать отъ меня объясненiй, возразила леди Паллизеръ; — вы слишкомъ умны, чтобы не понять моего *но*. Объяснить его мнѣ не приходится. Скажу одно, мнѣ жаль бѣднаго лорда Фауна—онъ настоящiй джентльменъ, хотя, по правдѣ сказать, онъ пороку не выдумаетъ.

— О, конечно! Но при всемъ томъ, я его очень люблю, воскликнула съ необыкновеннымъ воодушевленiемъ леди Гезлеръ,— и мнѣ кажется, что для леди Эстасъ именно такого мужа и нужно. Онъ по цѣлымъ днямъ сидитъ въ министерствѣ или въ палатѣ.

— Можно проводить цѣлые дни на службѣ и сидѣть въ палатѣ

даже болѣе, чѣмъ лордъ Фаунъ, возразила смѣясь, леди Гленкора, — и въ тоже время не забывать своей жены, моя милая.

Леди Гленкора имѣла полное основаніе сказать это, потому что никто въ цѣлой Англій не просиживалъ такъ много часовъ въ палатѣ, и вообще на службѣ, какъ супругъ ея м-ръ Паллизеръ, занимавшій болѣе двухъ лѣтъ, и даже въ настоящее время, высокую должность канцлера государственнаго казначейства.

Разговоръ этотъ происходилъ въ маленькой гостиной леди Гезлеръ, въ Парк-Ленѣ. Три дня спустя тѣже самыя леди встрѣтились въ Портмен-скверѣ, въ домѣ у леди Чильтернъ, бывшей Виолетты Эфингамъ, въ которую когда-то былъ такъ влюбленъ бѣдный лордъ Фаунъ.

— По моему мнѣнію, лордъ Фаунъ сдѣлаетъ прекрасную партію, замѣтила леди Чильтернъ, обращаясь къ леди Гезлеръ, когда разговоръ ихъ коснулся предстоящей свадьбы Лиззи.

— А вы ничего не слышали о брилліантахъ? спросила леди Гленкора.

— О какихъ брилліантахъ? чьихъ? воскликнули обѣ ея собесѣдницы. Оказалось, что ни та, ни другая понятія не имѣли объ исторіи съ брилліантами, и съ наслажденіемъ готовы были выслушать повѣсть о нихъ отъ леди Гленкору.

— Леди Эстасъ, заговорила она, — нашла всѣ брилліанты Эстасовъ запертыми наглухо въ кладовой Портрэ-кэстля и, конечно, завладѣла ими, какъ собственностію, находящеюся въ ея домѣ. Джонъ Эстасъ вмѣстѣ съ епископомъ условились отобрать у нея это сокровище въ пользу наслѣдника и начали процессъ. Брилліанты эти извѣстны во всей Англій; едва-ли у многихъ изъ частныхъ лицъ найдутся подобныя; они оцѣнены въ 24 тысячи фунтовъ стерлинговъ. Лордъ Фаунъ поспѣшилъ отказаться отъ руки леди Эстасъ, когда до него долетѣлъ слухъ, что ее подозрѣваютъ въ неправильномъ завладѣніи чужой собственностію. Леди Эстасъ объявила, что она затѣветъ противъ лорда Фауна дѣло объ оскорбленіи ея чести, а между-тѣмъ брилліанты все-таки припрятала!

Переданный леди Гленкорою рассказъ очевидно былъ полонъ преувеличеній и основанъ больше на сплетняхъ, чѣмъ на истинныхъ фактахъ, тѣмъ не менѣе, онъ служилъ доказательствомъ, что исторія съ ожерельемъ начинается уже оглашаться въ свѣтъ.

— Не хотите-ли вы сказать этимъ, что свадьба лорда Фауна совсѣмъ разошлась? спросила леди Гезлеръ.

— Конечно, разошлась, отвѣчала леди Гленкора.

— Бѣдный лордъ Фаунъ! воскликнула леди Чильтернъ. — Онъ, какъ видно, никогда себя не пристроитъ.

— Мнѣ что-то не вѣрится, чтобы у него достало храбрости отступить отъ своего слова, замѣтила леди Гезлеръ.

— Это правда, сказала леди Чильтернъ,—тѣмъ болѣе, что слухи о доходахъ леди Эстасъ сильно подтверждаются, а бѣдный лордъ Фаунъ такъ нуждается въ деньгахъ.

— А вѣдь это крайне неприятно, прервала ее леди Гленкора:—Примите во вниманіе, что человѣкъ собирается жениться въ полной увѣренности, что у его будущей жены чуть не лучшіе брилліанты во всей Англіи, и вдругъ узнаеть, что они принадлежать не ей, а она ихъ украла. Я считаю, что лордъ Фаунъ былъ въ правѣ оскорбиться. Если человѣкъ женится изъ за денегъ, онъ и долженъ требовать деньги на лицо. Я, впрочемъ, удивляюсь, какъ она могла принять его предложеніе. Что она красавица, объ этомъ и спорить нельзя; по моему мнѣнію, она могла-бы выбрать себѣ партію гораздо лучше лорда Фауна.

— Зачѣмъ-же вы унижаете бѣднаго лорда Фауна? возразила леди Чильтернъ.

— Вы находите, что она могла-бы найдти себѣ партію лучше этой? воскликнула леди Гезлеръ. — Чѣмъ-же эта партія для нея дурна? Онъ пэръ и будущій сынъ ея былъ-бы также пэромъ. Мнѣ кажется, что лучшаго выбора она не могла сдѣлать.

Всѣ три леди, спорившія такъ горячо о лордѣ Фаунѣ, были сильно заинтересованы предметомъ разговора; у каждой изъ нихъ была своя задняя мысль, не высказанная ими. Леди Гленкора когда-то сама думала выйдти за этого лорда, не смотря на то, что онъ ухаживалъ за ней ради ея состоянія. Леди Чильтернъ, въ свою очередь, отказалась отъ чести сдѣлаться леди Фаунъ. Наконецъ, леди Гезлеръ не приняла его предложеніе, не смотря на то, что онъ англійскій пэръ. Немудрено, если всѣ три леди вели теперь разговоръ, имѣвшій характеръ свѣтскаго поединка.

— Она будетъ у насъ на вечерѣ въ пятницу, леди Гленкора? спросила леди Гезлеръ.

— Она дала мнѣ слово быть, но такъ какъ лордъ Фаунъ обѣдаетъ у насъ въ этотъ день, то, вѣроятно, она, узнавъ объ этомъ, не прійдетъ.

— Не думаю, возразила леди Чильтернъ.—Я убѣждена, что она, парочно прійдетъ, если узнаеть, что можетъ встрѣтиться съ лордомъ Фауномъ: это не такая женщина, которая струсила-бы передъ кѣмъ-нибудь.

— Она въ правѣ такъ дѣйствовать, если онъ безчестно съ ней поступилъ, замѣтила леди Гезлеръ.

— Вы увидите, что она приѣдетъ вся въ брилліантахъ, изъ за которыхъ поднялось дѣло, заключила леди Чилтернъ.

Разговоры въ этомъ духѣ не умолкали во всѣхъ аристократическихкихъ салонахъ Лондона.

Между людьми служащими шло разсужденіе объ этой исторіи нѣсколько въ другомъ тонѣ.

— А что, свадьба лорда Фауна состоится или нѣтъ? спрашивалъ м-ръ Баррингтонъ Ирль, м-ра Леджа Вильсона, статсъ-секретаря Индіи.

— Честное слово, ничего не знаю, отвѣчалъ Вильсонъ. — Въ министерствѣ объ этомъ толкуютъ—вотъ и все, что мнѣ извѣстно. Но самъ лордъ Фаунъ не объявлялъ мнѣ о своей женитьбѣ и потому я съ нимъ ни слова объ ней не говорилъ.

— Развѣ нѣтъ объ этомъ официальныхъ свѣденій?

— Въ газетахъ я еще ничего подобнаго не читалъ, замѣтилъ м-ръ Вильсонъ.

— Да и странно было-бы печатать о такой свадьбѣ, сказалъ Баррингтонъ Ирль.—Что они были помолвлены, — это не подлежитъ сомнѣнію, но есть положительные слухи, что онъ отказался отъ руки невѣсты, не объявляя никому причины.

— Вѣроятно у нея не нашлось всѣхъ денегъ на лицо? замѣтилъ Вильсонъ.

— Нѣтъ, идутъ толки о какихъ-то брилліантахъ. Никто не можетъ опредѣлить до сихъ поръ, кому они принадлежать, и, говорить, будто Фаунъ обвинилъ ее въ присвоеніи этихъ драгоценностей. Онъ настаиваетъ, чтобы она отдала ихъ ему, а она не соглашается. Кажется, что судъ уже запустилъ туда лапу. Мнѣ жаль Фауна, это дѣло можетъ сильно повредить его репутаціи.

— Вы увидите, что онъ выйдетъ сухъ изъ этой исторіи, сказалъ Вильсонъ.—Онъ человѣкъ осторожный, какихъ въ Лондонѣ мало. Если окажется что нибудь дурное...

— Да тутъ пропасть дурного, воскликнулъ Баррингтонъ Ирль.

— Тогда онъ свалитъ все на нее.

— А она употребитъ всѣ средства, чтобы свалить все на него. Ей не занимать стать ума. Скажите-ка лучше, кто будетъ у насъ новымъ епископомъ?

— Грѣшимъ еще ничего мнѣ не передавалъ, сказалъ Вильсонъ,—однакожъ я не думаю, что-бы утвердили Джонса.

— А кто такой этотъ Джонсъ?

— Пасторъ изъ самыхъ отсталыхъ.

Изъ этого разговора читатель можетъ видѣть, что м-ръ Вильсонъ

имѣлъ свой собственный взглядъ на дѣла церкви и что люди высокопоставленные въ свѣтѣ чрезвычайно интересовались дѣлами Лиззи. Не смотря на м-ра Кампердауна и всевозможныя непріятности, леди Эстасъ явилась въ питницу на вечеръ леди Гленкоры. Леди Чилтернъ сказала правду, что Лиззи не такая женщина, что-бы могла струсить; она пріѣхала на вечеръ, зная, что встрѣтится тамъ съ лордомъ Фауномъ, и пріѣхала въ знаменитыхъ брилліантахъ. Она въ первый разъ надѣла ожерелье послѣ того дня, когда повойный сэръ Флоріанъ надѣлъ его на нее; но, по правдѣ сказать, она довольно долго собиралась съ духомъ, прежде чѣмъ рѣшилась надѣть ожерелье, о которомъ шло такъ много толковъ. Со времени ея разлуки съ лордомъ Фауномъ въ Фаун-Кортѣ, прошло уже двѣ недѣли; оба они считались еще женихомъ и невестой, оба не выѣзжали изъ Лондона, но съ тѣхъ поръ она его ни разу не видѣла. Франкъ Грейстокъ предостерегъ ее, сказавъ что лордъ Фаунъ считаетъ за лучшее не встрѣчаться имъ обоимъ до тѣхъ поръ, пока всѣ недоразумѣнія не прекратятся. Франкъ представилъ лорду условія Лиззи, и все дѣло осталось между ними въ тайнѣ. Порученіе Фауна было принято Лиззи съ негодованіемъ и съ благодарностію: съ негодованіемъ противъ человѣка, обѣщавшаго жениться на ней, и съ нѣжной благодарностію къ кузену, согласившемуся быть между ними посредникомъ.

— Конечно, и я не желаю его видѣть послѣ того, какъ онъ поступилъ со мной такъ дурно, говорила съ жаромъ Лиззи, — но избѣгать встрѣчъ съ нимъ я никогда не стану. Надѣюсь, что и вы, Франкъ, не считаете нужнымъ, чтобы я его избѣгала? прибавила она, ласково глядя на молодого человѣка.

Получивъ пригласительную карточку на вечеръ отъ леди Гленкоры, Лиззи рѣшилась непремѣнно быть на этомъ вечерѣ. „Лордъ Фаунъ, вѣроятно, тамъ будетъ, подумала она, — если только его не остановитъ нежеланіе со мной встрѣтиться“.

До назначеннаго вечера оставалось еще 10 дней; было время поразмыслить: надѣвать ей брилліанты, или нѣтъ? Лиззи была смѣла, но ее мучила неизвѣстность: имѣеть-ли право м-ръ Кампердаунъ сорвать ожерелье съ ея шеи, напримѣръ, на лѣстницѣ леди Гленкоры? „Лучше всего, думала она, — держать въ строгой тайнѣ мое намѣреніе“;—и дѣйствительно, никто въ домѣ, начиная съ миссъ Меквальти, не зналъ о дерзкомъ планѣ молодой женщины. Она явилась передъ приживалкой въ полномъ блескѣ только въ ту минуту, когда карета стояла уже у крыльца.

— Как! вы рѣшились надѣть ожерелье? воскликнула въ ужасѣ миссъ Мекнэлти.

— А почему-же-бы мнѣ не надѣть своего ожерелья? возразила Лиззи, едва сдерживая свой гнѣвъ.

Приемныя комнаты леди Гленкоры были уже полны гостей, когда появилась Лиззи. Бриллианты были признаны всѣми, прежде чѣмъ она переступила порогъ главной гостиной, конечно, общество не могло навѣрно опредѣлить, какое именно на ней ожерелье, но слухи объ исторіи съ ея бриллиантами настолько уже распространились по городу, что при одномъ взглядѣ на ярко сверкавшіе камни, мужчины и женщины тотчасъ догадались, что это и есть именно ожерелье, изъ-за котораго поднялась буря...

— Посмотри, какъ горятъ на ея шеѣ бриллианты покойнаго Эстаса, шепнула Лоренцъ Фитцгibbonъ своему другу Баррингтону Ирлю.

— А вотъ выступаетъ и лордъ Фаунъ, замѣтилъ другъ, — онъ вѣрно идетъ караулить ихъ.

Лордъ Фаунъ, дѣйствительно, счелъ за нужное присмотрѣть за своей невѣстой. Идя съ нимъ подъ руку къ обѣду, леди Гленкора шепнула ему на ухо, что леди Эстасъ будетъ у нее вечеромъ; она сдѣлала это съ цѣлю, чтобы дать ему время обдумать: уйдти-ли ему, или оставаться. Если-бы лордъ Фаунъ могъ незамѣтнымъ образомъ ускользнуть, онъ не остался-бы послѣ обѣда, но зная, что за нимъ наблюдаютъ, что о немъ говорятъ, ему не хотѣлось дать поводъ къ замѣчанію, что онъ убѣжалъ. И потому онъ остался; увидѣвъ леди Эстасъ, онъ тотчасъ подошелъ къ ней и заговорилъ съ нею. Множество глазъ устремилось на нихъ, но ни одно ухо не слышало тѣхъ ничего значащихъ словъ, которыми они обмѣнялись. Лиззи превосходно выдержала свою роль. Она улыбнулась и протянула жену руку; но только протянула, а не пожала; лордъ Фаунъ спросилъ, будетъ-ли она танцевать; она отвѣчала: буду, одну кадрили,—и протанцевала съ нимъ эту кадрили. Такъ-какъ Лиззи до сихъ поръ ни съ кѣмъ еще не танцевала, то въ обществѣ рѣшили, что она продолжаетъ считать лорда Фауна своимъ женихомъ. По окончаніи кадрили Лиззи взяла Фауна подъ руку и прошла съ нимъ нѣсколько разъ по залѣ. Бриллианты жгли ей шею, но она не выдала ни на минуту своего чувства. За то лордъ Фаунъ не спускалъ глазъ съ ожерелья; онъ не узналъ его, конечно, но понималъ, что изъ-за него именно пошла вся передрага. Ожерелье чрезвычайно шло къ леди Эстасъ; она была какъ-бы создана для роскоши и блеска; ей необходимы были кружева, шелкъ, цвѣты и бриллианты. Очень можетъ быть, что фаль-

шивые камни лучше-бы гармонировали съ ея характеромъ, чѣмъ настоящіе; но въ этотъ вечеръ она сіяла отъ неподдѣльнаго блеска своего драгоценнаго ожерелья и положительно была одѣта богаче всѣхъ. Гости леди Гленкору были, конечно, слишкомъ благовоспитаны для того, чтобы могли столпиться вокругъ Лиззи и глазѣть, розпня ротъ, на ея ожерелье; но тѣмъ не менѣе въ залѣ чувствовалось какое-то броженіе, которое примѣтили и лордъ Фаунъ и леди Эстасъ. Всѣ глаза были устремлены на нихъ и по всѣмъ угламъ раздавался легкій шепотъ. Лиззи храбро выдерживала свое положеніе, но лорду Фауну было не по себѣ.

— Я нахожу, что она отлично сдѣлала, что наѣла свои брилліанты, замѣтила леди Гленкора, обращаясь къ леди Чильтернъ.

— Да, особенно, если она намѣрена оставить ихъ у себя, отвѣтила леди Чильтернъ.— Впрочемъ, я ровно ничего тутъ не понимаю. Вы видите сами, что свадьба у нихъ вовсе не разстроилась.

— Кажется, что нѣтъ. Знаете-ли, что я сдѣлала? Онъ, какъ я вамъ сказала, обѣдалъ сегодня у насъ; сходя внизъ, въ столовую, я предупредила его, что она пріѣдетъ на вечеръ. Миѣ кажется такъ и слѣдовало сдѣлать.

— Ну, что-жъ онъ вамъ на это отвѣтилъ?

— Я нарочно дала разговору такой оборотъ, чтобы не поставить его въ необходимость отвѣчать миѣ, но признаюсь, я никакъ не ожидала, что онъ останется.

— Миѣ кажется, что между ними и ссоры никакой не было, сказала леди Чильтернъ.

— Ну, это не совсѣмъ еще вѣрно, возразила леди Гленкора.— Они далеко не нѣжны другъ съ другомъ.

Леди Эстасъ пробыла на вечерѣ столько времени, сколько требовало приличіе. Вскорѣ, по окончаніи кадрили, она попросила лорда Фауна распорядиться, чтобы подали ея карету. Онъ повелъ ее подъ руку съ лѣстницы и посадилъ въ карету; на прощанье Лиззи проговорила вполголоса:

— Вамъ не мѣшало-бы поскорѣе ко миѣ пріѣхать.

— Я пріѣду, отвѣчалъ лордъ Фаунъ.

— Да, да, пріѣзжайте, и поскорѣе, повторила она. — Вся эта исторія начинается миѣ надоѣдать... даже больше надоѣдаетъ, чѣмъ вы думаете.

— Я очень скоро пріѣду, проговорилъ лордъ Фаунъ, и затѣмъ вернулся къ гостямъ леди Гленкору, съ чувствомъ полнѣйшаго неудовольствія въ душѣ. Лиззи, между тѣмъ, благополучно возвратилась домой и заперла свое ожерелье въ несгораемый ящикъ.



## ГЛАВА XVIII.

А мнѣ дать нечего.

Насталъ уже конецъ іюня мѣсяца, а Франкъ Грейстовъ всего одинъ разъ навѣстилъ Люси Моррисъ въ Фаун-Кортъ послѣ того, какъ онъ письменно предложилъ ей руку и сердце. Прошло три недѣли съ тѣхъ поръ, и дѣвочки Фаунъ, зная, что мать сняла съ Франка запрещеніе посѣщать ихъ домъ, находили, что онъ, какъ женихъ, чрезвычайно невнимателенъ. Но Люси не роптала на него за это; Люси знала настоящую причину его отсутствія. Гуляя съ нею по цвѣтнику, въ послѣдній свой визитъ, Франкъ слегка намекнулъ, что онъ имѣлъ небольшое столкновеніе съ леди Фаунъ по поводу Лиззи Эстасъ.

— Я не могу къ ней не ѣздить, говорилъ молодой человѣкъ, — я единственный ея родственникъ въ Лондонѣ.

— А леди Линлитгау, замѣтила Люси.

— Онѣ поссорились, возразилъ Франкъ, — притомъ старуха такая желчная. За Лиззи некому заступиться, мнѣ поневолѣ нужно оберегать ее отъ обидъ. Вѣдь у васъ, женщинъ, ненависть имѣеть всегда что-то жесткое, а леди Фаунъ, какъ я вижу, ненавидитъ свою будущую невѣстку.

Люси несколько не была ревнива, но она находила, что Лиззи не заслуживаетъ заступничества со стороны Франка, однакожь она не высказала этого своему жениху; ни ему, ни Фаунамъ, она не промолвилась ни словомъ о брошкѣ въ сто гиней, которую предлагала ей Лиззи въ вознагражденіе за шпионство. Притомъ, Люси рассудила, что Франку и не слѣдуетъ особенно часто видѣться съ леди Фаунъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ такъ открыто объявилъ себя защитникомъ Лиззи. Надо, впрочемъ, замѣтить, что леди Фаунъ не осудила ни однимъ словомъ Франка въ присутствіи Люси за такое поведеніе. Всѣ жители Фаун-Корта, начиная съ прислуги, точно сговорились смотрѣть на Лиззи Эстасъ, какъ на врага семейства. Вся семья Фауновъ твердо вѣрила, что Фредерикъ отказался отъ ея руки, что свадьба, если еще не разошлась, то разойдется непременно. М-съ Гиттевей усердно вела мины и успѣла уже открыть кое-что похожее на истину въ сношеніяхъ Лиззи съ м-ромъ Бенжаменомъ. Быть можетъ, слухи, дошедшіе до нея, были слишкомъ преувеличены, но м-съ Гиттевей не преминула сообщить ихъ

матери, м-ру Кампердауну и брату. Братъ почти разсорился съ нею за это, но она не унижалась.

Въ это самое время Франкъ Грейстокъ зашелъ нѣсколько далеко въ защитѣ своей кузины. Однакожъ, онъ не былъ высокаго мнѣнія о ней, даже и въ то время, когда, движимый корыстью, онъ собирался сдѣлать ей предложеніе; поэтому онъ обрадовался, узнавъ, что Лиззи приняла предложеніе лорда Фауна, и очень былъ доволенъ, что такая опасная для его спокойствія кузина нашла себѣ, наконецъ, мужа; а когда ему въ первый разъ рассказали исторію объ ожерельи, онъ выразилъ мнѣніе, что ожерелье должно быть возвращено по принадлежности. Но въ послѣднее время, особенно со дня помолвки съ Люси, молодой адвокатъ вдругъ измѣнилъ тактику; онъ гордо поднялъ знамя *своего друга*, леди Эстасъ, и, облекшись съ ногъ до головы въ броню ея защитника, смѣло объявилъ всѣмъ и каждому, что принимаетъ сторону Лиззи въ дѣлѣ ея съ лордомъ Фауномъ, и очень удивилъ Кампердауна, выразивъ нѣкоторое сомнѣніе насчетъ справедливости вопроса объ ожерельи. „Франкъ не можетъ не знать, что она имѣетъ на ожерелье столько-же правъ, сколько и я“, сказалъ старикъ повѣренный, въ сильномъ негодованіи, своему сыну. Дѣло о фамилныхъ брилліантахъ начало не на шутку тревожить м-ра Кампердауна и онъ положительно не зналъ, какъ за него приняться.

Подъ извѣстной формой изъ мяса и костей, обтянутыхъ кожей, является какое-либо одно существо, — мужчина или женщина, — одаренное большими или меньшими наклонностями къ добру и злу, приобретенными ими, какъ результатъ его соціальнаго положенія, воспитанія и пр. Иногда о человѣкѣ можно почти безошибочно сказать, какъ онъ поступитъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Это натуры цѣльныя и исключительныя, на которыхъ всегда можно надѣяться, что онѣ не отступятъ передъ препятствіями; онѣ идутъ по извѣстному пути, руководствуются определенными принципами и инстинктами, и никогда не измѣняютъ себѣ. Такова была Лиззи Эстасъ, такова-же была и Люси Моррисъ. Не смотря на то, что ихъ характеры составляли два противоположные полюса, каждая изъ нихъ, отдѣльно, была существомъ своеобразнымъ и потому не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, какимъ образомъ та и другая поступитъ въ данномъ случаѣ. Но есть и другія личности, единичныя физически, но двойственныя по характеру; въ душѣ у нихъ постоянно происходитъ борьба добра со зломъ; зло кажется имъ попеременно то отвратительнымъ и ужаснымъ, то вовсе не кажется зломъ. Такого рода люди, муж-

чны или женщины все равно, никогда не впадутъ въ бездну унизительныхъ пороковъ. Они не сдѣлаются ни мошенниками, ни ворами, ни пьяницами; но честолюбіе, сладострастіе, самоублаженіе, гордость и корыстолюбіе до такой степени овладѣваютъ ими, что эти пороки имъ представляются въ самомъ привлекательномъ видѣ и они готовы считать ихъ доблестями. Однимъ изъ такихъ людей былъ Франкъ Грейстокъ, способный въ иные дни тихо прохаживаться вдоль береговъ рѣки Бобъ въ Бобсборо, гдѣ водилось пропасть форелей, и закидывать свою удочку въ воду, разсуждать, что жизнь безъ любви—скверная вещь; въ другіе-же дни—стоять по полчаса съ руками, засунутыми въ карманы панталонъ и съ опущенными глазами, посреди улицы, въ предѣлахъ Вестминстера, и вляться про себя, что онъ достигнетъ, во что-бы то ни стало, своей цѣли въ жизни, хотя-бы для этого нужно было разбить свое сердце. Какъ назвать такого человѣка, который позволяетъ неопредѣленному чувству, называемому страстью, или грубому чувственному инстинкту разрушать всѣ его превосходные замыслы?

Обстоятельства бросили Франка на тотъ путь, который онъ почиталъ самымъ благороднымъ и виднымъ; но у него не доставало матеріальныхъ средствъ, чтобы поддержать себя достойнымъ образомъ на этомъ пути. Оцѣнивая мысленно свои способности въ такія минуты, ему обыкновенно казалось, что онъ относится совершенно безпристрастно къ своей личности—онъ былъ убѣжденъ, что нѣтъ такого почетнаго и значительнаго мѣста въ административномъ мірѣ, котораго-бы онъ не могъ достигнуть. По своимъ наклонностямъ, онъ считалъ себя призваннымъ вращаться среди высшей, образованнѣйшей аристократіи и среди первыхъ свѣтскихъ красавицъ; по уму онъ имѣлъ право засѣдать въ главныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ; ему казалось, что для него ничего нѣтъ легче, какъ создать себѣ безсмертное имя въ Англіи,—имя историческое, которое будетъ гремѣть нѣсколько сотъ лѣтъ кряду. Но для достиженія этой цѣли ему необходимо было дѣйствовать разсчетливо. Имѣя на шеѣ долги, не ожидая впереди никакого наслѣдства, Франкъ долженъ былъ трудиться, чтобы жить, что называется вполнѣ прилично, на большую ногу, такъ-какъ онъ вращался среди людей, выросшихъ въ роскоши. Къ тому-же, на его бѣду, онъ такъ освоился съ привычками богатыхъ людей, что даже забылъ, что называется удобствами въ семьѣ людей малосостоятельныхъ.

Преслѣдуя идеалы богатой жизни, онъ могъ спросить себя: разсчетливо-ли онъ поступилъ, когда, вернувшись въ Ричмондъ изъ

Фаун-Корта и запершись въ своей слабоосвѣщенной комнатѣ, онъ написалъ письмо, доставившее такъ много счастья Люси Моррисъ? Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что онъ дѣйствительно любилъ молодую дѣвушку, что сердце его еще не потеряло способности сильно чувствовать. Люси далеко была не красавица, даже не хорошенькая; это была маленькая, худенькая фигурка, не бросающаяся въ глаза, безъ пенни за душой. Франкъ не разъ старался себѣ объяснить, что его такъ притягиваетъ къ ней. Носила она вѣчно одно и то-же свѣтло-сѣрое платье, изрѣдка украшенное сѣрой лентой: яркихъ цвѣтовъ въ своемъ туалетѣ она никогда не допускала. Правда, она получила хорошее образованіе, была отлично воспитана, но никакими особыми талантами не обладала. Она не могла увлечь его своимъ голосомъ, очаровать игрой на арфѣ. Разговорчива она также не была и любила больше слушать, чѣмъ говорить, — словомъ, это было скромное существо, очень довольное, если его въ обществѣ оставляли въ тѣни. А между тѣмъ онъ напелъ въ ней сокровище и въ немъ разгорѣлось страстное желаніе обладать имъ. Франкъ тайно сознавался, что не будь на свѣтѣ богатства и почестей, эта малютка была-бы для него дороже всего на землѣ. Засѣдая въ судѣ или въ палатѣ, терпѣливо слушая напыщенные рѣчи адвокатовъ и политиковъ, онъ невольно мечталъ о ея блестящихъ глазахъ, о ямочкѣ на ея подбородкѣ, о ея миломъ ротикѣ, умѣвшемъ такъ красиво, хотя и въ краткихъ словахъ, выражать мольбу. «Занять какое-нибудь важное государственное мѣсто въ Англии и жениться на Люси Моррисъ, думалъ бывало Франкъ, — вотъ верхъ моего честолюбія». Послѣдней цѣли онъ почти уже добился: Люси сдѣлалась его нарѣченной невѣстой.

Но вслѣдъ за тѣмъ въ головѣ Франка заронились совѣтъ другія мысли. Въ немъ вдругъ родилось сознаніе, что онъ изуродовалъ свое будущее, что въ то самое время, когда ему предстоитъ скачка съ препятствіями, онъ навязалъ себѣ бревно на ногу. Сдѣлавъ предложеніе Люси, онъ поневолѣ былъ обязанъ выполнить свой долгъ въ отношеніи къ ней, тѣмъ болѣе, что скоро должны были окончиться ея занятія въ домѣ Франковъ, а своего угла у нея не было. Поступить гувернанткой въ другое семейство теперь она уже не могла, это знали и Франкъ, и сама леди Фаунъ; точно также невозможно-же ей слишкомъ долго жить въ домѣ Фауновъ!

— Да, разсуждалъ Франкъ, — мнѣ слѣдуетъ тотчасъ-же измѣнить свой образъ жизни, разстаться съ своей изящной квартирой въ Гросвенорѣ, нанять небольшой домикъ гдѣ-нибудь подальше—

пожалуй, хоть въ сосѣдствѣ швейцарскаго котѣджа, ѣздить на службу по подземной желѣзной дорогѣ и, по всей вѣроятности, отказаться даже отъ занятій въ парламентѣ. Да, надо стѣснить себя.

Разсуждая такимъ образомъ, Франкъ злился на себя за слишкомъ поспѣшное призваніе въ любви, и думалъ чаще, чѣмъ слѣдуетъ, объ обаятельной красотѣ Лиззи—вотъ гдѣ именно и крылась причина, почему онъ втеченіи первыхъ трехъ недѣль былъ всего одинъ разъ въ Фаун-Кортѣ. Но прошли эти недѣли и онъ во второй разъ отправился въ Фаун-Кортъ, куда пріѣхалъ между 8-ю и 9-ю часами вечера. Вся семья сидѣла за чаемъ и встрѣтила гостя чрезвычайно привѣтливо. Люси, услышавъ докладъ челоуѣка, вскочила со стула и почти на порогѣ комнаты столкнулась съ Франкомъ. Она вся сіяла радостью; на глазахъ у нея сверкали слезы, губы улыбались — она, такъ сказать, дышала любовью. Взглянувъ на нее, Франкъ невольно подумалъ, что его будущій домикъ подлѣ швейцарскаго котѣджа можетъ современемъ превратиться въ райскій уголокъ. Люси тихо произнесла какое-то слово, и честно, благородно, довѣрчиво положила свою нѣжную, маленькую ручку въ его руку и долго не отнимала ее. Ни въ словахъ ея, ни во взглядѣ не было ни малѣйшаго упрека за долгое отсутствіе, хотя видѣть его для нея было верхомъ счастья.

Леди Фаунъ очень любезно поздоровалась съ Франкомъ, дѣвочки принялись наперерывъ его угощать и ему вдругъ сдѣлалось какъ-то особенно тепло и отрадно среди этого семейнаго, женскаго кружка. Никто изъ присутствовавшихъ не произнесъ имени Лиззи Эстасъ. Леди Фаунъ толковала о парламентѣ и выразила сожалѣніе, что бѣдные женихи до того обременены государственными дѣлами, что втеченіи двухъ недѣль не могутъ выбрать свободнаго часа, чтобы навѣстить милую невѣсту.

— Впрочемъ, въ будущемъ мѣсяцѣ, заключила она,—настанетъ хорошее время (тогда былъ іюль). Если молодая дѣвушка не имѣютъ достаточно силъ, чтобы привлекать молодежь, то сдѣлають это тетерева.

— Вы ошибаетесь, леди Фаунъ, возразилъ Франкъ, — главное мое ярмо — не дѣла въ палатѣ, а необходимость зарабатывать свой насущный хлѣбъ въ потѣ лица. Мнѣ приходится цѣлые дни проводить въ судѣ, а все свободное время употреблять на просмотръ дѣлъ, которыя я взялся защищать.

— Но согласитесь, однако, что охота за тетеревами останавливаетъ всѣ дѣла, сказала леди Фаунъ.—Мой садовникъ, напримѣръ,

объявилъ мнѣ сейчасъ, что онъ требуетъ двухдневнаго отпуска въ августѣ мѣсяцѣ. Я увѣрена, что онъ отправляется на охоту. А вы, м-ръ Грейстокъ, намѣрены также гдѣ-нибудь охотиться? спросила она.

Оказалось, что Франкъ Грейстокъ не зналъ навѣрное, отправится онъ на охоту или нѣтъ. Портрэйскія горы — великолѣпное мѣсто для охоты. Замокъ Портрэ, правда, повисъ надъ моремъ; но въ самомъ имѣнии есть дикая равнина, о которой Лиззи съ гордостью вспоминала при случаѣ, называя ее: „мѣсто моей охоты“. Въ началѣ этого года, весною, Лиззи приглашала своего кузина прійхать поохотиться въ ея помѣстьѣ осенью — и онъ пріялъ приглашеніе. „Я, вѣроятно, въ это время буду за границей, говорила леди Эстасъ, — поэтому весь замокъ къ вашимъ услугамъ“. Она сдѣлала ему это предложеніе такъ естественно, будто брату; но Франкъ отклонилъ отъ себя честь поселиться въ замкѣ, говоря, что если онъ и прійдетъ охотиться, то не иначе, какъ съ условіемъ, что ему разрѣшатъ жить въ небольшомъ домикѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ моря. Когда кузина и кузенъ заключали это условіе, лордъ Фаунъ еще не былъ женихомъ Лиззи. Но дня за два передъ пріѣздомъ Франка въ Фаун-Кортъ, молодая женщина снова напомнила ему объ обѣщанномъ посѣщеніи.

— А что, его сіятельство будетъ тамъ? спросилъ онъ, смѣясь.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчала очень серьезно Лиззи и затѣмъ прибавила, что поѣздка ея за-границу отложена по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, и она намѣрена провести это время въ Портрэ.

— Теперь, конечно, вамъ нельзя будетъ остановиться въ замкѣ, сказала она, улыбаясь,—но полагаю, самъ Отелло не могъ-бы ничего возразить противъ того, что я приглашаю двоюроднаго брата поселиться въ маленькомъ домикѣ за нѣсколько миль отъ меня.

Франкъ, конечно, не рѣшился намекнуть ей, что въ головѣ современнаго Отелло могутъ легко возникнуть и другого рода опасенія, и послѣ нѣкотораго колебанія объявилъ, что прійдетъ. Онъ заранѣе условился съ однимъ пріятелемъ охотиться вмѣстѣ, и потому былъ очень доволенъ, что ему представлялась возможность сдержать данное слово. Но мысленно Франкъ сознавался, что ему слѣдовало-бы избѣгать поѣздки въ Портрэ. Онъ, какъ честный человѣкъ, готовъ былъ защищать свою кузину, но отдавать свое имя въ жертву разнымъ толкамъ на ряду съ ея именемъ — онъ вовсе не желалъ; ему даже не хотѣлось слыть въ свѣтѣ подъ именемъ ея вѣрнаго защитника, потому-что онъ чувствовалъ, что эту роль Лиззи навязала ему почти насильно. Въ предполагаемой по-

ѣздкѣ въ Портрѣ, Франкъ предвидѣлъ много опаснаго для себя и самъ еще не зналъ навѣрное, состоится-ли путешествіе въ Шотландію, или нѣтъ.

— Право, не знаю, поѣду-ли я туда, сказалъ онъ, отвѣчая на вопросъ леди Фаунъ, и весь вспыхнулъ.

— Отчего-же не ѣхать? возразила Люси. — Человѣку, работающему день и ночь, необходимы отдыхъ и чистый воздухъ.

— Можно пользоваться свѣжимъ воздухомъ и не ѣздивши въ Шотландію, замѣтила леди Фаунъ.

— Городской воздухъ совсѣмъ не то, что деревенскій, особенно для мужчинъ, возразила Люси.

Сказавъ это, она ускользнула въ садъ, гдѣ ей разрѣшено было провести полчаса съ милымъ Франкомъ; эти краткіе полчаса показались ей цѣлымъ вѣкомъ блаженства. Для мужчины, остаться наединѣ съ любимой дѣвушкой — истинное наслажденіе, пока она не невѣста его; для женщины-же нѣтъ выше счастья, какъ быть съ глазу на глазъ съ своимъ женихомъ. Мужчинѣ-жениху всегда кажется, что у него подрѣзаны крылья; дѣвушкѣ-невѣстѣ, напротивъ, представляется, что какая-то новая сила расширяетъ ея крылья. Непзбѣжность предстоящаго гнететъ мужчину; онъ достигъ своей цѣли, одержалъ побѣду и изъ побѣдителя превратился въ раба. Съ женщины-же—увѣренность въ предстоящей свадьбѣ снимаетъ разомъ оковы, до сихъ поръ тяготившія ее. У нее теперь есть человѣкъ, съ которымъ она имѣетъ право быть совершенно откровенной. Но кончается всегда тѣмъ, что всѣ сердечныя изліянія мужа ограничиваются только просьбой, чтобы завтракъ подавали акуратно, да ростбифъ не былъ-бы пережаренъ.

Люси положительно не чувствовала подъ собою ногъ отъ радости: Франкъ казался ей идеаломъ совершенства. Онъ былъ отъ природы ласковъ и съ увлеченіемъ выражалъ свои чувства. Въ припадкѣ нѣжности, онъ называлъ Люси своимъ сокровищемъ, безцѣнной, милой, совершеннѣйшимъ существомъ изъ всѣхъ женщинъ

— Однако, Франкъ (наединѣ она его иначе не называла), что-же станетъ теперь съ Лиззи Эстасъ? спросила вдругъ Люси.

— Что? Да она, вѣроятно, замужъ выйдетъ, отвѣчалъ онъ.

— Ты такъ думаешь? Но леди Фаунъ держится другого мнѣнія на этотъ счетъ.

— Что леди Фаунъ объ этомъ думаетъ,—въ настоящихъ обстоятельствахъ вовсе не важно. Я полагаю, что когда мужчина дѣлаетъ предложеніе женщинѣ и она даетъ ему свое согласіе, то

естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія, конечно, выходитьъ свадьба. А ты какъ думаешь, Люси?

— Надѣюсь... вѣроятно... отвѣчала Люси, охвативъ обѣими руками руку жениха и шаловливо повиснувъ на ней.

— Ты въ самомъ дѣлѣ надѣешься, что этимъ всегда кончается? спросилъ съ улыбкой Франкъ.

— Еще-бы! Ты самъ это знаешь. Надѣюсь-ли я? Да я-бы давно умерла, если-бы не надѣялась.

— Почему-жъ бы и ей не надѣяться? рѣзко и быстро спросилъ Франкъ, повернувъ лицо къ Люси.

— Не знаю, кротко отвѣчала молодая дѣвушка и нѣжно прильнула къ нему.—Мнѣ иногда кажется, что за другихъ никакъ нельзя ручаться... люди такъ различаются одинъ отъ другого...

— Различіе между людьми, конечно, есть, но тѣмъ не менѣе, мы можемъ дѣлать о другихъ довольно вѣрное заключеніе, принимая ихъ положеніе къ своему: если Лиззи дала слово Фауну, то нѣтъ сомнѣнія, что она желаетъ выйти за него замужъ. Она ему болѣе дастъ, чѣмъ онъ ей.

— За то я—ничего тебѣ не дамъ, сказала Люси.

— Если-бы это была правда, возразилъ Франкъ, — то я даже теперь отказался-бы отъ тебя. Но зная всѣ твои достоинства, зная, что ты принесешь мнѣ болѣе, чѣмъ всякая другая женщина, я съ первой минуты нашего знакомства только и думалъ о тебѣ одной, только и мечталъ о томъ, какъ-бы имѣть тебя своей женой.

— Я тебѣ отдала все, что имѣла и болѣе у меня уже ничего не осталось, грустно замѣтила Люси.—Люди говорятъ: она отдала свое сердце... Нѣтъ, этого мало. Надобно отдать и сердце, и умъ, и тѣло, и даже душу... Франкъ, мнѣ-бы не хотѣлось, чтобы ты сравнивалъ меня съ Лиззи Эстасъ, не смотря на то, что она твоя кузина. Положимъ, что она очень умна, что она красавица, что она необыкновенно очаровательна—но...

— Что значить это *но*, Люси?

— Мнѣ кажется, что она неспособна сильно любить. Я не сомнѣваюсь, что она любитъ лорда Фауна, но мнѣ что-то не вѣрится, чтобы она его такъ горячо любила, какъ я тебя.

— Какъ-бы то ни было, они помолвлены, произнесъ Франкъ,—и сдѣлають отлично, если женятся. Во всякомъ случаѣ предупреждаю тебя, продолжалъ онъ, и голосъ его принялъ оттѣнокъ строгости—если лордъ Фаунъ откажется, я, какъ родственникъ, вступлюсь за нее непремѣнно.

— Неужели ты рѣшишься съ нимъ драться? воскликнула Люси.



— Нѣтъ, душа моя, успокойся. Въ наше время дуэли не въ ходу или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдки; притомъ я и Фаунъ—мы оба люди совсѣмъ не воинственнаго характера. Но я дамъ ему почувствовать, что я о немъ думаю, и что думаютъ о немъ другіе. Онъ употребляетъ самыя жалкія увертки...

— Зачѣмъ-бы онъ сталъ увертываться, если-бы къ тому не было причины? возразила молодая дѣвушка.

— Онъ дѣлаетъ это изъ трусости. Имъ можетъ распоряжаться каждый, ему врутъ всякій вздоръ, онъ и вообразилъ, что изъ-за этого ожерелья возникнетъ исторія; а онъ боится исторій. Но кончится тѣмъ, что онъ все-таки на ней женится, и мнѣ кажется, что леди Фаунъ напрасно старается разстроить свадьбу. И ты напрасно вмѣшиваешься въ это дѣло.

— О, нѣтъ, я не беру на себя ничего, отвѣчала Люси.—Когда она жила здѣсь, то своимъ присутствіемъ стѣсняла всѣхъ. Она едва говорила съ леди Фаунъ и ея дочерьми, и мнѣ кажется, что даже прислуга догадывается, что женихъ и невѣста поссорились между собой.

Люси умолчала, однако, о томъ, какъ Лиззи предлагала ей брошку въ подарокъ и какъ все это время до нея долетали ежедневно различные слухи о какихъ-то старыхъ долгахъ леди Эстасъ, объ исторіи съ фамильнымъ ожерельемъ, о ссорѣ Лиззи съ леди Линлитгау, тотчасъ послѣ свадьбы съ сэромъ Флоріаномъ. Вообще Люси имѣла очень дурное мнѣніе о Лиззи и внутренне скорбѣла о томъ, что ея благородный, великодушный Франкъ теряетъ время и трудъ на защиту такой недостойной личности, какъ его кузина. Но въ ея чувствахъ къ Лиззи не было и тѣни ревности, такъ что она не произнесла ни одного слова въ ея осужденіе, ограничившись замѣчаніемъ, что люди не одинаково созданы.

Женихъ и невѣста перешли къ своимъ собственнымъ дѣламъ. Люси съ жаромъ объявила, что она не желаетъ торопить его свадьбой.

— Я знаю, сказала она, что тебѣ предстоитъ немало заботъ и нахожу, что для твоей собственной пользы необходимо, чтобы мы подождали еще годъ или два.

Франка поразила такая практичность взгляда въ молодой дѣвушкѣ и такое горячее сочувствіе къ его собственнымъ интересамъ.

— Я готовъ подчиниться во всемъ твоей волѣ, отвѣчалъ онъ, лаская Люси,—одного только не сдѣлаю.

— Чего именно? спросила она съ улыбкой.

— Не уступлю тебя никому! Иногда мнѣ приходило въ голову, не слѣдуетъ-ли мнѣ отказаться отъ твоей руки, потому-что мнѣ положительно нечѣмъ тебя обезпечить въ будущемъ; но есть границы всякому самоотверженію, и на такую жертву я рѣшительно неспособенъ. Я не могу этого сдѣлать. Какъ ты думаешь, правъ я?

Читатель легко пойметъ, что отвѣтила Люси на такой вопросъ, и потому мы не станемъ вдаваться въ подробности, описывая, какъ молодой юристъ заключилъ ее въ свои объятія и какъ онъ страстно цѣловалъ ее, увѣряя, что если-бы она вздумала вдругъ, изъ великодушія, отказаться отъ даннаго ему слова, онъ совсѣмъ погибнетъ. Разговоръ ихъ кончился слѣдующимъ рѣшеніемъ: объявить леди Фаунъ, что ранѣе конца будущаго года они не станутъ вѣнчаться и попросить у нея позволенія, чтобы Люси, вплоть до свадьбы, оставалась въ Фаунъ-Кортъ.

*(Продолженіе будетъ.)*

## Р О Д И Н А.

(Изъ Петѣфа).

Отчизна-мать,  
Ты мнѣ припомнилась опять!  
Въ тебѣ я вынесъ много муки,  
Но и теперь, во дни разлуки,  
На зло враждующей судьбѣ,  
Мнѣ сладко вспомнить о тебѣ.

Я не папистъ, но у тебя  
Постылся очень строго я.  
И хорошо, что даровали  
Мнѣ боги зубы не изъ стали,  
Не то, бездѣйствуя въ тѣ дни,  
Совсѣмъ заржавѣли-бъ они!...

Одну изъ зимъ я помню живо:  
Давно сидѣлъ я безъ топлива  
И приходилось на полу  
Мнѣ спать въ нетопленномъ углу.  
Стуча отъ холода зубами,  
Какъ цыганенокъ подъ сѣтями,  
Я могъ-бы повторить вопросъ:  
„Тамъ, на дворѣ, кажись, морозъ?“

И то недурно, какъ бывало  
Кровь въ этихъ пальцахъ застывала,  
Когда писать я начиналъ...  
Но я разсудка не терялъ:  
Я въ руки трубку бралъ скорѣе,  
Я жаль къ ней пальцы поплотнѣе,  
И такъ-то грѣлъ я ихъ неразъ,  
Пока зима не пронеслась...

И въ эти дни имѣлъ одно я утѣшенье,  
Что я уже знавалъ и большія мученья...

А. Ш.

# СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

## ОБЩЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Два слова по поводу заглавія этой статьи.

Наука, избирающая предметомъ своего изученія человѣка, какъ отдѣльную и независимую единицу, всегда грѣшитъ противъ дѣйствительности. Строго говоря, такого человѣка нѣтъ, потому-что нѣтъ такой индивидуальной личности, которая-бы развивалась независимо отъ той среды, въ которой она обращается и подъ вліяніемъ которой выработывается ея отличительный типъ. Трудно представить себѣ человѣка внѣ соціальной жизни и постоянного его столкновения съ другими людьми. Чѣмъ сильнѣе вы будете работать надъ этой задачей и глубже рыть пропасть между обществомъ и человѣкомъ, чѣмъ беспредѣльнѣе будетъ ваша абстракція, тѣмъ дальше и дальше отдалится отъ васъ человѣкъ и, наконецъ, въ рукахъ вашихъ останется лишь гегелевское *ничто* или существо въ высшей степени загадочное, странное, нелѣпное, которое вы не имѣете никакого права называть человѣкомъ. Это будетъ безплотный призракъ вашего воображенія, витающій въ невѣдомомъ мірѣ, все, что угодно, но не та живая личность, которая находится у всѣхъ насъ предъ глазами и которая одна заслуживаетъ изученія. Еще Діогенъ убѣдился, что такого человѣка нигдѣ нельзя найти, а въ наше время никто уже не сомнѣвается, что вѣчное одиночное за-

ключеніе несравненно мучительнѣе смертной казни \*). Оно, конечно, всегда оканчивалось-бы самоубійствомъ со стороны заключенныхъ, если-бы только къ тому представлялся 'удобный случай, физическая возможность и т. п. Только въ такомъ случаѣ, если заключенныхъ поражаетъ психическое разстройство (извѣстнаго рода), они способны до нѣкоторой степени выносить уединеніе, но и тутъ результатъ тотъ-же, что и отъ самоубійства: неестественное сокращеніе жизни вслѣдствіе сумасшествія. Иначе и быть не можетъ. Человѣкъ уединенъ отъ общества только тогда, когда онъ — мертвый трупъ или психологическая нелѣпость, и онъ обращается въ трупъ посредствомъ самоубійства или въ нелѣпость — посредствомъ сумасшествія.

Развитіе человѣка не есть дѣло одной личности; надъ этой задачей трудится весь человѣчскій родъ. Какъ-бы ни была геніальна личность сама по себѣ, будь это Ньютонъ, Галилей, Декартъ, ихъ труды на пользу людей составляютъ лишь безконечно-малую долю въ сравненіи съ гигантской работой цивилизации, какъ продуктомъ общечеловѣческой дѣятельности. Вы можете, въ порывѣ увлеченія своимъ величіемъ, утверждать, что вы высказываете *свои* мысли, думаете *свои* думы, создаете произведенія *своей* фантазіи, но опытъ показываетъ, что вы превратились-бы въ жалкое, безличное существо, если-бы общество не дало вамъ у себя пріюта и оттолкнуло васъ отъ участія въ своей дѣятельности. Почти всѣ наши поступки и стремленія, даже физическія свойства нашего организма суть результаты воспитательнаго вліянія общества на отдѣльную личность. Слѣдовательно, при такомъ громадномъ значеніи общества въ дѣлѣ прогресса и цивилизации, выдѣлять человѣка изъ общественной среды и изучать его, какъ нѣчто *цѣльное, законченное и въ самомъ себѣ замкнутое*, невозможно, ибо, совершая этотъ процессъ выдѣленія, вы уничтожаете человѣка, какъ живое существо. Къ сожалѣнію, однако, наукѣ ничего не остается, какъ избрать этотъ путь и начать изучать мертваго человѣка, чтобы затѣмъ перейти къ живому и болѣе сложному. На этотъ путь

\*) Обстоятельство это, какъ извѣстно, побудило Стюарта Милля высказаться въ видахъ гуманности за смертную казнь, что произвело на европейскихъ либераловъ довольно непріятное впечатлѣніе.

отъ анализа къ синтезу неизбѣжно наталкивается всякая наука; и это еще не большая бѣда. Бѣда въ томъ, если наука принимаетъ трущъ за живого человѣка и останавливается тамъ, гдѣ открывается только ея начало.

Вотъ почему индуктивная психологія, строго-замкнутая въ духовной сферѣ отдѣльнаго человѣка,—наука по необходимости односторонняя и неполная. Но такъ какъ она вытекаетъ все-таки изъ опыта и ея выводы суть результаты наблюденій не надъ однимъ, а надъ многими живыми субъектами, то, казалось-бы, что она сохраняетъ всю свою силу и по отношенію къ обществу. Но это справедливо въ самомъ ограниченномъ смыслѣ. Я, вы, другой, третій, взятые порознь (т. е. превращенные въ трущъ), дѣйствуемъ по законамъ индуктивной психологіи, но лишь только мы соединяемся вмѣстѣ, образуемъ общество, ассоціацію, между нами происходитъ живой обменъ, взаимодѣйствіе психическихъ силъ, для пониманія котораго недостаточно индивидуальной психологіи. Я совсѣмъ не то, что мы, и слова „общественное мнѣніе“, „гласность“, „общественная совѣсть“, „народный умъ“, „народная воля“, „народная фантазія“—не пустые звуки, они имѣютъ вполне *реальное* значеніе, разъяснить которое не можетъ индуктивная психологія \*).

Здѣсь-то и вступаетъ въ свои права психологія общественная, задача которой состоитъ въ описаніи и объясненіи явленій

\*) Возьмемъ еще другой примѣръ—медицину. Въ чемъ состоитъ ея задача и цѣль? Въ изученіи болѣзненныхъ процессовъ человѣка и въ ихъ устраненіи. Вы скажете, что человѣкъ, какъ предметъ медицинскаго изученія, есть уже общество, потому-что медицина дѣлаетъ свои выводы изъ наблюденій не надъ однимъ только, а надъ многими людьми, живущими въ общественной средѣ; такимъ образомъ, то, что относится къ одному, сохраняетъ свою силу для другого, третьяго и, слѣдовательно, для всего общества, которое есть ничто иное, какъ собраніе отдѣльныхъ индивидовъ. Такой выводъ, при всей своей очевидной справедливости, на самомъ дѣлѣ, однако, не совсѣмъ вѣренъ или, лучше сказать, не совсѣмъ точенъ. Когда болѣзнь совершаетъ свое теченіе въ одномъ организмѣ, она запечатлѣна своимъ особымъ, индивидуальнымъ характеромъ, отличнымъ отъ признаковъ болѣзни, распространяющейся на массу и общество. Доказательствомъ могутъ служить эпидеміи, эти по преимуществу социальныя болѣзни. Въ этомъ случаѣ отдѣльныя личности (какъ исключеніе) здоровы, но заболѣваетъ общество, и болѣзнь осложняется нѣкоторыми новыми признаками, такъ-что врачу уже недостаточно знанія обыкновенной или, какъ ее можно назвать, индивидуальной медицины, онъ долженъ быть знакомъ съ общественной медициной или даже съ спеціальной ея отраслью эпидемиологіей.

психическаго взаимодействія между индивидуумами, — взаимодействія, на которомъ основана вся духовная жизнь общества. Лишь только между людьми возникаетъ извѣстная связь, они составляютъ уже общество, психическая жизнь котораго отличается отъ индивидуальной. Отдѣльныя личности въ средѣ такого общества относятся другъ къ другу такъ, какъ различныя представленія въ душѣ одного и того-же субъекта. Индивидуальная психологія, какъ показываетъ самое ея названіе, изучаетъ отношеніе и связь между представленіями индивидуума, психологія же социальная выясняетъ законы общественной жизни, вытекающіе изъ взаимныхъ сношеній между многими индивидуумами.

Общественная психологія еще вся въ будущемъ, хотя основаніе ей положено довольно давно извѣстнымъ психологомъ Гербартомъ. Даже Гумбольдтъ въ своемъ „Космосѣ“ признавалъ необходимость этой науки. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Совокупность законовъ, по которымъ пробуждаются и созрѣваютъ душевныя силы отдѣльнаго человѣка, можно назвать физиологіей духа. Такіе законы должны существовать и для цѣлой націи. Нація есть существо, подобное индивидууму“. Но это отрывочное замѣчаніе есть не болѣе, какъ счастливая догадка и предчувствіе гениальнаго ума. Точно также и Гербартъ, высказавъ въ своей психологіи нѣсколько основныхъ положеній, чрезвычайно важныхъ для психологіи общественной, не могъ развить ихъ въ опредѣленную, научную систему. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ эту идею въ замѣчательномъ сочиненіи Густава Адольфа Линднера: „Ideen zur Psychologie der Gesellschaft“ Wien, 1871 г. Въ настоящемъ очеркѣ мы слѣдовали методу и основнымъ воззрѣніямъ этого автора, но отступали отъ него тамъ, гдѣ онъ грѣшитъ, по нашему мнѣнію, противъ психологическихъ истинъ и нѣкоторыхъ принциповъ исторіи и политической экономіи. Такъ-какъ предметомъ общественной психологіи служить общество, которое есть ничто иное, какъ собраніе индивидуумовъ, то понятно, что точкой отправленія для общественно-психологическихъ выводовъ приходится избирать индивидуальную психологію. Она входитъ въ психологію общественную очень важнымъ элементомъ и потому получаетъ особенное значеніе для насъ. Линднеръ же принадлежитъ къ почитателямъ и ревностнымъ послѣдователямъ психологическихъ воззрѣній Гербарта и той школы индуктивныхъ психологовъ, ошибка

которыхъ, по нашему мнѣнію, состоитъ въ излишней вѣрѣ въ методъ самонаблюденія и въ недостатокъ вниманія къ фактамъ психіатріи и въ особенности къ естественнымъ наукамъ.

Хотя наши „два слова“ разрослись въ цѣлое „предисловіе“, но прежде чѣмъ перейти къ предмету этой статьи, необходимо еще послѣднее замѣчаніе. Задача общественной психологіи начинается тамъ, гдѣ собираются индивидуумы во имя какихъ-либо общихъ цѣлей. Одно условіе для нея неизбѣжно: связь между отдѣльными людьми настолько сильная, чтобы результатомъ ея было взаимодѣйствіе присущихъ имъ психическихъ свойствъ. Полнаго отсутствія этой связи нигдѣ не замѣчается, ибо, какъ бы ни была слаба общественная солидарность между индивидуумами, у нихъ найдется все-таки множество общихъ интересовъ, много такихъ чертъ въ характерѣ, благодаря которымъ между людьми сплетаются невидимыя, но прочныя узы, порвать которыя они сами не въ состояніи при всемъ своемъ желаніи. Но эта связь между отдѣльными людьми бываетъ въ одномъ случаѣ сильнѣе, въ другомъ слабѣе, смотря потому, въ какомъ смыслѣ мы употребляемъ слово *общество* и какіе размѣры допускаемъ для него. Недостаточно сказать, что общество есть собраніе индивидуумовъ. Для цѣлей общественной психологіи важно установить болѣе или менѣе тѣсныя предѣлы общества. Подъ собраніемъ индивидуумовъ можно понимать все человѣчество, населяющее земной шаръ, и, конечно, въ этомъ случаѣ нельзя отрицать связи между людьми и, слѣдовательно, извѣстнаго психическаго взаимодѣйствія. Однако, она будетъ такъ слаба и неуловима, что едва-ли въ настоящее время можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Итакъ, намъ нужно ссузить предѣлы общества, но на сколько? Для этого всего лучше довести это общество до крайняго минимума, какъ прежде мы расширили его до крайняго максимума, и уже затѣмъ начать выбирать количественную норму общества между этими двумя предѣлами. Итакъ, отъ населенія всего земного шара мы переходимъ къ самому узкому обществу, къ семьѣ. Вотъ гдѣ солидарность между членами достигаетъ наибольшей степени и гдѣ, слѣдовательно, результатъ психическаго взаимодѣйствія выражается самымъ рѣзкимъ образомъ. Однако и это общество, вслѣдствіе ограниченности своихъ размѣровъ, мелочности цѣлей и стремленій, не представляетъ



особаго интереса для общественной психологіи. Между этими двумя предѣлами выборъ нашъ можетъ пасть на двухъ объекто́въ, на народъ, какъ компактную націю, или на государство. Національность въ самомъ дѣлѣ способна сгруппировать около себя довольно многочисленное и тѣсное общество. Племенное родство, общность происхожденія, языка, нравовъ и обычаевъ, все это одушевляетъ народъ сильнымъ стремленіемъ къ единенію. Но если въ данное время, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, нарушено національное единство и гармонія народной жизни, то во всякомъ случаѣ былъ-же для него когда-нибудь такой историческій моментъ, когда онъ былъ цѣльнымъ, т. е. былъ не только народомъ, но и государствомъ. Слѣдовательно, говорить о такомъ народѣ значитъ говорить и о государствѣ. Съ другой стороны въ наше время національность все болѣе и болѣе теряетъ свое фактическое значеніе. Нація разъединяется на отдѣльныя части, которыя входятъ въ составъ различныхъ государствъ и тамъ утрачиваютъ свою первоначальную племенную связь. Какой смыслъ, наиримѣръ, имѣетъ національность въ Швейцарскомъ союзѣ, гдѣ существуетъ тѣснѣйшая солидарность между тремя націями, и даже между нѣмцами и французами. Національность въ Американскихъ Штатахъ точно также имѣетъ мало смысла. Національная и племенная рознь обнаруживаются въ государствѣ только тогда, когда ея связующая сила недостаточно сильна, чтобы изгладить изъ памяти народа воспоминаніе о потерянномъ прошломъ. И когда въ народномъ сознаніи, не смотря на территориальную разрозненность, идея племеннаго родства крѣпка, нація, одушевленная этой идеей, рано или поздно соединяется въ одинъ народъ и разрушаетъ разъединившую ее территориальную плотину. Южная Германія вошла въ составъ Германскаго союза только потому, что ея собственное государство не гарантировало населеніе даже отъ чужеземнаго вторженія и не представляло такихъ выгодъ, ради которыхъ можно забыть о племенномъ родствѣ съ остальными нѣмцами.

Всего быстрѣе сліяніе національностей происходитъ съ помощью игольчатыхъ ружей и дипломатіи à la Bismarque. Но часто, конечно, тѣ-же средства служатъ для разъединенія національности, которая вообще уступаетъ свое мѣсто государству, представляющему самый прочный цементъ для соціальной архи-

тектуры. На этомъ основаніи общественная психологія должна избирать предметомъ своего изслѣдованія то общество, которое входитъ въ составъ одного и того-же государства. Здѣсь, въ предѣлахъ этого государства, людей связываютъ другъ съ другомъ одна территорія, отчасти одна литература (даже и при различіи національностей), одно правительство, одинъ социальный порядокъ, одна исторія. Эти связующіе факторы развиваютъ между людьми достаточно интенсивную солидарность, откуда и вытекаетъ то психическое взаимодействіе между индивидуумами, которое подлежитъ изслѣдованію общественной психологіи.

## I.

Въ отдаленныя времена человѣческаго дѣтства единеніе между людьми было такъ слабо, что въ цѣломъ они представляли скорѣе безформенную массу, беспорядочную толпу отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ общество. Стремленіе къ общественности не могло обнаружиться тогда иначе, какъ въ грубой формѣ полового размноженія и это побужденіе служило, повидимому, первымъ толчкомъ къ организаціи общества и развитію цивилизаціи. Оно непосредственно вело къ увеличенію народонаселенія и, такимъ образомъ, постепенно заставляло людей переходить отъ бродячей жизни къ осѣдой.

Параллельно отсутствію въ до-историческую эпоху общественной солидарности между людьми связь ихъ съ почвой также была очень ничтожна. Человѣкъ переходилъ съ одного мѣста на другое и скользилъ по землѣ, подобно робкой лани или милолетней птицѣ. Онъ идетъ все мимо и мимо, все дальше и дальше, нисколько не интересуясь землей и не помышляя о томъ, какой громадный, неиссякаемый источникъ силъ скрывается въ ея нѣдрахъ. Онъ охотникъ и потому для него важно именно то, что самымъ непрочнымъ образомъ связано съ почвой. Но есть, однако, предѣлъ его беспорядочному странствованію. Изъ охотника онъ превращается въ номада и землешца и тогда-то онъ мало-по-малу сродняется съ землей, прикрѣпляется къ одному мѣсту, и первый срубъ, который онъ сваливаетъ на землю для постройки хижины, служитъ фундаментомъ для организаціи

общества, первой закладкой цивилизації. Его прежнія, беспорядочныя отношенія къ ближнимъ принимаютъ опредѣленную форму и болѣе или менѣе прочный, постоянный характеръ. Онъ видитъ въ нихъ своихъ сосѣдей, а съ почвой связывается для него первое понятіе объ отчизнѣ. Между людьми возникаютъ сношенія, взаимный обмѣнъ услугъ и мыслей. Человѣкъ еще преслѣдуетъ узкія, своекорыстныя цѣли и ведетъ съ сосѣдами борьбу за обладаніе извѣстнымъ клочкомъ земли, за ту или другую болѣе безопасную мѣстность, за плодородную почву или пріютный берегъ рѣвки; стремится къ улучшенію своего быта на счетъ благополучія ближнихъ, даетъ полный просторъ превосходству своей физической силы, предпринимаетъ войны или нападенія противъ сосѣдей и поработачаетъ ихъ. Это періодъ броженія стихійныхъ силъ зарождающагося общества; это борьба за существованіе чистоматеріальное. Но, въ концѣ концовъ, человѣкъ нападаетъ на ту мысль, что у него вмѣстѣ съ остальными людьми есть общій врагъ — неукротимыя, подавляющія силы природы, побѣда надъ которыми составляетъ *общественную цѣль*, общее желаніе и потребность всѣхъ людей.

Борьба съ природой и подчиненіе ея власти человѣка играетъ чрезвычайно важную роль въ судьбахъ цивилизації. Тамъ, гдѣ нѣтъ этой борьбы или гдѣ она чрезвычайно слаба, тамъ существованіе общества весьма проблематично. Но если препятствія, представляемая природой, слишкомъ велики, въ такомъ случаѣ они также не вызываютъ общественной солидарности и остаются непобѣдимы. Такимъ образомъ, крайній сѣверъ и жаркіе тропики одинаково невыгодны для организаціи общества. Мальтусъ, Рикардо и Бокль утверждаютъ, однако, что всякая цивилизація основывается на почвѣ наиболѣе плодородной, между тѣмъ американскій экономистъ Кэри, опровергая извѣстную теорію Мальтуса о народонаселеніи, высказалъ совершенно противоположное мнѣніе, убѣжденный, что, напротивъ, цивилизація первоначально зарождалась на почвѣ неплодной. Ни то, ни другое, кажется, несправедливо. Плодородная почва представляетъ, правда, чрезвычайное изобиліе средствъ къ жизни, но она вмѣстѣ заключаетъ въ себѣ такое условіе, которое затрудняетъ эксплуатацію ея богатствъ. Это условіе состоитъ въ необыкновенной, колоссальной производительности земли и въ разнообразіи ея фауны,

флоры и всѣхъ окружающихъ явленій. Въ такой мѣстности васъ поражаетъ роскошное зрѣлище кипучей жизненной дѣятельности, но тамъ-же на каждомъ шагу васъ сторожитъ смерть, вы найдете тамъ рядомъ съ полезнымъ гибельное, рядомъ съ прекраснымъ ужасное и подавляющее. Эта почва, со всѣми ея драгоценными богатствами, находится въ исключительномъ владѣніи животныхъ и грозныхъ стихій, и слишкомъ много нужно труда и искусства со стороны человѣка, чтобы съ успѣхомъ оспаривать у нихъ право на эту землю. Бразилія едва-ли не плодороднѣйшая страна во всемъ мірѣ, однако до сихъ поръ тамъ незамѣтно еще даже признаковъ прочной организаціи общества. Замѣчательно, что всѣ древнія внѣ-европейскія цивилизаціи, развившіяся въ жаркомъ поясѣ, среди самыхъ благоприятныхъ условій почвы и климата, были недолговѣчны. Послѣ краткаго, иногда весьма блестящаго періода прогресса наступалъ обыкновенно страшный умышленный застой, который выражался въ гнуснѣйшемъ рабствѣ и полномъ угнетеніи народнаго духа. Обстоятельство это объясняется различно, но, въ концѣ концовъ, оно сводится къ недостаточной организаціи общества, слабой общественной солидарности и непрочности узъ, связывавшихъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Уже самое рабство и существованіе кастоваго сепаратизма указываетъ на неполноту и недоконченность той обширной ассоціаціи, которую мы называемъ обществомъ. Но отчего происходитъ эта неполнота, отчего нашлись люди, которые не вошли въ эту ассоціацію и стояли на благородной отъ нея дистанціи? Оттого, конечно, что главный ассоціаціонный центръ, т. е. большинство индивидуумовъ, не имѣлъ притягательной силы и былъ еще недостаточно сплоченъ. Члены этого большинства, вслѣдствіе расслабляющаго вліянія жаркаго климата (это, впрочемъ, по мнѣнію Монтескье) мало трудились, къ тому-же ихъ окружала роскошная природа, слѣпо расточавшая предъ ними свои дары. Чѣмъ больше люди трудятся, тѣмъ больше поводовъ къ взаимному сближенію, тѣмъ шире взаимный обмѣлъ услугъ, мнѣній, идей, а результатомъ этого является связь между индивидуумами и, болѣе или менѣе, тѣсная ассоціаціи. Ничего этого не было въ древнихъ цивилизаціяхъ Востока, на примѣръ, въ Персіи, въ Ассирійско-Вавилонскомъ царствѣ или даже въ Египтѣ. Индивидуумы были разрознены и ихъ бесми-

ліємъ воспользовались деспоты, которые уже затѣмъ пускали въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать росту ассоціаціи. Кэри по этому поводу сдѣлалъ чрезвычайно мѣткое замѣчаніе. „Исторія древне-восточныхъ монархій, говоритъ онъ, — есть ничто иное, какъ свидѣтельство о постоянномъ стремленіи немногихъ сильныхъ ограничить развитіе ассоціаціи и помѣшать организаціи общества, уничтожить взаимныя сношенія между многими, лишити ихъ господства надъ природой, изобилующей богатствами, и, такимъ образомъ, удерживать этихъ бессильныхъ многихъ на низшей степени культуры“.

Однако, мнѣніе Кэри, полагающаго, что цивилизація пустила первые ростки на почвѣ скудной и неплодной, едва-ли справедливо. Слишкомъ неплодная почва поглощаетъ всю рабочую силу человѣка на удовлетвореніе насущнѣйшихъ нуждъ эгоистическаго, изолированнаго существованія, такъ что на долю другихъ стремленій и цѣлей не остается свободнаго досуга. Только европейская цивилизація, имѣя дѣло съ умѣренными сопротивленіями окружающей природы, съ успѣхомъ вела съ ней борьбу и тѣмъ открыла путь къ развитію и организаціи общества, которое освободилось отъ исключительнаго вліянія почвы и слѣпыхъ стихійныхъ силъ и стало подъ контроль человѣка и его духовной, психической природы. Отсюда беретъ начало процессъ соціального развитія, который, не смотря на всевозможныя отклоненія и задержки, безостановочно продолжаетъ свое теченіе.

Побѣда этой едва зарождающейся цивилизаціи надъ общественнымъ врагомъ выражается измѣненіемъ внѣшняго вида земли. „На холмѣ, говоритъ Линднеръ,—возвышается домъ, жилище человѣка. Отъ одного дома къ другому ведетъ дорога. Лѣсъ вырубленъ. Тамъ, гдѣ росъ въ хаотическомъ безпорядкѣ дикій папоротникъ, возвышаются стройные колосья хлѣбныхъ посѣвовъ. Звѣри убѣгаютъ въ глубь лѣса, почувавъ приближеніе человѣческихъ шаговъ“. Но вмѣстѣ съ почвой и внѣшней обстановкой измѣнился и самъ человѣкъ. Онъ покрываетъ свое тѣло одеждою, и не только съ цѣлью защиты отъ враждебныхъ вліяній окружающей среды, но и въ виду другихъ людей, такъ какъ онъ замѣчаетъ, что онъ становится предметомъ ихъ наблюденія. Такъ зарождается сложное чувство половой стыдливости, является обычай, первыя начала нравственнаго обихода. Сенсуализмъ, эта могущественная

общественная сила, начинаетъ выполнять свою великую цивилизующую миссію, связывая и приковывая другъ къ другу людей, которыхъ прежде разтѣдняло равнодушіе и вражда. Половое влеченіе постоянно преобразуется въ чувство любви, которая и ведетъ къ созданію *семьи*—этой первой и до сихъ поръ лучшей формы общества. Семья, члены которой представляютъ по отношенію другъ къ другу чрезвычайно рѣзкія различія пола и возраста (мужъ, жена, дѣти), одушевлена тѣмъ не менѣе или, именно, поэтому, могущественнымъ духомъ единенія и гармоніи, и потому интимность психическихъ отношеній между ея членами достигаетъ своего апогея. Ни въ какомъ обществѣ мы не встрѣтимъ столь рѣзко выраженного психическаго взаимодѣйствія между индивидуумами, какъ въ семьѣ. Однако, было-бы чрезвычайно грустно, если-бы процессъ организаціи общества остановился на семьѣ, доведя человѣчество до патріархальнаго государственнаго устройства древнихъ семитическихъ народовъ. Люди не выходили-бы тогда изъ узкихъ предѣловъ семьи, не знали-бы взаимной солидарности внѣ кровнаго родства, не имѣли-бы никакихъ интересовъ, кромѣ отеческихъ и материнскихъ, и неспособны были-бы ни на что, какъ только быть отцами и матерями. Къ счастью, однако, цивилизація идетъ дальше и продолжетъ трудиться надъ организаціей общества. Она ослабляетъ узы кровнаго родства, чтобы потомъ сильнѣе ихъ скрѣпить (какъ мы увидимъ ниже) и прорубаетъ выходы въ семейныхъ изгородахъ съ цѣлью довести интимность отношеній и психическое взаимодѣйствіе въ средѣ обширной человѣческой ассоціаціи до той степени совершенства, которую мы замѣчаемъ въ семьѣ единичной.

## II.

Какіе-же пути ведутъ къ достиженію этихъ великихъ результатовъ? Весьма простые: расширеніе арены труда и сферы занятій индивидуумовъ. Вспомните, что замыкаетъ васъ въ узкій кругъ семьи, что дѣлаетъ изъ васъ домохозяина, того семейнаго аскета, въ образѣ стараго степного помѣщика, который, кромѣ жены, сытнаго обѣда и трубки ничего не знаетъ и ни о чемъ не помышляетъ? Недостатки общественной инициативы, вотъ что

гнететь и задерживаетъ организацію общества. Вамъ не на чѣмъ остановить своей дѣятельности, вы встрѣчаете кругомъ себя пустоту или непроходимую лѣсную чащу, — это и правда. Волею-неволею сосредоточиваете вы всѣ свои помыслы на семьѣ. Ваша привязанность не переходитъ ни на кого, кто стоитъ внѣ ея, и потому-то она, т. е. привязанность, сгущается до невѣроятной плотности и принимаетъ огромные размѣры. Находясь постоянно въ тѣсномъ кругу немногихъ лицъ, ограничивъ свое міровоззрѣніе только семейными интересами, вы до того ассоціируете свой психическій міръ съ жизнью членовъ вашей семьи, что начинаете считать ихъ до нѣкоторой степени своею собственностью, на которую, по вашему мнѣнію, не имѣютъ никакого права посторонніе и которую вы считаете лично вамъ принадлежащею вещью. Отсюда ревность и дикій произволъ въ отношеніи къ дѣтямъ. Вы такъ сживаетесь съ ними, съ вашими вещами, что начинаете цѣнить ихъ гораздо дороже, чѣмъ онѣ стоятъ.

Но если мы взглянемъ на Америку, намъ представится картина иного рода. Семейная жизнь имѣетъ тамъ, конечно, свои границы, но онѣ такъ слабо очерчены, что переходъ отъ семьи къ государству едва замѣтенъ. Домашній очагъ американца — это вовсе не тотъ монастырь, куда заключены такъ крѣпко члены европейской семьи; — нѣтъ, это скорѣе случайная стоянка, наскоро импровизованная для минутнаго отдыха послѣ бѣшеннаго: „впередъ!“. Семья американца тонетъ въ необъятномъ морѣ общественной дѣятельности. Мужъ цѣлый день проводитъ въ какой-нибудь конторѣ, жена занята обученіемъ дѣтей, сынъ въ школѣ. При этихъ условіяхъ не разовьется, конечно, та нѣжная и покровительственная любовь къ прекрасной половинѣ, которую мы находимъ у европейца. Привязанность американца къ семьѣ вовсе не исключительная, ибо при всемъ любвеобиліи американскаго сердца, въ немъ недостало-бы мѣста для такой привязанности, да еще для любви къ остальнымъ гражданамъ, къ своимъ идеямъ и стремленіямъ. А съ этой любовью онъ не можетъ разстаться: она для него такая-же органическая потребность, какъ и любовь къ женѣ. Но что еще болѣе ослабляетъ исключительный характеръ привязанности американца къ членамъ семьи — это то, что онъ освобождаетъ себя отъ излишней опеки надъ женою и дѣтьми, не тратитъ на нихъ всѣхъ своихъ умственныхъ и физиче-

скихъ силъ. И онъ имѣетъ на это полное право. Его жена занята самостоятельнымъ трудомъ, потому что есть запросъ на ея рабочую силу; его сынъ учится въ школѣ на счетъ государства, откуда онъ, вполне приготовленный, прямо вступаетъ въ общественную жизнь и становится на свои ноги опять-таки потому, что онъ встрѣчаетъ обширное поле свободной дѣятельности. И не смотря на это видимое разъединеніе американской семьи, мы утверждаемъ что эта семья прочтѣе европейской. Кровное родство между ея членами, безъ сомнѣнія, остается, но что всего важнѣе — это то, что къ любви, основанной на кровномъ родствѣ, примѣшивается любовь, основанная на общественной солидарности. Американецъ любитъ свою жену не только какъ жену, но и какъ гражданку, и въ результатъ является такая сильная и прочная любовь, которую мы никогда не найдемъ у самаго нѣжнаго европейскаго супруга. Даже къ дѣтямъ американецъ питаетъ совсѣмъ иную, болѣе сильную любовь, чѣмъ мы, ибо онъ видитъ въ нихъ будущихъ продолжателей дорогого для него общественнаго дѣла.

Замѣчаете-ли вы, читатель, различіе между семьей американской и европейской; замѣчаете-ли вы, что въ Америкѣ семья и государство не только не враждуютъ, но взаимно дополняютъ другъ друга. Семья—это индивидуумъ: пока она стоитъ одна, изолированная, она бессильна и развивается до нелѣпой крайности. Только въ ассоціаціи съ государствомъ и съ другими семьями крѣпнеть она и вырастаетъ въ здоровый организмъ. Слѣдовательно, внѣ семьи и для семьи должна находиться возможно широкая арена труда, которая могла-бы дать правильный исходъ психическимъ силамъ семьи и разумно распределить ихъ, по крайней мѣрѣ, на всѣхъ индивидуумовъ одного и того-же государства (мы не говоримъ — на все человѣчество). Условіе это положительно необходимо и никакая семья не должна имъ пренебрегать. Попробуйте уничтожить или съузить (въ количественномъ и качественномъ смыслѣ) размѣры общественной дѣятельности американца, привейте къ его уму мысль, что онъ живетъ только для своего личнаго и семейнаго благополучія, и вы увидите, что мало-по-малу солидарность между гражданами американской республики станетъ ослабѣвать, а съ нею ослабѣетъ и солидарность семейная. Это совершенно понятно и логично.



Какъ растетъ эта солидарность между гражданами? Путемъ взаимныхъ сношеній, обмена услугъ и идей. Люди начинаютъ чувствовать, что они нужны другъ другу, и ихъ союзъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе по мѣрѣ того, какъ растетъ ихъ дѣятельность. Но когда одинъ человѣкъ постоянно чувствуетъ нужду въ другомъ, онъ привыкаетъ думать, что необходимо встать къ этому другому въ разумныя, справедливыя и человѣческія отношенія, необходимо уважать личность, отъ которой ожидаешь услугъ, ея свободу и самостоятельность, а это уваженіе возможно лишь при томъ условіи, когда и ближній оплачиваетъ вамъ тѣмъ-же.

### III.

И такъ возникновеніе семьи само по себѣ не гарантируетъ правильной общественной организаціи. Судьба цивилизаціи еще подвержена многочисленнымъ случайностямъ, которыя легко могутъ разрѣшиться сильнымъ толчкомъ назадъ или даже навсегда погубить дѣло общественнаго прогресса. Мы уже сказали, что этой бѣдѣ можно лишь помочь созданіемъ внѣ семьи такого ассоціаціоннаго центра, вокругъ котораго группировались-бы отдѣльные члены семьи, знакомились-бы между собой, оказывали взаимную помощь другъ другу и, такимъ образомъ, вступали-бы въ возможно тѣсное психическое единеніе. Но когда мы предлагаемъ это единственно спасительное средство противъ общественнаго застоя, читатель справедливо можетъ замѣтить, что намъ легко можно было додуматься до этого вывода при современномъ развитіи мысли и знаній, но какимъ образомъ, спросить онъ, это могло придти на умъ полудикимъ варварамъ въ ту первобытную эпоху человѣческой культуры, когда только еще зародилась семья. И не только это не могло-бы придти въ голову умственно-безпомощной семьѣ, въ первый моментъ ея зарожденія, но были и другія побужденія, которыя могли отвлекать ее отъ участія въ организаціи общества или внѣ семейной ассоціаціи. „Эти побужденія лежатъ въ узко-эгоистической природѣ человѣка, которая постоянно направляетъ его къ удовлетворенію потребностямъ личнаго, изолированнаго и наиболѣе тѣснаго существованія. Первобытный варваръ по природѣ склоненъ отдать

предпочтеніе семьи предъ всякой иной ассоціаціей, потому-что первая тѣмъ полнѣе удовлетворитъ его животныя инстинкты, чѣмъ тѣснѣе онъ съ нею будетъ связанъ. Такимъ образомъ, общество, едва добравшееся до семьи, замерло-бы на этой фазѣ своего развитія, если-бы оно повиновалось естественнымъ стимуламъ своей природы. Къ счастью, однако, въ натурѣ человѣка есть другія, столь-же естественныя, но еще болѣе могучія побужденія, которыя увлекаютъ семью съ neodолимой силой и противъ воли ея грубаго эгоизма въ круговоротъ общественной жизни.

По мѣрѣ того, какъ люди размножаются и переходятъ изъ состоянія варварства къ общественности, между ними развиваются сношенія и взаимный обмѣнъ услугъ. Еще задолго до образованія семьи у нихъ были общіе экономическіе интересы и общія цѣли, между которыми борьба съ природой занимаетъ первое мѣсто. Эта борьба требовала необыкновенныхъ и въ высшей степени разнообразныхъ силъ и способностей, и она то, вѣроятно, служила первымъ поводомъ къ установленію сношеній между людьми. Человѣкъ не могъ одинъ побѣдить враждебныя ему стихіи, для этого требовалось слишкомъ много знаній, опытности и ума. Тогда онъ почувствовалъ потребность обратиться за помощью къ другому, а самъ дѣлалъ то немногое, что было по его умственнымъ и физическимъ силамъ. Это-то и повело къ *раздѣленію труда* и къ развитію между людьми исключительныхъ, специальныхъ способностей. вмѣстѣ съ этимъ усиливается обмѣнъ услугъ, для облегченія котораго нужно было проложить дороги и установить цѣлую систему матеріальныхъ и духовныхъ сношеній (усовершенствованіе языка, развитіе лигатуръ). Въ первое время раздѣленіе труда имѣетъ мѣсто преимущественно въ области экономической, однако, это долго не можетъ продолжаться, потому-что обмѣнъ экономическихъ услугъ и само раздѣленіе труда (въ этой области) должны происходить по извѣстному, разумному плану. Слѣдовательно, за обмѣномъ экономическимъ долженъ явиться и обмѣнъ интеллектуальный. Такимъ образомъ, раздѣленіе труда необходимо вторгается въ область мысли и духа.

Результаты раздѣленія труда общеизвѣстны. Каждая отдѣльная личность получаетъ свою особую фізіономію, пріобрѣтаетъ исключительныя физическія и умственныя качества, вырабаты-

еть себѣ опредѣленныя идеи, привычки и характеръ. Она обособляется отъ остальныхъ людей ей одной свойственными качествами, и ея индивидуализмъ обнаруживается въ полной силѣ, такъ что Линднеръ называетъ это обособленіе процессомъ *индивидуации*. При первомъ взглядѣ казалось-бы, что существованіе общества, какъ ассоціаціи, едва-ли мыслимо при такомъ несходствѣ его членовъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ нихъ представляетъ совершенный контрастъ по отношенію къ другому, личное я такого субъекта такъ односторонне и типично, что оно, повидимому, не имѣетъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ другимъ я, діаметрально ему противоположнымъ. Но такой выводъ былъ-бы, однако, слишкомъ поспѣшенъ. При внимательномъ изслѣдованіи оказывается, что, наоборотъ, при такихъ-то именно условіяхъ пртивоположности и различія между субъектами, они имѣютъ наиболѣе общихъ точекъ соприкосновенія. Чтобы сразу помирить читателя съ этимъ противорѣчіемъ, мы замѣтимъ, что *эта односторонность въ развитіи одного субъекта никогда не достигала-бы большихъ размѣровъ, если-бы она не возмѣщалась односторонностью другого*. Только потому, что спеціализація способностей распространяется на всѣхъ и каждого, она какъ-будто нейтрализуется или даже исчезаетъ, и вотъ почему: каждый человѣкъ, какъ мы уже замѣтили, нуждается въ другомъ только потому, что чувствуетъ недостатокъ въ томъ, что видитъ у другого; а видитъ онъ контрастъ и односторонность, потому что качества, сходныя съ его качествами, ему не нужны и не интересны для него, такъ какъ онъ самъ обладаетъ ими. Слѣдовательно, именно этотъ контрастъ и противоположность притягиваютъ къ себѣ другого субъекта, и чѣмъ сильнѣе этотъ контрастъ, тѣмъ сильнѣе и притяженіе. Намъ нужна ваша односторонность, а вамъ моя, и мы становимся другъ другу необходимы. Такимъ образомъ, *индивидуация* идетъ параллельно съ процессомъ *комбинаціи*, оба процесса начинаются вмѣстѣ и неизмѣнно сопровождаютъ другъ друга.

Сліявіе контрастовъ—явленіе слишкомъ простое и понятное, чтобы оно требовало пространныхъ объясненій. Въ исторіи и въ обыденной жизни оно встрѣчается на каждомъ шагѣ. Часто, если только не всегда, браки заключаются на основаніи контрастовъ. Флегматикъ избираетъ себѣ подругу энергическаго, рѣшительнаго

характера, умный глупую или наоборот (ибо и глупость у своего мѣста полезна), иногда-же контрастъ супруговъ выражается въ ихъ внѣшнемъ видѣ и наружности (впрочемъ, внѣшность почти всегда отвѣчаетъ внутреннимъ качествамъ въ силу основныхъ принциповъ морфологій), такъ что спутникомъ жизни какогонибудь трехъ-аршиннаго генадера является совершенная карлица, брюнетъ питаетъ страсть къ блондинкѣ, и тѣмъ болѣе, наоборотъ. Наконецъ, семья представляетъ самый лучшій примѣръ контраста, о чемъ мы вскользь замѣтили выше. Въ самомъ дѣлѣ, члены одной семьи представляютъ высшую степень несходства, особенно, если она состоитъ изъ отца, матери и сына. Здѣсь встрѣчается контрастъ половъ, возраста и общественнаго положенія, но, какъ извѣстно, такой семейный союзъ представляетъ собою самую трогательную и умильную гармонію. Съ другой стороны, если обратить вниманіе на взаимныя отношенія между двумя сходными характерами, то мы замѣтимъ не притяженіе, но отталкиваніе, вражду или полный индифферентизмъ. Въ обществѣ, такое сходство ведетъ также и къ конкуренціи, къ стремленію опередить другъ друга, чего при несходствѣ не бываетъ. Зависть и вражда Англій къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ отчасти объясняется общностью ихъ племеннаго родства и сходствомъ политическихъ и общественныхъ учреждений. Американскій экономистъ Кэри, какъ извѣстно, построилъ свою социальную-экономическую теорію на союзѣ контрастовъ, на взаимодействіи принциповъ индивидуаціи и комбинаціи. Въ одномъ мѣстѣ онъ выражается въ слѣдующей категорической формѣ: „Каждый человѣкъ, говоритъ онъ, стремится вступить въ ассоціаціи съ своимъ ближнимъ. Ассоціація-же ищетъ себѣ пищу въ разнообразіи занятій и въ развитіи индивидуализма. Индивидуализмъ чловѣка, равно какъ и націй, развивается съ разширеніемъ сношеній. Ассоціація приводитъ въ дѣйствіе всѣ противоположныя, духовныя и физическія, силы субъектовъ, изъ которыхъ состоитъ общество, и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ усиліемъ индивидуаціи растетъ и сила комбинаціи“.

## IV.

Итакъ съ того момента, когда человѣческое общество специализируется на отдѣльныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый, преслѣдуя особыя цѣли, идетъ своей дорогой, начинается процессъ общественнаго притяженія. Каждый ищетъ другого и стремится найти въ немъ дополненіе своей личности. Но чѣмъ глубже идетъ это стремленіе, тѣмъ шире поле для наклонности къ индивидуациі. Такимъ образомъ, оба принципа притяженія и отталкиванія тѣсно переплетаются между собой и какъ-бы толкаютъ другъ друга впередъ. Чѣмъ больше разчленяется общество на своеобразныхъ, одаренныхъ различными способностями дѣятелей, другими словами, чѣмъ сильнѣе вліяетъ индивидуациа, тѣмъ полнѣе и комбинаціа этихъ односторонне-развитыхъ видовъ, тѣмъ сильнѣе становится стремленіе къ ассоціаці. Вотъ это и спасаетъ человѣческое общество отъ застоя цивилизаціи и исключительнаго господства семьи.

Лишь только возникаетъ извѣстное число семей, онѣ остаются, по крайней мѣрѣ, въ началѣ цивилизаціи, въ кровномъ родствѣ съ патриархомъ. Однако, по мѣрѣ того, какъ раздвигаются предѣлы общества съ увеличеніемъ народонаселенія, узлы кровнаго родства начинаютъ ослабѣвать, онѣ парализуются силою другого *принципа соединенія* — индивидуацией. При достаточномъ числѣ членовъ общества начинается раздѣленіе труда и специализаціа занятій, которая имѣетъ мѣсто не только въ фабричномъ, но и въ земледѣльческомъ производствѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, она слабѣе, потому-что земледѣліе по самой природѣ своей не можетъ разчлениваться на столько отраслей, какъ фабричная и мануфактурная промышленность. Поэтому-то сельское населеніе еще и до сихъ поръ стоитъ на низшей степени общественнаго развитія, чѣмъ городское. Въ то время, какъ въ городахъ возникаетъ множество ассоціацій, кооперативныхъ обществъ и товариществъ, въ деревняхъ принципъ комбинаціи едва лишь входитъ въ силу.

Но во всякомъ случаѣ раздѣленіе труда имѣетъ мѣсто и въ средѣ сельскаго населенія, такъ какъ оно скоро убѣждается, что съ ~~распределеніемъ~~ занятій между различными личностями

ми сопряжены громадныя выгоды. Одинъ—рыбакъ, другой—охотникъ,—третій обрабатываетъ сырой матеріалъ, какъ, напр., плотникъ или каменщикъ. Являются люди, которые переносятъ продукты потребления съ того мѣста, гдѣ они въ изобиліи, туда, гдѣ въ нихъ чувствуется недостатокъ; это—торговцы. И такъ какъ охотникъ нуждается въ рыбацѣ также, какъ рыбакъ въ охотникѣ, и оба съ своей стороны не могутъ обойтись безъ ремесленниковъ и торговцевъ, такъ какъ, словомъ, человѣкъ вслѣдствіе разнообразія своихъ потребностей всегда обращаетъ свои взоры на остальныхъ людей, на общество, то между индивидами очень скоро возникаютъ, благодаря общѣму услугъ, дѣятельныя сношенія, которыя не зависятъ отъ кровнаго родства, но подчиняются принципу индивидуациі.

Въ той мѣрѣ, какъ возрастаютъ сношенія, совершенствуются и матеріальныя, а также и духовныя пути общѣна, дороги, языкъ и литература. Изъ отдѣльныхъ, разсѣянныхъ обиталищъ образуются тѣсно-сдоченныя мѣстности, которыя соединяются дорогами и улицами. Языкъ, въ началѣ бѣдный и простой, обогащается новыми словами и названіями для различныхъ изобрѣтеній и вновь возникшихъ духовныхъ понятій. Люди, говорящіе однимъ языкомъ, соединяются еще тѣснѣе и отдѣляются отъ тѣхъ, которые говорятъ на языкѣ иномъ. Такимъ образомъ, кровное родство уступаетъ мѣсто *національности*, вліяніе которой такъ могущественно, что даже и въ настоящее время, при сравнительно гигантскомъ уровнѣ прогресса, она играетъ весьма важную роль въ дѣлѣ организаціи государства.

Спеціализація профессій влечетъ за собой постоянно возрастающее обособленіе духовной природы индивидуума, потому что всякое продолжительное занятіе оставляетъ неизгладимыя слѣды на характерѣ человѣка. Вслѣдствіе этого въ обществѣ являются новыя стимулы къ дѣятельности, новыя интересы въ жизни, новыя отношенія. Слабый ищетъ сильнаго, человѣкъ, томимый грустью, разсѣиваетъ ее въ сообществѣ съ веселымъ, флегматикъ увлекается живымъ темпераментомъ холерика. Все это, говоря вообще, поднимаетъ уровень общественной интеллигенціи. Въ первобытномъ состояніи всѣ люди относились къ природѣ съ одинаковыми стремленіями и цѣлями и смотрѣли на нее съ одинаковыхъ точекъ зрѣнія. Но теперь, когда каждый выработалъ

свою точку, результаты его наблюдений своеобразиѣе, глубже и полезнѣе. Рыбакъ, живущій въ сосѣдствѣ водъ, замѣчаетъ много се. что прежде ускользало отъ взоровъ, такъ какъ они были обращены на всю природу, и тотчасъ-же его одностороннія наблюдёнія переходятъ изъ устъ въ уста и становятся достояніемъ всего общества. Такимъ-то образомъ, люди исторгаютъ у природы ея тайны и открываютъ новыя истины, которыя переходятъ затѣмъ въ сознание народа и служатъ стимулами для дальнѣйшаго прогресса.

Этими краткими замѣчаніями мы хотѣли познакомить читателя съ главными моментами процесса общественной организаціи. Въ слѣдующей статьѣ мы уже можемъ говорить о духовныхъ отношеніяхъ общества, какъ цѣльнаго существа, и обратимъ исключительное вниманіе на явленія психическаго взаимодействія въ средѣ индивидуумовъ, входящихъ въ составъ одной и той-же государственной ассоціаціи.

**В. Онгирскій.**

## ХРОНИКА ЖЕНСКАГО ДѢЛА <sup>1)</sup>.

Въ предыдущей хроникѣ („Дѣло“ 1871 г., XI) мы уже указывали на Англiю, какъ на страну, которая идетъ во главѣ европейскаго движенiя по женскому вопросу. Дѣйствительно, послѣ Америки нигдѣ женскiй вопросъ не имѣеть столько шансовъ на скорѣйшее и благопрiятное разрѣшенiе, какъ въ Англии. Какъ въ пользу расширенiя общественной дѣятельности, такъ и въ пользу политической равноправности половъ движенiе усиливается со дня на день во всѣхъ Соединенныхъ королевствахъ, и результаты прошлогодней поголовной переписи дали этой агитацiи новый сильный аргументъ въ пользу ея требованiй. Оказалось, что женское народонаселенiе Англии и Валлиса болѣе и болѣе превышаетъ своею численностью мужское народонаселенiе. Въ 1851 г., при населенiи въ 17,927,609 человекъ, женщинъ было болѣе мужчинъ на 365,159 душъ; въ 1871 г. все народонаселенiе составляло 22,704,108 ч., т. е. увеличилось въ двадцать лѣтъ на 27 %, между тѣмъ какъ перевѣсъ женскаго народонаселенiя надъ мужскимъ увеличился на 70 %, — женщинъ оказалось больше, чѣмъ мужчинъ на 623,302. Если это увеличенiе пойдетъ и впередъ въ такой-же прогрессiи, то черезъ сорокъ лѣтъ въ Англии будетъ больше 2,000,000 незамужнихъ женщинъ, поставленныхъ внѣ семейной жизни. Что тогда будутъ говорить противники эманципаци, отвергающiе равноправность на томъ основанiи, что жен-

---

<sup>1)</sup> Женскiе журналы: 1) „The Revolution“, ed. by Clarke, New York; 2) „Women's Suffrage Journal“, ed. by Lydia Becker, Manchester; 3) „Neue Bahnen“, von Louise Otto, Leipzig; 4) „Allgemeine Frauenzeitung“, herausg. von Korn, Wien; 5) „L'Avenir des Femmes“, red. par L. Richer, Paris; 6) „Woman“, a weekly journal, ed. by Amelia Lewis, London.



щина предназначена только для семейной жизни и что покровительство мужчины дѣлаетъ излишними для нея тѣ права выбора и представительства, въ которыхъ каждый гражданинъ имѣетъ гарантію своей жизни, свободы и собственности? Да и въ настоящее время эти 623,000 женщинъ, неимѣющихъ мужей, развѣ не имѣютъ права на упомянутую гарантію, развѣ ихъ политическая неправопоспособность не является несправедливостью, если даже согласиться съ доводами тѣхъ, которые утверждаютъ, что замужняя женщина не нуждается въ политическихъ правахъ и не можетъ участвовать въ политической дѣятельности, не нанося тѣмъ ущерба интересамъ своего семейства.

Незамужнія женщины и вдовы, удовлетворяющія требованіямъ избирательнаго ценза, уже пользуются правомъ муниципальныхъ выборовъ. Въ 1871 г. на этихъ выборахъ участвовало 123,432 избирателя, изъ которыхъ было 14,943 женщины. Кромя того, женщины въ качествѣ избирателей и избираемыхъ, участвуютъ въ выборахъ членовъ училищныхъ комитетовъ (School Board). Но участіе въ городскомъ самоуправленіи не только не удовлетворяетъ англичанокъ, но еще болѣе поджигаетъ ихъ добиваться расширенія признаннаго уже за ними въ принципѣ права. Политическая неправопоспособность женщины постоянно подвергаетъ ихъ произволу и несправедливостямъ, которыя, впрочемъ, имѣютъ тотъ результатъ, что усиливаютъ энергію сторонниковъ равноправности половъ. Недавно Гладстону была представлена покрытая множествомъ подписей петиція вдовъ и незамужнихъ женщинъ города Бридж-ватера, которыя вынуждены платить довольно значительный налогъ на издержки слѣдственной комиссіи, учрежденной для раскрытія подкуповъ и другихъ злоупотребленій, бывшихъ въ этомъ городѣ при парламентскихъ выборахъ. Женщины не принимали въ нихъ никакого участія, онѣ ни въ чемъ не виновны, а между тѣмъ платятъ значительный налогъ, имѣющій характеръ штрафа за злоупотребленіе тѣмъ правомъ, которымъ онѣ не пользуются! Въ отвѣтъ на петицію, Гладстонъ выразилъ свое сожалѣніе, что онъ ничего не можетъ сдѣлать для просительницъ. Дѣйствительно, несправедливость въ данномъ случаѣ заключается не во взиманіи налога, который женщины обязаны платить наравнѣ съ собственниками-мужчинами, а въ томъ, что эти плательщицы ли-

шенны политическихъ правъ, принадлежащихъ по конституціи всѣмъ гражданамъ, платящимъ извѣстную сумму налоговъ.

Агитація въ пользу билля равноправности въ 1871 г. значительно усилилась, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Въ 1870 г. въ парламентъ было подано 42 петиціи, а въ 1871 г. 75 петицій; подписей на нихъ было въ 1870 г. 134,561, а въ 1871 г. — 186,976; митинговъ по этому вопросу было въ 1870 году 42, а въ прошломъ году 126, мѣстныхъ комитетовъ, дѣйствовавшихъ въ связи съ національнымъ обществомъ женской равноправности, было въ 1870 г. 16, а въ 1871 г.—48 и т. д. Въ настоящее время организація движенія вполне закончена тѣмъ, что почти всѣ мѣстные комитеты поставлены въ связи съ лондонскимъ центральнымъ комитетомъ. Мѣстные комитеты обязаны собирать подписи къ петиціямъ, которыя ежегодно вносятся въ парламентъ, устраивать публичныя лекціи и митинги, привлекать на свою сторону мѣстныхъ членовъ парламента и т. д. Главнымъ предметомъ дѣятельности комитетовъ въ первые мѣсяцы 1872 г. былъ сборъ подписей къ петиціи, имѣющей быть внесенною въ палату общинъ въ настоящую сессию. Въ январѣ и февралѣ по этому поводу собирались большіе митинги въ тридцати двухъ городахъ Соединенныхъ королевствъ. Изъ рѣчей и отчетовъ, читанныхъ на общемъ митингѣ центральнаго комитета 17 января и эдимбургскомъ митингѣ 22 января, оказывается, что женскій вопросъ дѣлаетъ болѣе и болѣе успѣховъ не только въ публикѣ, но и въ парламентѣ и въ кабинетѣ министровъ. „Я смотрю на будущее съ полною надеждой, говорилъ на лондонскомъ митингѣ мистеръ Починъ.— Не далѣе, какъ весною 1868 г. миссъ Беккеръ собрала въ Манчестерѣ первый митингъ для обсужденія этого вопроса. Въ качествѣ мэра я былъ предсѣдателемъ, и помню, что вмѣсто того, чтобы возбудить серьезное вниманіе къ нашему дѣлу, мы подвергались насмѣшкамъ. Но вопросъ перешелъ уже черезъ эту фазу, и мы можемъ прозрѣвать впереди успѣхъ. Вспомнимъ, съ какимъ успѣхомъ шли агитаціи, имѣвшія цѣлью хотя какое-нибудь измѣненіе въ законахъ. Сколько лѣтъ агитировали въ пользу отмены хлѣбныхъ законовъ прежде, чѣмъ пионеры свободной торговли не порѣшили съ ними окончательно! Какъ долго хлопотали о парламентской реформѣ! И по всей вѣроят-

ности, никогда, ни одна агитація не имѣла такихъ успѣховъ и въ-  
 столь короткое время, какъ агитація въ пользу дарованія жен-  
 щинамъ политическихъ правъ. Большое затрудненіе, повидимому,  
 представляется оппозиціей. Но гдѣ можетъ возникнуть такая  
 оппозиція, которая можетъ сдѣлаться серьезнымъ препятствіемъ  
 на нашемъ пути? Со стороны оппозиціонной партіи въ палатѣ  
 вовсе нѣтъ сильнаго сопротивленія, со стороны правительствен-  
 ной партіи въ палатѣ нѣтъ никакого рѣшительнаго противодѣй-  
 ствія, да и въ самомъ правительствѣ мы не найдемъ ни одного  
 непреклоннаго оппонента. Если-же обратимъ свои взоры на об-  
 щество, то увидимъ, что наше дѣло совершило замѣчательные  
 успѣхи между образованными людьми обоихъ половъ, — столь  
 замѣчательные успѣхи, что, по всей вѣроятности, нашему комитету  
 уже не долго остается работать“.

На одномъ митингѣ, бывшемъ въ Лондонѣ въ концѣ прошлаго  
 года, Джонъ Стюартъ Милль отвѣчалъ на одно изъ самыхъ  
 серьезныхъ возраженій, представляемыхъ въ Англии против-  
 никами женской равноправности. „Многіе либеральные и про-  
 свѣщенные люди, говорилъ Милль, — согласны были-бы оказать  
 женщинамъ справедливость, еслибы только не боялись, что не-  
 посредственнымъ результатомъ дарованія имъ избирательныхъ  
 правъ будетъ усиленіе клерикальнаго вліянія“. Милль допускаетъ,  
 что это возможно. „Но, говоритъ онъ, — сильное вліяніе, какое въ  
 настоящее время имѣетъ духовенство на умы женщинъ, зависитъ  
 единственно отъ того обстоятельства, что послѣднія остаются  
 внѣ другихъ вліяній, которыя, стимулируютъ мышленіе мужчинъ  
 и формируютъ ихъ мнѣнія... Духовенство было до сихъ поръ  
 единственнымъ классомъ, который хоть сколько-нибудь старался  
 культивировать умъ женщинъ, который обращался къ нимъ, какъ  
 къ существамъ самостоятельнымъ нравственно, какъ къ существамъ,  
 душа и совѣсть которыхъ принадлежать имъ самимъ. Священ-  
 ники единственные люди, которые признаютъ, что мысли и чув-  
 ствованія женщинъ могутъ дѣйствовать и внѣ домашней сферы.  
 Оказывая такое уваженіе къ женщинамъ, они тѣмъ самымъ при-  
 обрѣтаютъ громадное вліяніе на нихъ и будутъ имѣть его до  
 тѣхъ поръ, пока люди другого рода не воспользуются тѣми-же  
 самыми средствами вліянія, какими пользуются они. Если-бы  
 отцы, братья, мужья этихъ женщинъ заботились такъ-же объ

ихъ умственномъ развитіи; если-бы они возбуждали въ нихъ интересъ къ вопросамъ, которые занимаютъ ихъ, отцевъ, мужей и братьевъ, какъ это дѣлаетъ духовенство относительно предметовъ, которыми интересуется оно само; если-бы они внушали имъ, давъ избирательное право, что выработка рациональныхъ мнѣній о вопросахъ общественныхъ служить для нихъ такимъ-же правомъ и такою-же обязанностью, какъ и для мужчинъ, то женщины скоро сдѣлались-бы болѣе компетентными и лучшими судьями этихъ вопросовъ, чѣмъ клерикалы, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ вовсе избавились-бы отъ опасности всецѣлаго подчиненія своей мысли авторитету своихъ клерикальныхъ наставниковъ. Все, что есть чрезмѣрнаго и предосудительнаго во вліяніи поповъ на женщинъ, должно уменьшаться въ прямой пропорціи къ размѣрамъ участія послѣднихъ въ общественныхъ дѣлахъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы считать клерикальное вліяніе препятствіемъ къ дарованію женщинамъ избирательныхъ правъ, я считаю послѣднія самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для освобожденія ихъ изъ подъ слишкомъ ужъ исключительнаго вліянія пасторовъ. Но даже въ такомъ случаѣ, если-бы эта опасность была гораздо больше, чѣмъ она есть въ дѣйствительности, то и тогда было-бы дѣломъ недостойнымъ, ради подобныхъ опасеній, отказывать цѣлой половинѣ рода человѣческаго въ средствахъ, необходимыхъ для защиты своей личности, въ средствахъ, столь высоко цѣнимыхъ другою половиною. Всѣ люди подвержены опасности заблужденія, и тотъ, кто вздумалъ-бы отказывать въ избирательномъ правѣ другимъ, опасаясь ихъ ошибокъ и заблужденій, нашелъ-бы достаточныя основанія, чтобы лишить этого права всѣхъ, кромѣ самого себя!..“

Размѣры того участія, какое принимаютъ англичанки въ умственной жизни своей страны, постепенно расширяются. *Два третьи книгъ, вышедшихъ въ Англій въ первые два мѣсяца 1872 г., написаны женщинами* (Neue Bahnen, № 3, 5, 19)! На прошлогоднемъ конгрессѣ социальныхъ наукъ принимали самое дѣятельное участіе г-жи Карпентеръ, Грей, Герней, Девистъ и Тукъ. Доктора медицины, мистриссъ Андерсонъ и миссъ Морганъ, учредили недавно въ Лондонѣ лечебницу для бѣдныхъ женщинъ, и въ короткое время успѣли подать пособіе 40,000 бѣдныхъ больныхъ. Эдмундъ ургскій университетъ, въ которомъ за-

нлтія студентокъ были на время прерваны, снова открылся для женщинъ. Женская коллегія, основанная недавно въ Гичинѣ, вскорѣ будетъ перенесена въ ближайшее мѣсто къ кэмбриджскому университету, чтобы дать возможность ея ученицамъ пользоваться университетскими лекціями; есть надежда, что она даже совсѣмъ будетъ присоединена къ Кэмбриджу.

Въ Парижѣ, въ концѣ прошлаго года, возобновился прекратившійся по случаю войны органъ женской партіи „L'Avenir des Femmes“. Редакція этого журнала составила обширную петицію въ Національное собраніе французской республики объ отмѣнѣ или передѣлѣ всѣхъ статей гражданскаго кодекса, поддерживающихъ до сихъ поръ въ самой странной формѣ гражданское неравенство половъ. Петиція эта, покрытая множествомъ подписей, представлена въ собраніе 20 января сенскимъ депутатомъ, извѣстнымъ писателемъ Лабуле. Петиція эта особенно интересна въ томъ отношеніи, что въ ней собраны всѣ гражданскіе законы, благодаря которымъ французенка до сихъ поръ носитъ на себѣ клеймо древней отверженности, и мужчина, достаточно безнравственный для того, чтобы пользоваться этими законами, имѣетъ полную возможность третировать свою подругу, какъ рабу. Читатель, вѣроятно, не безъ интереса пробѣжитъ слѣдующія выдержки изъ упомянутой петиціи, слишкомъ обширной для того, чтобы передавать ее здѣсь вполнѣ:

„Господа депутаты! Со времени введенія наполеоновскаго кодекса совершились великія общественныя перемѣны. Идеи свободы и равенства глубоко проникли въ массу подъ вліяніемъ всеобщей подачи голосовъ. Отсюда произошли важныя измѣненія въ понятіяхъ и чувствахъ. Гражданское право во многихъ отношеніяхъ, и въ особенности касательно женщинъ, отстало отъ этого совершившагося прогресса. Основы семьи не находятся въ соотвѣтствіи съ основами демократическаго общества. Между тѣмъ одна только гармонія частныхъ чувствованій съ политическими принципами обезпечиваетъ безопасность государствъ. Въ видахъ удовлетворенія этихъ новыхъ нуждъ, мы просимъ васъ, господа, принять на себя въ средѣ Національнаго собранія инициативу проекта законовъ, имѣющихъ измѣненіе или отмѣну статей... (перечисляется 32 статьи гражданскаго кодекса.)

„Кромѣ того мы просимъ возстановить расторгненіе брака на совершенно равныхъ условіяхъ для обоихъ половъ“.

Петиція предлагаетъ измѣнить 37-ю статью, которая устраняетъ женщинъ отъ свидѣтельства по дѣламъ гражданскимъ.

Петиція требуетъ вполнѣ уравнивать легальные отношенія отца и матери къ ихъ дѣтямъ.

Статью 213-ю („мужъ обязанъ *покровительствовать* женѣ, а жена *повиноваться* своему мужу“) измѣнить такъ: „мужъ и жена обязаны оказывать другъ другу снисходительность и уступчивость“.

Статью 214-ю, которая обязываетъ жену „жить вмѣстѣ съ мужемъ и слѣдовать за нимъ всюду, гдѣ онъ заблагоразсудитъ житьствовать“, а мужа—содержать жену, измѣнить такъ: „жилище и предметы необходимыя для поддержанія жизни составляютъ общую собственность супруговъ. Ни тотъ, ни другой изъ нихъ не могутъ быть принуждаемы силой къ сожителству. Тотъ изъ супруговъ, который откажется отъ сожителства, несмотря на это, сохраняетъ право на принадлежащее ему имущество. Супругъ, которому будетъ отказано въ сожителствѣ, имѣетъ право требовать развода“.

Отмѣнить статьи 215—225-ю, по которымъ „жена не можетъ явиться въ судъ безъ формальнаго дозволенія мужа, исключая случаевъ уголовного и полицейскаго преслѣдованія; безъ письменнаго согласія мужа жена не можетъ ни продавать, ни дарить, ни другимъ какимъ-бы то ни было образомъ отчуждать даже свое отдѣльное имущество; въ извѣстныхъ случаяхъ, впрочемъ, согласіе мужа можетъ быть замѣнено дозволеніемъ судьи“. Сущность измѣненій, проектированныхъ петиціей, заключается въ томъ, что если супруги условились имѣть общее имущество, то они владѣютъ и распоряжаются имъ по взаимному согласію; одинъ изъ нихъ управляетъ общимъ имуществомъ.

Отмѣнить статью 340-ю, запрещающую „отысканіе отцовства“ незаконнорожденными дѣтьми. По проекту петиціи, „отысканіе отцовства дозволяется. Оно можетъ быть начато по просьбѣ матери, или совершеннолѣтнихъ дѣтей, или ихъ опекуновъ, или-же по инициативѣ прокурора или судьи. Если будетъ доказано, что извѣстный мужчина --отецъ ребенка, то онъ обязанъ помогать ма-

тери послѣдняго въ добываніи средствъ жизни, въ содержаніи и воспитаніи ребенка.

Статью 373-ю (одинъ отецъ въ продолженіи брака пользуется властью надъ дѣтьми) измѣнить такъ: „отецъ и мать пользуются властью по взаимному своему согласію“.

Измѣнить ст. 442-ю, устранивающую отъ опекуинства женщинъ, кромѣ матери.

Вмѣсто отмѣненныхъ вышеупомянутыхъ 215 — 225 статей, ввести статью 1,449-ю, измѣненную такимъ образомъ: „женщина, имѣющая, въ силу брачнаго договора, отдѣльное имущество, владѣетъ и распоряжается имъ безусловно“.

„Отмѣнить всѣ статьи наполеоновскаго кодекса, противорѣчащія предложеннымъ здѣсь измѣненіямъ“.

Въ свое время мы сообщимъ читателямъ, какой ходъ будетъ данъ этой петиціи въ Національномъ собраніи.

Законы, объ отмѣнѣ которыхъ ходатайствуютъ петиціонеры, составляютъ одно изъ самыхъ существенныхъ золь французской жизни; они смотрятъ на женщину, не какъ на подругу мужа, а какъ на рабу, и унижаютъ ее до того, что подчиняютъ каждый шагъ ея ревнивому надзору ея владыки. Замужняя французка, напримѣръ, не имѣетъ права получать никакихъ писемъ безъ вѣдома мужа! Но эти законы все-таки менѣе вредно отзываются на положеніи женщины, чѣмъ пагубное вѣковое вліяніе католическаго духовенства и скудость средствъ для рациональнаго женскаго образованія. Хотя еще при Наполеонѣ III бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Дюрюи, значительно ограничилъ власть духовенства надъ женскими школами, но поны до сихъ поръ имѣютъ и, вѣроятно, долго еще будутъ имѣть громадное вліяніе какъ на умы женщинъ, такъ и на воспитаніе дѣтей. Они не только губятъ нравственно молодое поколѣніе, но и развращаютъ его въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова. Въ послѣдніе годы было уже много случаевъ судебнаго преслѣдованія, въ которыхъ смиренныя пастеры играли самую неблагоприятную роль... Въ Германіи, Англіи и Америкѣ женщина изъ самыхъ низшихъ слоевъ народонаселенія получаетъ болѣе широкое элементарное образованіе, чѣмъ французка средняго класса. Въ высшемъ обществѣ образованіе самое поверхностное; дѣвочки достаточно заучить нѣсколько именъ королей изъ исторіи, нѣсколько названій растений изъ ботаники и т. д., чтобы считаться образованной

барышней, которая и безъ всякой научной подготовки служитъ выполнить свое предназначеніе и поймаетъ жениха. Въ провинціяхъ до сихъ поръ образованіе дѣвочекъ поручается патерамъ. Дѣвушка не учится у нихъ ничему путному, но за то превосходно знаетъ о правахъ святѣйшаго отца, о тѣхъ гоненіяхъ, которымъ подвергается въ настоящее время св. католическая церковь и т. д., и конечнымъ результатомъ такого воспитанія является то, что женщина дѣлается послушнѣйшей прозелиткой, а нерѣдко и любовницей своего духовника. Дюрюи въ 1867 и 1868 годахъ организовалъ среднее женское образованіе во Франціи, и съ тѣхъ поръ главныя заботы друзей эманципации устремлены на его поддержку и распространеніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ эманципаціонная партія возобновила послѣ войны агитацію въ пользу политической равноправности половъ. Съ этою цѣлью недавно сформирована „Ассоціація для постепеннаго освобожденія женщины“, которая, впрочемъ, кромѣ литературной пропаганды, еще ничѣмъ не успѣла заявить себя. Современное политическое движеніе во Франціи, находящейся въ тревожномъ переходномъ состояніи, въ высшей степени неблагоприятно для женскаго дѣла, хотя всѣ передовые люди сознаютъ, что для просвѣщенія массъ и для нравственнаго возрожденія націи необходимо какъ можно скорѣе поднять уровень умственнаго развитія женщины и даровать ей свободу отъ старой крѣпостной зависимости.

Въ то время какъ французскія женщины собираютъ и жертвуютъ десятки миліоновъ франковъ на уплату военной контрибуціи съ цѣлью скорѣйшаго очищенія страны отъ нѣмецкихъ войскъ, нѣмки наслаждаются плодами побѣдъ, одержанныхъ ихъ отцами, мужьями и братьями. Онѣ упиваются патриотическими восторгами и нѣжатся среди роскошной обстановки, добытой посредствомъ обобраянія Франціи. Въ „Revue des Deux Mondes“ (1872, livr. 4-е) есть не дурная и очень близкая къ дѣйствительности сатира—„Переписка Германа и Доротеи“. Вотъ что пишутъ, напр., чувствительная нѣмочка своему возлюбленному: „Милый Германъ! Лизанька хотѣла-бы получить какой-нибудь подарокъ изъ Франціи; прошу тебя не забывать объ этомъ. Я ничего не прошу для себя, мнѣ достаточно твоей любви. Однакожъ, всѣ мои подруги завалены подарками своихъ мужей или жениховъ. Дочь профессора Штримма получила отъ своего бра-



та Рудольфа полное приданое и превосходныя платья, которыя подстать любой принцессѣ; хотя все это узко для ея талии, но тѣмъ не менѣе она въ восторгѣ. Каждый членъ этого счастливаго семейства имѣеть уже значительную долю добычи: профессоръ Штриммъ фортепіано, мать — постельный приборъ, младшая дочь — галантерейныя вещицы“. И въ то время, какъ Германія прокучиваетъ свою добычу и готовится къ новымъ набѣгамъ, ея владычица, Пруссія, почти нисколько не заботится объ умственномъ развитіи существъ „текущихъ миръ“, какъ называютъ нѣмцы своихъ подругъ. Въ старинныхъ провинціяхъ прусскаго королевства въ 1871 году было:

	Мужск. казен. гимназій.	Женск. казен. школъ.
Въ провинціи Пруссіи . . . . .	15	ни одной
„ Бранденбургъ . . . . .	9	3
„ Помераніи . . . . .	2	ни одной.
„ Силезіи . . . . .	16	ни одной.
„ Познани . . . . .	9	1
„ Саксоніи . . . . .	11	ни одной.
„ Вестфалии . . . . .	8	1
Рейнской провинціи . . . . .	24	ни одной
	<hr/> 94	<hr/> 5

Городскихъ женскихъ школъ также очень мало, въ Берлинѣ всего 4, кромѣ 33 частныхъ заведеній.

Женскихъ учительскихъ семинарій также очень мало сравнительно съ мужскими:

	Мужскихъ.	Женскихъ.
Въ Пруссіи . . . . .	10	ни одной.
„ Бранденбургъ . . . . .	7	1
„ Помераніи . . . . .	8	ни одной.
„ Силезіи . . . . .	10	ни одной.
„ Познани . . . . .	5	1
„ Саксоніи . . . . .	8	1
„ Вестфалии . . . . .	5	2 катол.
„ Рейнской провинціи . . . . .	6	ни одной.
	<hr/> 59	<hr/> 5

Въ женскихъ школахъ уровень образованія очень низокъ,

вслѣдствіе скудости финансовыхъ средствъ, небольшого жалованья учителямъ, подборъ которыхъ, вслѣдствіе этого, довольно жалокъ, а главнымъ образомъ потому, что солдатское царство юнкеровъ считаетъ образованіе женщинъ предметомъ, нестоящимъ никакого вниманія (См. „Die Lösung der Socialen Frage durch die Frau. Von Julia Engell-Günther“, Berlin, 1872. § 156—161. Книжка, впрочемъ, плохая, за исключеніемъ двухъ-трехъ страницъ, изъ которыхъ мы заимствовали вышеприведенныя данныя).

Вообще, прусское правительство, за исключеніемъ наслѣднаго принца и его жены, не благоволило къ женскому вопросу. Одна вѣмка, читавшая въ Галле лекцію о женской эманципации, на другой день была приговорена полицейскимъ судьей къ двухсуточному аресту на хлѣбъ и водѣ!..

Не смотря на это, женское движеніе въ Германіи постепенно усиливается, выражаясь, главнымъ образомъ, въ распространеніи образованія. Въ Бреславлѣ открытъ женскій лицей. Въ Вѣнѣ одинъ изъ женскихъ фрейновъ открылъ высшую женскую школу съ четырехгодичнымъ курсомъ и съ преподаваніемъ естественной исторіи, математики, физики, химіи, физиологіи, географіи, исторіи, логики, астрономіи, исторіи литературы, эстетики и живыхъ языковъ. Подобная-же школа открывается въ Черновицѣ, между тѣмъ какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, напр., въ Дрезденѣ, учреждаются профессиональныя школы и публичныя лекціи. Съ начала нынѣшняго года выходитъ нѣсколько новыхъ женскихъ журналовъ, которые, впрочемъ, имѣютъ одинъ только мѣстный интересъ. Въ 1871 году 45 нѣмецкихъ газетъ издавались женщинами. Юлія Мосторфъ была делегатомъ отъ Гамбурга на археологическомъ съѣздѣ въ Болоньѣ. Многочисленные фрейны, о которыхъ мы уже говорили въ предыдущей хроникѣ, дѣйствуютъ не безъ пользы, открывая и поддерживая школы, дѣтскіе сады, публичныя лекціи, женскіе журналы. Всѣ они стремятся, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы, расширивъ кругъ педагогической дѣятельности нѣмецкой женщины, поставить ее въ этомъ отношеніи въ такое-же видное и выгодное положеніе, въ какомъ находится американка. Нельзя не сочувствовать этимъ благороднымъ и вполне рациональнымъ стремленіямъ нѣмецкихъ эманципаторовъ. Они полагаютъ, что если женщины будутъ развиваться

и трудиться какъ слѣдуетъ, то однимъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ онѣ разовьютъ массу, уничтожатъ пролетаріатъ, ослабятъ или даже искоренятъ проституцію; пролетаріи будутъ учиться въ школахъ, перестанутъ пьянствовать, будутъ дѣлать сбереженія изъ своего заработка, а опасныя теоріи социалистовъ разлетятся прахомъ.

Въ Цюрихѣ недавно высшая политехническая школа открыла для женщинъ свои аудиторіи, и въ нее немедленно поступила одна русская дѣвушка, которая занимается механикой. Въ цюрихскомъ университетѣ число студентовъ увеличилось по философскому факультету, лекціи котораго слушаютъ теперь 5 молодыхъ женщинъ: нѣмка, итальянка, русская и двѣ польки. Русская готовится открыть въ своемъ отечествѣ женскую учительскую семинарію, и поэтому спеціально изучаетъ дѣло народнаго образованія. Женщины составляютъ одну десятую часть всѣхъ студентовъ цюрихскаго университета.

Послѣ того, какъ была написана наша статья „О женскомъ дѣлѣ въ Америкѣ“ („Дѣло“ 1872, 1 и 2 кн.), до насъ дошло изъ этой страны нѣсколько интересныхъ извѣстій. Ретроградная партія въ Законодательномъ собраніи территоріи Йомингъ, женщины которой уже нѣсколько лѣтъ пользуются избирательными правами, внесла билль о лишеніи ихъ этихъ правъ, но потерпѣла рѣшительную неудачу. Вотъ что говоритъ въ своемъ посланіи по этому поводу губернаторъ Йоминга: „Женщины этой территоріи обнаруживаютъ сильную, пламенную и разумную преданность высшимъ интересамъ ея. Онѣ относятся къ общественнымъ дѣламъ съ такимъ яснымъ пониманіемъ и здравымъ сужденіемъ, которыя достойны величайшаго удивленія и выше всякой похвалы. Совѣсть женщинъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе разборчива и чувствительна, чѣмъ у мужчинъ; ихъ чувство справедливости чисто и строго; ихъ любовь къ порядку вытекаетъ прямо изъ сердца. Все это — превосходная совѣсть, возвышенное чувство справедливости и постоянная любовь къ порядку, вслѣдствіе освобожденія женщинъ, содѣйствуетъ хорошему управленію и благосостоянію нашей территоріи“.

Какъ успѣшно идетъ женская агитація въ Америкѣ посредствомъ митинговъ, публичныхъ лекцій, журналовъ и брошюръ, показываетъ слѣдующая корреспонденція „Revolution“ изъ штата

Небраски отъ 4 января настоящаго года. „Колесница прогресса съ величайшею скоростью мчитъ насъ не только къ полному уничтоженію политическихъ различій между полами, но также къ теоретическому и практическому признанію способности женщины ко всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, отъ низшихъ до самыхъ высшихъ профессій въ государствѣ. Всѣ препятствія и сопротивленія дѣлу эманципаціи постепенно падаютъ передъ разумными доказательствами, принципомъ и здравымъ сужденіемъ народа. Люди, бывшіе нѣкогда яркими и суевѣрными противниками женскаго движенія, теперь находятся въ рядахъ самыхъ преданныхъ и искусныхъ сторонниковъ его. Самые замѣчательные адвокаты, ученые и мыслители нашего штата открыто и публично защищаютъ избирательную правоспособность женщины и ея право участія во всѣхъ отрасляхъ и занятіяхъ общественной жизни. Всѣ журналы штата находятся на сторонѣ женщины, за исключеніемъ двухъ или трехъ, принадлежащихъ къ низшему разбору... И здѣсь почти всѣ убѣждены, что втеченіи настоящаго года, все женское народонаселеніе нашей страны будетъ облечено правами свободныхъ и независимыхъ гражданъ и навсегда освобождено изъ своего настоящаго рабства.“

При совершеніи вѣнчальнаго обряда въ Америкѣ давно уже очень многія женщины отказываются давать обѣщаніе „повиноваться“ мужу, и вслѣдствіе этого многіе пасторы различныхъ вѣроисповѣданій выбрасываютъ изъ своихъ служебниковъ вопросъ о повиновеніи. „Я — пишу редактору „Revolution“ одинъ пасторъ — благословилъ уже 180 браковъ, и во всѣхъ случаяхъ исключалъ слово: „повиноваться“.

На Востокѣ женское движеніе сильнѣе всего проявляется въ Японіи, въ которой въ настоящее время совершается переворотъ не менѣе великій, чѣмъ какой былъ совершенъ въ Россіи Петромъ I. Недавно японскій микадо манифестомъ своимъ заявилъ Японіи, что существовавшая до сихъ поръ отверженность женщины, основанная на однихъ только нелѣпыхъ предразсудкахъ, должна кончиться, что женщина равна мужчине и должна получать одинаковое съ нимъ образованіе. Нѣсколько молодыхъ японцевъ уже отправились въ Соединенные Штаты для ученья. Въ самой Японіи нѣкоторыя американки открыли школы для дѣвочекъ.

Въ Константинополѣ турецкое правительство основало нормаль-

ную женскую школу. Въ Іерусалимѣ на деньги баронессы Ротшильдъ основана школа для еврейскихъ дѣвушекъ. Въ Калькутѣ одна индуска читала недавно публичную лекцію о необходимости солиднаго образованія для женщинъ и съ пафосомъ говорила объ ихъ современномъ крѣпостномъ положеніи, доказывая необходимость улучшить его.

Обращаясь къ Россіи, мы не видимъ здѣсь такихъ крупныхъ признаковъ женскаго движенія, какъ, напр., въ Англіи или Америкѣ. Но при всемъ этомъ, мы однакожь можемъ указать на два или на три чрезвычайно отрадныхъ явленія. Во-первыхъ, медицинскій факультетъ и совѣтъ московскаго университета ходатайствуютъ у министра народнаго просвѣщенія о допущеніи женщинъ въ число студентовъ, такъ-какъ „предоставленіе женщинамъ пріобрѣтать основательныя познанія и заниматься медицинской практикой принесетъ имъ существенную пользу“. Во-вторыхъ, въ Кіевѣ общество естествоиспытателей открыло для женщинъ публичныя лекціи по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. Въ Кіевѣ-же на прошлогоднемъ съѣздѣ натуралистовъ участвовало три женщины, изъ которыхъ одна, г-жа Волкова, была выбрана единогласно предсѣдательницей химическаго отдѣленія за свои обширныя познанія и замѣчательныя работы по химіи. Но не много мы можемъ сообщить читателю подобныхъ отрадныхъ фактовъ. Дѣло женскаго образованія находится у насъ въ незавидномъ положеніи. Женскія гимназіи далеко не достигаютъ своей цѣли, потому-что нуждаются и въ лучшихъ наставникахъ и въ болѣе широкихъ средствахъ; а главное, въ большемъ сочувствіи къ нимъ самого общества. Газеты то и дѣло сообщаютъ о нихъ самыя курьезныя извѣстія. Нѣкая дама, напр., обратилась къ начальницѣ одной изъ петербургскихъ женскихъ гимназій съ просьбой рекомендовать ей въ гувернантки дѣвицу, хорошо знающую русскій языкъ. Начальница пожала плечами и отвѣчала по-французски: „къ сожалѣнію, такихъ у насъ нѣтъ!“ („Новое время“, № 18.) Вѣроятно, въ этой гимназій давно уже держатся теоріи, недавно высказанной „Московскими Вѣдомостями“, что основательное изученіе русскаго языка излишне для россиянокъ... Но это еще не велика бѣда, если дѣвочекъ ничему серьезно не учатъ; случается, что ихъ подвергаютъ до сихъ поръ тѣмъ унижительнымъ наказаніямъ, отъ которыхъ женщины безусловно избавлены узаконенъ 17 апрѣля 1863 г.,—дѣвочекъ съеуютъ! Нѣкоторыя жен-

скія школы не имѣютъ даже хоть сколько нибудь сноснаго помѣщенія. Въ Епифани, напр., женское училище помѣщается въ сѣромъ и грязномъ домѣ; для классовъ отведены всего двѣ комнаты, въ которыхъ и сидятъ ученицы, размѣщаясь по двѣнадцати на одной лавкѣ. Зимой въ этой школѣ такой угарь, что учащія и учащіяся въ концу классовъ уходятъ домой съ страшной головной болью. Учительницы получаютъ нищенское содержаніе. Младшая учительница, напр., на обязанности которой лежитъ самая трудная часть преподаванія,—именно азбука, письмо и начальное питье, за свои ежедневныя запятія съ сотней дѣтей получаетъ всего 84 р. въ годъ („Русск. Вѣдом.“).

Въ семейномъ положеніи женщины совершаются законодательнымъ путемъ два немаловажныхъ улучшенія. Во-первыхъ, крестьянскимъ женамъ, мужья которыхъ ссылаются въ Сибирь по волѣ общества, предоставляется такое-же право слѣдовать или не слѣдовать за ними, какъ и женамъ лицъ, ссылаемыхъ на поселеніе по судебному приговору. Во-вторыхъ, въ составляемыхъ законоположеніяхъ о раскольникахъ, невѣнчанные раскольничьи браки признаются дѣйствительными. Такимъ образомъ, законъ допускаетъ для сектантовъ гражданскій бракъ, который до сихъ поръ былъ дозволенъ, да и то недавно, однимъ только забайкальскимъ буддистамъ.

Законодательныя реформы семейнаго быта являются настоятельною необходимостью въ виду тѣхъ вопіющихъ семейныхъ преступленій, о которыхъ почти ежедневно извѣщаютъ газеты и которыя такъ часто разбираются въ новыхъ судахъ. Вотъ, напр., во владимірскомъ окружномъ судѣ обвиняется въ покушеніи отравить мужа шестнадцатилѣтняя крестьянка. Подсудимая не задолго передъ этимъ была выдана за отвратительнаго пьяницу, за котораго она рѣшительно не хотѣла идти, и даже въ церкви на обычный вопросъ священника отвѣчала, что несогласна на бракъ съ нимъ. Мужъ тиранилъ обвиняемую, билъ ее даже за то, что она не хотѣла пьянствовать съ нимъ и, наконецъ, довелъ ее до покушенія на его жизнь. Несмотря на признаніе подсудимой, присяжные оправдали ее. Очень часто семейная жизнь порождаетъ и поддерживаетъ такую вражду между членами семейства, что самое незначительное обстоятельство способно произвестъ взрывъ ненависти и довести до ужаснаго преступленія. Вотъ, напримѣръ, мѣ-

панинъ П. просить у своей жены хлѣба; та не даетъ ему. Начинается ссора, которая тотчасъ-же переходитъ въ ожесточенную драку; жена наноситъ мужу нѣсколько ударовъ топоромъ въ голову; мужъ ранитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ голову жены, наноситъ рану пятилѣтнему сыну и убиваетъ четырехлѣтнюю дочь, а назавтра самъ умираетъ отъ своихъ ранъ. Въ нѣсколько минутъ совершается страшная развязка трагедіи, длившейся много лѣтъ („Правит. Вѣстникъ“). Или вотъ, отставной солдатъ Дашковскій, повѣдоривъ съ женой, пробиваетъ ей грудь ножами, отчего раненая умираетъ черезъ два часа. Такіе факты, всплывающіе наружу, и множество другихъ, остающихся во тьмѣ, указываютъ на необходимость реформы въ семейныхъ отношеніяхъ,—реформы законодательной и экономической. Мы убѣждены, что ни въ одной сферѣ мало-мальски прогрессивная реформа не можетъ оказать такого благотворнаго вліянія на всю общественную жизнь, какъ въ сферѣ семейной; нигдѣ духъ времени и современнаго развитія не требуютъ такой гармоніи съ существующимъ фактомъ, какъ въ этой обширной и самой серьезной сферѣ.

Главная причина этихъ семейныхъ смуть и преступленій заключается въ томъ, что для большинства русскихъ женщинъ бракъ не сдѣлался еще до сихъ поръ свободнымъ договоромъ вступающихъ въ него лицъ. Во-первыхъ, дѣвушку часто *отдаютъ* замужъ силою, осуждая ее на вѣчную зависимость отъ нелюбимаго или даже ненавистнаго ей человѣка. Во-вторыхъ, результатовъ этого нравственнаго насилія или собственныхъ ошибокъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, невозможно устранить или исправить, вслѣдствіе недозволенности развода. Между тѣмъ, не только въ образованномъ обществѣ, но и въ необразованной массѣ народонаселенія чувствуется и сознается настоятельная потребность реформы, которая признала-бы бракъ свободнымъ договоромъ со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости до извѣстной степени пробудило чувство свободы и самостоятельности и въ крестьянкахъ. Интересныя свѣденія объ этомъ сообщаетъ мировой судья Назарьевъ („Въ глуши“, „Вѣстн. Европы“, 1872, кн. II). Мужики жалуются, что послѣ положенія 19 февраля, уменьшившаго число женскихъ рабочихъ дней сравнительно съ мужскими, и особенно послѣ введенія мировыхъ судовъ, „бабы отъ рукъ от-

бились. Ты ей слово, а она ужь и ловить слово-то, — тоже хочется выше мужа быть. Ты ее дубкомъ, а она на судьбище зоветъ: я право найду, за ударъ отвѣтишь, а меня какъ своихъ ушей не увидишь!..“ Бабы сотнями бѣгутъ къ мировымъ судьямъ съ жалобами на мужей своихъ, и г. Назарьевъ передаетъ нѣсколько чрезвычайно характерныхъ казусовъ. Вотъ жалуется судья на своего мужа крестьянка Ширданова. Супругъ билъ ее по нѣскольку разъ въ день. „Ты что сидишь!“ — хлопъ; „ты что на дорогѣ стоишь!“ — хлопъ; приставалъ изъ-за каждаго пустяшнаго дѣла. Удилами голову въ трехъ мѣстахъ прошибъ“. Жаловалась Ширданова волостному старшинѣ и священнику, но мужъ ее подпоилъ сельскій сходъ, который и выпоролъ ее днемъ на улицѣ, публично, а черезъ недѣлю высѣкъ еще разъ. „Причистилась я, исповѣдалась и лежала въ пустой избѣ недвижимо, а мужъ караулилъ, чтобы я не смѣла ходить въ волость“. Когда Ширданова поправилась, истязанія ея возобновились съ удвоенною силою. А вотъ, другая, еще болѣе несчастная жена, — „вся кнутомъ избита, будто палачемъ иссѣчена, — да нѣтъ, такъ и палачи не бьютъ! Мужъ-то хлыщетъ, хлыщетъ ее кнутомъ, да за косы къ столу привяжетъ, а раны-то солью натираетъ“. „Припоминается, рассказываетъ г. Назарьевъ, еще одна сцена. Неистовствовала ноябрьская ночь. Говорятъ: „пришла просительница“, а вслѣдъ затѣмъ растворились двери, и охая, полѣзло что-то черное, мокрое, круглое и, казалось, болѣе способное катиться, нежели идти. Оказалось, что это крестьянская баба въ мокромъ черномъ кафтанѣ и въ послѣднемъ періодѣ беременности пришла жаловаться на мужа, отставного солдата, пьющаго запоемъ и выгнавшего ее на улицу вмѣстѣ съ четырьмя дѣтьми“. Баба эта „ползкомъ проползла“ до мирового судьи около 30 верстъ! Она въ особенности тужила о томъ, что не могла представить судьямъ матеріальнаго доказательства тиранніи мужа, своей косы, оторванной и потомъ украденной имъ. Множество подобныхъ просительницъ ходатайствуютъ о разводѣ, воображая почему-то, что мировые судьи могутъ расторгать бракъ. Случается, что дурно живущіе мужъ и жена добровольно соглашаются разойтись и представляютъ судьямъ на утверженіе такого рода запись. „1871 г., іюля 13 дня, крестьянинъ-собственникъ Федоръ Федоровъ Солдатовъ и жена его Екатерина Алексѣева, находившіеся между со-

«Дѣло», № 5.



бою во враждѣ, которую прекращаютъ между собою миролюбиво, согласившись другъ отъ друга удалиться навсегда, съ возвращеніемъ собственнаго ея движимаго имущества (*перечисляется чего именно*), при миролюбивомъ раздѣлѣ между собою, не взыскивая никакихъ другъ съ друга побой и неудовольствій, и впредь уже должны мы жить особыми домами. Состоявшійся сей миролюбивый актъ въ присутствіи волостного старшины, сельскаго старосты и рядовыхъ крестьянъ такихъ-то, „подписанъ за неграмотныхъ“ такими-то.

Сознаніе народной массы, такимъ образомъ, выработало уже свою теорію о женской независимости. Народъ собственнымъ умомъ дошелъ до того, что единственное спасеніе для человѣка при такихъ несчастныхъ бракахъ, какъ, напр., вышеупомянутые, заключается въ разводѣ. Добровольное расхожденіе супруговъ, принадлежащихъ къ простонародью, все больше и больше входитъ въ обычай не въ одной только поволжской глуши, описываемой г. Назарьевымъ, но и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. И сколько семейныхъ преступленій, страданій, сколько ненависти и злобы, сплошь и рядомъ водворяющихъ въ семействѣ чисто-адскую жизнь, было-бы устранено болѣе гуманными отношеніями между мужемъ и женой.

С. Шашковъ..

## НОВЫЯ КНИГИ.

---

**Объ отношеніи Государства къ народному образованію.** Соч.  
А. Окольскаго, экстра-орд. проф. Варшавскаго университета.  
Спб. 1872 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Мы всегда боимся за судьбу общественныхъ вопросовъ, когда ихъ берется рѣшать учено-юридическая критика. Какъ-бы ни были они просты, но стоять только юристу коснуться ихъ съ точки зрѣнія своей специальности, чтобы окончательно закрыть къ нимъ доступъ здравому смыслу и произвести въ умѣ читателя страшную путаницу. Г. Окольскій написалъ книгу въ 600 слишкомъ страницъ, чтобы доказать необходимость вмѣшательства со стороны государства въ дѣло народнаго образованія, но онъ могъ-бы составить еще нѣсколько столь-же почтенныхъ томовъ и едва-ли ему удалось-бы что-либо разъяснить. Государство, по мнѣнію автора, имѣетъ право и обязано заботиться объ образованіи народа, но не ради его выгодъ и пользы, а радикакихъ-то высшихъ принциповъ, вытекающихъ изъ самой сущности государства. Но изъ философскихъ размышленій г. Окольскаго нѣтъ никакой возможности понять, въ чемъ заключается эта сущность, и вообще они рѣшительно не приводятъ его къ тѣмъ результатамъ, которыхъ онъ добивается. Виновата тутъ не только безграмотность автора и его неумѣнье выражаться по-русски, но и тѣ абсолютныя точки зрѣнія, которыя онъ заимствовалъ изъ философіи права. Онъ имѣлъ въ виду государство въ общемъ, отвлеченномъ смыслѣ; и потому-то его выводы, какъ и вся теоретическая сторона его сочиненія, отмѣченная духомъ крайне наивнаго философскаго абсолютизма, не имѣютъ серьезнаго значенія. Кажется, пора уже перестать намъ разсуждать о государствѣ внѣ политическихъ формъ народной

жизни, — безъ которыхъ оно пусто, ничего невыражающій философскій терминъ, — пора взять въ расчетъ и историческую дѣйствительность, иначе мы совершенно по-пусту будемъ тратить слова. Ничего нѣтъ легче, конечно, какъ рѣшать вопросы съ абсолютныхъ точекъ зрѣнія, для этого требуется весьма скромная доля логическаго смысла и кой-какая діалектическая выправка; но иное дѣло — охватить вопросъ со всѣхъ его практическихъ сторонъ и рѣшать его не для отдаленнаго потомства, а для алчущей и жаждущей современности. Когда г. Окольскій спрашиваетъ, обязано-ли государство распространять образованіе среди народа, или если-бы онъ спросилъ, имѣетъ ли оно право собирать подати и устанавливать общую воинскую повинность, то при этомъ представляется такая масса условій и практическихъ соображеній, что нѣтъ никакой возможности отвѣчать на этотъ вопросъ категорически и безусловно. Все зависитъ оттого, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ государство къ личности и обществу. Если государство стремится отождествить свои интересы съ интересами общества и такъ тѣсно сливается съ нимъ, что невозможно указать, гдѣ начинается авторитетъ одного и оканчивается власть другого, въ такомъ случаѣ о государствѣ, какъ отдѣльной, замкнутой въ самой себѣ сущности, не можетъ быть и рѣчи. Но г. Окольскій думаетъ, что государство есть особый организмъ, который находится въ постоянномъ антагонизмѣ съ обществомъ и который долженъ вѣчно стоять на стражѣ своей особности и эгоистически заботиться о своемъ собственномъ существованіи. Подати, налоги и военная повинность составляютъ матеріальную пищу государственнаго организма, а образованіе (по мнѣнію автора) служитъ источникомъ не менѣе необходимыхъ для него духовныхъ силъ. Если рѣчь идетъ о правѣ и обязанностяхъ такого государства и если оно также вѣчно, какъ человѣческая жизнь, тогда намъ остается только вмѣстѣ съ г. Окольскимъ искать утѣшенія въ безчисленной области философіи права.

Трудно понять также, какого образованія требуетъ г. Окольскій для народа. Онъ убѣжденъ въ своемъ философскомъ сентиментализмѣ, что для государства было-бы унижительно руководиться въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи критеріемъ общественной пользы. «Всякій, говоритъ онъ, имѣющій въ виду достиженіе матеріальнаго блага, долженъ также заботиться о пріобрѣтеніи тѣхъ средствъ, пособій, при помощи которыхъ онъ можетъ осуществить свою цѣль, вслѣдствіе того пріобрѣтеніе образованія, какъ средства для достиженія другихъ (какихъ?) цѣлей, также принадлежитъ частному человѣку (къ чему-же вы писали свою книгу?!). Государство не мо-

жетъ считать себя непосредственно обязаннымъ доставлять всѣмъ своимъ гражданамъ образование (?) потому только, что это приносить имъ выгоду, или пользу, такъ какъ не можетъ сдѣлать своей непосредственной задачей доставленіе имъ одежды, пищи, снабженіе ихъ другими предметами, для того только, что они въ нихъ нуждаются. И въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ проявленіяхъ государственной дѣятельности, рѣшающимъ, такъ сказать, элементомъ должна быть причина (?), находящаяся въ самомъ государствѣ, въ его внутреннемъ существѣ» (стр. 277). Другими словами, г. Окольскій желаетъ, чтобы образованіе дало возможность государству постоянно развивать и совершенствовать присущія ему качества и свойства, которыя составляютъ причину его антагонизма съ обществомъ. Съ этой-то цѣлью онъ санкціонируетъ какими-то высшими философскими принципами право государства учреждать школы, издавать соответствующіе законы и право неограниченнаго надзора не только надъ своими училищами, но и надъ тѣми, которыя возникли, благодаря частной инициативѣ. Послѣ этого г. Окольскій пускается въ весьма пространныя разсужденія о вредѣ государственной монополіи въ дѣлѣ образованія и «полной» его свободѣ, гарантируемой тѣмъ самымъ государствомъ, которое пользуется не менѣе *полной* свободой контролировать дѣятельность частныхъ лицъ и направлять ихъ силы къ достиженію своихъ цѣлей. Такими противорѣчіями исполнена вся теоретическая часть книги г. Окольскаго, тѣмъ менѣе любопытная, что она изложена какимъ-то исковерканнымъ русскимъ языкомъ. Впрочемъ, если-бы авторъ освободилъ свой трудъ отъ излишняго спекулятивнаго балласта и философско-юридической болтовни, его книга много выиграла-бы въ благообразіи содержанія и имѣла-бы несомнѣнныя достоинства, какъ хорошая компіляція по исторіи развитія просвѣщенія въ Европѣ и довольно богатый фактами очеркъ современнаго его состоянія.

Статистическія данныя, собранныя г. Окольскимъ по вопросу о народномъ образованіи въ Россіи и главнѣйшихъ государствъ западной Европы, представляютъ много любопытнаго, хотя онѣ и не новы. Особенно поразительна неравномѣрность въ распредѣленіи государственныхъ расходовъ на общественныя нужды, между которыми образованію отводится, по большей части, послѣднее мѣсто. Такъ въ Англіи одинъ человѣкъ уплачиваетъ всѣхъ государственныхъ налоговъ на сумму около 72 фр., между тѣмъ какъ на просвѣщеніе приходится лишь 1 1/2 фр. съ человѣка. Во Франціи изъ 52 фр. всѣхъ налоговъ одинъ человѣкъ платитъ также 1 1/2 фр., въ Пруссіи изъ

35 фр. тратится 1 фр. Самыя выгодныя отношенія представляетъ Швейцарія, гдѣ при сравнительно незначительной суммѣ налоговъ (около 18 фр.) расходъ на просвѣщеніе достигаетъ наибольшей цифры—2½ фр! Въ Россіи на 25 фр. (6 р. 25 к.) всѣхъ налоговъ расходуется на образованіе только ½ фр. (12½ к.). Но и эта ничтожная сумма распредѣляется въ высшей степени неравномѣрно между различными классами населенія. На образованіе высшихъ классовъ, составляющихъ около 3<sup>2</sup>/<sub>3</sub>% всего населенія, расходуется 70% изъ всей суммы, назначенной для народнаго просвѣщенія, тогда какъ на народныя школы, въ которыхъ должны воспитываться остальные 96 <sup>1</sup>/<sub>3</sub>%, слѣдовательно, въ 26 разъ большее количество населенія, тратится въ 2½ раза менѣе, т. е. только 20%. Впрочемъ, мы не видимъ особыхъ причинъ предаваться по поводу этого обстоятельства гражданской скорби, подобно нашимъ скорбнымъ головою либераламъ, которые въ послѣднее время сосредоточили всѣ свои упованія на элементарныхъ народныхъ училищахъ. Намъ кажется, что лишить высшіе классы населенія того образованія, какимъ они пользуются въ настоящее время, и заставить ихъ обучаться только грамотѣ, было-бы такимъ-же несчастіемъ для страны, какъ и закрыть доступъ къ высшему образованію простому классу. Европа до сихъ поръ, повидимому, не можетъ понять, что элементарное образованіе, ограниченное обученіемъ чтенію и письму, не приноситъ народу никакой пользы, что, при всей своей грамотности, онъ можетъ прозябать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, придерживаться всевозможныхъ предрассудковъ и оставаться чуждымъ политическаго развитія. Элементарное образованіе въ тѣхъ предѣлахъ, какіе отведены ему у насъ въ Россіи и въ большей части западно-европейскихъ государствъ, не доставляетъ ни общеобразовательныхъ, ни профессиональныхъ цѣлей. Наши просвѣтители обыкновенно говорятъ, что народъ, получившій элементарное образованіе, стоитъ уже на пути къ дальнѣйшему развитію, и что во всякомъ случаѣ, лучше что нибудь, чѣмъ ничего. Мы думаемъ, однакожъ, что это мнѣніе положительно несправедливо. Элементарное образованіе не только не можетъ служить само себѣ цѣлью, но даже и простымъ средствомъ для пріобрѣтенія знаній (мы говоримъ о цѣломъ классѣ населенія), оно не заключаетъ въ себѣ никакихъ стимуловъ къ развитію и съ педагогической точки зрѣнія не имѣетъ никакого образовательнаго значенія. Намъ кажется, что ребенокъ, къ какому-бы классу онъ ни принадлежалъ, гораздо скорѣе можетъ обойтись безъ грамоты, чѣмъ безъ того образованія, какое получается въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и если-бы

простому классу населенія можно было выбирать между элементарнымъ и гимназическимъ образованіемъ, (которое возможно, независимо отъ обученія чтенію и письму, подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ), въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ-бы отдать предпочтеніе среднимъ учебнымъ заведеніямъ, какъ болѣе полезнымъ. Даже дѣтскіе сады, которые могли-бы посѣщаться мальчиками отъ 3 до 6 лѣтъ, имѣли-бы болѣе значительный смыслъ, чѣмъ наши начальныя школы, устройство которыхъ, при существующей программѣ обученія, совершенно непроизводительно поглащаетъ наши и безъ того скудныя средства и усыпляетъ общественную энергію мнимымъ удовлетвореніемъ потребности образованія.

---

**Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Составилъ Гиппо. Переводъ Елены Бларамбергъ. Изд. Кочетова. Спб. 1872 г.**

Только Америка, повидимому, вполне поняла, что элементарное образованіе не имѣетъ никакого значенія безъ высшаго, и въ этомъ заключается величайшее преимущество американской школы предъ европейской. Общественныя американскія школы отличаются отъ европейскихъ не столько своей многочисленностью, сколько именно тѣмъ, что въ нихъ элементарное образованіе тѣсно связано съ высшимъ или нашимъ гимназическимъ, такъ что американецъ, который вздумалъ-бы ограничить образованіе своего сына или дочери чтеніемъ и письмомъ, не нашелъ-бы ни одного училища съ такою узкой программой. За то, конечно, тамъ и тратятся на образованіе суммы, о которыхъ европейскіе бюджеты не даютъ никакого понятія. Гиппо, авторъ «Общественнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ», говоритъ, что на содержаніе народныхъ школъ Америка ежегодно расходуетъ на наши деньги 112,500,000 р. с., между тѣмъ, какъ наше министерство народнаго просвѣщенія располагаетъ только 10,000,000 р., и изъ нихъ большая половина поглащается гимназіями и университетами, куда нѣтъ доступа простому классу населенія. Система народнаго образованія въ Америкѣ строго гармонируетъ со всѣми ея общественными учрежденіями, она основана на принципѣ всеобщаго равенства и не допускаетъ никакихъ градацій и степеней въ образованіи, соотвѣтственно разнообразію социальнаго положенія. Если-бъ Америка при-

няла нашу двойственную систему образования, для людей состоятельных—одну, а для бедных—другую, демократическія начала никогда не пустили-бы въ ней такихъ глубокихъ корней, и трудно представить себѣ, какимъ образомъ могли-бы существовать тамъ братство и солидарность между гражданами, которыхъ образованіе раздѣляло-бы на два различные лагеря. Счастливыцы, перешагнувшіе за предѣлы элементарнаго образованія, необходимо образовали-бы родъ высшей касты, умственной аристократіи, превосходство которой невольнo сознавали-бы всѣ полубразованные и невѣжественные. Вотъ почему американцы, искренне желавшіе уничтоженія невольничества, позаботились, послѣ освобожденія негровъ, прежде всего о томъ, чтобъ они получали образованіе наравнѣ съ бѣлымъ населеніемъ Союза. Въ то время, когда вездѣ шли толки о тупости черной расы и возбуждались сомнѣнія въ томъ, доступно-ли неграмъ элементарное образованіе, американцы, всегда начинающіе съ опыта, открыли специально для черныхъ нѣсколько школъ, включивъ въ программу обученія все то, чему учатся дѣти бѣлыхъ. Результаты превзошли ожиданія наиболѣе преданныхъ друзей негровъ. «Пасынки судьбы» нисколько не отставали въ своихъ занятіяхъ отъ бѣлыхъ и ничѣмъ не обнаруживали, что они принадлежатъ къ «нижней расѣ». Гиппо посѣтилъ одну изъ такихъ школъ, въ которой находилось до 400 черныхъ дѣтей обоего пола. «Я слѣдилъ, говоритъ онъ, за занятіями, начиная отъ класса пяти-шести лѣтъ до высшихъ классовъ, гдѣ ученики изучали науки, исторію и литературу. Употребленіе однихъ и тѣхъ-же методовъ произвело вездѣ одинаково удовлетворительные результаты. Признаюсь, мнѣ показалось даже, что молодая негритянка обладаетъ болѣе отчетливымъ и быстрымъ умомъ; онѣ, казалось, понимали на полсловъ объясненія учителя; нѣкоторыя объяснялись съ удивительной легкостью. Арифметическія и алгебраическія дѣйствія производились съ замѣчательной точностью и ясностью». Англійскій путешественникъ, докторъ Цинке, осматривалъ на югѣ школы для цвѣтныхъ дѣтей и совершенно подтверждаетъ слова Гиппо. «Признаюсь, говоритъ онъ, я былъ крайне удивленъ при видѣ живости ума въ ученикахъ одной школы цвѣтныхъ дѣтей. Въ очень короткое время они пріобрѣли дѣйствительно замѣчательное количество свѣденій. Никогда ни въ одной школѣ Англій, —а я ихъ посѣтилъ много,—я не встрѣчалъ въ ученикахъ такой быстроты пониманія уроковъ, никогда не слыжалъ такихъ разумныхъ вопросовъ, показывающихъ такое ясное пониманіе предмета.» Въ настоящее время школы для цвѣтныхъ дѣтей распространены въ огромномъ числѣ, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ; онѣ

чрезвычайно ревностно посѣщаются неграми, такъ-какъ они поняли, что, освободившись de jure изъ подъ гнета невольничества, они de facto все-таки останутся рабами и будутъ держаться въ почтительномъ отдаленіи отъ своихъ прежнихъ господъ, если не пріобрѣтутъ образованія и не уничтожатъ, такимъ образомъ, главную причину своего неравенства. Какое значеніе придають черные образованію, можно судить изъ того, что когда въ Луизианѣ правительство сочло необходимымъ отиѣнить школьный налогъ, который давалъ между прочимъ возможность содержать училища для 50,000 дѣтей освобожденных негровъ, послѣдніе, платившіе наравнѣ съ бѣлыми часть этого налога, пришли въ отчаяніе, ожидая закрытія школъ. Но они рѣшились предотвратить это несчастье и общими силами собрали громадную сумму денегъ, которую просили дозволить имъ ежегодно вносить вмѣсто налога, и, такимъ образомъ, они спасли свои школы. Успѣшные результаты образованія черныхъ произвели весьма благотворное вліяніе не только на нихъ самихъ, но и на бѣлыхъ, которые стали смотрѣть на негровъ совершенно иными глазами. Когда факты доказали нелѣпость мнѣнія, будто негры бездарны отъ природы и неспособны принимать участіе въ общечеловѣческой цивилизаціи, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла вся масса другихъ болѣе мелкихъ, но многочисленныхъ предрассудковъ относительно цвѣтного населенія. Теперь уже американцы охотно признають, что черные — «самые мирные, скромные и прилежные граждане страны», что у нихъ есть любовь къ труду и энергія сѣверныхъ янки, разумное пониманіе своего соціального положенія, стремленіе къ общей солидарности и горячая любовь къ свободѣ. «Если-бы намъ предложили, говорилъ одинъ американецъ, обучавшій цвѣтныхъ дѣтей, отдать этихъ новыхъ пришельцевъ за равное число иностранцевъ, мы ни на минуту не задумались-бы отвергнуть подобное предложеніе, потому что мы навѣрное въ противномъ случаѣ остались-бы въ убыткѣ.»

Возвышенію черной расы до уровня бѣлой всего болѣе способствовала, повидямому, практичность американцевъ. У насъ, въ Европѣ, прежде чѣмъ затѣется какое-либо дѣло, начинаются по поводу его безконечныя разсужденія, споры за и противъ, поднимаются вопросы, и, въ концѣ концовъ, является или общее охлажденіе къ дѣлу, которое откладывается въ долгій ящикъ, или-же оно обрекается на гибель на основаніи теоретическихъ приговоровъ. Американецъ-же, какъ огня, боится апіористическихъ выводовъ и всегда начинаетъ съ опыта. Удастся этотъ опытъ и онъ убѣждаетъ его сильнѣе всякихъ отвлеченныхъ разсужденій, неудается—онъ принимается за другой, третій и



затѣмъ повинуется его рѣшенію. Величайшимъ счастьемъ для эманципациі негровъ было то обстоятельство, что, съ перваго момента ихъ освобожденія, для нихъ открыты были такія-же школы, какія существовали для бѣлыхъ. Если-бы съ самаго начала для негровъ устроены были только начальныя училища съ элементарнымъ курсомъ, мнѣніе о неспособности ихъ къ высшему образованію и органической бездарности черной расы еще долго оставалось-бы въ силѣ и негры очень мало выиграли-бы отъ уничтоженія рабства. Въ этомъ отношеніи невольничество представляетъ большое сходство съ женскимъ вопросомъ въ Америкѣ. Дѣло эманципациі женщинъ подвинулось такъ далеко въ Соединенныхъ Штатахъ, благодаря той-же практичности американцевъ. Въ то время, какъ Европа исписывала цѣлыя томы по поводу женскаго вопроса и вся наша интеллигенція, отъ глубокомысленныхъ философовъ до фельетонныхъ скалозубовъ ломала свои перья въ теоретическихъ эзерциціяхъ на тему о равенствѣ женщинъ, Америка, едва-ли хорошо знакомая съ выводами, до которыхъ додумались кабинетные эманципаторы, неутомимо заводила женскія школы и академіи, послужившія могущественнымъ толчкомъ къ правильному разрѣшенію женскаго вопроса.

Въ этихъ школахъ соарѣвала энергія женщинъ на борьбу за свою равноправность, а съ другой стороны успѣхи женскаго образованія уничтожали всякіе споры о способности или неспособности женщинъ къ высшему образованію, о качествахъ ея мозга и т. д. Впрочемъ, успѣху женскаго дѣла въ Америкѣ содѣйствовали не столько спеціальныя женскія училища, сколько такъ-называемыя смѣшанныя школы, въ которыхъ обучаются и мальчики, и дѣвочки вмѣстѣ. Польза этихъ школъ чрезвычайно велика и имъ-то, главнымъ образомъ, обязаны американскія женщины тому, что уравненіе ихъ правъ съ мужчинами такъ быстро переходитъ изъ области проектовъ въ практическую жизнь. Въ настоящее время смѣшанныя школы распространены по всей Америкѣ и съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивается, не смотря на множество существующихъ противъ нихъ возраженій. Гиппо въ своей книгѣ основательно разбираетъ ихъ и доказываетъ убѣдительными доводами преимущество смѣшанныхъ школъ предъ раздѣльными. Онъ бесѣдовалъ по этому поводу съ людьми, которые основывали свои мнѣнія на продолжительномъ опытѣ, и вездѣ встрѣчалъ самыя лучшіе отзывы о совмѣстномъ воспитаніи мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ смѣшанныхъ школахъ американцы съ ранняго дѣтства привыкаютъ смотрѣть на женщинъ, какъ на товарищей, равныхъ себѣ по уму и способностямъ, и это убѣжденіе вносить они въ по-

слѣдующую жизнь, въ гражданскія и брачныя отношенія. Молодое поколѣніе, воспитанное въ смѣшанныхъ школахъ, учится тамъ уважать женщинъ и питать къ нимъ братскія чувства, и въ послѣдствіи, вступивъ въ жизнь, оно едва-ли найдетъ въ себѣ рѣшимость отказывать женщинамъ въ тѣхъ соціальныхъ и политическихъ правахъ, которыми пользуется само. Другое важное преимущество этихъ школъ состоитъ въ томъ, что здѣсь мальчики и дѣвочки узнаютъ натуру другъ друга, изучаютъ свой характеръ, привычки и наклонности, и въ послѣдствіи въ отношеніи ихъ, какъ двухъ различныхъ половъ, не закрадывается ничего аномальнаго и противуестественнаго. «Оба пола, говоритъ Гиппо, привыкнувъ быть постоянно въ столкновеніи другъ съ другомъ, избѣгаютъ того болѣзненнаго настроенія, той склонности къ безпричинной меланхоліи, которая замѣчается въ семьяхъ, гдѣ преувеличенное недовѣріе тщательно отдѣляетъ ихъ одинъ отъ другого.» Далѣе, приводя мнѣніе директора одной смѣшанной школы, Гиппо замѣчаетъ, что «когда дѣти обоего пола соединены въ однѣхъ и тѣхъ-же школахъ, то между ними бываетъ гораздо меньше *притяженія* (attraction), чѣмъ если они воспитаны въ отдѣльныхъ школахъ. Они тогда между собой, какъ сестры и братья... Эти притяженія, эти стимулы дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, имѣютъ гораздо болѣе вредное вліяніе, если молодые дѣвушки и молодые люди живутъ каждый въ отдѣльномъ мірѣ, зная другъ о другѣ только то, что имъ рисуется ихъ воображеніе. Привыкнувъ видѣться съ самаго дѣтства, жить и расти другъ возлѣ друга, какъ мальчики и дѣвочки, растущіе въ родительскомъ домѣ, — они не отдаются тѣмъ романтическимъ чувствамъ, тѣмъ химернымъ желаніямъ, которыя весьма естественно рождаются въ ихъ сердцахъ, когда у нихъ передъ глазами картины дѣйствительной реальной жизни. Они сдерживаются относительно другъ друга въ границахъ приличія и уваженія, и прежде всего между ними развивается братство, рождающееся вслѣдствіе одинаковыхъ учебныхъ привычекъ.» Да, учрежденіе смѣшанныхъ школъ вполне достойно сѣверной Америки и ея свободы. Каковы-бы ни были мотивы, побудившіе къ устройству этихъ школъ, но они могли быть подсказаны только горячей любовью къ равенству и стремленіемъ къ всеобщей солидарности.

Мы могли-бы привести еще множество доводовъ въ пользу смѣшанныхъ школъ, если-бы не были убѣждены, что смѣшанная школа, въ современномъ ея значеніи, можетъ существовать только въ такомъ обществѣ, какъ американское. Намъ еще далеко до осуществленія ихъ. Паша жизнь приняла совершенно иное направленіе и тѣ

улучшенія и реформы, которыя осуществляются въ новомъ Свѣтѣ безъ всякаго труда, сами собою, у насъ сопряжены съ необыкновенными затрудненіями.

---

**Жизнь Мормоновъ въ Ута или тайнства и преступленія мормонизма. Изложеніе тайныхъ обрядовъ и церемоній святыхъ послѣднихъ дней. Соч. Дж. Г. Бидля. Спб. 1872. Ц. 2 р. 50.**

Явленіе мормонизма, развившееся на почвѣ американской свободы, среди народа съ необыкновеннымъ здравымъ смысломъ и разумнѣйшими религіозными воззрѣніями, заслуживаетъ самаго строгаго и внимательнаго изслѣдованія. Въ Европѣ много писали о мормонахъ, и каждому изъ насъ, вѣроятно, приходилось слышать не мало рассказовъ о своеобразномъ общественномъ бытѣ этихъ странныхъ людей съ ихъ нелѣпой религіей, освящающей многоженство, съ ихъ политическимъ рабствомъ и деспотизмомъ ихъ верховнаго вождя Брайама Юнга. Но, несмотря на это, происхожденіе мормонизма, его причины и связь съ американской жизнью оставались неразгаданными и возбуждали множество недоумѣній. Гепвортъ Диксонъ въ своемъ сочиненіи «Новая Америка» посвятилъ нѣсколько главъ описанію быта мормоновъ и сообщилъ много интересныхъ подробностей изъ ихъ жизни, возбуждивъ своимъ живымъ, увлекательнымъ рассказомъ сильное любопытство къ ихъ судьбѣ. Но Диксонъ ограничился только внѣшней, обрядовой стороной мормонизма и отнесся слишкомъ поверхностно къ внутреннимъ его причинамъ, требовавшимъ глубокаго и всесторонняго анализа, на который авторъ, повидимому, не мастеръ. Теперь предъ нами является специальное сочиненіе о мормонахъ, написанное американцемъ Дж. Бидлемъ, который долго жилъ среди «святыхъ» — какъ называютъ себя мормоны, и располагалъ, какъ кажется, богатымъ матеріаломъ для ихъ исторіи. «Жизнь мормоновъ въ Ута» заключаетъ въ себѣ весьма полная и обстоятельныя свѣденія относительно этой секты и читается съ большимъ интересомъ, хотя, нужно замѣтить, слишкомъ растянута и мѣстами нестерпимо обезображена безграмотностью перевода и грубыми корректурными ошибками, съ которыми г. Хану, повидимому, трудное разстаться, чѣмъ съ своимъ журналомъ — этой огромной и несправимой ошибкой его спекуляціи.

Наибольшимъ интересомъ своимъ мормонизмъ обязанъ тому обстоя-

тельству, что онъ возникъ на территоріи американскихъ штатовъ и представляетъ необыкновенно яркій контрастъ съ ихъ политическими и общественными институтами. Мормонъ и Янки — два крайніе полюса прогресса, двѣ враждебныя, несогласимыя силы цивилизаціи, между которыми трудно отыскать связующее звено. Съ одной стороны — республика, равенство состояній, національностей и половъ, свобода совѣсти и полная религіозная терпимость, съ другой — мрачный теократическій абсолютизмъ, рабство и закрѣпощеніе одного пола другому, дикое изувѣрство, невѣжество и полный умственный застой. Другое дѣло, если-бъ мормонизмъ развился въ Европѣ; здѣсь онъ былъ понятенъ и занималъ-бы свое мѣсто въ безконечномъ перечнѣ патологическихъ явленій нашей политической и социальной жизни. Въ Европѣ были секты съ болѣе эксцентрической и нелѣпой организаціей, чѣмъ у мормоновъ. У англійскихъ ирвингитовъ, французскихъ конвульсіонеровъ, наконецъ, въ сконческихъ сектахъ въ Россіи изувѣрство и нелѣпость фанатизировавшей ихъ идеи достигаютъ своего апогея. Мормонизмъ въ сравненіи съ ними — весьма скромная и невинная секта, которая, при внимательномъ наблюденіи не стоитъ въ особенно рѣзкомъ противорѣчьи даже съ нормальнымъ строемъ европейской жизни, и мы думаемъ, что настоящая родина мормонизма — не свободная американская республика, а наша Европа. Многоженство мормоновъ, одинъ изъ главныхъ догматовъ ихъ ученія, носитъ, очевидно, не американское, но европейское происхожденіе. Оно не имѣетъ никакихъ точекъ опоры въ социальной жизни Америки и діаметрально противоположно тѣмъ принципамъ, осуществленіе которыхъ составляетъ ея славу и даетъ ей нравственныя и матеріальныя силы. Сепаратизмъ половъ въ Америкѣ доведенъ до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, что онъ не имѣетъ тамъ почти никакого обидного для женщинъ общественнаго и политическаго значенія. Съ одной стороны почти полная гражданская равноправность женщинъ, съ другой уваженіе къ нимъ, доходящее почти до рыцарскаго обожанія, которое объясняется, между прочимъ и тѣмъ, что въ Америкѣ, какъ извѣстно, общая масса женскаго населенія значительно меньше мужскаго. Все это не только не вяжется съ многоженствомъ, но, напротивъ, ушпчтожаетъ его въ самомъ корнѣ, что въ настоящее время замѣтно на мормонахъ, въ средѣ которыхъ опытные наблюдатели уже видятъ несомнѣнные признаки ввутренняго разложенія, усиливающагося по мѣрѣ того, какъ американскій прогрессъ пробиваетъ себѣ путь въ замкнутый міръ «святыхъ». Но если мы обратимся къ Европѣ и поищемъ въ ней причинъ многоженства, мы несомнѣнно найдемъ

ихъ, и найдемъ больше, чѣмъ ожидаетъ иной оптимистъ. Многоженство есть плодъ тѣхъ принциповъ, вскормленныхъ млекою нашей цивилизаціи, которые до сихъ поръ еще держатъ европейскую женщину въ состояніи низшаго существа и простого органа для отправления половыхъ функцій. Многоженство — это гражданское рабство женщины, ея политическая зависимость и нравственное униженіе, это — наша, европейская проституція, явная и тайная, равно процвѣтающая безъ семьи и съ семьей, какъ-бы ни была она распространена. Между многоженствомъ мормоновъ и проституціей нѣтъ, дѣйствительно, существенной разницы; оба эти явленія почти тождественны и только извращенный умъ мормона не замѣчаетъ этого. Бидль въ своей книгѣ рассказываетъ, что одинъ мормонъ, съ которымъ онъ вступилъ въ бесѣду по поводу многоженства, утверждалъ, что оно не только согласно съ ихъ религіей, но и съ принципами обыкновенной нравственности, и нѣтъ, по его мнѣнію, столь могущественнаго средства противъ проституціи, какъ многоженство. Это наивное убѣжденіе, очевидно, вытекаетъ изъ неяснаго пониманія слова «проституція». Въ высшей степени негѣпо и несправедливо считать проституцію порожденіемъ женщинъ и только на нихъ взваливать всю вину публичнаго разврата. Мужчины, принимая во вниманіе ихъ социальное положеніе, должны нести, быть-можетъ, большую, если только, не исключительную отвѣтственность какъ за свой, такъ и за женскій развратъ. Но въ мормонскомъ многоженствѣ проституція принимаетъ грубыя формы и вполне соответствуетъ общему духу рабства, которымъ проникнута вся жизнь «святыхъ». Право разврата удерживаютъ тамъ за собой только мужчины, которые пользуются возможностью разнообразить удовлетвореніе своимъ половымъ инстинктамъ неограниченнымъ выборомъ женъ. Мормонскія-же женщины лишены этихъ привилегій не по естественному порядку вещей, но по принужденію, и трудно сказать, что хуже въ этомъ случаѣ, насильственная-ли преданность мормонокъ одному мужу, являющаяся результатомъ ограниченія ихъ свободы, или открытая и явная проституція.

Въ сочиненіи Бидля находятся прямыя доказательства въ пользу того, что мормонизмъ есть продуктъ европейской жизни, который былъ перенесенъ въ Америку лишь вслѣдствіе господства тамъ полной вѣротерпимости. Національный составъ мормоновъ въ высшей степени характеристиченъ; онъ слагается большей частью изъ европейцевъ и притомъ низшаго культурнаго порядка. «Мы рѣдко видимъ между ними (мормонами), говоритъ Бидль, геніальность (?) остроумнаго преландца, обладающаго тонкостью ума израильянина, разумаго швей-

царца или живого непостояннаго француза. Для нихъ годны тупые саксонцы и трудолюбивые скандинавцы. Люди по большей части рождены (?) для извѣстныхъ формъ религіознаго вѣрованія; буддизмъ свойственъ монголамъ, спиритизмъ индѣйцамъ, магометанство имѣетъ своихъ собственныхъ послѣдователей, христіанство-же, хотя повсемѣстное въ своемъ окончательномъ развитіи, примѣнилось преимущественно въ Европѣ. Болѣе-же печальныя формы заблужденія, происшедшія изъ испорченнаго христіанства, находятъ своихъ послѣдователей между болѣе впечатлительными и глупыми европейскими поколѣніями... Мормонизмъ могъ зачатъ въ средѣ умныхъ, но не поддержался-бы долго безъ поддержки сѣверо-европейской расы» (стр. 179). Въ Долинѣ Соленнаго Озера, населенной исключительно мормонами, одна треть жителей—англичане, другая треть или болѣе—переселенцы изъ Швеціи, Норвегіи и Даніи, и только шестая часть американцевъ, которые занимаютъ всѣ доходныя и почетныя мѣста, потому что остальные невѣжественны и тупы. Религіозный фундаментъ мормонизма заложенъ былъ, правда, американцами, но замѣчательно, что въ числѣ ихъ не было ни одного человѣка, дѣйствовавшего по убѣжденію. Это были большей частью аферисты, искатели «теплыхъ мѣстъ», воры, разбойники, или же люди, «рожденные для власти». Въ личности Іосифа Смита, основателя мормонизма, соединяются почти всѣ эти качества вмѣстѣ, и сами мормоны очень хорошо знаютъ это. Брайамъ Юнгъ, нынѣшній глава мормоновъ, выражается о Смитѣ такимъ образомъ: «пророкъ былъ низкаго происхожденія, неводерженъ, даже безчестенъ и лживъ въ юности—но это вовсе не касается его миссіи. Богъ всемогущъ и часто пользуется самыми низкими орудіями. Іосифъ создалъ религію, которая спасетъ насъ, если мы будемъ ея придерживатъся. Возразите что нибудь противъ этого, если можете. Я не обращаю вниманія на то, что онъ игрокъ, лжетъ, божится и ѣздитъ каждый день на лошадахъ, такъ какъ это не касается моей вѣры. Религія— все во всемъ» (стр. 10). Таковы всѣ руководители мормоновъ и вся ихъ теократическая администрація съ ея президентами, апостолами, епископами, старшинами, евангелистами и миссіонерами. Всѣ эти люди связаны съ мормонизмомъ личными интересами и они всѣми силами держатся за него, зная, что вмѣстѣ съ нимъ погибнуть и они. О самомъ Брайамѣ «развитые и свободномыслящіе» мормоны весьма невысокаго мнѣнія. Они обвиняютъ его въ деспотизмѣ, въ присвоеніи чужого имущества и чужихъ женъ, въ лихоимствѣ и другихъ преступленіяхъ. Впрочемъ, есть и такіе мормоны, которые, поддерживая эти обвиненія,

находятъ все-таки, что пророкъ «искрененъ въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ». «Я, съ своей стороны, говоритъ Бидль, скорѣе смо-  
 трю на него какъ на ту странную смѣсь обманщика и фанатика, су-  
 ществованіе которой доказала намъ исторія въ лицѣ, напр., флорен-  
 тинца Савонароллы и іезуита Лойолы» (стр. 217). Такой взглядъ  
 психологически правдоподобенъ. Задавшись первоначально личными цѣ-  
 лями самаго грязнаго свойства, дѣйствуя съ однимъ лишь намѣрені-  
 емъ — выгодиѣ эксплуатировать глупость и невѣжество массы, мор-  
 монскіе пророки впослѣдствіи сами изумились, до какихъ серьезныхъ  
 размѣровъ разрослась ихъ продѣлка и барышническая спекуляція. От-  
 ступать было поздно, да и тяжело въ виду выгодъ и обилія зем-  
 ныхъ благъ, которыя сулила новая жизнь. Гораздо легче было увѣ-  
 рить себя, подъ впечатлѣніемъ торжественности разыгравшейся драмы,  
 въ нѣкоторой справедливости своего вымысла. И они увлеклись соб-  
 ственной ложью и увлеклись тѣмъ сильнѣе, что нашлись люди, ко-  
 торые горячо увѣровали въ нее и помогли воплотить ее въ жизнь.  
 Эти люди почти всецѣло состоятъ изъ европейцевъ; они образуютъ  
 собой самый прочный и опасный элементъ мормонизма, такъ какъ,  
 благодаря ихъ невѣжеству и глупости, къ нимъ съ чрезвычайнымъ  
 трудомъ проникаетъ цѣлебное вліяніе американской жизни.

Европа несомнѣнно выиграла отъ того, что та психически-больная,  
 развращенная во всѣхъ проявленіяхъ духовной жизни, глубоко-невѣ-  
 жественная и нищая часть ея населенія, которая составляетъ почти  
 исключительный контингентъ мормоновъ, не осталась въ ея предѣ-  
 лахъ, но переселилась въ Америку. Трудно въ самомъ дѣлѣ сказать,  
 до какихъ размѣровъ разросся-бы въ Европѣ мормонизмъ и какъ долго  
 продлилось-бы здѣсь его существованіе подъ вліяніемъ репрессивныхъ  
 мѣръ со стороны государства и общей тяжелой атмосферы, подъ дав-  
 леніемъ которой сложилось это уродливое явленіе. Примѣромъ мормо-  
 новъ Америка еще разъ доказала, что въ дѣлѣ религіозныхъ вѣрова-  
 ній, какъ и во всемъ, должна быть предоставлена полная и безуслов-  
 ная свобода. Скопческія секты въ Россіи существуютъ столѣтія и,  
 судя по всему, обѣщаютъ еще долго процвѣтать. Мормоны-же счи-  
 таютъ себѣ всего 40 лѣтъ, и съ каждымъ годомъ близится ихъ ко-  
 нецъ. Особенно громкій протестъ слышится въ средѣ мормонокъ, ко-  
 торыя грозятъ уничтожить одинъ изъ главныхъ догматовъ мормониз-  
 ма — многоженство. Но стоитъ лишь вынуть этотъ камень, и все  
 зданіе рассыпется, какъ карточный домъ. Молодое поколѣніе мормо-  
 новъ вообще разумно и все сильнѣе и сильнѣе поддается вѣянію здо-  
 ровой американской жизни. По свидѣтельству Бидля, «большинство

мелодыхъ моржоновъ вольнодумцы и анти-многоженцы», и, такимъ образомъ, можно подуматъ, что въ настоящее время «святые» доживаютъ именно тѣ «последніе дни», въ виду которыхъ они приняли на себя свою странную миссію человѣческаго возрожденія.

„Механическая теорія теплоты, основанная на вращательномъ движеніи молекул“, Л. К. Попова. С.-Петербургъ. 1872 года. Ц. 1 р.

Должно быть интересная книжка, могли подуматъ многіе, читая въ газетахъ объявленіе о выходѣ ея въ свѣтъ.—Вѣроятно, въ ней ясно и въ то-же время строго-научно разобрано ученіе о теплотѣ. Но они горько ошиблись, хотя послѣ сочиненія Тиндала, «Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія», глубоко, научно и многосторонне разработавшаго свою задачу, русскому физику, трактующему о тѣхъ-же научныхъ вопросахъ, не трудно было сдѣлать свою книгу интересной, если онъ только обладаетъ нѣкоторой долей таланта. «Эфирная гипотеза», помощію которой Тиндалъ объясняетъ теплородныя явленія—не нова и давно признана большинствомъ ученыхъ и массою ихъ послѣдователей. Г. Поповъ, не признавая этой гипотезы, противопоставляетъ ей свою теорію-гипотезу, которая, по его мнѣнію, объясняетъ теплородныя явленія полнѣе и лучше эфирной. Для вящей доказательности своихъ новыхъ открытій, г. Поповъ снабжаетъ свою книгу обильными ссылками на многочисленные источники, а также выписками, которыми наводнена его книга. Нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ занимаютъ по двѣ и по три страницы сплошь. Тутъ находится и «Теплота»—Тиндала, и «Соотношеніе физическихъ силъ»—Грове, и законъ сохраненія силы—Гельмгольца, и «Основаніе біологій»—Спенсера, и «Огюсть Контъ и положительная философія»—Льюиса и еще два-три хорошія сочиненія, а затѣмъ большое количество весьма почтенныхъ и всѣмъ извѣстныхъ именъ Ньютона, Коперника, Ог. Конта, Деви, Мейера, Румфорда, Дюлонга, Пти и т. д. При всемъ томъ книга г. Попова просто пустая болтовня, доказывающая полнѣйшее незнакомство автора съ самыми элементарными научными понятіями.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что г. Поповъ обладаетъ весьма пылкимъ воображеніемъ и крайнею самоувѣренностью, до-



ходящую до мономаніи. Вслѣдствіе этого онъ дѣйствительно *сочинилъ* цѣлую теорію-гипотезу и приподнесъ ее публикѣ, какъ нѣчто вполне достовѣрное и точно-проевѣренное. На самомъ-же дѣлѣ это не болѣе какъ фантазія автора, правда, довольно остроумная, но которая все-же останется фантазіей до тѣхъ поръ, пока не будетъ строго и вполне научно доказана.

Прежде всего въ книгѣ г. Попова надо отдѣлать нѣсколько вѣрныхъ положеній, общеизвѣстныхъ и поддерживаемыхъ многими учеными, отъ *сочиненнаго самимъ авторомъ* и составляющаго самую *суть* книги. Теплота, разсматриваемая какъ частичное движеніе матеріи, а не эфира, самое существованіе котораго подлежитъ сильному сомнѣнію,—ученіе все болѣе и болѣе распространяющееся въ настоящее время. Можно даже навѣрное сказать, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ науки, оно вытѣснитъ, въ концѣ концовъ, эфирную гипотезу, какъ послѣдняя уже вытѣснила гипотезу невѣсомыхъ жидкостей. Механическій эквивалентъ теплоты, опредѣляющій точное отношеніе между работою и теплою, какъ различными родами частичнаго движенія, найденный и вычисленный Мейеромъ еще въ 1842 году, наблюденія Дж. Гершеля надъ атмосферою луны, помѣщенные въ мемуарахъ бельгійской академіи наукъ въ 1856 г. и доказывающія существованіе воздуха, т. е. матеріи въ межъ-планетныхъ пространствахъ, и другіе подобныя факты служатъ сильными доказательствами въ пользу взгляда на теплоту, какъ особый видъ частичнаго движенія матеріи. Поэтому онъ не только поддерживается и разрабатывается нѣкоторыми учеными и проводится ими въ ихъ сочиненіяхъ (напр., см. «Соотношеніе физическихъ силъ»—Грове), но объ немъ упоминаютъ во всѣхъ новѣйшихъ руководствахъ по естественнымъ наукамъ и обращаютъ на него вниманіе учащихся. Изъ числа такихъ руководствъ русскихъ авторовъ не могу не указать на «Основы химіи»—Менделѣева и «Курсъ наблюдательной физики»—Петрушевскаго, профессоровъ с.-петербургскаго университета. Но этимъ все дѣло и кончается. *Какого рода* это частичное движеніе матеріи, точно также, какъ какого рода частичное движеніе электричества, магнетизмъ, химическое средство и другія силы природы—неизвѣстно. Дальше лежитъ свободное поле для изслѣдованія. Дальше можно или кропотливо собирать факты, производить наблюденія, и затѣмъ по немногу обобщать добытые результаты, т. е. дѣйствительно, приносить пользу наукѣ и двигать ее впередъ, или заниматься метафизикою, философствовать и *сочинять* гипотезы à la г. Поповъ. Конечно, всякій можетъ заниматься чѣмъ желаетъ, что ему болѣе доступно и болѣе по вкусу.

Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что между дѣломъ и самодовольнымъ толченіемъ воды есть также маленькая разница, на которую не мѣшаетъ указывать хоть ради пословицы: ври, но знай-же и вѣру,—пословицы, составляющей девизъ переживаемой нами литературной эпохи...

Гипотезы—вообще очень скользкій путь. Являлись и прежде, являются и теперь многіе скороспѣлые мыслители, желающіе открывать новые законы природы, объяснять неизвѣстное, отыскивать разныя «конечныя причины», и эти господа тормозятъ науку своими измышлениями, непровѣренными ни математическимъ анализомъ, ни фактами. Исторія наукъ показываетъ, что подобныя гипотезы и преждевременные выводы являлись и исчезали въ громадномъ количествѣ, подобно мыльнымъ пузырямъ; изъ нея-же мы видимъ, что даже сравнительно солидныя, провѣренныя и общепринятыя теоріи со временемъ рушились и исчезали. Все это заставляетъ современныхъ ученыхъ крайне недовѣрчиво и осторожно относиться къ различнымъ попыткамъ широкаго обобщенія, ко вновь возникающимъ законамъ, теоріямъ и гипотезамъ. Кроме того, въ настоящее время не столько обращаютъ вниманіе на самыя гипотезы, какъ объясняющія тѣ или другія явленія, сколько на ихъ *приложенія*. Сама по себѣ гипотеза не признается особенно вѣрною. Изъ нея извлекаютъ всевозможную пользу, она служитъ орудіемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, исходной точкой размышленія, но, взявъ изъ нея все, что можно, ее часто отбрасываютъ, тѣмъ болѣе, что многія изъ существующихъ и признаваемыхъ наукою гипотезъ, не только не объясняютъ вполнѣ и всѣхъ явленій извѣстнаго рода, но даже иногда противорѣчатъ прямому наблюденію, или являются крайне сложными и подчасъ несообразными. Стоитъ только вспомнить атомистическую гипотезу, гипотезу магнитныхъ жидкостей, гипотезу эфира и другія. Чтобы имѣть понятіе, какъ «истинные ученые» относятся къ выводамъ, для которыхъ еще не достаточно подготовлена почва, и къ произвольно измышляемымъ гипотезамъ, приведу слова Ог. Конта и Грове. Да не подумаетъ г. Поповъ, что я хочу сразить его этими авторитетами, такъ какъ онъ весьма сильно нападаетъ въ своей книгѣ на вѣру въ авторитеты, хотя самъ безпрестанно цитируетъ ихъ и наполняетъ выписками цѣлыя страницы. Впрочемъ, авторитетъ авторитету рознь. Если, наприкладъ, авторитетъ г. Попова ровно ничего не значить, то часто такіе авторитеты, какъ Ньютонъ, Дарвинъ, Контъ, Милль, Тиндаль и другіе значатъ очень много. Особенно странно мнѣ то, что тѣ-же слова Ог. Конта, которыя я сейчасъ приведу, приведены и въ кни-

гъ г. Попова (стр. 7), а между тѣмъ онъ какъ разъ сдѣлалъ то, противъ чего говоритъ Контъ. Странное противорѣчiе!.. Вотъ слова Конта: «Мы никогда не должны строить такихъ гипотезъ, природа которыхъ не допускаетъ положительной провѣрки и которыя имѣютъ ту-же степень точности, какая получается при изученiи явленiй. Другими словами: истинно философскiя гипотезы должны представлять характеръ простого предвзятiя того, что, при болѣе благопрiятныхъ условiяхъ, можетъ открыть опытъ и размышленiе» \*). И дѣйствительно. Теплота есть особый видъ частичнаго движенiя—гипотеза вполне научная, подтвержденная и фактами опыта, и математическимъ анализомъ. Но какое это движенiе, *родъ его*—до сихъ поръ намъ неизвѣстно. Можетъ быть, мы когда нибудь будемъ это знать, а, можетъ, и никогда не узнаемъ. Пока только можно сказать, что гипотезы «о молекулярныхъ орбитахъ» и «о продольныхъ молекулярныхъ группахъ», какъ неподтвержденные ни наблюденiемъ, ни вычисленiемъ—чистая фантазiя г. Попова. Грове, представившiй въ своемъ сочиненiи («Соотношенiе физическiхъ силъ») особенно вѣскiя доказательства въ пользу колебанiя обыкновенной матерiи, а не эфира отъ дѣйствiя свѣта, теплоты и т. д., въ нѣсколькихъ мѣстахъ этого прекраснаго труда возстаетъ противъ «метафизическiхъ вопросовъ и умозрѣнiй» и разныхъ отвлеченныхъ теоретическiхъ разсужденiй, которыя «завлекаютъ слишкомъ далеко на заманчивомъ пути метафизическiхъ выводовъ». На стр. 222 своего сочиненiя (переводъ Антоновича, 1865 годъ), онъ говоритъ слѣдующее: «Мы, впроятно, никогда не узнаемъ внутренняго строенiя матерiи и малѣйшихъ подробностей частичныхъ дѣйствiй. И дѣйствительно, трудно представить себѣ, чтобы умъ нашъ могъ когда-либо дойти до такого познанiя. Мельчайшiя части тѣлъ, неразлагаемыя современнымъ микроскопомъ, могутъ разложиться при увеличенiи его силы. Много вреда принесло наукѣ стремленiе гипотетически анатомировать матерiю для опредѣленiя формы, размѣровъ и числа атомовъ, съ ихъ тепловыми, эфирными, электрическими и тому подобными атмосферами». Подумайте, г. Пошовъ, не относятся-ли эти слова и къ вамъ, къ вашимъ гипотезамъ «о молекулярныхъ орбитахъ» и «о продольныхъ молекулярныхъ группахъ»? Профессоръ Петрушевскiй, говоря въ своемъ обширномъ «курсѣ» о частичныхъ силахъ и о механической теорiи теплоты, также предостерегаетъ противъ слишкомъ рѣшитель-

\*) „Огюсть Контъ и положительная философия“—Льюиса. стр. 115 („философiя наукъ Ог. Конта“.)

ныхъ выводовъ и говорить, между прочимъ, слѣдующее, въ концѣ статьи о частичныхъ силахъ: «Таковы вкратцѣ нѣкоторыя гипотезы, представляющіяся послѣ изученія частичныхъ явленій; наблюдательная физика должна подготовить путь къ ихъ развитію, какъ это было указано въ различныхъ частяхъ настоящаго отдѣла. Математическій анализъ сдѣлаетъ остальное» (томъ I, стр. 398). Такимъ образомъ, физика и математика—*наблюденіе и анализъ* представляются всѣми, какъ путь для развитія научныхъ гипотезъ и ихъ провѣрки. Ничего подобнаго нѣтъ у г. Попова. Приведу еще одну или двѣ выписки изъ курса г. Петрушевскаго для подтвержденія моей мысли: «Если гипотезу прямолинейнаго движенія газообразныхъ частицъ можно признать въ извѣстной мѣрѣ удовлетворительною, то относительно *рода движенія частицъ* въ твердыхъ и жидкихъ тѣлахъ, наука находится почти въ полномъ невѣденіи. Нѣкоторые ученые приписываютъ частицамъ вращательное движеніе, другіе—болѣе сложное» (т. II, стр. 708). Приведа кромѣ фактическихъ, математическія доказательства механической теоріи теплоты, г. Петрушевскій говоритъ въ заключеніе: «Настоящій краткій обзоръ нѣкоторыхъ частей механической теоріи теплоты показываетъ, какой пользы можно ожидать отъ соображеній, основанныхъ *не на какихъ-нибудь гипотезахъ*, но на фантастическихъ отношеніяхъ теплоты и работы, и на результатахъ опытовъ, выражающихъ свойство тѣлъ относительно измѣненія объема и давленія» (т. II, стр. 723). Рекомендую г. Попову обратить вниманіе на эти слова.

Итакъ книга, о которой идетъ рѣчь, вовсе не годится для спеціалистовъ. Бездоказательные выводы и фантастическая гипотеза г. Попова, не обратятъ даже на себя, по всей вѣроятности, ихъ вниманія. Убѣдить ихъ подобнымъ ребяческимъ способомъ невозможно, тѣмъ болѣе, что у сторонниковъ «эфирной теоріи» есть солидные сочиненія, въ родѣ «Теплоты» Тиндаля; и не только иностранныя, но и русскія, (напр., термостатика профессора Окатова). Да, судя по предисловію и нѣкоторымъ мѣстамъ книги, а также по способу изложенія, она не для нихъ и предназначена авторомъ. Но годится-ли она для публики, для читающей массы, на которую рассчитываетъ г. Поповъ?—Также не годится. Во-первыхъ, потому, что публикѣ вовсе не для чего знать то, что не достоверно, а гадательно, и принимать на вѣру ягру воображенія г. Попова. Преподносятъ читателямъ, пользуясь тѣмъ, что они не спеціалисты, а потому не могутъ такъ хорошо судить о выводахъ автора, подъ видомъ точной науки цѣлую книгу собственныхъ бредней, и заставляютъ ихъ вѣрить себѣ на слово,—по меньшей

шѣръ, неприлично. Но, отлагая въ сторону степень достовѣрности и основательности взглядовъ автора, посмотримъ на самое изложеніе. Всякій можетъ проводить, что ему угодно. Вѣрны или невѣрны, научны или ненаучны приемы изслѣдованія и выводы автора—это другое дѣло. Но *изложеніе* должно быть во всякомъ случаѣ безукоризненно. Тотъ, кто позволяетъ себѣ угощать публику дурными переводами, искаженіями, безграмотными сочиненіями, тотъ, кто относится къ дѣлу спустя рукава, небрежно, тотъ поступаетъ уже не просто неприлично, но глупо. Въ книгѣ г. Попова такъ и проглядываетъ: что-бы я ни написалъ—все хорошо, и будь всѣмъ доволенъ, потому ты что?—невѣжда, съ позволенія сказать, а я!—я, великій ученый и только изъ скромности назвалъ себя «пигмеемъ» на стр. 114, хотя, впрочемъ, тамъ-же замѣтилъ, что «читатель долженъ довольствоваться тѣмъ, что было сказано на предъидущихъ страницахъ». Только такими соображеніями и можно объяснить себѣ ту дерзость и небрежность, съ которою «пигмей» относится къ читателямъ. Такихъ неточностей въ выраженіяхъ, такихъ несообразностей, наконецъ, такой *ерунды*, въ полномъ смыслѣ этого слова, едва-ли можно встрѣтить въ какой-нибудь другой книгѣ, особенно-научнаго содержанія. Чтобы не слишкомъ утомлять читателей, я приведу имъ букетъ разныхъ прелестей изъ первыхъ 130 страницъ книги г. Попова, — всего въ ней 317 стр., но достаточно познакомиться и съ первыми 130-ю стр., чтобы видѣть, какъ къ ней слѣдуетъ относиться. Возьмемъ, напр., на стр. 19-й «несложную задачу», относящуюся къ эквиваленту теплоты. Задача дѣйствительно несложная. Да и вообще г. Поповъ старается объяснить все очень «несложно» — простыми арифметическими выкладками, думая, вѣроятно, что этимъ лучше достигается популярность изложенія. Но самая гипотеза его не только сложна въ противоположность этимъ доказательствамъ и задачамъ, но и неудобопонятна. Итакъ несложная задача задается самымъ безтолковымъ образомъ.

*Курьезъ № 1-й.* Положимъ, говорить г. Поповъ, что 20-ти фунтовая желѣзная гиря падаетъ съ высоты 193 футовъ; при паденіи этого тѣла на сколько *градусовъ* должна *повыситься его температура*? Неужели подобная задача сколько-нибудь научна, виѣтъ-ли она что-либо общее съ понятіемъ объ *эквивалентѣ теплоты*, и не правъ-ли будетъ тотъ, который отвѣтитъ на нее «ученому», сказавъ: нагрѣтся на  $0^{\circ}$ . Дальше, рѣшая задачу, авторъ говоритъ, что тѣло *при паденіи* «развиваетъ» теплоту—выраженіе также невѣрное, хотя существенно отличающееся отъ перваго, а въ концѣ

рѣшенія опять выходитъ, что тѣло «нагрѣлсь», т. е. прежняя нелѣпость. Еще дальше—тепло опять «развивается» и т. д.

*Курьезъ № 2-й.* «Если металлическій шаръ привязать къ шнурку и заставить его вращаться около руки, онъ будетъ описывать круговую линію. Въ своемъ движеніи шаръ подвергается вліянію двухъ силъ: махательному дѣйствію руки, вслѣдствіе котораго онъ приобретаетъ *центробѣжное* движеніе — и сопротивляющей силѣ бичевы, которая не даетъ шару двигаться по прямой линіи. (стр. 21.) Стоишь развернуть учебникъ физики г. Краевича, отличающійся въ противоположность книгѣ г. Попова чрезвычайной точностью въ выраженіяхъ и опредѣленіяхъ, чтобы увидать здѣсь грубую ошибку. Всякій гимназистъ скажетъ вамъ по этому учебнику слѣдующее опредѣленіе центробѣжной силы. «Сила, съ которою тѣло имѣетъ наклонность двигаться прямолинейно и производитъ вслѣдствіе этого давленіе на препятствія, мѣшающія такому движенію, называется *центробѣжной*», (стр. 69.) Слѣдовательно выходитъ, что махательное дѣйствіе руки произведетъ только вращательное или круговое движеніе, а центробѣжная сила явится вслѣдствіе сопротивленія бичевы. Какъ разъ обратное тому, что говоритъ г. Поповъ.

*Курьезъ № 3-й.* «Если пустую колбу...—что это иронія со стороны г. Попова, такъ-какъ колба вовсе не пустая, а наполнена воздухомъ? если иронія, то можно замѣтить, что въ физикѣ она нелѣпна, — окружить снѣгомъ или толченымъ льдомъ, и ея горло, загнутае въ колѣчатую трубочку, погрузить въ воду, то мы замѣтимъ, какъ вода, подымаясь мало-по-малу по трубочкѣ, наполнить часть нашей колбы». Опытъ, полагаю, всѣмъ извѣстный. Далѣе слѣдуетъ объясненіе его и въ концѣ г. Поповъ извѣщаетъ, «что въ колбѣ образуется *торричеллева пустота*, куда и вгоняется вода давленіемъ внѣшней атмосферы» (стр. 38). Знаетъ-ли г. Поповъ, что такое *торричеллева пустота* и какъ понимаютъ всѣ этотъ терминъ? *Торричеллева или барометрическая* пустота образуется *только* въ барометрѣ, послѣ того какъ ртуть прокипятятъ въ барометрической трубкѣ, чтобы окончательно выгнать оттуда воздухъ, и есть почти совершенная пустота. Въ такомъ смыслѣ употребляется этотъ терминъ всѣми и всегда, начиная съ того-же «учебника физики» (стр. 116) и кончая спеціальными сочененіями. Спрашивается: какую пустоту надобно имѣть въ головѣ, чтобы говорить подобныя нелѣпости, какія говоритъ г. Поповъ?

*Курьезъ № 4-й.* На стр. 53 опять невѣрное употребленіе термина: центробѣжная сила. Говоря о скорости движенія воздуха отъ

запада къ востоку, г. Поповъ заканчиваетъ свое разсужденіе слѣдующими словами: «А чѣмъ больше мы будемъ приближаться къ полюсамъ, гдѣ радиусы *параллельныхъ круговъ широты* (!) (развѣ есть параллельные круги долготы?)— еще меньше, тѣмъ медленнѣе будетъ эта скорость т. е. *центробѣжная сила*». Опять-таки ведемъ, даже семинаристамъ извѣстно, что движеніе воздуха происходитъ вслѣдствіе кругового, вращательнаго движенія земли и что центробѣжная сила тутъ не при чемъ. Если она что дѣлаетъ, то уменьшаетъ вѣсѣ тѣлъ, т. е. оказываетъ вліяніе на силу тяжести, а никакъ не на передвиженіе воздушныхъ массъ. Гельмгольцъ, говоря о томъ-же движеніи воздуха въ своемъ сочиненіи «Законъ сохраненія силы», ни разу, поэтому, не употребляетъ слова: центробѣжная сила.

*Курьезъ № 5-й.* Превосходящій всѣ прочіе. На стр. 69 г. Поповъ старается по своему т. е. «несложнымъ» арифметическимъ приѣмамъ доказать, что «кубическое расширеніе (собственно, *коэффициентъ* кубическаго расширенія; но развѣ можно требовать точности отъ г. Попова!) твердыхъ тѣлъ равно устроенному коэффициенту линейнаго расширенія». Положеніе вѣрное; но доказательство до того нелѣпо, что недоумѣваешь, откуда подобная идея могла попасть въ голову г. Попова. Всякій изъ насъ знаетъ, что объемъ куба равенъ кубу его ребра, а тутъ намъ совершенно хладнокровно объявляютъ и доказываютъ, что *объемъ куба равенъ утроенному ребру его* и, въ концѣ концовъ, прибавляютъ, «*что и требовалось доказать*». Одолжилъ! нечего сказать!..

*Курьезъ № 6-й.* На стр. 104 опредѣленіе величины давленія атмосферы произведено то-же «несложнымъ» способомъ. «Уже давно изъ опытовъ Торричелли было извѣстно, говоритъ г. Поповъ, что давленіе атмосферы на каждый *квадратный дюймъ* равно давленію ртутнаго столба, высота котораго 30 дюймовъ, а *діаметръ 3 линіи*». (!?) Вотъ это неподражаемо! Давленіе на квадратный дюймъ, а столбъ ртути почему-то получается цилиндрическимъ, да еще съ діаметромъ *въ 3 линіи*. Вслѣдъ-же за этимъ говорится совершенно другое, говорится вѣрно, почему и выводъ получается вѣрный.

*Курьезъ № 7-й.*.. Если вышеприведенныя выписки не убѣждаютъ читателя, то мы рекомендуемъ ему обратиться къ самой книгѣ г. Попова; наше дѣло было указать только на нѣкоторыя болѣе крупныя нелѣпости. А сколько еще мелкихъ неточностей въ выраженіяхъ, которыя въ книгѣ научнаго содержанія, да еще имѣющей претензію проповѣдывать новыя истины, также не могутъ быть терпимы. На стр. 20 вы находите: „*кусокъ двадцати-фунто-*

*вазо желъза*“, на стр. 56 — *температуру* (1) *тепла*; на стр. 90 вы узнаете что, газообразное *состояніе* тѣлъ обладаетъ наименьшей *силой сиптленія*, а на стр. 91, что «твердое *состояніе* тѣлъ обладаетъ наибольшей *энергіей сиптленія*», на стр. 107 вы должны «представить себѣ» шаръ „*совершенно твердый*“ вмѣсто не упругаго шара и т. п.

Что-же касается цвѣтовъ краснорѣчія нашего ученаго мужа; то они разсыпаны по книгѣ въ такомъ изобиліи, что не знаешь, чему удивляться—цвѣтамъ или бессмыслицамъ авторскаго творчества. Есть выраженія темныя, неудобопонятныя, которыми, видимо, щеголяетъ г. Поповъ. Онъ спроста не скажетъ и словечка „*Агентъ природы*“; мысль «*будоражила мозги*»; скученность молекулъ „*хаотична*“; величины коэффициентовъ расширенія твердыхъ и жидкихъ тѣлъ „*замѣтно разнообразны и всесторонне запутаны*“; внутреннее физическое строеніе тѣлъ «въ высшей степени *специфично и индивидуально характерно* — вотъ перлы краснорѣчія г. Попова. Слова: дифференцируясь, дезинтегрируясь, потенциальная напряженность и другія подобныя встрѣчаются также весьма часто, не смотря на то, что въ предисловіи говорится, что авторъ излагаетъ свои мысли «возможно популярно».

Кромѣ приведеннаго вранья, искаженій и недосмотровъ сочиненіе г. Попова еще замѣчательно претензіей на ту «дешевую популярность», которая въ рукахъ ничѣмъ не стѣсняющихся писателей начинается съ нѣкотораго времени служить приманкой для публики, любящей «пикантное либеральничанье». Такъ, напримѣръ, въ началѣ предисловія, вы встрѣчаете выписку изъ Молешота, слова безспорно вѣрныя и прекрасныя, но неимѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что вслѣдъ за этимъ, какъ-бы въ видѣ поясненія, говоритъ самъ авторъ. На страницѣ 69 напечатано: «Но гдѣ причина явленій—механическое свойство вещества, — тамъ эти явленія подчиняются строгимъ законамъ природы, тамъ царствуетъ абсолютная необходимость — и тамъ воля или высшій разумъ — не могутъ имѣть мѣста». Прежде всего на эти слова слѣдуетъ замѣтить, что самъ авторъ, толкующій о «строгихъ законахъ природы», какъ видно изъ всего, имѣетъ о нихъ самое поверхностное понятіе, а во-вторыхъ—что хорошо у таланта, что хорошо въ сочиненіяхъ Фогта, Бюхнера и т. д., въ талантливой популяризаціи Писарева; то никуда не годится, когда бездарность станетъ повторять это ни къ селу, ни къ городу. Такихъ мѣстъ въ сочиненіи г. Попова не мало. Неужели авторъ полагалъ поднять свою книгу такими выходками? Что-же остается отъ книги г. Попова, если от-



бросить его непровѣренную гипотезу, не считая даже всей вышеуказанной ерунды. Остается масса извѣстных фактовъ, ничѣмъ несвязанныхъ (разъ что гипотеза не провѣрена) и только обременяющихъ голову читателя, куча выписокъ изъ очень почтенныхъ сочиненій и нѣсколько таблицъ цифръ. Что выносить читатель изъ этой ничѣмъ несвязанной массы фактовъ и цитать?—Ничего. Чтобы познаться съ тѣмъ взглядомъ, который, судя по предисловію и заключенію, желалъ привести г. Поповъ, всякому стоитъ прочесть только «Соотношеніе физическихъ силъ Гроуе и «Законъ сохраненія силы» Гельмгольца. И короче и интереснѣе. А ужъ относительно научной основательности и пользы, которую вынесетъ читатель изъ этого чтенія, не можетъ быть и сравненія съ сочиненіемъ г. Попова, по окончаніи котораго такъ и хочется спросить:

И зачѣмъ было огородъ городить?

Какъ зачѣмъ? Г. Попову желательно «поучать» публику, содѣйствовать распространенію знаній, популяризировать науку. Что-жъ, цѣль очень хорошая. Но хорошая цѣль требуетъ и хорошаго исполнителя, и добросовѣстнаго исполненія. Читая же г. Попова, невольно вспоминаешь басню Крылова «Пустынникъ и медвѣдь» и ея нравоученіе. Кромѣ того автору лестно «заявить о себѣ почтеннѣйшей публикѣ» и потому, хотя онъ и сознаетъ себя «пигмеемъ», но такъ какъ, выражаясь его языкомъ, мысль «будоражить мозги его», то онъ и начинаетъ излагать великія истины и строить гипотезу, которая выходитъ «хаотична и всесторонне запутана».

Вообще изъ сочиненія г. Попова видно, что онъ довольно много прочелъ, но не переработалъ прочтеннаго, не уяснилъ его себѣ и, обладая, какъ я уже сказалъ, пылкимъ воображеніемъ и самоувѣренностью, началъ строить гипотезы и поучать публику. «Мысль будоражить его мозги», ему непремѣнно хочется произвести на свѣтъ что-нибудь самостоятельное и вотъ онъ начинаетъ чревоушачать. Что выходитъ изъ этого чревоушачанія—мы уже видѣли. Читая подобныя произведенія, невольно вспоминаешь слова покойнаго Писарева: «дерзость наша равняется только нашей глупости и только глупостью нашей она можетъ быть объяснена и оправдана».

Листни изъ записокъ на чужбинѣ. Заѣзжаго тулупа. Выпускъ первый. Цѣна 1 р. 50'к. Спб. 1872 г.

Наконецъ-то «гнилой Западъ» дождался своего ревностнаго обличителя «въ Заѣзжемъ тулупѣ», который всего лучше доказываетъ намъ, что выродившееся московское славянофильство рано или поздно должно было превратиться въ патологическое явленіе. И если мы останавливаемъ вниманіе читателя на этой полоумной книжонкѣ, то вовсе не за тѣмъ, чтобы подвергать ее критикѣ, а единственно потому, чтобы указать на нее, какъ на признакъ времени, свидѣтельствующій о переходѣ славянофильскихъ галлюцинацій въ періодъ полного и несомнѣннаго умопомѣшательства... Что «скоротѣнный Западъ» долженъ былъ показаться «Заѣзжему тулупу» козломъ очищенія за всѣ ошибки и преступленія европейской цивилизаціи, а Москва «бѣлокаменной столицей будущности міра» — это нисколько не удивляетъ насъ, но удивительно то, что авторъ «Листковъ» рѣшился выступить печатно съ своей книжкой и, такимъ образомъ заявить о себѣ, какъ о будущемъ пациентѣ г. Балинскаго.

Говоря объ упадкѣ французской нравственности, объ испорченности народнаго характера, повсемѣстномъ невѣжествѣ и глубокой политической деморализаціи сельскаго населенія во Франціи, третируя все «чужое» свысока и презрительно превознося «свое», Заѣзжій тулупъ договаривается иногда до такихъ чудовищныхъ абсурдовъ, какіе намъ рѣдко случалось встрѣчать даже въ нашемъ литературномъ вертоградѣ. Такъ, говоря о судопроизводствѣ во Франціи, авторъ находитъ его, разумѣется, никуда негоднымъ и нестоящимъ подметки нашего (?) русскаго суда по совѣсти. «Я считаю даже счастливымъ и справедливымъ въ исторіи фактомъ, говоритъ авторъ, что Франція до сихъ поръ не воспользовалась нашими данными для развитія и примѣненія у себя началъ разбирательства по совѣсти» (стр. 83). Положимъ, что судъ по совѣсти—нашъ судъ, а не заимствованъ у той-же Франціи, положимъ, что эта форма суда есть «одинъ изъ громаднхъ и окончательныхъ элементовъ прогресса человѣческаго», пусть все это справедливо. Но если вы, г. Заѣзжій тулупъ, сыты, то справедливо-ли, чтобы другой былъ голоденъ, и въ чемъ будетъ состоять для васъ счастье, если этотъ другой лишень того, что вы считаете для себя хорошимъ? Впрочемъ, не вы первый, г. Заѣзжій тулупъ, и не вы послѣдній.

Филиппика Заѣзжаго тулуца противъ Франціи, или, какъ онъ называетъ ее, «вражьяго грунта», проникнута такой страстной, патетической злобой, мѣстами, впрочемъ, весьма туманной, что для объясненія ея едва-ли достаточно указать на его славянофильскія доктрины. Предаваясь «разумной студіи надъ обществомъ», онъ видѣлъ, какъ «гниль проглядывала черезъ открытыя раны, паршъ раскинулась на всемъ въ полумракъ, нарочито устроенномъ тяжелыми занавѣсами распущенности, разврата и злодѣянія» (стр. 200). Ему мерещится «улыбка ироніи» Франціи и ея «кровавый взглядъ на насъ», что, признаться, для насъ такъ-же ново, какъ и то, что французская администрація ходитъ не иначе, какъ съ «жезломъ лжи», и «увѣковѣчиваетъ корону Бонапарта на алтарь его изнеможенія» (стр. 79). Досталось отъ Тулуца и В. Гюго, произведенія котораго Заѣзжій тулуцъ называетъ «лихо-радочными углемараніями», а о своихъ «запискахъ» говорить, что это просто «бумаго-жараніе». Мы думаемъ, что ненависть и злоба Заѣзжаго тулуца объясняются тѣмъ, что онъ производилъ свои наблюденія при совершенно-исключительныхъ обстоятельствахъ. Судя по его словамъ, онъ провелъ большую часть своего времени не среди здороваго французскаго населенія, а въ домѣ умалишенныхъ, куда его заточила французская администрація. Мы упоминаемъ объ этомъ грустномъ обстоятельстве безъ всякой задней мысли и хотимъ только сказать, что домъ умалишенныхъ — плохая обсерваторія, — производитъ-ли оттуда свои наблюденія здоровый или больной человекъ. Къ какой категоріи принадлежитъ авторъ, мы не знаемъ и думаемъ, что, скорѣе всего, и къ той, и къ другой. По крайней мѣрѣ, онъ самъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги, проситъ читателей не забывать о постигшей его участи. Вотъ, напр., что говоритъ онъ, заключая свои «Записки»: «Кстати, вспомни, читатель, что пишетъ официально сумасшедшій, и не дивись, что покончилъ тамъ, гдѣ ты думалъ найти начало». Есть мѣста въ «Запискахъ» Заѣзжаго тулуца, которыя объяснимы только съ помощью этого замѣчанія. Таково его предисловіе и переводныя стихотворенія, которыми онъ знакомитъ читателя съ средневѣковой провансальской литературой, причемъ извиняется за переводъ «рифмованной строкой». Приведемъ послѣднее стихотвореніе:

„Слѣпая плачетъ, молитъ горькою слезой, на колѣняхъ вишь,  
Слеза въ сердцѣ матери, слеза бѣдной горой, отказать какъ бишь?  
Когда до ясель Божихъ подошла, слѣпая счастьемъ задрожала,  
Христа ручку къ сердечку прижала большая, тутъ-же прозрѣла“.

Впрочемъ, другія стихотворенія не менѣе замѣчательны.

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

---

Новыя затрудненія по алабамскому дѣлу. — Невозможность войны между Англійей и Соединенными Штатами. — Негодование Англии по поводу счета убыткамъ представленнаго Соединенными Штатами. — Обвиненія противъ Гладстона. — Нравственное значеніе вашингтонскаго трактата. — Предстоящіе президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ. — Агитація нѣмецкой партіи. — Неудачное обвиненіе президента Гранта Карломъ Шюрцомъ. — Конвентъ въ Цинцинати. — Союзъ Грили съ демократами. — Замѣчательная дѣятельность Грили, какъ журналиста. — Соперникъ Грили, издатель „Herald'a“, Бенетъ. — Его безцеремонное отношеніе къ общественному мнѣнію. — Актъ высокой политической нравственности. — Карлистское возстаніе въ Испаніи. — Выборъ короля Амедея. — Убійство Прима. — Сліянiе партій изабелистовъ и монпансьеристовъ. — Неудачная манифестація карлистовъ. — Рѣчь Кастелъера. — Министерство Зорильи. — Торжественное путешествіе короля по Испаніи. — Выборы президента палаты. — Министерство Сагасты. — Его непопулярность. — Вражда съ палатой. — Распушеніе палаты. — Бурныя сцены въ палатѣ. — Общее негодование. — Насилія и подкупы на выборахъ.

Вотъ уже нѣсколько недѣль биржи въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Великобританіи съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за споромъ, возникшимъ между правительствами обѣихъ странъ по поводу вознагражденія за убытки, нанесенныя англійскими корсарями американскому торговому флоту во время войны сѣверныхъ аболіціонистовъ противъ южныхъ рабовладѣльцевъ; князья биржи какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ рѣшительныхъ телеграммъ, чтобы, руководствуясь ими, играть въ повышение или въ пониженіе публичныхъ фондовъ. По временамъ раздаются мрачныя предсказанія на счетъ предстоящей войны между двумя великими націями англо-саксонскаго племени, но, конечно, не надо быть завзятымъ оптимистомъ, чтобы положительно утверждать, что подобное предсказаніе, по меньшей мѣрѣ, неосновательно, и что

война между Соединенными Штатами и Англiей невозможна уже потому, что для Соединенныхъ Штатовъ не представляется въ ней никакого интереса, а Англiя, по многимъ причинамъ; вести ее рѣшительно не можетъ. До тѣхъ поръ, пока Соединенные Штаты не погасятъ своего громаднаго долга, накопившагося у нихъ во время войны съ рабовладѣльцами; до тѣхъ поръ, пока они не залечатъ своихъ ранъ, полученныхъ въ это время и хотя замаскированныхъ пурпурной мантией побѣды, но тѣмъ не менѣе все-таки существующихъ; до тѣхъ поръ, пока не водворится полное согласiе между сѣверными и южными штатами и не уничтожится взаимная ненависть побѣжденныхъ рабовладѣльцевъ и побѣдителей аболиционистовъ, — со стороны Соединенныхъ Штатовъ было-бы признакомъ крайней неосторожности, чтобы не сказать, безумiя, если-бы они вздумали хотя-бы, и по справедливымъ побужденiямъ, начать войну съ Англiей, неприготовленность которой къ войнѣ слишкомъ очевидна. Этого, конечно, не случится: Джонъ-Буль и братецъ его Джонатанъ оба опытные и ловкіе торговцы; они, пожалуй, передъ судомъ наговорятъ другъ другу много неприятнаго, но никогда не сдѣлаютъ такой глупости, чтобы стали бить со злости фарфоръ и фаянсъ въ своихъ лавкахъ.

Однакожь распутать ихъ споръ дѣло вовсе не легкое. Не говоря уже о косвенныхъ убыткахъ, весьма трудно опредѣлить съ точностію даже и прямые убытки, полученные торговымъ флотомъ сѣверныхъ штатовъ отъ враждебныхъ дѣйствiй англійскихъ корсаровъ, находившихся на службѣ у рабовладѣльцевъ южныхъ штатовъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ существуетъ какое-нибудь мѣрило, которое можно-бы принять за основаніе при исчисленіи этихъ убытковъ? Посредники, на разрѣшеніе которыхъ отданъ споръ, поставлены въ крайне-затруднительное положеніе, они почти убѣждены, что всякій приговоръ, ими произнесенный, возбудитъ неудовольствiе обѣихъ сторонъ. Развѣ мало затрудненій приходится преодолевать суду даже при разрѣшеніи тяжбы за какой-нибудь клочекъ земли? Извѣстно, что Парагвай и Аргентинская конфедерація спорятъ за обладаніе степью Гранчако; и тотъ и другая имѣютъ на нее почти безспорныя права; третейскій судъ, повидимому, очень легко могъ-бы разрѣшить ихъ распрю: раздѣлить по-поламъ пустыню — и дѣлу конецъ; однакожь и здѣсь могли-бы встрѣтиться затрудненiя, способныя на долго затянуть дѣло. На сколько-же увеличиваются подобныя затрудненiя въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло не съ писанными документами, степень значенія которыхъ опредѣляется точно существующимъ въ странѣ законодательствомъ, а съ претензіями, основанными на пред-

положеніяхъ, на приблизительномъ расчетѣ. Есть-ли возможность высчитать точно косвенные убытки, требуемые Соединенными Штатами съ Англіи. Конечно, высчитать ихъ съ математическою точностью нельзя, однакожъ все-таки возможно опредѣлить ихъ приблизительно, что обязанъ сдѣлать третейскій судъ, собранный въ Женевѣ. Слѣдовательно можно надѣяться, что первый опытъ международнаго суда долженъ быть удаченъ, если враждующія стороны захотятъ искренно подчиниться его приговору. Этотъ судъ рѣшить, на сколько преувеличены (если только они преувеличены) требованія Соединенныхъ Штатовъ, и затѣмъ опредѣлить, какая именно сумма достаточна для возмѣщенія понесенныхъ ими убытковъ.

Требованія Соединенныхъ Штатовъ съ перваго взгляда поражаютъ своей чрезмѣрностію, но тѣмъ не менѣе онѣ очень близки къ истинѣ. Они требуютъ уплаты: 1) вознагражденія (прямые убытки) за истребленные корсарами корабли и грузы, на нихъ находившіеся; 2) чрезвычайныхъ издержекъ, которыя прямо обуславливались дѣйствіями корсаровъ, вышедшихъ изъ англійскихъ портовъ; 3) потерь, понесенныхъ американскимъ торговымъ флотомъ отъ уменьшенія дохода по перевозкѣ грузовъ, которымъ воспользовались корабли англійскаго торговаго флота; 4) дополнительной страховой преміи, уплаченной американскими кораблями въ виду дѣйствій англійскихъ корсаровъ; 5) расходовъ, на которые было вынуждено американское правительство подвозомъ англійскими корсарами инсургентамъ оружія и военныхъ припасовъ, какъ средствъ для продолженія войны; 6) семи процентовъ въ годъ на всѣ вышеозначенныя суммы, считая съ 1-го іюля 1863 года и 7) прямыхъ убытковъ, понесенныхъ частными лицами, сумма которыхъ, по точному изслѣдованію, опредѣлена въ 18 милліоновъ долларовъ.

Вся сумма требованій, заявленныхъ Соединенными Штатами, выражается громадною цифрою въ милліардъ съ четвертью рублей серебромъ. И эти убытки понесены всего въ какой-нибудь годъ и составляютъ менѣе третьей части всѣхъ расходовъ на войну, простиравшихся почти до четырехъ милліардовъ рублей. Слишкомъ дорого стоятъ людямъ ихъ ошибки и безуміе!

Натурально, этотъ расчетъ очень не понравился англичанамъ, они разгнѣвались и вознегодовали, въ особенности когда узнали, что ихъ министры, какъ какіе-нибудь простаки, дали себя совсѣмъ обойти. Американская газета „New York Herald“ сообщила, что во время обсужденія въ смѣшанной англо-американской комиссіи условій вашингтонскаго трактата, государственный секретарь иностранныхъ дѣлъ

Финшъ, отъ имени президента Гранта, прочиталъ проектъ требованій косвенныхъ убытковъ, которыя будутъ предъявлены Англiи. Тотчасъ-же англійскій премьеръ Гладстонъ получилъ по телеграфу уведомленіе объ этомъ чтеніи. Въ то время Гладстонъ и не подумалъ протестовать противъ предъявленія этихъ требованій третейскому суду въ Женевѣ. Поэтому коммиссія сочла, что англійское правительство заявило свое согласіе, чтобы этотъ документъ подвергся обсужденію третейскаго суда. Не могъ-же, въ самомъ дѣлѣ, англійскій кабинетъ не видѣть, что сумма, требуемая правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, далеко превышаетъ размѣръ вознагражденія, на которое соглашалось англійское правительство. Отсюда приходится заключить, что, или Гладстонъ дѣйствовалъ чисто по-іезуитски, имѣя въ умѣ какую-нибудь заднюю мысль, или же онъ не потрудился выникнуть хорошенько въ смыслъ полученной телеграммы.

На Гладстона въ Англiи посыпались обвиненія, но онъ какъ-будто не обращалъ на нихъ вниманія и отмалчивался. Вездѣ въ Европѣ установилось убѣжденіе, что министерство Гладстона вскорѣ выйдетъ въ отставку. «Вы ошибаетесь, господа, отвѣчалъ англійскій сатирическій журналъ «Punch», — теперь-то Англiя ни за что и не отпуститъ Гладстона. По его неосторожности и неловкости Англiя должна теперь расхлебывать заваренную имъ кашу: онъ напуталъ, пусть-же онъ и распутываетъ, иваче на него падетъ тяжкая отвѣтственность».

Но какъ-бы ни былъ виновенъ Гладстонъ въ томъ, что своевременно не протестовалъ противъ предъявленія Соединенными Штатами претензіи на вознагражденіе за косвенные убытки, за нимъ есть вина еще болѣе тяжкая. Теперь начинаютъ припоминать, что онъ былъ едва-ли не главнымъ подстрекателемъ, побудившимъ неразборчиваго на средства лорда Пальмерстона, тогдашняго премьера, подъ рукою нарушить нейтралитетъ въ отношеніи Соединенныхъ Штатовъ. Припоминаютъ теперь, что въ то время Гладстонъ торжественно заявилъ въ палатѣ общинъ, что «нисколько не опасаясь ошибиться, мы можемъ предсказывать успѣхъ южнымъ штатамъ, по крайней мѣрѣ, по вопросу объ ихъ независимости... Сѣверные штаты борются за преобладаніе, южные-же за независимость». Конечно, ужъ вовсе не красиво было называть борьбу за рабовладѣльческіе интересы «борьбой за независимость», но увлеченная ненавистью англійская палата не гналась за правильностію выраженій. Позже, когда дѣло Джеферсона Девиса казалось уже окончательно проиграннымъ, лордъ Джонъ Россель, не менѣе либеральный, чѣмъ Вильямъ Гладстонъ, сказалъ печальнымъ тономъ въ палатѣ лордовъ: «очень возможно,

что война окончится самымъ плачевнымъ образомъ: рѣшительной побѣдой сѣверныхъ штатовъ надъ южными».

Въ то время всѣ англійскія партіи, всѣ англичане, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, за небольшими исключениями, были противъ Соединенныхъ Штатовъ и даже жаждали войны съ ними. Нѣсколько разъ распространялся слухъ, принимаемый во всѣхъ углахъ Англіи сочувственно, что американскому посольству предложено выѣхать изъ Англіи и вслѣдъ за тѣмъ начнутся враждебныя дѣйствія противъ западной республики. На войну англійское правительство, однакожъ, не рѣшалось, за то изподтишка дало позволеніе дѣлать всякія пакости Соединеннымъ Штатамъ и наносить имъ косвеннымъ образомъ какъ можно болѣе вреда. Естественно, англичане набросились на американскій торговый флотъ, коловшій имъ глаза цуще всего, и нанесли ему такой чувствительный ударъ, что, случись это гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ Соединенныхъ Штатахъ, флотъ погибъ-бы безвозвратно или, если-бы и поправился, то развѣ черезъ десятки лѣтъ. Но хотя въ Соединенныхъ Штатахъ все создается часами, а не годами, — ихъ торговый флотъ и теперь еще далекъ отъ того положенія, въ какомъ онъ былъ до войны. Но во время войны англичане много ему повредили и американцы совершенно правы, требуя возмѣщенія тѣхъ убытковъ, которые претерпѣли они по милости англичанъ.

« Не оставляя береговъ Англіи, говорилъ своимъ соотечественникамъ англичанинъ Кобденъ въ 1865 году, — вы организовали противъ народа Соединенныхъ Штатовъ враждебную систему, болѣе для нихъ раззорительную, чѣмъ самая война... Прямые потери, понесенныя ими отъ истребленія ихъ купеческихъ кораблей, простираются до 3-хъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ... Но эти потери составляютъ ничтожную часть убытковъ, которые мы причинили ихъ торговому флоту, приведенному почти въ совершенное ничтожество... Исчислить этотъ громадный убытокъ почти невозможно... »

Англичане не забыли этихъ словъ своего замѣчательнаго оратора и, конечно, сознаютъ, что они надѣлали много вреда своимъ соперникамъ, но не хотятъ согласиться, что вознагражденіе должно быть пропорціонально нанесенному вреду. Они кричатъ противъ преувеличенныхъ требованій Соединенныхъ Штатовъ и не желаютъ сознаться, что весьма значительная часть суммы, требуемой Соединенными Штатами, положена ими въ свои карманы въ тѣ годы, когда торговый флотъ Соединенныхъ Штатовъ былъ совершенно безсиленъ, а англійскій торговый флотъ, вслѣдствіе того, получалъ двойные барыши.



Изумительно, съ какой наивностью на все это дѣло смотрѣлъ кабинетъ Гладстона. Англійскіе министры до той поры, пока имъ не сообщили официально, что Соединенные Штаты уже предъявили требованіе косвенныхъ убытковъ третейскому суду, — воображали, что это требованіе не будетъ предъявлено суду, что американцы только пугаютъ имъ, чтобы скорѣе и безъ возраженій получить по счету прямыхъ убытковъ. Но разъ давъ свое согласіе подчиниться рѣшенію третейскаго суда, обѣ стороны несомнѣнно знали, что суду придется преодолѣть много затрудненій, предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ. Англій смѣшно надѣвать личину угнетенной невинности, когда всѣ факты говорятъ противъ нея. Корабли, пустившіеся въ крейсерство, были выстроены въ Англій на акціонерныя капиталы; они гуляли въ моряхъ подъ англійскимъ флагомъ. Этихъ корсаровъ, выпущенныхъ Англіею противъ американскаго торговаго флота, не прибѣгая къ увеличенію, можно удобно сравнить съ волкомъ, котораго хитрый собственникъ, сердитый на своего сосѣда, другаго собственника, пустилъ въ его овчарню. Овцы, задушенные волкомъ, будутъ представлять собой прямой убытокъ; овцы, выкинушія отъ страха, бараны, раненые или задохшіеся во время бѣгства — убытки косвенные. Послѣ такого вторженія прекрасная овчарня приходитъ въ совершенный упадокъ, а хитрый сосѣдъ остается надолго одинъ хозяиномъ торговаго рынка, продаетъ мясо и шерсть своихъ овецъ по цѣнамъ высшимъ, чѣмъ продавалъ прежде. Въ это время раззоренный имъ сосѣдъ предъявилъ къ нему претензію; онъ не прочь удовлетворить ее, но соглашается заплатить только за тѣхъ овецъ, которыя истреблены волкомъ, т. е. за прямые убытки, обѣ уплатѣ же косвенныхъ и слышать не хочетъ. Волей-неволей приходится отдать споръ на рѣшеніе суда.

Съ точки зрѣнія права вопросъ о вознагражденіи Соединенныхъ Штатовъ представляется совершенно яснымъ. Англія, конечно, должна возмѣстить убытки, причиненные ею добровольно и намѣренно Соединеннымъ Штатамъ. Вашингтонскій трактатъ признаетъ подлежащими разсмотрѣнію третейскаго суда «всѣ убытки, понесенные отъ дѣйствія корсаровъ, вышедшихъ изъ портовъ Великобританіи». Слѣдовательно въ принципѣ Англія вполнѣ согласна съ Соединенными Штатами и охотно подвергаетъ обсужденію третейскаго суда убытки, которые она причинила своему сосѣду. Но когда ей стала извѣстна сумма прямыхъ и косвенныхъ убытковъ, она замахала руками и готова отвергнуть компетентность въ этомъ дѣлѣ третейскаго суда, учрежденнаго по ея желанію.

Но какъ ни ясно это дѣло съ точки зрѣнія права, на практикѣ при разрѣшеніи его должны встрѣтиться многочисленныя затрудненія. Какія данныя будутъ у суда для провѣрки фактовъ, совершившихся 10 лѣтъ тому назадъ? Въ какой мѣрѣ, поэтому, онъ можетъ придавать вѣру счетамъ убытковъ, представляющимъ, по большей части, приблизительныя цифры? Судьи, изъ опасенія быть обвиняемыми въ пристрастіи, по необходимости должны будутъ исключить многія сотни милліоновъ изъ счета, представленнаго Соединенными Штатами. Они должны будутъ примирить громаднѣйшій спросъ съ сравнительно ничтожнымъ предложеніемъ, найти примиряющую середину между милліарднымъ требованіемъ Соединенныхъ Штатовъ и милліоннымъ предложеніемъ Англіи. Но въ томъ-то и бѣда, что трудно найти эту середину, такъ-какъ въ данномъ вопросѣ ихъ представляется нѣсколько.

Интересно, какъ разрѣшится это дѣло, важное не столько по громадной цифрѣ иска, сколько по своему нравственному вліянію. Вашингтонскій трактатъ былъ первымъ опытомъ примѣненія частнаго права къ спору правительствъ между собою; вопросъ, обыкновенно рѣшаемый войною, переданъ имъ на разрѣшеніе международнаго суда. Такая разумная и гуманная постановка вопроса была особенно отраднa послѣ ужасовъ франко-германской войны; она доказывала, что идеи противниковъ войны не пустыя слова, не утопическій бредъ. Очень будетъ непріятно, если вашингтонскій трактатъ будетъ отмѣненъ, хотя мы совершенно согласны съ англійскими газетами, что за его отмѣной не можетъ послѣдовать войны. Американскія газеты также въ одинъ голосъ говорятъ, что Соединенные Штаты никогда не сдѣлаютъ такого безумія, чтобы стали рѣшать свой споръ съ Англіею штыками и пушками: ждали десять лѣтъ, подождутъ и еще; придетъ удобное время—они снова заявятъ свою претензію, увеличивъ ее процентами, изъ которыхъ составятся новые милліоны. Отъ уничтоженія трактата проиграетъ болѣе Англія, чѣмъ Соединенные Штаты и этотъ проигрышъ она почувствуетъ во время первой-же войны, какую ей придется вести; она показала, насколько она способна уважать чужой нейтралитетъ; Соединенные Штаты будутъ вправѣ заставить ее на себѣ испытать, какъ хороша ея собственная политика. Великобританія, съ ея обширными и многочисленными колоніями, съ ея громадной торговлей, съ ненавистью къ ней ирландцевъ въ Ирландіи и въ Америкѣ, представляетъ несравненно болѣе слабыхъ пунктовъ для удара, чѣмъ Соединенные Штаты. Вражда съ американскою республикой осудитъ Англію на политику униженія и смиренія. Осмѣлится-ли Англія, въ случаѣ европейской войны, принять въ ней дѣятель-

ное участие, зная, что Соединенные Штаты, сохраняя кажущийся нейтралитет, могут, въ свою очередь, вооружить какую-нибудь «Алабаму» и въ шесть мѣсяцевъ потрясти англійскую торговлю? А потрясти англійскую торговлю—это значитъ потрясти саму Англію, потому что Англія не можетъ, подобно Соединеннымъ Штатамъ, замѣнить недостатокъ торговаго и промышленнаго движенія развитіемъ земледѣлія. Англія, правда, занимаетъ одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ мѣстъ между великими державами, но она далеко не такъ могущественна, какъ привыкли ее считать: ея сухопутныя войска ничтожны до смѣшнаго въ сравненіи съ громадными арміями континентальной Европы, да едва-ли и самый ея флотъ, которымъ она нѣкогда тщеславилась, настолько силенъ теперь, что въ состояніи будетъ обезпечить ее отъ иностраннаго вторженія? Теперь нужна иная политика, чѣмъ прежде, и англійскіе государственные люди не должны забывать необходимаго правила, что мудрый человѣкъ прежде всего долженъ быть справедливымъ.

---

Англичане упрекаютъ Гранта за то, что онъ такъ рѣзко поставилъ вопросъ о вознагражденіи за косвенные убытки будто-бы единственно для пріобрѣтенія популярности, которою ему необходимо заручиться въ виду предстоящихъ президентскихъ выборовъ. Едва-ли это справедливо, но если-бъ это было и такъ, то подобное дѣйствіе нельзя назвать ни преступнымъ, ни предосудительнымъ. Мы не принадлежимъ къ числу ревностныхъ почитателей Гранта, но мы еще менѣе можемъ раздѣлять мнѣніе о немъ его враговъ. Грантъ во многихъ отношеніяхъ достоинъ полнаго уваженія. Взятіемъ Ричмонда онъ смертельно поразилъ рабство въ Соединенныхъ Штатахъ и тѣмъ составилъ себѣ колоссальную славу. Грантъ человѣкъ честный; не отличается онъ слишкомъ замѣтными добродѣтелями, но нѣтъ у него и замѣтныхъ пороковъ, за то у него много здраваго смысла, столь необходимаго для государственнаго человѣка, рѣшительный характеръ и твердость убѣжденій. Его администрацію можно обвинять въ непотизмѣ, можно указать на нѣсколько всѣмъ извѣстныхъ возмутительныхъ скандаловъ въ сферѣ административной, которые случились только благодаря непростительной небрежности его помощниковъ. Но если мы сравнимъ Гранта съ его ближайшимъ предшественникомъ,

Андрью Джонсономъ, то Грантъ покажется намъ образцомъ предусмотрительности и безпристрастія. Если-же мы поведемъ сравненіе далѣе и сравнимъ его съ предшественниками Линкольна — Бьюкананомъ, Пирсомъ и имъ подобными, Грантъ окажется одареннымъ въ высочайшей степени нравственною доблестью. Оставаясь вполне безпристрастными въ отношеніи Гранта, котораго, повторяемъ, мы уважаемъ, мы готовы скорѣе согласиться съ той частью республиканской партіи (т. е. партіи, избравшей самого Гранта), которая желаетъ замѣнить Гранта другимъ кандидатомъ, такъ-какъ она находитъ, что государственная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ идетъ лучше, если президенты смѣняются чаще. Общественное мнѣніе въ этой странѣ измѣняется быстро, между тѣмъ власть президента громадна и онъ легко можетъ разойтись съ желаніями страны, а отсюда могутъ выйти непріятныя послѣдствія и дѣло дойдетъ еще до худшей ссоры, чѣмъ при президентѣ Андрью Джонсонѣ; американцы-же очень не любятъ, чтобы самый высшій сановникъ ихъ республики являлся въ качествѣ обвиняемаго.

Однакожь, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, еще нѣтъ въ виду ни одного кандидата, за котораго-бы стояла на столько сильная партія, чтобы онъ могъ явиться серьезнымъ соперникомъ Гранту, который имѣетъ еще и то преимущество передъ своими соперниками, что почти вся армія чиновниковъ стоитъ за него и употребляетъ энергическія усилія для увеличенія числа его сторонниковъ. Со смѣной президента въ Соединенныхъ Штатахъ смѣняется большая часть чиновниковъ, имъ утвержденныхъ на мѣстахъ; понятно, что они, ради личной выгоды, должны помогать избранію своего патрона. Сколько извѣстно, до настоящаго времени всѣ шансы еще на сторонѣ избранія Гранта.

Втеченіи нѣсколькихъ недѣль нѣмецкая партія въ Соединенныхъ Штатахъ сильно агитировала, чтобы провести въ президенты своего кандидата Карла Шюрца. Не имѣя возможности выставить слишкомъ ярко свои заслуги, Шюрць, во время своего избирательнаго объѣзда, принялъ тактику въ своихъ рѣчахъ не говорить о себѣ ни слова, а только нападать на Гранта. Онъ упрекалъ президента за то, что во время франко-германской войны онъ выказалъ слишкомъ уже много симпатій французской республикѣ и продавалъ Гамбеттѣ ружья и военныя принадлежности. Это обвиненіе было важно потому, что Грантъ въ спорѣ съ Англіей рѣзко защищалъ принципъ строжайшаго нейтралитета; это обвиненіе, если-бъ оно было доказано, могло-бы нанести чувствительный ударъ дипломатіи Гранта и дало-бы очень удоб-

ное оружіе въ руки Гладстону. Потерпѣвъ поражение отъ Англіи въ подобномъ шекотливомъ дѣлѣ, Грантъ тѣмъ самымъ нанесъ-бы оскорбленіе самолюбію своихъ соотечественниковъ и, конечно, не былъ-бы ими избранъ въ президенты, а его мѣсто занялъ-бы тотъ человѣкъ, который раскрылъ его ошибки. Но этотъ хитро-задуманный планъ не удался. Сенатъ поспѣшилъ назначить комиссію для разслѣдованія этого дѣла и поручилъ самому Шюрцу явиться передъ нею въ качествѣ обвинителя военнаго министерства и представить свидѣтелей. Самое точное разслѣдованіе показало, что администрація Гранта ничѣмъ не нарушила самага строгаго нейтралитета. Правда, нѣсколько спекуляторовъ изъ частныхъ людей продавали французскимъ поставщикамъ за двойную и тройную цѣну плохенькія ружья; но ни правительство Гранта, ни вообще народъ Соединенныхъ Штатовъ нисколько не были заинтересованы въ этихъ предпріятіяхъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ скорѣе можно было обвинить въ потачкѣ нѣмцамъ, такъ-какъ его посланники: въ Парижѣ — Вашбэрнъ и въ Берлинѣ — Банкрофтъ были въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ княземъ Бисмаркомъ, на что даже жаловалось французское правительство, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ основательно. Въ заключеніе сенатская комиссія торжественно оправдала правительство Гранта отъ взводимыхъ на него обвиненій, а самыя эти обвиненія назвала избирательнымъ маневромъ нѣмецкой партіи въ Соединенныхъ Штатахъ.

Неуспѣхъ Шюрца увеличилъ нѣсколько шансы другого кандидата, Гораса Грили, издателя газеты «New-York Tribune», самой вліятельной изъ всѣхъ газетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, болѣе вліятельной, чѣмъ даже «New-York Herald», хотя и имѣющей меньше подписчиковъ. «Tribune» газета съ твердымъ направленіемъ; она не шатается, подобно «Herald'у». Ея направленіе — либеральное съ замѣтнымъ оттѣнкомъ радикализма. Самъ-же Грили, какъ показали послѣднія событія — радикалъ съ большою примѣсью буржуазности, если можно такъ выразиться. Онъ былъ членомъ главнаго комитета республиканской партіи, собравшагося въ Филадельфіи для подготовительныхъ работъ къ выборамъ президента въ іюнѣ мѣсяцѣ. Не имѣя терпѣнія спокойно ожидать назначеннаго срока, Грили шумно разошелся съ комитетомъ, обвинивъ его, что онъ имѣетъ въ виду не общественное благо, а эгоистическія цѣли нѣкоторыхъ личностей. Въмѣстѣ съ врагами Гранта, Шюрцемъ и Трумбуломъ, и нѣсколькими своими друзьями, Грили отправился въ Цинцинати, гдѣ заявилъ свою кандидатуру. Его стараніями республиканская партія раздѣлилась на двѣ фракціи: одну, болѣе сильную численностью своихъ членовъ ж

стоявшую за Гранта, и другую, болѣе слабую, выставившую своимъ кандидатомъ Грили.

Грили понималъ, что его партія слишкомъ ничтожна своей численностью, чтобы могла провести его кандидатуру; поэтому въ Цинцинати онъ вошелъ въ соглашеніе съ нѣсколькими агентами демократической (прежней рабовладѣльческой) партіи. Эта партія, доведенная до крайней слабости побѣдами Шермана и Гранта, вздохнувшая было во время управленія простака Андрю Джонсона, снова поражена Грантомъ, который нанесъ ей два жестокихъ удара: одинъ, процессомъ противъ возмутительной банды убійцъ и поджигателей, членовъ общества куклюкъс, и другой, тоже процессомъ противъ нью-іоркской муниципальной администраціи, наворовавшей многіе милліоны. Послѣ такихъ жестокихъ поражений, эта партія слишкомъ безсильна, чтобы могла рассчитывать на побѣду своего собственнаго кандидата, но она можетъ дать рѣшительную поддержку кандидату другой партіи, который войдетъ съ нею въ переговоры. Демократы обѣщаютъ свою поддержку Грили, буржуазному радикалу, который во время войны, можетъ быть, болѣе всѣхъ кричалъ противъ южныхъ штатовъ и требовалъ, чтобы война противъ нихъ велась самымъ энергическимъ образомъ. Но послѣ побѣды Сѣвера надъ Югомъ, онъ, по расчету или изъ великодушія, имѣлъ смѣлость вымолвить слово за экс-президента рабовладѣльческихъ штатовъ Джеферсона Дэвиса. Эта защита дала ему теперь поддержку демократовъ.

Въ «Гарперовскомъ иллюстрированномъ журналѣ» напечатана карикатура, изображающая Грили, говорящаго рѣчь въ цинцинатскомъ конвентѣ. «Граждане! говоритъ онъ, — нашъ конвентъ или станетъ молчать или выберетъ новаго президента!» Онъ взмолился на столъ, вокругъ котораго сидятъ: Шюрцъ, Трумбуль, Блэръ, Фентонъ, Вудъ, Сэймуръ и Джеферсонъ Дэвисъ. На стѣнахъ развѣшены афиши съ такими надписями: «миръ всюду и навсегда!» — «Ура благороднымъ друзьямъ Грили и Джеферсону Дэвису, ура!» — «Ура газетамъ «Tribune» и «World!» — Карлъ Шюрцъ держитъ въ рукахъ объявленіе, гласящее слѣдующее: «Наша программа такъ широка, такъ широка, что нѣтъ разумной причины не принять ее».

Грили-маленькій, жирненькій, безбородый, краснощекій человѣчекъ, съ длинными бѣлыми волосами, ниспадающими густыми прядями на воротникъ его рубашки, съ маленькими, хитрыми сѣренькими глазками. Одѣвается онъ очень небрежно, ходитъ безъ галстука, носитъ очень короткіе штаны. Говорятъ, онъ оригинальничаетъ своимъ костюмомъ для того, чтобы уличные мальчишки узнавали его

и подымали крикъ: «Смотрите, вотъ идетъ Грили! нашъ Грили!» Умъ у Грили живой, практичный, соображеніе быстрое, взглядъ на политическіе и финансовыя вопросы вѣрный и остроумный; онъ всегда во время и ловко подиѣчаетъ слабыя стороны всякаго неполнаго проекта, всякаго вывода, не основаннаго на положительныхъ данныхъ. Онъ обладаетъ твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ; дѣятельность его изумительна; онъ неутомимъ въ работѣ, работаетъ быстро и хорошо; когда нужно онъ можетъ трудиться за троихъ, даже, пожалуй, за четверыхъ. По обычаю американцевъ онъ испробовалъ нѣсколько различныхъ занятій, онъ знаетъ всего понемножку. Повѣстно, что человекъ, создавшій и поддерживающій своими работами одну изъ самыхъ богатѣйшихъ и самыхъ вліятельнѣйшихъ газетъ въ свѣтѣ, — человекъ, который втеченіи двадцати лѣтъ былъ одной изъ самыхъ замѣтныхъ личностей въ Соединенныхъ Штатахъ, — такой человекъ долженъ имѣть не дюжинный умъ. Но при всемъ томъ, какъ истый буржуа, Грили часто бываетъ слишкомъ напыщенъ въ своихъ произведеніяхъ и любитъ сильные эффекты, любитъ удивлять скорѣе, чѣмъ убѣждать, онъ отличается тѣми качествами, которыя создаютъ Барнумовъ. Но при всѣхъ его достоинствахъ и недостаткахъ Грили все-таки долженъ считаться однимъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ журналистовъ въ мірѣ. Его соперникъ Джемсъ Гордонъ Бенетъ (издатель «Herald'a») будетъ далеко ниже его, хотя слѣдуетъ отдать справедливость и Бенету, который самъ, собственными усиліями создалъ свое блистательное положеніе. Бѣднякъ шотландецъ, высадившійся въ Нью-Йоркѣ безъ копейки въ карманѣ, безъ всякихъ пожитковъ, онъ съ самыми ничтожными средствами, имъ самимъ заработанными, сталъ издавать «Herald» и довелъ его до положенія самой распространенной газеты въ мірѣ. Всякій нью-йоркецъ скажетъ вамъ, что «Herald» можно оцѣнить не менѣе, какъ въ 20 милліоновъ долларовъ, что онъ обладаетъ роскошнымъ дворцомъ, что его типографія можетъ печатать 100,000 экземпляровъ въ часъ, что онъ имѣетъ корреспондентовъ во всѣхъ частяхъ свѣта, что самый бѣднѣйшій изъ его редакторовъ получаетъ вознагражденія около 7,000 долларовъ... Англійское правительство объявило, что оно посылаетъ экспедицію для отысканія Ливингстона... «Herald» съ той-же цѣлью послалъ своего корреспондента Стэнли и теперь уже всему міру извѣстно, что Стэнли отыскалъ Ливингстона въ пустыняхъ внутренней Африки... Кто знаетъ, можетъ быть, мы скоро услышимъ, что «Herald» если въ томъ будетъ его выгода, снарядилъ три корабля для открытія сѣвернаго полюса. Джемсъ Гордонъ Бенетъ достигъ своего блестя-

шаго финансоваго положенія средствами весьма сомнительными: онъ ставилъ ни во что убѣжденіе и политическую нравственность. Онъ эксплуатировалъ общественное мнѣніе съ полнѣйшей безцеремонностью, на изданіе газеты онъ смотрѣлъ, какъ на торговлю, подобную торговлѣ водкой, гуано и пр. Своею смѣлостію на этомъ пути онъ возбуждалъ зависть и удивленіе во всѣхъ ловкихъ плутахъ, во всѣхъ темныхъ дѣятеляхъ биржи. «Экая умная каналья!» говорили они про него и неистово аплодировали его успѣхамъ. Но Джемсъ Гордонъ Бенетъ еще хитрѣе, чѣмъ считаетъ его большинство его страстныхъ почитателей. Разбогатѣвъ чрезмѣрно, постарѣвъ и нѣсколько разстроивъ свое здоровье, Джемсъ Гордонъ Бенетъ задумалъ отдохнуть. Призвавъ къ себѣ своего сына Джемса Гордона Бенета II онъ держалъ къ нему такую рѣчь: «Мой сынъ, я поработалъ на своемъ вѣку достаточно, пора мнѣ и отдохнуть. Я зарабатывалъ деньги, тебѣ нечего объ этомъ заботиться, онѣ у тебя есть, и тебѣ остается только распоряжаться ими умно. Благодаря Бога, «Herald» даетъ очень хорошій доходъ, однакожъ наша газета не пользуется тѣмъ влияніемъ и значеніемъ, какими она должна-бы пользоваться. Но и это придетъ къ ней, какъ и все остальное, если ты умѣючи поведешь дѣло. Тебѣ не зачѣмъ прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ средствамъ, ты можешь быть вполне честнымъ!» Эта рѣчь была сказана года два тому назадъ и съ той поры газетой распоряжается Бенетъ II, но улучшенія, въ смыслѣ твердости направленія, въ ней, однакожъ, еще не замѣчается. Правда, Бенетъ не могъ повернуть круто, годами сложившіяся привычки искореняются не легко, и, по всей вѣроятности, пройдетъ еще много лѣтъ пока планъ старшаго Бенета будетъ окончательно приведенъ въ исполненіе. Грили, какъ человѣкъ болѣе умный и талантливый, счумѣлъ соединить пріобрѣтеніе богатства съ влияніемъ и значеніемъ. До сихъ поръ онъ имѣлъ репутацію честнаго, глубоко убѣжденнаго человѣка. Теперь, когда онъ объявилъ себя кандидатомъ въ президенты и сдѣлалъ много уступокъ демократамъ, эта репутація можетъ, пожалуй, пошатнуться. По всей вѣроятности онъ потерпитъ неудачу на выборахъ и въ тоже время потеряетъ старую репутацію твердо убѣжденнаго республиканца (въ смыслѣ партіи) и искренняго радикала. На этотъ разъ Грили, кажется, расчиталъ невѣрно.

Мы, конечно, не станемъ рѣзко обвинять Грили, какъ дѣлаютъ многіе изъ его друзей: честность Грили все-таки не подлежитъ сомнѣнію, дѣятельность его до сихъ поръ была вполне безупречна и чтобы осудить его необходимо знать ошибается-ли онъ безсознательно,



или дѣлаетъ намѣренную ошибку, а главное помнить, что часто честность отдѣляется отъ безчестности такой нѣжной тонкой чертой, что простыми человѣческими чувствами бываетъ иногда невозможно ее подмѣтить; самый мудрый человѣкъ нерѣдко можетъ ошибаться. Чтобы избѣжать ошибки въ оцѣнкѣ дѣйствій Грили скажемъ, что онъ представляетъ собою типъ чистаго *американизма*, трудно поддающійся изслѣдованію европейца вообще и даже англичанина въ частности, — тотъ типъ, особенно рѣзкимъ олицетвореніемъ котораго былъ Бенжаменъ Франклинъ, соединявшій въ своемъ характерѣ искреннее лицемеріе съ лукавымъ чистосердечіемъ.

Въ то время какъ Грили ораторствовалъ передъ цинцинатскимъ конвентомъ, кабинеты лондонскій и вашингтонскій безпрестанно обмѣнивались между собой телеграммами. Правительство Соединенныхъ Штатовъ, кажется, намѣревается отказаться отъ требованія уплаты косвенныхъ убытковъ, по крайней мѣрѣ Грантъ сдѣлалъ въ подобномъ смыслѣ предложеніе Сенату, и Гладстонъ не сомнѣвается, что оно будетъ принято Конгрессомъ. Но и Англія должна будетъ согласиться, что въ случаѣ нарушенія Соединенными Штатами нейтралитета въ отношеніи ея, она будетъ имѣть право только на возмѣщеніе прямыхъ убытковъ.

Это извѣстіе, сообщенное министрами обѣимъ палатамъ англійскаго парламента, было принято ими съ радостію. Англія, такимъ образомъ, избавилась отъ одного важнаго затрудненія, но ей не мѣшаетъ принять къ свѣденію, что въ случаѣ войны ея въ Европѣ, или безпорядковъ въ Ирландіи, ея участь будетъ въ рукахъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ весьма возможно, что президентъ американской республики, по закону возмездія, сочтетъ себя вправе дѣйствовать противъ Англіи тѣмъ же оружіемъ, какимъ дѣйствовала она противъ Соединенныхъ Штатовъ.

Рѣчь вице-президента Соединенныхъ Штатовъ, Кольфакса, превосходно дополняетъ собой высокій актъ политической нравственности и зрѣлости, виновниками котораго были Грантъ и его товарищи. Съ глубокимъ сочувствіемъ относясь къ дѣятельности правительства Соединенныхъ Штатовъ, доказывающаго, что не всегда «сила господствуетъ надъ правомъ», мы также сочувственно относимся къ рѣчи Кольфакса, сказанной шесть недѣль тому назадъ въ частномъ собраніи. Приводимъ здѣсь слѣдующій отрывокъ изъ нея:

«Я смѣло утверждаю, сказалъ Кольфаксъ, — что ни та, ни другая изъ спорящихъ націй не осмѣлятся, передъ лицомъ цивилизованнаго міра, уничтожить договоръ, торжественно ею заключенный, и тѣмъ снова возбудить прежнія несогласія, старую ссору. Нѣтъ, нѣтъ! Даже и въ томъ случаѣ, если-бъ третейскій судъ не присудилъ намъ ни одного доллара, я умолялъ бы своихъ согражданъ скорѣе лишиться всякаго вознагражденія за понесенные нами убытки, чѣмъ отказаться отъ того высокаго нравственнаго положенія, въ которое поставилъ насъ и Англію вашингтонскій трактатъ. Удерживая это положеніе мы будемъ имѣть право предложить всѣмъ великимъ державамъ міра послѣдовать нашему примѣру, распустить миллионныя арміи и всѣ споры рѣшать международнымъ третейскимъ судомъ...»

Прекрасныя слова, честныя мечты! скажемъ мы въ свою очередь, но скоро-ли онѣ осуществляются—вотъ вопросъ, на который мудрено отвѣтить теперь.

Кромѣ алабамскаго дѣла, общественное мнѣніе Европы въ послѣднее время было занято внутренними волненіями въ Испаніи, вызвавшими карлистское возмущеніе.

Въ то самое время, какъ Бонапарты теряли французскій престолъ, безцеремонный кондотьеръ донъ Жуанъ Примъ, державшій въ своихъ рукахъ судьбы Испаніи, предложилъ итальянскому принцу Амедю занять вакантный испанскій тронъ. Юный принцъ, не пугаясь волненій, терзавшихъ Испанію, согласился подвергнуться выборамъ кортесовъ и, выбранный ими, короновался испанскимъ королемъ подъ именемъ Амедя I. Примъ, предлагая Амедю престолъ, конечно, имѣлъ въ виду управлять и юнымъ королемъ и королевствомъ.

Ожиданія Прима не сбылись. Лишь только новый король пріѣхалъ въ Мадридъ, Примъ былъ убитъ. Кто направилъ на Прима руку убійцы—до сихъ поръ еще остается тайной, общественное мнѣніе можетъ указывать на то или на другое лицо, но положительнаго ничего неизвѣстно. Эта смерть настойчивѣе всего приписывается партіи монпансьеристовъ, глава которой герцогъ Монпансье, какъ извѣстно, былъ главнымъ виновникомъ сверженія съ трона родной сестры его жены, но не имѣлъ настолько смѣлости, чтобы рѣшиться возложить на себя испанскую корону. Тотчасъ послѣ смерти Прима, какъ человѣкъ безцеремонный, герцогъ Монпансье предложилъ своей

жертвѣ, экс-королевѣ Изабеллѣ союзъ, но съ условіемъ, чтобы герцогъ былъ назначенъ регентомъ королевства и опекуномъ своего племянника маленькаго Альфонса, котораго слѣдовало возвести на престолъ. Къ удивленію всѣхъ, экс-королева приняла предложеніе зятя. Въ замкѣ ея матери, вдовствующей королевы Христины, былъ заключенъ договоръ въ томъ, что сынъ Изабеллы II, инфантъ Альфонсъ женится, когда ему исполнится совершеннолѣтіе для королевскаго брака, на инфантѣ Мерседесѣ, дочери герцога Монпансье, самъ же герцогъ будетъ назначенъ регентомъ королевства. При заключеніи договора присутствовали: Францискъ II, экс-король неаполитанскій, графъ Газерта и несчастный Джирженти, черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого торжества окончившій жизнь самоубійствомъ. Изъ прочихъ многочисленныхъ родственниковъ Изабеллы II не присутствовалъ ни одинъ, а ея несчастный супругъ, донъ Франсуа Ассизскій даже протестовалъ противъ этого договора. Изабеллѣ очень хотѣлось привлечь на съѣздъ своего молодого кузена, донъ Карлоса, но тотъ, конечно, не поѣхалъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя сильнѣйшее негодованіе партій изабеллистовъ и альфонсистовъ, соединившихся въ тѣсный союзъ, по крайней мѣрѣ наружно. Донъ Карлосъ въ тоже время издалъ прокламацію о своемъ правѣ на испанскій престолъ.

На собраніи изабеллистовъ и монпансьеристовъ зашла рѣчь о томъ, что было-бы очень удобно, пользуясь смятеніемъ умовъ въ Испаніи вслѣдствіе убійства Прима, попытаться вырвать испанскій скипертъ изъ рукъ иностранца и вручить его законному королю Альфонсу XII. Но старая королева Христина рѣшительно отказалась жертвовать свои капиталы для возстанія, успѣшность котораго весьма сомнительна. Изабелла сама нуждалась въ деньгахъ и, конечно, не могла настаивать на необходимости поднять возстаніе въ Испаніи, къ тому-же она только что отказалась руководить своей партіей и просила зять замѣнить ее въ этомъ важномъ дѣлѣ. Безъ крупныхъ-же капиталовъ, безъ сомнѣнія, нечего было и думать о возстаніи.

У маленькаго донъ Карлоса, напротивъ, денегъ много, имп ссужаетъ его чрезвычайно богатый экс-герцогъ Моденскій. Донъ Карлосъ рѣшился сдѣлать попытку небольшого возстанія. Онъ отправился въ Байону и учредилъ тамъ свою главную квартиру. Къ нему присоединились значительнѣйшіе изъ его приверженцевъ. Ежедневно, выслушавъ обѣдню въ домѣ претендента, они составляли совѣтъ и обсуждали мѣры, какія слѣдовало принять для успѣшности возстанія. Діазъ де-Прада былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ инсургентскихъ

отрядовъ и долженъ былъ начать возстаніе по сигналу, данному изъ Мадрида.

Манифестація въ Мадридѣ произошла въ церкви Сан-Изидро, во время торжественной службы въ день празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея царствованія Пія IX. Въ церкви было множество народу, въ особенности роскошно-одѣтыхъ дамъ, которыя, преклонивъ колѣна, усердно молились за Пія IX. Обѣдня кончилась, епископъ гаванскій взошелъ на кафедру и дамы, по испанскому обычаю, устались на корточки въ ожиданіи религіозной процессіи, которой должно было окончиться торжество.

Въ своей рѣчи епископъ гаванскій яростно напалъ на новѣйшее общество, проклиая всю цивилизацію и въ заключеніе разразился ругательствами противъ Виктора-Эмануэла и всей его семьи; онъ объявилъ, «что на занятіе Рима слѣдуетъ смотрѣть, какъ на грабежъ, и что единство Италіи, сопровождавшееся ограбленіемъ короля неаполитанскаго, герцога моденскаго и др., — есть самое величайшее изъ всѣхъ преступленій новѣйшаго времени».

Приверженцы новаго короля, либералы и прогрессисты заранее узнали о готовящейся манифестаціи и, съ своей стороны, произвели контрманифестацію. Вокругъ церкви Сан-Изидро собралась огромная толпа народа, она встрѣтила свистками епископа гаванскаго и его паству и — что ужаснѣе всего! — сожгла нѣсколько экземпляровъ портрета папы. Многимъ изъ карлистовъ досталось на порядокъ: имъ помяли бока и наставили фонарей подъ глазами. Въ провинціи было произведено нѣсколько арестовъ и отобрано нѣсколько ружей. Такимъ образомъ первая попытка карлистскаго возстанія совѣтъ не удалась.

Убіиство Прима поставило короля Амедея въ весьма затруднительное положеніе. Онъ рѣшительно терялся въ мрачномъ лабиринтѣ партій, взаимно ненавидящихъ одна другую. А нигдѣ нѣтъ такого множества партій какъ въ Испаніи, нигдѣ партіи не отличаются одна отъ другой такими едва замѣтными, микроскопическими различіями. Хотя совершилось сліяніе монпансьеристовъ, изабеллистовъ и альфонсистовъ, но эти партіи продолжали свое отдѣльное существованіе и слитіе ихъ произошло только на бумагѣ. За ними идетъ цѣлый рядъ партій: уніонисты, викальваристы, прогрессисты радикальные, прогрессисты историческіе, карлисты, раздѣляющіеся на карлистовъ-либераловъ, старыхъ карлистовъ, довольно равнодушно относящихся къ клерикаламъ, и карлистовъ религіозныхъ, нео-католиковъ, самой фанатичной и самой безпорядочной изъ всѣхъ партій; всѣ эти партіи

враждуютъ одна съ другой и постоянно выдѣляютъ изъ себя новыя фракціи, опять-таки враждебно относящіяся ко всѣмъ другимъ партіямъ совершенно одинаковаго съ ними оттѣнка, но расходящихся только въ какихъ-нибудь незначительныхъ подробностяхъ. Кромѣ этихъ монархическихъ, существуютъ еще партіи республиканскія: смѣшанныхъ республиканцевъ, въ родѣ Риверо, Мартоса, Берсера, которые готовы мириться съ монархіей, если она дѣлаетъ извѣстные уступки, и чистыхъ республиканцевъ, какъ Орензе, Кастелярь, Фигуэрасъ, Пи-и-Маргаль, Гарридо, Рокъ-Барчіа; чистые республиканцы раздѣляются на унитаріевъ и федералистовъ. Наконецъ въ Испаніи, благодаря рѣчамъ консервативныхъ депутатовъ Носедаля, Пало и Ріосъ-Розаса и весьма странной прокламаціи министра Сагасты, явились даже члены международнаго общества рабочихъ, о которомъ до тѣхъ поръ здѣсь почти никто ничего не слышалъ. Къ довершенію путаницы въ послѣднее время образовалась еще новая партія амедеистовъ.

Вскорѣ королю Амедею пришлось убѣдиться, что въ Испаніи онъ не можетъ царствовать такъ спокойно, какъ желалъ и надѣялся. При всемъ его желаніи быть королемъ чисто конституціоннымъ, сила событій заставляетъ его нерѣдко выходить изъ своей роли. Въ Англіи, Бельгіи, гдѣ парламентарная машина дѣйствуетъ очень давно, дѣла идутъ своимъ обычнымъ ходомъ, король знаетъ изъ какой партіи въ данный моментъ слѣдуетъ взять министровъ, когда нужно дать имъ отставку, когда необходимо прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ — распущенію парламента. Лучшаго положенія, какимъ пользуются королева Викторія и король Леопольдъ, трудно придумать. Совѣтъ же не то въ Испаніи, гдѣ нѣтъ ничего опредѣленнаго, ничего прочнаго, гдѣ каждый день можетъ принести съ собою такія комбинаціи, предвидѣть которыя рѣшительно нѣтъ никакой возможности.

Брошенный въ водоворотъ испанскихъ партій, не обладая необходимой опытностію, безъ всякаго руководства, король Амедей рѣшительно потерялся и не зналъ, что ему предпринять. Единственный человѣкъ, на котораго онъ могъ вполне положиться, былъ италянецъ Драгонетти, нѣчто въ родѣ его дядьки. Этотъ-то Драгонетти успѣлъ сойтись съ маршаломъ Серрано, бывшимъ регентомъ королевства. Король Амедей поручилъ Серрано составить министерство, въ составъ котораго натурально вошли друзья маршала, а также товарищи и почитатели покойнаго Прима. Какъ извѣстно, Примъ умѣлъ наводить страхъ на своихъ враговъ, и еще болѣе на друзей, но Серрано, человѣкъ болѣе мягкій и уживчивый, не возбуждалъ такой ненависти, какъ Примъ, но за то и не отличался его твердостью

характера и силой воли. Онъ не умѣлъ никому угодить и не былъ въ силахъ сдерживать своихъ товарищей по министерству, изъ которыхъ каждый хотѣлъ слѣдовать своей собственной политикѣ. Затѣянный Серрано союзъ трехъ монархически-буржуазныхъ партій — унионистовъ, прогрессистовъ и демократовъ — вскорѣ распался, и министерство лишилось въ палатѣ поддержки большинства. Министерство подало въ отставку. Король не принялъ ее. Положеніе Серрано сдѣлалось по истинѣ плачевнымъ; нѣкоторые изъ его товарищей министровъ рѣшительно отказались оставаться въ кабинетѣ; ихъ нужно было замѣнить, но кѣмъ? Друзья Серрано не желали вступать въ министерство, которое могло просуществовать какой-нибудь мѣсяць, не болѣе; Серрано обратился къ своимъ бывшимъ врагамъ; тѣ, конечно, могли рисковать еще менѣе, рассчитывая, что, по всей вѣроятности, принуждены будутъ обратиться къ ихъ партіи для составленія новаго министерства. Положеніе было безвыходное. Королю Амедею на этотъ разъ помогъ депутатъ республиканской партіи, Кастаньяръ, одинъ изъ самыхъ лучшихъ ораторовъ Испаніи. Онъ сказалъ въ палатѣ рѣчь по поводу министерскаго кризиса, — одну изъ самыхъ лучшихъ его рѣчей, которая произвела сильное впечатлѣніе во всей Испаніи.

«Слѣдуетъ-ли оставлять власть въ рукахъ нашихъ, такъ называемыхъ, демократовъ? говорилъ Кастаньяръ. — Нѣтъ, потому что она окончательно ихъ погубитъ. Въ такомъ случаѣ, демократы должны отказаться отъ власти? Нѣтъ, потому что они составляютъ главную поддержку трона. Долженъ-ли оставаться неразрывнымъ союзъ трехъ партій? Нѣтъ, онъ уже совершенно парализованъ. Слѣдуетъ-ли разорвать этотъ союзъ? Нѣтъ, этотъ разрывъ будетъ равнозначущъ смертному приговору для всѣхъ трехъ партій. Можетъ-ли оставаться эта палата? Нѣтъ, меньшинство въ ней слишкомъ многочисленно, а большинство слишкомъ смѣшанное. Такъ, можетъ быть, ее лучше распустить? Нѣтъ, мы отъ дурного перейдемъ къ еще худшему».

Далѣе, разсмотрѣвъ причины моральнаго безпорядка и смущенія умовъ въ Испаніи, Кастаньяръ продолжалъ:

«Наше печальное положеніе угрожаетъ намъ нескончаемыми гражданскими войнами и еще въ такое время, когда, можетъ быть, предстоитъ большая европейская война. Народы Европы и Америки, забывъ принципъ обще-человѣческой солидарности, допустили чрезмѣрно ослабить Францію и тѣмъ подготовили новыя войны, которыя, по всей вѣроятности, возгорятся въ концѣ нынѣшняго вѣка. Испанское правительство поступило бы прекрасно, если-бы приняло на

себя посредничество въ пользу Франціи и не допустило разгромить ее до такой степени; оно должно было вмѣшаться въ распрю Франціи съ Германіей, оно должно было сдѣлать это въ память героевъ нашей независимости; герои нашей священной войны противъ тираниіи Наполеона I затрещали-бы отъ радости въ своихъ гробницахъ при такомъ великодушїи, которымъ ихъ благородные сыны мстили ихъ бывшимъ врагамъ...

«Но если у васъ уже вышелъ изъ памяти французскїй вопросъ, я напомню вамъ о вопросѣ римскомъ, который мы должны считать почти своимъ внутреннимъ вопросомъ... Я не мѣняю своихъ убѣжденїй сообразно съ обстоятельствами. Я и теперь утверждаю, какъ говорилъ не разъ прежде, что уничтоженіе свѣтской власти шагъ составляетъ прогрессивный шагъ въ развитїи челоуѣчества; но я позволяю себѣ недовѣрчиво относиться къ той политической власти, которая замѣнила собою папскую власть въ Римѣ. Справьтесь съ исторїею и вы увидите, что во всѣ вѣка герцоги Савойскїе были противниками европейскаго мира и возбуждали войну. Одинъ изъ нихъ, самый знаменитый государь въ ихъ фамиліи, сказалъ: «Географическое положеніе страны заставляетъ герцоговъ Савойскихъ быть вѣроломными». И они не разъ доказывали своими дѣйствїями справедливость этого изреченїя...

Въ заключенїе своей рѣчи, Кастеляръ сказалъ, что главное его желанїе заключается въ томъ, чтобы Испанїя наконецъ успокоилась отъ своихъ волненїй, и чтобы партїи, побуждаемыя патріотическимъ великодушїемъ, забыли свои распри. Потомъ онъ обратился къ молодому монарху, указывая ему единственное, по его мнѣнїю, средство водворить спокойствїе въ странѣ: «Государь возьмите министерство изъ партїи радикальныхъ прогрессистовъ, желающихъ поддерживать вашу династію: я знаю, они станутъ точно слѣдовать своей программѣ, и республиканская партїя съ своей стороны будетъ поддерживать ихъ въ палатѣ,—только тогда составится настоящее твердое большинство».

Король Амедей послѣдовалъ этому совѣту, подписалъ отставку кабинету Серрано и поручилъ составить новое министерство предводителю партїи радикальныхъ прогрессистовъ Рюицу Зорилья.

Министерство составилось быстро; съ самыхъ первыхъ дней своего управленїя Зорилья прїобрѣлъ большую популярность. И въ самомъ дѣлѣ, съ незапамятныхъ временъ, Зорилья былъ первымъ министромъ въ Испанїи, который точно выполнялъ данныя имъ обѣщанїя. Онъ началъ свою правительственную дѣятельность ослабле-

ніемъ все еще чрезмѣрно сильной власти клерикаловъ; онъ секуляризировалъ нѣкоторые спеціальные доходы духовенства и запретилъ прямыя сношенія испанскаго духовенства съ папскимъ престоломъ. Признавъ правительственнымъ декретомъ «права индивидуальныя», до тѣхъ поръ еще непризнанныя прямымъ законодательствомъ, Зорилья узаконилъ тѣмъ всякія политическія собранія. Съ большою ловкостью онъ провелъ законъ о всеобщей амнистіи, которымъ воспользовались карлисты изъ самыхъ плохенькихъ, попавшіеся во время манифестацій послѣ убійства Прима, произведенныхъ по приказанію донъ - Карлоса; ихъ освободили изъ тюремъ и избавили отъ суда. Зорилья имѣлъ за себя значительное большинство въ палатѣ; опираясь на эту поддержку, онъ рискнулъ на внутренній заемъ для поправленія разстроенныхъ финансовъ, и этотъ заемъ совершился съ баснословнымъ успѣхомъ, несмысланнымъ въ Испаніи. Со всѣхъ сторонъ посыпались къ Зорильѣ сочувственные адреса, въ составленіи которыхъ принимала участіе и республиканская партія.

Ободренный своими успѣхами и почти всеобщимъ сочувствіемъ, Зорилья вздумалъ упрочить положеніе короля, который, въ качествѣ чужеземца, не пріобрѣлъ еще въ странѣ своей партіи, что, какъ извѣстно, въ Испаніи имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ тотъ самый моментъ, когда испанская нація, легко воспламеняющаяся всѣмъ, что носитъ на себѣ характеръ рыцарства, была подъ впечатлѣніемъ цѣлой серіи либеральныхъ реформъ,—Зорилья уговаривалъ короля, внезапно ставшаго популярнымъ, совершить путешествіе по Испаніи.

Извѣстно, какой холодный пріемъ, былъ сдѣланъ герцогу Аостскому, когда онъ, согласившись принять испанскую корону, высадился на испанскій берегъ и проѣхалъ по части Испаніи къ Мадриду. Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, испанцы менѣе всѣхъ симпатизируютъ иностранцамъ: Герцогъ Аостскій былъ избранъ слабымъ большинствомъ палаты и не удивительно, что народъ не чувствовалъ къ нему никакой симпатіи. Но теперь, благодаря Зорильѣ, все измѣнилось какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла. Вездѣ либеральные монархисты встрѣчали короля восторженно, и самые блистательные праздники въ честь его были даны въ Валенсіи, Барселонѣ и Сарагосѣ, въ городахъ, гдѣ большинство жителей принадлежитъ къ республиканской партіи.

Между тѣмъ враги Зорильи—а ихъ у него, конечно, было много — не дремали. Они увѣрили молодого, еще неопытнаго короля,



что эти манифестаціи въ его честь, въ которыхъ дѣятельное участіе принимала республиканская партія, относятся не къ нему, а къ Зорильѣ. Враги министра успѣли возбудить къ нему недовѣріе короля, и въ особенности юной королевы, въ это время только-что пріѣхавшей въ Испанію. Ее убѣдили, что Зорилья слишкомъ честолюбивъ, что онъ желаетъ играть роль новаго маркиза Позы. Результатомъ всѣхъ этихъ маневровъ былъ намекъ Зорильѣ, что онъ въ своей ревности зашелъ слишкомъ далеко и нѣсколько злоупотребляетъ своей родюю спасителя монархіи.

Но на этомъ дѣло не покончилось; врагамъ Зорильи нужно было столкнуть министра и они вскорѣ достигли своей цѣли. Едва король возвратился въ Мадридъ изъ своего триумфальнаго шествія по Испаніи, какъ партіи, враждебныя министру, начали противъ него сильную агитацію. Слѣдовало выбрать президента палаты. Министерство предложило своего кандидата Риверо, нѣсколько разъ уже занимавшаго высшія государственныя должности. Радикальные прогрессисты и республиканцы подали голосъ за Риверо; прочія-же партіи на этотъ разъ соединились противъ министерства и выставили своего кандидата. Послѣ бурнаго засѣданія по поводу этихъ выборовъ, Зорилья подалъ въ отставку и съ этой минуты въ Испаніи снова начались волненія и возмущенія, которыя продолжаются и до сихъ поръ.

Король Амедей поручилъ составленіе министерства Сагастѣ, одному изъ предводителей партіи такъ-называемыхъ либеральныхъ прогрессистовъ, которыхъ почему-то счелъ за истинныхъ представителей конституціонной монархіи. Трудно было сдѣлать болѣе неудачный выборъ. Сагаста пользовался вообще незавидной репутаціей какъ частный человѣкъ, такъ и государственный дѣятель. Сдѣлавшись министромъ, Сагаста своимъ вѣроломствомъ, своей жестокостью, своей высокомерной спѣсью и своей злобной язвительностію еще сильнѣе укрѣпилъ свою прежнюю репутацію и возбудилъ противъ себя недовольствіе въ цѣлой странѣ. Различныя фракціи палаты, оставляя на время свои частныя программы, соединились въ двѣ группы, почти равныя своей численностью: сторонниковъ и противниковъ министерства Сагасты. Перевѣсъ той или другой сторонѣ давала группа клерикаловъ; уступающіе своей численностью обѣимъ большимъ партіямъ, клерикалы тѣмъ не менѣе держали палату въ своихъ рукахъ; они заигрывали съ обѣими партіями и эта недостойная игра, къ явному ущербу правильнаго хода правительственныхъ дѣлъ, продолжалась слишкомъ два мѣсяца. Наконецъ, Сагаста, желая выйдти изъ затрудненія, насильственно прекратилъ засѣданія палаты. Онъ отсро-

члѣмъ ихъ на нѣсколько недѣль съ цѣлью воспользоваться этимъ временемъ для устройства однороднаго кабинета, дисциплинированія своихъ сторонниковъ и замѣщенія многихъ значительныхъ административныхъ должностей преданными ему людьми. Надо отдать ему справедливость, что онъ все это исполнилъ какъ разъ ко времени открытія засѣданій палаты.

Онъ открылъ ихъ вѣекопарной рѣчью, въ которой расточалъ лесть Серрано, Топете и всѣмъ, въ комъ онъ нуждался, именемъ короля заявилъ, что правительство будетъ поддерживать учрежденія, вышедшія изъ сентабрьской революціи, но добавилъ, что это надо понимать въ философскомъ смыслѣ. Онъ просилъ палату оставить на время политику и заняться вопросами административными и финансовыми. Онъ объявилъ, что возмущеніе на островѣ Кубѣ почти совершенно подавлено (обязательная фраза во всѣхъ официальныхъ рѣчахъ въ Испаніи) и правительство намѣрено строго судить всѣхъ измѣнниковъ, составившихъ заговоры противъ Испаніи. Онъ далъ обѣщаніе установить на твердомъ основаніи взаимныя отношенія церкви и государства; онъ заявилъ, что будетъ вѣрнымъ покровителемъ церкви, не стѣсняя, однакожъ, свободы вѣроисповѣданій. Въ заключеніе своей рѣчи онъ долго разглагольствовалъ о социальномъ порядкѣ, объ уваженіи къ закону и о необходимости установленія сильной и могущественной охранительной власти и пр.

Рѣчь Сагасты была очень длинна, ее часто прерывали и, такимъ образомъ, она заняла все время, въ которое обыкновенно продолжается засѣданіе испанской палаты. Оппозиція предложила закрыть засѣданіе и пренія, по поводу рѣчи министра, начать завтра; но Сагаста на это не согласился, заявивъ, что изъ принятія палатой предложенія оппозиціи, онъ дѣлаетъ вопросъ о существованіи кабинета, что министерство подастъ въ отставку, если палата тотчасъ-же не откроетъ преній. Предложеніе оппозиціи было пущено на голоса; за него получилось 170 голосовъ, противъ 121.

Каждый ожидалъ, что Сагаста, слѣдуя парламентскимъ обычаямъ, на другой день, 23 января, подастъ въ отставку и что король поручитъ Зорильѣ или кому-нибудь другому изъ членовъ побѣдоносной оппозиціи составить новый кабинетъ. Однакожъ вышло не такъ. Сагаста явился въ палату съ королевскимъ повелѣніемъ о распущеніи парламента и о назначеніи новыхъ выборовъ на 2 апрѣля.

Когда Сагаста явился въ палату съ этимъ декретомъ, тамъ поднялся страшный шумъ и произошла такая скандальная сцена, при мѣра которой трудно найти даже въ лѣтописяхъ испанскаго парла-

мента, богатаго бурными засѣданіями и скандалами. Цѣлыхъ четыре часа министры и министерская партія дѣлали тщетныя усилія для водворенія порядка настолько, чтобы можно было прочесть декретъ. Дошло до того, что вице-президентъ палаты, при шумныхъ рукоплесканіяхъ большинства, буквально столкнулъ Сагасту съ трибуны. Наконецъ, послѣ отчаянныхъ усилій, завладѣвъ президентскимъ звонкомъ, Сагаста снова появился на трибунѣ и, посреди шумныхъ перерывовъ и рѣзкаго протеста, прочиталъ декретъ о распусченіи парламента.

«А, вы заставляете насъ начать съ вами борьбу на другомъ полѣ!» вскричалъ экс-министръ Зорилья. — «Вы желаете, кажется, чтобы говорили о баррикадахъ!» замѣтилъ другой экс-министръ Мартосъ. — «Пусть народъ не забываетъ, что конституція запрещаетъ собирать подати, неутвержденные кортесами!» сказалъ Носедадь, глава партіи карлистовъ.

Раздраженіе противъ министерства не ограничилось одной палатой; оно съ страшной силой проявилось во всей Испаніи и побудило партіи, враждебныя другъ другу, соединиться въ оппозиціи противъ общаго врага. Радикальные прогрессисты, республиканцы, изабелисты, альфонсисты, карлисты и другіе составили одну партію и согласились, во что-бы то ни стало, повалить министерство Сагасты. Весьма естественно, что недовольство Сагастой перешло и на короля-чужеземца, утвердившаго своей подписью декретъ о распусченіи парламента.

Положеніе короля Амедея снова стало крайне затруднительнымъ, такъ что его отецъ, король Викторъ-Эмануилъ, на всякій случай приказалъ итальянской эскадрѣ крейсировать подлѣ испанскихъ береговъ. Слухи, одинъ нелѣпѣ другого, стали распространяться въ Испаніи и съ каждымъ днемъ росли все болѣе и болѣе. Говорили о высадкѣ итальянской арміи и дошли, наконецъ, до того, что стали передавать, какъ самый вѣрный слухъ, о вмѣшательствѣ въ испанскія дѣла друга и покровителя Италіи, всемогущаго князя Бисмарка, который будто-бы не прочь хорошенько проучить зазнавшихся *идадьо* и *кабальеро*. Эти нелѣпыя слухи еще болѣе возбуждали недовольныхъ противъ короля-иноземца. «Испанія должна управляться испанцемъ-же!» безпрестанно повторяли газеты оппозиціонной коалиціи. Чтобы успокоить нѣсколько всеобщее волненіе, король снова открылъ свой дворецъ (на время запертый) для обычныхъ пріемовъ, но залы оставались пустыми. Дамы аристократки стали носить мантильи и короткія платья, чѣмъ заявляли свою женскую

оппозицію противъ «всего иностраннаго». Люди всѣхъ сословій безъ исключенія—гранды, буржуа, простолюдины—задавали себѣ одни и тѣ-же вопросы: «Что-то будетъ?» «Чѣмъ все это кончится?» «Куда мы идемъ?»—и, конечно, ни на одинъ вопросъ не могли дать положительнаго отвѣта. Въ газетахъ печатались рѣзкія статьи, которыя во всякое другое время въ такой странѣ, какъ Испанія, при министерствѣ, подобномъ министерству Сагасты, непременно вызвали-бы судебное преслѣдованіе противъ ихъ авторовъ, теперь, среди всеобщаго бурнаго раздраженія, проходили совершенно незамѣченными; министерство даже не давало себѣ труда посылать угрозы возбужденнымъ журналистамъ. Правительство, какъ-будто, рѣшилось взять на себя роль медика, который, леча безнадежнаго больного, приказываетъ, чтобы ему давали все, чего онъ только не захочетъ. Все вниманіе министерства было обращено теперь на приготовленія къ рѣшительной битвѣ, на жизнь и смерть, которую оно вскорѣ должно было дать своимъ противникамъ, — такъ оставалось-ли у него достаточно свободнаго времени, чтобы возиться съ крикунами? Черезъ нѣсколько дней ему предстояло умереть или побѣдить. Если ему суждено умереть, ему нѣсколько не помогли-бы успѣшныя дѣйствія въ мелкихъ стычкахъ. Если оно останется побѣдителемъ, тогда оно однимъ ударомъ отомститъ своимъ противникамъ за всѣ ихъ оскорбленія.

Наконецъ, наступилъ великій день выборовъ. Министерство Сагасты для усиленія своей партіи въ палатѣ сдѣлало все, что только можетъ сдѣлать правительство, признавшее, что для достиженія цѣли дозволительны всякія средства, хотя-бы они были крайне сомнительнаго свойства. Приняты были всевозможныя (въ большинствѣ случаевъ, конечно, незаконныя) мѣры, чтобы не допускать къ избирательнымъ урнамъ подозрительныхъ депутатовъ. Цѣлые кварталы, даже цѣлые города были лишены возможности подать свой голосъ. Въ Кордовѣ и въ Севильѣ болѣе двухъ третей избирателей не были допущены къ избирательнымъ урнамъ. Въ Малагѣ лишилось выборнаго права разомъ 17,000 избирателей; въ Гренадѣ почти столько-же; однакожь, не смотря на такое насиліе, въ этихъ городахъ настолько была сильна оппозиція, что министерскіе кандидаты были забаллотированы и выбраны кандидаты оппозиціи. Нѣкоторые небольшіе земледѣльческіе городки, въ которыхъ всегда царила тишина и спокойствіе, были крайне изумлены, когда имъ сообщили декреты, гласящіе, что такъ какъ городокъ (имя рекъ) находится въ возбужденномъ состояніи и враги порядка разсѣиваютъ въ немъ смуты, то правительство вынуждено принять чрезвычайныя мѣры предосторож-

ности. Въ заключеніе все сводилось къ тому, что если городокъ не желаетъ испытать неудобствъ осаднаго положенія, онъ долженъ подать голосъ за министерскаго кандидата. Гдѣ нельзя было запугать, тамъ пускали въ дѣло подкупъ, и выборъ депутата, въ такомъ случаѣ, стоилъ министерству отъ 12 до 18 тысячъ рублей, а для одного депутата пришлось изстратить цѣлыхъ 30 тысячъ. Во многихъ мѣстахъ въ выборы вмѣшивались солдаты и полиція; были случаи, когда въ урну опускались фальшивые билетки, такъ одинъ депутатъ получилъ за себя 887 бюллетеней, тогда какъ избирателей было всего 113.

И каковъ-же былъ результатъ всѣхъ этихъ махинацій? Выборы дали: 201 депутата министерской партіи и 174 — оппозиціи, т. е. большинство въ 27 голосовъ. Въ Испаніи подобное положеніе министерства, по меньшей мѣрѣ, сомнительно.

«И для того, чтобы получить такую жалкую побѣду, вышутъ въ газетѣ «Igualdad», — министерство насильственно отнимало избирательное право у своихъ противниковъ, заключало въ тюрьмы гражданъ, распускало муниципальные совѣты, дѣйствовало терроромъ въ избирательныхъ округахъ, посылало военные отряды, парализовало законную дѣятельность алькадовъ, и съ безпримѣрнымъ цинизмомъ поощряло политическую безразличность!..»

Хотя полученный результатъ былъ болѣе чѣмъ сомнителенъ для министерства, но Сагаста успѣлъ обмануть короля Амедея, увѣривъ его, что правительство одержало блистательную побѣду, — и король вполне успокоился. Но не доложилъ ему Сагаста только о томъ, что дѣйствительно конституціонное правительство не имѣетъ нужды прибѣгать къ насиліямъ во время выборовъ и, такимъ образомъ, давать ложныя указанія состоянія общественнаго мнѣнія. Къ несчастію, для Сагасты почти въ то самое время, какъ онъ торжественно заявлялъ о своей блистательной побѣдѣ пришло извѣстіе о томъ, что вспыхнуло карлистское возстаніе, главнымъ серьезнымъ поводомъ къ которому, по крайней мѣрѣ, официально объявленнымъ карлистами, послужили насилія, произведенныя Сагастою во время выборовъ и распушеніе парламента. Не будь этого, весьма вѣроятно, что карлисты не рискнули-бы теперь взяться за оружіе.

Прошло уже нѣсколько недѣль, какъ претендентъ дон-Карлосъ поднималъ знамя возстанія. Карлисты дѣйствуютъ крайне энергично, по-часъ какъ разбойничьи шайки: они грабятъ общественныя кассы, останавливаютъ поѣзды желѣзныхъ дорогъ и обираютъ пассажировъ. Конечно, такъ дѣйствуютъ отдѣльные не дисциплинированные отряды,

но не надо забывать, что главный свой контингентъ карлистская армія (если только можно назвать арміей совокушность всѣхъ отрядовъ карлистовъ) получаетъ изъ баскскихъ провинцій, мѣстами населенныхъ народомъ невѣжественнымъ, почти полудикимъ, а слѣдовательно нечего удивляться грабежамъ, которыми ознаменовываются походы этой арміи. Исторія этого возмущенія обѣщаетъ быть весьма интересной, хотя, конечно, невозможно ожидать, чтобы карлисты приобрѣли какія-нибудь выгоды отъ своего возстанія или нанесли чувствительный ударъ своимъ противникамъ. Какъ теперь идутъ дѣла въ возставшихъ провинціяхъ—сказать мудрено: изъ испанскихъ газетъ нельзя узнать ничего вѣрнаго; газеты либеральной буржуазіи толкуютъ о блистательныхъ успѣхахъ арміи короля Амедея; газеты легитимисткія твердятъ о побѣдахъ карлистовъ. Телеграммамъ, рассылаемымъ въ Европу также нельзя давать вѣры: Европа уже давно знаетъ, какую цѣну имѣютъ телеграммы, получаемыя изъ Испаніи. Станемъ лучше дожидаться исхода событій и не будемъ заниматься коментированіемъ извѣстій, передаваемыхъ испанскими телеграммами и газетами. Одно можно сказать навѣрное, что если карлистовъ не поддержать другія партіи, они будутъ побѣждены; точно также если побѣдитъ министерство Сагасты, оно не въ состояніи будетъ извлечь никакой пользы изъ своей побѣды.

---

Последнія телеграммы принесли извѣстіе, что министерство Сагасты подало въ отставку. Выходитъ, что насилие и подкуны на выборахъ не принесли ему лично никакой пользы, а вреда Испанія надѣлала чрезвычайно много.

---

## ПИСЬМА ИЗЪ ИТАЛІИ. \*)

*Римъ 20-го апрѣля.*

### I.

Пишу изъ Рима послѣ закрытія засѣданій въ палатѣ депутатовъ и разѣзда большинства ея членовъ. Отсутствіе парламентскихъ преній даетъ возможность спокойно взглянуть на событія въ Италіи послѣдняго времени, въ числѣ которыхъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе выборы, происходившіе въ Римѣ.

Нашъ избирательно-политическій законъ требуетъ, чтобы каждый депутатъ, получающій новое назначеніе или повышеніе по службѣ, подвергался вторичной баллотировкѣ. Его избиратели должны снова собраться и рѣшить, остается-ли онъ по-прежнему ихъ депутатомъ или нѣтъ. Депутатъ, полковникъ Черотти, произведенный въ генералы, подвергся новой баллотировкѣ. Черотти, кандидатъ правительственный, въ ноябрѣ 1870 г. былъ избранъ почти единогласно всѣми членами собранія: — явное доказательство, что общественное мнѣніе въ то время было на сторонѣ правительства, которому Римъ былъ обязанъ своимъ освобожденіемъ. Теперь-же, тотъ самый Черотти, получилъ всего одиннадцатью голосами болѣе, чѣмъ кандидатъ оппозиціи.

Что за причина такого измѣненія общественнаго мнѣнія?

Населеніе Рима можно раздѣлить на двѣ группы; одна изъ нихъ ревностно слѣдитъ за политическими событіями; — другая только тогда ими интересуется, когда дѣло касается финансовыхъ вопросовъ и налоговъ. Къ первой группѣ принадлежатъ всѣ политическія партіи

---

\*) Подъ этимъ заглавіемъ «Дѣло» помѣстятъ рядъ статей члена итальянской палаты депутатовъ и редактора журнала. «Roma» г. Ладзаро, обязательно предложившаго намъ свое сотрудничество. Ред.

въ Италіи: приверженцы папы, консерваторы, либералы и демократы; а вторая группа лишена всякаго политическаго колорита. Во время первыхъ общихъ выборовъ, борьба происходила между умѣренными либералами и либералами-демократами. Новая финансовая система не была еще испробована и большинство римскаго населенія сочувствовало правительству и враждебно относилось къ оппозиціи. Но сучувствіе это скоро разсѣялось, какъ только грустныя послѣдствія финансоваго управленія стали ощутительны для края.

Тогда умѣренные либералы — сторонники правительства утратили всякое значеніе, а ратовавшіе противъ нихъ демократы взяли верхъ. Вотъ обстоятельства, объясняющія, почему вторичный выборъ Черотти въ депутаты, болѣе зависятъ отъ постановки финансоваго вопроса, чѣмъ политическаго.

До настоящаго времени римляне несли сравнительно незначительныя налоги; этимъ обстоятельствомъ вполне объясняется равнодушіе большей части населенія къ участию въ революціонныхъ попыткахъ.

Въ Римѣ во время папскаго владычества, треть населенія промышленности содержаніемъ гостинницъ и мебелированныхъ комнатъ, не принимая участія въ правильной торговлѣ, утративъ всякую умственную и экономическую дѣятельность. Это были нищія и барышники.

Римъ былъ центромъ жизни искусственной, средоточіемъ паразитовъ, эксплуатирующихъ иностранцевъ, которыхъ туда привлекали памятники древняго міра и папско-католическая обрядность, сопровождаемая театральными эффектами.

Такое полное отчужденіе отъ общественныхъ интересовъ римскаго населенія, конечно, исключало возможность развитія общественной жизни, которое замѣчалось въ городахъ остальныхъ частей Италіи. Въ Римѣ не зарождалось никакой потребности прогресса; папское правительство нисколько не заботилось объ улучшеніи жизненныхъ условій, и городъ находился въ самомъ безотрадномъ застоѣ.

Съ присоединеніемъ къ Италіи, Римъ, сдѣлавшійся ея столицею, по необходимости долженъ былъ подчиниться общимъ законамъ страны. Первые реформы, введенныя итальянскимъ правительствомъ, касались вопросовъ финансовыхъ, и устанавливали въ Римѣ систему налоговъ, дѣйствующую во всемъ итальянскомъ королевствѣ. Появились налоги прямыя, показавшіеся особенно тягостными для римскаго населенія: подоходный налогъ и налогъ на недвижимую собственность. Въ будущихъ очеркахъ я разберу систему итальянскихъ налоговъ и объясню, почему подоходный налогъ во многихъ отношеніяхъ стѣснителенъ въ Италіи. Римляне особенно сильно почувствовали тяжесть новыхъ нало-



говъ потому, что введеніе ихъ было не постепенное, какъ въ другихъ частяхъ Италіи, но безъ всякаго предварительнаго подготовленія. Эти крутыя мѣры вызвали общее неудовольствіе даже и въ той части римскаго населенія, которая прежде была на сторонѣ правительства, не говоря уже о той партіи, которая относилась къ нему равнодушно. Неудовольствіе это ясно и краснорѣчиво выразилось во вторичныхъ выборахъ.

Итальянское правительство, сознавая политическое значеніе событій, совершавшихся въ большихъ центрахъ, въ особенности въ Римѣ, столицѣ Италіи, — прибѣгло ко всѣмъ возможнымъ мѣрамъ, чтобъ достигнуть своей цѣли. Оно нашло себѣ поддержку въ либерально-консервативной партіи, состоящей изъ аристократовъ, противниковъ папы, въ правительственныхъ дѣтеляхъ и сановникахъ, и употребило всѣ усилія, чтобъ побѣда осталась за ними. Побѣда эта, какъ сказано выше — выразилась въ пріобрѣтеніи голосовъ кандидатомъ правительства, Черотти.

Съ другой стороны, либеральная или демократическая оппозиція пыталась водворить въ выборахъ новые порядки. Но до сихъ поръ попытки эти не удались, хотя послѣдніе выборы въ Неаполѣ, свидѣтельствуя о явномъ усовершенствованіи организаціи.

Оппозиционная партія вступила въ борьбу съ своими противниками не только для пріобрѣтенія числа депутатовъ въ оппозицію, но также и съ цѣлью доказать всей Италіи, что общественное мнѣніе Рима высказало полное сочувствіе къ дѣйствіямъ лѣвой стороны палаты.

Здѣсь послѣдовательная логика мысли заставляетъ меня коснуться состава палаты депутатовъ. Она состоитъ изъ трехъ группъ: правой, лѣвой и центра; къ правой принадлежатъ консерваторы, къ лѣвой прогрессисты или демократы.

Центръ состоитъ изъ личностей, неимѣющихъ ни положительныхъ программъ, ни опредѣленныхъ цѣлей. Въ итальянской палатѣ депутатовъ, какъ и въ другихъ парламентахъ въ западной Европѣ, главныя партіи распадаются на кружки съ различными болѣе или менѣе опредѣленными оттѣнками. Однакожъ, большинство въ палатѣ состоитъ изъ элемента либеральнаго, созданнаго борьбой за единство Италіи, но остановившагося на своемъ пути, вполнѣ удовлетворившись настоящимъ положеніемъ. Большинство правой стороны принадлежитъ къ этой партіи, чистыхъ реакціонеровъ въ палатѣ немного. Центръ распадается на два: на правый и лѣвый; правый по своимъ убѣжденіямъ склоняется къ консерватизму, а лѣвый къ оппозиціи. Впрочемъ, не имѣя твердо установленныхъ убѣжденій, оба они постоянно колеблются

то въ ту, то въ другую сторону и ни одна изъ рѣзко опредѣленныхъ партій не можетъ рассчитывать на ихъ энергическое содѣйствіе. И на лѣвой сторонѣ существуютъ подраздѣленія и оттѣнки. Одни желаютъ коренныхъ политическихъ, административныхъ, экономическихъ и финансовыхъ реформъ, — реорганизациіи войска и флота, — и требуютъ, чтобъ внѣшняя политика клонилась къ союзу съ Германіей. Другіе, хотя и стремятся къ тому-же идеалу, но какъ-то нерѣшительно, опасаясь крутыхъ переворотовъ, а въ отношеніи внѣшней политики безмолствуютъ, не выражаютъ своего сочувствія къ тому или другому союзу.

Разсмотрѣвъ программы различныхъ партій, входящихъ въ составъ италянской палаты, необходимо обратить особое вниманіе на обстоятельства, которыя отдали власть въ руки министерства Ланцы. Кабинетъ, подъ предѣлательствомъ депутата Ланцы, составилъ въ ноябрѣ 1869 г. послѣ единодушно высказаннаго почти всѣми партіями недовѣрія къ кабинету Менабреа, дѣйствовавшему по программѣ не только консервативной, но даже реакціонной.

Большинство, выразившее это недовѣріе, состояло изъ всей лѣвой со включеніемъ лѣваго центра (140 голосовъ) и изъ группы праваго центра (30-ть голосовъ), къ которой принадлежали депутаты Ланца, нынѣшній президентъ совѣта и Селла, нынѣшній министръ финансовъ.

На перваго было возложено составленіе новаго министерства, но всѣ его усилія были безуспѣшны. Послѣ Ланцы выборъ палъ на генерала Чіальдини, который, не будучи членомъ палаты, не нашелъ въ ней достаточно довѣрія и сочувствія, чтобъ организовать новое министерство. Вслѣдъ за неудачной попыткой Чіальдини самъ король назначилъ депутата Селла министромъ. Селла выбралъ себѣ въ товарищи Лану и, наконецъ, имъ обоимъ удалось составить министерство, въ которое вошли отчасти депутаты правой стороны, поддерживавшей прежнее министерство Менабреа, отчасти депутаты праваго центра, изъ котораго вышли и Ланца и Селла.

Новому министерству не доставало положительныхъ основъ, оно создано на тѣхъ-же шаткихъ началахъ, которыя лежали въ основѣ кабинета Менабреа, тѣмъ не менѣ правая сторона не забыла, что большая часть вновь избранныхъ министровъ были всегда противниками Менабреа; поэтому, не смотря на то, что въ новый кабинетъ вошли многіе изъ представителей правой, въ томъ числѣ и депутатъ Висконти-Веноста, которому было поручено министерство внутреннихъ дѣлъ, — правая постоянно враждебно относится къ президенту

кабинета Ланцы и къ министру финансовъ, Селла. Этого было достаточно, чтобъ лѣвая отнеслась довольно благосклонно къ новому министерству, не высказывая однако ни сочувствія къ нему, ни прямой оппозиціи, но слѣдуя такъ называемой политикѣ выжиданія.

Благодаря этой политикѣ, — министерство держалось и могло противодѣйствовать нападеніямъ на него части правой стороны, состоящей изъ приверженцевъ стараго порядка. Между тѣмъ возникла надежда, что министерство, хотя и не заключало въ своей средѣ представителей лѣвой, не утратитъ традиціи, создавшія единство Италіи, и дастъ нѣкоторое удовлетвореніе началамъ, поддерживаемымъ оппозиціей. Но министерство пошло другимъ путемъ: оно все болѣе и болѣе сближалось съ правой и совершенно пренебрегало желаніями и стремленіями лѣвой. Отъ времени до времени, однако, оно какъ будто возвращалось къ своему первоначальному направленію, раскаяваясь въ своихъ ошибкахъ, но это была только уловка, способная обманывать людей, удовлетворяющихся призраками. Эти колебанія были причиною, — что большинство, на которое опиралось министерство, постоянно измѣнялось въ своемъ составѣ. Центръ тяготѣнія его находился то на лѣвой, то на лѣввомъ центрѣ, то на правой, то на правомъ центрѣ; это непостоянство въ направленіи лишало возможности создать что-либо серьезное и полезное, какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ Италіи. Въ Римѣ эта игра продолжается до сихъ поръ и нѣтъ надежды, чтобъ она скоро прекратилась.

Нельзя не удивляться, что министерство, безъ единомыслящей опоры большинства, при своей неестественной организаціи можетъ держаться долѣе всѣхъ другихъ кабинетовъ съ 1860 года.

Эта странность легко объясняется знаменательными событіями 1870 г. и ихъ вліяніемъ на судьбу Италіи: министерству удалось осуществить національныя стремленія — свергнуть папскую власть и перенести столицу въ Римъ. Событія, совершившея во время франко-германской войны, освободили итальянское правительство отъ постыднаго гнета политики второй французской имперіи, и дали ему самостоятельность какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ. Событія эти были счастливою случайностью для кабинета Ланцы и отстранили министерскій кризисъ, готовый уже совершиться.

Съ перемѣщеніемъ парламента въ Римъ измѣнились отношенія министерства къ партіямъ, господствовавшимъ въ палатѣ; измѣнилось и взаимное отношеніе партій. Лѣвая утомилась служить опорой министерству противъ нападений правой, тѣмъ болѣе, что его политика шла все болѣе и болѣе въ разрѣзъ съ ея основною программю. Она

рѣшилась не поддерживать болѣе министерства, и оказывать противо-  
дѣйствіе его планамъ. Къ ней присоединилась большая часть лѣваго  
центра и образовалась оппозиціонная партія. Правый центръ остался  
на сторонѣ министерства. Двѣ трети правой остались съ министер-  
ствомъ, а треть присоединилась къ оппозиціи. Необходимо, однако, за-  
мѣтить, что оппозиція этой части правой проявлялась только въ тѣхъ  
случаяхъ, когда демократическая партія не могла извлечь изъ нея ни-  
какой пользы; при разрѣшеніи-же вопросовъ, особенно симпатичныхъ  
лѣвой вся правая и весь правый центръ вотировали за министерство.

Сила каждой партіи итальянской палаты можетъ быть выражена  
слѣдующими цифрами: Палата состоитъ изъ 525 депутатовъ, изъ ко-  
торыхъ болѣе половины почти всегда отсутствуетъ, и число постоян-  
но присутствующихъ рѣдко превышаетъ 200! Въ важныхъ, исключи-  
тельныхъ случаяхъ, когда идутъ пренія о вопросахъ политическихъ  
или финансовыхъ, отъ рѣшенія которыхъ можетъ зависѣть паденіе  
министерства, число присутствующихъ депутатовъ доходитъ до 350.  
Изъ нихъ 160 принадлежатъ оппозиціи, 150 явные сторонники ми-  
нистерства, остальные-же вотируютъ то съ оппозиціей, то съ сто-  
ронниками министерства. Въ настоящую минуту достаточно 20 голо-  
совъ, чтобъ перевѣсъ былъ на той или на другой сторонѣ, почему  
министерство всегда сильно хлопочетъ, чтобы его сторонники присут-  
ствовали въ палатѣ. При такомъ ходѣ дѣлъ немудрено, что министер-  
ство лишено всякой инициативы и смѣлости дѣйствій, оно постоянно  
колеблется, не рѣшаясь затрогивать вопросы, которые могутъ возбу-  
дить неудовольствіе между преданными ему депутатами и вѣстѣ съ  
тѣмъ опасается возстановлять противъ себя лѣвую сторону. Проектъ,  
представленный министромъ финансовъ о реорганизациіи бюджета, луч-  
ше всего свидѣтельствуетъ о справедливости моихъ словъ.

Министръ требовалъ отъ палаты, чтобъ она назначила комиссію  
изъ 15 членовъ безъ предварительной баллотировки, для разсмотрѣнія  
представленнаго имъ проекта и доклада о немъ въ общемъ собра-  
ніи, на что и получилъ согласіе. Ни одинъ изъ депутатовъ лѣвой  
и лѣваго центра не вошелъ въ составъ комиссіи: была устранена вся  
оппозиція, внимательство которой могло неблагоприятно отразиться на  
проектѣ министра финансовъ.

Не смотря, однако, на то, что въ комиссію вошли исключительно  
депутаты правой и праваго центра,—многіе изъ нихъ явились про-  
тивниками самыхъ главныхъ предложеній министра. Итальянская бир-  
жа находилась около мѣсяца въ лихорадочномъ состояніи и тревогѣ,  
опасаясь, что многія изъ предложеній министра не будутъ приняты.

палатой. Большая часть изъ этихъ предложеній прошла только благодаря значительнымъ уступкамъ, на которыя министерство вынуждено было согласиться по общему требованію, отчего и первоначальный смыслъ проекта совершенно измѣнился.

Предложеніе отдачи управленія государственными имуществами четырёмъ кредитнымъ учрежденіямъ (національному, тосканскому, неаполитанскому и сипалійскому банкамъ) было отвергнуто съ самаго начала, но впоследствии предложеніе это было принято съ условіемъ, чтобъ уставъ неаполитанскаго банка подвергся радикальному преобразованію, также и уставы остальныхъ банковъ потребовали нѣкоторыхъ измѣненій.

Въ настоящую минуту общественное мнѣніе въ Неаполѣ сильно возмущено извѣстіемъ о введеніи этой реформы. Населеніе провинцій южной Италіи придаетъ большое значеніе своимъ банковымъ учрежденіямъ, къ которымъ оно относится съ большимъ сочувствіемъ.

Министерство поставлено въ очень затруднительное положеніе; оно должно или принять условія комиссіи или возбудить чувствительное неудовольствіе во всей южной Италіи, населеніе которой составляетъ значительную часть населенія королевства.

Два слѣдующіе факта служатъ еще новымъ доказательствомъ несовѣстельности министерства въ его разногласіяхъ съ палатой.

Однимъ изъ итальянскихъ финансовыхъ постановленій вѣщается налагать взысканіе на каждаго гражданина, платящаго подать, который утаитъ часть своихъ доходовъ. По уголовнымъ законамъ каждое взысканіе за эти проступки производится только по судебному приговору; но министерство предписало, чтобъ взысканія производились безъ суда и слѣдствія. Въ парламентъ поступили жалобы о превышеніи министерствомъ предоставленной ему закономъ власти и нѣкоторые изъ депутатовъ лѣвой стороны взяли на себя защиту справедливости этихъ жалобъ.

Палата потребовала объясненій у министерства, которое пыталось оправдать свои дѣйствія, но, предвидя для себя неминуемую опасность въ томъ случаѣ, если вопросъ будетъ подвергнутъ голосованію, — просило пріостановить дальнѣйшее разбирательство этого дѣла и предоставить разсмотрѣніе его особой комиссіи. Въ то-же время нѣкоторые депутаты оппозиціи настаивали о пріостановленіи взысканій, производимыхъ правительственными агентами, но министръ финансовъ положительно воспротивился этому требованію.

Депутаты продолжали отстаивать свое требованіе и вопросъ поступилъ въ палату на общее разсмотрѣніе и баллотировку.

Палата готовила министерскій кризисъ, вызывая его тогда именно, когда партіи не были подготовлены къ новой катастрофѣ. Поэтому во время голосованія многіе депутаты, во время общихъ преній, высказавшіеся противъ дѣйствій министерства, однакожь вотировали за него, и оно получило большинство, но всего четырехъ голосовъ.

Слѣдующій фактъ еще рѣзче показываетъ несостоятельность министерства Лавцы.

Министерство составило проектъ закона о реорганизаціи лѣсного вѣдомства и представило его на разсмотрѣніе палаты депутатовъ. Въ Италіи лѣсной вопросъ имѣетъ своего рода экономическое и социальное значеніе и давно уже чувствуется потребность реорганизаціи всего лѣсного управленія.

Вновь составленный проектъ касался многихъ сторонъ этого вопроса: предполагалось отдать всѣ лѣсныя дачи въ веденіе государства, и учредить спеціальныя суды для разбора преступленій и проступковъ противъ законовъ о лѣсахъ, на особыхъ началахъ, противорѣчащихъ основнымъ началамъ итальянской политической конституціи.

Этотъ новый лѣсной проектъ, какъ въ общемъ его содержаніи, такъ и въ частныхъ примѣненіяхъ, встрѣтилъ сильнѣйшую оппозицію въ палатѣ. Министерство отстаивало его всѣми силами, но когда дѣло дошло до дополнительной баллотировки т. е. вота посредствомъ бюллетеней, къ чему обращаются въ особенно важныхъ случаяхъ, — предложеніе было отвергнуто 110 голосами противъ 96. Явное доказательство, что большинство, сначала колебавшееся, рѣшилось высказаться совершенно опредѣленно, что и побудило министерство протестовать объ отвѣткѣ.

Въ настоящую минуту каждый задаетъ себѣ вопросъ—что будетъ послѣ ваканціи? Симпатіи большинства возвратятся ли къ министерству—или оно подвергнется новому пораженію во время преній о финансовомъ законодательствѣ, которыми откроется будущая сессія палаты.

Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ ряда новыхъ уступокъ министерства въ пользу правой стороны.

## II.

Смерть Маццини вызвала множество манифестацій въ различныхъ частяхъ Италіи. Начиная съ парламента до самой незначительной ассоціаціи, съ Рима до самаго маленькаго городка, населеніе Италіи за-

явило свои чувства по поводу кончины этого дѣятеля, десятки лѣтъ трудившагося для осуществленія одной идеи: созданія единства Италіи. Онъ счумѣлъ олицетворить въ себѣ идеалъ, соответствовавшій современнымъ и историческимъ требованіямъ патріотизма.

Въ послѣднія 40 лѣтъ человѣческой разумъ чрезвычайно быстро развивался въ области философіи и политико-соціальныхъ наукъ. Маццини не вполне сознавалъ это явленіе, но осуждать его за это было-бы крайне несправедливо. Онъ неутомимо стремился къ осуществленію своего идеала—созанія единства Италіи; онъ вполне отдавался своей цѣли и сдѣлалъ для ея осуществленія столько, сколько это въ силахъ единичной личности. Поэтому его нельзя было судить, пока онъ не достигъ своей цѣли; теперь же, когда единство Италіи уже совершилось, можно отнестись къ нему критически.

Общественный приговоръ Италіи надъ могилою ея замѣчательнаго гражданина былъ иной приговоръ, чѣмъ тотъ, какой она высказывала прежде къ его теоріямъ. Маццини достигъ великаго счастья—осуществленія главной задачи своей жизни—объединенія Италіи; не многимъ изъ людей достается на долю такой удачѣ.

Маццини создалъ школу, изъ которой вышло не мало замѣчательныхъ людей, съ твердымъ характеромъ, проявившихъ себя въ безкорыстномъ патріотизмѣ, въ высокомъ, поэтическомъ самопожертвованіи и героизмѣ. Безъ Маццини едва-ли-бы появились такія замѣчательныя личности, какъ Бандіера, Пизакане, Розолино Било, Бентиволіо, Эмбриани и другія имъ подобныя.

Многіе изъ бывшихъ послѣдователей Маццини, отдѣлившихся отъ него по той или другой причинѣ и ратовавшихъ подъ другими знаменами, сочли долгомъ почтить его память и передъ его еще свѣжей могилою отдать полную справедливость его энергической дѣятельности.

Характеръ всѣхъ многочисленныхъ народныхъ манифестацій по случаю смерти Маццини былъ исключительно національный. Враждующія между собою партіи на этотъ день забыли свою вражду и какъ-бы соединились въ одномъ общемъ чувствѣ признательности къ челоуѣку, много потрудившемуся для своего отечества.

Извѣстіе о кончинѣ Маццини, полученное по телеграфу, произвело сильное впечатлѣніе въ палатѣ депутатовъ. Тотчасъ-же многіе изъ депутатовъ оппозиціи высказались въ пользу инициативы сочувственныхъ овацій памяти Маццини, которая принадлежитъ прежде всего парламенту, какъ законному представителю единства Италіи.

Предложеніе это встрѣтило общее одобреніе всѣхъ партій палаты. Но правительство, совершенно неосновательно (какъ доказали послѣд-

ствіа) опасаясь, чтобы манифестаціи не приняли революціоннаго характера, не согласилось, чтобъ онѣ исходили изъ палаты депутатовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовало, чтобъ онѣ ограничились простымъ выраженіемъ сочувствія къ памяти умершаго. Не желая возбудить распрей, депутаты оппозиціи привуждены были устранить изъ манифестаціи все то, чего требовало правительство; они сознавали, что все-таки лучше почтить память Маццини заявленіемъ сочувствія, чѣмъ обойти молчаніемъ его кончину. Примѣру парламента послѣдовали всѣ итальянскіе муниципалитеты (объ организаціи которыхъ я упомяну впоследствии) и, съ своей стороны, вотировали уваженіе памяти покойнаго, а нѣкоторые произвели торжественныя манифестаціи.

Примѣръ парламента повліялъ также и на различныя ассоціаціи, перѣшавшіяся громко заявить чувство скорби, овладѣвшее ими при полученіи извѣстія о смерти Маццини.

Въ Генуѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ и въ Пизѣ манифестаціи національной грусти проявились съ особенной торжественностью.

Манифестація, совершившаяся 17 марта въ Римѣ, была вполне достойна историческаго значенія города и причины, вызвавшей ее. Съ самаго ранняго утра великолѣпная Піацца-дель-Пополо наполнилась гражданами всѣхъ сословій съ національными знаменами, покрытыми чернымъ крепомъ и штандартами. Корсо, Віа-Барберино, Рипетта, площадь Траяна и улица, ведущая къ Кампидольо мимо древнихъ и величественныхъ развалинъ форума, были разукрашены трехцвѣтными знаменами, покрытыми чернымъ крепомъ. Все населеніе Рима шло густою толпою по означеннымъ улицамъ; балконы, окна, даже нѣкоторые древніе памятники были полны зрителями, ожидавшими появленія похороннаго шествія.

Часовъ въ 10 утра шествіе, сопровождаемое тремя оркестрами музыки, тронулось съ Піацца-дель-Пополо, освѣщенное яркимъ итальянскимъ солнцемъ, лучи котораго падали на бюстъ Маццини и на окружающія его знамена.

Всѣ политическія и рабочія ассоціаціи, различныя городскіе цѣхи со своими знаменами и штандартами, приняли участіе въ печальномъ шествіи.

Процессія появилась на Піацца-Венеція, когда похоронная колесница была еще на Піацца-дель-Пополо, изъ чего можно составить себѣ понятіе о протяженіи шествія. Съ балконовъ, оконъ и даже крышъ бросали безчисленное множество цвѣтовъ и вѣнковъ. Характеръ этой народной манифестаціи не дозволяетъ останавливаться на мелкихъ по-



дробностяхъ; не могу однако умолчать о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ на многихъ торжественнымъ шествіемъ, направившимся къ Кампидолью. Улица, по которой тянулась процессія, новѣйшей постройки; она идетъ почти въ уровень съ Віа-Сакра, по которой проходили древніе побѣдители послѣ одержанныхъ побѣдъ, порабоцавшихъ народы и служившихъ въ то-же время проводниками римской цивилизаціи въ самыя отдаленныя страны тогда извѣстнаго міра. Соединеніе этихъ двухъ путей съ ихъ историческими памятниками и торжественность настоящей манифестаціи переносили зрителей въ древній Римъ и, сравнивая прошедшее съ настоящимъ, наводили мысленно на современное значеніе великаго города. Безмолвные памятники, свидѣтельствовавшіе о событіяхъ давно совершившихся; о несчастныхъ жертвахъ и жрецахъ; объ угнетенныхъ и угнетаемыхъ;—отъ надменныхъ патриціевъ римскихъ до Ріэнци, отъ Камилла до Джузеппе Маццини; отъ нашествія галловъ до этой манифестаціи, — сколько событій, сколько различныхъ воспоминаній! Какой неисчерпаемый матеріалъ для философіи исторіи, законъ которой указываетъ грядущимъ поколѣніямъ путь, ведущій къ прогрессу, къ справедливости, къ свободѣ и къ общему развитію человѣчества! Рѣдко кому, даже между дряхлыми старцами, удавалось видѣть Римъ такимъ, какимъ видѣли его въ день этой манифестаціи.

Итальянское правительство взвѣситъ значеніе подобнаго явленія! Оно не забудетъ, что почти все населеніе Рима участвовало въ этой народной манифестаціи, проявившейся свободно, безъ всякаго чуждаго вмѣшательства. Правительство почувствуетъ, что съ присоединеніемъ Рима итальянцы желаютъ вступить въ новую эру гражданскихъ преобразованій, столь необходимыхъ для народнаго благосостоянія.

Огромное стеченіе народа, собравшагося почтить память Маццини, должно навести на мысль итальянское министерство, что насильственные перевороты легко предупредить, но тогда только, когда люди, стоящіе во главѣ правительства, понимаютъ потребности времени и необходимость способствовать ихъ развитію.

Джузеппе Ладзаро.

## ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

Лпатія общества. — Равнодушіе его къ своимъ интересамъ и къ довѣреннымъ его лицамъ. — Биржевики и писаки, создающіе новую Калифорнію. — Скучающій Минфредъ города Скопина. — Киргизско-аристократическій наѣздъ въ Москвѣ на жилище кн. Гагарина. — Бывшій защитникъ женской эманципаціи является въ роли защитника проституціи. — Денежная горячка и обильная лѣтопись банкротствъ. — „Женскій человѣкъ.“

О чемъ у насъ больше всего говорятъ въ настоящую минуту? Чѣмъ больше всего интересуются? На эти вопросы почти невозможно отвѣтить, потому что у насъ въ сущности никто не интересуется ничѣмъ и всѣ говорятъ обо всемъ, но значеніе и смыслъ этихъ разговоровъ о «матеріяхъ важныхъ» нисколько не превышаетъ значенія и смысла разговоровъ о вчерашнемъ режизѣ Ивана Ивановича, о новыхъ рыскахъ Матильды Карловны и тому подобныхъ домашнихъ непріятностяхъ и радостяхъ отдѣльныхъ лицъ того или другого муравейника. Прислушиваясь къ разговорамъ нашего общества, не знаешь, чѣмъ больше занято оно: положеніемъ-ли крестьянъ гдѣ-нибудь въ Смоленской или Псковской губерніи, харьковскою-ли исторію, образованіемъ-ли народа, артельными-ли сыроварнями, самоубійствомъ-ли въ туляковыхъ баняхъ молодого человѣка, оставившаго пустой медальонъ на груди, или послѣднею дракою г-жи Циллеръ съ г-жею Трошъ въ театрѣ г. Берга. Полнѣйшее отсутствіе общественныхъ интересовъ, полнѣйшее отсутствіе общественной жизни— это знаменія нашего времени. Наше общество, проснувшееся подъ

громъ севастопольскихъ пушекъ, заснуло снова послѣ совершившихся реформъ съ сладкою мыслью о томъ, что эти реформы сами собою войдутъ въ жизнь и начнутъ дѣйствовать, какъ заведенная машина, безъ помощи людей, безъ участія общества. Общественное мнѣніе и гласность, подававшія хотя слабый голосъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, умолкли почти совсѣмъ. Теперь немислимы даже такіе протесты, какіе появлялись за барыню, читавшую гдѣ-то публично «египетскія ночи» Пушкина, или за евреевъ, названныхъ жидами, въ «Иллюстраціи»... Да это былъ медовый мѣсяцъ нашего либерализма, когда мы чутко прислушивались къ каждой фальшивой ноткѣ, но онъ прошелъ, и насъ не возмущаютъ больше ни адвокаты, не только защищающіе темныя дѣла бывшихъ откупщиковъ, но и содержащіе кабаки на своемъ собственномъ откупѣ, какъ сообщаетъ объ этомъ корреспондентъ изъ Екатеринославля (см. «Нов. Время», № 121). Мы не беремся рѣшить, кто лучше, — ходоубица по дѣламъ проворовавшагося откупщика или ходоубица, арендующій кабакъ, — но мы утверждаемъ, что наше равнодушіе къ явленіямъ общественной жизни граничитъ съ полной апатіей. Въ виду этой апатіи общества всѣ личности съ темненькими и грязненькими поползновеньицами могли поднять смѣлѣе головы и снова приняться за старыя продѣлки, приловчившись такъ-же хорошо къ новымъ порядкамъ, какъ когда-то приравливались онѣ къ старымъ порядкамъ. Ихъ перестала пугать огласка, ихъ перестала пугать мысль, что общество не одинаково смотритъ на хорошее дѣло и сомнительный поступокъ. Онѣ поняли, что все старое пошло по старому, что у насъ «дома новы, но предрасудки стары», что мы можемъ даже плевать въ томъ случаѣ, если насъ кто нибудь и поругаетъ, такъ какъ «серьезныхъ» послѣдствій изъ этого не выйдетъ. Не выйдетъ ничего-первыхъ потому, что «брань на вѣнцѣхъ не вѣнцѣтъ», а во-вторыхъ потому, что «у насъ бранятъ вездѣ, и всюду принимаютъ». Только этою возможностью плевать на мнѣнія общества и этою способностью общества добродушно отираться отъ плевковъ, дѣлая умильные глазки плюющимъ въ него людямъ, и можно объяснить то, что люди, которые, повидимому, должно-бы были дорожить своею репутаціею, играютъ ею очень смѣло и знаютъ, что такъ называемые порядочные люди, можетъ быть, побранятъ ихъ за глаза за какую-нибудь изъ ихъ неприглядныхъ выходокъ, но все-таки не запрутъ передъ ними дверей, не отдернутъ отъ нихъ при встрѣчѣ своей руки. Да, только этимъ и можно объяснить, почему какой-нибудь адво-

каты, стяжавшіи себѣ болѣе или менѣе почетную извѣстность, берутся защищать непопулярное въ общественномъ мнѣніи дѣло, почему писатель, изливавшій вчера потоки желчи на извѣстное направленіе, сегодня восхваляетъ это направленіе, почему иной общественный дѣятель не стыдится быть «своимъ человѣкомъ» и въ кругу завязатыхъ ретроградовъ, и въ кругу крайнихъ прогрессистовъ. Все это сойdetъ съ рукъ, сойdetъ съ рукъ и въ томъ случаѣ, если даже русская газетная пресса отмѣтитъ и заклеимтъ «неблаговидный поступокъ». Въ послѣднемъ случаѣ заклеименный прессою господинъ можетъ даже съ гордымъ презрѣніемъ сказать нѣсколько громкихъ фразъ о ничтожности нашей журнальной и газетной прессы, о продажности фельетонистовъ, объ «этихъ газетныхъ кабакахъ, гдѣ безграмотная голь хватается за каждый скандалъ, чтобы нажить лишній пятачекъ». И онъ, къ несчастію, будетъ отчасти правъ, онъ можетъ даже указать на нѣкоторые факты въ родѣ того, что въ одной и той-же газетѣ ругали и превозносили до небесъ одну и ту-же личность, что одна и та-же рука писала циническіе пасквили на «бабъ, выходящихъ воевать съ метлами въ рукахъ», и горячо отстаивала «женскій вопросъ», что въ одномъ и томъ-же фельетонѣ и проповѣдовался, и осмѣивался «прогрессъ съ пѣніемъ и плясками». Да, онъ будетъ отчасти правъ, говоря, что люди, плодившіе нигилистовъ, совѣтовали потомъ вырвать съ корнемъ это зло. Чтобы видѣть, какъ беззастѣнчиво мѣняли люди свои убѣжденія, было-бы интересно собрать въ одинъ букетъ всѣ фельетоны «Незнакомца» или сооставить взгляды «Выборгскаго Пустынника» со взглядами Z. Въ результатѣ этихъ сличеній и сооставленій получилось-бы нѣчто похожее на поведеніе адвоката, утромъ подвизающагося за правосудіе, а вечеромъ контролирующаго кассу своего кабака. Подобная работа была-бы не бесплодна и въ томъ отношеніи, что она показала-бы, насколько эти господа переросли разныхъ Булгаринныхъ, являющихся неопытными младенцами въ сравненіи съ этими фельетонными дѣлъ мастерами. Литература и, главнымъ образомъ, газетная пресса дѣйствительно не остались чистыми и безупречными. Апатія общественнаго мнѣнія повліяла и на газетныхъ дѣятелей. Это вліяніе было тѣмъ хуже, что оно совпало со временемъ биржевой игры, желѣзно-дорожной горячки, выгодныхъ пріобрѣтеній имѣній въ Царствѣ Польскомъ, акцизнаго управления, акціонерныхъ компаний и пр. Съ одной стороны нѣкоторые газетные дѣятели увидали возможность безнаказанно писать все, что угодно, и за немнѣніемъ

руководящаго голоса зашѣли кто въ лѣсъ, кто по дрова; съ другой— ихъ воспламенило желаніе сдѣлать изъ литературы такіе-же калифорніскіе рудники, какими были желѣзныя дороги и биржа. Они дерзнули.

Намъ вспоминается одинъ случай, ярко характеризующій взгляды этихъ господъ на литературу. Однажды мы встрѣтили на Невскомъ раззорившагося послѣ отиѣны крѣпостного права господина, служившаго по вольному найму у литературы и прозваннаго какимъ-то острякомъ «борзятникомъ». Это было въ то время, когда литература вдругъ понесла нѣсколько невознагражденных потерь и болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждалась въ дѣятеляхъ. «Борзятникъ» былъ мраченъ. Мы подумали, что я его тяготятъ опасенія за будущность русской литературы, и не безъ участія подошли къ нему.

— Я ѣду, проговорилъ онъ своимъ глухимъ и сильнымъ голосомъ, напоминавшимъ не-то голосъ спившагося съ круга человѣка, не-то голосъ древняго генерала двадцатыхъ годовъ.

— Куда? изумились мы.

— На службу.

— А литература?

— Что мнѣ ваша литература? прохрипѣлъ борзятникъ и выругалъ литературу ненаходящимся въ лексиконѣ словомъ. — Развѣ ваша литература дастъ мнѣ пять тысячъ въ годъ? А тутъ на меня векселя предъявили ко взысканію!

Мы молча раскланялись и отошли отъ этого господина. И къ чему тутъ были объясненія? Литература не можетъ дать ему въ данную минуту пяти тысячъ въ годъ, литература не можетъ уплатить всѣхъ векселей, которые подписалъ онъ или подмахнула его супруга, — значитъ по боку литературу до того времени, когда она будетъ давать пять тысячъ въ годъ и когда редакціи будутъ въ видѣ «награды къ празднику» давать «на водку» своимъ сотрудникамъ и уплачивать ихъ векселя. Дѣйствительно, борзятникъ могъ при помощи связей найти мѣсто по акцизу, по полиціи, по губернскимъ палатамъ, — за чѣмъ-же ему заниматься литературной дѣятельностью! Не лучше ли пережить литературный кризисъ у тепленькаго мѣста и выждать той поры, когда същется еще болѣе тепленькое мѣсто въ литературномъ департаментѣ при какой-нибудь редакціонной канцеляріи? И развѣ идутъ взгляды этихъ приказныхъ литературы на литературную дѣятельность дальше взглядовъ старыхъ подъячихъ, объяснявшихъ все тѣмъ, что «у меня жена, дѣти»? И зачѣмъ имъ имѣть высшіе взгляды?

ды на литературную дѣятельность! Они, руководствуясь одними копѣчными расчетами, идутъ изъ литературнаго департамента въ акцизное управленіе, поступаютъ снова въ литературный департаментъ и очень хорошо знаютъ, что общество не спроситъ ихъ: « А что вы дѣлали въ то время, когда я бродило въ потьмахъ, когда я жаждало хоть одного живого слова, когда мнѣ болѣе всего нужны были дѣятели, которые будили-бы меня отъ моего глубокаго сна. » Они знаютъ, что общество не имѣетъ права предъявлять подобныхъ требованій и запросовъ имъ, служащимъ по вольному найму приказнымъ,— не имѣетъ права потому, что оно само, это общество биржевиковъ, спекуляторовъ, концессионеровъ, содержателей гласныхъ ссудъ, игроковъ въ ажіотажъ, повышающихъ искусственно цѣны дровяниковъ и домовладѣльцевъ, мѣряетъ значеніе каждой дѣятельности количествомъ барышей. Если оно не можетъ въ данную минуту предложить писателю такого жалованья, которое равнялось-бы жалованью высшихъ акцизныхъ чиновниковъ, или доходамъ дровяниковъ въ суровую зиму, то оно не можетъ и требовать, чтобы писатель остался писателемъ, а не шелъ-бы въ акцизъ. Да, вы, господа, все чаще и чаще сѣтуете на то, что въ былыя времена Пушкинъ, Жуковскій, Тургеневъ были людьми *comme il faut*, а что нынѣшніе писатели какіе-то оборванцы, которыхъ совѣстно принять въ порядочной гостиной. Вы при этомъ забываете, при помощи какихъ средствъ могли старые писатели быть людьми *comme il faut*. Вы не желаете знать того, что русская литература не давала и не даетъ большинству своихъ дѣятелей такихъ средствъ, чтобы на эти средства можно было жить не въ проголодь. Вы хотите только одного, чтобы и нынѣшніе писатели были такими-же приличными щеголями, какъ писатели временъ крѣпостного права и крѣпостного труда. Что-жь, подождите, ваше желаніе исполнится. У васъ будутъ снова богато одѣтые, франтоватые литераторы, которыхъ не стыдно будетъ принять въ самой роскошной гостиной. Они найдутъ средства для наживы въ то время, когда каждый старается изобрѣсти эти средства. Но знайте, что чѣмъ роскошнѣе будетъ ихъ одежда, чѣмъ чище будутъ ихъ лайковыя перчатки, тѣмъ болѣе нищенскою будетъ ихъ совѣсть, тѣмъ болѣе грязными будутъ ихъ руки, которыя будете вы любезно пожимать за то, что они за извѣстную плату отстояли извѣстное темное дѣло, выигранное вами. Да, вы дождетесь этихъ продажныхъ литераторовъ, которые будутъ продавать вамъ вашихъ враговъ, а васъ вашимъ врагамъ, дождетесь, какъ дождалась ихъ

Франція и жидовствующая пресса Германіи. Эти спутники составляютъ неизбѣжную свиту биржевиковъ, спекуляторовъ, промышленниковъ, — свиту, ожидающую повелѣній и подачекъ своихъ патроновъ.

Уже теперь мы видимъ на каждомъ шагѣ, какъ пресса старается поддѣлаться подъ вкусы быстро наживающихся биржевыхъ игроковъ. Она старается угодить имъ, пускаясь въ длинныя споры о какой нибудь линіи желѣзныхъ дорогъ, никому не нужной, кромѣ нѣсколькихъ предпринимателей, и совершенно неизвѣстной пишущему о ней «по заказу» писака. Она знаетъ, какъ падки разбогатѣвшія выскочки на салные скандалчики, производимыя разными «камельями» и потому она пишетъ цѣлыя страницы, спорить и кричить о «сикантной» игрѣ Шнейдеръ, печатаетъ полный отчетъ о дракѣ берговскихъ пѣвицъ, извѣщаетъ чуть не телеграммами о пріѣздѣ г-жъ Терезы и Жюдикъ и о переговорахъ съ Деверіей, печатаетъ цѣлыя книги такого содержанія, что судъ долженъ останавливать ихъ, какъ книгу г. Волокитинова о „тайнахъ половой жизни.“ Она знаетъ, что тузы ажіотажа не жалуютъ разныхъ истовъ и потому она печатаетъ цѣлыя томы, наполненныя инсинуаціями, — и эти инсинуаціи доходятъ до того, что отъ нихъ иногда приходится отказываться самимъ ихъ авторамъ. Такъ, напримѣръ, по поводу харьковской исторіи «Москов. Вѣд.» уже успѣли пустить слухъ о темныхъ интригахъ, но тотчасъ-же были принуждены отказаться отъ этой выдумки въ виду правительственнаго сообщенія. Заврались, значитъ, въ пылу рвенія видѣтъ во всемъ агитаторовъ. Конечно, не такая пресса можетъ заслуживать уваженія. Конечно, самыя желчныя нападенія такой прессы не могутъ вызвать въ обвиняемыхъ ею людяхъ стремленія оправдать себя въ ея глазахъ, какъ публично оправдывался когда-то Вышнеградскій.

Только эту апатію общественнаго мнѣнія и этимъ значительнымъ пониженіемъ достоинства прессы, которая поѣдаетъ сама себя, стараясь перегрызть горло каждому изъ своихъ собратьевъ не за идею, а за лишній грошъ, и на приговоры которой все меньше и меньше обращаютъ вниманія, можно объяснить ту безцеремонную откровенность, съ которою совершаются разныя темныя выходки русскаго самодурства. Если непременно нужно видѣтъ въ каждомъ фактѣ и свою хорошую сторону, то можно, пожалуй, сказать, что эти выходки нашего самодурства хороши въ одномъ отношеніи: онѣ ярко характеризуютъ, изъ какихъ элементовъ до сихъ поръ состоятъ наше общество, и не даютъ возможности развиться слишкомъ розовымъ

мечтаю о томъ, что мы далеко ушли впередъ, что если у насъ невѣжественна и дика масса, то все-таки рядомъ съ ней есть цѣлыя классы европейски развитыхъ людей, среди которыхъ уже немислимы ни самодурство, ни варварскіе нравы, ни тупое невѣжество. Подобныя мечты должны непремѣнно разсѣяться, когда мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ уродливыя явленія. Вотъ, на-примѣръ, мелкій фактъ: «Въ Скопинѣ завелся какой-то господинъ ежедневно гарцующій на своемъ скакунѣ по городскимъ улицамъ. Гарцовалъ, гарцовалъ, да видно, надоѣло, онъ и вздумалъ сдѣлать визитъ городской библіотекѣ. Съ непривычки-ли входитъ въ такія мѣста, какъ библіотека, или ужь вообще такова его натура, только онъ влетѣлъ въ библіотеку съ пѣсней: «по улицѣ мостовой.» Эга выходка ему, какъ видно, очень понравилась и потому оскорбленный тѣмъ, что его никто не хвалитъ, онъ, развалившись въ креслѣ, прежде всего счелъ нужнымъ сказать себѣ «панька», замѣтивъ, что «значитъ онъ умнѣе книгъ, когда при его появленіи всѣ бросили читать и обратили свое вниманіе на него,» а затѣмъ перешелъ уже къ новымъ выходкамъ, которыя, по его мнѣнію, конечно, должны были еще болѣе подтвердить, что онъ умнѣе книгъ. Спрятанная у него въ карманѣ музыкальная машинка начинаетъ играть какую-то арію, и онъ садится на креслѣ въ позѣ индійскаго идола, растопыривъ руки, надувъ щеки, выпучивъ глаза, при чемъ изъ надвинутой на затылокъ фуражки торчатъ всклокоченные волосы. Такое положеніе онъ считалъ, конечно, весьма граціознымъ, но и оно надоѣло ему, а потому. чтобы закончить свое пребываніе въ библіотекѣ, онъ нашелъ нужнымъ съѣздить по лысинѣ одного купца. И все это терпится и сносится, и этого господина принимаютъ во многихъ мѣстахъ! И, посмотрите, тутъ и языка какъ будто нѣтъ у бабушекъ и кумушекъ, тутъ и sprawy нѣтъ. (Сынъ Отеч.).

Рядомъ съ этой мелкой исторіей является уже болѣе знаменательная исторія, которую публично разыграли коллежскій регистраторъ Стольгаки, поручикъ графъ Толстой и юнкеръ князь Волконскій. Эти люди принадлежатъ къ тѣмъ классамъ общества, въ которыхъ есть возможность получить и хорошее образованіе, и хорошее воспитаніе, въ которыхъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь должны быть извѣстны требованія общежитія и развиваться уваженіе къ обществу. И что-же мы видимъ? Эти господа поздно ночью подъѣзжаютъ въ Москвѣ къ дому, гдѣ живетъ князь Гагаринъ; они перелѣзли черезъ ворота во дворъ, разбили затѣмъ стекло въ окнѣ кухни при квартирѣ кн. Гагарина,



и войдя затѣмъ въ кухню, разломали дверь, выходящую въ коридоръ, и вошли уже было въ антресоли, но были остановлены прибывшей полиціей. Кромѣ того противъ кн. Волконскаго было заявлено обвиненіе со стороны городского Фокина въ оскорбленіи его словами. Подсудимые и сами не отвергали обстоятельствъ такого нападенія, но объясняли ихъ тѣмъ, что въ квартирѣ кн. Василія Николаевича Гагарина живетъ жена г. Стольгаки, Елисавета Николаевна, урожденная княжна Гагарина, съ сыномъ Николаемъ. Г. Стольгаки желалъ видѣться съ женой и съ сыномъ, но не смотря на неоднократныя пріѣзды его въ разное время дня, ему постоянно отказывали. И вотъ г. Стольгаки попросилъ своихъ товарищей помочь ему войти къ женѣ; когда они пріѣхали къ парадному крыльцу, то г. Стольгаки нѣсколько разъ звонилъ въ колокольчикъ, но когда къ нимъ вышелъ дворникъ, и объявилъ, что двери отперты не будутъ, а затѣмъ, затворивъ калитку, ушелъ на дворъ, они и нашлись вынужденными перелезть черезъ ворота. (Герои г. Гл. Успенскаго разсуждаютъ гораздо логичнѣе и умнѣе.) Оскорбленіе-же городского кн. Волконскій отвергалъ. Свидѣтельскія показанія также вполне подтвердили обвиненіе; выяснилось и то, что это нападеніе произошло въ домѣ кн. Гагарина ужасный переполохъ; такъ самъ князь нашелъ нужнымъ вооружиться револьверомъ, а поварь, спавшій съ женой въ кухнѣ, убѣжалъ въ другую комнату. Какъ сильно было нападеніе, это видно изъ того, что дверь изъ кухни держали трое, и кромѣ того она была заперта, и однако все-таки ее выломали. И вѣдь вѣрно эти люди толковали и объ уваженіи къ семейному очагу и чужой собственности. Вѣстѣ съ тѣмъ подтвердилось, что Фокинъ былъ дѣйствительно обруганъ; наконецъ, выяснилось, что *г-жа Стольгаки живетъ у родного брата, кн. Гагарина по Высочайше утвержденному отдѣльному отъ мужа виду*. Однимъ словомъ, все выяснилось не въ пользу нападавшихъ и депутатъ отъ полиціи просилъ мирового судью подвергнуть «буйныхъ князей», по совокупности преступленій, высшей мѣрѣ наказанія по 30, 38, и 42 ст. Не пощадилъ ихъ поступка въ своей рѣчи и повѣренный со стороны кн. Гагарина, г. Бенисиавскій. Рисуя живую картину того страха, какой должно было навести нападеніе, онъ оказалъ: «Кто-же эти люди, презрѣвшіе законъ неприкосновенности жилища, спокойствіе семьи, презрѣвшіе и ту роковую минуту, которая, будь сдѣланъ еще одинъ шагъ, погубила бы, можетъ быть, жизнь не одного человѣка? Эти люди высшаго

круга, высшаго, надо полагать, образованія. Двое изъ нихъ носятъ даже историческія имена. Вотъ какъ дорога имъ слава предковъ; ногами въ грязь топчутъ они фамильную гордость нынѣшнихъ своихъ родителей. Конечно, Волконскіе и Толстые не потеряютъ ничего: общество воздастъ каждому должное: оно не перестанетъ чтить въ нихъ память извѣстныхъ всему міру патріотовъ и съ тѣмъ большимъ негодованіемъ отвернется отъ изчадія, которому ни во-что дѣдовскія заслуги и слава. Кто-же третій товарищъ? Мы скажемъ только, что онъ мужъ сестры кн. Гагарина, отецъ малютки, сына ея. Но какой онъ мужъ? какой онъ отецъ? объ этомъ достаточно можно судить по тѣмъ дѣйствіямъ, которыя извѣстны нынѣ. О прежнихъ говорить не станемъ. Замѣтимъ только, что если прежніе его поступки заставили власть виѣшаться въ дѣла его семьи, защитить жену и ребенка, дозволить имъ жить отдѣльно отъ него, то эти поступки должны говорить сами за себя. Послѣ того же, что мы знаемъ, кто скажетъ, что онъ любитъ свою жену, своего ребенка? Тотъ, кто дозволялъ себѣ напасть на домъ, гдѣ живетъ при матери собственное его дитя, кто не остановился передъ опасностью сдѣлать своего ребенка уродомъ, благодаря наведенному имъ самымъ испугу и ужасу, тотъ права на ребенка имѣть не можетъ.» Подсудимыхъ, какъ видно, на разбирательствѣ не было, и мировой судья, признавъ ихъ виновными въ буйствѣ, самоуправствѣ, насиліи и нарушеніи общественной тишины, а кн. Волконскаго кромѣ того и въ оскорбленіи городского, приговорилъ каждаго къ трехмѣсячному аресту, и постановилъ послать имъ приговоръ, какъ заочной, въ кошіи. (Сынъ Отеч.).

Сколько нужно имѣть презрѣнія къ общественному мнѣнію, къ требованіямъ общежитія, чтобы рѣшиться на подобные киргизскіе наѣзды. Ихъ могутъ дѣлать только тѣ люди, которые вполнѣ увѣрены, что ихъ поступки пройдутъ безнаказанно, т. е., пожалуй, вызовутъ судебное преслѣдованіе, но не вызовутъ болѣе строгаго наказанія въ общественномъ мнѣніи, можемъ наказывать людей гораздо сильнѣе, чѣмъ всякіе официальные суды. Читая эту исторію, видишь передъ собою людей, которые стоятъ по своимъ взглядамъ на условія общественной жизни и на общество нисколько не выше героевъ Гоголя и островскаго или того полицейскаго, который велѣлъ въ харьковѣ поливать народъ изъ пожарныхъ трубъ. Но этого мало: не только эти господа не побоялись буйствовать ночью, не постыдились силою требовать къ жужу разошедшуюся съ нимъ женщину,—защиту этого дѣла прини-

маеть на себя, какъ говорятъ, газеты кн. Урусовъ, популярный адвокатъ, личность, являющаяся въ своихъ защительныхъ рѣчахъ съ гуманными фразами, человекъ, повидимому, болѣе или менѣе развитой и образованный. Явился-ли-бы князь Урусовъ защитникомъ «буйныхъ князей», еслибы онъ дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ, если-бы онъ уважалъ мнѣнія прессы? Конечно, нѣтъ! Но вотъ еще фактъ, сообщаемый газетами. «Рѣшенное здѣшнимъ мировымъ судьей 4-го участка дѣло по обвиненію Мины Сейнфельдъ и Юанны Гардеръ въ сводничествѣ двухъ дѣвушекъ, доставленныхъ обманомъ изъ Ревеля въ домъ терпимости въ Петербургѣ, — поступило на разсмотрѣніе мирового съѣзда. Приговоръ судьи обжалованъ содержательницей дома терпимости Юанной Гардеръ, недовольной опредѣленіемъ, присуждающимъ ее къ мѣсячному аресту при полиціи и къ уплатѣ 500 руб. въ пользу каждой изъ потерпѣвшихъ, въ случаѣ несостоятельности главной виновницы Сейнфельдъ. Г. Мессарошъ (ужь не бывший-ли редакторъ «Кіевскаго Вѣстника»?), занимающійся хожденіемъ по дѣламъ и баллотирующійся нынѣ въ участковые судьи въ Петербургѣ, взялъ на себя защиту Юанны Гардеръ. (Правда-ли?) Мы слышали, что несчастное, нищенское положеніе дѣвушекъ этихъ, едва не сдѣлавшихся жертвой преступленія, вызвало сочувствіе въ обществѣ, выразившееся въ видѣ матеріальной помощи, имъ оказываемой». (С.-Петербургскія Вѣдомости). Спрашивается, какимъ образомъ одво и тоже лице можетъ хлопотать по подобному дѣлу, по защитѣ содержательницы дома терпимости, и въ тоже время баллотироваться въ мировые судьи? Не значить-ли это пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ и быть увѣреннымъ, что за это пренебреженіе не только никто не отвернется, но даже, пожалуй, и выберутъ въ мировые судьи. Къ сожалѣнію это равнодушіе общества къ своимъ интересамъ, которые оно часто вѣряетъ лицамъ, нооправдывающимъ его довѣріа, обходится ему довольно дорого. Только-что произнесенный приговоръ петер. судебной палатой надъ членомъ псковской губернской земской Управы, княземъ Шаховскимъ, попавшимъ на скамью подсудимыхъ за растрату—6,600 р. земскихъ денегъ и за кражу чужой акціи освѣтилъ передъ нами ту легкость, съ которой общество уполномочиваетъ своимъ довѣріемъ людей, призываемыхъ къ отправленію общественныхъ обязанностей. Почти два года князь Шаховской растрачивалъ земскія деньги, совершалъ подлоги въ кассовыхъ книгахъ Управы, и никто не обратилъ на него вниманія. Но чѣмъ-же князь Шаховской могъ внушить къ себѣ такое слѣпое довѣріе псковскаго земства?—

Умѣнемъ хорошо говорить, какъ показалъ это г. Вохинъ, председатель этой Управы. Этого умѣнья говорить либеральныя и честныя фразы было достаточно для того, чтобы ввѣрить князю Шаховскому безконтрольное распоряженіе общественной кассой. И это совершенно въ характерѣ нашего общества. Онъ не справляется ни съ прошлымъ поведеніемъ своихъ довѣренныхъ, ни съ тѣми обстоятельствами, подъ влияніемъ которыхъ развивалась личность, произносящая либеральныя фразы, ни съ убѣжденіями ея,—ему нѣтъ никакого дѣла до того, что вся прошлая жизнь человѣка рѣзко противорѣчитъ его либеральнымъ фразамъ, что картежный игрокъ—всегда плохой хранитель денежной кассы, что истинныя убѣжденія оправдываются цѣлою жизнью, а не красивымъ словоизверженіемъ, и потому-то въ такомъ обществѣ легко приобрести себѣ хорошую репутацію нѣсколькими ловкими фразами, хотя-бы вся жизнь была полнѣйшимъ оплеваніемъ этихъ фразъ, но за-то легко и потерять доброе имя, когда судьей его является такое общественное мнѣніе. Другой самозванецъ князь Гокчайскій служитъ лучшимъ примѣромъ этого оплеванія какъ самого себя, такъ и общества, въ которомъ подобные проходницы могутъ находить себѣ и довѣріе, и гостепримство, и жить припѣваючи.

Но если подобнымъ господамъ живется у насъ легко, какъ рыбамъ въ водѣ, то другимъ достается жизнь, что называется, съ бою. Тутъ и плюхи принимаются съ благодарностью. Одинъ изъ блестящихъ типовъ подобнаго житья-бытья представляетъ намъ собою Михаилъ Ивановичъ Моревъ, половой одной изъ провинціальныхъ гостинницъ, обезмертившій себя показаніями на судѣ по дѣлу о самоубійствѣ Постникова.

— Я занимаюсь, говоритъ Моревъ, въ гостинницѣ Ушакова *половою обязанностью чуть-ли не съ самаго зачатка*; наше дѣло самое лучшее: подай, прими, и никакой грусти не имѣй; *случается иногда, что веселый гость отъ расположенія плюху дастъ, но вѣдь на это намъ наплевать, лишь-бы было не для конфуза*. Вотъ намедни былъ гость хорошій, такъ онъ кутилъ и *на мою долю удѣлилъ 3 плюхи*, но за то на водку хорошо заплатилъ. Что толку, когда спросятъ порцію или полпорціи чаю, и всему дѣлу конецъ...

— Вы раскрывайте дѣло, говоритъ председатель,—а не пускайтесь, въ ненужныя подробности.

Моревъ наввно спрашиваетъ:

— Да какое-же дѣло?..

— Про Блинова я вамъ скажу, продолжаетъ онъ, что онъ съ своими товарищами игралъ у насъ и сперва-наперво навалили на столъ цѣлую кучу денегъ, такъ-что я изъ занятности подвернулся къ столу полюбпытствовать, а Блиновъ какъ свиснетъ меня по рождѣ, да потомъ въ догонокъ подзатыльничъ далъ; а надобно вамъ сказать, господу судьи, что у Блинова рука претяжелая, я ее не разъ испыталъ; ухъ, какъ она бьетъ! *Впрочемъ, всѣ эти толчки и пинки въ нашею дѣль для выручки и для торговаго оборота по-ложительно необходимость составляютъ...*

На вопросъ: въ какую игру игралъ Блиновъ? Моревъ отвѣчаетъ:

— Извѣстное дѣло, что Блиновъ, какъ человекъ азартный, играетъ въ азартную игру. Да вотъ вамъ его азартность: какъ-то въ сентябрѣ мѣсяцѣ я тоже полюбпытствовалъ на игру его, а Блиновъ какъ запыналъ меня, да крѣпкими, да пинками, а самъ приговариваетъ: «Не суйся съ свинымъ рыломъ въ калашный рядъ, не суйся, не суйся». Ухъ! Ажъ теперь, какъ вспомню, въ жаръ бросаетъ! Катайте его, г.г. судьи, катайте Блинова, катайте. Положимъ, что онъ бывало при благодушествѣ, т. е. выпивши, и намъ счастье дѣлаетъ—не скупъ Блиновъ, но и на плюхи скупости тоже не имѣть...

— Я отвѣчаю, ваше высокородіе, на все, что осталось въ моей памяти; впрочемъ, я не все сказалъ, заканчиваетъ Моревъ свои типичныя показанія. — У насъ дѣло трактирное. Блиновъ, Флеровскій и Верещагинъ часто бывали, да и Постниковъ бывалъ съ ними; игра у нихъ была, но я большею частью не могъ въ нее вникать, и только слѣдилъ, когда на водочку дадутъ, а это обыкновенно послѣ угощенія гость дѣлаетъ—*извѣстное дѣло, у голоднаго злость въ животъ шныряетъ, а подкормится человекъ, такъ все равно что скотина сытая—очень, очень ласковъ.* Да къ примѣру сказать: вотъ я живу при половомъ дѣлѣ—счастье, рай! трактиръ хорошій, закуска, остатки отъ гостей, да еще и щедрость ихъ бываетъ. Чего же больше? Моей рѣчи всему конецъ. (С. П. Вѣдомости).

Это такія строки, къ которымъ нечего прибавлять объясненія...

Подобныя тышы слагаются не вдругъ. Нѣтъ, чтобы они выработались, нужны были цѣлыя столѣтія крѣпостничества, невѣжества, самодурства и нищеты.

Средя этого разнузданнаго самодурства и вызваннаго имъ униженія, считающаго необходимостью «для торговаго оборота» полученіе плюхъ, среди этой апатіи общественнаго мнѣнія и полнѣйшей потери кредита со стороны гласности, конечно, остается широкое поле для разныхъ

темныхъ продѣлокъ. Гдѣ такое всевидящее око, которое могло-бы подмѣтить каждый мелкій фактъ общественной жизни? Этими всевидящимъ окомъ должны быть общество и уполномоченный депутатъ его, являющійся въ видѣ прессы. Если общество и литература не будутъ слѣдить зорко за каждымъ непригляднымъ фактомъ, если они будутъ дожидаться того, чтобы неприглядные факты накопились въ такомъ количествѣ, что для раскрытія ихъ понадобится опять такая-же правительственная ревизія, какая была въ Перми — то это будетъ очень плохо: ревизіи будетъ трудно разобрать и раскопать всё дѣла, которыя, благодаря сопливости общества, могли давно забыться и исчезнуть безслѣдно.

Подобные возмутительные поступки, совершаемые и новыми, и старыми самодурами, конечно, не исключенія. Это будничныя явленія, повторяющіяся изо дня въ день то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ. Разумѣется, сильнѣе всего отражаются эти продѣлки на болѣе слабыхъ, болѣе молчаливыхъ и менѣ развитыхъ личностяхъ, на мужикахъ, на дѣтяхъ и на женщинахъ. Последнимъ достается больше всего.

Вотъ одинъ изъ многихъ фактовъ, характеризующихъ очень ярко, что приходится иногда выносить беззащитной женщинѣ, не ради какихъ-нибудь официальныхъ стѣсненій, а просто ради апатіи общества.

Дѣло происходитъ на одной изъ восточныхъ окраинъ европейской Россіи, среди казачьяго населенія. Въ мѣстности есть уже новаго вида войсковые чиновники, именуемые мировыми судьями. Героиней является простая дѣвушка. Вечеромъ часу въ седьмомъ, въ ноябрѣ 1870 года, рассказываетъ она,—сидѣли мы съ сестрой Аринной у себя дома и ужинали, а отца съ матерью дома не было. Съ нами сидѣлъ урядникъ Кирила, потомъ еще пришли, товарищи его—Николай и Еврафъ—пиво пить. Одинъ изъ нихъ, напившись, вскорѣ ушелъ, а тѣ остались и очень что-то часто выходили изъ горницы—словно кого поджидали, а мы и сами-то въ то время ждали къ себѣ одну родственницу. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то будто стукнулъ въ корридоръ и я, предполагая, что это Василиса пріѣхала, побѣжала къ ней навстрѣчу, а Николай за мной слѣдомъ. Посмотрѣла я—въ корридорѣ нѣтъ никого, повернулась, чтобы идти въ горницу, а Николай и говорить: «притвори, говорить, ставень-то; развѣ не слышишь, что хлопаютъ!» Только-что я сбѣжала съ крыльца, какъ Николай вдругъ схватилъ меня, зажалъ ротъ, и потащилъ за уголь. Здѣсь ужъ стояла у нихъ запряженная телѣга, кучеромъ былъ татаринъ, а около телѣги новые товарищи Николая:

Титъ, да Ефремъ. Схватили они меня, положили въ телѣгу, сѣли втроемъ и повезли по улицѣ. «Что вы со мной дѣлать хотите? куда вы меня везете?»—спросила я кое-какъ съ жатымъ не плотно ртомъ, а мнѣ отвѣчали только: «молчи!» и стали бить. Я вижу, что-то недоброе задумали сдѣлать со мной, старалась высвободиться и закричала разъ «караулъ»; но мнѣ опять зажали ротъ и повезли далѣе. Ночь была темная, вѣтеръ, грязь. Вижу я, что ничего не добьешься отъ русскихъ, высвободила кое-какъ ротъ и прошу татарина (онъ былъ знакомый) сказать, куда меня везутъ, но онъ вмѣсто отвѣта такъ сильно ударилъ меня по лицу, что пошла кровь; прочіе тоже стали бить. Тутъ ужъ я совсѣмъ перетрусилась. Когда выѣзжали изъ города, Николай прыгнулъ съ телѣги и ушелъ, а меня повезли далѣе. Я начала вырываться, какъ-то мнѣ попался въ ротъ палецъ Тита, я такъ укусила его, что онъ хрустнулъ. Думаю, что прокусила. За то послѣ этого какъ-же они принялись бить меня! Титъ бьетъ меня по лицу, тычетъ въ зубы и приговариваетъ: «вотъ тебѣ палецъ, вотъ тебѣ палецъ!» Я уже подумала, что они хотятъ совсѣмъ убить, тихонько сорвала съ себя шелковый платокъ и бросила въ дыру телѣги. Думаю, если убьютъ, то хоть по слѣдамъ-то могутъ найти. Привезли меня къ ногламамъ, стащили съ телѣги и первымъ дѣломъ оба казака надругались надо мной, затѣмъ все съ меня сорвали: золотыя кольца, серьги, а сами не переставали въ то-же время бить, приговариваячи: «не мы бьемъ,—Иванъ Осипычъ бьетъ!» а чтобы я не кричала, зажали моимъ-же скомканнымъ платкомъ ротъ, а у меня изъ рта и изъ носу кровь шла. По-старавшись освободить ротъ, проговорила: «батюшки мой! Дайте мнѣ хоть со свѣтомъ—то проститься!» а они опять все свое: «Ну, молчи ты! съ Иванъ Осипычемъ прощайся!» и принялись сѣчь. Стараясь это я защитить хоть лицо-то отъ розогъ руками, а они не даютъ и по рукамъ сѣкутъ. Вѣрно на смерть хотѣли засѣчь, и я ужъ совсѣмъ съ жизнью прощася, но все-таки старалась не кричать и не шевелиться—разсудокъ-то не совсѣмъ еще пропалъ. Отошли въ сторонку и говорятъ: «Ну, кажись, сдохла—пойдемъ домой!» а я удержаться не могла—застонала, и опять начали меня увѣчать... «Давай бросимъ въ рѣку ее»,—говорить одинъ, а другой отвѣчаетъ... «Ну ее, пусть тутъ валяется—тащить далеко!» Нѣсколько разъ они уходили и возвращались—и каждый разъ снова били; наконецъ, взяли за волосы, и, со всего размаха, ударили объ землю. Какъ я

удержалась—и сама не знаю, но только они послѣ того уѣхали, проговоривши: «сдохла!»

Далѣе описывается возвращеніе домой ползкомъ этой несчастной, но невѣроятно сильной дѣвушки, продолжительное безпамятство и проч. На другой день, 7-го ноября, все было заявлено управляющему мѣстечкомъ, приказано произвести дознаніе, но,—что всего удивительнѣе,—дознаніе производилъ тотъ самый Иванъ Осипычъ, имя котораго не разъ произносилось звѣрообразными сынами Яика во время истязаній! Отецъ, разумѣется, остался недоволенъ такимъ оригинальнымъ дознаніемъ, повезъ дочь въ областной городъ, гдѣ ее врачи освидѣтельствовали, и нашли все въ томъ видѣ, какъ показывала эта несчастная шестнадцати-лѣтняя дѣвушка. Обратились, наконецъ, къ мировому судѣ, но до послѣдняго времени, т. е. до осени слѣдующаго года, ничего не было сдѣлано, да сомнѣваются, будетъ-ли что? (Новое время.)

И еще грустнѣе становится, когда вспомнишь, какіе чудные свѣтлые типы гибнутъ иногда подъ гнетомъ этихъ безобразій общества. Мы до сихъ поръ еще очень мало цѣнимъ, очень плохо знаемъ русскую женщину и даже наша жалкая, трусливая беллетристика, рисуя лучшіе женскіе типы, всегда оставалась ниже дѣйствительности и въ своихъ идеалахъ не достигала до той нравственной высоты, до которой поднимались русскія женщины въ дѣйствительности. Одинъ изъ такихъ типовъ выступилъ недавно на сцену въ дѣлѣ о самоубійствѣ Постникова. Это кашинская мѣщанка Боброва, жившая съ Постниковымъ и прижившая съ нимъ ребенка. Ея образъ рельефно вырисовывается во всей своей первобытной прелести въ ея показаніяхъ:

— «Я, говоритъ она своимъ своеобразнымъ языкомъ,—съ покойнымъ Андреемъ Васильевичемъ Постниковымъ состояла въ грѣхѣ 9 лѣтъ; да, впрочемъ, какой тутъ грѣхъ, если въ постоянствѣ и взаимности держаться другъ друга; мы жили съ нимъ въ гражданствѣ мирно и нисколько не уступали законному супружескому дѣлу, — у насъ все было общее, и я его берегла, какъ самую себя. Притомъ-же, хотя я женщина не особенная, но чувствіе имѣю, и если-бы не озорники, то крѣпость наша въ сердцѣ не разорвалась-бы и жалостность къ Андрею Васильевичу до сихъ поръ меня не покидаетъ. Кромѣ того, хотя не при законствѣ, а все-же я отъ него имѣю дитя, которое при любви дороже всякаго закона. Въ иное время за чаемъ духъ радости обладалъ нами, когда все значить въ мирѣ и взаимности, а также съ птенцемъ виѣстѣ время препровождали. Вотъ



при такомъ времени, вдругъ Андрей Васильевичъ сталъ имѣть склоненіе къ карточной игрѣ, благодаря вотъ имъ (указывая на подбуди- мыхъ); бывало придуть они и засядутъ съ мной, а то и уведуть его съ собою, и все игрище да игрище, такъ-что въ моей утробѣ все перевернется. Да какъ-же не перевернуться мнѣ, гг. судьи. Вѣдь обратите вниманіе, что я женскій человѣкъ и съ постоянствомъ въ чувствахъ, а также съ понятіемъ. Но развѣ не больно въ сердцахъ, когда они моего оберутъ, да обдерутъ! Извѣстно, кто къ чему похоть имѣетъ, тотъ къ тому липнетъ: они къ картамъ, да къ картамъ каждый вечеръ, а тутъ грѣй самоваръ, да угощеніе. Судите сами; прокъ бываетъ въ нормальности, а тутъ все изнанкой. Такъ-то у насъ пошли порядки; я по безпомощности и покорству къ Андрею Васильевичу только въ скорби отвлеченіе искала» (С. П. Вѣдомости).

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе цѣльное и болѣе прекрасное, чѣмъ этотъ «женскій человѣкъ», и нельзя не сказать, что передъ этою личностью блѣднѣетъ даже лучший типъ женщины, созданный Островскимъ. Въ болѣе образованныхъ, въ болѣе развитыхъ сферахъ нашего общества этотъ женскій человѣкъ выработывается въ тѣхъ княгинь Т., объ одной изъ которыхъ говорятъ въ своей послѣдней повѣи г. Некрасовъ. И опять эти княгини Т., блеснувшія давно свѣтлыми лучами въ нашей мрачной дѣйствительности, оказались не по плечу нашимъ романистамъ и послѣдніе вмѣсто этихъ высокихъ идеаловъ женщины рисовали передъ нами какихъ-то идеальныхъ уѣздныхъ барышень и то только со стороны ихъ любовныхъ похожденій, которыя ничѣмъ не отличались отъ подобныхъ-же похожденій всѣхъ остальныхъ женщинъ Европы и Америки. Романисты все еще представляли идеаль русскою женщиною только въ преданной любовницѣ и никакъ не могли понять, что русская женщина давно уже выработала типъ женщины-гражданки. Они въ своихъ типахъ изображали только одну самую незначительную сторону типа русскою женщины и не могли охватить своимъ взглядомъ этотъ типъ во всемъ его величіи. И этимъ-то «женскимъ человѣкамъ», этимъ матерямъ, сестрамъ и женамъ нашимъ иногда живется очень плохо не вслѣдствіе какихъ-нибудь ограниченій нравъ, а просто вслѣдствіе нашей собственной дрянности, нашей апатіи и нашего неумѣнья защитить и оградить отъ жизненныхъ невзгодъ именно тѣ личности, которымъ мы обязаны, быть можетъ, за самыя лучшія дни нашей жизни, за самыя теплыя и честныя наши чувства. И больно, и стыдно за то общество, которое моно-

четь объ устройствѣ компаній покровительства животныхъ и которое не умѣетъ сплотиться для защиты дѣтей и женщинъ отъ самодурства своихъ-же членовъ.

Но среди этой апатіи, среди этого повальнаго сна нашего общества звучитъ одно слово, пробуждающее всѣхъ, это слово—легкая нажива. Для легкой наживы мы готовы на все: на биржевую игру, на злостное банкротство, на подлогъ и обманъ. Разжиться, во что-бы то ни стало, вотъ девизъ той части общества, которая устремила всѣ свои помышленія на легкую добычу денегъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь трагическую исторію мѣщанина Постникова, вовлеченнаго въ азартную игру разными темными личностями, проигравшаго хозяйскія деньги и застрѣльвашагося съ отчаянія. Въ обществѣ носится слухъ о трагикомической исторіи одного ученаго-филолога, непонимавшаго никакихъ денежныхъ спекуляцій и по наивности подписавшагося поручителемъ на шестидесятитысячною векселѣ одного господина, оказавшагося несостоятельнымъ должникомъ. Можете представить себѣ положеніе ученаго, погруженнаго въ археологическія изысканія и невѣдающаго ничего о существованіи современныхъ спекуляторовъ, биржевиковъ и банкротовъ,—положеніе въ тотъ день, когда ученому объявили, что онъ долженъ заплатить 60,000! За что? Онъ никогда не бралъ этихъ денегъ! Онъ только расписался по просьбѣ добраго пріятели на какой-то бумажкѣ! Но вѣдь онъ столько разъ подписывался подъ разными бумажками и никакъ не думалъ, что когда нибудь ему придется такъ дорого заплатить за свою подпись! Менѣе комично и еще болѣе чувствительно будетъ положеніе тѣхъ господъ, которые довѣрили одной изъ торговыхъ фирмъ въ Петербургѣ, о банкротствѣ которой толкуютъ теперь вездѣ. Вотъ, что пишутъ по этому поводу въ «Петербургской газетѣ»: «На этихъ дняхъ будетъ объявлена несостоятельность одного изъ петербургскихъ торговыхъ домовъ Ф., пользовавшагося громаднымъ довѣріемъ. Цифра денежной несостоятельности равняется пяти милліонамъ рублей. Болѣе всего пострадаютъ г. З., довѣрившій этому торговому дому полтора милліона рублей, и г. Ю., ссудившій тому-же дому 400,000 руб. по десяти процентовъ въ годъ. Проценты эти уже въ прошломъ году не были уплачены, а приписаны къ капиталу. Кромѣ того пострадаетъ множество лицъ, довѣрившихъ тому-же дому по 10, 15 и 20 тысячъ рублей. У несостоятельнаго дома имѣется въ Петербургѣ недвижимое имущество, заключающееся въ фабрикахъ и домахъ, но имущество это заложено въ кредитныхъ учрежденіяхъ и перезаложено частнымъ ли-

цамъ. Говорятъ, что, по разверсткѣ, злополучнымъ кредиторамъ придется получить не болѣе какъ по 5 или 6 копѣекъ за рубль». Говорятъ также о большомъ долгѣ одного книгопродавца, будто-бы успѣвшаго бѣжать за-границу и не оставившаго для уплаты кредиторамъ и пяти копѣекъ за рубль. Говорятъ.... Но, впрочемъ, трудно пересчитать всѣхъ этихъ героев легкой наживы. Какъ много плодится ихъ у насъ это уже видно по числу тѣхъ привошеній, которыя дѣлаются на бѣшенныя деньги у разныхъ гг. Берговъ и Егаревыхъ. Та щедрость, съ которою мы разсыпаемъ деньги къ стопагъ разныхъ иностранокъ, очень ясно указываетъ, какъ легко наживаются эти деньги. И сколько этихъ иностранокъ у насъ! Дѣйствительно, на этомъ поприщѣ мы теперь отличаемся передъ Европой: мы имѣемъ г-жъ Братцъ, Гандонъ, Филиппо, двухъ Альфонсинъ, Лафуркадъ, Ловато, Перье, Антуанету, Камиллу де-Лионъ и пр. и пр. У насъ была сама герцогиня Герольштейнская — Шнейдеръ и будетъ сама прекрасная Елена—Деверія, къ намъ приглашены Тереза и Жюдикъ, мы будемъ зимою опять наслаждаться и Луккою и Патти. Да, мы

Имѣемъ алмазы и жемчугъ,—  
Чего-же намъ больше еще?

Но интересно-бы узнать, чего нужно было еще тому неизвѣстному мальчику лѣтъ 15, который 2 апрѣля, часовъ въ 11 утра, бросился въ воду рѣки Мойки съ Свияго моста и утонулъ. «Тѣло его, какъ гласятъ «Полицейскія Вѣдомости», не смотря на принятые мѣры, еще не отыскано. На панели у перилъ рѣки найдены шапка и стамбѣтка его, а на льду—полшубокъ».

Конечно, ему нужно было не того, во имя чего подносятся разнымъ артисткамъ г. Берга тысячные брилліанты, не того, что заставило сойти съ ума какого-то молодого ученаго, ескорбленнаго по-дозрѣніемъ какой-то любимой имъ Людмилы, не того, о чемъ хлопоталъ юный Хаджибековъ, застрѣлившійся въ номерныхъ баяхъ и просившій письменно, чтобы послѣ его смерти не снимали съ его шеи висѣвшій на ней медальонъ, въ которомъ лежалъ лоскутокъ шелковой матеріи. Но общество занимается тысячными брилліантами, толкуетъ о «романѣ» молодого ученаго, плачетъ о таинственной исторіи Хаджибекова,—но оно совсѣмъ не интересуется тѣмъ, что заставило неизвѣстнаго мальчика броситься въ Мойку.

## ОДНО ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ЗОЛЪ.

(Э п и з о о т и я.)

Если взять въ расчетъ, что нашъ крестьянинъ—по преимуществу земледѣлецъ, и, слѣдовательно, скотъ для него имѣетъ громадное значеніе; если вспомнить, съ какою яростью свирѣпствовала надъ сельскою Россіей сибирская язва въ послѣднія 7 лѣтъ—то станетъ очевидно для всякаго то глубокое значеніе, которое мы придаемъ вопросу объ этой страшной эпизоотіи <sup>1)</sup>. Мы вполнѣ увѣрены, что всѣ тѣ, кому дороги и близки народные интересы, прочтутъ нашу замѣтку и оправдаютъ ея заглавіе.

Большая часть скотскихъ болѣзней происходитъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка и неудовлетворительности питанія, а также и отъ негодности помѣщеній... Причина коликъ, напримѣръ, — «*неудобоваримый кормъ*» <sup>2)</sup>. Легочная чахотка происходитъ «*отъ сырого, заплесневѣвшаго корма; отъ затхлыхъ скотныхъ дворовъ*». Причина приливовъ крови къ спинѣ или поясницѣ заключается «*въ недоброкачественномъ, сухомъ кормѣ и въ пастбищахъ на низменныхъ мугахъ*». Болѣзнь, называемая ломотою, происходитъ отъ разстройства пищеварительнаго канала, вслѣдствіе «*пастбищъ на кислыхъ, болотистыхъ мѣстахъ*». Болѣзнь телятъ—ящеръ,—происходитъ «*отъ дурного качества молока матери*», а достоинство молока, конечно, обуславливается достоинствомъ пищи. Глисты заводятся «*отъ дурного и скуднаго корма*»... Причиною желудочнаго

<sup>1)</sup> Къ сожалѣнію, мы не могли собрать точныхъ свѣдѣній за послѣднее время о числѣ павшаго отъ сибирской язвы скота въ Россіи.

<sup>2)</sup> „О болѣзняхъ рогатаго скота и средствахъ его леченія“. Д-ра Лебе. 1864 г. Стр. 2, 6, 8, 13, 17, 20, 22.

катарра—кромя простуды и лѣтнихъ жаровъ—служить «*заплесневѣлый кормъ или покрытый ржавчиною*» <sup>1)</sup>). Лѣсная болѣзнь (*typhus silvestris*) происходитъ «*отъ недостатка чистой воды и отъ пастбищъ, скудныхъ травой*». Повальный катарръ ягнятъ зависитъ «*отъ недоброкачественности молока, т. е. отъ кормленія матокъ испорченными, затхлыми или гнилыми кормомъ*». Такимъ образомъ, основываясь на мнѣнii лучшихъ врачей, мы вполне убѣждаемся, что большая часть скотскихъ болѣзней зависитъ отъ неудовлетворительнаго и недостаточнаго питанiя. Способъ-же содержанiя скота всегда находится въ постоянно правильной пропорцiи съ общимъ уровнемъ экономическаго благосостоянiя: съ повышенiемъ экономическаго благосостоянiя способы содержанiя скота улучшаются, съ пониженiемъ-же его—ухудшаются. Если въ извѣстномъ краѣ сельское населенiе бѣдно и ѣсть плохо, плохо ѣсть и скоть. Наоборотъ—въ странѣ, болѣе благоустроенной, люди питаются лучше, питается лучше и скоть. Бѣднякъ не можетъ хорошо кормить свою скотину; а заморенная скотина, въ свою очередь, мститъ ему своимъ безсилiемъ, болѣзнями, смертью и дѣлаетъ его еще бѣднѣе и несчастнѣе.

Мы знаемъ, напримѣръ, на свѣтѣ такiе уголки, гдѣ человекъ охотно съѣлъ-бы самъ тотъ кормъ, что даетъ своему скоту какой-нибудь нѣмецкiй крестьянинъ или англiйскiй фермеръ низшаго разряда. Понятно, что въ такомъ уголкѣ, гдѣ человекъ можетъ завидовать англiйской коровѣ или нѣмецкому барану, скоть неминуемо долженъ питаться ниже всякой посредственности, долженъ питаться веществами *непитательными*. Если-же содержанiе скота зависитъ отъ степени матеріальнаго благосостоянiя данной мѣстности, то можно сказать, что болѣзни скота, главнымъ образомъ, обуславливаются уровнемъ экономическаго благосостоянiя, т. е. чѣмъ экономическое состоянiе неудовлетворительнѣе, тѣмъ сильнѣе свирѣствуютъ болѣзни.

Все то, что мы сказали о причинахъ скотскихъ болѣзней, одинаково относится и къ сибирской язвѣ. *Бѣдность* — вотъ главная причина возникновенiя и развитiя этой губельной эпизоотiи.

Въ Германiи, въ ту пору, какъ тамъ свирѣствовала сибирская язва, общее благосостоянiе было немного выше того, каковымъ въ на-

<sup>1)</sup> „Курсъ ученiя о повальныхъ и заразительныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ“. Проф. I. Равичъ. Стр. 51, 55, 59 и 77.

стоящее время пользуемся мы. Либихъ, говоря о сельскомъ хозяйствѣ въ Германіи въ среднѣ и концѣ XVIII вѣка, замѣчаетъ: <sup>1)</sup> «Кромя дурного, подопрълага лугового сѣна для зимняго корма скота, у хозяина было немного свекловицы, моркови, земляныхъ грушъ; всего этого было мало, потому-что поля сами по себѣ не производили болѣе. Этотъ скудный кормъ втеченіи зимы, пока его доставало, давался очень скупой рукой, и когда онъ былъ скормленъ, скотъ долженъ былъ довольствоваться соломою. Съ нетерпѣніемъ ожидали весны, чтобы пустить скотъ на пастбище, когда трава на немъ была ниже пальца; скотъ приходилъ домой такой-же голодный, какимъ выходилъ, и имѣлъ видъ тѣхъ тощихъ коровъ, которыя снидѣсь Фараону... Впрочемъ, нѣтъ! По ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что нѣмецкая корова XVIII вѣка питалась несравненно лучше большинства нашихъ современныхъ коровъ. Она, напримѣръ, ѣла морковь, свекловицу, чего не всегда у насъ хватаетъ и крестьянину. Солому она ѣла лишь въ крайности; между тѣмъ, какъ у насъ свѣжая солома, обыкновенно, считается самымъ лучшимъ кормомъ, а въ крайности предлагается прогнившая, иструхшая солома съ крышъ...

Г. Нагорскій, отчетомъ котораго мы пользуемся въ настоящей статьѣ, обстоятельно, съ знаніемъ дѣла изслѣдовалъ ходъ сибирской язвы въ Шлиссельбургскомъ и Новоладожскомъ уѣздахъ въ 1870 и 1871 г. <sup>2)</sup>; словамъ его, какъ специалиста, мы придаемъ большое значеніе. Г. Нагорскій находитъ, что такое распространеніе сибирской язвы, какое замѣчаемъ мы нынѣ, происходитъ отъ уменьшенія благосостоянія почвы, отъ перехода истоцаемости луговъ за мѣриумъ безвредный для организма... Оскудѣніе почвы, обусловливаемое низкимъ уровнемъ экономическаго состоянія, само собою, разумѣется, уже предрасполагаетъ скотъ ко всякимъ болѣзнямъ. У заболѣвавшихъ лошадей г. Нагорскій находилъ въ крови большее, противъ нормы, количество бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, что очевидно, могло произойти отъ недостатка въ крови желѣза. Въ то-же время онъ замѣтилъ, что въ мѣстностяхъ, наблюдаемыхъ имъ, трава на поляхъ и лугахъ цвѣта не темно-зеленаго, какъ-бы слѣдовало быть при хорошемъ хозяйствѣ, а свѣтло-зеленаго, что опять-таки могло произойти лишь отъ обѣднѣнія почвы желѣзомъ, такъ-какъ большая или мень-

<sup>1)</sup> «Основной законъ земледѣлія». Стр. 18.

<sup>2)</sup> «Отчетъ С.-Петербургской губ. земск. управлѣ», явца В. Нагорскаго, 870—1871 г., стр. 19.

шая степень окраски луговъ зависитъ отъ степени содержанія въ нихъ желѣза. Этою-то блѣдно-зеленою травой питались заболѣвавшіе лошади... Сопоставивъ эти два явленія, г. Нагорскій пришелъ къ тому заключенію, что между ними должна непремѣнно существовать связь, что истощеніе почвы необходимо должно оказывать сильное вліяніе на возникновеніе и развитіе эпизоотіи.

Профессоръ І. Равичъ <sup>1)</sup> также, говоритъ, что «есть историческіе факты, доказывающіе тѣсную связь повальныхъ диссентерій съ общемою порчею кормовыхъ растений».

На основаніи своихъ наблюденій, г. Нагорскій за предохранительное и излечивающее отъ сибирской язвы средство избралъ желѣзный купоросъ съ поваренною солью; причемъ желѣзный купоросъ представлялъ собою начало противугниlostное и пополняющее недостатокъ желѣза въ организмѣ, а соль, какъ средство, вмѣстѣ съ которымъ дѣйствіе желѣза становится полнѣе, что уже доказано изслѣдованіями въ лабораторіи профессора Забѣлина. Результаты леченія оказались благопріятны <sup>2)</sup> и тѣмъ самымъ доказали, что истощеніе почвы неминуемо должно содѣйствовать появленію и развитію эпизоотіи. Если-же это такъ, то ясно, что для предотвращенія эпизоотіи должно улучшить почву, чтобы тѣмъ улучшить растительность, улучшить питаніе скота. При настоящемъ порядкѣ вещей мы не знаемъ тѣхъ средствъ, какія могли-бы быть приложены къ улучшенію земель, напримѣръ, хоть въ шлиссельбургскомъ и новолодожскомъ уѣздахъ, гдѣ въ 1868 г. на 3,188 родившихся обоего пола умерло 4,177 чел. при населеніи въ 78,436 чел. обоего пола т. е. гдѣ приходился 1 умершій на 18 жителей, въ то время, какъ среднимъ числомъ въ Россіи умираетъ 1 изъ 28 <sup>3)</sup>... Если-же улучшеніе почвы въ настоящее время, вслѣдствіе нескрушимыхъ экономическихъ причинъ, немыслимо—то въ виду сибирской язвы домашнему скоту придется постоянно глотать пилули изъ желѣзнаго купороса съ солью. Скотскія аптеки! Неутѣшительно, хотя и оригинально...

Вообще-же, г. Нагорскій всѣ причины возникновенія и распространенія сибирской язвы группируетъ такъ <sup>4)</sup>:

1) Появленіе и размѣры сибирской язвы обуславливаются увеличе-

<sup>1)</sup> „Курсъ ученія о пов. и заразит. богѣзн. домашн. животныхъ.“ Стр. 148.

<sup>2)</sup> Отчетъ, 1871 г., стр.

<sup>3)</sup> Отчетъ, 1870 г., стр.

<sup>4)</sup> Отчетъ, 1871 г., стр. 28.

ніемъ бѣдности, въ частности-же постоянно возрастающимъ истощеніемъ растительности; въ бѣднѣйшихъ мѣстностяхъ и въ годы съ наименьшими урожаями язва дѣйствуетъ въ большихъ размѣрахъ.

2) Болотистостью почвы.

3) Случайнымъ обиліемъ разлагающихся органическихъ веществъ.

4) Передачею заразы отъ одного больного къ другому—и

5) Отсутствіемъ или малочисленностью лѣсовъ.

Изъ этихъ пяти группъ причинъ, очевидно, одна должна быть основною, такъ сказать, общою причиною. Предположимъ, что первая причина именно и есть причина общая; а остальные четыре — частныя, случайныя. Посмотримъ сначала: дѣйствительно-ли послѣднія четыре причины случайны, нѣтъ-ли въ основаніи ихъ какого-нибудь общаго, неизбѣжнаго, рокового начала? Постоянны-ли, устраняемы-ли онѣ, въ нихъ-ли однихъ вся суть зла?..

Что болотистость почвы, т. е. разложеніе въ ней органическихъ веществъ, идущее тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе испареніе воды, вліяетъ въ извѣстныхъ случаяхъ до нѣкоторой степени неблагоприятно на здоровье скота, въ томъ нѣтъ и сомнѣнія. Мы говоримъ «въ извѣстныхъ случаяхъ», «до нѣкоторой степени» именно потому, что болотистость почвы сама по себѣ, безъ другихъ ингредиентов, не въ состояніи вызвать зараженій сибирской язвой, а съ другой стороны сухія и возвышенныя мѣста не могутъ предохранять скотъ отъ эпизоотіи. Болота, напримѣръ, въ новозадожскомъ и шлиссельбургскомъ уѣздахъ существовали съ незапамятныхъ временъ, а сибирская язва явилась тамъ не болѣе 7 лѣтъ тому назадъ <sup>1)</sup>. Такъ деревни Черноушево и Выставъ расположены на мѣстахъ сухихъ и сравнительно высокыхъ, а между-тѣмъ, впродолженіи послѣднихъ лѣтъ сибирская язва свирѣпствовала въ нихъ съ страшною силою <sup>2)</sup>. Очевидно, что болота лишь «въ извѣстныхъ случаяхъ и до нѣкоторой степени» могутъ вліять на возникновеніе и развитіе эпизоотіи. Если предположить при этомъ, что болота, безъ радикальныхъ реформъ въ общемъ экономическомъ состояніи народа, могутъ быть осушаемы обыкновенными средствами—посредствомъ прудовъ, каналовъ, дренажа, то ясно будетъ, что болота считать общою, основною причиною возникновенія язвы невозможно.

Чрезвычайное обиліе разлагающихся органическихъ веществъ, безъ

<sup>1)</sup> Отчетъ, 1870 г., стр. 12.

<sup>2)</sup> Отчетъ, 1870 г., стр. 13.



сомнѣнiя, можетъ непосредственно содѣйствовать возникновенiю и развитiю язвы. Напримѣръ, въ с. Черенцовѣ, по словамъ г. Нагорскаго, — зимою 1860 г. пало отъ какой-то заразы 183 овцы, трупы которыхъ выбрасывались за деревню. Падала растаскивалась волками и собаками. Масса гниющаго матеріала, какъ и слѣдовало ожидать, произвела свое дѣйствіе <sup>1)</sup>... Еще. За деревню Ручьи однажды весной былъ вываленъ какимъ-то торговцемъ вѣзъ гнилой рыбы, которая не была убрана до жаровъ. Язва разразилась надъ Ручьями... Студентъ, г. Бобинъ, помощникъ г. Нагорскаго, производилъ дезинфекцію могилъ и результаты получались благопріятныя. Все это — прекрасно. Но, вѣдь, можно предпринять общую дезинфекцію повсемѣстно *всѣхъ* могилъ. Можно даже ухитриться до того, что торговцы не будутъ вываливать гнилую рыбу гдѣ ни попало, а крестьяне не станутъ оставлять падалъ у себя подъ носомъ... Такимъ образомъ, оказывается, что и эта причина возникновенiя язвы легко устранима при нѣкоторомъ содѣйствіи со стороны полиціи, каковое содѣйствіе, впрочемъ, необходимо лишь до тѣхъ поръ, пока граждане сами станутъ заботиться о себѣ и беречь свой скоть. Слѣдовательно, обиліе разлагающихся органическихъ веществъ, будучи непосредственно, ближайшею причиною появленiя эпизоотiи, все-таки не можетъ считаться причиною общою, основною.

Передача заразы отъ одного индивида къ другому — несомнѣнна; но, вѣдь, она представляетъ уже собою актъ распространенiя, а не появленiя язвы. Если язва не возникнетъ, то, сама собою, не ставеть и распространяться...

Что отсутствіе или малочисленность лѣсовъ можетъ до нѣкоторой степени такъ-же вліять на развитіе эпизоотiи, на то указываютъ нѣкоторые факты, приводимые г. Нагорскимъ. Такъ, напримѣръ, въ новозадожскомъ уѣздѣ по теченію рѣкъ Паши и Ояти, берега которыхъ сплошь покрыты лѣсомъ, сибирской язвы не бываетъ <sup>2)</sup>... Если-же предположить, что наши лѣса будутъ сохраняться, благодаря бдительности администраціи и благонамѣренности простолюдиновъ, то вліяніе послѣдней причины можетъ парализоваться.

Такимъ образомъ, изъ четырехъ причинъ одна оказывается причиною распространенiя язвы, а остальные три несущественны т. е. легко устранимы.

<sup>1)</sup> Отчетъ, 1871 г., стр. 5.

<sup>2)</sup> Отчетъ, 1871 г., стр. 29.

Теперь мы обращаемся къ первой причинѣ, которую мы назвали основною... Это, какъ мы уже сказали, бѣдность. Посмотримъ—достаточно-ли уважительна эта причина, чтобы ее можно было считать главною причиною появленія и развитія энцефалита? Крестьянинъ самъ живетъ въ проголодь, страдаетъ голоднымъ тифомъ и ужь, конечно, не можетъ удовлетворительнымъ образомъ содержать скотъ. Кормъ плохой да и того родится недостаточно. Поневоля и приходится кормить скотъ соломой съ крышъ... Какова питательность и удобоваримость такой пищи — предоставляемъ судить читателю. Солома, надо замѣтить, лежитъ иногда на крышахъ по нѣскольку лѣтъ и обращается, наконецъ, въ какую-то струю, вонючую массу гнилья... Понятно, что при такой обстановкѣ крестьянинъ не можетъ ни отпавать телятъ, ни заниматься какимъ-либо другимъ промысломъ въ видахъ улучшенія скотоводства. Теляшокъ черезъ недѣлю-же послѣ того, какъ явился на свѣтъ, продается, обыкновенно, скупщику гривенъ за 8, за 7... Лошадь, напримѣръ, лѣтомъ мается весь день на жарѣ за работой, а ночью пасется въ болѣтѣ среди холоднаго, густого тумана, ѣсть тошую осоку, пьетъ стоячую, гнилую воду. Вотъ гдѣ скрываются настоящія, коренныя причины всякихъ повальныхъ скотскихъ болѣзней, а въ томъ числѣ и сибирской язвы. Средства къ устраненію этихъ пагубныхъ причинъ по близости не предвидятся. Онѣ повсемѣстны; и потому являются, какъ-бы, чѣмъ-то нормальнымъ. Онѣ на каждомъ шагу и люди привыкли видѣть ихъ...

«Никого, говоритъ г. Нагорскій, крестьянская бѣдность такъ не поражаетъ, какъ медика и ветеринара, сталкивающихся съ нею лицомъ къ лицу, видащихъ ее во всей наготѣ» <sup>1)</sup>...

Итакъ, мы видимъ, что предотвращать появленіе сибирской язвы болѣе чѣмъ трудно. Ее, какъ и всякую болѣзнь, можно лечить. При леченіи-же обыкновенно требуется такого рода обстановка, которая-бы не парализовала дѣйствія лекарствъ, а напротивъ способствовала-бы имъ. Такъ, напримѣръ, д-ръ Лебе отъ заразной болѣзни рта и копытъ совѣтуетъ *«держатъ скотъ въ умеренно теплой конюшнѣ, безъ сквознаго вѣтра, на высокой мягкой и чистой подстилкѣ, коить болтушкой, прибавляя немного уксуса; кормить мягкимъ, легко разжевывающимся кормомъ. Кормъ долженъ быть питательный и удобоваримый»*.

<sup>1)</sup> Отчетъ, 1870 г стр. 15.

При лозотѣ д-ръ Лебе совѣтуетъ «болотистыхъ пастбищъ и пастбы поздною осенью избѣгать; зимой—же скотъ кормить хорошо, имѣть теплые дворы и устранять въ нихъ сквозной вѣтеръ». При родильной лихорадкѣ онъ совѣтуетъ «скотину кормить мягкимъ, мелкимъ сѣномъ, а въ поило прибавлять отрубей». При леченіи падучей болѣзни, по его мнѣнію, «кормъ долженъ быть питательный и удобоваримый»; скотину, пораженную коростой, «надо ставить въ сухое, теплое помѣщеніе и какъ можно лучше кормить»; при леченіи бугорчатой чахотки «должно давать скотинѣ здоровый и хороший кормъ» и т. д. <sup>1)</sup>.

Все это очень хорошо; но подобные совѣты, по отношенію къ нашему крестьянину, напоминаютъ намъ нѣсколько сожалѣніе одного врача надъ постелью своего умирающаго пациента, почему онъ не послушался совѣта врача и не отправился въ благодатный климатъ Италіи?—Да на что-же мнѣ было отправиться, когда я не могу заплатить даже за ваши визиты.—Нашъ крестьянинъ не можетъ кормить отрубями скотину, когда самъ иногда пятается хлѣбомъ, испеченнымъ изъ муки и отрубей, съ примѣсью мякины. Откуда возьметъ крестьянинъ мягкой соломы для подстилки скоту, когда самъ спитъ на жесткой, грязной, ржавой соломѣ, прикрытой лишь тѣмъ дыраватымъ армякомъ, который днемъ у него на плечахъ? Солома идетъ въ кормъ; ее едва хватаетъ до половины зимы. Можетъ-ли крестьянинъ устраивать сухія, теплыя конюшни и скотные дворы, если у него въ избѣ вѣтеръ дуетъ со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта, отъ полу и отъ оконницъ? Съ потолка, какъ водится, каплетъ... Да и трудно сказать: отягчается-ли? а если отягчается, то чѣмъ? его изба отъ скотнаго, самаго дряннаго двора... Въ избѣ-же, вмѣстѣ съ людьми, живетъ и скотъ: овцы, телята, свиньи и куры... Хорошо еще, если есть этотъ скотъ!

Очевидно, что гигиена и медицина въ данномъ случаѣ безсильны; обстановка такова, что первая не можетъ предупреждать развитія болѣзни, а вторая не въ состояніи съ успѣхомъ лечить и прекращать болѣзнь. Первая должна ограничиваться лишь совѣтами, вторая — кое-какими палліативными мѣропріятіями. «Выздоровливаютъ лошади наиболѣе недостаточныхъ хозяевъ, заболѣваютъ и падаютъ

<sup>1)</sup> «О бол. рог. скота и средст. его леченія». Д-ръ Лебе, стр. 2, 6, 8—13 и слѣд.

у бѣднѣйшихъ», говоритъ г. Нагорскій. <sup>1)</sup> Понятно, почему... Достаточные могутъ пользоваться, какъ должно, и совѣтомъ и лекарствами, а бѣднѣйшіе не могутъ. Этотъ фактъ, кромѣ того, такъ же подтверждаетъ ту истину, что бѣдность есть главная причина появленія и развитія эпизоотій... Если-же бѣднѣйшіе, какъ всего болѣе нуждающіеся въ пособіи, благихъ совѣтовъ принять не могутъ, то эти совѣты, конечно, пропадутъ безъ всякой пользы. Г. Нагорскій говоритъ: «если медикъ скажетъ мужику: ѣшь котлеты и пей кофе, одѣвайся тепло, работай не черезъ силу и будешь здоровъ,—а ветеринаръ скажетъ: корми свою лошадь хорошимъ сѣномъ, давай вдоволь овса, паси не на болотѣ, держи въ теплой конюшнѣ, не взиуряй работой—не будутъ-ли кощунствомъ надъ крестьянскою бѣдностью подобныя совѣты людей науки?..» <sup>2)</sup> Совершенно вѣрно, скажемъ мы. Но, вѣдь, образованные и гуманные люди злыхъ, дурныхъ совѣтовъ давать не могутъ; они только и могутъ давать совѣты благіе. Если-же сказано, что благіе совѣты для массы нашего крестьянства равняются нулю, то, очевидно, и дѣятельность людей науки на пользу народа въ этомъ направленіи должна равняться тому-же нулю. Факты доказываютъ справедливость нашихъ словъ.

Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ, такъ сказать, неуроборимыхъ неудобствъ, заключающихся въ условіяхъ крестьянскаго быта, врачъ при леченіи крестьянскаго скота наталкивается еще на другія помѣхи—на невѣжество въ многоразличныхъ его правленіяхъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ бѣгломъ очеркѣ мы указали читателю на причины сибирской язвы и отличили главную изъ нихъ; мы указали вкратцѣ и на мѣры, что предпринимаются противъ зла...

Если быть крестьянина *улучшится*, то съ этимъ, понятно, *улучшится* и содержаніе его скота. Кто-жь добру не радъ? Кто врагъ себѣ?.. Съ *улучшеніемъ*-же способа содержанія скота *устранится* и главная причина появленія и развитія сибирской язвы. Остальныя-же второстепенныя причины, указанные нами, съ развитіемъ общаго благосостоянія, уничтожатся уже сами собой.

П. Засодимскій.

<sup>1)</sup> Отчетъ 1870 г. стр. 18.

<sup>2)</sup> Ibid.—стр. 14—15.

## БЕЗПОРЯДКИ ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Извѣстные безпорядки въ Одессѣ, происшедшіе въ прошломъ году на Святой, произвели сильное впечатлѣніе во всемъ нашемъ Южномъ краѣ, гдѣ съ давнихъ поръ русское населеніе—отчасти по релігіознымъ побужденіямъ, а еще болѣе по причинамъ чисто-экономическимъ—питаетъ сильное нерасположеніе къ евреямъ. Можно было опасаться повторенія подобныхъ-же безпорядковъ и въ нынѣшнемъ году во время Святой, въ особенности послѣ событій въ Дунайскихъ княжествахъ; потому во многихъ большихъ городахъ (въ Одессѣ, Кишиневѣ и др.) были приняты чрезвычайныя мѣры для предупрежденія печальныхъ столкновеній христіанъ съ евреями. Къ счастью, этого столкновенія не произошло, и общественное мнѣніе въ Петербургѣ, гдѣ на Святой газеты читались особенно усердно, — совершенно успокоилось, какъ вдругъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появилась корреспонденція, описывающая печальныя событія, ареной которыхъ на этотъ разъ былъ Харьковъ. Втеченіи нѣсколькихъ слѣдующихъ дней почти всѣ петербургскія и московскія газеты занимались харьковскими дѣлами, а въ Петербургѣ только и разговора было, что о тамошнихъ событіяхъ. Перечислять газетные толки объ этомъ печальномъ дѣлѣ, вызванномъ главнымъ образомъ незаконными дѣйствіями мѣстной полиціи, мы не станемъ, а только сообщимъ официальное извѣстіе, помѣщенное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», оставляя, однакожь, за собой намѣреніе возвратиться къ этому дѣлу, когда будетъ окончено слѣдствіе, производящееся теперь генералъ-адъютантомъ, Мезенцовымъ.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее:

«17-го апрѣля, около 6-ти часовъ пополудни, на Михайловской площади города Харькова, гдѣ въ это время бываетъ народное гулянье, произошло между полицією и нѣкоторою частью публики столкновеніе

по поводу задержанія пьяныхъ людей. На этой площади находится зданіе 1-й полицейской части, въ которой помѣщается часть пожарной команды и управленіе пристава 2-го городского участка. При видѣ сопротивленія, оказаннаго полиціи и огромной толпы, собравшейся передъ частью, приставъ 2-го участка Шмелевъ, бывший, по показанію нѣкоторыхъ лицъ въ нетрезвомъ видѣ, велѣлъ выѣхать на площадь пожарной командѣ, чтобы разсѣять толпу. Пожарная команда, исполняя это приказаніе, объѣхала площадь сначала шагомъ, потомъ рысью, причѣмъ нѣсколько человекъ было сшиблено съ ногъ. Тогда многіе изъ толпы начали кидаться на пожарныхъ, а эти послѣдніе стали защищаться. Видя неудачность принятой имъ мѣры и ушибенный самъ камнемъ въ голову, Шмелевъ ввелъ обратно команду въ часть. Въ это время прибылъ на площадь губернаторъ.

Огромная толпа стояла у трупа убитаго солдата воронежскаго пѣхотнаго полка и ушибенной женщины. По распоряженію губернатора, они были немедленно перенесены въ часть. Вслѣдъ за ними толпа приблизилась къ части и громко требовала, чтобы выданы были приставъ Шмелевъ и арестованныя имъ лица. Старанія губернатора убѣдить толпу въ неосновательности такого требованія и увѣренія въ томъ, что всѣ виновные подвергнуты будутъ строгому наказанію, остались безъ успѣха. Толпа, пришедши въ ярость, стала кидать камнями въ окна зданія и перебила всѣ стекла. Оставаясь долго передъ народомъ, губернаторъ долженъ былъ, наконецъ, перейти въ зданіе части, гдѣ пробылъ до того времени, пока толпа, выбивъ ворота, разошлась. Военной силы начальникъ губерніи требовать не хотѣлъ, потому-что былъ убѣжденъ, что при разъяренности толпы пришлось-бы употребить оружіе и принести въ жертву множество людей; прибывшая-же по распоряженію военнаго начальства рота нашла площадь уже пустою. Тѣмъ и кончился беспорядокъ 17-го апрѣля, и съ вечера было приступлено къ производству слѣдствія.

На другое утро 18-го апрѣля, около 9-ти часовъ, т. е. ранѣе обыкновеннаго сбора народа на гулянье, стали прибывать на площадь значительныя толпы и сосредоточиваться около зданія части. Извѣстясь объ этомъ, губернаторъ, не выходя еще изъ дома, послалъ полиціймейстера, бывшаго у него въ то время, привести на площадь роту солдатъ. Затѣмъ, однако, получая донесенія, что число народа все прибываетъ, губернаторъ отправился на площадь и требовалъ привода баталіона. Прибывъ на площадь одновременно съ приходомъ двухъ ротъ, онъ приказалъ командовавшему ими офицеру сдѣлать

нѣсколько движеній по площади для того, чтобы разсѣять толпу, но эта мѣра пользы не принесла и солдаты были встрѣчаемы насмѣшливыми криками и свистками. Вскорѣ сталъ приходить на площадь баталіонъ и въ одну изъ его ротъ народъ сталъ бросать камни. Солдаты, отступая, открыли безъ приказанія огонь и убили одного изъ толпы и нѣсколькихъ ранили. Въ это время случайно былъ смертельно раненъ находившійся на балконѣ одного изъ домовъ штабс-ротмистръ кіевскаго гусарскаго полка, Сушковъ. Приказавъ прекратить пальбу, губернаторъ поручилъ командиру полка, прибывшаго съ баталіономъ, сдѣлать съ одного конца площади до другого движеніе развернутымъ фронтомъ, съ цѣлю заставить толпу разойтись. При видѣ этого, народъ хлынулъ съ площади и, унося убитаго, двинулся къ губернаторскому дому, находящемуся на сосѣдней Вознесенской площади, куда, между-тѣмъ, переведены были тѣ двѣ роты, которыя прибыли ранѣе. Такъ какъ Михайловская площадь совершенно опустѣла, то и баталіонъ былъ двинуть тоже на Вознесенскую площадь. При этомъ толпа вела себя болѣе сдержанно, требуя лишь одного, чтобы выдали арестованныхъ лицъ. Простоявъ нѣкоторое время на Вознесенской площади, толпа двинулась обратно на Михайловскую и, прежде чѣмъ войска могли быть на оную переведены, кинулась въ зданіе 1-й части, ломая все, что попадалось подъ руку, не тронувъ однако лошадей и пожарнаго обоза. Въ это время пріѣхалъ на площадь преосвященный Нектарій архіепископъ харьковскій и въ сопровожденіи губернатора вошелъ въ толпу и началъ уговаривать народъ успокоиться и разойтись по домамъ. Для отвлеченія народа отъ мѣста безпорядка, преосвященный предложилъ идти за нимъ въ монастырь, находящійся на другомъ концѣ города, и тамъ отслужить молебенъ. На это народъ согласился и преосвященный съ губернаторомъ, безъ сопровожденія войска и полиціи, окруженные огромною толпою, отправились пѣшкомъ чрезъ главнѣйшія улицы въ монастырь. Тамъ былъ отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, преосвященнымъ сказано слово и затѣмъ губернаторъ вышелъ пѣшкомъ изъ монастыря, и снова сталъ убѣждать народъ разойтись. Когда-же ему отвѣчали, что разойдутся только тогда, когда арестованныя лица будутъ выданы, то начальникъ губерніи отвѣчалъ, что хотя онъ и находится между народомъ одинъ, но никакая сила и никакія дѣйствія толпы не заставятъ его согласиться на такую постыдную для власти сдѣлку. Въ такихъ объясненіяхъ губернаторъ дошелъ съ народомъ до Харьковского моста и,

сѣвъ въ экипажъ, отправился на Михайловскую площадь, а народъ, повидному, сталъ расходиться. Черезъ часъ толпы стали собираться передъ зданіемъ 2-й полицейской части, находящейся на Николаевской площади. Тамъ съ утра поставлена была рота, но находя это недостаточнымъ, губернаторъ захватилъ еще двѣ роты съ Михайловской площади и отправился къ новому мѣсту беспорядковъ. Прибывъ ко 2-й части, генералъ-маіоръ князь Крапоткинъ засталъ ее окруженною толпою народа, по которому сдѣлано было уже нѣсколько выстрѣловъ, такъ-какъ небольшая доля толпы успѣла ворваться въ зданіе и выбросить изъ него нѣсколько связокъ стараго архива. Окруживъ зданіе густою цѣпью, губернаторъ оставался на мѣстѣ около двухъ часовъ. Народъ все требовалъ выдачи арестантовъ и изрѣдка бросалъ въ зданіе камнями. Между тѣмъ съ правой стороны части собрались лица болѣе благонамѣренныя и просили позволенія кинуться на толпу, бросавшую камнями, и, разогнавъ ее, схватить бывшихъ впереди. Получивъ это позволеніе, человекъ до трехъ сотъ кинулись на бушевавшую толпу, которая почти мгновенно разсѣялась, и, такимъ образомъ, часть Николаевской площади, на которой находится зданіе 2-й полицейской части, была очищена. Это происходило около 8-ми часовъ. Человекъ 40 было при этомъ арестовано. Этими окончились уличные беспорядки. Втеченіи ночи не было замѣчено ни малѣйшаго, гдѣ-бы то ни было, скопленія народа, а на другой день Харьковъ принялъ свой обычный, всеневный видъ.

По донесенію харьковскаго губернатора къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, во время этихъ беспорядковъ убито 4, умерло отъ ранъ 2; поступило на излеченіе въ больницы: 1 полицейскій чиновникъ, 6 нижнихъ чиновъ изъ войскъ, 1 полицейскій солдатъ, 6 пожарныхъ служителей и 7 человекъ изъ народа, въ томъ числѣ 1 женщина. Сверхъ того, приходили въ хирургическую клинику за врачебною помощью легко ушибленныхъ 6 человекъ. Убытокъ, причиненный обвѣмъ полицейскимъ частямъ, нынѣ опредѣленъ и, по составленной городскою управою смѣтѣ, ремонтірованіе зданій будетъ стоить 750 рублей. Пожарный обозъ почти не пострадалъ.

По 23-е апрѣля состоитъ подъ арестомъ всего 84 человекъ.

Производящееся нынѣ слѣдствіе и полученныя официальные свѣденія о ходѣ и истинномъ значеніи уличныхъ беспорядковъ въ городѣ Харьковѣ успѣли уже до извѣстной степени выяснить, что беспорядки эти не имѣли политическаго оттѣнка и по справедливости должны быть приписаны ненаходящему себѣ оправданія распоряже-



нію пристава *Шмелева*, болѣе чѣмъ предосудительное поведеніе ко  
его послужило главнѣйшимъ поводомъ къ раздраженію толпы и до  
веденію ея до забвенія чувствъ долга, порядка и повиновенія вла  
стямъ.

Приставъ Шмелевъ удаленъ отъ должности и, по окончаніи слѣд  
ствія, будетъ преданъ суду.»

---

## БѢДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПОГОРѢЛЬЦЕВЪ.

Сообщаемъ только-что полученное нами извѣстіе о пожарѣ, обратившемъ въ пепель цѣлую деревню и пустившемъ по-міру, безъ пріюта и куска хлѣба, сорокъ восемь крестьянскихъ семействъ.

«4-го минувшаго апрѣля, въ 5 часовъ утра, начался пожаръ въ селѣ *Высокомъ*, на р. Иргизѣ, самарской губерніи, николаевскаго уѣзда, пестравской волости, и не болѣе, какъ въ два или три часа обратилъ это бѣдное село въ кучу развалинъ. Сорокъ восемь крестьянскихъ хижинъ въ этой степной и безлѣсной мѣстности были истреблены пожаромъ, и къ вечеру того-же дня сорокъ восемь семействъ остались безъ крова, подъ открытымъ небомъ, и многія безъ куска хлѣба. Непредвидѣнное бѣдствіе поразило жителей села *Высокаго* въ ту пору, когда они готовились къ весеннимъ посѣвамъ и когда пожаръ отнялъ у бѣднаго населенія не только насущное пропитаніе, но и надежду обезпечить себя отъ голода на будущій годъ. Трудно представить ужасное положеніе погорѣльцевъ, въ числѣ которыхъ дѣти, женщины и дряхлые старики принуждены теперь скитаться по-міру и существовать подааніемъ. Всякая помощь этимъ несчастнымъ будетъ дѣломъ высокаго челоуѣколюбія и будетъ принята съ теплою молитвою къ Богу и съ глубокою благодарностію къ рукѣ дающей и облегчающей».

Священникъ М. Предтеченскій.

Село Высокое.

1872 г. 22 апрѣля.

Заявляя объ этомъ, Редакція «Дѣла», съ своей стороны, обращается къ сочувствію тѣхъ, кто знаетъ, что значить подобное бѣдствіе для нашего бѣднаго крестьянства. Нѣсколько сотъ рублей, собранныхъ въ свое время и розданныхъ погорѣвшимъ, спасутъ не одну бѣдную семью отъ окончательнаго разоренія, нищеты и голода.

---

### ПОЖЕРТВОВАНО:

Отъ Редакціи журнала «Дѣло»—10 р.—отъ С. Ф. Д—съ—1р.  
отъ Е. А. Б—вой—3 р.

Деньги эти высланы на имя священника села Высокаго, М. Предтеченскаго. Просимъ его о полученіи и назначеніи ихъ увѣдомить редакцію «Дѣла» и объявить о томъ-же въ «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ».

---

## СПИСОКЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ.

Редакція «Дѣла» доводитъ до свѣденія гг. читателей отчетъ отъ бузулукскаго городского головы по распредѣленію пособій между погорѣльцами города Бузулука:

	Руб.	Коп.
Чр. начальника губерніи. . . . .	2,429	53 <sup>3</sup> / <sub>4</sub>
Ф. Н. Красикова. . . . .	1,000	—
Чр. самарскую городскую управу . . . . .	961	—
Отъ конторы типографіи Каткова и К <sup>о</sup> . . . . .	821	—
Аржановъ . . . . .	500	—
Чр. бузулукскую городскую управу. . . . .	486	—
Прохоровъ . . . . .	300	—
Отъ бугурусланскаго городского головы. . . . .	258	50
Отъ редакціи журнала «Дѣло» . . . . .	231	70
М. А. Подгорновъ . . . . .	200	—
Отъ николаевскаго уѣзднаго исправника . . . . .	177	85
Балаковское волостное правленіе. . . . .	129	—
Отъ игумена бузулукскаго мужскаго монастыря . . . . .	100	—
За проданный чай . . . . .	99	34
» хлѣбъ . . . . .	92	28
Отъ чиновниковъ самарскаго губернскаго правленія . . . . .	90	—
Отъ усманскаго волостнаго правленія . . . . .	73	50
Чр. самарскаго городского голову . . . . .	60	—
Отъ неизвѣстнаго. . . . .	52	—
Киселевъ . . . . .	50	—
Неизвѣстный . . . . .	50	—
Субботинъ. . . . .	50	—
Отъ редакціи «Самарскихъ Вѣдомостей» . . . . .	33	—
Неизвѣстный . . . . .	30	—

Съ завода Балашовыхъ . . . . .	26	—
М. С. Зотовъ . . . . .	25	—
А. П. Феоктистовъ . . . . .	25	—
Отъ мѣщанскаго старосты . . . . .	25	—
Мурзаевъ . . . . .	25	—
Отъ малмыжской городской управы . . . . .	23	—
Отъ священника с. Коноваловки . . . . .	21	30
Т. Ф. Гусаровъ . . . . .	20	—
Отъ бугурусланскаго уѣзднаго казначейства . . . . .	20	—
Неизвѣстный . . . . .	15	—
Ситниковъ . . . . .	15	—
Н. А. Плѣшивцевъ . . . . .	10	—
Д. П. Бѣлоновскій . . . . .	10	—
М. С. Чачкинъ . . . . .	10	—
Н. Н. Токаревъ . . . . .	10	—
Пахомовъ . . . . .	10	—
Тоснинъ . . . . .	10	—
Заварицынъ . . . . .	10	—
Котовъ . . . . .	10	—
Неизвѣстный . . . . .	10	—
Самарское полицейское управленіе . . . . .	8	58 <sup>3</sup> / <sub>4</sub>
Отъ миров. поср. 3 уч. бузулукскаго уѣзда . . . . .	7	94
Петровъ . . . . .	6	—
Ефремо-зыковское волостное правленіе . . . . .	6	—
Усманское волостное правленіе . . . . .	5	20
А. П. Аграномовъ . . . . .	5	—
И. И. Павловъ . . . . .	5	—
П. П. Мясковъ . . . . .	5	—
Жигуловъ . . . . .	5	—
Матвѣевъ . . . . .	5	—
Вышинскій . . . . .	5	—
Медвѣдевъ . . . . .	5	—
Духовенскій . . . . .	5	—
Неизвѣстный . . . . .	5	—
Неизвѣстный . . . . .	5	—
Н. Н. Токаревъ . . . . .	3	—
Я. К. Михайловъ . . . . .	3	—
Максимовъ . . . . .	3	—
Шигорскій . . . . .	3	—
Дядимовъ . . . . .	2	—

Никол. уѣздное полицейское управленіе . . . . .	1	90
Червяковъ . . . . .	1	40
<hr/>		
Всего . . . . .	8,696	25 1/2

Кромѣ того пожертвовано:

Муки и зернового хлѣба до . . . . .	1,300	пудовъ.
3 тюка платья изъ самарской городской управы.		
2 » » отъ николаевского уѣзднаго исправника.		
1 » » » неизвѣстнаго.		
Холста изъ деревень до . . . . .	500	аршинъ.
Чаю одинъ цибикъ отъ самарскаго купца Г. Субботина.		
Г. Бахаревымъ пожертвовано для просушки землянокъ, устроенныхъ погорѣльцами, до . . . . .	40	жел. печ.
Роздано деньгами . . . . .	5,088	р. 37 к.

(Выдача производилась по 10 р. на домовладѣльца и 5 р. на семью, неимѣющую дома. А такъ-какъ въ числѣ пожертвованій были и вещи (платье, обувь и т. д.), то каждую выдаваемую вещь предварительно оцѣнивали и лицамъ, получившимъ такое пособіе, доплачивалось количество денегъ, недостающее до определенной нормы денежнаго пособія).

Хлѣбомъ (мукой) до . . . . .	1,000	пудовъ.
Всѣ присланныя вещи на сумму до . . . . .	300	рублей.

Кромѣ того израсходовано:

На покупку счетныхъ книгъ для комитета и на поч- товые расходы . . . . .	2	р.
Жалованья писцу комитета . . . . .	23	р. 33 к.

Пособія выданы 792 семействамъ.



1 90  
1 40  
96 25 1/2

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

00 пудл.

„ДЪЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Троицкому пер., д. Гасов № 13.)

аршнѣ.

Вышелъ и продается третій и послѣднй выпускъ  
сочиненiя

Ч. ДАРВИНА

сл. печ.  
р. 37 в.

ПРОИСХОЖДЕНIЕ ЧЕЛОВЪКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Съ рисунками. Перев. съ англйскаго подъ редакцiей Г. Е. Благо-  
свѣтлова. Изд. Редакцiи журнала „ДЪЛО“.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ  
листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна третье-  
му выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

новъ.  
идей.

НВ. Въсто ст. Т. Гексли: «Критики Дарвина», обѣщанной, какъ прило-  
женiе къ 3-му выпуску, редакцiя наша возможнымъ издать отдѣльную книжку  
съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности. Книжка  
эта будетъ выпущена въ непродолжительномъ времени.

33 в.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка бесплатно, а ино-  
городныхъ, желающихъ получить ее, просить выслать 50 р. на пересылку, изъ  
какой-бы то ни было мѣстности—деньгами или почтовыми марками.

Тамъ же продаются слѣдующiя изданiя Редакц. журнала „Дѣло“.

О подчиненiи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Перев.  
съ англйскаго подъ редакцiей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. 2-е. Ц.  
1 р. безъ перес. На пересылку—за 1 фунтъ.

Уроки элементарной физиологии, Томаса Гексли. Изда-  
нiе второе. Перев. съ англйскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писа-  
рева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р. На пересылку—  
за 1 фунтъ.

Исторiя Крестьянской войны въ Германiи. Д-ра  
В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ.  
Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печ. ли-  
стовъ. Изданiе второе. Ц. тремъ томамъ безъ перес. 2 р. На пе-  
ресылку—за 3 фунта.

**Одинъ въ полѣ—не воинъ.** Романъ Фр. Шпильгагена, Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущаго*—Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома. Ц. 2 р. безъ перес. На пересылку — за 3 фунта.

**Популярная гигиена.** Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиены*, д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова „Безпредѣльность гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб. На пересылку прилагается за 2 фунта

**Комедія всемірной исторіи, Юг. Шерра.** Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣм. Въ 2-хъ томахъ. 1-й томъ только-что вышелъ вторымъ изданіемъ. Цѣна обоимъ томамъ 3 р. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта. Отдѣльно первый выпускъ продается за 2 р. безъ перес.

**Отъ Земли до Луны—97-мъ часовъ прямого пути.** Жюль Верна. Перев. съ франц. Ц. безъ переплета 50 к.; а въ переплетѣ 1 р. На пересылку—за 1 фун.

**Сочиненія Э. М. Толстаго.** Съ предисловіемъ. Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта.

**Усовершенствованіе и вырожденіе человѣч. рода.** В. М. Флоринскаго. Ц. 50 коп. безъ перес.; съ перес. 80 к.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ слѣдующія книги:

**Политическіе этюды Жака Лефрена.** (Исторія Франціи. Политическіе портреты. Очерки политическихъ событій въ различныхъ странахъ). Въ 2-хъ томахъ, около 40 печат. листовъ. Цѣна 3 р. безъ перес.

**О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ.** Соч. д-ра Жюль Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р. безъ перес.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, какъ и книгопродавцамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ. Пересылка считается особо.



- XIX. ОДНО ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ЗОЛЪ. Эпизодія. П. ЗАСОДИМСКАГО.  
XX. ВЕЗПОРЯДКИ ВЪ ХАРЬКОВѢ . . . . .  
XXI ВЪДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПОГОРЬЛЬЦЕВЪ НА  
Р. ИРГИЗЪ. . . . .

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С. Петербургѣ, по Троицкому переулку, д. Гасоо, № 13)

ВЫШЛИ И ПРОДАЮТСЯ  
ЗАПИСКИ ВОЕННАГО.

Беллетристическіе очерки изъ военнаго быта.

*Д. К. Гирса.*

(автора „Старой и Юной Россіи“).

Цѣна 1 р. 60 к. безъ пер., съ перес. 1 р. 80 к.

Подписчикамъ на журналъ «Дѣло» и книгопродавцамъ дѣляется уступка 20%  
съ вышеозначенной цѣны.

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ ТРЕТІЙ И ПОСЛѢДНІЙ ВЫПУСКЪ  
СОЧИНЕНІЯ ДАРВИНА:

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА

И

половой подборъ.

Перев. съ англійскаго подѣ редакціею Благосвѣтлова.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ  
листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна третье-  
му выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

НВ. Въмѣсто ст. Т. Гексли: «Критики Дарвина», обѣщанной какъ прило-  
женіе къ 3-му выпуску, редакція наша возможнымъ издать отдѣльную книжку  
съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности. Книжка  
эта будетъ выпущена въ первыхъ числахъ будущаго мая.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка **бесплатно**, а ино-  
городныхъ, желающихъ получить ее, просить выслать 50 к. на пересылку, изъ  
какой бы то ни было мѣстности — деньгами или почтовыми марками.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала  
Дѣло въ 1872 году и 2) объ изданіяхъ редакціи журнала Дѣло.



ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

# „ДѢЛО“

ВЪ 1872 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи, въ  
Троицкомъ переулкѣ, домъ Гассе, № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа,  
на Невскомъ проспектѣ, по Гостин-  
ному двору, №№ 18, 19 и 20.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловь-  
ева, бывшій Бабунова, на Страстномъ  
бульварѣ, въ д. Алексѣева.

## ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДѢЛО“:

Безъ пересылки и доставки . . . . .	14 р.
Съ пересылкою иногородн . . . . .	15 » 50 к.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . . . .	15 »

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—  
19.; Франція и Данія—21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и  
Греція—21 р.; Швейцарія—22 р.; Италія—23 рубля.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручитель-  
ствомъ гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.





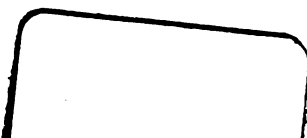
This book should be returned to  
the Library on or before the last date  
stamped below.

A fine is incurred by retaining it  
beyond the specified time.

Please return promptly.

~~AUG 15 1964 H~~

~~345-980~~



Widener Library



3 2044 079 301 891